

**Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное агентство по образованию
Курганский государственный университет
Курганское областное общество краеведов**

ЕМЕЛЬЯНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

**Материалы Всероссийской научно-практической конференции
«IV Емельяновские чтения»
Курган, 24-25 апреля 2009 г.**

Курган 2009

УДК 9(063)

ББК 63лО

Е 60

IV Емельяновские чтения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Курган, 24-25 апреля 2009 г.). – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2009. - 198 с.

Печатается по решению научного совета Курганского государственного университета.

Рецензенты:

Сорокин Ю.А., д-р ист. наук, проф. Омского гос. ун-та им. Ф.М. Достоевского
Могутнов В.П., д-р ист. наук, профессор, академик АВИН, начальник кафедры гуманитарных и социально-экономических наук Курганского пограничного института ФСБ РФ

Настоящее издание представляет сборник докладов и сообщений участников IV Всероссийской научно-практической конференции «Емельяновские чтения - 2009», посвященной памяти известного ученого – доктора исторических наук, профессора, заслуженного работника высшей школы РФ Н.Ф.Емельянова, работавшего в Курганском государственном университете с 1987 по 2002 г.

В сборник включены доклады и сообщения более 100 авторов из университетов, вузов, академических учреждений, архивов, краеведческих обществ из 24 городов России, таких как Елабуга, Коломна, Казань, Уфа, Петрозаводск, Стерлитамак, Екатеринбург, Оренбург, Пермь, Челябинск, Верхотурье, Каменск-Уральский, Нижний Тагил, Нижневартовск, Тобольск, Барнаул, Бирск, Кемерово, Омск, Томск, Курган, Варгаши, Куртамыш, Шадринск. В сборнике представлены материалы исследований актуальных проблем истории России, Сибири, Урала и Южного Зауралья.

Редакционная коллегия:

В.А. Кислицын, канд. ист. наук, доцент (отв. ред.); Д.Н. Маслюженко, канд. ист. наук, доцент (отв. ред.); В.В. Пундани, д-р ист. наук, профессор; В.В. Менщиков, д-р ист. наук, профессор.

ISBN 978-5-86328-980-9

© Курганский
государственный
университет, 2009
© Авторы, 2009

Оргкомитет конференции:

Кислицын В.А. - канд. ист. наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории и документоведения Курганского государственного университета, председатель оргкомитета

Кузнецов А.П. - д-р биол. наук, профессор, проректор по научной работе Курганского государственного университета

Пундани В.В. - д-р ист. наук, профессор Курганского государственного университета, действительный член Академии военных наук

Павлуцких Г.Г. - канд. ист. наук, доцент Курганского государственного университета, декан исторического факультета

Менщиков В.В. - д-р ист. наук, профессор Курганского государственного университета, заведующий кафедрой теории и истории государства и права

Маслюженко Д.Н. - канд. ист. наук, доцент Курганского государственного университета, заведующий кафедрой культурологии, зам. предс. оргкомитета

Менщиков И.С. - канд. ист. наук, доцент Курганского государственного университета, заведующий кафедрой историографии, методологии и теории истории

Шилов С.Н. - канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории Курганского государственного университета

Скородумов И.В. - ассистент кафедры отечественной истории и документоведения Курганского государственного университета

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

В.В.Пундани
Курганский государственный университет,
г. Курган

ПРЕПОДАВАТЕЛИ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА КГУ НА НИВЕ КЛИО

Сегодня на 5 кафедрах исторического факультета Курганского государственного университета (отечественной истории и документоведения, историографии, методологии и теории истории, всеобщей истории, философии и культурологии) работает 57 преподавателей. Из них 9 докторов наук (исторических – Ю.Н.Кряжев, В.В.Менщиков, В.В.Пундани, В.И.Усанов, М.Н.Федченко), философских – О.В.Кузнецов, А.В.Медведев, И.Н.Степанова, Б.С.Шалютин; в том числе – 8 профессоров и один доцент.

Это 35 кандидатов наук: исторических – С.А.Арефьева, Л.А.Евдокимов, В.А.Кислицын, Т.В.Козельчук, М.М.Козлова, С.С.Коновалов, И.Г.Коурова, Д.Н.Маслюженко, И.С.Менщиков, Г.Г.Павлуцких, В.В.Пестерев, В.В.Подливалов, Г.А.Прохорова, С.В.Путилин, В.Г.Савельев, К.А.Фомичёв, Т.Э.Шевченко, С.Н.Шилов, В.М.Шур); философских – Г.В.Богомолова, М.А.Греков, В.А.Иванова, Г.К.Игнатьева, Т.А.Кирик, Е.Н.Костылев, В.В.Лешков, Т.Л.Пантюхина, Н.А.Пушкарёва, Т.Н.Романюк, Р.Ю.Царёв, Т.Н.Шихардина, Н.Г.Юровских; педагогических – Г.В.Янович, Н.А.Леготина.

Это 10 старших преподавателей (историки – Б.В.Архипов, В.А.Алексеев, И.В.Ежков, А.Н.Колесников, М.Н.Тайболина, С.Г.Фёдоров; философы – М.В.Лизунова, М.В.Остроухова, Е.И.Тишкина, О.Б.Фоминых и 3 ассистента-историка – А.И.Кулинич, Е.А.Рябинина, И.В.Скородумов.

Очевиден значительный научный, творческий потенциал преподавательского состава нашего факультета.

При оценке этого потенциала может возникнуть ряд правомерных вопросов – когда, при каких условиях сложились такие преподавательские кадры исторического факультета. Для ответа на них необходимо осуществить определённый экскурс в прошлое и данного факультета и вуза в целом. В связи с акцентом в названии данной авторской темы материал публикации будет посвящён преимущественно преподавателям исторических кафедр.

В 1952 г. на базе Шадринского педагогического института был создан Курганский государственный педагогический институт, одним из трёх факультетов которого стал историко-филологический. На нём работали три кафедры: истории СССР, всеобщей истории, русского языка и литературы.

На исторических кафедрах работали кандидаты исторических наук, доценты, выпускники Московского государственного пединститута А.А.Кондрашенков, Ленинградского государственного университета – В.А.Горелов, Н.А.Лапин, В.В.Прусс, Ленинградского государственного пединститута им. А.И.Герцена – З.А.Атлас, Киевского государственного университета – А.С.Минский, Минского педагогического института – Я.С.Зингер.

На лекциях и семинарах эти преподаватели приучили в хорошем смысле этого слова студентов к углублённой, серьёзной, творческой работе с литературой, первоисточниками, архивными документами, умению делать

самостоятельные, обоснованные выводы, вступать в полемику по сложным, дискуссионным проблемам истории...

Преподаватели кафедр русского языка и литературы, кандидаты филологических наук, доценты М.И.Корная, Р.П.Сысуева, Г.Ф.Мясников, М.Д.Янко, П.М.Войцеховский, доценты П.А.Сергеев, В.И.Котов, Н.П.Садовой на своих занятиях привили студентам глубокую любовь к своим предметам, умение быть предельно грамотными в сферах орфографии, пунктуации, синтаксиса, учили их нестандартно мыслить, стилистически красиво излагать ход своих размышлений!

Преподаватели-историки знакомили студентов факультета с результатами своих научных изысканий в публикациях статей в местной периодической печати того времени, в газетах «Шадринский рабочий», «Советское Зауралье» (А.А.Кондрашенков), «Молодой ленинец» (Н.А.Лапин), в начавших издаваться с 1958 г. «Учёных записках Курганского пединститута» (А.А.Кондрашенков, Н.А.Лапин, В.В.Прусс, А.С.Минский).

В 60-х гг. ушедшего XX в. в библиотеке КГПИ, в читальном зале вуза, в областной библиотеке г. Кургана студенты получили возможность изучать материалы уже не только статей своих преподавателей по истории феодальной, буржуазной, советской России, но и монографий по истории различных категорий крестьян, аграрным проблемам Зауралья, общественно-политическим движениям, их деятелям в масштабах России, таких её регионов, как Западная Сибирь. Это работы А.А.Кондрашенкова «Очерки истории крестьянских восстаний в Зауралье в XVIII в.», «Крестьяне Зауралья в XVIII-XIX вв. Часть 1. Заселение территории русскими. Часть 2. Экономика и положение». Челябинск, 1966-1968; Н.А.Лапина «Революционно-демократическое движение в 60-х гг. XIX в. в Западной Сибири».

С появлением «Учёных записок» в вузе, на факультете была заложена хорошая традиция «обкатки» научных поисков студентов. Так, в 1962 г. в «Записках» (№4), посвящённых 300-летию основания городов Кургана и Шадринска, увидела свет статья студента 3 курса факультета В.В.Подливалова «Учителя и учащиеся г. Кургана в первой революции 1905-1907 гг.» Его работа, получившая премию на конкурсе научно-исследовательских работ студентов, была написана полностью на основе анализа вводимых впервые в научный оборот документов из архивов Курганской и Челябинской областей.

С начала 60-х гг. А.А.Кондрашенков и Н.А.Лапин начали активно участвовать в работе Всесоюзного симпозиума по изучению проблем отечественной аграрной истории.

В 60-х гг. на страницах центральных журналов курганские учёные подняли ряд важных проблем, связанных с актуальностью многих регионоведческих тем. В 1962 г. А.А.Кондрашенков в журнале «Вопросы истории» №10 публикует статью «Об основании города Кургана», в которой называет около десяти дат, имеющих в исторической литературе о времени появления слободы «Царёво Городище»! Вопрос по этой дате окончательно до сих пор не закрыт.

В 1965 г. Н.А.Лапин в журнале «История СССР» №6 в статье «Дома декабристов в Кургане» поднял тему о доме ссыльного декабриста М.Н.Нарышкина, расположенного на берегу Тобол. Историк предлагал превратить этот дом в музей, который должен стать одним из примечательных мест г. Кургана. Через 10 лет такой музей появился, и он по праву считается одним из лучших музеев декабристов в России. Его посетили десятки тысяч не только наших соотечественников, но и зарубежных гостей!

В 60-х годах кроме уже названных учёных кафедры на ней работали преподаватели И.Е.Плотников, Р.П.Пономарёва, А.П.Григоров, Е.И.Терещенко, Г.А.Прохорова. Они стали кандидатами исторических и педагогических наук (в соответствующем порядке) в 1965, 1968, 1973, 1976 гг., окончив аспирантуры Уральского, Тамбовского, Ленинградского государственных университетов и Московского государственного педагогического института.

В 1964 г. начала работать старшим лаборантом кафедры истории СССР, а затем – в лаборатории краеведения выпускница факультета О.Е.Потанина. Получив в 1969 г. ставку старшего преподавателя, читала курсы лекций «История СССР досоветского периода», «Историческое краеведение», «Основы государства и права», вела педагогическую и музейную практику. У коллег и студентов имела большой авторитет.

О.Е.Потанина одной из первых за Уралом предприняла попытку исследовать практически до настоящего времени неизученный основательно вопрос о наличии в Зауралье крепостного права, помещичьего землевладения. Итогом разработки темы была публикация её статьи «Попытки создания помещичьего землевладения в Курганском округе в 40-50-х гг. XIX в.» в сборнике «Из истории Южного Урала и Зауралья» (Вып. №4. Челябинск, 1969).

В течение многих лет А.А.Кондрашенков, Н.А.Лапин, О.Е.Потанина вели сбор и археографическую обработку документов центральных и местных архивов для создания хрестоматии «Зауралье в документах. XVII - первая половина XIX в.». Однако опубликовать в то время книгу не удалось. Только в 1995 г. составленная и отредактированная преподавателями кафедры истории КГПИ «Хрестоматия по истории Курганской области (досоветский период)» (события доведены до 1917 г.) увидела свет.

В 60-х – начале 70-х гг. на кафедре истории СССР сложился коллектив преподавателей, основным содержанием исследований которых стала аграрная история страны, таких её своеобразных регионов, как Урал, Зауралье, в том числе Южное, Западная Сибирь в широких хронологических рамках XVII - XX вв.

Знаменательным в истории кафедры, факультета, вуза, Курганской области, её учёных был 1968 г. В этом году в Институте Истории АН СССР А.А.Кондрашенков защитил диссертацию на соискание учёной степени доктора исторических наук. Он стал в нашем регионе первым историком такого ранга и уровня. По существу это событие означало официальное признание в стране сложившейся в стенах КГПИ научной исторической школы.

В этом же году в г. Челябинске была издана давно ожидаемая книга «Очерки истории Курганской области», написанная коллективом преподавателей института (Т.М.Потёмкина, А.А.Кондрашенков, Н.А.Лапин, В.В.Прусс, В.А.Горелов, Н.С.Шляпников, Н.Н.Кузьмин, З.М.Филиппова), кандидатом исторических наук из Курганского машиностроительного института А.М.Курочкиным и журналистом С.С.Глебовым.

Выход названной монографии явился основанием для написания подобного труда, но адаптированного для учащихся школ Курганской области, изданного в 1975 г., с учётом накопленного за прошедшие годы нового материала, в том числе – археологического.

В написании учебного пособия для учащихся 7 - 10-х классов школ нашего региона «История родного края» участвовали А.П.Григоров (отв. ред.), Т.М.Потёмкина, О.Е.Потанина, И.Е.Плотников, Е.И.Терещенко, В.В.Пундани, Р.П.Пономарёва, Н.М.Ушаков, Г.А.Прохорова, З.М.Филиппова, У.А.Долганов, Ю.М.Рабинович, М.Д.Янко.

В 90-х гг. ушедшего XX и начавшемся новом XXI в. «Очерки истории Курганской области» явились фунда-

ментом при создании семитомной «Истории Курганской области».

С чувством глубокой благодарности хочется отметить роль в становлении автора данного выступления как учёного моего научного руководителя по кандидатской диссертации – доктора исторических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РСФСР А.А.Кондрашенкова, вернувшегося с Курганской земли на родную Смоленщину. Под его началом я учился в аспирантуре Смоленского государственного педагогического института в 1969-1973 гг. Он же был и моим научным консультантом по докторской диссертации. В своей личной библиотеке имею более 20 работ А.А.Кондрашенкова – монографий, научных статей, начиная с первых, увидевших свет в 60-х гг. XX в., и завершая первыми годами XXI в. с его автографами с добрыми пожеланиями жизненного и творческого долголетия.

Второй ведущей кафедрой на факультете была кафедра всеобщей истории. Её преподаватели читали студентам цикл исторических дисциплин: историю древнего мира, средних веков, новую и новейшую историю, историю стран Европы и Америки, историю стран Азии и Африки, историографию и источниковедение всеобщей истории.

С 1952 г. на кафедре всеобщей истории начал работать З.А.Атлас, участник Великой Отечественной войны, освобождавший Украину, Белоруссию, Польшу от немецких захватчиков, Германию – от фашистов, имевший боевые награды. В 1951 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Австрийская социал-демократия на службе империалистической реакции в годы первой мировой войны».

Работая в нашем вузе 45 лет, З.А.Атлас читал сложнейшие курсы лекций по новейшей истории Европы и Америки, Востока, постоянно совершенствовал их достаточно «зыбкую» материю, сам создавал эти курсы по свежим следам событий. Научные публикации З.А.Атласа основаны на анализе первоисточников, преимущественно на немецком и английском языках, которыми он владел в совершенстве.

Более 50% ссылок первоисточников, на основании которых написана одна из статей З.А.Атласа «Политика аншлюса австрийской социал-демократии (октябрь-ноябрь 1918 г.)» объёмом более 2 п.л., опубликованная в сборнике научных работ «Проблемы социально-экономического развития Западной Европы в период империализма» (Вып.3. Челябинск, 1976) дано на немецком языке. Эта публикация дорога мне кроме ценного научного содержания ещё и хорошим личным автографом её автора!

Работавший на кафедре всеобщей истории А.С.Минский кроме основного курса лекций по истории средних веков читал спецкурсы «История дипломатии средневековья», «Внешняя политика СССР», «Современные международные отношения». Знал латинский, немецкий, украинский языки.

На кафедре всеобщей истории с 1955 по 1980 гг. работал Я.С.Зингер – также человек энциклопедических знаний: в совершенстве знал историю средних веков, читал курс лекций по новой истории стран Востока, блестяще владел немецким языком. Это обеспечило ему успешную работу по переводу первоисточников с этого языка. Во время творческих командировок в Москву и Ленинград Я.С.Зингер собрал богатейший материал. На основании его фундаментального анализа он опубликовал две статьи: «Средневековые ереси» и «Плебейские массы Мюнстера у власти» (последняя увидела свет в изданном в Институте истории СССР сборнике «Средние века»).

Студенты хорошо запомнили высказанную Я.С. Зингером мудрую мысль о том, что человек не может полноправно называть себя историком, если плохо разбирается в современных ему событиях!

В 60-х гг. на кафедре всеобщей истории работали увлечённые, высококвалифицированные молодые преподаватели Т.М.Потёмкина и И.Г.Будимирова. Под руководством Т.М.Потёмкиной многие студенты приняли участие в археологических экспедициях на территории Курганской области. Результатом анализа собранного материала стала публикация Т.М.Потёмкиной в «Очерках истории Курганской области» параграфа «Первобытнообщинный строй и возникновение классового общества в Зауралье» в первой главе «Южное Зауралье в далёком прошлом». Ею также была написана первая глава учебного пособия для учащихся 7-10-х классов школ Курганской области «История родного края» по теме «Наш край в древности».

С 1964 по 1978 г. на кафедре всеобщей истории работал старшим преподавателем выпускник исторического факультета КГПИ (окончил его с «отличием») А.В.Худяков, имевший медали «За победу над Германией» и «За освоение целинных и залежных земель». Студенты факультета запомнили Александра Васильевича как великодушного лектора, глубоко знающего курс новейшей истории стран Востока, руководителя интереснейшего спецсеминара по истории международного рабочего и коммунистического движения.

Стоявшие у истоков исторического образования и науки южнозауральского региона преподаватели КГПИ были преимущественно выпускниками столичных университетов, институтов, кандидатами наук, доцентами, частично – выпускниками КГПИ и ШГПИ. Все они вложили в учебный процесс, в научный поиск много энергии, оптимизма, духовной силы, энтузиазма, энциклопедических знаний, эрудиции, подлинной интеллигентности, высокой нравственности и культуры, привили студентам огромную тягу к знаниям, к научным – особо, к активной жизненной позиции, к самоутверждению, к востребованности.

В конце 60-х годов началось «хождение» в науку (и не только историческую) выпускников КГПИ 50-х – начала 60-х годов: Л.В.Катаева, Л.А.Евдокимова, И.А.Гайшина, Н.М.Ушакова, Ю.И.Долгих, В.В.Подливалова, В.В.Пундани, М.М.Козловой, С.А.Арефьевой. Все они закончили аспирантуру Москвы, Ленинграда, Смоленска, Свердловска, Челябинска, успешно защитили там диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Кроме уже названных бывших студентов КГПИ в аспирантуру в то же время поступили Б.И.Осипов, Б.А.Александрова, В.П.Таскаев, Ю.А.Кудяшев, В.В.Никулин (в соответствующем порядке они стали кандидатами филологических, философских, физико-математических, экономических наук). Б.И.Осипов в 1980 г. стал доктором филологических наук.

Вторая волна «хождения» в науку пошла в 70-е годы ушедшего XX в. В аспирантуру Москвы и Ленинграда поступили, успешно их окончили и защитили кандидатские диссертации А.Н.Саливон, А.И.Фельдшер, Н.Н.Куминов, К.А.Фомичёв, бывшие студенты и выпускники КГПИ, получившие отличный закал Курганской научной исторической школы.

Большинство вышеназванных выпускников вуза сегодня работают на кафедрах исторического факультета КГУ. В 1985 г. в жизни кафедры истории СССР, вуза, Курганской области снова произошло знаменательное событие: в Московском государственном педагогическом институте была успешно защищена диссертация на соискание учёной степени доктора исторических наук И.Е. Плотниковым на тему «Советы и крестьянство Ура-

ла в 1921-1932 гг.» (с 1989 г. он – профессор).

В 1987 г. на кафедре истории СССР начал работать выпускник Томского государственного университета Н.Ф.Емельянов, в 1989 г. защитивший докторскую диссертацию в Уральском государственном университете г. Свердловска на тему «Среднее Приобье в феодальную эпоху (социально-экономическая и политическая история)».

В 1990 г. из кафедры истории СССР выделилась кафедра истории России досоветского периода, переименованная в 1991 г. в кафедру истории России. Её заведующим стал Н.Ф.Емельянов.

В 1990 г. при этой кафедре (сегодня – отечественной истории и документоведения) была открыта аспирантура по специальности «07.00.02 – отечественная история». В этом же году в вузе состоялась первая конференция краеведов, учредившая их областное Общество под председательством Н.Ф.Емельянова.

В 1991 г. в Институте истории и археологии Уральского отделения РАН автором этих строк была защищена докторская диссертация на тему «Государственная деревня Урала и Западной Сибири во второй половине XVIII – первой половине XIX в.».

В 90-х годах кафедры истфака пополнились новыми выпускниками вуза, прошедшими через аспирантуру при кафедре и успешно защитившими кандидатские диссертации в диссертационных советах КГПИ – П.А.Свищёв, В.А.Никитин, В.Г.Савельев, В.В.Менщиков (выпускник Пермского государственного университета), Челябинского государственного университета – Г.Г.Павлуцких и О.Ю.Винниченко. Пришёл в наш вуз окончивший аспирантуру в 1980 г. при Академии общественных наук в Москве кандидат исторических наук В.А.Кислицын.

За 10 лет работы диссертационного совета при КГПИ, с 1995 г. – Курганского государственного университета (до 2003 г. – совета по защите диссертаций на соискание учёной степени кандидата исторических наук, с 2003 г. – совета по защите диссертаций на соискание учёной степени доктора исторических наук) в нём защитили диссертации 32 аспиранта нашего вуза и 22 аспиранта из вузов Челябинского государственного педагогического университета, Челябинского государственного университета, Челябинского Южно-Уральского государственного университета и Оренбургского государственного педагогического университета.

Научными руководителями защищавшихся в нашем совете аспирантов были доктора исторических наук, профессора Н.В.Емельянов, И.Е.Плотников, автор этих строк, В.И.Усанов, Ю.Н.Кряжев, кандидаты исторических наук, доценты О.Ю.Винниченко, В.А.Кислицын, В.В.Менщиков, Г.Г.Павлуцких, П.А.Свищёв.

Официальными оппонентами на защитах кандидатских диссертаций в нашем совете были преподаватели наших исторических кафедр – О.Ю.Винниченко, Л.А.Евдокимов, В.А.Кислицын, И.Г.Коурова, Г.Г.Павлуцких, В.В.Подливалов, В.Г.Савельев, В.И.Усанов, С.Н.Шилов.

Тематика защищавшихся аспирантами диссертационных работ во многом традиционно была связана с аграрной историей одного из своеобразных российских регионов – Южного Зауралья, его колонизацией, освоением, проблемами местного управления на Урале и в Зауралье, с вопросами истории православия и старообрядческого движения, духовной и материальной культуры населения Урала и Зауралья, с историей сельских и городских сословий, служилого населения Западной Сибири, казачества двух сопредельных регионов, промышленности Южного Зауралья, историей археологического изучения регионов, военно-политической деятельности Николая II Романова и т.д.

Если в 1996 г. в нашем совете успешно была защищена кандидатская диссертация выпускницы КГПИ, ас-

пирантки Л.Ю.Зайцевой на тему «История православной церкви Южного Зауралья в досоветский период» (научн. рук. – Н.Ф.Емельянов), то в 2000 г. ею же также успешно была защищена в диссертационном совете Омского государственного технологического университета докторская диссертация на тему «История православной церкви Зауралья (60-е годы XIX в. – 1918 г.)» (научный консультант – Н.Ф.Емельянов).

В 2001 г. в Казанском государственном университете защитил диссертацию на соискание учёной степени доктора исторических наук преподаватель кафедры историографии, методологии и теории истории М.Н.Федченко на тему «Молодые производственники Урала. Исторический опыт социализации (1945 – начало 60-х гг.)».

В 2004 г. в диссертационном совете КГУ была защищена диссертация на соискание учёной степени доктора исторических наук преподавателя кафедры отечественной истории В.В.Менщикова на тему «Русская колонизация Зауралья в XVII–XVIII вв.: общее и особенное в региональном измерении» (научный консультант – автор этих строк). В январе 2005 г. экспертный совет ВАКа утвердил решение о присуждении соискателю учёной степени доктора исторических наук.

С 2000 г. в нашем совете были успешно защищены кандидатские диссертации аспирантов В.М.Щура, В.В.Пестерева, Д.Н.Маслюженко, Д.М.Совкова, С.В.Путилина на темы (в соответствующем порядке: «Тюркское население Южного Зауралья в феодальную эпоху (демография, экономика» (научн. рук. – Н.Ф.Емельянов), «Пространственная организация населения в процессе русской колонизации Зауралья. Конец XVI- первая половина XVIII в.» (научн. рук. – В.В.Меншиков), Д.Н.Маслюженко на тему «Южное Зауралье в средние века (этнополитический аспект)» (научн. рук. – В.В.Меншиков), «Крестьянская семья Южного Зауралья (генеалого-демографический аспект (на примере крестьянских родов Примияссыя конца XVIII – начала XX в.)» (научн. рук. – П.А.Свищёв) и «Служилое население Западной Сибири в конце XVI – начале XVIII вв. (историко-мировоззренческий аспект)» (научн. рук. – Г.Г.Павлуцких). В.М.Щур, В.В.Пестерев, С.В.Путилин являются преподавателями кафедры отечественной истории и документоведения. К сожалению река Времени досрочно взяла из наших рядов замечательных молодых коллег П.А.Свищёва и Д.М.Совкова.

Кафедра отечественной истории КГУ неоднократно являлась ведущим учреждением по диссертациям на соискание учёной степени кандидата и доктора исторических наук в диссертационных советах учёных из вузов Екатеринбурга (Институт истории и археологии УрО РАН, УрГУ), Челябинска, Тюмени. Автор этих строк неоднократно выступал официальным оппонентом при защите кандидатских и докторских диссертаций учёных из вузов Екатеринбурга, Челябинска, Тюмени.

Крупным научным направлением в работе кафедр исторического факультета стало исследование с 1996 г. темы «История и духовная культура Урала и Зауралья» (по 2000 г. – под руководством Н.Ф.Емельянова). С 2001 г. по 2005 г. этой темой руководил автор этих строк. С 2006 г. тема несколько модифицировалась и звучит сегодня как «Социокультурная история Урала и Зауралья с древнейших времён до начала XXI в.» (руководитель прежний).

В разработке названных тем приняли участие все преподаватели исторических кафедр; до 2000 г. – совместно с филологами. С 2001 г. это направление истории ведут самостоятельно.

В данной теме имеются подтемы, разработкой которых руководили И.Е.Плотников, В.В.Меншиков, В.И.Усанов, И.С.Меншиков, В.В.Подливалов. На сегодняш-

ний день подтемами руководят В.В. и И.С.Меншиковы.

В разработке названных тем принимали и принимают самое активное участие аспиранты, обучающиеся в аспирантуре КГУ, по своим разработкам они публикуют научные статьи, готовят материалы кандидатских диссертаций к защите.

По итогам НИР за прошедшее время участвовавшие в ней преподаватели, аспиранты опубликовали 721 научную статью, 14 монографий, 2 хрестоматии, 5 учебных пособий, 33 сборника научных трудов, защитили 24 кандидатских и 2 докторские диссертации; приняли участие в работе международных, всероссийских, межрегиональных, региональных, областных научных, научно-практических конференций, симпозиумов, чтений.

Профессорско-преподавательский коллектив, аспиранты исторического факультета КГУ явились участниками различного ранга и уровня научных форумов в таких городах Российской Федерации, как Курган, Шадринск, Челябинск, Екатеринбург, Пермь, Уфа, Тюмень, Омск, Томск, Новосибирск, Барнаул, Иркутск, Нижневартовск, Санкт-Петербург, Москва, Тверь, Смоленск, Таганрог, Вологда, Тамбов, Калуга, Арзамас...

Очевидна высокая научная активность коллег исторического факультета КГУ!

О наших преподавателях есть информация в таких солидных изданиях, как «Историки Урала» (Екатеринбург. Институт истории и археологии УрО РАН, 2003), в двухтомном библиографическом издании словаря «Историки России» (Саратов, 2005).

В.В. Меншиков
Курганский государственный университет,
г.Курган

НАЧАЛО РУССКОГО ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОГО ОСВОЕНИЯ ЗАУРАЛЬЯ

При высоких темпах продвижения русских переселенцев вглубь Сибири хозяйственное освоение новых территорий, безусловно, не успевало за стремительно продвигающимся «фронтиром». Тем не менее, земля вокруг первых русских поселений сразу же стала вводиться в хозяйственный оборот. Не только переселявшиеся крестьяне, но и служилые люди в Сибири активно занимались хлебопашеством. Это было жизненно необходимо ввиду крайней сложности в обеспечении продовольствием растущего населения Сибири.

Государство организовало обязательные поставки хлеба из Европейской России уже с конца XVI в. В грамоте царя Федора Ивановича воеводе В.П. Головину о сборе с поморских городов хлебных запасов для отправки в Сибирь, о посылке туда «посошных людей» для постройки амбаров, житниц и судов от 15 декабря 1597 г. говорилось: «И всего велено отвести з городов с Перми, и с Вятки, с Выми, с Солей Вычеготских, с Устюга Великово в новый город на Верхотурье четыре тысячи восемь сот десять четей муки ржаной, 746 четей толкна и 746 четей круп. А под хлебные запасы 2099 подвод с «посошными людьми» (1, 13). Распределение данной повинности по различным поморским центрам было следующим. Пермская земля – 2055 четей муки и различных круп, 685 подвод; Вятская земля – 1951 четей муки и круп, 650 подвод; Вымь – 339 четей муки и круп, 113 подвод; Соль

Вычегодская – 680 четей муки и круп, 226 подвод; Устюг Великий – 1277 четей муки и круп, 425 подвод (1, 11-12). На первом месте по объемам поставки продовольствия стоит Пермская земля, что вполне объяснимо, так как она максимально близко была расположена к Сибири, затем шла Вятская земля, как раз следующая по близости к Зауралью. Распределение поставок продовольствия оказывалось подобным распределению мест выхода переселенцев в Зауралье.

Но указанные мероприятия оказывались недостаточно эффективными, в частности, по причине значительной растянутости коммуникаций. Поэтому развитие собственного сибирского земледелия, создание внутрисибирской продовольственной базы являлось поистине государственной задачей. Это и обусловило темпы хозяйственного освоения восточных территорий.

Как отмечает Я.Е. Водарский, «темпы земледельческого освоения Урала был весьма высоким: в XVII в. – 2,5 млн десятин, в XVIII в. – почти 4... Всего за два столетия было освоено 7,5 млн десятин. Лес, покрывавший в XVII в. больше половины территории, был вырублен на пространстве около 12 млн десятин» (3, 55). Справедливости ради отметим, что указанные темпы уничтожения лесов на Урале были обусловлены не только, а скорее не столько, земледельческим освоением, сколько потребностями горнозаводской промышленности этого региона. Но темпы освоения действительно были достаточно высокими, особенно это проявлялось на начальном этапе. Так, данные 1625 г. по ближним вотчинам Тобольского архиерейского дома показывают двойное увеличение за год крестьянской запашки – с 13,75 до 25,75 четей (четыре – 1/2 десятины) (9, 29). В любом случае, XVII-XVIII вв. стали определяющим временем в сельскохозяйственном освоении Урала и Сибири. Уже в 1685 г. было принято решение о прекращении обязательных поставок продовольствия в Сибирь.

Главным элементом формирующейся хлебопроизводящей системы было, конечно же, крестьянское хозяйство. Именно крестьяне-переселенцы стали центральным звеном в хозяйственном освоении Сибири. Хотя первоначально далеко не последнее значение в этом процессе принадлежало другим категориям населения – казакам, стрельцам, посадским и др. Но по мере русского освоения сибирского субконтинента роль крестьянства постоянно возрастала. Это убедительно доказывают данные, приводимые О.Н. Вилковым. По его подсчетам, в 1624 г. среди тобольских посадских людей пашню имели 31 человек (44,4%), а в 1698 г. таковых оказалось 68 человек, но они составляли всего 22% (2, 169). Та же самая тенденция касалась и служилых людей, причем в большем масштабе. Если в 1624 г. пашню имели 26% тобольских служилых людей, то в 1700 г. всего 5% (2, 170).

К концу XVII в. на территории Зауралья (Верхотурско-Тобольский земледельческий район по классификации В.И. Шункова) было сосредоточено 75% всех крестьян-дворохозяев Сибири (8280). В это же время с 77291 десятины собиралось здесь примерно 315764 8-пудных четвертей хлеба в год (2, 167). Таким образом, именно Зауралье стало основной хлебопроизводящей базой Урало-Сибирского региона уже в XVII в. Это определялось и высоким уровнем товарности земледелия в Верхотурско-Тобольском земледельческом районе. На Тобольский рынок приходило 14,3% всего хлеба, производимого в Тобольском уезде. Причем, как отмечает О.Н. Вилков, реальный уровень товарности был еще выше, так как в приведенном показателе не учтены закупки хлеба, непосредственно производимые в слободах (2, 173).

Регулирующая функция государства в хозяйственном

освоении сибирских территорий проявлялась, в частности, в организации так называемой «десятинной пашни» – своеобразной формы отработочной ренты (барщины) в пользу государства, весь урожай с которой направлялся на обеспечение, прежде всего, служилого населения сибирских острогов неземледельческой зоны освоения. Проблема продовольственной обеспеченности гарнизонов острогов постоянно находилась в центре внимания приказной и воеводской администрации. В деловой переписке часто обращалось внимание на возможность заведения пашни вокруг новых острогов и других русских поселений. Так, например, в грамоте тобольским воеводам князю Ю.Я. Сулешову и Ф.К. Плещееву от 19 января 1625 г. говорилось: «А про пашню в Кузнецком остроге, можно ли пашня завести, учинил бы ты, боярин наш князь Юрий Яншеевич, по своему вымотру, как достоин, мочно ли в Кузнецком остроге пашня завести, и прочно ли будет» (8, 45). Не всегда ответ на подобные вопросы был утвердительным. Многочисленные попытки завести пашню возле Пельыма закончились безрезультатно – вечная мерзлота, скудость почв, слишком короткий вегетативный период стали непреодолимым препятствием на пути земледельческого освоения значительной части таежной Сибири. Даже в конце XIX в. территории, расположенные севернее Тобольска, не играли важной роли в продовольственном обеспечении Сибири. С.К. Патканов так писал о крестьянских поселениях по р. Демьянке: «Хотя пашни здешних крестьян и невелики..., этого количества вполне достаточно, чтобы прокормить в продолжение года небольшую семью» (7, 132). Имевшееся аграрное производство в этих условиях играло исключительно местное значение. Поэтому усилия по развитию аграрного производства переселенцев и администрации были успешны лишь там, где имелись благоприятные природно-климатические условия.

В отписке кетского воеводы стряпчего Д.И. Хруцова от 25 ноября 1664 г. писалось: «... ис твоих, великого государя, русских городов с Устюга Великого, от Соли Вычегодской, с Ваги, и с Еринского горотка, и с Вятки, и с Пустозерского острогу крестьяне з женами и з детьми идут многие в сибирские городы». И дальше воевода предлагает: «... теми людьми можно пахотных завести... и твой, великого государя, острог лзя прокормить и бес тобольской присылки, и пашни твой, великого государя, можно завести многие» (8, 113). Воеводская администрация пыталась перенимать опыт заведения государевой пашни в Тобольском уезде. Тем не менее, Тобольский уезд и Зауралье, в частности, оставались на протяжении всего XVII в. главным центром сибирского земледелия.

В.И. Шунков отмечал, что «пашенные крестьяне (т.е. работавшие на десятинной пашне в XVII в. – В.М.) жили в 22 слободах Тобольского уезда в количестве 4390 дворов, равняясь по величине половине всех государственных крестьян, в 3 раза превышая численность хлебооброчных и на одну треть денежнооброчных» (12, 17). Обратим внимание на то, что среди оброчных крестьян явно преобладали те, кто выплачивал денежный оброк, что убедительно доказывает активное развитие товарно-денежных отношений на вновь осваиваемых территориях. Видимо, сложности жизни (растянутость коммуникаций, нехватка рабочей силы, этнополитическая нестабильность и т.п.) делали в конечном итоге более эффективной денежную форму ренты, нежели натуральную.

Однако сами крестьяне тяготились обработкой десятинной пашни, стремясь перейти на разные формы оброка. Это видно из анализа крестьянских челобитных, проведенного А.А. Преображенским: «В 1690 году шадринский приказчик получил из Тобольска грамоту, в кото-

рой содержалось решение по челобитью 18 крестьян Шадринской слободы. Крестьяне просили «десятинную пашню свои жеребьи пахать на своих собинных пашнях для их скудности и дальнего расстояния, а семена б им иметь из государевых житниц». Подобные челобитные были и от других шадринских крестьян: Лазарь Коростин и его товарищи писали, что живут от Шадринской слободы далеко (25 верст). Поэтому во время работ на десятинной пашне «во все годы они находили и севами своими опаздывают, и от того они разорились до конца». В результате эти крестьяне были переведены на оброк. Затем еще 26 крестьян в том же 1690 г. добились перевода на хлебный оброк. Таким же образом действовали крестьяне Маслянской и других зауральских слобод (10, 86).

В конце XVII в. местная воеводская администрация все чаще начинает сразу предусматривать хлебный или денежный оброк в наказных грамотах на основании новых слобод. В подобной грамоте на основании Крутихинской слободы в 1684 г. сразу оговаривался денежный оброк (4, 168об). То же самое содержалось и в грамоте на основании Солтосарайской слободы в 1693 г.: «И Великие Государи пожаловали бы их велели б на том месте порожнем вновь построить слободу из денежного оброку» (11, 509об).

Но администрация не могла сразу отказаться от десятинной пашни. В указанных выше документах нередко наряду с денежным оброком упоминалась и десятинная пашня. А.А. Преображенский отмечал, что «на юге Тобольского уезда и во второй половине XVII в. администрацией усиленно внедрялась в новых пунктах десятинная пашня» (10, 98), что объяснялось, видимо, обилием довольно плодородной земли. Здесь мы сталкиваемся с аналогом тенденции, проявлявшейся в Европейской России – дифференциацией форм феодальной ренты в зависимости от качества и плодородия земли (например, преобладание форм отработочной ренты в Черноземье).

Однако, если рассматривать данное явление в динамике, то к рубежу XVII-XVIII вв. явно намечается тенденция к увеличению числа хлебо- и денежнооброчных крестьян. В 1667 г. в Тобольском уезде насчитывалось 76 оброчных дворов, а на десятинной пашне – 890 дворов (соответственно – 8,2% и 91,8%). Через 14 лет, в 1681 г., 501 двор (23,8%) был хлебооброчным, на десятинной пашне – 1591 двор (76,2%) (10, 98). Доля оброчных дворов возросла почти в три раза. В это время полностью хлебооброчными были, например, следующие зауральские слободы – Белозерская, Белоярская, Суерская, Царево Городище, Утятская. Росло число и денежнооброчных слобод, к началу XVIII в. таковых уже насчитывалось 40% (10, 99). По данным «Ведомости сибирских городов» 1701 г. в Тобольском уезде в 22 слободах было 3526 крестьян, работавших на десятинной пашне, оброчных же насчитывалось 323 человека, но в 43 слободах (8, 139). По ряду городов это соотношение было следующим: Тюмень – пашенных крестьян было 370 человек, оброчных – 347; по Верхотурью пашенных 1151, оброчных – 295; в Туринске насчитывалось 553 пашенных крестьянина, оброчных – всего 58 человек (8, 141, 143, 154). Разброс в показателях довольно велик.

Последние данные при ближайшем рассмотрении не совсем согласуются с первыми. Но, во-первых, в этом документе не указано число денежнооброчных крестьян и слобод, поэтому определить точно долю пашенных и оброчных крестьян не представляется возможным. Во-вторых, как мы уже отмечали, воеводская администрация не отказывалась от заведения десятинной пашни и стремилась, где это было возможно, ее создавать. Вполне возможно, что в данный промежуток могло произойти

временное увеличение доли пашенных крестьян. И, наконец, в-третьих, все-таки отмеченная нами тенденция увеличения значения оброка в процессе формирования государственных хлебных запасов, в конечном итоге, находит подтверждение и в этом документе. Здесь отмечено 43 оброчных слободы, в то время как пашенных – всего 22 (практически двукратное преобладание).

Размер десятинной пашни определялся не произвольно. Первоначально предполагалось установить следующее соотношение – одна десятинная «государевой» (десятинной) пашни на четыре десятины «собинной» (собственно крестьянской) запашки (5, 62). Однако наличие большого количества свободной земли и, как следствие, практика захватного землепользования приводили к тому, что данное соотношение, как правило, не соблюдалось. К началу XVIII в., по данным А.А. Кондрашенкова, в Западной Сибири соотношение десятинной и «собинной» пашни было 1 к 5,5 (6, 63). В наказных «памятках» (грамотах), упоминавшихся нами выше, соотношение традиционное – 1 к 4: «Которые крестьяне уговорятся... десятинные пашни пахать на выть на две десятины с четью... а собинные на себя пахать пашни на десяти десятин в поле, а в дву потому ж. А которые крестьяне уговорятся на полвыты на десятину с полчетью и тем крестьянам... собинной их пашни на себя пахать по пяти десятин в поле, а в дву потому ж» (11, 511-511об). Отметим, что при определении соотношения за основу берется государственный интерес, а именно объем повинности – обязательство пахать определенный размер десятинной пашни, в зависимости от этого крестьянину разрешалось иметь в пользовании определенный участок «собинной» запашки. Но в действительности, как мы уже отметили, в условиях захватного землепользования крестьяне имели в хозяйственном обороте больше земли, чем это определялось в официальных документах. В конечном итоге в 1721 г. сибирский губернатор князь Черкасский приказал определять размеры отработок крестьян независимо от количества земли, находящейся в пользовании того или иного земледельца (5, 199).

Список литературы

1. *Верхотурские грамоты конца XVI-начала XVII в. М., 1982.*
2. *Вилков О.Н. Тобольск – центр хлебной торговли Западной Сибири XVII в.// Русское население Поморья и Сибири (период феодализма). М., 1973.*
3. *Водарский Я.Е. Земельные угодья и землевладения на Урале в XVII-первой половине XIX в.// Крестьянство Урала в эпоху феодализма. Свердловск, 1988.*
4. *Государственный архив Шадринска (ГАШ), ф. 224, д. 3243.*
5. *История Сибири. Л., 1968. Т. 2.*
6. *Кондрашенков А.А. Крестьяне Зауралья в XVII-XVIII вв. Часть 2. Челябинск, 1969.*
7. *Патканов С.К. Сочинения. В 2 т. Очерк колонизации Сибири. Т. 2. Тюмень, 1999.*
8. *Первое столетие сибирских городов. XVII век. Серия: История Сибири. Первоисточники. Вып. VII. Новосибирск, 1996.*
9. *Покровский Н.Н., Ромодановская Е.К. Предисловие// Тобольский архиерейский дом в XVII веке. Серия: История Сибири. Первоисточники. Вып. IV. Новосибирск, 1994.*
10. *Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI-начале XVIII. М., 1972.*
11. *Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 199, д. 481, т. 2.*
12. *Шунков В.И. Вопросы аграрной истории России. М., 1974.*

В.А. Кислицын
*Курганский государственный университет,
г. Курган*

ПРИЧИНЫ СОВРЕМЕННОГО ФИНАНСОВОГО И СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА: ПОПЫТКА СИСТЕМНОГО АНАЛИЗА

Человеческая цивилизация в целом, и Россия в частности, переживают сегодня чрезвычайно сложный и ответственный период развития. На планете разразился финансовый и социально-экономический кризис небывалого масштаба.

Современная ситуация ныне ставит перед нами десятки вопросов и мы не всегда успеваем оперативно и убедительно ответить на вызов времени. Мы тоже не претендуем на то, что сумеем на них ответить.

Мы находимся в абсолютно необычной ситуации и должны хорошо осознать, проанализировать, понять, в чем же специфика момента, каковы основные причины кризиса, и, исходя из этого, решить, а как же в этой ситуации действовать, какие задачи поставить на первое место, какие формы и методы выбрать, какой должны быть стратегия и тактика действий.

Поэтому не буду злоупотреблять цифрами, их в различной литературе и прессе очень много (1). Постараюсь остановиться прежде всего на наиболее важных, существенных моментах.

В чем специфика и необычность современной ситуации? Она вытекает из самой сути кризиса. О ней сегодня спорят политики и ученые, писатели и журналисты, историки и философы, политологи и экономисты.

Собираются саммиты (встречи на высшем уровне) типа G-20 – лидеров двадцати ведущих стран мира, экономические форумы, подобно Давосу, где встречались политики и экономисты вместе с олигархами, научные конференции, разного рода «круглые столы» в редакциях газет и журналов, дискуссии на телевидении, где идет обсуждение глобального вопроса: а с чем же столкнулась наша цивилизация, в какой ситуации оказались те или иные страны, в том числе Россия и ее регионы?

Еще с 1990-х годов выпускаются многочисленные монографии и статьи, в которых предпринимаются попытки проанализировать современное развитие мира и России (2). Во многом, уже в них можно найти причины происходящих сегодня событий. И тем не менее, настоящее время рождает все новые и новые вопросы.

Камо грядеши? Куда идут Россия и весь мир? И самые любимые вопросы: Кто виноват? И что делать?

И ведь очень важно именно сегодня поставить правильный диагноз ситуации, ведь без правильного диагноза можно пытаться лечить не ту болезнь. А если выписать не тот рецепт и прописать не те лекарства - это чревато самыми тяжелыми последствиями для больного.

Особенно важно определить причины болезни. Но и здесь существует колоссальная разногласия.

Зачастую все сваливается на эгоизм американских финансовых олигархов, которые своими корыстными действиями загнали весь мир в кризис. Наверное, это отчасти и верно, но неправильно все причины сводить к этому. Есть и мнение, что это рукотворный кризис, спровоцированный для того, чтобы провести новое перераспределение собственности и капиталов, поделить уже разделенные источники сырья и рынки сбыта. И в этом тоже есть своя железная логика, опирающаяся на уроки нескольких столетий развития мирового капитализма. Но

все гораздо сложнее и глубже.

15 ноября 2008 года в Национальном архитектурном музее в Вашингтоне прошел антикризисный саммит G-20 лидеров двадцати крупнейших стран мира. Общей целью встречи стало обсуждение мер по борьбе с глобальным финансовым кризисом и реформированию мировой финансовой архитектуры. По-видимому, выбор места встречи не случаен и очень символичен.

Итоговым документом форума «Большой двадцатки» стала «Декларация саммита «Группы двадцати» по финансовым рынкам и мировой экономике». В ней анализируются причины кризиса, дается оценка уже принятым мерам, определяются меры, которые предстоит принять, в том числе незамедлительно и на среднесрочную перспективу (3).

Для объективного и равнодушно наблюдателя, разумеется, прежде всего, важно то, какие оценки дают мировые лидеры **причинам глобальной кризисной ситуации.**

И вот здесь-то сразу возникает немало серьезных вопросов.

Среди коренных причин нынешнего кризиса на саммите названо то, что в «существовавших ранее в текущем десятилетии условиях быстрого глобального роста, увеличивавшихся потоков капитала и длительной стабильности участники рынка, стремясь к получению высоких прибылей, не учитывали должным образом имеющихся рисков и действовали без надлежащего предварительного анализа».

Кроме того, перечисляются и такие факторы, как «слабые нормы в отношении гарантий», «непродуманные методы управления рисками», «растущая сложность и непрозрачность финансовых продуктов и вытекающее из этого чрезмерное использование кредитов для биржевой игры», которые в своей совокупности привели к появлению в этой системе уязвимых мест.

Перечисленное, разумеется, важно для постижения причин кризиса. Но, в свою очередь, все это является следствием более важной причины, которая почему-то не названа вообще. И понятно, почему. Невыгодно господам капиталистам признавать то, что негодны не отдельные несущие конструкции здания, а порочна вся конструкция, вся виртуальная архитектура.

Ведь стремление к извлечению **сверхприбыли и есть сама суть мировой капиталистической системы, которая толкает капитал на любые немислимые риски.** Вспомните К.Маркса, который прямо говорил о том, что капитал в погоне за прибылью пойдет на любое преступление даже под страхом виселицы.

А размеры сверхприбыли, получаемой нынешней финансовой олигархией, оторвавшейся от производства и создающей гигантские виртуальные доходы порой «из воздуха», несопоставимы с XIX веком.

Капитализм в эпоху империализма уже породил две мировых войны, гонку вооружений, «холодную войну» и десятки и сотни локальных войн, как вампир высасывая для «золотого миллиарда» все соки из остального человечества. Но, упаси господи, разве об этом можно было говорить между своими на саммите двадцатки? Это все под строжайшим секретом!

Хотя еще в 1992 году крупнейшая международная экологическая конференция в Рио-де-Жанейро уже признала общество потребления (читай, капитализм) смертельно опасным для человечества и призвала искать новые пути для развития цивилизации. Тогда эти выводы постарались замолчать, тем более, что события в СССР отодвинули их на задний план. Да и слишком лакомой была возможность продержаться и пожировать за счет ограбления ресурсов прежней сверхдержавы.

Поэтому рецепты, выписанные доктором G-20, а затем встречей в Давосе носят половинчатый характер и производят противоречивое впечатление. С одной сто-

роны, в Декларации саммита говорится о решительных и значительных мерах «по стимулированию наших экономик», «обеспечению ликвидности», «укреплению капитала финансовых организаций», «защите сбережений и вкладов», «устранению изъянов в сфере регулирования», «размораживанию» кредитных рынков.

Немало в ней призывов и заклинаний «сделать еще больше для стабилизации финансовых рынков и поддержания экономического роста», о «необходимости более широкой стратегии реагирования, основанной на более тесном макроэкономическом сотрудничестве». Президент России Д.А.Медведев даже предложил реформировать существующую мировую финансовую систему, и даже создать международную контролируемую комиссию, своего рода мировой инвестиционный совет, в который вошли бы «финансовые гуру».

Но в то же время участники той и другой встречи выразили общую приверженность **«открытым рынкам и свободной торговле»** и отметили: «Мы руководствуемся уверенностью, что **принципы рыночной экономики** наряду с эффективным регулированием финансовых рынков – ключ к экономическому росту» (4). Об этом же говорил и В.В.Путин в Давосе. Вот тебе, бабушка, и Юрьев день... Откуда уехали, туда и вернулись.

А может вернуться лицом к марксизму, как это делает сегодня весь мир? Взять в руки Маркса, Энгельса и Ленина (5)? Но не как школяры в поиске готовых ответов на все случаи жизни, а для того, чтобы использовать диалектико-материалистический метод, позволяющий трезво анализировать реальную действительность и видеть противоречия общественного развития.

Вспомните опыт советского социалистического общества, современного Китая, Вьетнама, Кубы, опыт выхода из кризиса США на рубеже 20-30-х годов XX века, выхода из кризиса Германии и Японии после окончания второй мировой войны, посмотрите на то, что происходит в Латинской Америке.

Внимательно прочитайте программные документы современных социалистических и коммунистических партий, где также даются оценки происходящего и определяются ориентиры для выхода и ситуации.

Поэтому **давайте на этой комплексной основе попытаемся выделить главное, сущностное из всего того, что мы сегодня знаем.**

Во-первых, кризис по своему масштабу носит **глобальный** всепланетарный всеохватывающий, пожалуй, даже эпохальный характер, способный привести не только к косметическим, но и коренным изменениям в развитии не только отдельных стран, но и всего человечества. Некоторые теоретики считают, что цивилизация в целом подошла к новому рубежу своего развития, и человечество стоит перед выбором – по какому пути пойти, чтобы выжить? То есть мировой кризис носит **цивилизационный характер**.

Во-вторых, это **системный, формационный кризис**, то есть кризис не только отдельных сторон, но и всей капиталистической системы, всей формации, которая зашла в тупик. Современный капитализм господства финансовой олигархии, базировавшийся на спекулятивной лжеэкономике, где 80% капиталов создавалось в непродвинутой сфере, исчерпал свои ресурсы и оказался неспособен к дальнейшему развитию. Более того, его дальнейшее существование стало смертельно опасно для всего человечества.

Как не вспомнить В.И.Ленина, который писал о паразитическом характере финансовой олигархии, о том, что капитализм в эпоху империализма (монополистического капитализма) становится загнивающим и умирающим. На наших глазах с силой урагана разрушаются мифы о благах глобализации, о непревзойденной эффективности капитализма, о достоинствах «свободного рынка».

В-третьих, кризис не только не обошел стороной Россию, она вновь является самым слабым звеном в системе империализма.

И это не случайно, так как Россия с неизбежностью тоже стала и не могла не стать жертвой кризиса, ибо вопреки её истинным интересам она была втянута в мировое капиталистическое хозяйство в качестве его сырьевого придатка. При этом её промышленность и сельское хозяйство были подавлены в интересах западных конкурентов.

Об этом прямо говорят такие авторитетные специалисты, как Евгений Примаков, Андрей Илларионов, Юрий Маслюков.

В-четвертых, Курганская область отнюдь не оказалась лучше всех подготовленной к кризису. Просто она развивалась в последние годы в менее благоприятных условиях, чем богатые регионы и население не привыкло жить в комфортных условиях. В крупных же регионах, где сегодня стали рушиться предприятия, оставшиеся без заказов и кредитов, стала резко расти безработица (и явная, и скрытая), началось урезание зарплат и сокращение социальных льгот после десятилетия относительной стабильности, шок от кризиса оказался гораздо выше.

А что же дальше? Каковы варианты дальнейшего развития?

Основных вариантов, по крайней мере, три.

1. Меры, принимаемые правительством, приведут к выходу из кризиса. Но это возможно только при очень серьезной корректировке экономической и финансовой политики. Сможет ли на это пойти нынешняя политическая элита? Или же пойдет на ужесточение внутренней политики?

2. Перерастание социальных проблем в стихийный и беспощадный бунт. И на этой основе - вариант «оранжевой революции», раскол и развал на этот раз уже самой России на части. Это самый нежелательный вариант развития.

3. Переход к регулируемой экономике, государственному контролю за ценами и тарифами, к широким и реальным социальным программам по сбережению народа, а для этого - полнокровное пополнение бюджета за счет прогрессивного налогообложения, возврата в государственную казну доходов от национальных богатств – природных ресурсов, крупнейших предприятий.

Как распорядится история на деле, покажет только время.

Список литературы

1. Мрачная картина мира// *Ведомости*. 2009. 23 апреля; ФРГ ожидает глубокий кризис// *PBK daily*. 2009. 23 апреля; У Британии потекла крыша // *Время новостей*. 2009. 23 апреля; Россияне впали в депрессию // *Ведомости*. 2009. 23 апреля.
2. Арин О.А. *Россия в стратегическом капкане*. М.: Алгоритм, 2003; Видьманов В.М. *Кто виноват? И что делать?* М.: ЗАО «Газета «Правда», 2003; Глазьев С.Ю. *Геноцид*. М.: ТЕРРА, 1998; Зиновьев А.А. *Посткоммунистическая Россия: Публицистика 1991-1995 гг.* М.: Республика, 1996; Зюганов Г.А. *Постигжение России*. М.: Мысль, 2000; Кара-Мурза С.Г. *Советская цивилизация*. М.: Алгоритм, 2002; Паршев А.М. *Почему Америка наступает?* М.: ООО «Издательство АСТ», 2002.
3. См.: *Грани.ру*, 15.11.2008; *РБК*, 16.11.2008; *Интерфакс*, 16.11.2008; *РИА «Новости»*, 16, 17.11.2008.
4. См.: Декларация саммита «Группы двадцати» по финансовым рынкам и мировой экономике// *Официальный сайт Президента РФ www.kremlin.ru* 15-16 ноября 2008 г.; *Теория архитектуры* // *Ведомости*. 2008. 17 ноября; Андрей Колесников. *Саммит девятнадцати* // *Коммерсант*. 2008. 17 ноября.
5. *Карл Маркс вернулся* // *Гардиан*. 2008. 15 октября.

СЕКЦИЯ I. АГРАРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ИСТОРИИ РОССИИ

Н.В. Андреева

Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург

ВЛИЯНИЕ КРЕСТЬЯН-ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ В XVIII – XIX ВЕКАХ

По В.О. Ключевскому: «История России есть история страны, которая колонизируется. Область колонизации в ней расширялась вместе с государственной ее территорией. То падая, то поднимаясь, это вековое движение продолжается до наших дней» (3, 5).

Наличие большого резерва свободного жизненного пространства и естественных ресурсов позволяло российскому государству решать многие экономические и социальные проблемы «экстенсивными», отличными от западных стран, методами.

Еще с древних времен стоял вопрос о заселении и освоении «окраин» империи. Этот процесс шел медленно, так как приходилось осваивать территории, которые отличались друг от друга местностью, климатом, культурой возделывания почвы и многим другим. Процесс освоения новых территорий шел несколькими путями – захватами, миграцией, принудительным заселением, налаживанием торговых отношений, организацией казачьих поселений и т.д.

Можно утверждать, что именно миграция и переселение населения из различных регионов сыграли важнейшую роль в истории нашей страны, что объясняется большим воздействием этих процессов на социально-экономическое, демографическое и культурное развитие страны.

Одной из окраин Российской империи являлся Оренбургский край, который начал активно заселяться с 30-х годов XVIII в. Понимая, что Оренбургская земля является воротами из Азии в Европу, царское правительство стало уделять больше внимания вопросам развития края и, прежде всего, заселению необъятных территорий за счет переселения народов из других регионов. Весомую роль в земледельческом освоении края играло пришлое крестьянское население: русские, татары, чуваша, украинцы и другие народы, они приносили с собой веками сложившуюся культуру земледелия, агротехнические навыки и приемы. Своим упорным трудом они поднимали целину, расширяли пахотные земли, способствовали переходу башкир и казахов от полукочевого хозяйства к земледелию и, в конечном итоге, превращению края в район крупного производства хлеба.

Рассмотрим, как повлияло переселение украинских крестьян на социально-экономическое развитие Оренбургского края.

Основная масса украинцев прибыла и поселилась на территории Оренбургской области в самом конце XIX и начале XX века и лишь незначительная часть украинцев прибыла в первой половине XIX в.

По данным оренбургских исследователей, в 60-х гг. XIX в. на территории современной Оренбургской области

насчитывалось около девяти сот населенных пунктов, среди которых значилось 12 украинских селений с 1986 дворами и населением примерно 14 314 чел. (5, 69)

Процесс переселения украинцев в пределы области в пореформенное время являлся частью широкого крестьянского переселенческого движения, которое носило характер стихийного, слабо регулируемого властями миграционного процесса. Они сотнями и тысячами устремлялись на восток, в Заволжье, Оренбургские степи. Главной причиной, вынуждавшей крестьян покидать родные места, распродавать имущество и отправляться в далекий путь в поисках свободной земли и лучшей доли, было малоземелье, а также возрастающие недоимки.

Насколько интенсивно шел приток крестьян-украинцев в Оренбургскую губернию, можно судить из сравнения итогов первой Всероссийской переписи 1897г. с данными о числе украинцев в области в 60-х годах XIX в.

Так, по данным первой Всероссийской переписи 1897г., только в пределах Оренбургского и Орского уездов (без городов) насчитывалось уже 38 905 чел. украинцев (в Оренбургском уезде – 29 942 чел., в Орском - 8 963 чел.) (6).

Следовательно, по сравнению с 60-ми годами XIX в., то есть примерно за 30 лет, число украинцев в Оренбургском и Орском уездах увеличилось почти в 3 раза. За этот 30-летний период на территории этих уездов возник целый ряд украинских и украинско-русских селений, например, с. Георгиевка Александровского района, с. Ильинка Белозерского района, с. Петропавловка Екатериновского района и др.

За период времени между 60-ми годами XIX в. и первой Всероссийской переписью 1897г. украинское население заселяет и юго-западную часть области - в пределах современных населенных пунктов - Мустаевского, Тепловского и Ташлинского, входивших в момент переписи в Уральский уезд Уральской области. По переписи 1897г. в Уральском уезде показано 1 593 чел. украинцев (7).

Переселение украинцев, как и других переселенцев, направляющихся в заволжские степи, шло исключительно за счет средств самих переселенцев. Дальнейший рост численности украинского населения в пределах области связан с переселенческой политикой после революции 1905г. и началом реформ П.А. Столыпина, когда царизм путем переселения малоземельных крестьян из центральных и южных губерний России в Сибирь, на Кавказ и оренбургские степи пытался разрешить аграрный вопрос.

С целью ослабления борьбы крестьянства за землю правительство изменяет свою политику в отношении крестьянских переселений, старается организовать переселение «беспокойных крестьян» в Сибирь, казахстанские и заволжские степи. Закон от 6 июня 1904 г., дополненный правилами от 10 марта 1906г., давал полную свободу переселению крестьян при помощи Крестьянского банка с распространением права собственности переселенцев на занятую землю. Это увеличило приток украинцев в Оренбургье и конкретно в Орский уезд. На территории современных районов Восточного Оренбургья - Адамовского, Домбаровского, Ясенского возникло 78 украинских поселений с населением в 43,4 тыс. чел. (4, 378)

Как свидетельствуют архивные документы, переселение шло из следующих губерний: Киевской, Волынской, Подольской, Черниговской, Полтавской, Харьковской, Таврической, Одесской, Екатеринославской и т.д.

Названия отдельных поселений украинцев также указывают на район выхода переселенцев. Переселенцы, обосновавшись на новом месте, часто называли свой поселок именем губернии, уезда, в которых они жили до переселения. Так произошли названия сел и поселков Екатериновка, Полтавка, Днепровка, Харьковка и т.д. (1, 10)

Согласно архивным данным, за 150 лет украинцами основано более 280 населенных пунктов, что сыграло важную роль в хозяйственном освоении нашего края и, прежде всего, внедрении высокой культуры земледелия (8, 23).

В ходе заселения Оренбургского края развивалось земледелие. Развитию хлебопашества благоприятствовало обилие плодородных земель; потребность в товарном хлебе возросла в связи с развитием горнозаводской промышленности, расположением большого количества регулярных войск, ростом областных городов, увеличивающимся вывозом хлеба в Казахстан.

Стремясь к росту численности населения на отдаленной Оренбургской окраине, царские власти помимо переселений практиковали высылку разного рода «неблагонадежных», осужденных преступников, про штрафившихся чиновников, военных и других. Сюда попадали люди за «худое поведение», составление «непозволительных прошений», жалоб, за «возмущение» помещичьих крестьян, по многим другим поводам и обвинениям. Оренбургский архив сохранил много дел о высылке украинских крестьян и казаков под надзор полиции в Оренбургскую губернию за подстрекательство к аграрным беспорядкам, порочное поведение, кражи и разбои.

Царские власти рассматривали ссылку не только как меру пресечения крамолы и вольнодумства, но и как средство пополнения дешевой рабочей силой и солдатами гарнизонов этого еще мало заселенного края. Ссылные направлялись на строительство городов и крепостей, на заводы и промыслы, а также зачислялись в состав местных казачьих войск. Так, возникший в 50-е годы XVIII века Илецкий соляной промысел использовал почти исключительно труд ссыльных (2, 53).

Украинцы сыграли важную роль в хозяйственном освоении края. Преимущественно земледельческое украинское население принесло с собой исторически сложившуюся культуру земледелия. С поселением украинцев связано широкое применение волов при распашке. Переселенцы-украинцы стали развивать в оренбургских степях свиноводство, огородничество, бахчеводство, а также кустарные промыслы - гончарное, кузнечное дело и др. Несмотря на сложности и тяготы переселения, украинские крестьяне, гонимые нуждой и малоземельем, на рубеже XIX-XX веков продолжали активно осваивать регион Южного Урала. Кроме того, безболезненное влияние украинского населения было связано с тем, что украинские переселенцы не принесли с собой на Оренбургскую землю какие-либо новые верования и религиозные традиции. В своем большинстве они были православными. И, вливаясь в число православных верующих Оренбургской епархии, они имели поддержку не только со стороны губернских властей, но и со стороны епархиальных.

Колонизация объяснялась преимущественно малоземельем и истощением почв тех мест, откуда прибывали переселенцы, в то же время Оренбургский край с его обширными землями был благоприятен для колонизации, здесь можно было начать новую жизнь на новом месте.

Список литературы

1. ГАОО. Фонд 10. Оп. 6. Д. 33
2. История родного края / Под ред. Л.И. Футорянского. Челябинск, 1988. 176 с.
3. Ключевский В.О. Русская история / Под ред. Ю. Медведева М.: Изд-во Эксмо, 2005. - 912 с.
4. Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. М., 1950. Т. 2. 478 с.
5. Многонациональный мир Оренбуржья / Под ред. В.П. Торукало. Оренбург, 1994. 109 с.
6. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи. 1897: Материалы. СПб., 1904. Т. XXVIII: Оренбургская

губерния. (Таблица XIII: Распределение населения по родному языку).

7. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи. 1897: Материалы. СПб., 1904. Т. LXXXVI: Уральская область. Таблица XIII.
8. Этническая история и духовная культура украинцев Оренбуржья: состояние и перспективы развития: Материалы межрегион. науч.-практ. конф. Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2004. 122 с.

Е.В. Дианова

**Петрозаводский государственный университет,
г. Петрозаводск**

АГРАРНЫЙ ВОПРОС, КООПЕРАЦИЯ И КОММУНЫ В ТРУДАХ В.И. ЛЕНИНА И «СТАРЫХ» КООПЕРАТОРОВ

После Февральской революции в стране активизировалось общественное движение в поисках решения аграрного вопроса. Усилиями политических деятелей и ученых были созданы Главный земельный комитет, Лига аграрных реформ. Весной 1917 г. шла подготовка к Всероссийскому съезду крестьянских депутатов, на котором был избран исполнительный комитет Всероссийского Совета крестьянских депутатов, в состав всех этих организаций входили эсеры, социал-демократы и представители других социалистических партий.

Аграрный вопрос находился в центре внимания и кооперативных организаций. В состав Лиги аграрных реформ входили известные кооператоры и экономисты Н.Д. Кондратьев, Н.П. Макаров, К.А. Мацевич, П.П. Маслов, С.Л. Маслов, Н.П. Огановский, А.И. Стебург и А.В. Чаянов. При этом большинство ученых разделяло политическую программу эсеров о социализации земли. Социализация земли предполагала изъятие ее из частной собственности и переход в распоряжение самоуправляющихся общин с последующим ее распределением по трудовой потребительской норме между крестьянами. Необходимость социализации земли рассматривалась в различных публикациях экономистов и политиков. Так, А.В. Чаянов в книге «Что такое аграрный вопрос?», изложив свое видение путей развития сельского хозяйства, назвал аграрные реформы социализацией земли. Н.Д. Кондратьев также считал социализацию земли необходимым мероприятием и этой проблеме посвятил свою брошюру «Аграрный вопрос о земле и земельных порядках».

Полагая опорой будущих земельных отношений трудовое крестьянское хозяйство, ученые считали, что одна только социализация не может решить полностью аграрный вопрос, так как ликвидация крупных помещичьих имений и распределение земли между крестьянами приведет к увеличению мелких нерентабельных крестьянских хозяйств, в то время как более эффективными являются хозяйства крупные. Поэтому экономисты предлагали дальнейшее решение аграрного вопроса в России с помощью кооперации, объединения крестьянских хозяйств в кооперативные товарищества.

Широкое обсуждение различных проектов решения аграрного вопроса проходило во время работы I Всероссийского съезда крестьянских депутатов весной 1917 г. С докладами о земле выступали эсеры В.М. Чернов, С.Л. Маслов, П.А. Вихляев, изложившие свои взгляды о социализации земли и крестьянской кооперации.

На I Всероссийском съезде крестьянских депутатов с содокладом по аграрному вопросу выступал В.И. Ленин. В своей речи от имени партии большевиков Ленин

высказался о двух путях решения аграрного вопроса: первый путь – организация сельскохозяйственных наемных рабочих и беднейших крестьян. Второй путь, который рекомендовали большевики, состоял в том, чтобы «из каждого крупного хозяйства, из каждой крупнейшей помещичьей экономии были образованы образцовые хозяйства для общей обработки земли, при употреблении на это дело помещичьего скота, орудий и т.д. Иначе без этой общей обработки под руководством Советов сельскохозяйственных рабочих не выйдет так, чтобы вся земля была у трудящихся» (1; т.32, 185-186).

Ленин, предвидя возражения оппонентов, сказал: «Конечно, общая обработка вещь трудная, конечно, если бы кто-нибудь вообразил, что такую общую обработку можно сверху постановить и навязать, это было бы сумасшествием, потому что вековая привычка к отдельным хозяйствам сразу исчезнуть не может, потому что тут требуются деньги, требуется приспособление к новым условиям жизни». Однако в условиях крайней нужды возникает необходимость перейти к общей обработке земли, потому что «по-старому хозяйничать нельзя. Если мы будем сидеть по-старому в мелких хозяйствах, хотя и вольными гражданами на вольной земле, нам всем грозит неминуемая гибель, потому что разруха надвигается с каждым днем, с каждым часом» (1; т.32, С.187).

В.И. Ленин считал, что «мелкое хозяйство, при сохранении товарного хозяйства и капитализма, не в состоянии избавить человечество от нищеты масс». Он предложил радикальный способ создания крупных форм сельского хозяйства – образование крестьянских коммун: «Для общественной обработки земли нужно будет устроить коммуны. Коммуна – значит полное самоуправление, отсутствие всякого надзора сверху». В коммунах предполагалась «общая распахка общим скотом, общими орудиями помещичьих земель». Так произойдет образование «из каждого помещичьего имения достаточно крупного образцового хозяйства, которое бы велось на общественный счет Советами депутатов от сельскохозяйственных рабочих под руководством агрономов с применением наилучших технических средств». В.И. Ленин думал, что «на это крестьянство должно пойти на девять десятых» (1; т.31, 272, 428).

Для перехода к общей обработке земли в крупных образцовых хозяйствах «необходима всеобщая трудовая повинность», «нужна необыкновенно сильная и твердая власть, которая была бы в состоянии провести эту всеобщую трудовую повинность». Ее могли провести только Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, потому что «они, зная всю крестьянскую жизнь сверху донизу, могут установить трудовую повинность» и, таким образом, переход к общей обработке земли «совершался бы постепенно и осматрительно» (1; т.32, 188).

В первоначальном варианте статьи «Очередные задачи Советской власти» Ленин уточнил сущность сельской коммуны: «Каждая артель и земледельческое предприятие, каждое селение, переходящее к новому земледелию с применением закона о земле, является теперь в смысле демократических основ Советской власти самостоятельной коммуной с внутренней организацией труда» (1; т.36, 147).

Также В.И. Ленин предлагал проект создания коммун, ячеек будущего социалистического общества и на основе производительно-потребительных волостных кооперативных союзов: «При допущении всеобщей трудовой повинности это могла бы быть ячейка социалистического общества» (1; т.35, 206). Ленин так определил роль кооперации в построении государства рабочих и крестьян: «Кооператив, если он охватывает все общество, в котором социализирована земля и национализирована

ны фабрики и заводы, есть социализм». Задача Советской власти состояла в том, «чтобы распространить кооперативные организации на все общество, чтобы превратить всех граждан данной страны поголовно в членов одного, общенационального или, вернее, общегосударственного кооператива» (1; т.36, 161).

В апреле 1918 г. в статье «Очередные задачи Советской власти» и ряде других работ Ленин писал о создании социалистического государства как «всемирного кооператива трудящихся». Он считал, что «социалистическое государство может возникнуть лишь как сеть производительно-потребительских коммун, добросовестно учитывающих свое производство и потребление». Первым шагом по созданию социалистического государства как сети производительно-потребительских коммун должно было быть «принудительное объединение всего населения» в эти коммуны и «немедленный приступ к полному осуществлению всеобщей трудовой повинности, с наиболее осторожным и постепенным распространением ее на мелкое, живущее своим хозяйством без наемного труда крестьянство» (1; т.36, 74, 185).

Ленинские идеи относительно создания «всемирного кооператива трудящихся» сразу же нашли отклик в трудах ведущих теоретиков кооперативного движения. Так, с резкой критикой «германского марксизма» и современного «правительственного русского социализма» выступил профессор Ван Фомич Тотомиянц (1875-1964), известный русский кооператор, деятель кредитной и потребительской кооперации. Об идее создания «всемирного кооператива трудящихся» В.Ф. Тотомиянц написал следующее: «Представление об одной кооперативной ассоциации, охватывающей всех жителей мира, абсурдно. Кооперация распространяется и будет распространяться путем многочисленных ассоциаций неодинакового значения и размера». Кроме того, «кооперация основана на свободном соглашении, а не на принуждении» (2; 67, 42).

В.Ф. Тотомиянц попытался выявить различие между кооперацией и «германским марксизмом», которым руководствовались большевики. В отличие от марксистов, «кооператоры не разрушают индивидуальной собственности и не видят надобности устранить ее ни для предметов потребления, ни на орудия труда. Напротив, кооператоры стремятся посредством ассоциации сделать рабочих собственниками орудий производства»; «кооператоры не посягают на собственность других людей, а только требуют, чтобы им не мешали создавать свои богатства». По мнению В.Ф. Тотомиянца, «кооперация, в отличие от социализма, фактическое построение которого основывается на более или менее радикальном отрицании человеческой природы, покоится на постоянном законе экономике, т.е. на эгоизме», т.е. на принципе материальной заинтересованности (2; 92, 197, 52).

В.Ф. Тотомиянц подчеркивал особенность кооперативных организаций: «Кооперативы – экономические ассоциации, которые стремятся удовлетворить потребности, общие нужды членов и индивидуальные потребности. Кооперативы нарождаются без всякого принуждения со стороны, секрет их существования кроется в воле членов. А эта воля порождается ничем иным, как интересом, выгодой, ожидаемой в результате участия в кооперации. Все экономические ассоциации (кооперативы) задаются одной целью – принести своим членам экономическое благо». Главным побудительным мотивом вступления в кооператив является материальная заинтересованность путем сбережения в расходах на потребление или получение выгоды путем продажи через кооператив продуктов своего труда (2; 43, 44).

В.Ф. Тотомиянц затронул политику большевиков по введению коллективного земледелия путем насаждения

СОСТОЯНИЕ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ НА БИЙСКОЙ КАЗАЧЬЕЙ ЛИНИИ ПО МАТЕРИАЛАМ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПЕРЕПИСИ 1917 Г.

«производительных ассоциаций» - коммун, артелей и товариществ. «Производительные ассоциации» зависят от личности организаторов, от средств, необходимых для предприятия, и от характера самого предприятия. Организаторы и участники производственных кооперативов должны иметь навыки к сбережению и коллективному труду. Также «участники производственной кооперации должны обладать незаурядными нравственными и духовными качествами для того, чтобы справиться с предприятием. Кроме готовности приносить жертвы и солидарности, необходимы честность, способность к работе, умение вести дело» (2; 19).

С точки зрения В.Ф. Тотомианца, особого рассмотрения заслуживают другие виды сельской кооперации: кооперативные пекарни, сельскохозяйственные товарищества и общества, кредитные товарищества, страховые кооперативы, молочно-маслодельные кооперативы и др. Сельскохозяйственные товарищества имеют большое экономическое значение. Они ставят себе целью «доставлять сельским хозяевам на выгодных условиях доброкачественные удобрения, семена, средства против вредителей, корм для скота, земледельческие орудия, машины. Кредитные кооперативы помогают не только получить кредит, но и организовать потребление, улучшить производство, изменить его и даже насадить кооперативный сбыт (2; 22, 40).

Подчеркивая огромное социальное значение кооперации, В.Ф. Тотомианц писал: «Когда нация пройдет через воспитывающую школу кооперации, тогда она сможет развиваться спокойно, не боясь нашествия «внутренних варваров», которые превратятся в цивилизованных кооператоров» (2; 181).

Однако в период политики «военного коммунизма» теоретические рассуждения «старых» кооператоров вызвали у В.И. Ленина и его соратников пренебрежительное отношение и насмешки. В 1918-1919 гг. шла энергичная работа по насаждению коммун и колхозов. При переходе к нэпу Ленин признался в том, что «эти опыты, как таковые, сыграли и отрицательную роль, когда люди, полные самых добрых намерений и желаний, шли в деревню устраивать коммуны, коллективы, не умея хозяйничать, потому что коллективного опыта у них не было. Опыт этих коллективных хозяйств только показывает пример, как не надо хозяйничать: окрестные крестьяне смеются или злобствуют» (1; т.43, 71). В.И. Ленин понял необходимость поддержки индивидуального крестьянского хозяйства, на чем настаивали «старые» кооператоры. На X съезде РКП(б) он сказал, что нет оснований бояться того, что «поднимется мелкое земледелие и мелкая промышленность». Государство на практике должно осуществлять поддержку мелкого крестьянского хозяйства как основы сельскохозяйственной кооперации. Подъему мелкого крестьянского хозяйства должна была способствовать сельская кооперация, которая в будущем облегчит его переход к крупному производству на началах добровольного объединения. В известной статье «О кооперации», признав «коренную перемену всей нашей точки зрения на социализм», Ленин неожиданно для всех большевиков заявил о том, что «строй цивилизованных кооператоров» оказывается «есть строй социализма» (1; т.45, 373, 376). Перефразировав высказывание В.Ф. Тотомианца, В.И. Ленин вынужден был признать жизненную правоту «мечтаний старых кооператоров» относительно способов решения аграрного вопроса в России через кооперацию крестьянства.

Бийская линия располагалась в пределах Бийского и Змеиногорского уездов Алтайского округа Томской губернии (с 17 июня 1917 г. Алтайской губернии). В ее состав входили семь станиц: Чарышская (центр линии), Антоньевская, Верх-Алейская, Маральевская, Николаевская, Слюденская, Терская; и 12 поселков: Андреевский, Белорецкий, Бобровский, Верх-Убинский, Ключевский, Платовский, Секисовский, Смоленский, Сосновский, Тигирецкий, Тулатинский и Яровской. В 19 населенных пунктах проживало 13490 человек (6757 мужчин и 6733 женщины). Подавляющее большинство населения (89,67%), составляли казаки – 12096 чел. (6043 мужчины и 6053 женщины), или 6,9% казачьего населения Сибирского войска (Отчет о состоянии Сибирского казачьего войска за 1915 год. II (часть гражданская), Омск, 1916. С. 10).

В военно-административном и хозяйственном отношении Бийская линия входила в состав 3-го военного отдела Сибирского казачьего войска с центром в Усть-Каменогорске. Через Усть-Каменогорск осуществлялась связь с Омском, где находилось главное управление Сибирского казачьего войска: войсковой наказной атаман, военная канцелярия и войсковое хозяйственное правление.

К 1917 г. наряду с традиционным животноводством существенное значение для казачьего хозяйства приобрело земледелие. В немалой степени этому способствовали благоприятные природно-климатические условия линии.

Казаки владели 445830,85 дес. земли, но основная ее часть лежала в холмисто-степных и горно-степных районах, слабо приспособленных для активного занятия земледелием (ЦХАФ АК. ФП. 1061. Оп. 1. Д. 3. Л. 184).

Для экономической характеристики Бийской линии нами определены (от Бийска к Усть-Каменогорску) три района: северный (станции Антоньевская, Маральевская, Слюденская, Николаевская, Терская, поселок Смоленский); центральный (станция Чарышская, поселки Тигирецкий, Яровской, Сосновский, Тулатинский); южный (станция Верх-Алейская, поселки Бобровский, Секисовский, Верх-Убинский, Платовский, Ключевский, Белорецкий, Андреевский). Вышеназванные районы соответствуют естественно-историческим районам: степному (северный), горному (центральный), степному и лесостепному (южный), утвержденным сельскохозяйственной переписью 1917 г. для Томской губернии. В степном районе преобладали черноземные почвы, в горном – каменисто-хрящеватые и лесные, в степном и лесостепном – южный чернозем и чернозем (Статистико-экономические бюллетени. Томск, 1917. № 6. С. 53).

По степени обеспеченности пахотной и покосной землей сельскохозяйственные районы Бийской линии располагались следующим образом: Северный район (степная область, черноземные почвы), средняя норма душевого надела пахотной земли – 14,9 дес., покосной земли – 5,2 дес.; Центральный район (горная зона, каменисто-хрящеватые и лесные почвы) – соответственно 7 и 5,1 дес.; Южный район (степь и лесостепь, южный

Список литературы

1. Ленин В.И. Полное собрание сочинений.
2. Тотомианц В.Ф. Теория кооперации. М., 1918.

чернозем и чернозем) – соответственно 6,4 и 1,6 дес. В целом по Бийской линии средняя норма душевого надела составляла: для пахотной земли 9,2 дес., для покосной – 3,6 дес.

Большая неравномерность в обеспечении землей была характерна не только для казачьих поселений, но и для многих крестьянских. Наряду с селениями, имевшими в наделе от 13 до 15 дес. на одну мужскую душу, в 167 селениях Алтайской губернии надел составлял 8–10 дес., в 65 селениях – 6–8, а в 9 селениях – всего 3–6 дес. (Храмков А.А. Сельское хозяйство и крестьянство Алтая в начале XX в. // История Алтая. Часть I. Барнаул, 1995. С. 266).

Наиболее благоприятными условиями для занятия земледелием располагал Северный район. Помимо самых крупных на Бийской линии душевых наделов пахотной земли, здесь были сосредоточены и самые плодородные земли. Согласно таксе, утвержденной войсковым атаманом для взимания за пользование земельными и другими угодьями на войсковых запасных землях на время с 1 апреля 1917 г. по 1 апреля 1918 г., 1 десятина обработанной мягкой земли стоила здесь 2 руб., новой пластовой земли – 3 руб. Для сравнения, в станицах Чарышской (центральный район) и Верх-Алейской (южный район) стоимость земель данных категорий составляла 1 руб. 10 коп. и 1 руб. 65 коп. соответственно (ГАОО. Ф. 1706. Оп. 1. Д. 85. Л. 34).

Учитывая тот факт, что земледелие по своей значимости в большинстве казачьих хозяйств уступало скотоводству и коневодству, казаки в достаточном количестве были обеспечены пахотной землей. Однако покосной земли, столь необходимой для развития скотоводства и коневодства, было недостаточно. Из 2100 казачьих хозяйств 505 (24,1%) арендовали 3019 дес. покосной земли, в то время как к аренде пахотной земли (743,95 дес.) прибегали лишь 223 (10,6%) хозяйства. Наибольшее количество покосной земли арендовали животноводческие хозяйства центрального района – 62,4% (1883,5 дес.), интерес к пахотной земле в большей степени проявлялся на севере Бийской линии – 46,8% (348,1 дес.), что можно объяснить большей распространенностью здесь земледельческих занятий и товарной направленностью большинства хозяйств на бийский рынок.

Характерной чертой казачьего землевладения была его низкая культура. Ученый-агроном Н. Г. Овчинников отмечал: «Хлебопашество, в общем, развито среди казаков слабо, способы обработки земли самые примитивные. Для правильного ведения хозяйства нужны знания, навыки, умение. Казаки не менее и не более нуждаются в агрономической помощи, чем другие категории земельных собственников Сибири» (Овчинников Н. Г. Очерки хозяйства казаков Сибирского войска. Омск, 1916. С. 25).

Традиционной формой казачьего землепользования была залежная система. Она сохранялась достаточно долго благодаря обилию земли и даже несла определенные выгоды средним по достатку хозяйствам, так как расходы на новую технику, введение новых посевных культур, покупку удобрений не всем были по возможностям, а особого стеснения в земле не было.

Обычно залежная система землепользования выглядела следующим образом: распаханное поле 2–3 года подряд засеивали пшеницей, затем один год держали под паром, потом опять 2–3 года засеивали пшеницей. После этого держали 2–3 года под овсом, и потом залежь на 6–8 лет. Когда на поле начинала произрастать клубника – это был сигнал, что поле отдохнуло (Каминский Ф. А. Казачество Южного Урала и Западной Сибири в первой четверти XX века. Магнитогорск, 2001. С. 77).

Залежная система надолго выводила плодородные

земли из севооборота, но казаков, мало практиковавших товарные формы хозяйства и живших, по сути, натуральным его ведением, такое положение, в целом, устраивало.

Как уже отмечалось, казаки Бийской линии владели 445830,85 дес. земли. В структуре земель Сибирского казачьего войска они составляли 9%, по 3-му военному отделу – 18,6% (Отчет о состоянии Сибирского казачьего войска за 1915 год. II (часть гражданская). Омск, 1916. С. 16).

В пределах Алтайской губернии большая часть казачьих земель – 353141,05 дес. – располагалась в Змеиногорском уезде (4,56% всех земель уезда), меньшая – 92689,80 дес. – в Бийском уезде (2,1%) (ЦХАФ АК. ФП. 1061. Оп. 1. Д. 3. Л. 184).

В непосредственном пользовании 2100 казачьих хозяйств находилось 28793,75 десятин пахотной земли. Основную ее часть – 20118,06 дес. (69,9%) составляла залежь, 1119,71 дес. (3,9%) находилось под паром и только 7555,98 дес. (26,2%) под посевами.

Экстенсивный характер казачьего земледелия и преобладание в его агрокультуре переложно-залежной системы было характерно и для Алтайской губернии в целом, но уровень казачьего земледелия все же был более низким. Это хорошо видно в сравнении. В Алтайской губернии в 1917 г. под посевами было 46,5% угодий, под перелогом (в залежи) – 46,1%, под парами – 7,4% (Храмков А.А. Указ. соч. С. 259.).

Казаки сеяли яровую пшеницу, овес, ячмень, лен, подсолнечник, просо, картофель, коноплю, озимую и яровую рожь, гречиху, горох, бахчевые культуры, озимую пшеницу, табак, рыжик и однолетние травы. Интерес к той или иной сельскохозяйственной культуре диктовался особенностями природно-климатических условий и определенными сложившимися традициями. Повсеместное распространение получили яровая пшеница, овес, лен, конопля, картофель. Большой популярностью пользовались ячмень, просо, подсолнечник.

Сравнивая пропорции сельскохозяйственных культур (в процентах к общей посевной площади) в казачьих хозяйствах Бийской линии и хозяйствах сельского населения Алтайской губернии, удалось выявить следующие сходства и различия.

Главными сельскохозяйственными культурами в хозяйствах казачьего и сельского населения являлись яровая пшеница (57,6% посевной площади у казаков и 57,2% у сельских жителей) и овес (26,35% – 31,4%). В казачьих хозяйствах сеяли больше: озимой ржи (0,53% посевной площади против 0,2% у сельских жителей), ячменя (7,46% – 1,7%), льна (2,69% – 1,6%) и подсолнечника (2,06% – 1,0%). Меньшее значение придавалось: яровой ржи (0,21% – 0,7%), гречихе (0,04% – 0,8%), просу (1,02% – 2,3%), гороху (0,04% – 0,3%) и конопле (0,78% – 1,3%). Картофель и однолетние травы в пропорции сельскохозяйственных культур казачьего и сельского населения губернии занимали равное положение – 0,89% и 0,27% у казаков и 0,9% и 0,3% у сельских жителей. Пятерку наиболее значимых культур у казаков составляли: яровая пшеница, овес, ячмень, лен и подсолнечник; у сельских жителей – яровая пшеница, овес, просо, ячмень и лен. В целом хозяйственные предпочтения казачьего и сельского населения практически совпадали (Бюллетени Алтайского губернского статистического бюро. № 7. Барнаул. 1921. 1 сентября. С. 15).

На 1 казачье хозяйство приходилось в среднем 3,6 дес. посевов (у сельских жителей – 7,2 дес., в Бийском уезде – 6,3 дес., в Змеиногорском – 8,7 дес.). В ряде населенных пунктов этот показатель был заметно выше: в станице Николаевской – 9,16 дес., станице Терской – 7,15 дес., поселке Смоленском – 5,76 дес., поселке Бобровс-

ком – 5,63 дес., станции Слюденской – 5,23 дес., станции Верх-Алейской – 5,02 дес. В 10 станицах и поселках средняя величина посевов не превышала 3-х десятин, а в поселке Белорецком и станции Чарышской – даже 2-х десятин (1,47 и 1,98 дес. соответственно).

Средний размер посевов в казачьих хозяйствах был вдвое меньшим, чем у сельского населения губернии – 3,6 дес. против 7,2 дес. (в Бийском уезде – 6,3 дес., в Змеиногорском – 8,7 дес.) (Бюллетени Алтайского губернского статистического бюро. № 7. Барнаул. 1921. 1 сентября С. 17.).

По размерам посевов казачьи хозяйства Бийской линии распределялись следующим образом: без посева – 258 хозяйств (12,3%), с посевом до 1 дес. – 173 (8,2%), с посевом свыше 1 до 3 дес. – 762 (36,3%), свыше 3 до 5 дес. – 418 (19,9%), свыше 5 до 10 дес. – 355 (16,9%), свыше 10 до 15 дес. – 101 (4,8%), свыше 15 до 25 дес. – 25 (1,2%), свыше 25 до 50 дес. – 7 (0,35%), свыше 50 дес. – 1 (0,05%). Самой крупной посевной площадью располагал казак станицы Терской Семен Стефанович Белянин – 50,1 дес. (всего 74 десятины пахотной земли, в том числе 54 своей и 20 арендованной). В структуре посевов в его хозяйстве предпочтение отдавалось яровой пшенице – 30 дес., далее следовали: овес – 15 дес., лен – 5 дес. и картофель – 0,1 дес. Технический арсенал хозяйства включал в себя однолемешный плуг, 8 борон, косилку, конные грабли, сноповязалку, конную молотилку и 5 телег (ЦХАФ АК. Ф. 233. Оп. 1а. Д. 633.).

Технический арсенал всех казачьих хозяйств включал в себя: 1340 однолемешных и 2 многолемешных плуга, 1 рядовую и 1 разбросную сеялки, 3798 железных и 2 дисковых бороны, 415 косилок, 389 конных грабель, 277 жатвенных аппаратов, 11 сноповязалок, 23 самосброски, 74 лобогрейки, 56 конных молотилок, 528 веялок и сортировок, 6 куколеотборников, 2553 телеги, в том числе 369 на железном ходу.

Из 2100 казачьих хозяйств 62,5% (1312) имели собственные плуги, 62% (1303) – бороны, 20,1% (422) – косилки, 18,9% (397) – конные грабли, 13,6% (286) – жатвенные аппараты, 5,1% (108) – жнейки (сноповязалки, самосброски, лобогрейки), 3,1% (65) – молотилки, 25,6% (537) – веялки и сортировки, 0,3% (6) – куколеотборники, 78,7% (1653) – телеги.

Техническая оснащенность казачьих хозяйств с учетом небольших посевных площадей была достаточно высокой. Это хорошо видно в сравнении. По Западной Сибири на 100 десятин посева приходилось: однолемешных плугов – 10,1 (у казаков Бийской линии – 17,7), сеялок – 0,23 (0,02), жнеек – 1,65 (1,43), косилок – 0,9 (5,5), конных грабель – 0,8 (5,15), веялок – 3,05 (7), конных молотилок – 1,36 (0,75).

Уровень развития земледелия в различных районах Бийской линии был неодинаков. Наиболее передовым являлся Северный район (станции Антоньевская, Маральевская, Слюденская, Николаевская, Терская, поселок Смоленский). Здесь было сосредоточено 46,79% (3535 дес.) всех посевных площадей, в том числе: 52,45% (2283,7 дес.) посевов яровой пшеницы, 41,44% (825 дес.) овса, 61,49% (124,8 дес.) льна, 38,65% (22,75 дес.) конопли, 72,73% (2,4 дес.) гречихи, 93,75% (3,15 дес.) гороха, 99,5% (20 дес.) однолетних трав, 100% (1,95; 0,2; 0,1 дес.) бахчи, табака и рыжика. Казачьи хозяйства Северного района были значительно лучше других обеспечены сельскохозяйственной техникой, особенно сложной. Так, например, 35,58% хозяйств имели косилки, в то время как в Центральном и Южном районах – соответственно 14,29% и 11,53%; 34,05% – конные грабли (в Центральном – 13,93%, Южном – 9,55%), 9,05% – лобогрейки (в

Центральном – 1,55%, Южном – 0,33%), 8% – конные молотилки (в Центральном – 0,83%, Южном – 0,99%), 1,69% – сноповязалки (в Центральном и Южном не применялись).

Центральный район (станция Чарышская, поселки Тигирецкий, Яровской, Сосновский и Тулатинский) располагал 25,16% (1901,25 дес.) посевных площадей. Уступая Северному району практически по всем показателям, он, тем не менее, удерживал первенство по посевам ячменя, яровой ржи и озимой пшеницы.

Южный район (станция Верх-Алейская, поселки Бобровский, Секисовский, Верх-Убинский, Платовский, Ключевский, Белорецкий и Андреевский) был наиболее отсталым в техническом отношении. Несмотря на то, что посевные площади здесь составляли 28,05% (2119,73 дес.), а сам район славился посевами подсолнечника, проса, картофеля и озимой ржи, техническая оснащенность хозяйств была самой низкой на Бийской линии.

Несмотря на продолжающуюся Первую мировую войну, уровень развития казачьего земледелия на Бийской линии был достаточно высоким. Казачьи хозяйства сохраняли высокий запас прочности, который давал им возможность поддерживать высокий уровень благосостояния даже в условиях военного времени.

В.П. Копылов,

*Курганский государственный университет,
г. Курган*

МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ БАЗА И НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ КАДРЫ КУРГАНСКОГО СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ИНСТИТУТА (1951-1953 ГГ.)

В 1951 году КСХИ располагался в трех учебных корпусах общей площадью 1426 м². Институт имел один жилой дом и новое студенческое общежитие на 60 мест. Однако, около 50 % студентов по-прежнему проживали на частных квартирах на содержание которых институт вынужден был тратить огромные суммы денежных средств. Студенты были разбросаны по всему городу, что создавало большие трудности в хозяйственном и культурном обслуживании их.

Положение с необеспеченностью института общежитиями студентов было весьма тяжелым и являлось главным тормозом в деле комплектования факультетов института учащимися.

В более тяжелом положении оставался вопрос обеспечения кафедр учебной площадью, необходимой для размещения учебных аудиторий, кабинетов и лабораторий. Некоторые кафедры располагали всего одной комнатой. В институте по-прежнему не было актового зала, больших учебных аудиторий на 100-150 человек. Руководство института неоднократно поднимало вопрос перед правительственными органами о строительстве учебного корпуса на 1000 студентов, однако положительных результатов так и не добились. В учебно-опытном хозяйстве института в 1951 году было закончено строительство скотного двора на 100 голов дойных коров и конюшни (1).

Активную роль в жизни института играли и местные партийные органы. Так, в порядке реализации решения бюро обкома ВКП (б) от 25 декабря 1950 года научные работники института пересматривали тематические пла-

ны научно-исследовательской работы на 1951 год, исходя из задач, поставленных перед институтом бюро обкома партии. Вводились темы по актуальным вопросам социалистического земледелия и животноводства, по выведению полушерстных овец, по улучшению нового сорта ржи – курганской.

В 1951-1952 учебном году штатное количество профессорско-преподавательского состава увеличилось с 39 до 45 единиц. В то же время в институте проходили мероприятия по очищению преподавательского состава от так называемых «политически неблагонадежных». Как было сказано в отчете за 1950-1951 учебный год, «была проделана большая работа по очищению института от научных работников, которые по своим политическим и деловым качествам не отвечали требованиям современного советского вуза». По этой причине были уволены пять доцентов и один преподаватель. Тогда же на должности профессорско-преподавательского состава были приняты по конкурсу восемь человек, из них: один доктор наук; один кандидат наук; один доцент. Всего в институте работало: заведующих кафедрами профессоров – двое; исполняющих обязанности заведующих кафедрами доцентов – 10; исполняющих обязанности заведующих кафедрами старших преподавателей – один; доцентов – восемь; старших преподавателей – восемь; ассистентов и преподавателей – 15 (2).

В 1952-1953 учебном году в институте продолжалась работа по улучшению качественного состава научно-педагогических работников. Отдельные преподаватели были уволены с работы. При этом кадровая работа была очень политизированной. В результате в институте уменьшилось количество преподавателей с учеными степенями и званиями. Вместо уволенных было принято семь новых преподавателей, в том числе лишь один кандидат технических и один кандидат сельскохозяйственных наук.

10 июня 1952 года приказом Министерства высшего образования было утверждено новое штатное расписание КСХИ: заведующих кафедрами профессоров – 1,5 единицы; заведующих кафедрами доцентов – девять; заведующих кафедрами старших преподавателей – две; профессоров – одна; доцентов – 11,5; старших преподавателей – девять; ассистентов – 10,5; преподавателей – 3,5 единицы. Итого 48 единиц (3).

К началу 1952-53 учебного года в институте был произведен капитальный ремонт первого и четвертого учебных корпусов, а во втором и третьем – текущий. Жилая площадь студентов была расширена за счет освобожденных помещений кафедры механизации. Были оборудованы и полностью укомплектованы две комнаты на 18 человек. В связи с этим, для размещения учебного оборудования, кафедре механизации было отведено подвальное помещение в том же учебном корпусе и непосредственно связанное с учебными помещениями кафедры. По-прежнему оставалось тяжелым положение с общежитиями для студентов, более 200 человек вынуждены были проживать на частных квартирах. Однако, несмотря на все трудности, продолжалось пополнение кафедр оборудованием и материалами, которые позволяли проводить лабораторные и практические занятия в соответствии с программой вуза. В тот учебный год произошли некоторые положительные сдвиги в укомплектовании КСХИ педагогическими кадрами. По штату в институте имелось 48 единиц профессорско-преподавательского состава (фактически работало 46,5) и 30 единиц учебно-воспитательного персонала (фактически работало 30).

Таким образом, в количественном отношении штаты профессорско-преподавательского состава в 1952-53 учебном году были полностью укомплектованы. К концу

учебного года оставались вакантными должности доцентов кафедр механизации, организации социалистических сельскохозяйственных предприятий, физиологии растений. В результате проведения конкурсов, по путевкам главного управления сельскохозяйственных вузов министерства высшего образования СССР и по личным заявлениям на вакантные должности было принято пятеро кандидатов наук, двое старших преподавателей и трое ассистентов. Научно-педагогическую квалификацию преподаватели повышали в университете марксизма-ленинизма, в заочной и годичной аспирантуре, а также путем самостоятельной подготовки к сдаче кандидатского минимума (4).

Библиотечный фонд института в июне 1953 года составлял 31879 книг на сумму 188998 руб. 43 копейки. За 1952-53 учебный год в библиотеку института поступил 1421 экземпляр на сумму 8407 руб. 75 копеек. Сотрудники библиотеки провели 37 тематических выставок, оформили четыре иллюстрированных стенда, провели две читательские конференции. Во время весенней и летней практики студентов в учебно-опытном хозяйстве была открыта библиотечная передвижка в количестве 850 книг [5].

Таким образом, прослеживая путь становления и развития КСХИ в послевоенный период, можно сказать что он был сложным. Постепенно укреплялась его материальная база, происходило комплектование вуза высококвалифицированными научно-педагогическими кадрами. В результате КСХИ стал успешно решать задачи по подготовке для Южного Зауралья и других регионов страны специалистов высшей квалификации в области сельского хозяйства.

Список литературы

1. ГАКО. Ф.Р-1471. Оп.4. Д.95. Л.7
2. Там же. Оп.4. Д.34. Л.6об
3. Там же. Оп.4. Д.95. Л.9
4. Там же. Оп.4. Д.147. Л.7
5. Там же. Л.25

И.Г. Коурова
Курганский государственный
университет, г. Курган

ЦЕЛИНА: ГОД ПЕРВЫЙ

Происходящее в последние десятилетия переосмысление целого ряда сюжетов и проблем отечественной истории XX в. пока еще в малой степени затронуло социально-экономические аспекты, в т.ч. программу освоения целинных и залежных земель, задуманную и осуществленную в середине прошлого века.

К 1950-м годам в сельскохозяйственном производстве Зауралья в сравнении с первыми послевоенными годами произошли существенные сдвиги в положительную сторону. Увеличились посевные площади колхозов и совхозов. Обновлялся машинно-тракторный парк. К концу четвертой пятилетки число тракторов в МТС области (в пересчете на 15-сильные) достигло 12,8 тыс. против 10,3 тыс. в 1940 г., т.е. превысило довоенный уровень на 24%. Число комбайнов увеличилось с 4087 до 4452 (1). Расширились посевные площади колхозов и совхозов. В 1953 г. они составляли 1910,6 тыс. га, в то время как в 1945 г. – только 1124,6 тыс. га. К уровню 1940 г. посевная площадь составила 101 % (2). Постепенно росла урожайность, главным образом за счет внедрения агротехнических приемов, разработанных Т.С. Мальцевым. В 1953 г. большинство хозяйств области использовало при обработке

почвы и выращивании зерновых культур в большем или меньшем объеме методы Мальцева. В результате, несмотря на неблагоприятные погодные условия того года, валовой сбор зерна составил 1,6 млн т, т.е. на 200 тыс. т больше, чем в 1952 г. (3). И все же темп развития сельского хозяйства области, как и страны в целом, был медленным и не исчерпывал всех возможностей социалистического производства. Селу не хватало техники, чрезмерно централизованное руководство сковывало хозяйственную инициативу колхозов и совхозов, экономические стимулы к труду фактически не действовали, трудной оставалась жизнь крестьян.

Критически оценил положение дел в сельском хозяйстве и разработал мероприятия по подъему сельскохозяйственного производства сентябрьский (1953 г.) Пленум ЦК КПСС, уделив наибольшее внимание повышению заготовленных цен, снижению налогов и норм обязательных поставок, усилению материального стимулирования крестьянского труда. Реализация намеченных мер вызвала рост доходов села. Так, колхозы Курганской области во втором полугодии 1953 г. получили за счет повышения заготовительных цен на сельхозпродукцию дополнительный доход 62 млн руб. (4). Увеличилась стоимость трудодня, окрепла трудовая дисциплина, повысилась участие колхозников в общественном производстве: в 1952 г. на одного трудоспособного колхозника было выработано 322 трудодня, а в 1953 г. – 388.

Однако вскоре после сентябрьского пленума произошел крутой отход от его решений, так результативно, казалось бы, продолживших курс на интенсификацию аграрного производства, взятый еще в 1930-е годы. Партийное руководство предпочло избрать иной путь для скорого достижения высоких показателей в сельском хозяйстве – освоение целинных и залежных земель на востоке страны. Непосредственным инициатором и разработчиком этой программы был Н.С. Хрущев. В докладной записке «О решении зерновой проблемы и возможности освоения целинных и залежных земель», направленной в Президиум ЦК КПСС в январе 1954 г. он предлагал расширить посевы зерновых культур в Западной Сибири, Казахстане, Поволжье, Северном Кавказе в течение 1954-1955 гг. на 13 млн га, что позволяло, по подсчетам автора, даже при невысокой урожайности – 10 ц/га – увеличить валовой сбор зерна до 7,2 млрд пудов, а в далеком не самом урожайном 1952 г. сбор зерна в СССР составил 5,6 млрд пудов (5).

Предложение первого секретаря КПСС не встретило возражений в Президиуме. Официальное партийное постановление, в котором излагалась программа освоения целинных и залежных земель, как известно, было принято февральско-мартовским пленумом ЦК. Однако фактическая реализация этой программы началась еще в допленумные дни, т.е. без какого-то ни было, пусть и формального, коллективного обсуждения такой сложной, многогранной проблемы, как освоение в кратчайшие сроки огромных массивов земель в условиях недостатка техники, специалистов, отсутствия социальной инфраструктуры, дорог в районах распашки целины. В первой половине февраля в газетах было опубликовано обращение ЦК КПСС к избирателям (шла подготовка к выборам в Верховный Совет СССР, назначенный на 14 марта, в котором значительное место отводилось целине – назывались районы ее освоения, подчеркивалось большое значение такой меры) (6). Комсомол воспринял это обращение как призыв к молодежи принять участие в освоении новых земель. В центральные партийные и комсомольские органы пошел новый поток писем добровольцев, желающих ехать на целину.

В соответствии с постановлением Пленума от 2 мар-

та 1954 г. «О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель» в Курганской области решено было распашать 250 тыс. га новых земель, из них 75 тыс. га засеять пшеницей весной того же года (7). Около 43 % областного плана освоения целины приходилось на 7 районов из 35, насчитывавшихся тогда в области, – Усть-Уйский, Альменевский, Сафакулевский, Лапатинский, Половинский, Глядянский (8).

Идея массовой распашки земель, прежде не выходящих в хозяйственный оборот или занятых лугами и пастбищами, была встречена неоднозначно. На различных совещаниях работников сельского хозяйства, партийно-хозяйственного актива, проходивших в областном центре в конце зимы – начале весны 1954 г., отдельные руководители районов, хозяйств, предприятий и организаций высказывали небеспокоенные опасения, что распашка новых земельных массивов подорвет кормовую базу животноводства, другие предупреждали о нехватке транспортных средств для вывоза зерна с новых земель, у третьих вызывало беспокойство, что новая техника, выделяемая Москвой для области, будет направляться в районы наибольшего освоения целины, а это лишит возможности пополнить и обновить машинно-тракторный парк других районов.

Однако критиковать на местах постановления вышших партийных и государственных структур не имело смысла. Решения центра спускались вниз не для обсуждения, а для беспрекословного и четкого выполнения, желательного «раньше намеченных сроков». Курганский обком КПСС должен был предупредить руководителей районов и хозяйств, что проведение ими весеннего сева будет оцениваться в первую очередь по тому, как выполнено задание по освоению новых земель (9).

Освоение целинных земель в Зауралье производилось машинно-тракторными станциями, колхозами, имевшимися совхозами. Новых совхозов на осваиваемых землях в области не создавалось. Без помощи города, жителей других регионов сельские труженики не в состоянии были поднять огромные массивы новых земель. Комсомольские организации призвали молодежь ехать на целину, и уже в марте в 1954 г. около 400 молодых курганских первоцелинников отправились на освоение целинных и залежных земель. Всего же в том году из городов и рабочих поселков области на целину выехало более трех тысяч юношей и девушек. Еще 2,5 тысячи энтузиастов прибыло в Зауралье из Свердловской, Костромской, Брянской областей, Удмуртской АССР (10). Земельные площади, намеченные к освоению, находились в наиболее удаленных от областного центра и железной дороги районах. В начале 1950-х годов условия жизни там складывались в безрадостную картину. Вот какое впечатление на молодых специалистов произвела, например, деревня Сетово Усть-Уйского района: «Это ужас один! Глуши такой нигде не встречали: 150 км от железной дороги, света электрического не встретишь, объездив кругом на 200 км. Проедет машина и то событие». Или село Кодское Шатровского района: «Кино бывает 2-3 раза в месяц, демонстрируется первобытными аппаратами и липовыми специалистами. Основные развлечения местного населения – пьянка. Базара не бывает, а также и продуктов в магазине. Здесь можно жить, только обзаведясь домом, подсобным хозяйством» (11). Между тем, целинникам на первых порах жить приходилось в непригодных помещениях – школах, клубах, хозяйственных постройках, семейным – «снимать углы» в домах колхозников или рабочих совхозов. В деревнях отсутствовали бани, столовые, медпункты, доступные прежде самые необходимые промышленные и продовольственные товары в магазинах. Часть новоселов не выдерживала таких

испытаний и уезжала. К августу 1954 г. из Лопатинского района уехали 23 человека, из Сафакульевского 14, из Альменевского 18, из Галкинского 7 и т.д. (12). Но большинство первоцелинников продолжали самоотверженно работать, преодолевая все трудности. В 1954 г. в области было распахано 287 тыс. га целины (13). В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР 13 августа 1954 г. Курганская область наряду с другими отмечалась как успешно выполнившая задание по подъему целинных земель.

Осенью целина приготовила новые «неожиданности», о которых предупреждали т.н. маловеры еще в начале 1954 г. Оказалось, что сберечь выращенный и собранный хлеб ничуть не легче, чем его вырастить. ЦК КПСС и Совмин в начале ноября забили тревогу по поводу «неблагополучного положения с сохранностью государственного хлеба» (14). Тревога была обоснованной: в районах освоения целинных и залежных земель, в том числе и в Курганской области отсутствовали в необходимом количестве зернохранилища (решение о широком развертывании строительства элеваторов в этих районах было принято только в апреле 1955 г.), а во многих общественных хозяйствах урожай оказался на 300 – 500 ц больше, чем в предыдущем году. Не хватало автотранспорта, чтобы вывезти хлеб из колхозов и совхозных непригодных для его хранения помещений – животноводческих ферм, клунь, складов с земляными полами – на пристанционные пункты «Заготзерна». Но и в пристанционных зернохранилищах хлеб залежался: железнодорожники не справлялись с погрузкой, не хватало вагонов, начинал гореть. Курганским областным и районным, партийным и хозяйственным органам вновь пришлось напрягать все силы – город и село, технику (в том числе пригнанную из соседних областей, своей не хватало) и людей для спасения урожая, собранного как с новых земель, так и с уже бывших в хозяйственном обороте. Десятки тысяч горожан, жителей райцентров, рабочих поселков были мобилизованы на спасательные операции. Рабочие и служащие, студенты и школьники сортировали, перелопачивали зерно, ликвидируя очаги его самовозгорания. В Шумихинском зернохранилище было отработано с сентября по ноябрь более 12 тысяч человеко-дней, в Далматовском за этот же период около 11 тысяч человеко-дней, в Катайском – только за ноябрь – 1567 человеко-дней (15).

Включение в посевной оборот огромных территорий имело и такую оборотную сторону как сокращение сенокосов и выпасов. В Глядянском районе, к примеру, сельхозугодья только за первый год освоения целины уменьшились на 7,3 тыс. га, в Частоозерском районе – на 2,7 тыс. га, в Петуховском – на 9,2 тыс.га (16). Это подрывало кормовую базу животноводства. От сеянных трав и пропашных культур ожидаемой отдачи не последовало, зато их выращивание требовало больших дополнительных затрат труда и хорошей техники, которой тогда не хватало. Сокращались и чистые пары, которые в условиях Южного Зауралья, нещедрого на осадки, являлись средством не только повышения плодородия почвы, но и накопления влаги.

Высокая цена, заплаченная за целинный хлеб, не решила зерновую проблему в стране. За 10 лет (с 1954 по 1964 год) план закупок зерна в СССР выполнялся только трижды – в 1956, 1958 и 1964 гг., а в 1963 г. хлеб в больших объемах был закуплен за границей.

Список литературы

1. Народное хозяйство Курганской области.: Стат. сб.- Челябинск, 1957.- С.94.
2. Там же. -С.59.
3. Валовые сборы и урожайность сельскохозяйственных

культур в РСФСР.: Стат. сб. - М., 1959.- С.29; ГАОПДКО. Ф.166. Оп.12. Д.3.Л.10.

4. ГАОПДКО. Ф.166. Оп.12. Д.3.Л.23.
5. Хрущев Н.С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. М., 1962. В 5 т. Т.1.-С.85,42.
6. Правда. 1954. 11 февраля.
7. ГАОПДКО. Ф.166. Оп.12. Д.3.Л.30.
8. Там же. Д.230. Л.45.
9. Там же. Д.3. Л.30.
10. Очерки истории Курганской области.: организации КПСС.
11. ГАОПДКО. Ф.166. Оп.10. Д.106.Л.42.
12. Там же. Ф.395. Оп.1. Д.291.Л.8. Ф.166. Оп.12. Д.219. Л.26.
13. Народное хозяйство Курганской области: Стат. сб. – Челябинск, 1957. С.56.
14. ГАОПДКО. Ф.166. Оп.12. Д.217.Л.1.
15. Там же. Л. 11,19,87.
16. Там же. Ф.16. Оп.12. Д.30. Л.31,32.

Н.А. Лушникова

Курганский государственный университет,
г. Курган

ШЕФСКАЯ ПОМОЩЬ СЕЛУ ПРОМЫШЛЕННЫМИ ПРЕДПРИЯТИЯМИ, СТРОИТЕЛЬНЫМИ И ТРАНСПОРТНЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ В 1966 – 1975 ГГ.

Во второй половине 60 – первой половине 70 – х гг. XX века в связи с нехваткой рабочих рук на селе стала активно развертываться шефская помощь деревне со стороны промышленных предприятий, строительных и транспортных организаций в Курганской области. В связи с введением паспортной системы для тружеников села, уменьшилось количество рабочих рук в аграрной сфере, поэтому горкомы и райкомы КПСС приняли решение об оказании шефской помощи селу со стороны промышленных предприятий области, особенно в период весенне-полевых и уборочных работ, когда потребность в рабочей силе сильно возрастает.

Согласно «Справке о шефской работе промышленных предприятий в колхозах и совхозах Курганской области (1970 г.)» в истекшей VIII пятилетке 83 промышленных предприятия, транспортных и строительных организации осуществили шефство над 74 колхозами и совхозами. В 1966 – 1970 гг. заводские коллективы за счет дополнительных резервов изготовили сверх плана для нужд сельского хозяйства на 2,5 млн руб. запчастей к тракторам, комбайнам и автомобилям, смонтировали оборудование 35 механизированных зерновых токов, механизировали 37 животноводческих помещений, передали в колхозы и совхозы 230 единиц металлорежущих станков и другого оборудования, выделили различных материалов и инструмента на 1,5 млн руб., выполнили других работ на 2 млн руб. В период весенне-полевых и уборочных работ было направлено в колхозы и совхозы области 7400 механизаторов и более 43 тысяч человек массовой рабочей силы. На вывозке зерна работало более 10 тысяч автомобилей из городов области. Шефствующие предприятия организовывали и проводили на селе большую культурно-массовую работу. За это время было прочитано около 800 лекций и докладов на экономические, политические и сельскохозяйственные темы, было поставлено свыше тысячи концертов для тружеников села.

В соответствии с постановлением июльского (1970 г.) Пленума ЦК КПСС и в целях усиления шефской работы

в сельском хозяйстве бюро обкома партии разработало вопрос «О закреплении предприятий промышленности, транспорта и строительных организаций за колхозами и совхозами области по шефской работе в 1971 – 1975 гг.». В 1970 г. 93 предприятия промышленности, транспорта и строительных организации шефствовали над 85 колхозами и совхозами. Большинство из них составили планы шефской работы на 1971 - 1975 гг., в них предусматривалось строительство и механизация животноводческих помещений и зерновых токов, оказание помощи в строительстве жилых домов, клубов, школ, детских садов и яслей, изготовление и поставка нестандартного и металлообрабатывающего оборудования, запасных частей и сельхозтехники, выделение необходимого количества материалов, инструмента, а также предусматривалась подготовка кадров и проведение культурно-просветительской работы на селе.

В течение 1971 – 1975 гг. должны были быть изготовлены 270 комплектов четырехъярусных клеточных батарей для содержания кур-несушек, 20 механизированных откормочных площадок для крупного рогатого скота, 150 установок для пневмоудаления навоза, 10 механизированных пунктов для стрижки овец, 100 комплектов клеток для свиноводов, 20 тысяч клеток для кроликов, 90 тысяч штук стальных и чугунных решёток для закрытия навозных каналов в животноводческих помещениях, 200 щитов автоматического управления машинами для комплексно-механизированных ферм, 180 стоговозов для трактора К-700, 250 комплектов навесного бульдозерного оборудования, 250 тысяч автопоилок, 350 молочных цистерн, 25 тысяч фляг молочных, 175 доильных установок, 10 тракторных прицепов грузоподъемностью 12 тонн, 150 центробежных насосов с электродвигателями, 21 тысяча штук запорной арматуры, 30 тысяч огнетушителей. В 1970 году промышленные предприятия области за счет дополнительных резервов изготовили сверх плана для колхозов и совхозов запасных частей к тракторам, автомобилям, комбайнам на сумму около 1,7 млн руб. В 1 квартале 1971 г. было изготовлено запчастей на сумму свыше 200 тысяч рублей.

В 1971 году планировалось произвести также работы по механизации трудоемких процессов на 15 животноводческих фермах, монтажу оборудования 12 механизированных зерновых токов, оборудованию 18 машинно-тракторных мастерских и гаражей, капитальному ремонту 5 жилых домов, 3 домов культуры, 2 детских садов. Предприятия выделяли колхозам 11 единиц металлорежущих станков, большое количество металла и строительных материалов. На период весенне-полевых работ с промышленных предприятий было направлено в колхозы и совхозы области 700 механизаторов, а на период уборки урожая было намечено отправить более 2400 комбайнеров и трактористов.

Мероприятиями Шадринского автоагрегатного завода в IX пятилетке было предусмотрено выполнить для колхоза «Восход» Шатровского района следующие работы: построить 5 механизированных откормочных площадок для крупного рогатого скота, изготовить комплект четырехъярусной клеточной батареи для содержания кур-несушек, смонтировать оборудование механизированного тока с зерноочистительным агрегатом ЗАВ-20. Оборудовать свинарник, для которого было изготовлена и смонтирована подвесная дорожка для раздачи кормов в откормочном пункте на 1500 мест. Оказать помощь в комплектовании машинно-тракторной мастерской и гаража необходимым оборудованием и инструментами, для чего было выделено и установлено 3 металлорежущих станка, одна кранбалка, был изготовлен режущий и мерительный инструмент (по специализации колхоза), выделены

электромоторы и электроприборы (по специализации колхоза), изготовлена и смонтирована установка для зарядки аккумуляторов, выделены трубопроводы и произведен монтаж отопления клуба. В период посевной и уборочной кампаний были направлены агиткультбригада и лекторы, оказана методическая помощь библиотеке и клубу колхоза в составлении планов работы, проведении массовых мероприятий, оформлении книжных выставок, наглядной агитации. Регулярно проводились встречи ветеранов и передовиков производства.

Завод Кургансельмаш обязался в IX пятилетке для колхоза «Родники» Мокроусовского района механизировать 2 зернотока, коровник, телятник и молочный комплекс, изготовить 3 бульдозерные навески для трактора Т-4, тракторную тележку для перевозки длинномерных материалов, оборудовать всем необходимым ремонтную мастерскую и произвести ряд других работ.

Большую работу в подшефных хозяйствах было намечено провести в IX пятилетке заводами механическим, арматурным, приборостроительным, автобусным и др.

Однако ряд промышленных предприятий не закончили разработку перспективных планов шефской работы. К ним были отнесены заводы Кургансельмаш, машиностроительный, Катайский насосный и некоторые другие. В течение первого полугодия 1970 года все шефствующие предприятия были обязаны закончить составление мероприятий шефской работы на 1971 – 1975 гг. Выполнение мероприятий находилось под постоянным контролем горкомов, райкомов КПСС и соответствующих отделов обкома партии (1).

В соответствии с Информационным бюллетенем 1-2 (16) (апрель 1975 г.) «Об оказании в 1974 году шефской помощи колхозам и совхозам со стороны промышленных предприятий, строительных и транспортных предприятий области», к 1975 году 96 коллективов промышленности, строительства и транспорта шефствуют над колхозами и совхозами области.

Шефствующие предприятия за 1971 – 1975 гг. помогли в строительстве и механизации 140 животноводческих помещений, 40 зернопунктов, 24 кормоцехов, в строительстве 24 жилых домов, 16 клубов, школ и больниц; выделили для машинно-тракторных мастерских более 160 металлорежущих станков и другого заводского оборудования, на сотни тысяч рублей материалов и различного инструмента. Промышленные предприятия, строительные и транспортные организации оказывали также помощь селу в организации политико-массовой и культурно-воспитательной работы.

В 1974 году на машиностроительных предприятиях было изготовлено по дополнительному заданию запасных частей к сельхозмашинам и оборудования для животноводства на 2 млн руб. Была оказана помощь в строительстве 34 животноводческих помещений, 18 кормоцехов, 9 жилых домов, 6 клубов, школ и больниц, было механизировано 9 токов и зерноскладов, выделено 34 металлорежущих станка, изготовлено и передано 150 настольных сверлильных станков, большое количество режущего и мерительного инструмента, было израсходовано металла на нужды сельского хозяйства более 6 тысяч тонн. В период весеннего сева в хозяйствах работало 859 механизаторов, а на уборке урожая – 2670 комбайнеров и трактористов, около 10 тысяч рабочих массовых профессий из городов и поселков области. Всего было оказано шефской помощи за 1974 год более чем на 12 млн руб.

Значительная шефская работа была проведена коллективами промышленности городов Кургана и Шадринска, Далматовского, Катайского и Шумихинского районов. Вопросы оказания шефской помощи и меры по усиле-

нию этой работы продолжали регулярно рассматриваться на заседаниях бюро горкомов и райкомов КПСС, собраниях актива городских и районных партийных организаций. В 1974 году предприятиями Октябрьского района г. Кургана была оказана шефская помощь колхозам и совхозам области на общую сумму более 6 млн руб., Советского района – на 4 млн руб.

Коллективы предприятий и организаций промышленности, строительства в 1975 году IX пятилетки обязались изготовить запчастей к комбайнам, тракторам, автомобилям и оборудования для животноводческих ферм на 1,8 млн руб., в том числе 50 кормосмесителей, 30 комплектов телятников – откормочников, 20 тракторных прицепов, 20 доильных установок, 24 трансформаторные подстанции, 20 кузовов автобусов, 350 насосов с электроприводом, 20 тысяч автопоилок для скота, 40 молочных цистерн, 5 тысяч молочных фляг, 30 автомобилеподъемников, 13 тысяч секций решетчатого пола для животноводческих помещений, 2100 радиаторов для автомобилей. Планировалось оказать помощь колхозам и совхозам области в строительстве 8 жилых домов, 2 клубов, 14 коровников и телятников, 4 свинарников, 2 кормоцехов, 10 зернотоков, 3 зернохранилищ, 2 гаражей, 6 ремонтных мастерских, 2 механизированных комплексов на 5 тысяч овец каждый, механизации 9 животноводческих ферм. Предусматривалось выделить металлорежущее оборудование и материалы для мастерских на сумму не менее 1,5 млн руб. (2).

Таким образом, в период с 1966 по 1975 г. была оказана колоссальная помощь селу: в область направлялись люди для работы механизаторами, комбайнерами и рабочими массовых профессий; оказывалась большая поддержка аграрному сектору экономики со стороны промышленных предприятий по изготовлению материально-технической базы на селе (автопоилки, тракторные прицепы, доильные установки и т.д.). Также оказывалась шефская помощь селу и в культурном, и в идейно-политическом планах: проводились лекции, показы кинофильмов, концерты для тружеников села. Однако не все предприятия области активно брались за шефскую работу, не у всех были разработаны перспективные планы помощи селу. В целом, шефская помощь деревне со стороны города проводилась на достойном уровне.

В.Н. Мамяченко

*Институт управления и предпринимательства
УрГУ им. А.М.Горького, г.Екатеринбур*

СОСТОЯНИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ В НАЧАЛЕ 1950-Х ГОДОВ

Если охарактеризовать это состояние одним словом, то оно в эти годы было удручающим. Так, в одном из отчетных документов Свердловского обкома партии по итогам 1951 года отмечалось, что «в целом сельское хозяйство области продолжает отставать по основным, решающим участкам. В 1951 году не выполнен государственный план поставок хлеба, овощей и других сельскохозяйственных продуктов, не выполнен трехлетний план развития общественного продуктивного животноводства как по поголовью скота, так и по его продуктивности. Не выполнен также план накопления всех видов кормов и строительства животноводческих помещений, чем созданы тяжелые условия для зимовки скота» (2).

Прокомментировать приведенную выше цитату можно такими цифрами. План поставок государству в указанном году был выполнен только по одной позиции – мясу – на 101,2 %. По другим же видам сельскохозяйственной продукции процент выполнения был следующим: по яйцам – 97 %, сене – 95 %, молоку – 91 %, картофелю – 78 %, овощам – 76 %. Что же касается условий зимовки скота, то «тяжелые» – это в вышеприведенном выше документе сказано еще очень мягко. Ведь в Свердловской области за 1951 год пало 35 800 голов КРС (9,4 % от общей численности стада), 80 900 свиней (15,2 %) и 83 800 овец (19,4 %). Огромный падеж овец и свиней был вызван, прежде всего, низкой обеспеченностью животных необходимыми помещениями: обеспеченность ими поголовья овец составляла 84,1 %, а свиней – 71,7 % (3).

Причинами же создавшегося положения вещей тогдашние руководители области считали «...низкий уровень работы сельскохозяйственных органов и в первую очередь – областного управления сельского хозяйства, продолжающего руководить канцелярско-бюрократическими методами», а также «...отсутствие прочной кормовой базы, надлежащих помещений для содержания скота и невыполнение элементарных правил содержания и ухода за скотом», и, наконец, то, что «руководители колхозов... не работают творчески над повышением продуктивности и не знают, сколько дала молока корова...» (4).

При этом регулярно проводились пленумы обкома партии, «принимались меры», но заметного улучшения не наблюдалось: только за 6 месяцев уже 1953 года в области пало 13 000 коров, 34 700 свиней и 34 300 овец. Растущее поголовье общественного скота не обеспечивалось прочной кормовой базой, типовыми животноводческими помещениями. Сенокосные угодья в области были малопродуктивны и давали только 6–9 ц сена с га, причем заливных сенокосов (дающих повышенные урожаи сена) было только 36,5 тыс. га. За 1940–1953 годы площадь сенокосов сократилась на 23 тыс. га и фактически заросла лесом (5).

В целом итоги и 1953 года для колхозного производства были плачевными, что констатировалось в справке сельхозотдела обкома партии: «В колхозах крайне низка урожайность зерновых и особенно овощей и картофеля. В 1953 году колхозы получили урожай зерновых 10,7 ц, овощей – 42,6 ц, картофеля – 32,6 ц с га... Надой молока на фуражную корову в колхозах области составил 965 л при плане 1 500 л, настриг шерсти на одну овцу – 1,7 кг, яйценоскость на одну несушку-курицу – 38,7 шт., на одну свиноматку получено 11 поросят. В колхозах Свердловской области крайне низки показатели по животноводству. В колхозах на 100 га сельскохозяйственных угодий приходится 12,2 головы КРС, в том числе 4,4 коровы... При этом на 100 га сельскохозяйственных угодий получено молока 41,3 ц, мяса – 6 ц в убойном весе... Плохо еще механизированы работы по сенокосению – 38 %, уборке картофеля – 46,5 %, силосованию – 61 %».

Далее обком партии, подводя итоги, самокритично признавал, что «сельское хозяйство области отстает от задач, поставленных XIX съездом партии... План роста общественного животноводства не выполняется, продуктивность его остается низкой, допускается падеж скота... Многие трудоемкие процессы сельскохозяйственного производства остаются немеханизированными и выполняются вручную» (6).

И в следующем, 1954-м, году дела обстояли не лучше. В подтверждение – цитата из партийного документа: «Необходимо признать, что продуктивность машинно-тракторного парка в МТС продолжает оставаться низкой, а работники МТС до сих пор не добились улучшения исполь-

зования тракторов и повышения сменной выработки трактористами. За весенний период с 1 мая по 20 июня коэффицент использования тракторного парка по области составил только 0,61... Средняя норма выработки на работающий трактор составила 3,4 га при норме 3,8 га» (7).

Развал сельского хозяйства имел массу последствий, одним из которых был дефицит кандидатур на должности председателей колхозов, руководителей машинно-тракторных станций (МТС) и машинно-тракторных мастерских (МТМ). Прямо сказать, в деревенское начальство никто особенно не рвался. Отчаянные попытки областных властей рекрутировать на должности председателей и других сельских руководителей городских жителей большого успеха не имели: из кооптированных (в соответствии с решениями Сентябрьского Пленума ЦК КПСС 1953 года) на должности председателей колхозов 41 человека в течение первых трех лет выбыли по разным причинам 19, из 20 директоров МТС – 11, из 26 главных инженеров МТС – 20, из 34 заведующих МТМ – 30 (8).

Другим следствием тяжелого положения в сельском хозяйстве была тотальная криминализация (с точки зрения тогдашнего законодательства) сельскохозяйственного производства. Непрерывные проверки соблюдения законности (и Устава сельхозарттели в частности) регулярно регистрировали перманентные нарушения всего и вся. Например, типичными нарушениями производственно-финансовой деятельности колхозов в то время были:

- бесплатная или за низкую плату выдача продуктов;
- неэквивалентный обмен скота;
- отсутствие учета горючего;
- недостачи;
- расхищение леса;
- самовольная порубка деловой древесины;
- незаконная оплата;
- незаконное начисление трудодней (9).

В архивных документах можно обнаружить описание множества примеров таких нарушений, имевших место буквально во всех районах Свердловской области. Приведем лишь некоторые из них.

Богдановичский район: «Растаскивание колхозного имущества происходит в виде взятия у колхозников бесплатно или за низкую плату колхозного скота, зерна и продуктов. В результате чего в течение года (в районе. – В.М.) отпущено бесплатно продуктов на 2 714 рублей... В колхозе им. Кирова Баранинского сельского совета имели место факты разбазаривания колхозных продуктов. Так, например, в 1951 году было отпущено бесплатно: механику Билейской МТС Жигалову продуктов на 532 руб., медицинскому фельдшеру Третьякову на 160 руб., землеустроителю Кайгородову на 276 руб., агроному сорту-частка Шубину – на 77 руб. Всего было отпущено бесплатно на 1900 руб.» (10).

«В колхозе им. Буденного по инвентаризации на 1 января 1952 года выразилась недостача на сумму 18 619 руб.: плугов конных – 4 шт., хомутов – 22 шт., телег – 11 шт., борон – 56 шт., рам парниковых – 9 шт., седелок – 12 шт., орудий – 1 шт. ... В 1951 году был утерян (? – знак наш. – В.М.) бык в возрасте 1,5 года, кур 184 головы, поросят 4 головы, гусей 14 шт., овец 1 голова, но мер к взысканию с виновных лиц никаких не принято» (11).

«На 1 января 1952 года колхозы (района. – В.М.) остались должны колхозникам зерном 4 682 ц, деньгами – 1 013 тыс. руб. Колхозники остались должны колхозам зерном 2 511 ц, деньгами 585 тыс. руб.» (12).

Бисертский район: в колхозе «Память Ильича» в 1951 году и в начале 1952 года «разбазарено поросят 154 головы... Списано незаконно в так называемые «отходы»: ржи – 61,8 т, пшеницы – 106,1 т, овса – 56,4 т, ячме-

ня – 366 кг» (13). Далее в справке подробно перечисляются уголовные деяния председателя другого колхоза – «Яна-Ул» – некоего Ханова (исключенного из ВКП(б) и отданного под суд), который в течение 1951 года разбазарил лично себе и прочим лицам 9 дойных коров и нетелей, 6 лошадей, 4 овцы и 22 головы свиней. При его бездействии в колхозе за год падеж скота составил: лошадей – 11, КРС – 62, овец – 80 и свиней – 10 голов. При этом убытки от падежа скота списывались на колхоз, виновные в падеже не выявлялись и не наказывались (14).

Красноуральский район: в 1951 году «достижения» районного сельского хозяйства были более чем убогими. Так, урожай зерновых культур составил 6,3 ц, картофеля и овощей – около 30 ц с гектара, надаивалось в среднем 809 л молока от коровы, настриг шерсти составил 1,3 кг с овцы, а каждая курица-несушка принесла всего 42 яйца... В колхозе «Первомаец» только в марте-апреле пала четверть поголовья овец – 39 голов. Падеж был скрыт и выявлен только в ноябре... (15)

Ниже-Сергинский район: колхозной землей пользуются единоличники, а колхоз внес деньги за колхозников по подписке на заем 1951 года в сумме 5 000 рублей (16).

И так далее, и тому подобное...

При этом нельзя сказать, что сельское хозяйство было совсем брошено властями на произвол судьбы. Например, медленно, но неуклонно наращивалась его техническая оснащенность, центрами которой выступали МТС. Так, на 1953 год в области имелось 86 МТС, обслуживающие 693 колхоза с площадью пашни 1 280,7 тыс. га. При этом только за данный год в МТС области поступило 309 тракторов и 177 самоходных комбайнов. Численность работников МТС также непрерывно росла: в 1953 году там работало 17 383 человека, а уже в 1954-м – 22 391 человек. Но эффект был обратным: МТС области закончили 1953 год с чистым убытком в 1 473 тыс. рублей, что в 2,4 раза превысило убытки 1952 года. Из 86 МТС только 28 получили прибыль.

Год от года росла и стоимость основных средств производства. Как отмечалось в одном из партийных документов, несмотря на труднейший военный период, с 1940-го по 1953 годы основные средства производства колхозов области увеличились с 225,6 до 667,6 млн рублей, а их денежные доходы – со 147 до 284,8 млн рублей (17). Если взять в расчет количество трудоспособных колхозников в эти годы (246 059 и 155 100 человек соответственно), то легко рассчитать значительный рост фондовооруженности и зарплаты одного работающего колхозника: соответственно в 4,7 и 3,1 раза (18). Но если учесть изначально низкий уровень этих показателей, то даже и такой рост не мог радовать.

Подводя итог, можно сказать, что такое состояние сельского хозяйства области отражало политику государства в аграрном секторе: неэквивалентный обмен между городом и деревней, принудительно начатый государством еще в годы коллективизации, продолжался и после окончания Великой Отечественной войны. Так, из 298 млрд рублей национального дохода, произведенного в сельском хозяйстве страны в 1946–1953 годах, на нужды деревни было использовано только 193 млрд рублей. Остальные 105 млрд ушли из села на нужды других отраслей экономики (1, 25).

Список литературы

1. Вербицкая О.М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х годов–начало 60-х годов. М., 1992.
2. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф.4. Оп.49. Д.136. Л.17.

3. Там же. Оп.53. Д.171. Л.14.
4. Там же. Оп.49. Д.9. Л.25. Оп.53. Д.171. Л. 17, 23.
5. Там же. Оп.53. Д.171. Л.13.
6. Там же. Оп.49. Д.136. Л.22; Оп.52. Д.127. Л.121; Оп.53. Д.171. Л.12–15.
7. Там же. Оп. 53. Д.171. Л.15–16, 20–21.
8. Там же. Оп.58. Д.197. Л.25.
9. Там же. Оп.50. Д.217. Л.13.
10. Там же. Л.13–14.
11. Там же. Л.14–15.
12. Там же. Л.17.
13. Там же. Л.32.
14. Там же. Л.34–36.
15. Там же. Л.104–105.
16. Там же. Л.142.
17. Там же. Оп.53. Л.171. Л.10.
18. Там же. Л.9.

В.П. Мотревич
Уральская государственная юридическая
академия, г. Екатеринбург

К ВОПРОСУ О РЕЗУЛЬТАТАХ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА НА УРАЛЕ В 1950–Е ГГ.

Великая Отечественная война нанесла серьезный ущерб сельскому хозяйству края. Снизились количественные и качественные показатели, сократился объем производства. В первые послевоенные годы происходит укрепление материально технической базы отрасли, улучшается положение с кадрами, больше внимания начинают уделять агротехнике, организации и оплате труда. Все это привело к тому, что к 1950 г. сельское хозяйство на Урале было в основном восстановлено. Однако в стране не были решены коренные вопросы колхозно-совхозного строительства и, в первую очередь, налогообложения и оплаты труда. Практически не развивалась социальная инфраструктура на селе, нарушались основы советской демократии. Негативную роль сыграла и натурализация в 1930-е гг. экономических отношений между колхозами и государствами. После войны стратегическая линия на полный отказ от товарных форм и переход к натуральному обмену осталась неизменной. Поэтому предпринимаемые усилия по укреплению колхозного строя означали, с одной стороны, подъем хозяйства артелей, а с другой — дальнейшее развитие командно-административной системы управления ими, консервацию экономики «казарменного социализма». Все это снижало темпы подъема сельского хозяйства, тормозило его дальнейшее развитие. Имелись и объективные причины отставания отрасли, связанные с нехваткой средств у государства. В результате по основным показателям уральские области, как и сельское хозяйство страны в целом, план четвертой пятилетки не выполнили. Превзойти довоенный уровень сельскохозяйственного производства в значительных размерах не удалось.

XIX съезд КПСС в директивах по новому пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1951—1955 гг. наметил меры по дальнейшему укреплению аграрного сектора. Перед тружениками села была поставлена задача увеличения производства зерна на 40–50 %, картофеля - на 40–45 %, мяса и сала — на 80–90%, молока - на 40–50% и т. д. Однако за первые годы пятой пятилетки ощутимых сдвигов в сельском хозяйстве не произошло. Общин объем сельскохозяйственного производства в СССР увеличился в 1952 г. лишь на 4,0%. Труд-

ная ситуация сложилась на Урале, где сельскохозяйственное производство стало сокращаться. В 1951 г. его объем составил 85,6 %, а в 1952 г. — 77,7 % от уровня 1950 г.

Низкие темпы развития сельского хозяйства страны в начале 1950-х гг. объяснялись дефицитом материальных и финансовых ресурсов, а также застарелыми формами и методами руководства сельским хозяйством. Все сильнее сказывалось негативное воздействие командно-административной системы. Медленное развитие аграрного сектора приводило к возникновению отраслевых диспропорций и несбалансированности, отрицательно влияло на темпы экономического развития страны, уровень благосостояния народа.

Сентябрьский (1953) Пленум ЦК КПСС наметил конкретные пути развития сельского хозяйства. Начиная с 1953 г. в стране предпринимались энергичные меры по подъему сельского хозяйства. Были увеличены капитальные вложения, введены новые заготовительные и закупочные цены на многие виды сельскохозяйственной продукции, уменьшены налоги с колхозников и упорядочена вся система налогообложения, совершенствовалось планирование. С целью активизации подъема сельского хозяйства была произведена реорганизация его местных органов путем сокращения штатов. Это позволило перераспределить кадры, послав часть их на работу в колхозы и МТС.

Быстрое развитие советской экономики во второй половине 1950-х гг. позволило из года в год наращивать размеры государственных капитальных вложений в аграрный сектор, более полно реализовывать возросшие возможности хозяйств. Если за годы пятой пятилетки государственные капитальные вложения и сельское хозяйство РСФСР в 2,2 раза превысили их размеры в четвертой пятилетке, то в 1956—1960 гг. они в 1,8 раза были выше уровня 1951—1955 гг. Это вело к увеличению неделимых фондов колхозов и основных фондов совхозов. Стоимость основных средств совхозов в расчете на одно хозяйство возросла на Урале с 5 млн р. в 1950 г. до 37 млн р. в 1960 г.

Рост капиталовложений позволил заметно укрепить материально-техническую базу сельского хозяйства путем роста его технической оснащенности. Постоянно возрастали поставки техники селу. Если в годы четвертой пятилетки сельское хозяйство СССР получило 247,8 тыс. тракторов и 281,1 тыс. грузовых автомобилей, то в годы пятой пятилетки — соответственно 427,2 и 410,4 тыс., в шестой — 747,5 и 484 тыс. В результате парк тракторов в сельском хозяйстве страны увеличился за 1950-е гг. в 1,9 раза. Существенно обновилась структура тракторного парка за счет тракторов марок ДТ-54, КД-35, КДП-35, «Беларусь» и др., которые соответствовали в те годы уровню мировых стандартов. Одновременно на селе возросло число картофелеуборочных и силосоуборочных комбайнов, льномолотилок и льнотеребилок, навесных машин и орудий и др. Однако уральские области получали недостаточно специализированных машин и орудий, в хозяйствах имелось много устаревшей техники. Так, в 1955 г. в составе машинотракторного парка совхозов региона 5,0% составляли устаревшие тракторы типа «Универсал», 24,0% — СХТЗ.

Большое значение для укрепления материально-технической базы колхозов имело изменение системы их технического обслуживания. К концу 1950-х гг. экономическое и организационное укрепление артелей потребовало совершенствования их взаимоотношений с МТС. Поскольку колхозы стремились сосредоточить у себя сложную технику и получить большую самостоятельность при ведении хозяйства, то в 1958 г. МТС были реорганизованы в ремонтно-технические станции, а их техника

продана колхозам. Для облегчения покупки техники с колхозов списывали задолженность прошлых лет по обязательным поставкам, контрактации и натуральной оплате МТС. Машины продавались в рассрочку с правом погашения платежа в течение нескольких лет. С реорганизацией МТС начался качественно новый этап в развитии материально-технической базы сельского хозяйства.

Важный фактор укрепления сельского хозяйства — электрификация. В течение 1950-х гг. в стране происходило улучшение качества сельской электрификации, росли ее масштабы. В 1953 г. для колхозов были отменены ограничения в использовании государственных централизованных энергоисточников. Улучшилось и материально-техническое снабжение сельских электростанций. К 1960 г. электрификация совхозов на Урале была практически завершена. Однако не электрифицированных колхозов оставалось еще достаточно много. Массовая электрификация деревни привела к росту потребления электроэнергии сельскохозяйственными предприятиями. За 1953—1958 гг. она увеличилась в колхозах региона в 2,4, а в совхозах — в 3 раза. Энерговооруженность сельскохозяйственного труда значительно возросла, особенно в совхозах промышленно развитых областей.

Электрификация деревни позволила приступить к механизации трудоемких процессов. В 1955 г. 86 % совхозов региона применяли электроэнергию в земледелии, в том числе 56 % хозяйств использовали ее для приготовления кормов, 62 % для водоснабжения животноводческих ферм, 29 % хозяйств имели доильные аппараты. Однако, несмотря на высокий процент электрифицированных хозяйств, применение электроэнергии в производстве ограничивалось тем обстоятельством, что большинство электростанций в хозяйствах были малой мощности.

В начале 1950-х гг. на Урале остро стоял вопрос об обеспеченности сельского хозяйства кадрами. Пополнить трудовые ресурсы уральской деревни планировалось по-прежнему путем сельскохозяйственного переселения. За 1950—1953 гг. на Урал прибыло 18,8 тыс. крестьянских семей, в которых насчитывалось 83,4 тыс. человек. Переселение способствовало стабилизации численности сельского населения в регионе. В результате если в 1950-е гг. количество сельчан в СССР продолжало сокращаться, то на Урале оно возросло более чем на полмиллиона человек (с 4670 тыс. в 1950 г. до 5321 тыс. в 1959 г.).

Много внимания в 50-е гг. уделялось обеспечению сельского хозяйства квалифицированными кадрами. С целью повышения общеобразовательного и профессионального уровня председателей колхозов двухгодичные школы по подготовке руководящих кадров колхозов были реорганизованы в средние сельскохозяйственные школы с трехлетним сроком обучения. На улучшение качественного состава председателей было нацелено и решение о направлении в колхозы тридцатипяти тысячников. При этом следует отметить, что широкое привлечение к руководству сельским хозяйством неспециалистов оправдывалось далеко не всегда.

В 1950-е гг. улучшилась обеспеченность сельского хозяйства специалистами. По данным на конец 1960 г. в регионе в аграрном секторе работало 17,6 тыс. специалистов с высшим и средним специальным образованием. Хуже обстояли дела с механизаторскими кадрами, особенно в Оренбуржье. В 1954—1960 гг. из-за тяжелых бытовых условий состав механизаторов ежегодно менялся там наполовину.

Большое внимание в эти годы, как и в предшествующий период, уделялось концентрации сельскохозяй-

ственного производства путем укрупнения колхозов, а кроме этого, с 1954 г. началось массовое преобразование колхозов в совхозы. На Урале перевод колхозов в совхозы начался с 1957 г. За 4 года на базе 967 колхозов было организовано 120 совхозов. Это позволило не только оказать помощь отстающим хозяйствам, но и улучшить материальное положение их работников. Однако преобразование многих экономически сильных артелей не дало желаемого результата. Более того, большинство новых хозяйств оказались убыточными.

Укрепление материально-технической базы сельского хозяйства, стабилизация численности сельского населения, повышение материальных стимулов к труду, совершенствование экономических взаимоотношений государства и колхозов — все это способствовало позитивным сдвигам в развитии сельскохозяйственного производства. Важнейшая задача сельского хозяйства Урала состояла в обеспечении городского населения продуктами животноводства, картофелем и овощами. Южные районы имели благоприятные условия для производства дешевого товарного зерна.

В рассматриваемые годы территория Урала делилась на ряд сельскохозяйственных зон, отличающихся друг от друга по уровню экономического развития, природно-климатическими условиями. Это зоны мясного животноводства с пушным звероводством, мясомолочная, зерново-животноводческая и другие с ярко выраженной специализацией сельского хозяйства. Последняя осуществлялась путем создания специализированных хозяйств с концентрацией в них производства определенных продуктов. Так, в пригородных зонах производились обычно цельное молоко, овощи, продовольственный картофель, яйца.

Важнейшей отраслью сельского хозяйства Урала в 1950-е гг. оставалось земледелие. За это время размеры землепользования и структура посевных площадей претерпели существенные изменения, что во многом было связано с освоением новых земель, пригодных для использования в сельском хозяйстве. Началось оно по решению февральско-мартовского (1954) Пленума ЦК КПСС (35). За 1954-1960 гг. на Урале было распахано 2 925 тыс. га целинных и залежных земель. Из них 1398 тыс. в Оренбургской области, 888 тыс. — в Челябинской, 536 тыс. — в Курганской и 105 тыс. — в Свердловской области. В результате, если в 1953 г. площадь обрабатываемой пашни составляла на Урале 14,9 млн га, то в 1959 г. она равнялась 17,6 млн га, т. е. была на 18,1 % больше. За этот же период размеры сельхозугодий увеличились всего на 1,5 %. что было следствием их сокращения в уральском Нечерноземье. Процент пахотных земель в составе сельхозугодий поднялся на Урале с 55 до 64. Это означало, что колхозы и совхозы стали лучше использовать свои земли. Изменилось соотношение и между основными землепользователями: в связи с освоением целины и массовым преобразованием колхозов в совхозы доля последних быстро росла.

Параллельно с увеличением пахотных земель на Урале росли и посевы сельскохозяйственных культур. Большая часть прироста посевов в регионе приходилась на середину 1950-х гг. - период наиболее активного освоения целины. Целинные и залежные земли дали заметное увеличение посевов зерновых и кормовых культур, однако они находились в засушливой зоне и требовали новой системы земледелия, которая отсутствовала. В результате были допущены серьезные ошибки при применении агротехники, неправильно вводилась монокультура пшеницы, запахивались многолетние травы, сокращались чистые пары, мало применялись удобрения и т. д.

В итоге поля стали засоряться, увеличилась подверженность почв ветровой и водной эрозии. Ошибки освоения усугублялись и сильными засухами 1955 и 1957 гг. Поэтому урожайность зерновых на Урале росла медленно. Если в годы четвертой пятилетки она составляла 7,3 ц с 1 га (в среднем за год), то в пятой — 7,7 ц, в шестой — 9,4 ц.

Проводимое без должной научной проработки освоение новых земель отвлекало ресурсы от укрепления сельского хозяйства, направляло развитие зернового хозяйства по экстенсивному пути. Тем не менее, освоение новых земель позволило увеличить производство зерна. Если в четвертой пятилетке валовой сбор зерна в СССР составлял в среднем в год 64,8 млн т, то в пятой — 88,5, шестой — 121,5 млн т. На Востоке страны была создана новая хлебная житница. Темпы роста среднегодового, производства зерна в годы пятой пятилетки по отношению к четвертой составляли 136,6 %, в годы шестой по отношению к пятой — 137,3%. Еще более высокими темпами среднегодовое производство зерна росло на Урале. В результате доля региона в зерновом хозяйстве страны постоянно увеличивалась — с 7,1 % в 1946—1950 гг. до 7,2 % в 1951—1955 гг. и 8 % в 1956—1960 гг.

В 1950-е гг. меняется структура посевов зерновых. Быстро растет удельный вес яровой пшеницы, в основном за счет целинных районов Южного Урала. В Пермской области, наоборот, увеличились посевы озимой ржи, хорошо переносящей продолжительную уральскую зиму и неустойчивую весну. В Свердловской области расширились посевы зернофуражных культур — ячменя, овса, вики на зерно, что должно было улучшить обеспечение животноводства высококалорийными белковыми кормами.

Данные о структуре посевных площадей показывают, что сельское хозяйство края носило ярко выраженное зерновое направление. Между тем, бурный рост промышленности и городского населения требовал резкого увеличения производства животноводческой продукции. Это привело к расширению посевов кормовых, которые в 1950-е гг. стали занимать свыше четверти всех посевов. Однако растущему поголовью скота остро недоставало кормов, поэтому в регионе уделялось серьезное внимание улучшению имеющихся и созданию новых лугов и пастбищ, освоению солонцовых пастбищ, принимались меры для повышения урожайности клевера, тимофеевки, люцерны. Во второй половине десятилетия в стране стали отказываться от травопольной системы и повсеместно насаждать кукурузу. Она должна была стать основой подъема животноводства. Только в Оренбургской области посевы кукурузы возросли с 9,3 тыс. га в 1950 г. до 244,8 тыс. га в 1960 г., т. е. в 26 раз. Кукурузу стали выращивать даже в тех районах, например Верхотурском Свердловской области, где она давала низкие урожаи зеленой массы. В результате оптимальное сочетание структуры посевов стало разрушаться.

Площади, занятые овощебахчевыми и техническими культурами, остались без изменений, однако удельный вес их в посевах снизился. Посевы картофеля были увеличены незначительно, но больше внимания стали уделять выращиванию продовольственных сортов (их возделывали главным образом хозяйства пригородной зоны). В результате производство картофеля обеспечивало потребности местного населения, а нужды в продукции животноводства удовлетворялись при этом только на 20—25,0%. Хуже обстояло дело с овощеводством, которое не обеспечивало население овощами. Большая часть производимой продукции приходилась на долю капусты, тогда как огурцов, помидоров, лука, редиса выращивали мало. Исключение составляла Свердловская область, где широкое распространение получило овощеводство в закрытом грунте. Низкая урожайность овощей,

их малый ассортимент, плохая организация хранения приводили к сезонному потреблению. Высока была и себестоимость продукции, обусловленная низкой урожайностью и слабой механизацией работ. В результате часть продукции на Урал поставлялась из других регионов. В 1957 г. только в Свердловскую область было завезено 23 тыс., а в 1958 г. — 78 тыс. т овощей. Данные о производстве растениеводческой продукции на Урале всеми категориями хозяйств свидетельствуют, что прирост овощекартофельной продукции в 1950-е гг. был весьма незначительным.

Новой отраслью сельского хозяйства на Урале стало садоводство. Закладывались новые колхозные, коллективные и приусадебные сады, росли валовые сборы плодов и ягод. Для населения Урала, потреблявшего фруктов значительно меньше физиологической нормы, это было особенно важно (в 1956 г. потребление фруктов в Свердловской области было ниже нормы в 140 раз).

От состояния земледелия зависело животноводство. Рост производства фуражных культур укрепил его кормовую базу. Подъему животноводства способствовали и повышение государственных заготовительных цен, усиление материального стимулирования работников отрасли, снижение норм поставок продуктов с личного подсобного хозяйства. Предпринимались меры по улучшению содержания скота, механизации животноводства, подготовке кадров. В результате поголовье всех видов скота на Урале в годы шестой пятилетки значительно выросло. Однако довоенный уровень был существенно превышен только по свиноводству, что же касается овец и коз, то восстановить их поголовье не удалось.

Гораздо слабее на Урале было развито птицеводство. Исключением являлась Курганская область, где производство мяса птицы и яиц в расчете на душу населения вдвое превышало средний по региону уровень. Во многих уральских областях разводили кроликов. Наиболее благоприятные условия для кролиководства были в нечерноземных районах, располагавших большими лесными массивами и хорошей кормовой базой. Медленно развивалось овцеводство, особенно в Нечерноземье. В колхозах из-за большого количества мелких ферм увеличивались затраты на производство шерсти и мяса, затруднено было ведение племенной работы.

Для сельского хозяйства 1950-х гг. были характерны высокие темпы прироста животноводческого производства, Однако в 1958 - 1960 гг. на положении в отрасли крайне негативно отразилась волонтаристская попытка догнать и перегнать США по производству основных продуктов животноводства в расчете на душу населения. Ситуацию усложнили и предпринятые в те годы меры по ограничению личного подсобного хозяйства населения. Насаждение в стране, в том числе и на Урале, «опыта» колхоза села Калиновка Курской области по обобществлению скота колхозников заметно уменьшило размеры сельскохозяйственного производства в индивидуальном секторе. Допускавшиеся серьезные ошибки в области аграрной политики снижали темпы развития отрасли. Ниже общесоюзных показателей темпы развития отрасли были на Урале, в результате доля региона в производстве животноводческой продукции постоянно снижалась.

В послевоенные годы сельское хозяйство на Урале наиболее высокими темпами развивалось в шестой пятилетке, а самыми низкими — в пятой. Данные о продукции сельского хозяйства Урала в сопоставимых ценах 1958 г. показывают, что среднегодовые темпы роста в годы четвертой пятилетки составляли по отношению к 1945 г. 5,5 %. В годы пятой пятилетки по отношению к четвертой темпы роста составляли 1,5 %, а в годы шестой пятилетки по отношению к пятой — 7,3 %. Неблагоприят-

ные погодные условия в начале 1950-х гг. в сочетании с отсутствием материальной заинтересованности крестьянства в развитии производства, сохранение командно-административных методов управления сельским хозяйством привели к тому, что в Оренбургской, Пермской областях и Удмуртии среднегодовое производство в пятой пятилетке было ниже, чем в четвертой. Вторая половина 1950-х гг. на Урале характеризуется высокими темпами роста сельскохозяйственного производства, особенно 1956 и 1959 гг. Максимальный прирост был отмечен в Челябинской и, особенно, в Оренбургской области, чему в немалой степени способствовало освоение целинных земель.

В 1950-е гг. главным производителем сельскохозяйственной продукции по-прежнему оставались колхозы, однако во второй половине десятилетия значительно возрастает роль совхозного производства. В результате строительства новых совхозов в целинных районах и их организации на базе колхозов и МТС удельный вес госсектора в валовом сельскохозяйственном производстве повышается с 14,2 % в 1951 г. до 29,1 % в 1960г., а для колхозов сокращается с 64,7 до 38,0 %. Наибольший удельный вес совхозов и других госхозов был в сельском хозяйстве Челябинской области, самый низкий - в Пермской области и Удмуртии, где основными производителями сельскохозяйственной продукции оставались колхозы.

Весомым был вклад в сельскохозяйственное производство хозяйств населения, производивших в первой половине 1950-х гг. около трети, а во второй — свыше трети всей продукции сельского хозяйства региона. Наиболее широко индивидуальный сектор был представлен в нечерноземных областях Урала. В Пермской области, например, в отдельные годы население в индивидуальных хозяйствах производило больше продукции, чем колхозы, а также совхозы и прочие госхозы, вместе взятые. На Южном Урале доля индивидуальных хозяйств была значительно меньше.

Расчеты показывают, что за 1946 – 1960 гг. больше всех сельскохозяйственной продукции произвела Оренбургская область. За ней по объемам производства следовали Свердловская, Пермская, Челябинская, Курганская области и Удмуртская АССР. Аграрный сектор на Урале в послевоенные годы в среднем производил 5,0—5,5 % валовой продукции сельского хозяйства СССР. Эти достаточно много, поскольку две трети населения региона - горожане. В 1959 г. труженики уральской деревни составляли 4,9% сельского населения страны, а произвели они 9,8% общесоюзного сбора зерновых, 7,5% картофеля, 6,3% овощей, 5,2% мяса, 6,1% молока, 4,8% яиц. Если учесть, что на Урале проживало 6,8% населения СССР, то очевидно, что сельское хозяйство края могло обеспечивать полностью своих жителей только хлебопродуктами и картофелем, а продукцией животноводства — лишь на 85 - 90%.

В послевоенные годы рост сельскохозяйственного производства позволил значительно улучшить обеспечение населения края продовольствием. Уровень потребления основных продуктов питания значительно вырос и намного превзошел довоенный. По данным обследования бюджетов рабочих в их семьях значительно возросло потребление калорийных продуктов - мяса, молока, рыбы, а также фруктов и овощей. В 1958 г. потребление мяса и мясopодуlктов в семьях рабочих Свердловской области превосходило довоенный уровень в 3 раза, молока и рыбы - в 1,6, яиц — в 1,8 раза, овощей и бахчевых — в 2,2, фруктов и свежих ягод — в 2,7 раза. Выросло потребление животноводческой продукции и на селе, но в гораздо меньших размерах. Одновременно сократилось потребление сельчанами менее калорийных продуктов.

Для сельского хозяйства Урала в 1946—1960 гг. было характерно быстрое восстановление в первые послевоенные годы, спад в 1951—1952 гг. и затем быстрый подъем. В других регионах аграрный сектор развивался более равномерно. Несмотря на рост в целом сельскохозяйственного производства Урала, вклад его в создание продовольственного фонда страны снизился. Это произошло в связи с восстановлением экономики в западных районах СССР. Исключение составляли зерновые. За 1946 - 1960 гг. на Урале было заготовлено 42,5 млн т зерна (7,7 % от заготовки в СССР). Фактически это означало, что освоение уральской целины привело к еще большему перекосу в сторону зернового хозяйства. Это во многом отрицательно сказалось на решении главной задачи сельского хозяйства региона — обеспечении своего населения основными продуктами питания. В конце 1950-х гг. сельское хозяйство Урала, как и страны в целом, столкнулось с серьезными трудностями. Они были вызваны серьезными ошибками в области аграрной политики, попыткой добиться ускоренного развития сельского хозяйства за счет волевых решений. Программа тех лет по животноводству, необдуманное повсеместное выращивание кукурузы, ограничение личных подсобных хозяйств населения, необоснованное преобразование многих колхозов в совхозы, реорганизация структуры управления сельскохозяйственных органов серьезно отразились на темпах развития аграрного сектора. В результате в первой половине 1960-х гг. по сравнению с 1959 г. на Урале не было прироста сельскохозяйственного производства.

С.А. Пьянков

Уральский государственный педагогический университет, г. Екатеринбург

РАЗВИТИЕ ПЧЕЛОВОДСТВА В ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Пчеловодство в крестьянском хозяйстве Пермской губернии являлось подсобным занятием и зачастую, по оценкам современников, имело вспомогательное значение в хозяйственной деятельности населения. Однако там где этот вид сельскохозяйственного промысла был развит, он давал значительное подспорье и позволял выручить значительные денежные средства, необходимых для выплат налоговых сборов. Мед и воск как ценнейшие продукты пользовались неизменным спросом населения (1).

На территории Пермской губернии пчеловодство не имело повсеместного распространения, что объяснялось природно-климатическими условиями. Являясь технологически сложным процессом, пчеловодство требовало специализированных знаний, которые в среде местного населения передавались из поколения в поколение. В своем географическом описании подполковник генерального штаба Х. Мозель указывал: «Пчеловодство по климату и местным условиям здешнего края развито не повсеместно, а только в южных местах губернии, где климат умереннее и флора разнообразнее. Вообще пчеловодство имеет некоторое значение только в Красноуфимском, Осинском, Оханском и Кунгурском уездах, а в Пермском, Соликамском и Шадринском оно составляет скорее забаву, чем особую промышленность. Еще надо сказать, что пчеловодством занимаются с любовью только башкиры, тептяри и черемисы, что же касается до рус-

ских, то из них охотников до пчел весьма не много» (5, 77—78).

В Пермской губернии различали три вида, или приемы пчеловодства: 1) бортевое, 2) пасечно-колодное и 3) пасечно-рамочное (3).

Традиционным способом ведения пчеловодства было лесное бортевое. Этим видом пчеловодства занимались преимущественно инородцы Красноуфимского уезда, а так же некоторые крестьяне. Точное количество бортевого пчеловодства в губернии не было известно, но по приблизительным оценкам, к концу XIX века у красноуфимских бортевиков имелось до 1666 бортей (3). Лесное бортевое пчеловодство «состояло в том, что крестьянин ставил в лесу на дерево чурку, борт или улей, оставляя его без всякого надзора и попечения на все лето. В августе хозяин пчеловод приходил к своим бортям для того, чтобы взять мед, ... и оставлял пчелам только самое небольшое количества меда, для пропитания в продолжение зимы» (5, 79).

Второй способ ведения пчеловодства предполагал домашнее содержание пчел, когда «чурки или ульи ставились вокруг жилья, в огородах или гуменниках». Изготавливались ульи из толстых сосновых кряжей и покрывались берестой. Каждый улей давал хозяину-пчеловоду от 25 до 30 фунтов меда. Один пчеловод имел от 10 до 20 ульев и редко более 30 (5, 80). Больших пасек с наемным пчеловодом и полным инвентарем в Пермской губернии до конца XIX века не существовало. В основном в Пермской губернии преобладали мелкие домашние хозяйства, редко доходящие до 20 ульев (см. табл. 1). В официальных приложениях к отчетам пермского губернатора указывается, что основной целью пчеловодства было удовлетворение собственных потребностей пчеловодов, данное занятие имело не только хозяйственное значение, но являлось своеобразным хобби (8).

Более совершенные рамочные ульи стали входить в обиход пчеловодов в конце XIX века. В Пермской губернии по данным 1897 года преобладали ульи «колоды» или «чурки», каковых насчитывается 140627, что составляло 97 % всех ульев, 2678 бортей (2 %) и 1766 рамочных ульев (1%) (3). Кто первым приобрел в Пермской губернии рамочные ульи, неизвестно. Но в 1882 г., например, как сообщает господин Курбатов в рукописи «Пчеловодство в Пермской губернии» в Красноуфимском уезде в имении Поклевского-Козелл «Тютя» существовала пасека, на которой хозяйство велось под наблюдением ученого пчеловода из Варшавы и насчитывалось до 100 рамочных ульев. При пасеке была создана мастерская для изготовления ульев, но, просуществовав 2—3 года, пасека прекратила свою работу. Несмотря на короткий период существования пасеки, она принесла довольно значительную пользу. Крестьяне из окрестных деревень переняли данный способ пчеловодства, кроме того, «слава о существовании пасеки облетела всю губернию, и крестьяне из других уездов также приезжали подивиться новому способу пчеловодства» (3).

Значительный вклад в развитие пчеловодства в Пермской губернии внесло земство. Распространение данного вида сельскохозяйственной деятельности происходило путем популяризации и финансовой помощи. Развитие пчеловодного промысла стало возможным благодаря распространению рамочных ульев, снабжению населения семенами для посевов медоносных трав, знакомству с рациональными приемами пчеловодства путем бесед и устройству образцовых пчельников (10, 262).

Более активное территориальное распространение пчеловодства произошло в конце XIX века. Так, например, Ирбитское земское собрание 1879 года поручило

управе дать пособие в 100 рублей диакону с. Голубковского Юдину, решившему заняться пчеловодством.

Таблица 1

Распределение хозяйств по количеству ульев в Пермской губернии в 1897 году*

Уезд	От 1 до 20 улья	20-50 ульев	50-100 ульев	100-200 ульев	200-300 ульев	300-400 ульев
Осинский	2392	759	276	79	10	2
Красноуфимский	1679	32	83	20	2	2
Пермский	900	118	29	6	1	-
Екатеринбургский	75	25	11	4	1	-
Кунгурский	1034	80	10	-	-	-
Оханский	1648	198	29	9	-	-
Верхотурский	4	-	1	-	-	-
Соликамский	433	7	-	-	-	-
Чердынский	85	2	-	-	-	-
Камышловский	19	-	-	-	-	-
Ирбитский	4	-	-	-	-	-
Шадринский	3	-	-	-	-	-
Итого	8274	1221	439	118	14	4

* Колотилов П. П. Кое-что о пчеловодстве в Пермской губернии // Пермские губернские ведомости. 1898. 11 ноября. С. 2.

В 1881 г. он приобрел две семьи и в первое же лето получил 24 фунта меда, но зимовка оказалась неудачной, и пчелы погибли. Зимой 1882—1883 г. завел пчел священник с. Волковского Цветухин, но и они также не развелись. Неудачным оказался опыт и священника с. Шамаковского Мостовского, хотя ранее он успешно занимался пчеловодством в Красноуфимском уезде. После столь плачевного начала, Ирбитское земство вернулось к развитию пчеловодства только после десятилетнего перерыва в 1894 году. Дело развития пчеловодства сдвинулось, и год от года число пасек в Ирбитском уезде стало увеличиваться, в 1903 г. насчитывалось уже 22 пасеки. Занимались в это время пчеловодством 5 учителей, 5 священников, 3 диакона и 9 крестьян. В начале XX века развитие пчеловодства ускорило: в 1907 году в Ирбитском уезде насчитывалось уже 64 пасеки с 215 семьями. Расширился контингент занимавшихся пчеловодством, по данным на 1911 год среди пасечников было 109 крестьян, 17 священников, 6 псаломщиков, 11 учителей, 9 мещан, 8 разночинцев, кроме того, имелись 3 школьных пасеки и 1 — общества пчеловодов. К 1913 год число пасек возросло до 180 с 1394 семьями, самая крупная пасека насчитывала 73 семьи (2).

Последним из уездов, в котором получило распространение пчеловодство, стал самый северный уезд губернии — Верхотурский. Возникновение этого промысла в Верхотурском уезде относится к началу XX века. Пионерами этого дела были интеллигенты — учителя, фельдшера, начальники и другие служащие железнодорожных станций, духовенство и прочее, а затем при содействии земского агрономического персонала постепенно стали приобретать пчел и более развитые крестьяне.

В 1913 году в Верхотурском уезде земским пчеловодом-инструктором зарегистрировано 879 рамочных ульев, из которых 353 принадлежат монастырям, духовенству и остальные 191 улей распределялись между представителями интеллигенции. Наибольшее количество ульев рамочной системы находилось в Нижнем Тагиле (215 ульев), в Топорковской волости (173 улья), а остальные распределялись более или менее равномерно в 10 волостях уезда. В целях обучения начинающих пчеловодов рациональной постановке и правильному уходу за пчелами уездом земством содержался особый инструктор (6, 64).

Популяризация пчеловодства также была связана с деятельностью Кунгурского общества пчеловодов, которое было учреждено 16 апреля 1895 года. Целью данного общества была пропаганда рационального пчело-

водства. Обществом была организована образцово-показательная пасака, проводились чтения, беседы. По данным Кунгурского общества пчеловодства всего в губернии в 1897 году существовало 27 современных, рационально устроенных пасек, 13 из которых располагались в Кунгурском уезде (4).

К началу Первой мировой войны пчеловодство в Пермской губернии продолжало развиваться в основном в приуральских уездах: Осинском, Кунгурском, Красноуфимском, а из зауральских в Ирбитском. В 1914 году в Оханском уезде занималось пчеловодством 1492 человека, доход от пчеловодства составлял 40281 рубль (7, 45). Основным центром рационального пчеловодства стал Кунгурский уезд, где активно продолжало действовать общество пчеловодов (рис. 1).

С началом первой мировой войны пчеловодство, как и другие промыслы сельского населения, теряло свое хозяйственное значение (8, 41). Пчеловодство в Пермской губернии не стало значительной отраслью, как это было в сопредельной Уфимской губернии. Пчеловодство, являясь сложным в технологическом плане, привлекало, прежде всего, людей образованных, а также крестьян, интересующихся передовыми методами сельскохозяйственного производства.

Список литературы

1. ГАПК (Государственный архив Пермского края) Ф. 208. Оп. 1. Д. 9. Л. 109.
2. Еремин А. С. Зарождение пчеловодства в Ирбитском уезде Пермской губернии // *Летопись уральских деревень: Тезисы докладов региональной научно-практической конференции. Екатеринбург, 1995. С. 48—50.*
3. Колотилов П. П. Кое-что о состоянии пчеловодства в Пермской губернии // *Пермские губернские ведомости. 1898. 10 ноября. С. 2.*
4. Колотилов П. П. Кое-что о состоянии пчеловодства в Пермской губернии (Окончание) // *Пермские губернские ведомости. 1898. 11 ноября С. 2—3.*
5. Мозель Х. Материалы для географии и статистики России собранные офицерами генерального штаба. Пермская губерния: в 2-х частях. СПб., 1864. Ч. 2.
6. Обзор Пермской губернии за 1913 год. Пермь, 1914.
7. Обзор Пермской губернии за 1914 год. Пермь, 1915.
8. Обзор Пермской губернии за 1915 год. Пермь, 1916.
9. ПКМ (Пермский краеведческий музей) Инв. № 16916/172 [Обзор Пермской губернии за 1889 г. Приложение к отчету губернатора. Естественные и производительные силы губернии и экономическая деятельность ее населения. Пермь : [б.м.],[б.г.] (лист 4)
10. Россия: Полное географическое описание нашего отечества: настольная и дорожная книга для русских людей / Под. ред. В. П. Семенова. — Репр. изд. — Екатеринбург, 2005. Т. 5 : Урал и Приуралье.

Рис.1. Рекламное объявление Кунгурского общества пчеловодов в прессе начала XX века. Пермские губернские ведомости. 1913. 11 апреля. С. 4.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КРЕСТЬЯНСКИХ ХОЗЯЙСТВ КУРГАНСКОГО ОКРУГА В 1924 – 1927 ГГ.

Крестьянские хозяйства в данный период согласно документации статистических органов подразделялись на следующие категории: 1) единоличные; 2) государственные (совхозы и опытные хозяйства); 3) коллективные хозяйства (коммуны, земледельческие артели и товарищества по совместной обработке земли); 4) подсобно-производительные кооперативы (для совместного приобретения и использования с/х машин, племенных производителей и т.п.) (1). Определим количество крестьянских хозяйств Курганского округа в каждой из этих категорий. В сводной ведомости за 1924 год выявлено 89242 хозяйства, из которых 88682 (99,42%) – единоличные, 548 (0,61%) – коллективные, 12 (0,014%) – совхозов и опытных хозяйств (2). Число подсобно-производительных кооперативов на 1 октября 1926 года составляло 403 (3).

Рассмотрим экономическое положение каждой категории крестьянских хозяйств Курганского округа в 1924 – 27 годах. Для сравнительного анализа единоличных хозяйств используем следующие документы – итоги выборочного обследования единоличных хозяйств Курганского округа за 1925 год и сведения о группировке единоличных хозяйств по экономическим признакам Белозерского района Курганского округа за 1925 год. Обозначим разделение крестьянских хозяйств на следующие подгруппы: 1) сельские пролетарии (батраки) – безлошадные, бескоровные и беспосевные хозяйства; 2) бедняки – однолошадные, однокоровные и до 3 десятин посева зерновых культур; 3) середняки – 2-4-лошадные, 2-4-коровные и от 4 до 13 десятин посева; 4) зажиточные (кулаки) – многолошадные, многокоровные, свыше 14 десятин посева. Естественно, что данное деление не может быть абсолютно точным ввиду отсутствия данных по количеству членов семьи, их основному занятию и т.д. Вместе с тем такое разделение объективно показывает определенные тенденции и закономерности. Среди 88682 единоличных хозяйств Курганского округа в 1925 году было проведено выборочное обследование 4525 хозяйств из всех 15 районов округа (табл. 1) (4).

Таблица 1

Подгруппы крестьян. хозяйств	Число хозяйств			Средний % от общего количества хозяйств
	по лошадям	по коровам	по посеву	
1 подгруппа	1014 (22%)	467 (10%)	270 (6%)	12,7%
2 подгруппа	1447 (32%)	1852 (41%)	1452 (32%)	35%
3 подгруппа	1892 (42%)	1886 (42%)	2733 (60,7%)	48,2%
4 подгруппа	172 (4%)	320 (7%)	76 (1,6%)	4,2%

Сведения о группировке единоличных хозяйств Белозерского района по экономическим признакам за 1925 год содержат данные по 71 селу, где было зарегистрировано 8242 единоличных хозяйства (табл. 2) (5).

В целом положение единоличных крестьянских хозяйств Курганского округа в 1924 – 27 годы характеризуется следующим образом: группа батраков и беднейших крестьян – около 50%, середняков – от 45 до 48% и зажиточного крестьянства – от 2,8 до 4,2%.

Рассмотрим экономическое состояние государствен-

ных сельхозпредприятий. По данным за 1924 год в Курганском округе зарегистрировано 12 сельхозпредприятий – 7 совхозов (в Белозерском, Чаусовском, Утятском, Звериноголовском и Юргамышском районах) и 5 опытных хозяйств (в Макушинском, Лопатинском и Звериноголовском районе). В 12 совхозах было занято 189 сельхозрабочих и имелось 343 лошади, 765 голов крупного рогатого скота, 312 свиней (6). Кроме этого данные предприятия засеивали 3351 десятина зерновых культур. Рассчитаем условную долю рабочего и молочного скота и посевных площадей на каждого сельхозрабочего. В среднем на долю каждого приходилось 2 лошади, 4 коровы и 12,4 десятины посева зерновых. Используя методику, применяемую к оценке единоличных хозяйств, можно с уверенностью утверждать о довольно высокой эффективности и достаточной оснащенности (по меркам того времени) госсельхозпредприятий.

Таблица 2

Подгруппы крестьян. хозяйств	Число хозяйств			Средний % от общего количества хозяйств
	по лошадям	по коровам	по посевам	
1 подгруппа	1940 (23,5%)	808 (9,8%)	875 (10,6%)	14,6%
2 подгруппа	3064 (37,2%)	2843 (34,5%)	3295 (40%)	37,2%
3 подгруппа	3102 (37,6%)	4091 (49,6%)	3915 (47,5%)	44,9%
4 подгруппа	70 (0,8%)	481 (5,8%)	158 (1,9%)	2,8%

Переходя к рассмотрению коллективных хозяйств, необходимо сделать определенные поправки относительно 3 категории хозяйств. На наш взгляд, более уместно отделить коммуны от артелей и товариществ, т.к. принципы их деятельности различны. В основу деятельности коммун положен принцип абсолютного материального равенства ее членов и, в свою очередь, исключен основной принцип кооперации - чем больше вклад, тем выше вознаграждение. Отметим, что данная категоризация - не результат самостоятельности окружных и областных властей, а лишь использование классификации кооперативных товариществ, изданной центральным статистическим управлением в 1923 году. По этой классификации сельскохозяйственная кооперация включала: 1) производительные кооперативы в земледелии (коммуны и артели); 2) подсобно-производительные кооперативы; 3) кооперативы по снабжению орудиями и средствами с/х производства; 4) кооперативы по сбыту продуктов с/х производства; 5) смешанные с/х кооперативы (7).

По данным Курганского окружного статбюро в 1924 году в округе действовало 17 коммун, в том числе 2 коммуны - им. Ленина и им.Троцкого в Белозерском районе (8). Полные данные сохранились только за 1927 год, где указано, что с/х коммуна им. Ленина была основана в Белозерском районе 30 августа 1924 года и в 1927 г. объединяла 19 членов, которые использовали 8 лошадей и 14 коров. Количество посевов не зафиксировано. По второй коммуне им. Троцкого этого же района никаких данных нет, можно предположить, что она была преобразована, получив другое название.

Подводя итог, отметим, что общее количество коммун во второй половине 1920-х годов сокращалось по причине их слабой хозяйственной основы, что объективно приводило к уменьшению их членов. Так, в Курганском округе на 1 октября 1926 г. было зарегистрировано 11 с/х коммун, объединяющих 247 коммунаров (9).

Рассмотрим экономическое положение 548 коллективных хозяйств, существовавших в форме артелей и товариществ. По данным на 1924 год количество сельских кооператоров было 1365 человек, они имели 471 лошадь, 976 коров и засеивали 3954,4 десятины зерновых культур (10). В среднем, каждый кооператор имел в собственно-

сти 0,3 лошади, 0,7 коровы и 2,9 десятины посева. Исходя из классификации, применяемой к оценке единоличных хозяйств, можно утверждать, что экономическое положение в трудовых земледельческих артелях и товариществах по совместной обработке земли было очень сложным и соответствовало нижней границе бедной подгруппы сельского населения.

Подведем итоги: экономическое положение крестьянских хозяйств Курганского округа в 1924 – 27 годы в целом улучшалось, хотя большие группы крестьян продолжали находиться в бедственном положении, несмотря на все попытки его преодолеть.

Список литературы

1. ГАКО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 31. Л. 74.
2. ГАКО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.
3. ГАКО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 31. Л. 58 об.
4. ГАКО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 19. Л. 25.
5. ГАКО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 12. Л. 1.
6. ГАКО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 5. Л. 3.
7. ГАКО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 23. Л. 16 – 19.
8. ГАКО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 7. Л. 30.
9. ГАКО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 31. Л. 60.
10. ГАКО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 5. Л. 6.

М. К. Стэльмах
Институт истории и археологии УРО РАН,
г. Екатеринбург

СПЕЦИФИКА ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВВ. (НА ПРИМЕРЕ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Продовольственное потребление является одним из важнейших показателей благосостояния всех слоев населения. Изучение продовольственного потребления населения дает возможность оценить эффективность политики государства, позволяет понять, способствует ли она улучшению или ухудшению положения людей.

В значительной мере потребление и продовольственное обеспечение населения определялись уровнем аграрного развития государства и его регионов.

Пермская губерния находилась в зоне рискованного земледелия. Климатические условия были достаточно суровыми для благоприятного ведения сельского хозяйства. Ранние морозы осенью и поздней весной, ночные и утренние холода и иней наносили ущерб хлебным и овощным культурам. Много вреда приносила сильная жара летом и сопряженные с ней засухи или продолжительные дожди. При всех колебаниях климата цикл сельскохозяйственных работ был коротким, занимая всего 125-130 рабочих дней (примерно с середины апреля до середины сентября) (1). В основном земли были малоплодородными, главным образом, наиболее распространены почвы подзолистого типа с малой мощностью перегнойного горизонта, бедные питательными веществами, отличающиеся высокой кислотностью и бесструктурностью (дерново-подзолистые, подзолистые и подзолисто-болотные) (2).

В конце XIX – начале XX в. по-прежнему сельское хозяйство носило экстенсивный характер, при котором рост продукции достигался увеличением запашки и посева, а не усилением производительности почвы.

Темпы развития сельского хозяйства края оставались низкими. Урожайность то поднималась, то падала и в целом оставалась на низком уровне. Средняя урожайность хлебов второй половины XIX в. у большинства

крестьян не превышала 40-50 пудов ржи, овса и ячменя и 50-60 пудов пшеницы с десятины (3). Средняя урожайность хлебов в Пермской губернии с 1900 по 1915 гг. составляла 43,5 пуда с десятины в год (4).

Неурожай в Пермской губернии случались достаточно часто. Так за период конца XIX - начала XX в. неурожайными годами были 1891-1892 гг., 1898 г., 1901 г., 1906-1907 гг., 1911 г.

Правительство со своей стороны пыталось на правовой основе решить проблемы, связанные с продовольственным обеспечением. В конце XIX - начале XX в. были изданы «Устав об обеспечении народного продовольствия», принятый в конце 1892 г., и «Временные правила по обеспечению продовольственных потребностей сельских обывателей», утвержденные Николаем II 12 июня 1900 г. (5). Таким образом, меры помощи сельскому населению на случай неурожая и голода стали законодательно регулироваться и осуществляться в общегосударственном масштабе. Они сводились к двум основным направлениям: накопление продовольственных средств в благополучные по урожайности годы и раздача их в ссуду и частью в безвозвратное пособие в периоды неурожая и других бедствий.

Благодаря деятельности местных органов власти получили распространение учебные фермы, сельскохозяйственные курсы, выставки сельскохозяйственных экспонатов, агрономические службы, журналы.

Питание крестьян не было одинаковым. От условий проживания и направления хозяйственной деятельности зависело, например, преобладание мучной пищи в южных земледельческих уездах и ограниченное употребление в северных. На севере чаще использовали в пищу продукты собирательства – грибы, ягоды, а также мясо диких животных. Характер пищи определялся сезоном года (6).

Обычно нормы продовольственного потребления исчислялись в зерне, причем продовольственная потребность определялась в расчете на душу сельского населения (7). Данные о потреблении пищевых продуктов в Пермской губернии за период конца XIX - начала XX в. содержатся в отчетах Пермского губернатора и в трудах пермских статистиков.

Показатели потребления хлеба в Пермской губернии представлены в табл. 1.

Таблица 1
Душевое потребление хлеба в пудах

	1890-1900 гг.	1901-1905 гг.	1909-1913
Пермская губерния	13,18	15,59	27,4
Российская империя	17,08	18,83	18,79

*Нефедов С.А. К вопросу о связи демографических показателей и потребления в России конца XIX- начала XX вв. // Институт Истории и Археологии УрО РАН. Режим доступа: <http://hist1.narod.ru/Science/Russia/DemRos.htm> (01.10.2008); Отчет Пермского губернатора за 1907 г. // Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 65. Оп. 1 Д. 57. Л. 113.; Газетные статьи о Пермской железной дороге // ГАПК. Ф. 556. Оп. 1 Д. 35 Л. 14.

Норма потребления хлеба в Пермской губернии в начале XX в. была свыше 15 пудов на человека. В урожайные годы в Пермской губернии она могла быть и выше, например, в 1905 г. продовольственное потребление составляло 16,33 пуда на человека. Но в случае неурожая население губернии не обеспечивалось ни продовольственным, ни посевным материалами (8). Самыми тяжелыми годами в конце XIX - начале XX в. в отношении продовольственного потребления были 1891-1892 гг. Так,

в неурожайный 1891 г. в Шадринском уезде на душу населения приходилось всего 3,7 пуда (9). В XX в. показатели потребления в неурожайные годы были выше. Например, в неурожайный 1907 г. по сведениям земской статистики количество потребления хлеба снизилось до 13,52 пуда (10).

Таким образом, на потребление оказывали влияние естественные факторы - природные (климат, влажность, почва) и социально-экономические факторы (уровень развития земледелия и продовольственная политика государства и местных органов власти). Правительство совместно с местными органами власти предпринимало меры по улучшению социально-экономического положения населения. Благодаря этим мерам в начале XX в. наблюдалась положительная динамика продовольственного потребления, несмотря на неурожай.

Список литературы

1. Милов Л.В. Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса // Вопросы истории. 1992. №4. С. 37-38.
2. Комар И.В. Урал. Экономико-географическая характеристика. М., 1959. С. 36.
3. Черныш М.И. Сельское хозяйство и расслоение крестьянства // История Урала. Пермь, 1963. Т. 1. С. 220-291.
4. Доклад Губернской Земской Управы Пермскому Губернскому Земскому Собранию 41-й очередной сессии по урожаю хлебов и трав в Пермской губернии в 1910 г. Пермь, 1911. С. 13-19.
5. Временные правила по обеспечению продовольственных потребностей сельских обывателей 1906 г. // Свод законов Российской империи. В 5 книгах. Кн. 5. СПб., 1912. Т. XIII. С. 48.
6. Чагин Г.Н. Культура и быт русских крестьян Среднего Урала в середине XIX – начале XX вв. Пермь, 1991. С. 79.
7. Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков (конец XIX-начало XX вв.). Новосибирск, 1967. С. 146.
8. Отчет Пермского губернатора за 1907 г. // ГАПК. Ф. 65. Оп. 1 Д. 57 Л. 114.
9. Доклады Пермской губернской земской управы Пермскому губернскому земскому собранию XXII Чрезвычайной сессии. Пермь, 1891. С. 28.
10. Отчет Пермского губернатора за 1907 г. // ГАПК. Ф. 65. Оп. 1. Д. 57. Л. 113.

М.Н. Тайболина
Курганский государственный университет,
г. Курган

ЗАУРАЛЬСКИЕ КРЕСТЬЯНЕ-ЛИШЕНЦЫ 1920-Х ГГ.: СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС И ЕГО ВОСПРИЯТИЕ

До 1934 г. прямо не указывали на лишение избирательных прав глав хозяйств, которые власть считала кулацкими. Но мы видим, что признаки хозяйств крестьян, по которым лишали избирательных прав в 1926 – 1929 гг., совпали с признаками хозяйств, названными в постановлении СНК СССР от 21 мая 1929 г. «О признаках кулацких хозяйств, в которых должен применяться Кодекс законов о труде» (7, 221 – 222). Это заметила Т.И. Славко (10, 4).

Автор данной статьи обнаружила, что в информсводках 1928 – 1929 гг. об избирательной кампании говорили о «кулацких слоях и других группах лишенцев» (3, 231), то есть власть уже открыто признавала, что часть лишенцев – те, кого она именovala кулаками. Подтверждается мнение Г.Ф. Доброноженко о том, что «сельские эксплуататоры» («сельская буржуазия») в политико-правовой стра-

тификации российского общества 1920-х гг. **входили в социально-правовую группу “лишенцы”**» (6, 28 – 41).

Чего же лишался лишенец? Т.И. Славко отмечает, что лишенец не мог избираться и быть избранным в руководящие гос- и парторганы, общественные организации, учиться в средних специальных и высших учебных заведениях (10, 6). Этим людей лишали медпомощи, их детей выгоняли из школы (10, 7). А зажиточные крестьяне хотели учиться! Так, по информсводке орготдела ВЦИК от июля 1929 г. кулаки Нижегородской губернии метко говорили: «Советская власть не даёт ходу гениям ума – зажиточные в учебные заведения не пускают, а посылают бестолковую бедноту» (7, 231 – 232).

Лишенцы как граждане, которые не подлежали призыву в Красную армию по социальному признаку, по «Закону об обязательной военной службе» зачислялись в тыловое ополчение. Одновременно с этой службой они должны были платить военный налог, введённый постановлением ЦИК и СНК СССР от 6 ноября 1925 г., за весь период пребывания в ополчении, то есть с 21 года до 40 лет. Размер налога зависел от социального положения и доходов плательщика. В районах, в которых были расположены территориальные войска, помимо денежного налога тылополченцы в первую очередь должны были предоставлять лошадей для обслуживания сборов (13, 797).

В 1927 г. лишенцев стали исключать из кооперативов; в условиях товарного голода им приходилось нелегко (4; 271). Крестьяне-лишенцы не могли участвовать в работе сходов по принятому ВЦИК и СНК РСФСР 14 марта 1927 г. «Положению об общих собраниях (сходах) граждан в сельских поселениях» (4, 227). 15 декабря 1928 г. ЦИК СССР утвердил «Общие начала землепользования и землеустройства». Этот закон содержал следующие ограничения для лишенцев: решающий голос имели только те члены земельного общества, которые не были лишены избирательных прав (4, 314), не имеющие прав избирать советы могли получить землю в последнюю очередь (5, 173 – 174).

По УК РСФСР редакции 1926 г. лицо, лишённое избирательных прав, участвующее в выборах в советы и их съезды, подвергалось наказанию в виде принудительных работ на срок до шести месяцев или штрафа до пятисот рублей. Лишенные избирательных прав по пунктам от «а» до «д» статьи 65 Конституции РСФСР 1918 г. не могли назначаться сельскими исполнителями. Из-за этого лишенцы облагались особым сбором, который устанавливался губисполкомами и поступал в доход сельсоветов на расходы по охране общественного порядка, личной и имущественной безопасности, по благоустройству селения (11, 381).

Лишенцы настойчиво старались добиться восстановления в избирательных правах. Следующая просьба типична. Троє лишенцев во второй половине 1927 г. просили Мокроусовский райизбирком (Курганский округ) восстановить их в правах «в перевыборах советов в будущем и в настоящем, в праве решающего голоса на общих собраниях граждан [...] общества наравне с остальными гражданами, и также в кооперативе и союзах» (2, 238).

Крестьяне, лишённые избирательных прав как эксплуататоры, могли быть восстановлены в избирательных правах, если они в течение не менее пяти лет занимают производительным и общественно-полезным трудом и доказали свою лояльность к советской власти, по постановлениям областной избирательной комиссии с утверждения соответствующего исполнительного комитета. Ходатайства с приложением необходимых документов должны были подаваться в местный совет, который со своим заключением направлял их в соответствующую избирательную комиссию (12, 891 – 892).

С точки зрения власти, а значит и части «воспитанного» властью народа, лишенцы являлись врагами. Житель села Башкирского Половинского района Курганского округа Р.А. Метальников в заявлении от 12 мая 1927 г. в окрик подчёркивал, что он не желает быть «негодным элементом соввласти», объясняя свою позицию так: «[...] лишённые прав являются **врагами соввласти**» (выделено мною. – М.Т.) (2; 412 об.).

Нередко крестьяне злобно относились к тем работникам советского аппарата, которые непосредственно участвовали в реализации политики лишения избирательных прав. Часть лишенцев жестоко мстила за эту кару, и эта мсть была, естественно, персонафицированной. Например, 1 января 1927 г. в посёлке Болотовский Миасского района двое «кулаков» организовали «кулаков и зажиточных» с целью убить председателя сельсовета, кандидата коммунистической партии. Они с подпоеными крестьянами пришли в сельсовет и нецензурно ругали советскую власть, потом по пути домой с председельсовета «дважды пытались его душить, заявляя: “Мы с тобой сейчас расправимся за то, что ты не дал нам скидки и лишил права голоса”». Эти же «кулаки» были инициаторами следующего. Подпоенный крестьянин-бедняк «нанёс ножевую рану в голову секретаря [сельского]совета, заявив: “Зачем лишил права голоса зажиточных, плохо тому будет, кто на этом настоял”». (Российский государственный архив социально-политической истории (8, 82 – 83).

Что могло помочь избежать лишения избирательных прав? Членство в коммунистической партии. Уралобком ВКП(б) в декабре 1926 г. постановил, что нельзя механически лишать избирательных прав коммунистов, принадлежавших в дореволюционное время к той социальной группе, которая по законодательству 1920-х гг. должна быть лишена избирательных прав (3, 86 – 86 об.). Коммунисты были более социально защищены, чем люди без партбилета. Автор пока не обнаружила других указаний на особое внимание к коммунистам; видимо, официальных льготных решений не было. Это подтверждает следующий факт. В январе 1929 г. заведующий информотделом ЦК ВКП(б) Богомолов говорил, что есть коммунисты с зажиточными хозяйствами, сельизбиркомы в тупике. Он спрашивал, надо ли лишать избирательных прав коммунистов: «По мощности хозяйства подходят под лишение, а в инструкции нет таких пунктов, чтобы лишать голоса коммунистов» (9, 1, 4, 17).

Итак, политика лишения избирательных прав являлась дискриминацией зажиточного крестьянства на протяжении всех 1920-х гг. Эта политика и частичное раскулачивание, которое началось в 1928 г., были взаимосвязаны. Центральные и местные власти, ограничивая крестьян в гражданских правах, «выучивали», на кого им надо воздействовать, с развёртыванием «малого» раскулачивания властям уже не составляло особого труда найти «виновных» в неудачных хлебозаготовках. Да и зажиточные крестьяне поняли свои перспективы, научились выживать, сами сокращали свои хозяйства или сами ликвидировали их. Политика лишения избирательных прав по отношению к зажиточным крестьянам в конце 1920-х гг. содержала элементы репрессий. С одной стороны, во время собственно лишения избирательных прав не производилась прямая насильственная экспроприация средств производства крестьян, крестьяне не лишались свободы, с другой стороны, крестьяне, стараясь вернуть себе права или стараясь не дать повода сделать их лишенцами, сами сокращали размеры своих хозяйств, кто – на время избирательной кампании, кто – насовсем, технически и технологически возвращались во вчерашний день,

например, отказываясь от переработки своей продукции, измельчая свои хозяйства. Социальный статус таких крестьян заметно изменялся. Они были ограничены в своих действиях в различных сферах общества: экономической, социально-политической, культурной; кроме этого, им было нелегко психологически.

Список литературы

1. ГАКО. Ф. Р-315. Оп. 3. Д. 53.
2. ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 9. Д. 111.
3. ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 21. Д. 46.
4. Гимпельсон Е.Г. *НЭП и советская политическая система. 20-е годы.* М.: ИРИ РАН, 2000.
5. Данилов В.П. *Советская доколхозная деревня: Население, землепользование, хозяйство.* М.: Наука, 1977.
6. Доброноженко Г.Ф. *Кто такой кулак: трактовка понятия «кулак» во второй половине XIX – 20-х гг. XX вв. // Стратификация в России: история и современность / Отв. ред. Ю.М. Рапопорт. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 1999.*
7. *Документы свидетельствуют: Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации, 1927 – 1932 гг. / Под ред. В.П. Данилова, Н.А. Ивницкого.* М.: Политиздат, 1989.
8. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 289.
9. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 354.
10. Славко Т.И. *Введение // Социальный портрет лишенца (на материалах Урала): Сб. документов / Сост. Е.В. Байда, В.М. Кириллов, Л.Н. Мазур и др.; Отв. ред. Т.И. Славко.* Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1996.
11. СУ РСФСР. 1924. Отдел 1. №28. Ст. 266.
12. СУ РСФСР. 1926. Отдел 1. №75. Ст. 577.
13. *Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927 – 1939. Документы и материалы. В 5 тт. / Т.1. Май 1927 – ноябрь 1929 / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы.* М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999.

С.Г.Федоров

Курганский государственный университет,
г. Курган

ВЕЛИКИЕ РЕФОРМЫ 60-Х ГОДОВ XIX ВЕКА И ЮЖНОЗАУРАЛЬСКАЯ ОБЩИНА

Известный историк И.В. Побережников отмечает, что нормативные системы играют существенную роль в развитии процессов модернизации. Нормативные системы – это разнообразные, созданные человечеством регулятивные системы (нормативные предписания, социальные стереотипные ценностные установки, традиции, обычаи, образцы производственной деятельности, образцы поведения, речи, мышления и т.д.), которые вмешиваются в ход исторического процесса. Таким образом, правовая система выступает в качестве вездесущего инструмента социальных изменений благодаря непрерывным процессам регулирования различных отношений в обществе (1, 58-65).

Великие реформы 60-х годов XIX века в России оказали значительное влияние на развитие этих нормативных систем и тем самым опосредованно существенно повлияли и на российское общество и государство, ускорили модернизационные процессы, происходившие в России.

Реформы 1860-х гг., в основном сохранив традиционное общинное устройство крестьян, внесли в него и много нового. Они превратили общину из института обычного права в институт государственного права, в административную ячейку государственного управления, дали ей статус крестьянской сословной корпорации с правом

юридического лица.

Традиционные взгляды изменялись до такой степени, что крестьяне перестали считать, что большинство всегда право. Меньшинство стало жаловаться властям на большинство в тех случаях, когда для принятия решения закон требовал квалифицированного большинства в две трети, а оно принималось простым большинством. И власти шли навстречу меньшинству и отменяли незаконные решения, принятые большинством, – так закон вытеснял обычай (2).

Н.Я. Новомбергский писал о сибирской общине: «Скитальчество по отхожим заработкам, капитализация земледельческих занятий, всеобщая воинская повинность подтачивает мало-помалу свежесть пасторального взгляда деревенского обывателя. Все городское или вываренное в котле новых экономических отношений становится как бы правым и все, на чем лежит еще печать семейно-общинного суверенитета, почитается бесправным» (3, 201).

Община в конце XIX века перестала быть самодостаточной организацией. Хотя община и продолжала играть роль хранителя справедливости и традиции, но с гораздо меньшим успехом, чем прежде. Ее неспособность обеспечить всем своим членам достойное существование и помощь в тяжелой ситуации приводила к тому, что многие крестьяне теряли веру в общинный строй жизни как единственно возможный или лучший.

Важной составляющей модернизационных процессов является урбанизация. «Город рассматривается историками как активный и динамичный фактор развития в процессе перехода от традиционного аграрного общества к современному» (4, 187).

Многие исследователи отмечали «разлагающее влияние» городской культуры на сельскую в конце XIX – начале XX века. Это проявлялось в падении нравственности, дисциплины, неуважении к родителям, участвовавших в семейных разделах, росте пьянства, ослаблении уважения к церкви и религии (5). Под влиянием отходничества крестьянство знакомилось с ценностями и стилем поведения светских, секулярных людей, и это постепенно оказывало влияние не только на их материальный быт, но и на их менталитет (6).

В результате реформ 1860-х гг. система ценностей крестьянства и городских низов, в том числе и правовая, переживала трансформацию, в их поведении, менталитете наблюдался рост рационализма, прагматизма, расчетливости, индивидуализма.

Амортизация традиционного и формирование нового менталитета происходили, с одной стороны, стихийно, под влиянием новых условий жизни, с другой стороны, образованное общество и правительство намеренно принимали многообразные меры (создавали клубы, общества трезвости, читальни, народные библиотеки и т.п.), чтобы изменить традиционное мировоззрение народа (7).

Если мы обратимся к региональному уровню (Южному Зауралью) и модернизационным процессам, происходившим в нем, то обнаружим, что в целом модернизация региональная соответствовала модернизации, происходившей в общероссийском масштабе. Хотя, несомненно, модернизационные процессы, протекавшие в Южном Зауралье, имели свои особенности и отличия, например, в технологическом плане большое значение для данного региона имело строительство Транссибирской железнодорожной магистрали. Эта магистраль связала Южное Зауралье с уральским, европейским и мировыми рынками. Город Курган стал крупным транзитным центром и потребителем Южного Зауралья. В экономи-

ческом плане в конце XIX – начале XX века регион активно втягивался в товарно-денежные и рыночные отношения со всеми вытекающими последствиями: расслоением крестьянства, разорением его значительной части, развитием кооперативного движения в крестьянской среде (Союз сибирских маслодельных артелей).

Социальные отношения в Южном Зауралье также подверглись существенной трансформации: во-первых, в регионе значительно возросла социальная мобильность, чему в немалой степени способствовало переселенческое движение. Во-вторых, это же движение вместе со столыпинскими реформами, проводимыми в Южном Зауралье, способствовало росту частного землевладения. В-третьих, в южнозауральской общине разрушаются традиционные корпоративные отношения, что было связано с развитием отходничества. Рынок рабочей силы сложно поддается изучению вследствие отсутствия надежных статистических источников. Оценить даже приблизительно количество уходящих на заработки невозможно: по минимальным подсчетам, в Курганском уезде только на строительных и дорожных работах в 1911 г. было занято 11 973 человека, в Шадринском в том же году в отход ушло 22 092 человека (8, 69).

В семейных отношениях все большую роль начинает играть малая семья, наблюдается определенная эмансипация женщины, ослабевает влияние стариков, молодежь становится все более независимой.

В культурной сфере Южного Зауралья происходит падение авторитета церкви и определенная секуляризация крестьянского сословия.

Правовое поведение крестьянства в конце XIX – начале XX века также подвергается трансформации. Обычное право в зауральской деревне, хотя и не полностью, изживает себя, и уже в значительной мере заменяется официально-нормативным правом. Об этом свидетельствует архивный материал: в начале XX века в волостных судах Курганского и Шадринского уездов заметно увеличилось количество гражданских и уголовных дел. А сами волостные судьи руководствуются при рассмотрении дел в большей степени уже не обычно-правовыми нормами, а официальным законодательством.

Одним из результатов модернизационных процессов, происходивших в Южном Зауралье, были рост пьянства и увеличение преступности среди крестьянского населения. При анализе архивных данных Глядянского волостного суда Курганского уезда, являющихся наиболее репрезентативными, вырисовывается следующая картина преступности в крестьянской среде.

В целом, количество дел с уголовными преступлениями, которые рассматривал волостной суд, с 1890 по 1913 гг. составляло довольно значительный процент: 1890 г. - 24%, 1900 г. - 39%, 1905 г. - 31%, 1907 г. - 23%, 1910 г. - 24%, 1912 г. - 31%, 1913 г. - 20% (9).

Таким образом, наибольший пик дел, связанных с хулиганством и мелкой преступностью в деревне (оскорбление действием и оскорбление на словах), приходится на 1900 год – 39 %. Однако, и в другие годы такие дела составляли примерно половину всех уголовных волостных дел. К сожалению, мы не имеем данных о количестве уголовных дел, связанных с пьянством, но источники того времени указывают, что пьянство в южнозауральской деревне в конце XIX – начале XX в. становится серьезной проблемой.

Следовательно, инновации, происходившие в российском обществе под влиянием Великих реформ, далеко не всегда носили положительный характер, скорее всего, их характер был амбивалентным. И последствия Великих реформ для российского общества и государ-

ства имели как положительное, так и отрицательное значение.

Список литературы

1. Побережников В.И. Социальные изменения в теоретических проекциях // Уральский исторический вестник. 2001. №7. С. 58-65.
2. Зырянов П.Н. Крестьянская община Европейской России 1907-1914 гг. М., 1992. С. 234; Соколовский А.П. Очерк истории общины на Севере России. СПб., 1877. С. 167.
3. Новомбергский Н. По Сибири: Сборник статей по крестьянскому праву, народному образованию, экономике и сельскому хозяйству. СПб., 1903. С.201.
4. Апкаримова Е.Ю. Городское самоуправление на Урале последней трети XIX – начала XX века в историографии // Уральский исторический вестник. 2001. №7. С. 187.
5. Сборник материалов для изучения русской поземельной общины. СПб., 1980. Т.1.; Качоровский К.Р. Русская община. Возможно ли, желательно ли ее сохранение и развитие? (Опыт цифрового и фактического исследования). СПб., 1906. Т.1.
6. Богаевский П.М. Заметки о юридическом быте крестьян Сарапульского уезда, Вятской губернии // Харузин Н. (ред.). Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России. М., 1889. Вып.1. С. 1-2; Весин Л.П. Значение отхожих промыслов в жизни русского крестьянства // Дело. 1886. №7. С. 127-155.
7. Кремлева И.А. Об эволюции некоторых архаических обычаев у русских // Громыко М.М., Листова Т.А. (ред.). Русский семейный и общественный быт. М., 1989. С. 323-484.
8. Движение рабочих на заработки в 1911 г. Строительные и дорожные работы. СПб., 1911. С. 69.
9. ГУ ГАКО Ф.129. Оп. 1.

М. Н. Федченко

Курганский государственный университет,
г.Курган

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ ПРОБЛЕМА В СССР В ГОДЫ «ПЕРЕСТРОЙКИ» (1985 – 1991)

Многие наши соотечественники помнят огромные очереди в магазинах за продуктами питания, на продажу которых были введены талоны. В годы «перестройки» (1985 – 1991) продовольственная ситуация в стране ухудшилась даже по сравнению с так называемым «застойным» периодом первой половины 1980-х годов. Однако это ухудшение не прослеживается по данным официальной государственной статистики, что видно из табл. 1.

Таблица 1

Потребление продуктов питания на душу населения СССР (в год, кг) (12, 140)

Продукты питания	1985 г.	1986 г.	1987 г.	1988 г.	1989 г.	1990 г.
Мясные продукты, включая сало и субпродукты	62	62	64	66	67	67
Мясо без сала и субпродуктов	54	55	56	58	59	59
Молоко и молочные продукты	325	333	341	356	363	358
Яйца, штук	260	268	272	275	268	258
Рыба и рыбопродукты	18	18,6	18	17,6	17,2	16,5
Сахар	42,2	44	47,2	46,8	42,5	44,9
Растительное масло	9,7	9,8	10	10	10,4	10,2
Картофель	104	107	105	99	98	100
Овоши и бахчевые	102	102	100	101	95	92
Фрукты и ягоды	41	47	44	43	41	36
Хлебные продукты	133	132	132	131	129	133

Из данных табл. 1 видно, что за годы «перестройки»

снижения среднедушевого уровня потребления мяса, молока, сахара, растительного масла и хлеба советскими людьми не происходило. Незначительно снизилось потребление рыбы, яиц и картофеля. Заметно уменьшилось лишь потребление овощей, бахчевых, фруктов и ягод, в том числе и за счет сокращения импорта.

В 1990 году каждый житель СССР потреблял в среднем свыше рациональной нормы питания хлеба, картофеля, сахара и растительного масла. Близки были советские люди к рациональным нормам потребления рыбы, молока и яиц. Потребность в мясе удовлетворялась на 70 – 80 процентов. Лишь по потреблению овощей, бахчевых, фруктов и ягод было существенное отставание от рациональных норм.

Однако данные официальной государственной статистики далеко не совпадали с массовым общественным мнением об удовлетворенности обеспечения советских людей продуктами питания. Это видно из табл. 2. Проще всего объявить советскую государственную статистику «ложной». Так поступают те авторы, которые не утруждают себя глубоким анализом продовольственной ситуации в стране, пытаются подчас преднамеренно ввести в заблуждение людей, не дать им разобраться в том, что же на самом деле произошло с нами в годы «перестройки». Приводим таблицу о потреблении советскими людьми продуктов питания на душу населения, степени соответствия этого питания рациональным нормам потребления и удельный вес среди опрошенных 30 тысяч советских граждан, которые считали, что они потребляли тех или иных продуктов в достаточном количестве.

Таблица 2

Потребление продуктов питания на душу населения СССР в 1990 году, степень соответствия питания рациональным нормам и удельный вес опрошенных 30 тыс. человек, указавших, что они потребляют продукты в достаточном количестве (1, 147 – 148; 12, 140 – 141)

Продукты питания, кг	Рациональная норма, кг	Потреблялось, кг	Степень соответствия рациональной норме, %	Удельный вес респондентов, указавших, что потребляют продукты в достаточном количестве, %
Мясо и мясные продукты*	82	67 / 59	81,9 / 71,9	18,9
Молоко и молочные продукты	405	358	88,4	56,3
Рыба и рыбные продукты	18,2	16,5	90,7	21,6
Овощи, бахчевые	146	92	63	28,3
Фрукты, ягоды	114	36	31,6	менее 28,3
Растительное масло	9,1	10,2	112	нет данных
Яйца, штук	292	258	88,3	нет данных
Сахар	40	44,9	112,2	48,4
Картофель	97	100	103,1	77,2
Хлеб, хлебные продукты	110	133	120,1	97,7

* В числителе – мясо и мясные продукты, включая сало и субпродукты, в знаменателе – мясо без сала и субпродуктов.

Из данных табл. 2 видно, что даже по тем продуктам, по которым среднедушевое потребление превосходило рациональные нормы питания (хлеб, картофель и сахар), многие респонденты заявили о том, что они потребляют этих продуктов недостаточно. Лишь 18,9 процента опрошенных людей считали, что они потребляют мяса в достаточном количестве, хотя степень соответствия потребления мяса рациональным нормам составляла в среднем на душу населения СССР 70 – 80 процентов.

В отличие от некоторых исследователей, мы не

склонны безапелляционно называть государственную статистику «ложной». Расхождение статистических данных с реальностью и общественным мнением было вызвано, на наш взгляд, рядом обстоятельств. Во-первых, многих продуктов производилось еще недостаточно. Во-вторых, не все категории населения имели равные возможности доступа к покупкам продуктов питания, особенно по относительно дешевым государственным ценам. В-третьих, снабжение продовольствием населения разных городов и регионов страны очень отличалось. В-четвертых, значительная часть продуктов, поступавших в государственную торговлю, припрятались торговыми работниками в целях спекуляции через кооперативы и рынки, а также для реализации дефицитных продуктов среди своих родственников, друзей и «нужных» людей. В-пятых, СМИ и наличие очередей создали в обществе устойчивый стереотип о том, что «мы недоедаем».

О том, что советская государственная статистика не отражала реальности, противниками СССР написано много. Но ведь зачастую и «общественное мнение» не отражало в полной мере этой реальности. Идеологам горбачевской «перестройки» удалось создать в массовом быденном сознании «голод на образы», используя при этом западные психологические технологии. В 1988 году молока и молочных продуктов в среднем по СССР потребляли 356 кг в год на человека (в США – 260), но при социологическом опросе 44 процента респондентов ответили, что они потребляют молока недостаточно. В Армении, где «демократами» велась особенно сильная антисоветская пропаганда, 62 процента населения были недовольны уровнем потребления молока. А между тем его приходилось там в 1988 году 480 килограммов на человека. В 1987 году потребление в СССР сахара составляло 47,2 кг в год на человека, что превышало оптимальную медицинскую норму на 7,2 кг. В США тогда потреблялось 28 кг сахара на человека. Но 52 процента опрошенных советских людей считали, что едят слишком мало сахара, а в Грузии недовольных было 67 процентов. В 1988 году 74 процента опрошенных интеллигентов сказали, что их убедят в успехе «перестройки» «прилавки, полные продуктов». Эти люди неплохо питались, на столе у них были и мясо, и масло. Им нужен был символ благополучия, изобилия, свободы – в любой момент захочу и куплю. Зачастую многие продукты отсутствовали лишь на витрине, а не на обеденном столе граждан. Полупустые прилавки магазинов и очереди в них создавали устойчивый образ дефицита (11, 427 – 439).

Дефицит продуктов во многом создавался искусственно и людьми, которые не хотели перемен, действуя по принципу «чем хуже, тем лучше», и теми, кто желал перемен, но видел себя в будущем успешным бизнесменом, правдами и неправдами накапливая для этого первоначальный капитал. Простой народ страдал и от тех, и от других.

Людей возмущали факты припрятывания продуктов питания работниками государственных торговых баз и магазинов в целях последующей их реализации по спекулятивным ценам через кооперативы и рынки. Это явление приобрело крупномасштабные размеры. Рынок продовольствия попал в значительной мере под контроль криминальных структур, для процветания которых в годы горбачевской «перестройки» были созданы самые благоприятные условия. Все это приводило к взвинчиванию цен на продовольствие в коммерческих структурах и во многом искусственно создавало его дефицит в государственной торговле. Значительная часть продовольственных товаров перемещалась из государственных торговых баз и магазинов непосредственно в кооперативы и на рынки, где цены на них были уже в два – три раза выше,

установленных в магазинах государственной торговли и потребительской кооперации. Например, шашлыки из «государственного» мяса весом 100 граммов продавались в Москве по 2 рубля 50 копеек, а в Ростове – по 5 – 6 рублей. В два – три раза дороже продавались кооператорами и «индивидуалами» сигареты, безалкогольные напитки, шоколадные конфеты, мороженое и многие другие продукты. Кооперативные предприятия общественного питания часто не дополняли государственные, а образовывались в двух случаях из трех за счет ликвидации государственных (2, 62 – 67).

Розничные цены на продовольствие в государственной торговле и в магазинах потребительской кооперации росли в период «перестройки» ежегодно. Их индекс в 1990 году составил по отношению к 1985 году (1985 = 100) 115. Но особенно стремительно росли цены на рынках. В 1982 – 1986 годах они стабилизировались на высоком уровне, но с 1987 года снова стали расти на 6 – 7 и более процентов в год. В июле 1988 года средние цены на рынках составляли: на говядину – 5 руб. 20 коп. за кг, на свинину – 4 руб. 70 коп. за кг, на молоко – 76 коп. за литр, на масло животное – 7 руб. 50 коп. Во многих регионах они были еще в 1,5 – 2 раза выше (2, 62 – 67; 12, 166).

Индексы цен на сельскохозяйственные продукты на внедеревенских рынках в 1990 году по отношению к 1980, 1985 и 1989 годам показаны в табл. 3.

Таблица 3

Индексы цен на сельскохозяйственные продукты на колхозных внедеревенских рынках в 1990 году в % к 1980, 1985 и 1989 годам (12, 174)

Сельскохозяйственные продукты	к 1980 г.	к 1985 г.	к 1989 г.
Все продукты	148,5	134,6	121,5
Зерновые (зерно, мука, крупа)	136,0	127,9	132,1
Картофель	170,7	166,0	116,3
Овощи	122,6	111,6	118,2
Фрукты	148,3	135,5	118,0
Мясо и сало	188,0	144,7	130,9
Молоко и молочные продукты	132,0	113,8	109,3
Яйца	113,3	122,4	135,8

Даже по данным официальной государственной статистики, рост рыночных цен на продукты питания составлял в 1990 году по сравнению с 1980 годом 48,5, на картофель – 70,7, на мясо и сало – 88 процентов. Во многих регионах страны «подпольные» цены на рынках росли стихийно намного быстрее, чем этот процесс успевала фиксировать государственная статистика. С апреля 1991 года проводилась реформа розничных цен. Она выразилась в значительном их повышении, в том числе на хлеб, муку, мясные, молочные и рыбные продукты. Очень резко подорожало общественное питание, в результате чего 50 процентов рабочих и служащих перестали пользоваться услугами столовых, буфетов, кафе. 80 процентов учащихся отказались от завтраков и обедов в учебных заведениях. В связи со значительным повышением цен в рабочих столовых, в ряде трудовых коллективов и регионов страны усилилось социальное напряжение. Дело дошло до забастовок (13, 79 – 82).

Письма о дефиците продуктов питания в государственной торговле, о высоких ценах на них в кооперативах и на рынках поступали в Москву со всех концов страны. Н. А. Шубков из г. Куйбышева писал: «Положение со снабжением населения продовольствием не улучшается. Частники заламывают баснословные цены на овощи, а в государственной торговле их крайне мало. Когда это было, чтобы на рынке килограмм картофеля продавал-

ся зимой дороже, чем в магазинах десяток куриных яиц или килограмм венгерских яблок?». Жительница г. Челябинска З. Абасова сообщила в ЦК КПСС: «В нашем рабочем городе все продовольственные магазины перевели на торговлю по так называемым договорным (т. е. повышенным) ценам. Объясните, кто с кем договорился о том, чтобы килограмм свеклы и моркови продавать в таких магазинах по рублю. Мы вынуждены покупать мясо на базаре по 6 руб. за килограмм и то лишь по праздникам. Такой гонкой цен народ озлоблен. Остановите рост цен! Жить простым людям стало невыносимо тяжело. Даже после войны мы жили лучше». Коллективное письмо из г. Усть-Илимска Иркутской области: «За последние два года снабжение населения города продовольствием резко ухудшилось. Молока в магазин завозят столько, что его успевают продать за 20 минут. Наши дети давно не видят ни творога, ни сметаны. В магазинах задолго до конца месяца вывешивают объявление: лимит на мясные продукты исчерпан. Поэтому у нас на руках много нереализованных талонов». В. Г. Мамонтов из г. Омска спрашивал у властей: «Почему жители Москвы, Ленинграда и других городов европейской части страны должны покупать продукты питания по государственной цене, а мы, сибиряки, только в коопторге, по ценам в два – три раза выше государственных (масло сливочное – 9 руб. 60 коп., мясо – 3 руб. 50 коп., колбасы – 5 – 8 руб. за килограмм)?» (3, 167; 4, 88 – 90; 6, 128).

В августе 1990 года секретариат ЦК КПСС принял постановление «Об усилении политической напряженности в связи с ухудшением обеспечения населения продовольственными и другими товарами». Отмечалось, что за семь месяцев 1990 года темпы прироста производства продовольственных товаров были в пять раз ниже, чем предусматривалось. Несмотря на хороший урожай и закупки зерна за границей, в ряде регионов страны была введена талонная система реализации хлебобулочных, макаронных изделий и крупы. В сельских районах многих областей потребление хлеба достигло в среднем на каждого жителя 390 – 455 кг, тогда как в целом по РСФСР на душу населения приходилось 120 кг в год. Это означало, что значительная часть хлеба и круп скупалась новыми коммерческими структурами, в том числе и для продажи зерна населению для скармливания домашнему скоту и птице. Однако секретариат ЦК КПСС особенно не акцентировал свое внимание на «перекачку» государственных продовольственных ресурсов в коммерческие предприятия, нередко носившую криминальный характер. В 1990 году в Центральном музее революции СССР открылась необычная выставка документов эпохи «перестройки». Среди них экспонировались талоны на мясо и колбасу. Сельская учительница А. С. Мальцева прислала из Пермской области в ЦК КПСС свои неотоваренные талоны на хлеб. Она писала: «Муки нет, кондитерских изделий нет, хлеб – вот она, карточка, по которой мне хлеб выдать не могут, так как надо на село привезти 1400 булок, а привозят где-то 500 – 800» (7, 21; 9, 132; 10, 13 – 19).

Со всех концов страны поступали сигналы о припрятывании дефицитных продуктов питания в государственной торговле. Так, в 1988 году в магазине № 3 Автозаводского района г. Куйбышева были припрятаны: 667 кг сыра «Российского», 1480 кг масла «Крестьянского», 232 кг соленой горбуши, 864 банки дефицитных рыбных консервов. В магазине № 128 Индустриального района г. Ижевска было одновременно отпущено одному частному лицу 720 банок растворимого кофе. В 1988 году структурами Комитета народного контроля в РСФСР было проверено свыше 60 тыс. магазинов, складов, баз и холодильников.

Были вскрыты многочисленные факты, когда имеющиеся продовольственные товары длительное время не поступали в продажу, более того, припрятывались. В Смоленской области в торговых предприятиях было обнаружено и направлено для продажи населению свыше 14 тыс. банок мясных консервов, около 1,5 тыс. банок растворимого кофе, 3,5 тонны кондитерских изделий. Аналогичные факты нарушений правил торговли были установлены в Марийской АССР, Москве, Свердловской области, Краснодарском крае и в других регионах СССР (2, 77 – 78, 174; 4, 69 – 70).

В июне 1989 года Комитет народного контроля СССР доложил в ЦК КПСС и Совет Министров СССР о низком качестве колбасных изделий. В 1988 году органами Госстандарта СССР была забракована каждая третья тонна из проверенного объема продукции. За девять месяцев 1989 года на внутренний рынок СССР было недопоставлено около 497 тыс. т рыбной продукции. Между тем, руководство министерства рыбного хозяйства СССР выдало различным организациям 260 лицензий на право реализации за рубежом свыше 430 тыс. т рыбопродуктов (5, 101 – 102; 7, 28 – 30).

Значительная часть дефицитных продуктов питания распространялась по закрытым каналам. Так, на дачах Рязанского обкома КПСС и облисполкома за первое полугодие 1988 года было реализовано 394 кг лососевой икры, более 6 тыс. банок крабов, шпрот, печени трески, 565 кг осетровых и 880 кг свиных балыков, более полутоны буженины, 68 кг индийского чая, 165 кг кофе. Все это составляло от 56 до 100 процентов данных товаров, выделенных всем районным продовольственным магазинам Рязанской области (13, 78).

Таким образом, в годы «перестройки» продовольственную проблему в СССР решить не удалось. Попытки частичного реформирования экономики через кооперативы, экономическую самостоятельность государственных промышленных предприятий и индивидуальную трудовую деятельность не привели к улучшению ситуации на продовольственном рынке, а, наоборот, еще больше обострили ее. Значительная часть рынка сельскохозяйственных продуктов попала под контроль криминальных структур, которые паразитировали на государственных продовольственных ресурсах. Дефицит продуктов питания был вызван не только недостаточным количеством их производства, но во многом создавался искусственно в коммерческих и политических целях определенными влиятельными группировками.

Список литературы

1. Васин С. А., Лиходей В. Г. Мера всех вещей: Размышления политэкономов. Киев: Политиздат Украины, 1990.
2. Известия ЦК КПСС. 1989. № 1.
3. Известия ЦК КПСС. 1989. № 2.
4. Известия ЦК КПСС. 1989. № 3.
5. Известия ЦК КПСС. 1989. № 7.
6. Известия ЦК КПСС. 1989. № 11.
7. Известия ЦК КПСС. 1989. № 12.
8. Известия ЦК КПСС. 1990. № 7.
9. Известия ЦК КПСС. 1990. № 9.
10. Известия ЦК КПСС. 1990. № 10.
11. Кара-Мурза С. Г. Советская цивилизация. Книга вторая. От Великой Победы до наших дней. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002.
12. Народное хозяйство СССР в 1990 году. Статистический ежегодник. М.: Финансы и статистика, 1991.
13. Разуваева Н. Н. Социально-политическое положение рабочих СССР во второй половине 80-х – начале 90-х годов. М.: Изд-во МГУ, 1992.

Р.М. Хайруллина

Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург

СТРОИТЕЛЬСТВО КУЛЬТУРНО-БЫТОВЫХ ОБЪЕКТОВ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ НА ТЕРРИТОРИИ ОРЕНБУРГСКОЙ (ЧКАЛОВСКОЙ) ОБЛАСТИ В 1953-1964 ГГ.

В начале 1950-х годов по мере дальнейшего развития сельского хозяйства и роста экономики колхозов появилась необходимость в повышении материального и культурного уровня сельского населения. Государство ставило перед собой цель не только повышения материального и культурного уровня колхозников, но и выравнивания условий быта в городе и деревне, и тем самым стирания со временем противоположности между городом и деревней. В Чкаловской области за период 1953-1964 гг. значительно возросла сеть государственных учреждений культуры и несколько укрепилась их материальная база.

Однако, нужно отметить, что к 1954 году только половина совхозов страны были обеспечены проектами планировки, а в колхозах процент охвата проектно-планировочной документацией составлял не более 5%. В связи с этим, перед Министерством городского и сельского строительства встала задача создания проектных организаций, а также обеспечения и разработки проектов планировки и застройки МТС, совхозов и колхозных сел. Проведение контроля за качеством проектирования и застройки, разработка норм и технических условий для сельского строительства возлагались на управление по делам архитектуры союзных республик¹.

В начале 1950-х гг. культурно-бытовые условия сельского населения оставляли желать лучшего. Примером может служить нижеследующий факт. В молсовхозе «Чкаловский» Чкаловской области в течение ноября и декабря 1955 г. проводился общественный смотр состояния жилищных и культурно-бытовых условий рабочих и служащих. Результаты были неутешительны. На центральной усадьбе молсовхоза имелся клуб с общим залом на 80 мест. Здание саманное с соломенной кровлей было построено в 1936 г. под пекарню и впоследствии приспособлено под клуб без всякого переустройства и оборудования и только в 1955 году силами коллектива молсовхоза произведена смена крыши, кровли (под железо) и оборудованы примитивная сцена и зал. На фермах не было клубов, имелись только 2 культпросветкомнаты, находились они в приспособленных комнатах при конторах и абсолютно не оборудованы. Под школу центральной усадьбы в 1955 году был отведен строящийся двухквартирный дом с общей полезной площадью в 56 кв. м². Школы на фермах находились в приспособленных домах крестьянского типа, по своей площади и оборудованию не обеспечивающих нормальных условий для учебной работы. Магазин и ларек на центральной усадьбе были оборудованы в комнатах конторы совхоза, которая в свою очередь располагалась в саманном здании, построенном в 1936 г. под барак-общежитие. Магазины на фермах находились в приспособленных землянках. Пекарня имела только на центральной усадьбе, которая располагалась в приспособленной полуразрушенной саманной

¹Всесоюзное совещание по градостроительству. Сокращенный стенографический отчет. М., 1955. С. 118.

²ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 19. Д. 687. Л. 2.

землянке, построенной в 1936 г. под баню. Бань в совхозе не существовало, имелись лишь примитивные бани в землянках.

Осмотрев все описанные здания, сооружения и бытовые условия рабочих и служащих, комиссия просила Министерство совнархозов РСФСР выделить средства и стройматериалы для строительства на центральной усадьбе клуба, детского сада, детских яслей, магазина, бани, пекарни, школы, медпункта, а на фермах 3 красных уголков, 3 детских яслей, 3 зданий для начальной школы, 3 зданий под магазин, а также решить вопрос о включении совхоза в кольцевую электролинию Чкалов – Бабаево с электрификацией всех точек совхоза³.

Таковыми были условия не только в данном населенном пункте, но и во многих других колхозах и совхозах районов области.

В 1953-1964 гг. началось широкое народное движение за строительство учреждений культуры на средства, выделенные колхозами, при активном трудовом участии сельского населения.

В области в связи с подготовкой к празднованию 40 – летию ВЛКСМ по инициативе комсомольцев и молодежи Ак-Булакского района была объявлена двухлетка культуры, в период которой предполагалось построить 225 клубов, 50 библиотек, 55 стадионов, радиофицировать 134 колхоза, установить 22540 радиоточек⁴.

Инициаторами общественного движения за дальнейший подъем культуры села в области в 1960 г. стала интеллигенция Илекского района. В Оренбургской области при широком участии учителей, врачей, специалистов сельского хозяйства с одной стороны и властей с другой было построено 146 домов культуры и клубов, 47 библиотек, 246 красных уголков. В некоторых районах были открыты картинные галереи⁵.

Медногорский горком КПСС и Медногорский районный Совет депутатов трудящихся поддержали и разработали мероприятия по дальнейшему подъему культурного и бытового обслуживания трудящихся в связи с инициативой общественности Илекского района.

В связи с этим, Медногорский горком КПСС и Медногорский районный Совет депутатов трудящихся в 1960-1961 гг. запланировали расходовать на строительство культурно-бытовых учреждений в колхозах и совхозах района 7525 тыс. руб., в том числе в 1960 г. – 3,5 млн руб.

По улучшению культурно-просветительской работы по области проводились районные совещания председателей колхозов, директоров совхозов, председателей сельских советов и секретарей партийных организаций, где обсуждался вопрос об инициативе Илекского района. Так, на бюро Медногорского горкома КПСС был составлен и утвержден двухлетний план по внедрению культуры на селе⁶.

В колхозах и совхозах проводились открытые партийные и комсомольские собрания, где обсуждался вопрос участия и контроля этих организаций по выполнению обязательств на новый подъем культуры на селе.

Также организовывались районные совещания председателей постоянно действующих комиссий сельских советов: культурно-просветительских, по народному образованию, здравоохранению, торговле, благоустройству по вопросу «Об участии и месте постоянных комиссий в общественном походе за культуру села». Во всех колхозах и совхозах создавались женские советы. Так, на Медногорском районном собрании интеллигенции села

был обсужден вопрос «Интеллигенция села в борьбе за новый подъем культуры» и создана районная общественная комиссия по двухлетке культуры села. Она избиралась в составе 23 человек специалистов сельского хозяйства, партийных и советских работников, представителей интеллигенции⁷. Председателем комиссии избрали главного врача Кувандыкской районной больницы Пиддэ Льва Рудольфовича⁸.

В районах Чкаловской области сельское строительство осуществляли две основные строительные организации: трест Чкаловстрой и трест Чкаловсовхозстрой. Трест Чкаловстрой относился к Министерству городского и сельского строительства. Чкаловстрой производил строительство МТС и жилых домов в селах: Нижней Павловке, Городище, Переволоцке, Платовке, Ново-Сергеевке, Троицке, Баклановке, Приуральске, Краснохолме и др. Чкаловсовхозстрой осуществлял строительные работы в совхозах области⁹.

Результаты 1 года двухлетки для Медногорского района были неплохими. В 1960 г. Медногорский горком КПСС и Медногорский районный Совет депутатов трудящихся на культурно-бытовое строительство планировали затратить 3,5 млн руб., фактически затратили 3,4 млн руб. Было построено: 6 домов культуры и клубов на 510 мест, 3 школы, 1 столовая на 20 мест, 3 детских яслей, 6 красных уголков, 1 интернат на 50 мест, 1 общежитие на 125 мест, 1 медпункт, 152 жилых дома, 2 магазина, 1 пекарня, а также электрифицировано и радиофицировано 6 населенных пунктов¹⁰.

Одним из универсальных культурных учреждений на селе являлся клуб. Село превосходило город по числу клубных учреждений по стране только в 1960 г. в 8,1 раза. Это было обусловлено тем, что в сельском поселении клуб являлся центральным, а часто и единственным культурным учреждением, выполнявшим ряд разнообразных функций. Не являясь главным для города, в селе он концентрировал такие функции, как культурно-воспитательную, просветительскую, пропагандистскую, функцию организации творческого развития и общения, отдыха, развлечений¹¹.

Всего по области к 1955 г. насчитывалось 1326 клубных учреждений, по РСФСР – 68019, а уже к 1956 г. их число достигло 1415 и соответственно по РСФСР - 69087¹².

В 1958 году Верховным Советом СССР принимается закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР», в ст. 10 которого говорилось о необходимости осуществления мероприятия по укреплению материальной базы школ, ликвидации многосменности занятий. В связи с этим, к середине 50-х гг., увеличивалась сеть школ, велось достаточно активное строительство новых школьных зданий. Но в сельской местности отсутствовали механизмы для трудоемких работ на строительстве школьных зданий, а также и механизмов для малой механизации работ¹³. Также не принималось действенных мер к обеспечению строительства лесными и кровельными материалами. Фондируемые материалы, как правило, планировались к отгрузке не на объекты строительства, а тресту в г. Чкалов, в результате чего трест был вынужден транспортировать цемент, лес на 150-300 км для строительства школ в отдаленных районах. Это, естественно, создавало ненужную работу транспорта, приводило к удорожанию строительства и тормозило его развитие.

⁷ Там же. Л.46.

⁸ Там же. Л.47.

⁹ Государственный архив Оренбургской области. Ф. 1133. Оп. 1. Д. 61. Л. 14.

¹⁰ Там же. Л. 59.

¹¹ Синявская А. С. Социальная основа СССР. М., 1987. С. 220.

¹² Культурное строительство РСФСР. Стат. Сборник. М., 1985. С. 8-9.

¹³ ЦДНПО. Ф. 371. Оп. 18. Д. 786. Л. 26.

³ Там же. Л. 3.

⁴ Центр документации новейшей истории Оренбургской области. Ф. 371. Оп. 19. Д. 1159. Л. 19.

⁵ Культурная революция на Урале. Свердловск, 1966. С. 210.

⁶ Там же. Ф. 1666. Оп. 23. Д. 211. Л. 45.

Отдельные исполкомы райсоветов недостаточно занимались строительством школьных зданий. Исполкомы считали, что их дело только в организации нормального финансирования строительства, а строить должен был только трест «Чкаловстрой». В результате такого отношения исполкомы не обеспечивали строительство рабочей силой.

Однако, несмотря на все проблемы, в Оренбургской области в период 1951-1965 гг. наблюдался рост строительства новых школьных зданий. По сравнению с пятой пятилеткой (1951-1955 гг.) в 1956-1960 гг. количество школ увеличилось в 1,5 раза, а в 1960-1965 гг. в 3,1 раза. Но необходимо отметить, что распределение школ в городах и сельской местности было неравномерным. Так, если в период 1951-1955 гг. открывшиеся в области все 44 школы находились в городах и поселках городского типа, а в период шестой пятилетки в городах строилось 72,7% школ и лишь 27,3% в сельской местности, то ситуация изменилась в 1961-1965 гг., когда на село приходилось 71,6% открытия школ¹⁴. Во многом это было связано с мероприятиями по подъему культурного и бытового обслуживания трудящихся

В росте грамотности широких масс трудящихся и подъеме их культурного уровня особенно важную роль сыграло развитие библиотечной системы. По области в 1955 г. насчитывалось 1412 массовых библиотек, по РСФСР – 73326¹⁵. В разное время число сельских библиотек страны превосходило число городских. Так, в 1960 г. их стало в 3 раза больше (100,4 тыс. и 35,3 тыс. соответственно), но книжные фонды сельских библиотек были меньше¹⁶.

Государство уделяло большое внимание строительству на селе, но планы по вводу культурно-бытовых объектов не выполнялись. Основными причинами невыполнения плана строительства в сельских местностях являлись нехватка строительных материалов и отрыв автотранспорта во время хлебоуборочной кампании¹⁷.

Таким образом, благодаря инициативе и деятельности колхозов, сельской интеллигенции с одной стороны и органов власти с другой стороны были достигнуты существенные изменения в культурно-бытовом обслуживании сельского населения. Быстрыми темпами шло строительство домов культуры и клубов, школ, библиотек и т. д. Но наряду с положительными явлениями, и несмотря на огромную проделанную работу на селе, растущие запросы населения полностью еще не удовлетворялись.

О.В. Черная

*Курганский государственный университет,
г. Курган*

К ВОПРОСУ ОБ ИЕРАРХИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ КРЕСТЬЯНСКИХ ДОМОХОЗЯЙСТВ В ЮЖНОМ ЗАУРАЛЬЕ В КОНЦЕ XIX - НАЧАЛЕ XX В.

До второй половины XIX века крестьяне детство и отрочество проводили, как правило, в составной отцовской семье, которая включала два-три нисходящих поколения и являлась, в первую очередь, хозяйственной организацией, основанной на половозрастном разделении

¹⁴ Народное образование, наука и культура в Оренбургской области.

Стат. сб. М., 1975. С. 42.

¹⁵ Там же. С. 150-151.

¹⁶ Синяевская А.С. Указ. Соч. С. 220.

¹⁷ ГАОО. Ф. 1133. Оп. 1. Д. 61. Л. 14.

труда. В последней трети XIX - начале XX века время существования семьи на стадии составной заметно сокращается, но рост продолжительности жизни приводит к расширению её структурно-поколенного состава. Таким образом, детство крестьянские дети (чаще всего первенцы) проводили именно в составной семье, где отношения оставались авторитарно-патриархальными и, равно как и в малой семье, основывались «на двух принципах: главном – старшинства (почитание старших и в первую очередь отца) и дополнительном – андроцентризме (предпочтении мужского пола женскому)» (8,153). Все домочадцы подчинялись большаку - главе семьи, который в Южном Зауралье конца XIX - начала XX века вовсе не обязательно был самым старшим в семье. Все женщины подчинялись большухе, которой в отличие от Центральной России могла быть любая женщина, а не только жена большака, и мужчинам. Хотя социальная неполноценность женщин продолжала сохраняться, с их мнением начинали считаться гораздо больше (7,477). Овдовевшая крестьянка могла отказаться от опекуна, навязываемого общиной, и сама стать опекуном с правом распоряжаться имуществом семьи и замещать умершего мужа в общественных делах (1,113). Тем не менее, младшие подчинялись старшим, дети – взрослым, то есть половозрастной иерархизм пронизывал внутрисемейные отношения крестьян. Вплоть до самостоятельного вступления в брак дети находились в полной зависимости от родителей, быть послушными считалось их первой обязанностью.

В крестьянской семье Южного Зауралья исследуемого периода, несмотря на официальную букву закона, не было никаких различий в принципе наследования родными и приемными, рожденными в браке и незаконнорожденными детьми. Положение ребенка среди братьев и сестер, в отличие от Западной Европы, ни в коей мере не зависело от перворождения. Престиж внутри дома определялся трудовым вкладом каждого члена семьи в устройство хозяйства или формирование имущества, а вытекающая из этого символическая субординация перенималась детьми и переносилась в несколько упрощенном виде на собственные взаимоотношения. Несомненно, что крестьянский первенец работал больше своих братьев и сестер, так как в его обязанности входил присмотр за младшими, обучение их основным навыкам, он должен был быть им примером и опорой, что формировало его характер. Конкуренция между детьми, конечно, имела место, но она не носила такого ярко выраженного экономического характера, как в условиях западноевропейского единонаследия (или свободного раздела) (5,42). Беря пример со старших, ребенок сам, в силу возраста и способностей, определял свой уровень работоспособности и давал ему оценку. Крестьянин как бы врался в работу с детских лет, она становилась его образом жизни, в соответствии с ней он определял своё место в семье и мире. Его трудоспособность, сноровка, ловкость и умение трудиться на благо семьи были его «визитной карточкой», в соответствии с ними он определял собственную роль в семье и сельском обществе.

Следует оговориться, что обычное право крестьян зачастую не подкреплялось никакими документами. Устный наказ главы семьи после его смерти дети должны были выполнить безоговорочно (2,232-259). Нередко размер трудового вклада каждого члена семьи вызывал споры и даже являлся причиной каждодневных ссор и попреков, чаще всего между женщинами (4,131; 6,401-402). При разделе родительского имущества между детьми конкуренция, зревшая до сих пор исподволь, могла стать явной. Тогда раздел не был мирным и заканчивал-

ся либо «плохим миром», либо «доброй ссорой». Случалось, что братья «мало общаются и даже несемейные живют совершенно отдельно» (3,273). Однако чаще всего причиной ссор была не экономическая конкуренция или споры о наследовании, а обычные «бабьи ссоры» (8,129).

Иерархическая структура крестьянских домохозяйств, основанная на принципах старшинства и андроцентризма, определяла специфику половозрастного разделения труда, стереотипов поведения полов, норм взаимоотношений внутри семьи и между поколениями и т. д. В то же время, высокое значение таких личных качеств отдельных членов семьи, как уровень работоспособности и объем трудового вклада, играли решающую роль при определении места крестьянина в семье и сельском обществе. Данная структура позволяла крестьянской семье, которая в первую очередь являлась хозяйственной единицей, максимально эффективно сочетать производственные и репродуктивные функции.

Список литературы

1. Автобиографические записки сибирского крестьянина В. А. Плотникова: Публикация и исследование текста. Омск: Изд-во ОмГУ, 1995.
2. Барыков Ф. Л. О порядке наследования и разделов у государственных крестьян по сведениям, собранным Министерством государственных имуществ // Журнал МГИ. 1862. Ч. 81.
3. Бирюков М. О вреде, проистекающем от построения излишних крестьянских домов в деревнях // Пермские губернские ведомости. 1860. №21.
4. Волочнев П. Пушкарская сельская поземельная община Рождественской волости Соликамского уезда // Сборник Пермского земства. Пермь, 1890. №3.
5. Зидер Р. Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVIII – XX вв.) : пер. с нем. Л. А. Овчинцевой ; науч. ред. М. Ю. Брандт. М. : Гуманит. изд. Центр ВЛАДОС, 1997.
6. Маслюков Н. О поездке по волостям Томской губернии // Этнографическое обозрение. 1899. №1-2.
7. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) : Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства : в 2 т. 3-е изд., испр. и доп. СПб. : Дм. Булганин. Т. 1.
8. Традиционная культура русского крестьянства Урала XVIII-XIX вв. Екатеринбург : УрО РАН, 1996.

А.И. Шевельков
Коломенский государственный педагогический институт, г. Коломна

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО РСФСР В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ «НОВОЙ АГРАРНОЙ ПОЛИТИКИ» ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

Обилие партийно-государственных документов по вопросам развития сельского хозяйства страны во второй половине XX века являлось не столько свидетельством постоянной заботы руководства страны о его развитии, сколько подтверждением существования, обострения проблемы обеспечения населения продовольствием, а промышленности - сельскохозяйственным сырьем.

Мартовский (1965 г.) пленум ЦК КПСС, подводивший итоги развития сельского хозяйства за период 1959-1964 гг., определил их как «неудовлетворительные», что соответствовало действительности. Вместо запланированных 7,9% среднегодовой прирост валовой продукции составил 1,7%, тогда как в 1954-1958 гг. среднегодовые

темпы роста валовой продукции сельского хозяйства возросли до 8,6% против 1,3% в предыдущем пятилетии. В результате не были выполнены задания по производству ни одного вида сельскохозяйственной продукции, а по основным - достаточно существенно. Недовыполнение составило: по зерну - 14%, по картофелю - 38%, сахарной свекле - 19%, мясу (в убойном весе) - 27%, молоку - 24%, яйцу - 11%. Только в 1964 г. на 101% было выполнено задание по производству сахарной свеклы, а по закупкам лишь по зерну (3, ф. 2, оп.1, д. 768, л. 58). Срыв планов производства и заготовок важнейших сельскохозяйственных продуктов сдерживал развитие выпуска товаров народного потребления, рост товарооборота и повышение жизненного уровня населения страны и поэтому подъем сельского хозяйства имел огромное государственное значение.

Причинами медленного развития аграрного производства в начале 60-х гг. являлась слабая материально-техническая база, высокая доля ручного труда в большинстве видов работ. К примеру, уровень механизации производства на многих животноводческих фермах РСФСР не превышал 3-6%. В аграрном секторе страны было занято 31 млн, тогда как в США - менее 7 млн. человек. При этом в США производилось сельхозпродукции на 25-33% больше, чем в СССР (3, л. 201).

В сравнении с другими странами имелось существенное отставание в энерговооруженности труда и темпах развития всей отрасли. Так, энерговооруженность одного работника, занятого в сельском хозяйстве США, составляла около 70 л.с., а у нас - около 7 л.с. На 1000 га пашни приходилось тракторов: в СССР - 6,4, в США - 36,3, ФРГ - 131,9, в Финляндии - 35,5. По обеспеченности зерноуборочными комбайнами отставание от США было почти трехкратным. Нехватка техники негативно отражалась на уровне производительности труда - он был в 3-3,5 раза ниже, чем у американских фермеров (3, л.203).

Количество и качество техники не обеспечивали выполнение необходимых агротехнических мероприятий в научно обоснованные сроки. Развитие материально-технической базы сельского хозяйства в 60-е гг. сдерживалось как недофинансированием машиностроительных отраслей, так и ошибками и просчетами в планировании потребностей хозяйств в технике. Хотя Н.С.Хрущев неоднократно заявлял, что в период 1961-1965 гг. капиталовложения в сельское хозяйства будут удвоены, этого так и не произошло. С сокращением финансирования сельского хозяйства в семилетнем плане развития страны (1959-1965 гг.), было фактически заложено не только снижение производства техники, но и сельхозпродукции. К примеру, в 1957 г. выпускалось 265 тыс. сеялок, а в 1960 году - только 112 тыс.; культиваторов 208 и 85 тыс., соответственно. Уменьшение производства техники в значительной степени было связано с реорганизацией МТС (1958 г.), в ходе которой колхозы обязали выкупать у МТС технику, большая часть которой нуждалась в ремонте, а значит и дополнительных затратах. Государство было убеждено, что колхозы будут в достаточной степени оснащены сельхозмашинами и существует возможность сокращения их производства. Однако в результате подобной «помощи» большое количество хозяйств превратилось в низкорентабельные, а их материально-техническая база не стала условием ускоренного развития сельхозпроизводства. Только в 1961-1962 гг. объем производства сельхозмашин был выше уровня 1957 г., а затем вновь произошло его уменьшение. В итоге, в 1961-1965 гг. хозяйства не получили 207 тыс. тракторов, в том числе около 80 тыс. пахотных (2, л.342). Снижение планов выпуска сельхозмашин привело к сокращению про-

изводственных мощностей на предприятиях, росту цен на технику и на запасные части. В результате нехватки техники сельхозпредприятия не успевали поднимать зябь и ежегодно были вынуждены почти на одной трети площадей сеять яровые культуры по весновспашке. Только из-за несвоевременного подъема зяби, весеннего закрытия влаги, сева и уборки, в 60-е гг. колхозы и совхозы недополучали 2-3 ц с 1 га (2, ф.А-262, оп.8, д.10015, л.173).

Многие хозяйства основных зерновых районов страны ощущали острый недостаток в комбайнах. Для проведения уборки зерновых культур в оптимальные сроки (за 10-12 дней) необходимо было иметь 830 тыс. комбайнов, а в наличии было только 517 тыс. За 1961-1965 гг. парк комбайнов в стране вырос лишь на 3% (3, ф.2, оп.3 д.484, л.56). Только из-за запаздывания с уборкой хлебов ежегодно терялось 15-16 млн т зерна (больше его ежегодной продажи государству сельхозпредприятиями Украины и Северного Кавказа вместе взятыми) (3, д.191, л.8). Большие трудности испытывали хозяйства и в транспортных средствах. Потребность в грузовых автомобилях и других специализированных машинах из года в год удовлетворялась не более чем на 20% (3, л. 26). На период уборочной страды ежегодно из других отраслей народного хозяйства привлекалось 400-500 тыс. автомобилей, но и при этом своевременная перевозка всех сельскохозяйственных грузов не обеспечивалась.

Как показали уже первые итоги развития сельского хозяйства в 1965 г., подведенные декабрьским (1965 г.) Пленумом ЦК КПСС, серьезных положительных сдвигов не произошло. Объем валовой продукции сельского хозяйства оказался ниже расчетов примерно на 2,2 млн руб. (или на 4%), что было на 3% меньше уровня 1964 г. Особенно тяжелое положение сложилось в производстве зерновых. По предварительным данным, сбор зерновых культур составил 117 млн т против 152 млн т урожая 1964 г. Как известно, после засушливого 1963 г., когда было собрано только 107 млн т страна впервые закупила за рубежом 9,5 млн т зерна. Госплан предполагал, что государственные закупки зерновых в 1965 г. будут даже ниже, чем в более сложном 1963 г. При плане заготовок зерна в объеме 53 млн т (то есть даже ниже утвержденных показателей в марте 1965 г.), реально можно было закупить 36,5 млн т, включая 5 млн т сверхплановых закупок зерновых по повышенным ценам. Как заявил председатель Госплана Н.К. Байбаков: «ЦК и СМ СССР уже приняли меры, обеспечивающее нормальное снабжение населения хлебом, крупяными и мучными изделиями». Это означало увеличение закупок импортного продовольствия, сельскохозяйственного сырья для пищевой промышленности в значительно больших объемах, чем было импортировано в 1963 г. Рост поступлений в страну валюты намечалось обеспечить за счет увеличения экспорта нефти. Кроме дополнительного выделения почти 3 млрд руб. в 1965 г., государству пришлось изыскивать еще 3,5 млн руб. для компенсации снижения розничных цен на товары народного потребления для селян, покрытия оборотных средств хозяйств. В 1965 г. только совхозам, которые понесли убытки в 1 млрд руб., для восполнения оборотных средств не доставало 1,3 млрд руб. Нехватку их Госплан объяснял не только неблагоприятными погодными условиями, но и большими потерями урожая из-за бесхозяйственности. В связи с тем, что государственный бюджет не мог обеспечить все предприятия недостающими оборотными средствами, они покрывались за счет ссуд Госбанка СССР, отсрочки по ранее выданным ссудам - до осени 1966 г. Но и 1966 г. не изменил ситуацию с производ-

ством сельскохозяйственной продукции. Кроме того, пришлось сократить финансирование аграрного сектора. Вместо предполагаемых 13,2 млн руб., объемы капитальных вложений в сельское хозяйство составили 11,4 млн руб., что объяснялось необходимостью увеличения средств для обороны страны, других непредвиденных затрат. В результате недофинансирования многие задания по укреплению материально-технической базы сельского хозяйства, прежде всего по строительству производственных объектов на селе, не были выполнены. Только в РСФСР невыполнение составило 11%. Одна из причин - резкое увеличение стоимости строительных материалов и работ. Только за 1965-1966 гг. на всех строящихся 105 птицефабриках фактические затраты работ стали в 2-3 раза выше, чем предусматривалось в проектах, а по объектам мелиорации проектная стоимость возросла в 2-5 раз. Из-за незавершенности строительства предприятий химической промышленности сельскому хозяйству не было поставлено 2 млн т удобрений. Кроме того, дополнительные затраты государства на повышение закупочных цен на скот в 1966 г. составили около 4 млрд руб.

Недостаток техники приводил к недобору продукции, повышению себестоимости производства, не позволял применять передовые технологии возделывания сельхозкультур. Несмотря на многообещающие решения мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС, во второй половине 60-х гг. не произошло кардинальных изменений как в укреплении материально-технической базы, так и в развитии сельского хозяйства в целом. Не выполнялись планы производства целого ряда сельхозкультур, а по уровню потребления отдельных видов продовольствия на душу населения страна была отброшена к 1960 г. В-первых, принимались нереальные планы производства и поставок техники сельскому хозяйству. В 1966-1970 гг. в сельское хозяйство не было поставлено около 1 млн ед. сельхозтехники (3, л.4). Во-вторых, аграрный сектор недополучил около 12 млрд руб. капитальных вложений и 1,7 млрд руб. на приобретение сельхозтехники, что составляло почти 25% от запланированных объемов. В-третьих, значительный рост цен на технику ограничивал возможности колхозов в приобретении. По решению Политбюро ЦК КПСС (март 1970 г.) началось значительное увеличение финансирования аграрного сектора, что сыграло положительную роль в его развитии. Однако и в 70-80-е гг. сельское хозяйство так и не смогло в полной мере обеспечить население продовольствием, а промышленность - сырьем. Была провалена Продовольственная программа (1982 г.) и в конце 80-х гг. сельское хозяйство представляло собой одну из наиболее трудоемких и наименее производительных отраслей экономики. Это привело не только к росту дефицита продовольствия, увеличению его закупок за рубежом (ежегодно импортировалось более 40 млн т зерна, а на закупку продовольствия расходовалось около 15 млрд руб., но и социальной напряженности (1, 8).

Среди важнейших причин обострения продовольственной проблемы, медленного развития аграрного сектора экономики, его стагнации были не только неэффективная материально-техническая база, но и сохранение административно-командного диктата над производителем, принижение чувства хозяина земли, возрастающая диспропорция цен на промышленную и сельхозпродукцию, низкий уровень культуры ведения земледелия, нецелевое использование капитальных вложений, неразвитость системы перевозок, хранения и переработки урожая, медлительность внедрения достижений науки в производство, бесхозяйственность, слабая производ-

ственная дисциплина и т. д. В 60-е гг. фактически складывается государственная система изъятия средств, заработанных тружениками села. Через налоги, систему страхования имущества колхозов, увеличение амортизационных отчислений, рост стоимости строительных работ и услуг для хозяйств, низкие закупочные цены на сельхозпродукцию и высокие цены на промышленную продукцию для села лишали колхозы не только прибыли, но и оборотных средств. Практика постоянного списания финансовой задолженности колхозов и совхозов перед Госбанком СССР также не способствовала сокращению числа убыточных хозяйств. Не улучшала положение и политика укрупнения хозяйств, преобразования колхозов в совхозы, которая началась в 1950 г. и продолжалась в течение полувека. То есть ни о какой «новой аграрной политике» в постхрущевский период, о которой заговорили в середине 70-х гг. партийные руководители, а затем «подхватили» ученые, не могло быть и речи.

Список литературы:

1. *Аграрная политика КПСС. М., 1990. С. 8.*
2. *ГА РФ (Государственный архив Российской Федерации).*
3. *РГАНИ (Российский государственный архив новейшей истории).*

СЕКЦИЯ 2. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ РОССИИ В XX ВЕКЕ

Ю.А. Андреева
Курганский государственный университет, г.
Курган

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ МОЛОДЁЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ РОССИИ

После распада Советского Союза молодёжные проблемы в течение 1990-х годов были отброшены на периферию жизни страны. Исторический опыт воспитания советской молодёжи перестал использоваться по идеологическим мотивам. В настоящее время подавляющее большинство ювенологов всё же признают действенность советской системы социализации молодого поколения.

Эта система была в условиях того времени по своему эффективной и результативной. С детских лет коммунистическое воспитание юношей и девушек происходило в рамках общественных организаций, учитывавших возрастные особенности подрастающего поколения. Привлекательными для молодёжи являлись и коммунистические идеалы(1). При этом не учитывалось, что проблемы молодёжи – это не только проблемы комсомола, но и всего общества, т.е. деятельность комсомола строилась на ложном представлении о том, что ВЛКСМ может быть общественно-политической организацией только тогда, когда будет решать проблемы молодёжи всей страны, нести ответственность за всю молодёжь. Кризис любой организации заключается и в исчерпании её программных целей: либо они достигнуты, либо налицо невозможность их достижения. Применительно к союзу можно говорить о втором. Комсомол как общественно-политическая организация не имел своей политической программы с указанием целей, задач, не были чётко определены позиции взаимодействия с общественными организациями, с КПСС как руководящей силой общества. Все острые процессы, протекающие в комсомоле, точная копия сложной ситуации, сложившейся в обществе. Уже в конце 80-х годов стали появляться высказывания комсомольских вожakov о том, что «комсомол есть самостоятельный политический и идеологический союзник партии в деле обновления нашего общества с присущими только ему формами и методами работы, находящими отклик и интерес в молодёжных массах»(3).

За последнее десятилетие государственная политика по отношению к молодёжи изменилась в лучшую сторону. Этим занимаются специально созданные государственные структуры. Однако без инициатив самой молодёжи её проблемы решать трудно. Необходимы молодёжные общественные организации, в основу работы которых должны быть положены принципы широкой демократии, инициативы «снизу», самодеятельности.

В настоящее время в России существуют сотни молодёжных организаций, которые ставят перед собой разные задачи, тяготеют к различным политическим силам. Несмотря на это, эти организации объективно занимают или обязаны заниматься проблемами юношей и девушек: конкурентноспособностью на рынке труда, вопросами общеобразовательной и профессиональной учёбы, созданием условий для всестороннего развития личности, реализации творческого потенциала. В этой связи опыт работы с советской молодёжью является важным.

Нерешённость многих молодёжных проблем приводит некоторые юношеские организации к оппозиционным политическим партиям. В принципе это явление вполне вписывается в жизнь демократического общества. Главное – не допустить превращения молодёжных организаций в экстремистские, националистические. Воспитание толерантности подрастающего поколения к различным этносам и социальным группам – важнейшая задача лидеров молодёжных организаций.

В XXI веке превалирует работа среди учащейся молодёжи. Молодёжные организации весьма слабо влияют на работу молодых людей, особенно в среде производства. Лишь на очень крупных промышленных предприятиях имеются свои заводские молодёжные организации. Между тем именно в производственной среде остро стоят проблемы высококвалифицированной рабочей силы.

Ряд молодёжных организаций работает под руководством государственных органов и правящей партии «Единая Россия», другие находятся под влиянием оппозиционных сил. Но те и другие имеют общее: удовлетворение запросов и потребностей особой возрастной группы населения – молодёжи. Взаимоотношения между молодёжными организациями различной общественной ориентации имеют единые цели. На знамёнах почти всех организаций молодёжи начертаны два великих слова: «Труд» и «Знание». Конечно, есть группы молодёжи, которые не признают необходимости учиться и трудиться. Но эти группы в основном характерны для подросткового возраста. Этой категории молодёжи необходима помощь не только со стороны государства, школы, но и молодёжных общественных организаций(2).

Сегодня необходимо появление молодёжных организаций нового формата, организаций конкретных дел. Они могут разрабатывать и реализовывать эффективные проекты жизнедеятельности молодёжи в различных сферах общества. Эти организации будут трудиться не только на имидж той или иной политической силы, активизируясь в выборный период и впадая в спячку после него, а действовать постоянно и во благо народа России.

Список литературы

1. Андреева И.Н., Голубкова Н.Я. *Молодёжная субкультура: нормы и система ценностей*. М.: Полис, 1989.
2. Вашилин Э.П. *Творческая молодёжь в современной России: особенности социализации// Социально – гуманитарные знания*. 2003. - №2. – С. 240-250.
3. ГАОПДКО. Ф.- 1200. Оп.68. Д.1. Л.7.

А.А. Гагарин
Институт истории и археологии УрО РАН,
г. Екатеринбург

НЕСБЫВШИЕСЯ ОЖИДАНИЯ: ВЕРБОВКА В ПАРТИЮ СРЕДИ РАБОЧИХ ВЕРХ-ИСЕТСКОГО ЗАВОДА В 1920-1930-Е ГГ.

В контексте исследования истории политических партий России в XX в. весьма актуальным является вопрос популярности среди рабочего класса партии большевиков в такой напряжённый для советского государства период как 1920-1930-е гг. Долгое время эта тема оставалась под гнетом идеологических ограничений и являлась объектом мифотворчества. В результате в советскую историографию во многом искусственно была внедрена мысль об охотной поддержке партийных начина-

ний в рабочей среде, активном вовлечении трудящихся в партию, создан образ рабочего-коммуниста, являющегося передовиком производства и носителем новой «пролетарской» культуры.

Полноценное научное изучение этой чрезвычайно важной для понимания российской истории советского государства проблемы стало возможно сравнительно недавно. Уже сейчас можно смело утверждать, что созданные в советский период конструкты значительно разнятся с реальностью.

Одним из наиболее показательных свидетельств отношения к большевистской партии являются цифры вербовки в нее среди «правлящего гегемона», социокультурный облик и профессиональный уровень завербованных рабочих. В данном исследовании мы попытались рассмотреть эту проблему на примере крупного Верх-Исетского завода г. Екатеринбурга.

Особенно показателен пример этого предприятия тем, что к началу Февральской революции рабочий коллектив завода находился под сильным влиянием большевиков, что послужило причиной позитивного восприятия рабочими сначала Февральской, а затем и Октябрьской революций. Рабочие завода приняли деятельное участие в подавлении дутовского мятежа, защищали советскую власть в ходе Гражданской войны. Соответственно власть и партийные органы ожидали, что предприятие окажется надежным оплотом большевистской партии и в мирное время.

Однако, как оказалось, активное участие рабочих в борьбе за советскую власть не гарантировало столь же активного участия в партийной жизни. На начало 1922 г. на заводе было всего 52 члена партии (менее 3% трудового коллектива), из которых примерно четверть составляли женщины (4, 1).

За 1922-1923 г. численность партии на заводе возросла почти в два раза, достигнув 107 человек (64 члена и 43 кандидата), что, однако, продолжало составлять менее 5 % заводского коллектива. Причем старыми коммунистами, вступившими в партию до 1917 г., было только 5 человек. Из 64 членов партии только 4 относились к числу специалистов; рабочими являлись все кандидаты в партию (% представительства специалистов в партии - 3,7%). Только 40% членов партии имели начальное образование (5, 3). Таким образом к 1924 г. за редким исключением партийцы имели рабочее происхождение и сравнительно небольшой партийный стаж (стаж более 5 лет был лишь у 35 членов партии, т.е. у 1/3 общего числа членов и кандидатов) (1, 171).

Весной 1924 г. произошло увеличение количества членов партии в связи с так называемым «ленинским призывом». В течение нескольких недель чрезвычайно активной вербовки в партию вступило 78 человек (77 рабочих, 1 служащий) (5, 3). На начало 1925 г. из 208 заводских партийцев 107 человек (51,4%) вступило в партию в 1924 г. 90,4% всех партийцев имело рабочее происхождение, чрезвычайно малым оставалось количество интеллигенции. Количество женщин с 1922 г. возросло крайне незначительно – 10 членов и 7 кандидатов, а в процентном соотношении даже сократилось до 8,1%. Всего же в партии состояло менее 10% заводского коллектива (7, 49-54).

К началу индустриализации партпрослойка среди рабочих осталась на том же уровне – 9,4% и была, по мнению партийных органов, чрезвычайно низкой (3, 178). Значительные нарекания вызывал состав партии, прежде всего профессиональный. Как заявлял партком, хуже всего вербовка в партию шла среди местных (потомственных) рабочих (6, 22). Показательным является материальное положение большинства коммунистов завода

среднее и частью плохое, что подтверждает политическую пассивность, в целом присущую высокооплачиваемым квалифицированным рабочим (7, 49-54). Еще одним источником беспокойства был чрезвычайно низкий процент в партии женщин и ИТР. Самим партийным руководством признавалось неудовлетворительное положение с вербовкой в партию, во многом искусственный характер достигнутых количественных показателей, чрезвычайно низкий качественный состав. Постоянные нарекания вызывала низкая политическая активность партийцев (добровольное участие в партийных и общественных мероприятиях, проявление инициативы было присуще не более чем 10-15% партийцев) (7, 49-54); низкая трудовая дисциплина партийцев; процветавшее среди них пьянство. В выступлении одного из членов парткома было отмечено: «Можно сказать вот, что непьющих совершенно ничего найдется очень мало товарищей». Кандидаты и члены заводской партиячейки часто задерживались в нетрезвом состоянии милицией, что также не способствовало росту авторитета партии среди рабочих (7, 49-54).

Таким образом в период нэпа налицо была относительная апатичность заводских рабочих и служащих, особенно местных и относящихся к высокооплачиваемым профессиям. Обстоятельство это вызывало беспокойство и постоянные нарекания высших партийных органов.

С началом индустриализации связана активизация процесса вербовки в партию. Вызвано это изменением характера комплектации рабочего коллектива: пополнения, прибывающие из сельской местности, оказались гораздо более благодатной почвой для агитации, нежели постоянные высокооплачиваемые рабочие. В результате произошел значительный рост числа членов партийной организации. Основной наплыв произошел в дни подготовки к Семнадцатой партконференции. Под воздействием активной вербовки рабочие записывались в партию целыми бригадами (2, 108-112). На 1 апреля 1931 г. на заводе было 1171 коммунист, т.е. 22,5% трудового коллектива. 93% из них составляли рабочие, преимущественно молодые и низшей квалификации. Охват партийностью рабочих основных цехов достиг 70% (8, 78). Однако уже тогда партийными органами высказывалось мнение, что работа с рабочими ведется простым зазыванием без соответствующей обработки. Результатом стал чрезвычайно высокий процент отсеявшихся: из 1600 рабочих, подавших заявления в 1931 - первой половине 1932 гг., прошли процедуру оформления только 1130 рабочих, из них позднее ушло 500 (9, 193).

В дальнейшем в результате высокой текучести, партийных проверок и чисток произошло значительное сокращение количества партийцев. К 1934 г. на заводе осталось всего 509 коммунистов: 355 членов и 154 кандидата, 56 сочувствующих (10, 33). В начале 1938 г. на заводе было всего 211 членов и кандидатов в партию и 56 сочувствующих. В конце 30-х гг. вновь наметилась тенденция к увеличению партии: в 1940 г. на заводе насчитывалось 342 члена и 209 кандидатов, т.е. 551 коммунист, что было связано с окончанием масштабных репрессий (12, 14). В целом же доля коммунистов в заводском коллективе составляла 10-15%, что в процентном отношении незначительно превосходило уровень середины 20-х гг.

Таким образом резкое возрастание числа коммунистов на заводе в начале 1930-х гг. было результатом проводимых властями кампаний и оказалось явлением кратковременным. К концу 30-х гг. доля коммунистов и комсомольцев на заводе по сравнению с серединой 1920-х гг. повысилась незначительно и составила в сумме около 20-25% заводского коллектива (11, 28). В большинстве своем это были

недавно прибывшие на завод рабочие, во-первых, более податливые партийной агитации вследствие оторванности от привычной системы ценностей; во-вторых, выдающие в членстве в партии возможность получения различных социальных благ. Высококвалифицированные рабочие из числа местных поддавались на партийную агитацию в значительно меньшей степени.

Во многом профессиональным составом партии объясняется низкая производственная активность ее членов. Обследование заводских коммунистических организаций, проведенное в феврале 1938 г., показало, что лишь 67% коммунистов относились к числу ударников и стахановцев, сочувствующих передовикам производства было 50%. В целом же коммунисты, сочувствующие и комсомольцы составляли всего 15% от количества стахановцев завода и менее 5% от числа ударников. В результате на 1 районной партконференции был сделан вывод, что коммунисты не заняли в стахановском движении надлежащего места, с чем партийные органы из-за этого не выполнил завод поставленной производственной программы.

Слабость заводской партийной ячейки завода была ясна и самим партийным лидерам. К концу периода в партийных выступлениях все чаще проскальзывают критические нотки в отношении коммунистической организации завода, завуалированные намеки на то, что главной причиной вступления в нее является желание улучшить свое материальное благосостояние, добиться льгот в снабжении и распределении благ (11, 28).

Список литературы

1. ГАСО. Ф. 122-р. Оп. 1. Д. 104. Л. 171.
2. Рябинин. Верх-Исетский завод. Свердловск, 1948.
3. ЦДООСО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 10. 178.
4. ЦДООСО. Ф. 295. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.
5. ЦДООСО. Ф. 295. Оп. 1. Д. 9. Л. 3.
6. Там же. Л. 22.
7. Там же. Л. 49-54.
8. ЦДООСО. Ф. 295. Оп. 1. Д. 21. Л. 78.
9. ЦДООСО. Ф. 295. Оп. 1. Д. 42. Л. 193.
10. ЦДООСО. Ф. 295. Оп. 1. Д. 58. Л. 33.
11. ЦДООСО. Ф. 1269. Оп. 1. Д. 20. Л. 28.
12. ЦДООСО. Ф. 1269. Оп. 1. Д. 85. Л. 14.

С.А. Дианов

Пермский государственный педагогический университет, г. Пермь

ЦЕНЗОРЫ УРАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ И БОЛЬШЕВИСТСКАЯ БДИТЕЛЬНОСТЬ: ПРОБЛЕМА ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ЦЕНЗУРЫ В ПРОВИНЦИИ

«В работе нашей... нет еще достаточной большевистской бдительности по отношению к прорывам политического характера, к нечетким формулировкам..., к неправильным, кричащим "шапкам"..."»

Б. Волин, начальник Главлита РСФСР, август 1934 г.

До 1991 г. советская цензура не могла стать предметом изучения историков вследствие системы глобальной секретности, в условиях которой протекала деятельность ее органов. В связи с процессом демократизации политической системы России в государственных архивах

были открыты многие секретные фонды, содержащие сведения о Главлите и его местных структурах. В 1991 г. в Ленинграде состоялась научно-практическая конференция «Свобода научной информации и охрана государственной тайны: прошлое, настоящее, будущее», участники которой впервые получили возможность обсудить некоторые направления будущих исследований в области изучения цензурной политики и практики.

В последние 10-15 лет на профессиональном уровне проблемами изучения этого сложного социального явления занимаются А.В. Блюм, Т.М. Горяева, М.В. Зеленов, Н.Н. Клепиков, М.Б. Кошарев и др. (1).

Вместе с тем, обращаясь к частным сюжетам процесса становления советской цензуры как инструмента государственной политики большевиков, исследователь неизбежно сталкивается с вопросом о том, насколько эффективна была деятельность цензоров в деле осуществления политического контроля за печатным словом и зрелищными мероприятиями. В настоящей публикации предлагается рассмотреть эту проблему на примере деятельности органов цензуры в округах Уральской области в 1923 - нач. 1930-х гг.

Само собой разумеется, что эффективность работы советского цензора напрямую зависела от реализации тех целей и задач, которые перед ним формулировало его непосредственное руководство. Говоря о периоде с октября 1917 г. по июнь 1922 г. необходимо заметить, что единого централизованного органа, осуществлявшего руководство и направлявшего деятельность цензоров в нужное для большевистской партии русло, не существовало. Цензурные функции осуществляли Особый отдел ВЧК, Отдел военной цензуры РККА, Государственное издательство РСФСР и Главполитпросвет Наркомпроса РСФСР. Отсутствовала четкая законодательная основа, ведомства нередко дублировали друг друга, их деятельность была плохо координированной. Не существовало единого подхода к пониманию критериев отнесения того или иного продукта культуры к «контрреволюционному» элементу, явно враждебному советской власти. Так, например, в библиотеках Пермской губернии в 1919-1922 гг. общедоступными читателю были книги Перображенского «Черная сотня», Ивановича «Анархия и анархисты», В. Короленко «Падение царской власти», Л. Шестова «Достоевский и Ницше», Г. Сенкевича «Камо грядеши?», Г. Эберса «Иисус на воде», Ф.М. Достоевского «Мальчик у Христа на елке», а также некоторые номера журналов «Русская мысль», «Новое слово» и «Божий мир» (2). Их изъятие из книжного фонда пермских библиотек произойдет позднее, в 1923-1924 гг.

Начало нэпа совпало с процессом перестройки всей цензурной политики большевиков. Декретом СНК РСФСР от 6 июня 1922 года было учреждено Главное управление по делам литературы и издательств (Главлит). Согласно декрету, Главлит средоточивал в своих руках политическую, экономическую, военную и все другие формы цензуры. Следует особо подчеркнуть, что так как Главлит являлся структурой Наркомпроса СССР, то его местные отделы формально были подчинены отделам народного образования (облоно, губоно, окроно).

На Урале цензурное ведомство было учреждено полгода спустя. 30 декабря 1922 г. Екатеринбургский отдел народного образования разослал всем губернским учреждениям, издательствам и типографиям циркуляр № 8030, содержащий извещение об учреждении в структуре губернского отдела народного образования [далее - ОНО] отдела по делам литературы и издательства – гублита (3, 34). В пункте втором циркуляра говорилось, что с 1 января 1923 г. все цензурные функции от Политконтроля ГПУ, Госиздата и других структур переходят к гублиту. В

уездах губерний Урала заведующие ОНО получили извещение о передаче им функций цензуры не ранее второй половины января 1923 г. Так, 17 января 1923 г. секретным циркуляром гублита № 29/с полномочия уездного цензора были возложены на заведующего ОНО Ирбитского уезда Екатеринбургской губернии А.Г. Арыкина (3, 166). Осенью 1923 г. в результате процесса районирования произошла ликвидация губернского-уездного административного деления территории Урала. На базе четырех бывших губерний была создана Уральская область с административным центром в г. Екатеринбурге (4, 56). Районирование вызвало перемены и в организационной структуре цензурного ведомства. Екатеринбургский гублит был преобразован в Уральский облит [далее - Уралоблит], которому с ноября 1923 по 1932 гг. оказались подчинены 16 окружных литов, в том числе и Курганский окрлит. В свою очередь окрлиты создавались на базе упраздненных специальными циркулярами Уралоблита № 529/с, 609/с гублитов и должностей уездных цензоров (3, 45). С весны 1924 года по требованию Уралоблита в районах округа учреждалась должность уполномоченного окрлита – райлита (райуполномоченный лита).

В циркулярах Уралоблита содержались инструктивные требования Главлита к местным органам цензуры. Цель деятельности цензоров формулировалась как осуществление **предварительной цензуры**, то есть предварительный просмотр всех предназначенных к опубликованию или распространению произведений, изданий периодических и непериодических, снимков, рисунков, карт, афиш, объявлений, плакатов, нот, репертуаров театров и эстрадных номеров и т.п. Задачи органов цензуры можно классифицировать по следующим группам:

Первая группа: идеологические задачи:

- недопущение всякого рода печатных материалов, через которые проводится враждебная марксизму и пролетариату идеология в основных вопросах общественности, религии, экономики, в национальном вопросе, вопросах в области искусств и т.д. (3, 62).

Вторая группа: политические задачи:

- недопущение к печати статей или других материалов, носящих явно враждебный к коммунистической партии и советской власти характер;

- недопущение к печати сведений, не подлежащих оглашению и составляющих государственную, военную или политическую тайну;

- изъятие из статей, репертуара театрально-эстрадных постановок наиболее острых мест (фактов, цифр, характеристик), недостаточный или неправильный анализ которых может скомпрометировать государство трудящихся или центральную власть, а также политические и общественные организации рабочего класса (3, 62).

Третья группа: культурно-просветительские задачи:

- недопущение бульварной прессы, порнографии, недобросовестной рекламы;

- контроль над книжным рынком и устранение из обращения и продажи книг и др. печатных материалов, запрещенных Главлитом (3, 63).

Четвертая группа: организационные задачи:

- визирование каждого произведения, материала, допущенного к опубликованию, распространению, специальной визой-штампом, имеющей регистрационный номер (3, 41);

- сбор цензурных платежей за предварительный просмотр печатных материалов и произведений театрально-эстрадного жанра (полистный, гербовый и др. сборы);

- прием и направление в облит заявлений об открытии новых издательств и о разрешении печатанья учебников, книг, пьес и др. крупных произведений печати и

дачи отзывов по ним;

- своевременное составление и отправка ежемесячных отчетов о результатах цензурной деятельности в округе.

В течение только 1923 года Уралоблит разработал основные формы отчетности местных литов: анкета для периодических изданий, форма журнала для регистрации печатного материала, разрешенного уездным цензором, форма ежемесячного отчета уездного цензора о результатах просмотра печатного материала, информационная форма отчетности цензора гублита, форма отчета цензора гублита о запрещенных к печатанию произведениях, анкета для учета деятельности книгоиздательства и т.д. (5). Данные формы ежегодно претерпевали изменения, к тому же появлялись новые формы. Так, в 1927 г. цензоры получили форму учета радиостанций на территории округа.

Руководство Уралоблита не раз призывало своих подчиненных проявлять большевистскую бдительность при осуществлении цензурских обязанностей. Ретранслируемые местным литам секретные циркуляры Главлита призывали последних активнее бороться с «накипью нэпа» во всех областях культурной жизни (3, 56).

Как уже отмечалось выше, эффективность деятельности работника лита зависела от реализации задач цензурной политики на вверенной ему территории. Анализ сохранившейся в государственных архивах Свердловской области и Пермского края секретной переписки Уралоблита с окрлитами за 1923-1933 гг. показал следующее.

Во-первых, не все руководители уездных и окружных ОНО с энтузиазмом брались за осуществление «дополнительной» функции цензора. Некоторые отказывались выполнять подобную работу, ссылаясь на чрезмерную загруженность. В итоге руководителю облита А. Ослоновскому пришлось длительное время разъяснять заведующим ОНО важность цензурской работы «во времена нэп». Кроме того, Уралоблит грозил за уклонение от выполнения обязанностей цензора привлечением к уголовной ответственности по статье 108 УК РСФСР. Данная статья квалифицировала такое преступление как халатное отношение к службе, т. е. невнимательное, небрежное или явно недобросовестное отношение к возложенным по службе обязанностям. Санкция статьи предусматривала наказание до 1 года лишения свободы (6, 28). Следует отметить, что в итоге некоторым заведующим ОНО удалось переложить обязанности цензуры на своих заместителей – заведующих отделами политического просвещения при ОНО (3, 47). Но работа эта велась ими по совместительству с основной. Подобная практика была характерна, например, для Кунгурского округа (7).

Во-вторых, местные литы не спешили с отправкой ежемесячных отчетов в Уралоблит. Задержки были хроническими, порой достигали одного года. Так, в циркуляре № 431/с от 8 октября 1925 г. Уралоблит ставил на вид Сарапульскому окрлиту, который не посылал прошедший предварительную цензуру печатный материал по газете «Красное Прикамье» за весь 1924 год! Критике подверглись также Верхне-камский и Кунгурский окрлиты, которые на полгода задержали отсылку своей окружной периодики (3, 128). Длительное время окринспектор печати и зрелищ Свердловского ОНО Кошелева не представляла отчеты ни о количестве типографий в округе, ни о характере зрелищного репертуара, допущенного к постановке за 1923-1924 гг. (3, 114). И вновь Уралоблит грозил виновным цензорам ответственностью. Однако ситуация к лучшему не менялась, о чем свидетельствует содержание циркуляра Уралоблита от 22 апреля 1926 г. (3, 132-133). В заключение отметим, что к апрелю 1929 г. Кунгур-

ский окрлит не представил список неперIODической литературы с указанием объема и тиража за 1928 год. Уралоблит в категоричной форме требовал «немедленно» выслать материал и представить объяснительную по этому поводу (3, 156).

В-третьих, фактически все без исключения окрлиты жаловались на отсутствие достаточного финансирования своей деятельности. Циркуляр № 134 от 4 апреля 1924 г. Уральского областного ОНО обозначил в качестве единственного источника финансирования окружной цензуры бюджет окружного ОНО, доходы же от полистного и других сборов объявлялись неприкосновенными, их адресатом являлся государственный бюджет (3, 208). Испытывая материальные трудности, окрлиты не имели возможности оборудовать свои рабочие места в соответствии с инструкциями Главлита. Обследование состояния секретного делопроизводства в окружных ОНО проводилось силами уполномоченных окружных ОГПУ в 1926-1927 гг. В результате повсеместно были выявлены грубые нарушения литами правил хранения секретной документации, ведения регистрационного журнала входящей и исходящей секретной корреспонденции и т.д. Например, в Ирбитском окружном ОНО отсутствовал сейф для хранения секретных документов. Инструктивный материал, секретная переписка с Уралоблитом, копии отчетов – все это хранилось в выдвижном ящике письменного стола, ключи от которого находились у секретаря-машинистки. Секретные документы печатались машинкой на общей пишущей машинке окружного ОНО и были доступны всем. Любой сотрудник ОНО имел возможность ознакомиться с содержимым секретной почты. В заключение уполномоченный ОГПУ Елизарьев констатировал факт неудовлетворительной работы окрлита, допуская наличие возможности свободного хищения секретных документов или их утрату (3, 176-178). Подобные нарушения были выявлены и в ходе обследования деятельности Кунгурского окрлита (8).

В-четвертых, низкий уровень образования цензоров также не способствовал повышению качества их деятельности. Так, уездный цензор Ирбитского ОНО А.Г. Арыкин и заведующий Кунгурского окрлита Д.Е. Васильев закончили 3 класса приходской школы. Из 12 райуполномоченных Ирбитского окрлита в 1927 г. только двое освоили курс советской партийной школы II ступени, четверо окончили школу I ступени, остальные же имели лишь двухгодичный опыт обучения в сельской школе. Подчеркнем, что за исключением одного уполномоченного (член ВЛКСМ) все райлиты являлись членами ВКП (б) (3, 188). Отметим также, что до конца 1920-х гг. отсутствовала практика плановой подготовки работников литов с целью повышения их квалификации. Лишь 20 февраля 1929 г. в округа поступило циркулярное распоряжение Уральского ОНО о созыве курса-конференции для райинспекторов Политпросвета продолжительностью в три недели с 10 июня по 2 июля. На каждый окрлит выделялись квоты: Свердловский, Пермский, Ишимский – 8 чел., Тюменский, Кунгурский – 7 чел., Курганский, Троицкий – 6 чел. (7, 111).

В-пятых, высокая текучка кадров среди служащих литов свидетельствовала о том, что труд цензора не пользовался популярностью среди работников ОНО. Смены цензоров происходили ежегодно: часть работников уходила по собственному желанию, некоторые привлекалась к уголовной ответственности за «упущения по службе» (3, 148, 186). В 1933 году инспектор Пермского горлита Казанцев в своей публикации в Бюллетень Главлита РСФСР и ОВЦ писал: «Мои предшественники были инспекторами Горлита по совместительству: Цверкун, Дружков, Медведев, Брысов, Орлова, Круглова, Мошаров

и Бакин... сегодня один, завтра другой». Казанцев ставил им в вину «низкое качество литовской работы со значительным процентом нарушений как идеологических, так и военно-экономических» (9).

Подведем итоги. Приведенные выше факты свидетельствуют о том, что положения, содержащиеся в циркулярах и инструкциях Главлита, были несопоставимы с возможностями формирующегося аппарата местных литов. Призыв к «большевистской бдительности» утонул в суевериях местных проблем.

Список литературы

1. Блюм А.В. За кулисами «Министерства правды». Тайная история советской цензуры. 1917–1929. СПб., 1994; Горяева Т.М. Исключить всякие упоминания о цензуре...: Очерки истории советской цензуры / Сост. Т.М. Горяева. Минск, 1995; Зеленов М.В. Аппарат ЦК РКП(б) – ВКП(б), цензура и историческая наука в 1920-е годы: Монография. Н. Новгород, 2000; Клепиков Н.Н. Политическая цензура на Европейском Севере РСФСР/СССР в 1920–1930-е гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Архангельск, 2005; Конашев М.Б. Некоторые методологические проблемы изучения истории отечественной цензуры (на примере подготовки энциклопедического словаря «Цензура в России») [Электронный ресурс] // <http://opentext.ru/censorship/>.
2. ГАПО. Ф. р-118. Оп. 1. Д. 418. Л. 60–64; Ф. р-358. Оп. 1. Д. 88. Л. 6–7, 55об., 99об.
3. «Без визы не допускать...»: политическая цензура на Урале в период нэпа: Сборник архивных материалов / Вступ. ст., сост. и ред. С. А. Дианов. Пермь, 2009.
4. Материалы по Пермской области к Уральской исторической энциклопедии. Вып. 1. Пермь, 1994.
5. ГУ «Государственный Архив в г. Ирбите». Ф. р-472. Оп. 1. Д. 1. Л. 6, 15, 18, 19, 22, 23.
6. Уголовный кодекс РСФСР. М.: Юр. изд-во Наркомюста РСФСР, 1925.
7. МУ Кунгурский государственный архив. Ф. р-143. Оп. 1. Д. 18. Л. 4, 35–36об.
8. Там же. Д. 15. Л. 32–32об.
9. Бюллетень Главлита РСФСР и ОБЦ. № 8. 1934 // ГАПО. Ф. р-684. Оп. 3. Д. 123. Л. 12об.

Э.Р. Кадиков

Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского, г. Омск

Т.И. БЕЗВЕРХОВА – ЧЛЕН ОМСКОГО КОМИТЕТА ПАРТИИ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ

Длительное время история сибирских социалистов-революционеров оставалась обезличенной и лишь сравнительно недавно ситуация стала меняться в лучшую сторону. Появились работы, посвященные жизни и деятельности отдельных представителей эсеровского подполья за Уралом (4). А ведь именно они, члены местных партийных организаций, являлись непосредственными творцами истории своей партии. К их числу принадлежала двадцатилетняя девушка, дочь чиновника Татьяна Ивановна Безверхова, вовлеченная в 1905 г. в Омске в бурный революционный водоворот. Она была натурой яркой и импульсивной, в мыслях и поведении которой отчетливо прослеживались столь характерные для русской интеллигенции черты героизма и максимализма, фанатизма и одержимости, нетерпимости и нетерпеливости. Поначалу девушка являлась сторонницей РСДРП, занималась агитацией и пропагандой, а также организационной работой среди учащейся молодежи и рабочих. За выступление 6 декабря 1905 г. на митинге («говорила к солдатам, призывая их в ряды пролетариата») была привлечена к

суду, но за недостатком свидетельских показаний отпущена (2, Л. 208–208 об.). В условиях «страшной слежки» Т.И. Безверхова бездействовала, чтобы не подвести своих товарищей, а затем и вовсе скрылась в уездном городе Павлодаре. Однако «добровольная ссылка» ей не помогла. 8 января 1906 г. по требованию омских жандармов девушку арестовали. Весной ее перевели в Омск и 27 апреля 1906 г. отпустили под подписку о невыезде (1, Л. 328 об.). В этот период произошла стремительная идейно-политическая эволюция девушки от марксизма в сторону неонародничества и в мае месяце того же года она вступила в партию эсеров, сразу же став активным членом местного комитета: «Я окончательно присоединилась к партии С.Р. и уже у меня есть работа, хорошая, интересная» (2, Л. 218).

Испытывая естественную для юных лет потребность в знаниях, Т.И. Безверхова постоянно занималась самообразованием («хочется учиться, прямо таки и зарылась бы в книги, в практические работы, упивалась бы лекциями», «я набрала книг и читаю, читаю теперь прямо до одурения», «читаю я теперь много», «решила заниматься во всю, хочу все знать») (2, Л. 219 об., 209 об.). В частности, за довольно короткий срок, будучи еще сторонницей РСДРП, она проштудировала труды К. Маркса, А. Бебеля, К. Каутского, Г.В. Плеханова, А.В. Луначарского. Последовавшее затем тюремное заключение стало для нее своеобразной «высшей школой» для теоретической подготовки и «научного обоснования своего мировоззрения» (2, Л. 219). Смена убеждений («переоценка всех ценностей») произошла прежде всего под влиянием сочинений П.Л. Лаврова, Н.К. Михайловского, А.В. Пешехонова. Девушка откровенно признавалась, что именно труды данных авторов познакомили ее с философским обоснованием ПСР, захватили «своей мощью, широтой и глубиной» и показали всю «однобокость» экономического материализма. «Ведь право, – писала Т.И. Безверхова, – каждый день сами в себе мы наталкиваемся на противоречия с экономическим материализмом; не только за свои интересы, но и за свои идеалы способны и должны бороться люди, не только за свой класс, но и за весь народ, за все человечество способны отдать свою жизнь они. Углубление в это философское понимание эволюции и прогресса человека открывает такие широкие горизонты, дает такой простор мысли и возвышает человека» (2, Л. 218). Кроме литературы социально-политической направленности девушка с большим интересом читала также художественные произведения (например, пьесу Л.Н. Андреева «К звездам», поэму Г. Ибсена «Бранд» и его же пьесу «Строитель Сольнес»), «Историю» С.М. Соловьева, труды историка философии Куно Фишера и др. (2, Л. 210 об., 214 об., 220 об., 223).

Тем не менее стремление к знаниям и мысли не могло быть удовлетворено лишь процессом самообразования. Т.И. Безверхова мечтала пополнить ряды русского студенчества и рассматривала сразу несколько вариантов. Предпочтение она отдавала университету в Петербурге, однако сильно сомневалась в приеме вследствие большого конкурса и, главное, обязательного требования сведений о политической благонадежности. В случае отказа планировала поступить в Томский технологический институт на химическое отделение, где не требовались сведения о благонадежности, с расчетом перевестись затем в Томский университет. Этот вариант имел и ряд других преимуществ. Во-первых, близкая подруга девушки Н.И. Попова была знакома с четой Зубашевых (профессор Е.Л. Зубашев являлся организатором и первым директором Томского технологического института – Э.К.) и революционерка постаралась использовать ее связи. Во-вторых, в Томске у профессора И.В. Михайловского фун-

кционировала «группа студентов для занятий по философии». Проблемы же философии привлекали Т.И. Безверхову. В-третьих, сама эсерка призывалась, что «еще в материальном положении здесь лучше, легче будет найти заработок, а в Питере придется опять биться как рыба об лед и тратить на это тьму сил» (2, Л. 215 об.). Однако в дальнейшем Петербург все-таки «победил» – девушка подала документы на Бестужевские курсы (2, Л. 213).

Желание Т.И. Безверховой учиться в какой-то степени обуславливалось революционной работой, занимавшей зачастую все время и отнимавшей, безусловно, много сил. Ведь полученные знания и свой ум она намеревалась «понести» на дело революции: «тогда мы будем ценнее и больше сделаем» (2, Л. 219 об.). Еще будучи сторонницей РСДРП и выступая на митингах и собраниях, она принимала участие в «рабочем клубе», состояла членом академического союза учащихся Омска, а также являлась руководительницей кружка гимназистов (2, Л. 208 об.-209; 3, 67). Перейдя в ряды ПСР, Т.И. Безверхова продолжила активно заниматься кружковой деятельностью среди рабочих и учащейся молодежи. Особенно нравилось девушке работать среди гимназисток: «У меня есть новый кружок девиц, славные такие девицы, мыслящие и много думают. Сегодня как раз было наше первое собрание. Наши занятия идут в форме бесед и очень живо. Чтобы с ними хорошенько познакомиться и узнать, в каком направлении нам вести наши занятия, я задала им сочинение “В чем я вижу смысл и цель жизни”. Каждая напишет, конечно, как она понимает жизнь и что требует. Сегодня для первого разу я прочла лекцию, в которой нарисовала картину современного положения вещей, указала на ненормальность, на необходимость работать и учиться и т.д. Они все с большим интересом меня слушали и, конечно, это меня страшно радовало» (2, Л. 220 об.-221).

Однако Т.И. Безверхова не ограничивалась только революционной деятельностью. Творчески одаренная девушка любила рисовать, пробовала писать, замечая при этом, что если из нее «выработается художник писатель», то она «оправдала свое существование перед самой собой» (2, Л. 210 об.). Она приняла активное участие в долго готовившемся «студенческом вечере», состоявшемся в Омске 11 июля 1906 г. Поначалу предполагалось дать спектакль «Теща в дом – все вверх дном» и студенты просили ее сыграть роль тещи, однако девушка настояла на устройстве концертного отделения, выступив со своим произведением «Сказка», написанным в стиле модерн. Вечер прошел благополучно. Местные журналисты констатировали, что «самый выдающийся успех выпал на долю г-жи Безверховой. Чудно прочтенное ею... произведение... вызвало бурю аплодисментов» (2, Л. 213-214, 223 об.).

Став эсеркой, Т.И. Безверхова сохраняла хорошие отношения со своими друзьями-социал-демократами. Однако в ходе работы в массах две социалистические партии неизбежно сталкивались друг с другом. В частности, омские эсеры и эсдеки конкурировали между собой за влияние на железнодорожных рабочих, периодически устраивая дискуссии. Работа с железнодорожниками у неонародников, по свидетельству девушки, шла «довольно удачно». Эсеровским кружком руководил бывший студент Томского технологического института А.А. Щеглов (3, 67-68). Т.И. Безверхова принимала непосредственное участие в дискуссиях и описала одну из них следующим образом: «Сегодня приходят ко мне с железной дороги и приглашают меня на диспут, я сказала еще двум товарищам, приходим, вдруг говорят, что С.Д. не придут, т.к. их диспутант “Николай Николаевич” уехал, но потом все-таки пришли, кажется 3 или 4, и пошла ругатня, именно ругат-

ня, С.Д., который выступал нам оппонентом, даже не потрудились познакомиться с нашей программой и жарил о том, что мы мелкобуржуазная партия и т.д. Меня, конечно, это все страшно бесило, в общем, когда С.Р. уличили их в непоследовательности, ссылаясь на их же авторитетов, они стали требовать, чтобы мы представили им сию минуту эти книги, а иначе они считают себя правыми. Черт знает какая уловка. Этот профессионализм совсем затемняет интерес дела, интерес истины и правды» (2, Л. 216). Камнем преткновения являлся в основном аграрный вопрос, в котором социал-демократы зачастую были некомпетентны, что не могло не приводить сторонников марксизма к поражению: «Вчера была дискуссия между С.Р. и С.Д. и... С.Д. самым блестящим образом уселись в калош, да так удобно, удобно» (2, Л. 220 об.).

Эсерка зорко следила за развитием событий в Омске и стране в целом. Победу социал-демократов на выборах в Государственную думу в городе Т.И. Безверхова объяснила следствием «инертности – безразличия одной части выборщиков и революционного настроения другой», но отнюдь не «развитым сознанием» населения, о чем утверждали оппоненты социалистов-революционеров. Большое количество курьезов, произошедших на выборах, как нельзя лучше показывали «степень сознания у выборщиков» (2, Л. 217 об.). Роспуск Государственной думы вызвал негодование. Вместе с тем девушка была убеждена, что все произошедшее к лучшему: «Теперь и для тех, кто сомневался, определилась физиономия правительства и думы». Правительственная реакция вызвала у нее небывалую энергию и силу. Ей оставалось только сожалеть, что в сутках не 48 часов и что она не вездесуща. Живя в атмосфере нарастающих «репрессий, погромов и кровопускания», Т.И. Безверхова бодро смотрела вперед, искренне веря в победу революции – «это будет последний и решительный бой». (2, Л. 216 об.).

Сама партийная работа давала поводы для оптимизма: «работа у нас живо идет»; «дело у нас налаживается». Важную роль в укреплении чувства уверенности в завтрашнем дне играли приезжавшие профессиональные революционеры, среди которых были «чудо какие симпатичные и такие энергичные», «славные» товарищи – с ними невольно верилось в конечный успех. Приезжие товарищи делились опытом, знаниями. Так, по словам Т.И. Безверховой, прибывший в Омск эсер, видный аграрник, «прочел ряд рефератов, которые мне очень много дали... На днях будет читать реферат о философском обосновании социализма С.Р.» (2, Л. 220 об.).

В целом Т.И. Безверхова являлась активной участницей революционной борьбы, готовой стать «профессионалкой», т.е. отказаться «от себя, от своей личности, от своего имени» (2, Л. 210). Превратившись в «совсем важную птицу» и ведя дело только с «верхами», она не пожелала ограничиваться «обеспеченным минимумом». В погоне за «героическим максимумом» эсерка мечтала «вырваться» в столицу (2, Л. 215). Не желавшим ее отпускать товарищам девушка объясняла, что если здесь она может уделять «делу» лишь минуты, все силы тратя на заработок, то в Петербурге посвятит себя революции полностью («отдамся вся») (2, Л. 221 об.). Т.И. Безверхова с нетерпением и даже некоторым восторгом ожидала начала этой «совершенно новой стадии» своей жизни, вступления в «новый мир», чтобы приняться за «родное великое дело» (2, Л. 220-220 об., 221 об.). Проработав в Омском комитете ПСР 1906 – 1907 гг., она отправилась в Санкт-Петербург, демонстрируя страстную преданность своему делу и убеждениям, искреннее желание принести себя в жертву в борьбе за свободную Россию.

Список литературы

1. Государственный архив Омской области (ГАОО). Ф. 270. Оп. 1. Д. 271. Т.1.
2. ГАОО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 399.
3. Курусканова Н.П. Деятельность эсеров в Омске в годы первой российской революции (1905 – 1907 гг.) // Страницы исторического прошлого Омска (XIX – начало XX вв.): Краеведческий сборник. Омск, 1994. С. 63-75.
4. См., например: Думлер Д.Г. Анна Васильевна Якимова. Неизвестные страницы жизни и деятельности члена ЦК ПСР // Вопросы истории Сибири XX века. Новосибирск, 1998. С. 11-22; Толочко А.П. Сибирский Азеф // Вестник Омского отделения Академии гуманитарных наук. №3. Омск, 1998. С. 112-114; Курусканова Н.П. Работница подпольных революционных типографий Е.С. Бакшеева. Штрихи к психологическому портрету // Исторические персоналии: мотивировка и мотивации поступков. СПб., 2002. С. 146-150; Казакова Е.А. П.В. Вологодский: личность и общественно-политическая деятельность (1863 – 1920 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2008. 31 с.

С.В. Карлук

**Курганский государственный университет,
г. Курган**

В.В. ЖЕЛЯБУЖСКИЙ

С каждым днём всё дальше и дальше от нас уходит время «русских» царей и их опоры – жандармов. Но всё чаще и чаще приходится обращаться к той эпохе, изучать положительный и отрицательный опыт той России, чтобы не повторять в новой РФ уже пройденных ошибок.

Желябужский Владимир Владимирович родился 1 ноября 1872 г. в г. Белев Тульской губернии, по социальному происхождению из дворян, окончил курс Ярославского Демидовского юридического лицея, поступил вольноопределяющимся рядовым 1 разряда в Романовский резервный батальон в 1895г. 12 августа 1896г. окончил одногодичное отделение Московского пехотного юнкерского училища по 2 разряду в звании подпоручика. 26 мая 1896г. награждён серебряной медалью на Андреевской ленте «в память священного коронования их императорских величеств». С 1 мая 1899г. исполнял обязанности делопроизводителя по хозяйственной части и временно делопроизводителя батальонного суда того же батальона в г.Ярославле. Военную службу в царской армии возненавидел с первых же дней, а офицеров стал презирать. Мечтал поступить на историко-филологический факультет университета, но не было на это денег. Отец тоже отказался помочь. С 21 мая 1903г. в целях «улучшения своего материального положения» прикомандирован к штабу Отдельного корпуса жандармов «для испытания», а с 23 сентября того же года переведён в ОУЖ. 30 сентября 1903г. назначен адъютантом Вологодского ГЖУ в звании штабс-ротмистра, куда прибыл 6 декабря 1904г. Где Желябужский находился более года – данных нет. 6 апреля 1905г. назначен исполняющим обязанности помощника начальника Тобольского ГЖУ в Ишимском, Тарском и Тюкалинском уездах, куда прибыл 2 июня 1905г. 6 декабря 1905г. получил звание ротмистра (2, л.1, 54, 57, 61об., 71, 200) Согласно послужному списку 5 января 1906г. Желябужский В.В. назначен помощником начальника ГЖУ по Курганскому и Ялуторовскому, а затем и Ишимскому и Тюкалинскому уездам (2, л.117). Проживал в «тихом и спокойном» Ишиме с июня 1905г. по январь 1906г. 2 апреля 1906г. награждён орденом св. Станислава 3 степени. Наличие секретной агентыры в Ишиме отрицал (2,л.72,117). Затем по воле начальства против сво-

ёго желания переехал в «беспокойный» г. Курган.

В Кургане он почти сразу переболел брюшным тифом и «натуральной оспой» (2,л.69). Штат КЖО в Кургане состоял из 6 чел.: 1 вахмистр и 5 старших унтер-офицеров. Вахмистр Иванов И.М. наблюдал за работой унтер-офицеров и политическим состоянием города. 4 унтер-офицера (Ульянов (2, л.70)) исполняли различные поручения. Унтер-офицер Кочуров В.Н. занимался исключительно канцелярской работой. Отношение к секретной работе имели Желябужский и вахмистр Иванов, который был в курсе всей работы отделения даже больше чем сам ротмистр. (2, л.68об.) Также 2 филера наружного наблюдения Емельянов С.С. и Новиков В.Г.

По прибытии в Курган ротмистр Желябужский принял меры к освобождению некоторых лиц, арестованных за участие в забастовке 1905 года. Служба, с его слов, в основном заключалась в сборе «через унтер-офицеров сведений о политической благонадёжности лиц, поступающих на государственную и земскую службу» по запросам начальника Тобольского ГЖУ и губернатора, а также в разъездах по уездам «для производства ничтожнейших расследований об оскорблении большей частью в нетрезвом виде на словах царя». На связи первоначально имел двух секретных сотрудников (2, л. 69, 71).

Постоянно враждовал с начальником Курганского отделения жандармского полицейского управления Сибирской железной дороги ротмистром Заглухинским на почве своих «левых» убеждений. Заглухинский имел «хорошую» агентуру в Кургане и часто проводил оперативно-розыскные мероприятия на территории Желябужского, не согласовывая с последним. Так, в 1909г. при попытке арестовать вооружённых революционеров в квартире «в нескольких саженях» от территориального жандармского отделения в тайне от него железнодорожные жандармы потеряли трёх человек убитыми и двух ранеными. Сам Желябужский этих революционеров «проморгал» (2, л. 70).

О характере Желябужского говорят следующие примеры: «Однажды в клубе, когда я сидел в кампании товарища прокурора Калинина (человека крайне правого направления) и нескольких мировых судей, подходит врач Успенский (человек крайне левого направления), выпивши, ко мне сзади, берёт руками за мои поганы и опрокидывает меня со стулом назад и при этом говорит: “Хотя ты и паршивые поганы носишь, всё-таки ты сам порядочный человек, а вот товарищ прокурор Калинин...”. При этом он произнёс по отношению к нему несколько оскорбительных слов. Этот случай через товарища прокурора Калинина доходил до бывшего Департамента полиции, откуда мне был запрос на каком основании я не принял против Успенского репрессивных мер; пришлось отписываться в том смысле, что он был слишком пьяный и т.д. Ещё проживал в Кургане в это время акцизный чиновник Зуев или Збруев..., человек тоже крайне левого направления, имеющий очень хорошую библиотеку, в которой были книги революционного направления; я не только никогда не делал у него обыска, но напротив предупреждал его, чтобы он был осторожнее со своей библиотекой». (2, л. 73) В Кургане в то время работал книжный магазин Кочешева. Ротмистр Заглухинский решил провести в нём обыск, хотя это была не его территория. Ротмистр Желябужский пытался противодействовать, но слабо; пришлось присутствовать при обыске книжного магазина. «...Во время обыска я приказал своим унтер-офицерам все книги более или менее подозрительные в политическом отношении не показывать ротмистру Заглухинскому, а откладывать в сторону и показывать мне. Благодаря этому обыск окончился безрезультатно». (2, л. 74)

Но помогая революционерам-собратьям по классу, Желябужский много думал «как бы не переборщить, чтобы не попасть в тюрьму или куда ещё похуже...» и ни разу не помог революционерам из рабочих и крестьян (2, л. 72).

Жена Желябужского В.В. «принимала участие в спектаклях в пользу политических заключённых и, кроме того, помогала продуктами особенно бедным семьям заключённых» (2, л. 74). Дочь Люда 23 сентября 1906г. поступила в младшее отделение женской гимназии, откуда была в 1908г. (1, л. 104об.) 3 февраля 1909г. ротмистр Желябужский В.В. занимал должность помощника начальника Тобольского ГЖУ в Курганском, Ишимском и Тюкалинском уездах Тобольской губернии с жалованием и столовыми 1620 рублей в год (2, л.53). В 1910 г. был переведён в Тобольск. В 1911г. назначен начальником Тюменского отделения Пермского ЖПУ ж.д. (2,л.61об.)

28 января 1911г. ротмистр Желябужский дал начальнику Тобольского ГЖУ положительный отзыв об учительнице Ф.М.Жолниной, а 1 марта 1911г. учительница Жолнина была Тарским уездным исправником привлечена по делу ссылопоселенца Разумова (2, л.152). 15 декабря 1911г. Тобольскому губернатору донесли, что ротмистр Желябужский с восторгом общался с «известным публицистом и писателем, бывшим священником-растригой Григорием Петровым», посещал его «крамольные» лекции и даже заступался за него перед уездным исправником (2, л.74,151).

В то время в Тульской губернии Желябужский имел 4 десятины и 663 сажени земли и водяную мельницу (2, л.55об.).

Дважды был женат (первая жена, на которой женился в 1897г., умерла в 1898г.), 5 детей. Вторая жена – дочь капитана Я.Горяинова – Зинаида Яковлевна. 13 февраля 1904г. у них родился сын Владимир, 9 октября 1905г. – дочь Галина. Желябужский пытался уйти со службы в ОКЖ, подавал прошение в Омскую судебную палату о принятии на должность мирового судьи, на которую как юрист имел право, но «из ОКЖ принимали неохотно или вообще не принимали» (2,л.72). В 1912г. за политическую неблагонадёжность уволен из ОКЖ подполковником и поступил на службу на Пермскую железную дорогу.

В 1918г. был арестован Чусовской ЧК за службу в ОКЖ и после проверки вследствие недостаточности материала освобождён. В 1922г. при заполнении анкеты пытался скрыть свою службу в ОКЖ. Записал себя отставным подполковником, по социальному положению – пролетарием. Указал, что с 1 сентября 1912г. служил на Пермской железной дороге ревизором (2, л.57, 61, 200). В 1922г. на Желябужского В.В. было возбуждено уголовное дело по взяточничеству и прекращено ввиду его увольнения с железной дороги на ст. Калино (2, л.64). Поступил на работу на ст. Чусовская. В январе 1923г. уволен с ж.д. за взяточничество и антисоветскую агитацию (2, л.64, 200).

Такова судьба царского интеллигента. Метался, искал себя, но из-за излишне развитого чувства самосохранения не стал ни белым, ни красным... Пытаясь усидеть на двух стульях, оказался меж двух жерновов.

Неплохо это объяснил Луначарский: «Разложение мелкой буржуазии под прессом капитала ...создало интеллигенцию, как широкую и несчастную, в общем, обездоленную группу. ...Недовольство интеллигенции выразилось в её революционном романтизме. Она ненавидела "мещанство", т.е. тот склад жизни, который принесло с собой торжество крупной буржуазии. ... Мятающаяся интеллигенция, вышибленная из старозаветной колеи мелко мещанского существования, негодовала и рвалась...» (4, с.80). Но «...интеллигенция, как таковая, не

смотря на своё видимое антимищанство, в положительном своём творчестве не вырывается из его болота. Она недовольна, она мечется, страдает... ..концентрация эта для России может быть только движением направо, вредным для интеллигенции и для всего общества» (4, с.83-84). Казалось бы окончилась война с интервентами, работай спокойно на старости лет для семьи... Нет, старое взяло верх в виде взяточничества, антисоветского брюзжания... Что в условиях враждебного окружения и постоянной угрозы нападения Советская власть потерпеть не могла.

Как пишет уже наш современник Ю.Мухин: «Единственное, чего не могла обеспечить русская демократия – это право народа иметь умную интеллигенцию. Сколько бы народ свою интеллигенцию ни кормил – она, как волк в лес, всё на Запад смотрит» (5, 149). Какую, интересно, судьбу выберет нынешняя интеллигенция?

«В годы перестройки много напирали на то место, где Ленин сторжача заявил, что "интеллигенция - это не мозг нации, а её г...". Думаю, будь у него свободное время, он бы выразил мысль как-нибудь поприятнее. Но поражает мелочность этого упрека - по сравнению с планом ГОЭЛРО или заботой Ленина о питании учёных в годы гражданской войны. К тому же сегодня-то, положи руку на сердце, должны же мы признать, что где-то прав был Владимир Ильич в своём высказывании. Хотя бы в первой его части. Не мозг мы, дорогие мои собратья-интеллигенты! Ведь никто не остался в таких дураках, как интеллигенция, тянувшая нас в нынешнюю реформу. 93% тех москвичей, которые отнесли свои сбережения и АО МММ и сдали их Мавроди без всякой надежды хоть что-то получить обратно, имели высшее образование» (7, 218). А «до чего может довести страну **болтающая интеллигенция**, мы видели на примере 1917-го и начала 90-х гг., и оба раза разгул свободы слова кончался настолько плохо, что невольно закрадывается крамольная мысль – может, лучше бы уж было пересажать всех этих "поборников гласности", зато сохранить державу?» (6, 167).

Как не внять ещё одному нашему современнику М.Калашникову: «Господи, ...сколько кретинов и мерзавцев оказалось среди нашей полоумной интеллигенции!» (3, 64). «Теперь я готов сам зарыть в землю нынешнюю интеллигентскую шваль, благодаря которой Великая Россия дошла до нынешнего разгрома» (3, 600). «Ничего с такой «элитой» не сделаешь. Она предаст и продаст всё, омертвит и продаст любое хорошее дело... Опасность того, что всё снова засосёт проклятая тряси́на, что искры дела погаснут в мёртвой человеческой золе, что испарится новое вино, залитое в дряхлые мехи, - это опасность огромная» (3, 310-311).

В 1926г. бывший Отдельного корпуса жандармов подполковник Желябужский В.В. арестован Курганским органом ОГПУ. С разрешения Президиума ЦИК СССР № 055/с от 21 января 1927г., решением Особого совещания при Коллегии ОГПУ за взяточничество и антисоветскую агитацию приговорён к 10 годам концлагеря, затем срок уменьшили до 5 лет (2, л.215,218). Дальнейшая судьба неизвестна. Его преемник ротмистр Кривцов служил при чеках в контрразведке, в Барнауле застрелился, чтобы не попасть в плен к красным. Подполковник Заглубинский в феврале 1917г. «был растерзан на вокзале рабочими» (2, л.79).

Список литературы

- 1.ГАКО ф.63 оп.1 д.94Б
- 2.ГАОПДКО ф.6905 оп.2 д.7599
- 3.Калашников М. Битва за небеса. М.,2001.794с.
- 4.Луначарский А.В. Мещанство и индивидуализм. М.-Петроград,1923 г.

5. Мухин Ю.И. *Путешествие из демократии в дерьмократию и дорога обратно*. М., 1993. 288с.
6. Прудникова Е.А. *Берия. Преступления, которых не было*. СПб., 2005. 480с.
7. Кара-Мурза С.Г. *Советская цивилизация*. Кн.1. М., 2001. 528с.

Д.А. Кошкароев
Курганская обл. дума, г. Курган

К.М. ПЕТРОВ – ПОЛИТИК, ДЕПУТАТ, РЕВОЛЮЦИОНЕР

В истории Южного Зауралья есть имена, которые в силу политических причин оказались на долгие десятилетия незаслуженно преданы забвению. К их числу относится Константин Матвеевич Петров, политический деятель начала XX века.

Он родился в 1877 году в г. Шадринске в мещанской семье. Окончил приходское начальное училище, после чего устроился работать наборщиком в типографию.

Революционные 1905-1907 годы определили его дальнейшую судьбу. Он активно участвовал в профсоюзном движении. Жители г. Шадринска заметили энергичного начинающего политика. Константин Матвеевич становится выборщиком от съезда городских избирателей. В октябре 1907 года на Пермском губернском избирательном собрании большинством голосов он был избран депутатом Государственной думы.

В Государственной думе III созыва К.М. Петров активно включился в партийную деятельность. В анкете он отмечал, что является «народным социалистом» (2, 339). Придерживаясь левых взглядов, вошел в «трудовую группу» и стал секретарем фракции. Круг его законодательных интересов отражает перечень парламентских комиссий, в которых депутат работал в течение нескольких лет: продовольственной; по рабочему вопросу; по городским делам; бюджетной (1, 62).

К.М. Петров считался одним из наиболее активных депутатов. Парламентская статистика зафиксировала, что он участвовал в прениях более 150 раз, чаще всего по вопросам рабочего законодательства и аграрной реформы. При этом он считался заядлым нарушителем спокойствия. Об этом свидетельствует то, что более 100 раз Константин Матвеевич прерывал речи других ораторов возгласами с места, получил 59 замечаний от председателей существующих в общих собраниях за нарушения в своих выступлениях думского регламента, чаще всего выражавшиеся в перепалках с председательствующим и депутатами от правых партий (1, 63).

В документах Государственной думы его называли «Петров третий», чтобы отличить от однофамильцев. Этот провинциальный политик запомнился всем как оппонент столыпинским реформам, защищавший право крестьянской общины на существование (2, 205-208). При этом все неимущие крестьяне, подчеркивал К.М. Петров, должны быть «наделены землей из уделных, кабинетских, монастырских, посессионных, частновладельческих и прочих земель. Все земли должны перейти в уравнительное пользование всего народа...» (3).

Много времени отдавая работе в парламенте, занимаясь партийной деятельностью, К.М. Петров не забывал о своих избирателях, регулярно встречался с земляками. Известно, что 4 июля 1910 года он выступал в помещении Шадринской городской думы. В ответ на критику деятельности российского правительства руководителя полиции исправник Г. Сартаков остановил речь депутата следующими словами: «Вы можете говорить толь-

ко о деятельности Думы, но не от себя!» (4, 26).

Свое последнее парламентское выступление К.М. Петров закончил пророчески: «Дни вашего существования и благополучия, господа крупные помещики, сидящие в третьей Государственной Думе и находящиеся вне Думы, сочтены» (1, 62).

В 1912 году К.М. Петров участвовал в избирательной кампании в Государственную думу IV созыва. Шадринцы в очередной раз доверили ему право представлять их на губернском избирательном собрании, но в результате голосования в Перми он уступил другому кандидату (1, 63).

В годы Первой мировой войны он был мобилизован в армию, закончил школу прапорщиков и направлен в 34-й Сибирский запасной полк, расквартированный в г. Кургане. Здесь готовилось пополнение для действующей армии.

Наступил 1917 год. 28 февраля в полку стало известно о падении самодержавия. 5 марта группа младших офицеров, сочувствующих революции, перешла к решительным действиям. Среди них выделялся прапорщик К.М. Петров (известный в полку как «Петров четвертый»). Именно под его руководством рота солдат окружила здание полиции и арестовала курганского исправника М.В. Иконникова. Сам К.М. Петров выступил перед изумленными курганцами: «Дорогие граждане! Проклятое самодержавие пало. Победила революция. Правительство арестовано. Царь отказался от престола».

С первых дней после революционного переворота он активно включился в общественно-политическую жизнь г. Кургана. Являясь одним из руководителей военно-революционного комитета полка, он вошел в состав Комитета общественной безопасности (5, 60). Вскоре К.М. Петров стал одним из лидеров Курганского Совета рабочих и солдатских депутатов, созданного в марте 1917 года (6, 1). Партийная организация социалистов-революционеров (эсеров) и зауральские крестьяне доверили ему пост председателя уездного Комитета Крестьянского Союза. В дальнейшем он возглавил Курганский уездный продовольственный комитет.

Константин Матвеевич представлял Курганский уезд на Всероссийском съезде Совета крестьянских депутатов, прошедшем в мае 1917 года. Здесь он был избран председателем Сибирской группы делегатов, которая предложила участникам съезда и Временному правительству незамедлительно реализовать ряд антикризисных мероприятий. По их мнению, необходимо было срочно организовать снабжение деревни промышленными товарами, установить твердые цены на зерно, ввести всеобщую трудовую повинность и отменить ввозные пошлины на товары, предназначенные для сельского хозяйства и промышленности. Кроме того, члены группы поставили перед Временным правительством вопрос о скорейшем введении в Сибири земского самоуправления. К.М. Петров опубликовал подробный отчет в городской шадринской газете «Исеть» и доложил обо всем этом на III Курганском уездном крестьянском съезде, прошедшем 25-26 июня 1917 года (7, 15-28).

Выступая перед делегатами курганского съезда, К.М. Петров заявил, что поддерживает продолжение оборонительной войны против Германии и не может оставаться в тылу, когда его однополчан направляют на передовую, поэтому просит освободить его от занимаемых партийных и общественных должностей. Но по инициативе делегатов съезда военному министру А.Ф. Керенскому направили телеграмму с просьбой оставить в г. Кургане четырех офицеров и солдат, ставших политическими лидерами Зауралья. Среди них была названа фамилия Константина Матвеевича (7, 28). Более того, съезд принял решение о создании уездного Совета крестьянских депутатов, а его членом делегировал К.М. Петрова. 15

июля 1917 года он был избран председателем Совета и исполкома Курганского Совета крестьянских депутатов (7, 38-39, 50). Впоследствии К.М. Петров выдвигался кандидатом в депутаты Всероссийского Учредительного собрания, но уступил место более опытному партийному товарищу И.А. Михайлову (7, 58-59).

Осенью 1917 года в г. Кургане развернулось ожесточенное политическое противостояние между эсерами и большевиками, бывшими соратниками и однополчанами. Большевики возглавили военный фельдшер П.Я. Гордиенко и прапорщик М.Н.Петров (известный в полку как «Петров первый» и вошедший в революционную историю Южного Зауралья под фамилией Буров-Петров).

К.М. Петров решительно выступал против радикальных действий большевиков, которые сделали ставку на проведение стачек на предприятиях г. Кургана. Но, видимо, его опыт парламентских методов политической борьбы не соответствовал новым условиям. Большевики провели грамотную и агрессивную избирательную кампанию по выборам членов Совета рабочих и солдатских депутатов. Получив в нём большинство голосов, 20 ноября 1917 года они объявили о переходе власти в руки Советов. Ударной силой Совета стали сформированные отряды «Красной гвардии».

27-28 ноября 1917 года в г. Кургане планировалось проведение V уездного крестьянского съезда. Но большевики сорвали его, а затем организовали собственный крестьянский съезд, на котором председателем исполкома Совета крестьянских депутатов был избран Д.Е. Пичугин (8, 17).

Политическая ситуация в стране свидетельствовала о том, что большевики и левые эсеры могут пойти на разгон Всероссийского Учредительного собрания. 27 ноября 1917 года в Москву за подписью К.М. Петрова была направлена телеграмма в поддержку избранных депутатов (9, 24). Но прошло несколько дней и российский парламент распустили, а К.М. Петров и сотрудники продовольственной управы оказались арестованными. Как вспоминал впоследствии П.Я. Гордиенко: «Всю руководящую головку эсеров за сопротивление и организацию саботажа пришлось арестовать и посадить в тюрьму. Таким образом, Курган первый по Сибири применил к своим классовым врагам меры репрессии» (10, 20). Через несколько дней большинство членов продовольственной управы отпустили, но её председатель остался под арестом. (11, 119).

Последний взлет К.М. Петрова на политической арене связан со свержением власти большевистских Советов. В результате вооруженного выступления чехословацкого корпуса, подразделения которого в ночь со 2 на 3 июня 1918 года захватили г. Курган, в Южном Зауралье начался процесс восстановления гражданских представительных органов самоуправления – городских Дум и земских собраний. Уже 13-15 июня 1918 года был проведен V Курганский уездный крестьянский съезд, секретарем которого избран К.М. Петров. Являясь последовательным противником большевиков, он поддержал выступление чехословацких легионеров. На съезде была принята программа, которая полностью отражала политические взгляды Константина Матвеевича. В частности, делегаты приняли решение о восстановлении земского самоуправления, о передаче частновладельческих, церковных и государственных земель трудящимся без выкупа, о необходимости регулирования цен на товары первой необходимости, о создании армии (12, 16).

Список литературы

1. Кирьянов И.К. Пермские депутаты Государственной

Думы. Пермь, 2006.

2. Государственная Дума. 1906-1917. Стенографические отчеты. Том III. М., 1995.
3. Аверех А.Я. П.А. Столыпин и судьбы реформ в России. М., 1991 (интернет-сайт <http://scepstis.ru>).
4. Шадринская летопись. Век XX. Т.2. Шадринск, 1998.
5. ГАОПДКО Ф.5857. оп.3. д.95.
6. ГАОПДКО Ф.5857. оп.3. д.81.
7. ГАОПДКО Ф.5857. оп.3. д.69.
8. ГАОПДКО Ф.5857. оп.1. д.80.
9. ГАРФ. Ф.1781. оп.1 д.6.
10. ГАОПДКО Ф.5857. оп.1. д.80.
11. Курганские хроники (1662-2000). Курган, 2002.
12. ГАОПДКО Ф.5857. оп.3. д.877.

Р.Н. Масалимов

Бирская государственная социально-педагогическая академия, г. Бирск

НАЦИОНАЛЬНЫЕ СОЮЗЫ МОЛОДЁЖИ В РОССИИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА

Появившиеся накануне и в годы первой революции в России политические партии повели активную борьбу за влияние на молодёжь. В отличие от Европейской России, где социалистические идеи родились и распространились в условиях серьёзных социальных изменений в обществе под влиянием развития капитализма, в восточных национальных районах первое знакомство с марксизмом состоялось в начале XX в. лишь на интеллектуальном уровне, во время учёбы или работы в русских городах или в результате личных контактов с русскими марксистами. Национальные политические партии на востоке России были представлены буржуазно-консервативными группами татар (главная из них – партия «Союз мусульман» - «Иттифак»), социал-демократическими группами тех же татар и башкир (Х. Ямашев и газета «Урал»), а также азербайджанцев и казахов.

Национальный состав студенческого движения не поддаётся точному определению из-за отсутствия данных, но в целом оно было почти однородным – великорусским (включая русифицированные национальные меньшинства). Представителей нерусских народов среди студентов было крайне мало. Другое дело организации учащихся средних учебных заведений всех типов. Студенческий съезд ещё в 1893 г. отдельным пунктом своего постановления выделил работу среди гимназистов и учащихся других учебных заведений в целях создания кружков «саморазвития». Первые такие кружки в крупных городах России возникли в начале XX в. К тому времени уже в Польше, Финляндии, на Украине, Среднем Поволжье и на Урале появились национальные объединения и кружки учащейся и учащей молодёжи. Например, в Польше появились «Освят», «Союз польской молодёжи», в Москве – «Еврейский товарищеский союз», в Казани – кружки учащихся-мусульман. В мусульманских регионах России в Поволжье и на Урале, на Кавказе и в Средней Азии зарождается движение шакирдов и талибов (учащихся медресе и др. учебных заведений). Интересные наблюдения оставил в своих воспоминаниях Ахмет-Заки Валидов, прибывший в 1908 г. в Казань для учёбы. Он пишет, что в Казани существовала «молодёжная организация, стремящаяся провести преобразования в школах. ... Реформаторы выпускали газету под названием «Ислах». Я с ними встречался, но нашёл их деятельность бесплановой, самих их нерешительными, большинство идей бес-

почвенными»(9, 77). Здесь оценка татарского союза молодёжи мемуаристом не важна, а ценна информация о наличии у этих молодых реформаторов довольно чёткой организации и печатного периодического органа – газеты.

Следует отметить, что история башкирского молодёжного движения изучена хуже, чем татарского, марийского, чувашского и др. С самого начала советской историографии молодёжного движения и ВЛКСМ в Башкирии сложилось стереотипное утверждение, что до Октябрьской революции среди башкирской молодёжи не было какого-либо организованного движения (3, 70; 5, 77). Хотя, до Февральской революции нигде в России организованного движения молодёжи не существовало, для этого просто не имелось условий (взрослые партии и то создавались и действовали нелегально или полулегально). Тем не менее, разрозненные союзы и кружки молодёжи и юношества действовали на свой страх и риск. Примечательно, что 16-летний учащийся учительской семинарии Мирсаид Султангалиев организовал в том же 1908 г. кружок татарской и башкирской молодёжи, а в 1912-1913 гг. возглавлял «Боевую татарскую организацию социалистов», куда входили татарские и башкирские учащиеся и молодые учителя. Как позже вспоминал М.Х. Султангалиев, он, З. Валиев, учитель-башкир Гирей Кидрачёв и др. развернули активную работу среди мусульманской молодёжи и взрослых в уездах Уфимской губернии (8, 404-411).

Весной-летом 1917 г. появились первые настоящие союзы татарской, башкирской, марийской, чувашской молодёжи, самыми известными из которых были: союз татарской молодёжи «Берек» (Казань), «Общество мусульманской молодёжи» (Оренбург), «Союз учащихся-мусульман» в Уфе, Троицке и в ряде посёлков и селений, марийский «Союз учащихся» в Царёвококшайске и др. (3,6; 4, 10; 7, 20-21). В Казани и Уфе появились центры, координирующие движение шакирдов и талибов. Наиболее значительной организацией учащейся татарской молодёжи в Казани, и во всём поволжско-уральском регионе был союз молодёжи «Берек» («Единение»). Первоначально союз «Берек» состоял из представителей учащейся и интеллигентской молодёжи, но затем к нему потянулись и молодые представители средних слоёв, а также рабочие и ремесленники. Программа и устав союза показывают, что «Берек» являлся безобидным культурно-просветительским объединением молодёжи. (см.: 3, 6). Аналогичны были программы объединений марийской и чувашской молодёжи. Иначе быть не могло, поскольку национальная молодёжь оставалась далекой от политики, она делала свои первые самостоятельные шаги. Возможно, исключением были «Объединение молодёжи Башкирии», возникшее также летом 1917 г. в Оренбурге, и известная организация башкирской интеллигентской молодёжи «Тулкын» («Волна»), учреждённая на III Всебашкирском курултае (учредительном съезде) башкир 18 (31) декабря 1917 г., которые сразу включились в движение за территориальную автономию Башкортостана (1, 137).

В 1917-1918 гг. работу среди марийской, мордовской, удмуртской и чувашской молодёжи вели межнациональная организация «Союз мелких народностей Поволжья», «Центральный союз Мари» («Марий Ушем»), «Чувашское национальное общество», «Общество Удмурт», созданные на соответствующих национальных съездах летом-осенью 1917 г. К сожалению, историки не располагают документальными источниками о конкретной ситуации с первыми молодёжными объединениями этих национальностей. Есть лишь косвенные свидетельства о собраниях и встречах молодёжи, о кружках куль-

турно-просветительского характера. Конечно, имелись колоссальные объективные трудности на пути объединения юношества и молодёжи края в условиях радикальных изменений и начавшейся Гражданской войны. В литературе отмечалось, что, например, для марийской молодёжи жизненно необходим был единый центр руководства и координации, т.к. организационная деятельность осуществлялась из трёх отдалённых от мест центров – Вятки, Казани, Бирска, что затрудняло оперативное развёртывание идейно-политической и культурно-просветительской работы среди национальной молодёжи (см.: 4, 16).

Ещё на первом съезде РКСМ (29 октября – 4 ноября 1918 г.) был поднят вопрос о работе среди молодёжи нерусских национальностей, национальных меньшинств, о создании национальных секций в союзе по примеру нацсекций РКП(б). Но обстоятельно разрешить его не удалось, так как на съезде отсутствовали представители основных национальных регионов. Впервые вопрос о национальных секциях в комсомоле был рассмотрен на расширенном заседании пленума ЦК РКСМ 26-28 апреля 1919 г. Учитывая опыт национальных секций партийных комитетов, пленум принял решение о создании секций при местных комитетах РКСМ для работы среди комсомольцев и молодёжи, не владеющих языком общей организации. В то же время опасаясь национализма и сепаратизма в своих рядах, пленум ЦК комсомола подчеркнул: «Национальные секции РКСМ имеют целью культурно-просветительную работу на родном языке и являются частью Союза (как его местных организаций, так и в центре)» (15, 16).

В Поволжье и на Урале оформление национальных союзов и объединений молодёжи в комсомольские секции началось в конце лета 1919 г. и завершилось в основном к началу 1920 г. Так, 25 июля 1919 г. положено начало татаро-башкирской секции при Уфимском губкоме РКСМ на основе решения мусульманской секции губкома партии (6, 123). Чуть раньше была создана чувашская секция при Симбирском комитете РКСМ. 25 августа 1919 г. при Казанском губкоме РКСМ организуется бюро татарских секций. На первом же заседании было решено приступить к созданию татарских секций при уездных комитетах РКСМ (14, 52). В сентябре-октябре 1919 г. при Краснококшайском уездном комитете РКСМ появилась марийская секция. 27 декабря на заседании Казанского губкома РКСМ был заслушан вопрос об организации губернского бюро марийских секций (4, 26). Значительные успехи в комсомольской работе среди марийской молодёжи отметило I Всероссийское совещание активных работников мари, состоявшееся в Казани 7-15 февраля 1920 г. В Краснококшайской уездной организации РКСМ из 21 ячейки с 212 комсомольцами 7 ячеек объединяли 50 марийских девушек и юношей. В сентябре 1919 г. I Самарская губернская конференция РКСМ рассмотрела вопрос о национальных секциях. В конце года в Самаре состоялось губернское совещание представителей мусульманской (татаро-башкирской) молодёжи, по решению губкома РКСМ было создано губбюро восточных секций, то есть бюро татаро-башкирских секций. В Астрахани решение об образовании мусульманской секции РКСМ приняла 4 августа 1919 г., а в октябре она окончательно оформилась (10). 3-6 апреля 1920 г. состоялась в Екатеринбурге I губернская конференция мусульманских (татаро-башкирских) секций РКП(б), которая довольно серьёзно рассмотрела вопросы о работе среди молодёжи и среди женщин-мусульманок. В решении конференции отмечалось, что она «считает работу среди мусульманской молодёжи особенно важной, так как она ещё совершенно не затронута юношеским движением, а по-

тому вменяет в обязанность всем мусульманским организациям РКП обратить самое серьёзное внимание на вовлечение мусульманского юношества в коммунистическое движение молодёжи» (6, 180б.). Конференция постановила: «Для работы среди мусульманской молодёжи на местах, при комитетах РКП, должны быть созданы комиссии по работе среди национальных меньшинств с согласия местного комитета мусульманской организации РКП». Тут же предлагалось: «Если массы пролетарской молодёжи данной национальности не понимают языка большинства членов организации РКСМ, они образуют мусульманскую секцию, которая может иметь свой клуб, школу или совместно с партийной организацией или секцией» (6, 18). Это очень важный момент: комсомол точно использовал опыт партийных комиссий, создавая вместо секций свои комиссии по работе среди молодёжи национальных меньшинств.

На общероссийском уровне проблема национальных секций была разрешена на II съезде комсомола (5-8 октября 1919 г.). ЦК РКСМ на основе постановления съезда «О работе среди национальных меньшинств» разработал «Положения о работе среди молодёжи национальных меньшинств» и разослал их к лету 1920 г. в губкомы и обкомы комсомола. В этом документе содержатся пункты, совпадающие с положениями инструкции ЦК РКП(б) о национальных секциях партийных комитетов. «В местностях, где население состоит из нескольких национальностей, - гласит второй пункт «Положений», - для более успешной агитации и пропаганды среди молодёжи национальных меньшинств и вовлечения её в нашу организацию при местных организациях создаются комиссии по работе среди национальных меньшинств». Комиссии эти создавались местным комитетом РКСМ только «по соглашению с партийной организацией данной национальности», то есть соответствующей нацсекцией РКП(б). Далее говорилось: «В случае, если массы рабочей молодёжи, не понимая язык большинства, не могут активно участвовать и развивать свою самостоятельность, местным организациям разрешается создавать национальные секции, организовать клубы для молодёжи той или другой национальности...» (13,10). Как видно, для ЦК РКСМ комиссии должны были играть роль руководящего органа национальных секций, то есть предпочтение отдавалось комиссиям. В отличие от резолюции II съезда РКСМ, где национальные секции рассматривались как переходная форма к единым организациям, здесь они мыслились как одна из форм учёта национально-культурных особенностей, видоизменения которой зависели от уровня развития тех или наименьшинств. Комиссии фактически выполняли функции национального отдела или национального бюро комитетов. В реальности они создавались в большинстве местных комитетов независимо от того, знает или не знает русский язык местное население.

III съезд РКСМ (2-10 октября 1920 г.) рассмотрел вопрос о нацсекциях и о работе среди национальной молодёжи и принял специальное решение по нему. Он закрепил сложившуюся практику формирования нацсекций по национальностям в отдельности, исключив создание совместных секций (типа татаро-башкирских, марийско-удмуртских). Съезд признал необходимым для координации и руководства работой в губернском масштабе создать бюро отдельных национальностей при губкомах РКСМ, но предупредил, чтобы они не являлись самостоятельными, отдельными организациями, а были лишь подсобными органами комитета и вели работу среди национальной молодёжи «через общий аппарат Союза». В то же время на съезде отмечалась слабая работа отдела (бюро) национальных меньшинств при ЦК РКСМ и

нацсекций и комиссий местных комитетов.

После третьего съезда РКСМ усилилась работа по формированию губернских, областных и региональных органов нацсекций. ЦК РКСМ утверждает Центральное бюро секций восточных народов, избранное на I Всероссийской конференции секций и организаций РКСМ восточных национальностей (12-18 сентября 1920 г.), ЦБ еврейских и латышских секций, рассматривает вопрос о создании Центральных бюро марийских и мордовских секций. Формируются в это же время областные бюро РКСМ в Башкирской АССР, Киргизской (Казахской) АССР, Татарской АССР, Чувашской автономной области. Естественно, все эти органы и организации начали работу под непосредственным руководством и бдительным надзором ЦК РКСМ, над которым стоял невероятно бескомпромиссный ЦК партии. Для этого и был создан Отдел национальных меньшинств ЦК комсомола (12).

Комсомол, используя право сильнейшего, был не очень разборчив в средствах борьбы против конкурентов. При поддержке и всемерной помощи партии большевиков РКСМ добил национальные некоммунистические союзы и объединения молодёжи, то оказывая давление на партийные и государственные органы с целью лишения национальных союзов материальной и иной поддержки, то прибегая к помощи ЧК, то непосредственно участвуя в разгроме их помещений и физической расправе. В советской литературе примеров такого рода искать было бы бесполезно. Но зато в архивах сохранились недвусмысленные свидетельства комсомольской «красногвардейской атаки» на «контру». Так, в конце 1919 года татаро-башкирская секция Уфимского губкома РКСМ занималась разгромом союза учащих-мусульман. В результате мусульманский союз был ликвидирован, его имущество, движимое и недвижимое, конфисковано (т.е. разгарблено) (12, 15). Почти таким же способом расправились комсомольцы с челябинским союзом учащих-мусульман и его женским филиалом осенью 1919 года (11, 24). В Астраханской губернии большевикам пришлось «исправлять» организации татарской и казахской молодёжи. Комитет РКП(б) отмечал, что мусульманские секции РКСМ вели совершенно неподобающую, «контрреволюционно-националистическую» работу, видя причины этого в продолжительной оторванности края от центра (10, 41).

Исторический опыт национальных секций РКП(б) и РКСМ Поволжья и Урала имеет большое историческое значение. Этот опыт предупреждает, что стремление навязать национальной жизни любого народа одно лишь «единственно верное учение», одну идеологию не имеет перспектив; «национальный» коммунизм, как и «интернациональный», ведёт лишь к историческому тупику. Национальная жизнь должна быть полнокровной, многообразной, плюралистической. В ней ни одна идеология, ни одна религия не должна претендовать на господство. И русский большевизм, и «национальные коммунизмы» были лишь двумя сторонами одного и того же процесса – радикализации движений народов за национальную и социальную эмансипацию в конкретный период их истории.

Список литературы

1. Газизов Р.Р. К вопросу об образовании Временного революционного совета Башкортостана // Вестник Самарского государственного университета. 2008. № 4.
2. Государственный архив Астраханской области (ГАО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 125.
3. Материалы к истории татарского комсомола. Казань, 1927 (на татар. яз.).
4. Очерки истории Марийской организации ВЛКСМ. Йошкар-Ола, 1984.

5. XV лет ВЛКСМ: Сб. статей и воспоминаний о комсомоле Башкирии. Уфа, 1933.
6. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 6. Д. 375. Л. 123; Ф. 583. Оп. 1. Д. 113. Л. 180б.
7. Саяпов Т.Ш. Ленинский комсомол Башкирии. Уфа, 1978.
8. Султангалиев М.Х. Статьи, выступления, документы. Казань, 1992.
9. Тоған Валиди З. Воспоминания: Борьба народов Туркестана и других восточных мусульман-тюрок за национальное бытие и сохранение культуры. Кн. 1. Уфа, 1994.
10. Центр документации новейшей истории Астраханской области (ЦДНИАО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 125. Лл. 237, 240, 324; Ф. 46. Оп. 1. Д. 2. Л. 41.
11. Центр документации новейшей истории Челябинской области (ЦДНИЧО). Ф. 77. Оп. 1. Д. 54.
12. Центр хранения документов молодежных организаций (бывший ЦА ВЛКСМ). Ф. 1. Оп. 3. Д. 1а. Лл. 6, 40; Д. 2. Лл. 33, 82; Оп. 4. Д. 2. Л. 196.
13. Центральный государственный архив общественных организаций РБ (ЦГАООРБ). Ф. 3524. Оп. 1. Д. 10. Л. 10.
14. Юность Татарстана: Очерки истории комсомола Татарии. Казань, 1978.
15. Юный коммунист. 1919. 1 августа. № 6/7.

А.В. Сыченкова
КГТУ им. А.Н. Туполева, г. Казань

ЗАРУБЕЖНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ПАРТИИ ЛЕВЫХ ЭСЕРОВ

В 1920 - начале 30-х гг. западная советология находилась на этапе своего становления и собственной концепции истории ПЛСР выработать еще не успела. Поэтому в оценках следовала основному своему источнику – большевистской прессе, хотя и делала попытки критического анализа официальной версии произошедших событий. Интерпретация революции и последующих событий была представлена работами журналистов например, Д. Рида, У. Чемберлина (7), М. Прайса (17) или бывших дипломатов (10). Вместе с тем эти работы ценны тем, что они написаны очевидцами событий и содержат порой сведения, которые больше нигде нельзя найти.

В 1950 – 90-е гг. параллельно с советской развивалась зарубежная историческая наука, также уделявшая вопросам истории партии социалистов - революционеров большое внимание. Существенной предпосылкой для возникновения зарубежной историографии партии эсеров, а следовательно, и левых эсеров стало наличие в США и Европе крупных документальных коллекций ПСР (речь идет об архивах Международного института социальной истории в Амстердаме и Гуверовского института войны, революции и мира), а также деятельность российской эмиграции, которая оставила богатое мемуарное наследие и была тесно связана со многими зарубежными историками. В зарубежной историографии этого периода специальных работ о партии левых эсеров нет. Левые эсеры кратко рассматривались либо в работах об Октябрьской революции, либо в исследованиях о партии социалистов – революционеров.

Одной из основных тенденций зарубежной историографии является стремление представить партию социалистов – революционеров, в том числе и партию левых эсеров, истинной представительницей интересов крестьян и подлинно демократической организацией. Распространенным было мнение, что левые эсеры своим согласием с большевиками и уходом из партии социалистов – революционеров обрекли ее на поражение. Без поддержки левых эсеров большевики не удержались

бы у власти. Стремясь к установлению однопартийной диктатуры, большевики никогда не доверяли левым эсерам и только использовали в своих целях, поэтому 6 - 7 июля 1918 года разгромили партию левых эсеров. Необходимо отметить несомненное влияние правых эсеров – эмигрантов на мнение западных историков относительно роли ПЛСР.

Наибольший вклад в изучение истории ПСР за рубежом внес профессор Техасского университета Оливер Рэдки. Итогом его исследований стали две крупные монографии, посвященные истории ПСР в период с февраля по октябрь 1917 года, а также в первые месяцы Советской власти (19). В книге Рэдки «Серп под молотом» (20) рассказывается об истории партии эсеров вплоть до начала 1918 года. Она написана на обширном источниковом материале: опубликованные и неопубликованные документы ПСР и ПЛСР, материалы периодической печати, мемуары, интервью с участниками событий.

Анализируя события октября 1917 – января 1918 года, Рэдки сосредоточил свое внимание на изучении борьбы ПСР с большевиками и левыми эсерами за крестьянство, в которой социалисты – революционеры потерпели поражение. Причинами стали раскол в партии, ослабивший ПСР, ленинская аграрная политика и позиция солдатских масс, находившихся под влиянием большевиков и левых эсеров (20, 278–279).

Детально исследовав процесс раскола партии эсеров, принятие дисциплинарных мер ЦК партии эсеров в отношении левого крыла партии, Рэдки подчеркивал, что левые эсеры не являлись инициаторами раскола. Вместе с тем он отметил, что ПЛСР унаследовала все недостатки, присущие партии эсеров: отношение к лидерам, дисциплине и программы действий. Рэдки указал на необходимость пересмотра левыми эсерами программы и невозможность сделать это в силу скорости происходящих событий. Кроме того, ПЛСР унаследовала организационную слабость движения, которая основывалась на распыленности самого крестьянства, отсутствии в нем социального единства, все это делало ПЛСР слабой пред лицом сплоченной партии большевиков (20, 155).

Рэдки пришел к весьма противоречивому заключению, что «левым эсерам удавалось сдерживать Красный террор во время их краткого пребывания у власти, хотя в целом их роль в Октябрьской революции была неэффективной». В то же время он ссылаясь на Н. Суханова, что левые эсеры благодаря отсутствию руководства и сплоченности своим присутствием в правительстве усилили большевиков (20, 153). Д. Кип указал в своей рецензии на это противоречие, отметив, что Рэдки судит о левых эсерах по их намерениям, а не по действиям (15, 63–65).

На наш взгляд, на вывод Рэдки в значительной степени повлияли оценка деятельности ПЛСР, данная И.З. Штейнберга, его интервью и работы.

Рэдки предположил, что большевики явились инициаторами разрыва соглашения. «Если бы Ленин сознательно намеревался разрушить основу для соглашения, - пишет Рэдки, - он не мог бы сделать это лучше, чем сделал это в 1918 году, когда принял условия Брест - Литовского мира, начал кампанию по разделению и ограблению крестьянства, привнес в Советы партийный контроль и начал Красный террор. Бывшие союзники стали смертельными врагами, и разрыв был закреплен кровью более слабой партии» (20, 141).

Концепция О. Рэдки выделялась на фоне советологических представлений 1950-х годов своим критическим отношением к деятельности партии социалистов – революционеров. Книга «Серп под молотом» вызвала оживленную и преимущественно негативную реакцию у зарубежных историков (8, 273–274). Р. Пайпс, к примеру, счи-

тал, что вывод Рэдки о закономерности победы большевиков в октябре 1917 года не способствует пониманию событий 1917 года (22, 750–751). Такая реакция была вполне закономерна, так как исследование О. Рэдки плохо укладывалось в тоталитарную модель, господствовавшую в этот период в советологии и отрицавшую закономерность Октябрьской революции.

В целом в западной историографии утвердилось мнение, что левые эсеры, представлявшие интересы крестьян, «были политиками без сильной партийной базы» (9, 162), что предопределило их поражение от большевиков. При этом подчеркивалось, что большевикам соглашение с ПЛСР было жизненно необходимо для удержания власти, как только левые эсеры стали им нужны, большевики сделали все, чтобы разорвать блок.

Необходимо отметить, что деятельность партии левых социалистов – революционеров получила в зарубежной историографии гораздо меньшее освещение, чем события 6–7 июля 1918 года в Москве. Дж. Катков высказал сомнение в истинности официальной версии событий 6–7 июля 1918 года, предположив, что это была провокация со стороны большевиков, чтобы избавиться от присутствия левых эсеров в советах и ВЦИК (14, 97–98). Более подробную версию событий предложил Ю.Г. Фельштинский, который рассмотрел историю партии левых эсеров с альтернативных советской науке позиций (5). Однако большинство зарубежных историков придерживалось официальной версии советской историографии о том, что это был антибольшевистский мятеж.

В целом позиция западной историографии перекликалась с утверждением советских историков о неизбежности краха ПЛСР, однако его причины различались. Если советские историки настаивали на несостоятельности самой эсеровской доктрины, то западные авторы были склонны объяснять поражение ПЛСР слабостями и просчетами самих социалистов – революционеров. Поражение эсеров, а также и левых эсеров объяснялось тем, что они не имели партийного лидера и единства, не смогли предвидеть последствий своей поддержки большевиков, их нацеленности на полное искоренение политической оппозиции и установление однопартийной диктатуры.

Открытие советских архивов для зарубежных исследователей, возможность научного сотрудничества и отказ от идеологического противостояния активизировал процесс изучения партии левых социалистов – революционеров за рубежом. Были созданы условия для открытой дискуссии западных и отечественных историков. В 1990-е – начале 2000-х гг. вышли работы А. Рабиновича (3;4;18), Л.Хефнера (13) и др., посвященные различным проблемам истории ПЛСР: левозэсеровское выступление 6–7 июля 1918 года, история создания ВЧК в ракурсе взаимоотношений ПЛСР с партией большевиков, левозэсеровские персоналии. Версия современных западных историков в отношении июльских событий в основном совпадает с концепцией российских ученых (1) – «восстание их было не столько государственным, сколько театрализованным переворотом, грандиозной политической демонстрацией, имевшей целью зажечь “массы”, возродить в них ослабевший к этому времени революционный дух» (2, 10).

Тезис о политической «наивности» левых эсеров появился еще в работах 1950-х годов, одной из причин называют молодость левозэсеровских лидеров (10). А. Рабинович считает, что «как члены правительства, левые эсеры достойны похвалы за важные инициативы, особенно за подготовку базы для фундаментальной аграрной реформы. Однако менее удачливы они оказались в своих стремлениях ограничить злоупотребления властью большевиками» (3, 129).

Лутц Хефнер в 1994 году опубликовал монографию по истории ПЛСР(12), куда вошли два приложения: краткие биографии лидеров ПЛСР и имеющий самостоятельное значение очерк политической географии партии. Будучи первой специальной работой о ПЛСР, книга демонстрирует значительный прогресс зарубежной историографии в изучении социалистических партий России. Монография великолепно документирована: автором использовались как архивные документы (в частности, материалы личных архивов В. Чернова и И. Штейнберга), так и документы и материалы, опубликованные в различных советских юбилейных сборниках. В монографии Л. Хефнера содержится обширный материал о функционировании центральных, региональных и местных организаций, их социально – демографическом составе, строении партийного аппарата, финансовом положении ПЛСР, состоянии партийной прессы. Можно сказать, что автору удалось создать наиболее полное описание партии ПЛСР на сегодняшний день.

Список литературы

1. Овруцкий Л. М., Разгон А. И. Понять дух 6-го июля // *Отечественная история*. 1992. №5. С.49–62.
2. Гайпс Р. *Россия при большевиках*. М.: РОССПЭН, 1997. 662с.
3. Рабинович А. Самоожжение левых эсеров // *Россия XXI*, 1998. №1–2. С.126–142.
4. Рабинович А. «Проблема левых эсеров» и создание ВЧК // *Петербургская историческая школа: Альманах*. СПб., 2002. С.384–393.
5. Фельштинский Ю.Г. *Большевики и левые эсеры. Октябрь 1917г. - июль 1918 г. На пути к однопартийной диктатуре*. Париж: YMCA PRESS, 1985. 287 с.
6. E.N. Carr, *The Russian Revolution (1917 – 1921)*. London, 1954.
7. Chemberlin W. H. *The Russian revolution. 1917 – 1921*. 2 vol. N.Y. 1935. 710p.
8. Daniels R. *The Sickle under the Hammer // Russian Review*. 1964. V.23. №3. P.273–274.
9. Fitzpatrick Sh. *The Russian revolution*. Oxford, 1982.
10. Figs Orlando. *A People's tragedy. The Russian revolution 1891–1924*. London: Jonathan Cape, 1996. 650p.
11. Francis D. R. *Russia from the American embassy*. N.Y., 1921.
12. Höfner L. *Die Partei der linken Sozial-Revolutionäre in der russischen Revolution von 1917/1918. Beiträge zur Geschichte osteuropas*. Band 18. Bohlau Verlag. Kūln-Weimar-Wien, 1994. 800 p.
13. Höfner L. *The Assassination of Count Mirbach and the «July Uprising» of the Left Socialist Revolutionaries in Moscow, 1918 // The Russian Review*. 1991. vol. 50. p.324–344.
14. Katkov G., Shukman H. *Lenin's path to power. Bolshevism and the Destiny of Russia*. N.Y. Crowell, 1971. 140p.
15. Keep J. *The Sickle under the Hammer// Soviet studies*. 1964. vol. 26. №1. P.64–68.
16. W. Melwin, *The Course of Russian Revolution*, N.Y., 1956.
17. Price M. Ph. *My reminiscences of the Russian revolution*. London: George Allen @ Unwin LTD, 1921. 325p.
18. Rabinowitch A. *Maria Spiridonova's «Last Testament» // The Russian Review*. vol. 54. July 1995. p.424–446.
19. Radkey O. *The Agrarian Foes of Bolshevism: Promise and Default of the Russian Socialist Revolutionaries from February to October 1917*. N.Y. Crowell, 1958. 430p.
20. Radkey O. *The Sickle under the Hammer: The Russian Socialist Revolutionaries in the Early Months of Soviet Rule*. N.Y.; L., 1963. 465p.
21. *The Russian revolution: An anthology*. Ed. By M.K. Dziewanowsk. N.Y. Crowell. 1970. 222p.
22. *Slavic Review*. 1964. V. 23. №4. P.750 – 751.

Н. Ю. Толстых
МУК «Межпоселенческая центральная
библиотека Варгашинского района Курганской
области», Курганская область, п. Варгаши

КУРГАНСКОЕ РЕВОЛЮЦИОННОЕ ПОДПОЛЬЕ В 1907 – 1908 ГОДАХ (К ВОПРОСУ О ЛЕВОМ БЛОКЕ)

Помощник начальника Тобольского губернского жандармского управления в Курганском, Ишимском и Тюкалинском уездах ротмистр Желябужский в своем политическом обзоре за 1907 г. с явным удовлетворением констатировал уход населения вверенного ему района от «политики», общественных проблем в частную жизнь. Однако, указав на овладевшую людьми политическую усталость, Желябужский отметил проявления иного рода: «Но зато стали учащаться случаи разбойных нападений с целью грабежа на купцов и богатых крестьян, причём лица, производившие эти ограбления, были не из местных жителей, а почти исключительно приезжие из разных городов России и Сибири» (1). Далеко не все случаи таких нападений и грабежей носили чисто криминальный характер и совершались обычными уголовниками. По крайней мере, один из них нужно целиком записать на счет «политиков» - участников курганского революционного подполья.

11 октября 1908 г., в день заседания военно-окружного суда в Кургане, четверо крестьян с. Падеринского той же волости (Яков Лушников, Абросим Старков, Елисей и Александр Лекановы) обратились к курганскому уездному исправнику с заявлением. В нем содержалась просьба: «За спасение погибавших и за задержание преступников, причём жизнь наша подвергалась опасности, войти с представлением о награждении нас в установленном порядке». Позже «для выяснения вопроса, подвергались ли опасности крестьяне села Падеринского... при поимке ими злоумышленников», прибыл в село пристав I стана А. Гурский и произвел дознание. Из протокола дознания и из ходатайства тобольского губернатора министру внутренних дел выяснилась следующая картина происшедшего.

«28 августа 1907 г. в четырех верстах от села Падеринского Курганского уезда на большой дороге сделано было нападение на проезжавших из г. Кургана крестьянина Ялуторовского уезда, Омутинской волости, деревни Плетневой – доверенного Червишевского маслодельного завода Петра Емельянова и крестьянина Курганского уезда, Мостовской волости, дер. Круглой Михаила Юшкова и бывшего с ними ямщика крестьянина Егора Никитина. Нападение совершили три неизвестных человека, вооруженные револьверами и под угрозой смерти требовавшие с поименованных лиц деньги. Пользуясь беззащитностью проезжавших, грабители, отобрав у них лошадей и заскочив в экипаж, погнались на лошадях, делая при этом выстрелы по направлению ограбленных. На крики последних о помощи и выстрелы сбежали бывшие по близости на полевых и др. работах крестьяне села Падеринского Яков Лушников, Абросим Старков, Елисей и Александр Лекановы и, узнав в чем дело, бросились на лошадях догонять злоумышленников, которых и удалось задержать и представить в Иковское волостное правление». Из всех заявителей наибольшее упорство в преследовании грабителей выказал Яков Лушников. На дознании он поведал: Елисей Леканов «дал мне свой дробовик, с которым я погнался за злоумышленниками, коих догнал около деревни Крутихи на расстоянии 12 верст от

места происшествия, где один из злоумышленников произвел в меня 8 выстрелов на расстоянии 10 сажень, но все давал промахи, затем, бросив лошадей, они побежали в лес, где я их вновь догнал, тут опять один из злоумышленников произвел в меня выстрел, но дал тоже промах на расстоянии 5 сажень, тут опять на мой крик сбежался народ с ружьями, где их и задержали, а затем передали по принадлежности в Иковскую волость».

Вскоре выяснилось, что «нападавшими оказались: 1) крестьянин Сызранского уезда, села Кушниково Константин Ефимов, 2) оренбургский мещанин Василий Передреев и 3) крестьянин Курганского уезда, Курейнской волости, дер. Серебряной Трофим Баранцев» (2). Участники задержания не могли предполагать, что в их руки попались не какие-то заурядные представители уголовного мира, промышлявшие разбоем и грабежом, а деятели курганского революционного подполья и что ограбление доверенного маслодельного завода являлось попыткой экспроприации. Слово это, конечно, в лексикон падеринских крестьян не входило, а в революционной среде, особенно у сторонников экспроприаций, оно превращалось в краткое жаргонное словцо «экс».

Доставленные в курганскую тюрьму экспроприаторы содержались в ней целый год до упомянутого дня суда – 11 октября 1908 г. Из троих участников неудачной экспроприации не обнаружено никаких сведений о Василии Передрееве. О Трофиме Владимировиче Баранцеве и Константине Степановиче Ефимове содержатся свидетельства в разных источниках и публикациях, причём наиболее заметной фигурой выступает Баранцев.

Вспоминая о своей подпольной работе в Кургане летом и осенью 1906 г., Ф.Г. Ягодин-Виноградов в числе рабочих, входивших в Курганскую группу РСДРП, называл «ученика-техника Костю Ефимова» и «Баранцева (Аграрника)» (3, 63). Ф.З. Рыжов и Ф.Т. Корельцев, причастные к деятельности Курганской группы, в своих неопубликованных воспоминаниях отметили участие Ефимова, в бытность его учеником технических классов службы пути на ст. Курган, в распространении листовок и нелегальной литературы (4). 24 февраля 1906 г. на Троицкой улице в Кургане были задержаны ученики технических классов К.С. Ефимов и Ф.И. Кияновский в момент разбрасывания прокламаций. Донося об этом, курганский исправник Калугин сообщал: «Кроме того, у Ефимова обнаружено письмо от его товарища из Одессы, которое обращает на себя внимание в тех местах его, где товарищ Ефимову обещает выслать как можно больше прокламаций революционного содержания» (5).

Выходец из крестьян д. Серебряной Курейнской волости Т.В. Баранцев работал в депо ст. Курган. С момента создания Курганской группы РСДРП являлся ее членом, а после выделения внутри социал-демократической организации специальной аграрной группы для проведения агитационно-пропагандистской работы в деревне вошел в ее состав. Активное участие Баранцева в распространении прокламаций среди крестьян, в том числе в родной Курейнской волости, даже отразилось на его партийном прозвище – Аграрник. Революционная деятельность Баранцева не прошла мимо внимания властей. В октябре 1906 г. он оказался в числе арестованных членов Курганской группы РСДРП, а после нескольких месяцев тюремного «сидения» был освобожден под залог. На воле Баранцев деятельно принялся за старое, стараясь не порывать связи с оставшимися в тюрьме товарищами. Об этом свидетельствует его записка, относящаяся к февралю 1907 г. и обнаруженная тюремными надзирателями в кастрюле с двойным дном, в которой передавался обед для арестованного вместе с Баранцевым Алексея Забе-

лина. В записке он извещал, что у него «дел много» и «приходится ходить везде». В это время в родной деревне Баранцева курганские социал-демократы создали группу своих сторонников среди местных крестьян. В.А. Горелов в своей монографии высказал предположение о вероятном появлении в некоторых селах Курганского уезда социал-демократических кружков. Можно определенно полагать, что в обоих случаях не обошлось без усилий Баранцева по их оформлению (6, 123, 155-156; 7, 33; 8).

Автор «Курганских большевиков в революции 1905-1907 гг.» не был осведомлен о произошедшем вскоре идейно-политическом преображении Баранцева, а именно о его отходе от социал-демократии и переходе на эсеровские позиции, причем в их крайне радикальном проявлении. Горелов В.А. ошибочно занес его в число активных борцов «за власть Советов в 1917 г. и в годы иностранной интервенции и гражданской войны» (6,168), тогда как на самом деле Баранцев проявил себя ее деятельным противником. В 1917 г. он был избран депутатом Учредительного собрания по Тобольской губернии от эсеровской партии, успев, правда, к этому времени в эсеровском идейном спектре изрядно поправиться.

Остается под вопросом, когда точно произошел переход Баранцева и Ефимова к эсерам. Довершило ли только поражение первой революции этот переход или же, наоборот, оно послужило толчком к нему? Курганская эсеровская газета «Земля и воля», публикуя в 1917 г. краткие биографии кандидатов в Учредительное собрание, сообщала про Баранцева и, несомненно, с его слов: «С 1904 по 1907 год участвовал в социалистических организациях. В 1905-1907 годах служил рабочим железнодорожного депо станции Курган. За участие в революционном движении циркуляром степного генерал-губернатора уволен со службы без права поступления в казенные учреждения. В 1907 году за участие в летучем боевом отряде эсеров-максималистов, организовавшем в Западной Сибири несколько экспроприаций, был арестован, судим военно-окружным судом, приговором которого 11 октября 1908 года вместе с двумя товарищами был приговорен к смертной казни через повешение, которая была заменена бессрочной каторгой». Впрочем, ранее та же газета, сообщая о Баранцеве, называла летучий отряд принадлежащим не эсерам-максималистам, а «партии с.-р.» (9). Таким образом, еще предстоит найти подтверждение того или иного утверждения в существующей исторической литературе и, что особенно желательно, в архивных источниках.

30 августа 1907 г., через день после нападения тройки экспроприаторов, «на месте происшествия» полиция задержала внушившего ей подозрение человека. Тот «между прочим объяснял: что он есть крестьянин Уфимского уезда, Катавской волости и села Павел Порфирьев Салов, 20 лет, выехал в поле за грибами, а не с какою-либо преступною целью, с которою задержан Баранцев и другие. С начала июня месяца находится без должности, первоначально же служил на Сибирской железной дороге станции Курган, откуда уволен за политическую неблагонадежность и выдержан в тюрьме в течении 3-х месяцев по постановлению челябинского генерал-губернатора Стельницкого, в данное время ни к какой партии не принадлежит, 1 мая с.г. участвовал в демонстрации, шествии по городу с красными флагами...» (10).

В 1905 г. П.П. Салов являлся конторщиком службы пути и, будучи членом Курганской группы РСДРП, вошел в состав стачечного комитета в период общероссийской октябрьской стачки. Трехмесячное пребывание в курганском тюремном замке началось для него арестом 10 января 1906 г. (11,142; 12). В замечаниях Ф.Т. Корельце-

ва на книгу В.А. Горелова содержится следующее утверждение: «Салов П. после тюрьмы впал в панику и делал попытку повеситься в вагоне, но был из петли снят, после чего парторганизация его стала избегать как "паникера" (13). Следовательно, отрицание своего членства в какой-либо партии со стороны Салова не было простым запирательством перед полицией. Однако это верно лишь отчасти, поскольку вообще «политикой» Салов заниматься не перестал, чему подтверждением служит его участие в первомайской демонстрации 1907 г. Более того, он находился в тесном контакте с Т.В. Баранцевым, уже отходившим вместе с другими единомышленниками от бывших соратников по социал-демократической группе. Салова полиция подозревала «в соучастии по вооруженному нападению 28 августа». В протоколе дознания от 31 августа он назван квартирантом Баранцева. В другом полицейском донесении отмечалось, что «в квартире Баранцева... частовременно бывал и Павел Салов». Кроме того, при обыске квартиры были изъяты «13 книжек нелегальной литературы» (14).

Сначала Салова «в порядке охраны» заключили в курганскую тюрьму. Но поскольку прямых улик и доказательств его причастности к «эксу» добыть не удалось, то постановлением губернатора он был подвергнут трехмесячному содержанию в ялуторовской тюрьме за участие в первомайском шествии, т.е. спустя уже несколько месяцев после этого события (15). В декабре 1907 г., с окончанием своего второго тюремного заключения, Салов вернулся в Курган. Вероятно, именно тогда он установил контакт с эсером-боевиком А.Л. Самойло (Михаилом). Последний вместе с товарищем по кличке Григорий прибыл из Екатеринбурга. С ними, в свою очередь, установила связь А.М. Шумилова, жена курганского социал-демократа Н.В. Шумилова (Николая Черного). Они должны были помочь местным эсерам и социал-демократам в осуществлении задуманных совместных экспроприаций. В частности, ими планировалось нападение на железнодорожного артельщика после получения им денег из уездного казначейства, а также они собирались потребовать деньги с купцов Бакинова и Смолина (16; 17, 181).

Салов не только оказался посвященным в эти планы, но с нетерпением желал лично участвовать в них. Об этом свидетельствуют слова самого Самойло, которые через свою агентуру стали известны жандармам. 6 января 1908 г., накануне отъезда в Екатеринбург за недостающими деталями для бомб и револьверами, Самойло в квартире Шумиловых говорил, что «тотчас же по возвращении нужно приступить к делу и при этом добавил, что к их компании примыкает Салов, но что он слишком горяч, так как, узнав о предстоящих делах, Салов стал торопить его, прося ускорить дело как можно скорее, ибо он, Салов, положительно страдает от бездельствия» (18).

Однако экспроприаторским замыслам не суждено было сбыться. Жандармы решили упредить революционеров, но при захвате на квартире Шумиловых в завязавшей перестрелке понесли потери. А.Л. Самойло и супруги Шумиловы были арестованы. Двум эсерам-боевикам («Григорию» и «Николаю Кривому») удалось сначала скрыться, но погоня настигла их в с. Исетском Ялуторовского уезда. «Григорий» застрелился, а «Николай» был тяжело ранен и впоследствии скончался (19). Из опасения быть арестованным Салов покинул Курган, переехавшись в Новониколаевск, а затем в Уфу (11,164).

Еще 11 ноября 1907 г. жандармам и полиции удалось нанести по Курганской группе РСДРП удар, имевший для нее серьезные последствия. В результате произведенных арестов, как представляется, была ослаблена та ее часть, которая выступала за кропотливую орга-

низаторскую деятельность в условиях политической реакции, за использование легальных и нелегальных форм борьбы, за прочную связь с рабочими. Наоборот, сторонники другой тактики в ее рядах должны были усиливаться, но их малочисленность и желание громких, решительных действий толкали их к союзу с представителями максималистского течения в неонародничестве. На деле такой союз свелся в основном к планированию и устройству экспроприаций. Его можно рассматривать как конкретное проявление левого блока в курганском революционном подполье в конце 1907-1908 гг., образованном леворадикальными элементами в среде социал-демократов и неонародников. Историческое сибиреведение уже включило в круг изучения левоблокистскую тактику наряду с темой политического блокирования вообще (20, 100-125). На курганском материале этот вопрос еще ждет своей углубленной разработки.

Список литературы:

1. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 159. Оп. 1. Д. 237. Л. 33-33 об.
2. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 23. Д. 176. Л. 3-8 об.
3. Ягодин-Виноградов Ф. По тюрьмам и подпольным типографиям Сибири. М., 1928.
4. ГАОГДКО. Ф. 5857. Оп. 1. Д. 66. Л. 6; Там же. Ф. 6919. Оп. 1. Д. 6. Л. 27.
5. ГАКО. Ф. 254. Оп. 1. Д. 2. Л. 140.
6. Горелов В. А. Курганские большевики в революции 1905-1907 годов: ист. очерк. Челябинск, 1965.
7. Материалы по истории Курганской областной партийной организации. Ч. I. Курган, 1976.
8. ГАОГДКО. Ф. 5857. Оп. 3. Д. 7. Л. 30.
9. Земля и воля. 1917. 22 окт.; Там же. 30 сент.
10. ГАКО. Ф. 254. Оп. 1. Д. 13. Л. 18.
11. Очерки истории Курганской области. - Челябинск, 1968.
12. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 2. Д. 71. Л. 39.
13. ГАОГДКО. Ф. 6919. Оп. 1. Д. 15. Л. 4.
14. ГАКО. Ф. 254. Оп. 1. Д. 13. Л. 17-18.
15. ГАКО. Ф. 254. Оп. 1. Д. 13. Л. 19-20, 22.
16. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 164. Оп. 1. Д. 194. Л. 8-10.
17. Копылов Д. И. Социал-демократические организации Тобольской губернии в 1905-1907 гг. // На хозяйственном и идеологическом фронте: Уч. зап. ТГПИ. Вып. 5. Тюмень, 1966.
18. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 164. Оп. 1. Д. 194. Л. 10 об.-11.
19. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 22. Д. 353. Л. 1-5.
20. Штырбул А. А. Политическая культура Сибири: опыт провинциальной многопартийности (кон. XIX в. – перв. четв. XX в.). Ч.1. (Кон. XIX в. – нач. XX в.). Омск, 2003.

СЕКЦИЯ 3. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ИСТОРИИ РОССИИ

А. Т. Ахатов
*Институт этнологических исследований
Уфимского научного центра
Российской академии наук, г. Уфа*

ИСЛАМ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ ОБРАЗОВАНИЯ СРЕДИ ТЮРКОЯЗЫЧНОГО НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ В ТРЕТЬЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX В. (НА ПРИМЕРЕ СОВРЕМЕННОЙ ТЕРРИТОРИИ КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ)

На территории Южного Зауралья, в Миасско-Уйском междуречье, этноконфессиональная картина расселения людей, которая наблюдается на сегодняшний день, сложилась уже к середине XVIII в. Именно тогда на указанной территории сформировался довольно устойчивый тюркоязычный мусульманский «анклав», окруженный со всех сторон русским населением православного толка.

В 60-х гг. XIX в. на обозначенной территории, которая в административном отношении относилась к Челябинскому уезду Оренбургской губернии (современная юго-западная часть Курганской области – Альменевский, Сафакулевский районы и часть Щучанского) располагались две татарские – Аджитаровская (впоследствии Карасевская), Ичкинская и две башкирские – Катайская и Сарт-Калмакская волости.

В некоторых источниках и литературе указывается, что население двух первых указанных волостей было представлено мещеряками и ичкинскими татарами (3, 466-467; 7, 30). В других источниках они отмечены как башкиры (11, 215, 224; 5) Учитывая, что на сегодняшний день их считают представителями татарского этноса в данной статье не акцентируется внимание на этой проблеме (12, 17-21).

В 1867 г. в Челябинском уезде общая численность населения составляла 258842 человека, из них первое место занимали представители православного вероисповедания – 200964 человека (77,6%), на втором находились мусульмане – 41323 человека (15,9%) и третье место занимали единоверцы – 9255 (3,5%) (11, 88).

Преобладание православного и мусульманского населения продолжало сохраняться вплоть до конца XIX в., хотя единоверцы к этому времени уступили третье место по численности раскольникам (72,85%, 20,1% и 4,20% соответственно) (2, 6-7).

Рассматривая соотношение количества церквей и мечетей к числу верующих, нужно отметить, что по всему уезду одна церковь приходилась на 2830 человек обою пола православных, а одна мечеть - на 625 мусульман (11, 89).

В указанное время население всех четырех волостей составляло 20484 человека или почти половина (49,5%) всего мусульманского населения уезда, на населенные пункты, располагавшиеся на их территории приходилось так же почти половина культовых зданий (30 из 66 мечетей). Более подробное представление о численности и расселении мусульман по каждой из волостей и наличии мечетей может дать табл. 1 (11, 215, 223-225).

Таблица 1

Волость	Число населенных пунктов	Число дворов	Число жителей			Число мечетей
			М.п.	Ж.п.	Об. п.	
Аджитаровская	7	906	2834	2577	5411	7
Ичкинская	5	593	1795	1772	3567	5
Катайская	22	766	2280	2011	4291	7
Сарт-Калмакская	21	1311	3823	3392	7215	11
Всего	45	3576	10732	9752	20484	30

В татарских волостях в каждой деревне было по одной мечети, за исключением д. Сулюклино, в которой вообще не было мечети, и д. Аджитаровой (обе Аджитаровской волости), в которой их было две (11, 215).

В башкирских же волостях одна мечеть приходилась на две – три деревни, и располагались они в основном либо в наиболее крупных по численности населения деревнях (Каззакулово, Султаново, Байганино и др.), либо в населенных пунктах, которые располагались в центре по отношению к близлежащим деревням (Туйгуново, Абдрашитово, Мурзабаево и т.д.).

В Ичкинской волости на одну мечеть приходилось в среднем 118 дворов и 713 человек, в Аджитаровской в среднем одно культовое здание приходилось на 129 дворов и на 773 человек, в Катайской волости одна мечеть приходилась на 103 двора и на 613 человек и в Сарт-Калмакской на 119 дворов или на 656 человек, то есть показатели близкие к средним по уезду.

Рассматривая таблицу, можно отметить бросающуюся диспропорцию между количеством населенных пунктов и количеством культовых зданий в соседствующих волостях. В татарских - на 12 деревень приходилось 12 мечетей, а в башкирских - на 43 населенных пункта всего 18.

Может быть, дело в различном отношении к религии у татар и башкир, которое замечали исследователи? В середине XIX в. В.М. Черемшанский отмечал, что «по вере своей татары... правила Корана исполняют гораздо тверже своих единоверцев» (14, 168). К концу того же столетия С.Р. Рыбаков писал, что «в религиозном отношении башкиры также верные сыны Ислама, но чуждые той фанатичности, которую мы отмечаем у татар» (10, 15-16).

Тем не менее, Ислам сопровождал любого мусульманина всю его жизнь, от рождения, когда ребёнку давали постоянное имя после чтения молитвы «казан», и до самой смерти, когда, проводив его в последний путь, поминали, приглашая для чтения молитв муллу (4, 93, 118).

Исламская религия регламентировала не только порядок и устройство жизни мусульманского населения края, она оказывала большое влияние на развитие духовной культуры и самое главное образования. Именно религиозные учреждения выступали в роли культурных и образовательных центров.

В каждой деревне при мечети имелось религиозное учебное заведение – мектебе (или мектеб – школа) или медресе (училище), преподавали в них местные муллы (16, 60). Директор училищ в Оренбургском крае писал практически в то время: «Мусульманские школы помещаются или в особо устроенных для того домах жертвователями, или же самими учителями (муллами), или в домах мулл и содержатся за счет учащихся» (8, 459). Здесь преподавали Коран, основы грамоты, умение писать арабским шрифтом.

В 1868 г. на территории Катайской волости было десять мектебе, то есть при каждой мечети, а также два в населенных пунктах Искандерово и Сулейманово, где мечети отсутствовали, но и здесь преподавание вели духовные лица. В учебных заведениях совместно учились и мальчики и девочки. В татарских волостях картина выглядела иначе. Например, в Ичкинской волости только в

одном Альменево было пять учебных заведений, в остальных четырёх населенных пунктах по одному, но здесь учились только мальчики и дети зажиточных татар. Всего в них на тот год обучалось 222 ученика (15, 337 – 338).

В Аджитаровской волости медресе действовали в деревнях Карасево, Мансурово, Аджитарово (по 1 медресе), Сулюклино (2 медресе), Сафакулево (3 медресе) а всего в них обучалось 212 человек (1, 248).

1860–е г. прошли под знаменем знаменитых реформ, проводимых Александром II, которые затронули практически все сферы общественной жизни, от крестьянского вопроса до цензуры (13, 130- 135).

Реформы коснулись и начального народного образования. 14 июля 1864 г. Александром II было подписано «Положение о начальных народных училищах» подробно регламентирующее их работу. Хотя в 1–й статье и было определено что «Начальные народные училища имеют цель утверждать в народе религиозные и нравственные понятия и распространять первоначальные полезные знания» (практически она применима к медресе и мектебе), однако это положение не распространялось на «иностранное» образование, хотя в статье 6–й и говорилось, что «в училища могут быть принимаемы дети всех сословий без различия вероисповедания» (9, 411- 412).

Не случайно даже в начале XX в. один из исследователей мусульманского образования писал: «Образование мусульманского населения на его родном языке до сих пор носит частный характер. Ни государство, ни земство в насаждении магометанских школ ни какого участия не принимали» (6, 7).

Список литературы

1. Абрамовских Н.В. История Сафакулевского района// История Курганской области (Далматовский, Каргапольский, Мишкинский, Сафакулевский, Альменевский, и Куртамышский районы в досоветский период). Том 5. - Курган, 1999.
2. Адрес-календарь и памятная книжка Оренбургской губернии на 1899 г.: Приложение. Оренбург, 1899.
3. Асфандияров А.З. Башкирия после вхождения в состав России (вторая половина XVI – первая половина XIX в.). - Уфа, 2006.
4. Бикбулатов И.В., Фаттыхова Ф.Ф. Семейный быт башкир в XIX-XX вв. М., 1991.
5. ГАКО. Ф.№ Р.1565. Оп.1. Д. № 4. Л. 104 об.
6. Обухов М.И. Мектебы Уфимской губернии. Статистический очерк татарских и башкирских низших школ (мектебов) Уфимской губернской земской управы 1912-1913 года. Уфа, 1915.
7. Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российской империи. Кн.2. СПб., 1786. ч 2.
8. Попов. Записка об образовании мусульман Оренбургского края, директора училищ Попова// Сборник документов и статей по вопросу об образовании иностранцев. СПб., 1869.
9. Реформы Александра II. М., 2001.
10. Рыбаков С.Г. Музыка и песни Уральских мусульман с очерком их быта. СПб, 1897.
11. Список населенных мест. Оренбургская губерния, 1866. Уфа, 2006. Ч.2.
12. Татары. М., 2001.
13. Хронология Российской истории: Энциклопедический справочник/Под ред. Ф. Конта; пер. с фр. Я. Бегданова. М., 1994.
14. Черемшанский В.М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно – статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. - Уфа, 1859.
15. Щур В.М. История Альменевского района// История Курганской области (Далматовский, Каргапольский, Мишкинский, Сафакулевский, Альменевский, и Куртамышский районы в досоветский период). Курган, 1999. Т. 5.
16. Юнусова А.Б. Ислам в Башкортостане. Уфа, 1999.

О.Ю. Бабушкина
Институт повышения квалификации и
переподготовки работников образования
Курганской области, г. Курган

СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ ПРАВОСЛАВНОГО ПРИХОДСКОГО ДУХОВЕНСТВА В XIX НАЧАЛЕ XX ВВ.

Православное приходское духовенство, в отличие от черного (монашеского), состояло из лиц женатых и представляло собой замкнутое сословие. В зависимости от обязанностей при исполнении церковных обрядов оно делилось на три группы: священников, диаконов и причетников. Священником являлся священнослужитель, который выполнял главную роль в церкви – совершение обрядов и таинств. Он также являлся главой причта и обладал административной властью над остальными священно-церковнослужителями. Диакон тоже являлся священнослужителем, но в его обязанности входило только оказание помощи священнику при совершении таинств и обрядов богослужения. Третья ступень приходского духовенства – причетники, которые не имели статуса священства и являлись только церковнослужителями. Они выполняли эстетическую функцию, придавая пышность и торжественность службе. К причетникам относились дьячки и пономари, в обязанность которых входило чтение священного писания и пение на клиросе. В конце XIX в. все причетники были переименованы в псаломщиков (11, 32). Остальные лица, обслуживающие церковь и церковную службу, (певчие, звонари, сторожа, просвирни), принадлежали к сословию только в том случае, если происходили из семей духовенства (8, 25).

Древние каноны разрешали людям, намеревавшимся принять сан священника или епископа, пребывать в браке, если их союз носил вполне христианский характер. «Кто по святом крещении двумя браками обязан был или наложницу имел, тот не может быть епископом, ни пресвитером, ни диаконом, ни членом священного чина» (1). Строгие требования предъявлялись и к жене священника: «Взявший в супружество вдову, или разведенную женщину, или блудницу, или рабу, или актрису, не может быть епископом или пресвитером, или диаконом, или вообще в числе духовенства» (1).

Семья для священника играла главную роль в решении социальных и служебных вопросов. При назначении на штатное место обязательным условием являлось наличие семьи, и только потом рассматривался образовательный уровень священнослужителя и его личные качества. Михаил Егорович Агофонов, окончивший полный курс семинарии, овдовел в 25 лет. В результате, он не был рукоположен в сан, а состоял дьячком в церкви с. Иковского Курганского уезда (6, 14). Жениться второй раз разрешалось только церковнослужителям. Овдовевший священник должен был принять постриг или, при наличии малолетних детей и других иждивенцев, мог остаться служить на прежнем месте, но под пристальным надзором епархиальных властей.

Смерть самого священника ставила в зависимое положение от епархиальной казны вдову и сирот. Однако и положенное пособие от попечительства выплачивалось редко. Под разным предлогом, чаще всего из-за несостоятельности казны, на прошения отвечали отказом. Поэтому большинство вдов и сирот находилось на иждивении у ближайших родственников, либо вдовы зарабатывали сами печением просфор. Просвирня, являясь членом причта, получала плату от прихожан и пользовалась хлебными сборами. Экономическая выгода епар-

хиальной казны подвигла к изданию указа, вышедшего в 1839 г., запрещающего женщинам из других сословий занимать просвирнические места (8, 84).

Просвирническая должность влияла на размер единовременного пособия, выплачиваемого попечительством по прошению вдовы. Тем просителям, которые зарабатывали на жизнь своим трудом, пособие выделялось наполовину меньше, чем неработающим. В 1906 г. просвирне Борисоглебской церкви г. Москвы Марии Седыгиной, вдове священника Покровской церкви с. Байдарского Курганского уезда, на основании Устава о пенсиях и единовременных пособиях, утвержденного 3 июня 1902 г., было выплачено пособие в размере 150 рублей (полугодовой оклад полной пенсии штатного священника) (2, 1-10). В этом же году вдове священника Знаменской церкви с. Мостовского Курганского уезда Евлампии Добровой было выплачено единовременное пособие в размере 300 рублей (3, 5).

Социальная система защиты духовного сословия оказала влияние и на внутрисемейный уклад духовенства. Семья священно-церковнослужителя представляла собой традиционный патриархальный тип семьи, основными характеристиками которой являлись следующие показатели: ранний возраст вступления в брак; экономические, в данном сословии и карьерные мотивы вступления в брак; высокий уровень рождаемости. В отличие от патриархальной крестьянской семьи, которая, в силу своей материальной несамостоятельности входила в состав семьи родителей, молодой семье священнослужителя приходилось жить отдельно от родственников, руководствуясь в выборе места жительства назначением епархиального начальства. Исключением были те случаи, когда на иждивении молодого пастыря находился кто-нибудь из родителей или другие родственники, не имевшие собственной семьи.

Принцип наследования места настоятеля в приходе, несмотря на официальный запрет во второй половине XIX в., сохранялся до советского периода. Более того, наследование прихода вызывало одобрение в церковных кругах. В апреле 1899 г. в с. Кривинском Курганского уезда происходило чествование протоиерея Петра Васильевича Бурова, прослужившего четверть века в должности благочинного. В торжественной речи по случаю этого праздника неоднократно упоминалось, что «юбиляр несколько раз был приглашаем продолжить свою службу в разные города Тобольской епархии. Но он, не желая покинуть место своего родителя, пребывает со дня рукоположения в сан священника (14 ноября 1864 г.) в приходе с. Кривинского, который более ста лет занимаем родом Буровых – дедом, отцом и братом юбиляра» (10, 254 - 263).

Патриархальные устои семьи, в частности, сословная замкнутость, вступили в противоречие с либеральными тенденциями в социальном развитии России второй половины XIX в. Желание духовенства соблюсти приличие требовало строгого следования традиции и церковным канонам, что на начальном этапе буржуазных реформ удавалось вполне успешно. Однако внешнему проявлению разрушающихся сословных отношений предшествовала внутренняя борьба, поразившая почти каждое большое семейство. Об этом свидетельствуют документы личного характера лиц духовного звания. Сельский священник Николай Вознесенский из средней полосы России в письме своему другу А.В. Преображенскому, преподавателю греческого языка в духовном училище г. Бамут, в 1897 г. писал: «Живу я в том же самом приходе, куда и поступил сначала. Приходом и прихожанами своими я вполне доволен, и хорошо бы жилось, но враг наш диавол не желает добра: он собрал в одно место родственников с самыми противоположными характерами и воззрениями на жизнь и в отношениях наших произвел

такой ад, что и описать трудно: везде вражда, злоба и недоверие. Одно дело судебное не оканчивается, а другое уже начинается. Не знаю, чем все оканчивается. Утешусь только тем, что во всех злокозненных делах я не принимал никакого участия, хотя и меня так или иначе стараются запутать» (9,3–3 об.).

Династия священнослужителей Флоринских – Кокосовых, сложившаяся в Шадринском уезде, наглядно демонстрирует процесс распада духовного сословия. Уже в третьем поколении ни один из пятерых сыновей священника Ивана Яковлевича Кокосова (1847 – 1905), получивших семинарское образование, не стал священно-церковнослужителем. Старший сын Владимир Иванович стал адвокатом. Второй сын Михаил Иванович после окончания Пермской семинарии поступил в Томский университет на медицинский факультет, а позже работал врачом в Далматовской земской больнице. Третий сын Иван Иванович начал свою трудовую деятельность в почтовом ведомстве в г. Уфе. В 1928 г. он был отозван в Москву и назначен членом коллегии Наркомтруда СССР. Четвертый сын Геннадий Иванович был исключен из Пермской духовной семинарии как предводитель семинарского бунта. Стал профессиональным революционером. В 1905 г. сражался в Сормове на баррикадах и потерял руку. Умер в Крыму от туберкулеза. Пятый сын Аркадий Иванович окончил Тобольскую духовную семинарию. В 1913 г. был заведующим земского начального училища в с. Ключи Шадринского уезда (7, 5-7).

Во второй половине XIX – начале XX вв. семейная жизнь приходского священника, являясь неотъемлемой частью его служебной деятельности, оказалась втянутой в процесс реформирования церковно-приходской жизни. Преобразования духовного сословия в России проходили по трем направлениям: повышение материального обеспечения приходского духовенства, приоритет профессионального образования и привлечение прихожан к более активному участию в делах своего прихода. Реформа 1869 г. ограничила круг духовных лиц только действительно состоящими на службе священно-церковнослужителями. Их дети и родственники уже не являлись представителями духовного сословия, а значит, автоматически переставали работать механизмы социальной защиты. Дети священно-церковнослужителей, получившие право на гражданское образование, оказались в ситуации выбора. Повсеместное обсуждение жизни и деятельности самого замкнутого сословия не способствовало повышению его авторитета в обществе. Напротив, этим обстоятельством в большей степени был обусловлен отток наиболее образованной части духовенства в радикальные слои общества.

Семейная жизнь православного духовенства под влиянием буржуазно-либеральных реформ во второй половине XIX – начале XX вв. начинает изменяться. Обусловлено это было тем, что вопрос об организации частной жизни духовенства на протяжении многих столетий являлся дискуссионным и вновь становился на повестку дня в период преобразований в обществе. Так, в 1920-е годы представители обновленческого раскола одним из первых предложений для обсуждения внесли вопрос о введении белого епископата и о разрешении второбрачия священников. Таким образом, реформы XIX в. в отношении лиц духовного звания не достигли желаемых результатов, а способствовали в значительной мере разрушению семейного уклада православного приходского духовенства.

Список литературы

1. <http://pravbeseda.org>
2. ГАКО. Ф.235. Оп.1. Д.10. Лл.1 -10.

3. ГАКО. Ф.235. Оп.1. Д.11. Лл. 5.
4. ГАКО. Ф.235. Оп.1. Д.154. Л.33.
5. ГАКО. Ф.236. Оп.2. Д.108. Лл.3 об. – 4.
6. ГАКО. ФИ-235. Оп.1. Д.204. Л.14.
7. ГАОПДКО. Ф.6966. Оп.1. Д.3. Лл.5-7.
8. Мангилева А. В. Духовное сословие на Урале в первой половине XIX в. (на примере Пермской епархии). Екатеринбург, 1998. С.25, 84
9. РГИА. Ф.1109. Оп.1. Д.115. Лл.3–3 об.
10. ТЕВ. 16.07.1899. № 14. С.254 - 263.
11. Христианство: Словарь/ Под ред. Л.Н. Митрохина. М., 1994. С. 32, 383.

К.Е. Баженова

Нижнетагильская Государственная Социально-Педагогическая Академия, г. Нижний Тагил

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОХАНСКОГО УЕЗДНОГО КОМИТЕТА ВСЕРОССИЙСКОГО ЗЕМСКОГО СОЮЗА ПОМОЩИ БОЛЬНЫМ И РАНеным ВОИНАМ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В отечественной историографии накоплен немалый опыт исследований различных аспектов проблемы «Первая мировая война и российское общество» (9). Однако многие вопросы деятельности общественных организаций, в том числе Всероссийского Земского и Городского Союзов, исследованы в основном в общероссийском масштабе.

Ощущается недостаток работ, посвященных деятельности региональных организаций союза земств. Актуальным является изучение их организационного устройства, основных направлений, форм и результатов работы, механизмов взаимодействия с общественностью, центральными и местными органами власти. В частности, требуют дальнейшего исследования вопросы организации снабжения и снаряжения армии, оказания помощи увечным и потерявшим трудоспособность воинам, организации специальной врачебной и медицинской помощи больным и раненым, участия в деле борьбы с заразными болезнями, оказания помощи военнопленным, беженцам. Необходимо на региональном и локальном уровне изучить роль Земского и Городского Союзов в общественной жизни в годы Первой мировой войны.

Первая мировая война в небывалых ранее масштабах обнажила необходимость мобилизации всех национальных ресурсов страны для успешного ведения военных действий. Решение данной задачи было невозможно без взаимодействия правительства и общества, общественной поддержки усилий государства. В обстановке патриотического подъема начала войны в России возникают новые и активизируют свою деятельность имеющиеся общественные организации, деятельность которых была направлена на мобилизацию ресурсов тыла для оказания помощи фронту. Одними из них стали Земский и Городской союзы, которые развернули активную работу в этом направлении.

12 августа 1914 года был создан Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам. Пермское губернское земство в августе 1914 года вступило в его состав и организовало Пермский губернский комитет Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам (1). Основная деятельность этого комите-

та сводилась к принятию на излечение эвакуируемых с театра военных действий больных и раненых воинов и подготовке местных госпитальных учреждений.

В работе Пермского губернского комитета активно принимали участие девять уездных комитетов Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам: Екатеринбургский, Верхотурский, Кунгурский, Камышловский, Красноуфимский, Осинский, Соликамский, Шадринский и Оханский (2).

Оханский уездный комитет Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам официально был открыт 26 августа 1914 года. Этому событию предшествовало совещание представителей городской администрации, в результате которого в ответ на запрос губернской управы было постановлено оборудовать в городе Оханске 50 коек для раненых воинов (3).

Учитывая отсутствие больничных мест, госпиталей и медицинского персонала, которые находились в распоряжении Военного ведомства, уездный комитет признал необходимость организовать самый широкий сбор пожертвований, как деньгами, так и вещами и продуктами. С этой целью он выпустил воззвание к населению о пожертвованиях и обратился к волостным правлениям уезда с особой просьбой – предложить к обсуждению вопрос о пожертвованиях на сельских сходах. На эту просьбу откликнулись и все кооперативные учреждения, которые открыли специальный счет в кассе мелкого кредита Оханского земства. Кроме того, более чем 500 лиц (большинство – служащие земства, проживающие в уезде) приняли на себя обязанности сборщиков пожертвований, и только три человека отказались принять участие. Пожертвования полились широкой рекой (8).

Местное население предоставило помещения для лечения больных и раненых воинов. Решено было разместить 50 больничных коек в частных домах. Однако эти дома находились в неудовлетворительном состоянии. Выбор комитета пал на старое здание реального училища, так как содержать 50 лазаретных коек в одном помещении было дешевле.

Вся общественность Оханска активно стала взаимодействовать с уездным комитетом в работе по оборудованию лазарета.

В здании земской управы была устроена мастерская по изготовлению белья. Местным населением во временное пользование были даны железные кровати и подушки. В зале заседания земских собраний и частных домах с утра до позднего вечера безостановочно работало свыше двадцати ручных и ножных швейных машин (4).

Участие населения в деле помощи раненым носило высоко патриотичный и гуманный характер.

На Нытвенском заводе по инициативе гласного земства и члена уездного комитета Н.А. Гейкинг возникла общественная организация, которая содержала за счет местных пожертвований местный лазарет на 10 коек. Средства для этой организации отчислялись из ежемесячных жалований служебного персонала завода и различных учреждений, заработной платы заводских рабочих, ежемесячных и единовременных пожертвований местных жителей. Все эти поступления давали ежемесячно свыше 400 рублей (5).

Местный купец Д.Е. Лобашев бесплатно уступил принадлежащий ему дом под Нытвенский лазарет. В связи с тем, что дом купца мог вместить более чем 10 коек, председатель уездного комитета расширил местный лазарет до 22 коек и предложил отнести расходы по его оборудованию и содержанию за счет средств комитета. Нытвенская организация согласилась на это и объединилась с уездным комитетом. Собранных ими средств вполне хватило на содержание данного лазарета с 22 кроватями.

Поступление больных и раненых воинов в Пермскую губернию началось с 7 сентября 1914 года (7). В течение всего сентября и октября оно было крайне медленным вследствие недостатка санитарных поездов для перевозки раненых и небольшого числа эвакуируемых через Нижний Новгород на пароходах.

Таким образом, предпринятые хлопоты и затраченные средства по оборудованию лазаретов в Оханском уезде Пермской губернии оказались по большей части не реализованными.

Самое большое заполнение лазаретов было в Оханске – 106 человек, а в Нытве – 22. На плечи Оханского лазарета пала основная доля по содержанию больничных коек в уезде по сравнению с другими госпитальями.

Статистические данные по оборудованию двух лазаретов в Оханске и Нытве из годового отчета от 1 января 1915 года Оханской уездной управы Пермскому земскому собранию 45-й очередной сессии подробно указывают на это (6) (табл. 1).

Затраты эти были очень скромны, если сравнить их с принятыми в расчет Центральным Комитетом Союза (оборудование госпитальной койки – до 150 рублей, а ежемесячное содержание – 40 рублей). Незначительность затрат объясняется прежде всего отзывчивостью местного населения, его бесплатным трудом, бесплатным предоставлением помещений, предметов оборудования лазаретов и продуктов их содержания, а также разницей в ценах на продукты, товары и услуги в столицах, губернских центрах и провинциальной глубинке. Медицинский надзор и уход за больными и заведывание хозяйством были так же бесплатными. Всё это вместе взятое удешевило оборудование и содержание лазаретов не на одну тысячу рублей.

После событий 1915 года земская помощь больным и раненым воинам, а также воинам в действующей армии не ограничивалась лишь устройством и содержанием госпиталей, хотя этот вид деятельности Оханского уездного комитета оставался одним из основных на протяжении всей Первой мировой войны. Материальные затраты и усилия, затраченные на изготовление белья, одежды, обуви и сбора подарков для отсылки в действующую армию, особо возросли после 1916 года. Это было связано с продовольственным кризисом и всеобщим дефицитом товаров народного потребления.

На последних страницах каждого номера «Пермской земской недели» и «Пермских ведомостей» за 1916 год печатались описи и отчеты по заготовке белья, теплой одежды, разных припасов (табака, папирос, бумаги, спичек, соли, ложек, кружек, сухарей, сливочного масла, сахара и т.п.), предметов личной гигиены, рождественских и пасхальных подарков для армии от местных комитетов, которые входили в состав Пермского губернского комитета Всероссийского Земского Союза помощи больным и раненым воинам.

По субботам Оханским уездным комитетом были организованы табачный и кружечный сборы, итоги которых публиковались на четвертой странице каждого номера «Пермских ведомостей». Ежегодно в первых тринадцати номерах (до празднования Пасхи) велся итоговый годовой подсчет благотворительных сборов для раненых и больных воинов с указанием имен жертвователей.

Основная деятельность Оханского уездного комитета в годы Первой мировой войны сводилась к оказанию помощи семьям призванных, сиротам, больным и раненым воинам, а также воинам в действующей армии. Особо стоит отметить его высокую организацию в создании крупнейшего в уезде лазарета в Оханске. Без поддержки местного населения, его широкой благотворительной деятельности, проявления человеческой соли-

дарности вряд ли комитет был бы в состоянии внести свой вклад в дело защиты Отечества. Благодаря отзывчивому отношению населения комитет оказался в состоянии не только оборудовать и содержать лазареты своими средствами, не затрачивая средств центральной организации, но и расширить первоначальные свои задачи.

В условиях нестабильного социально-экономического и политического положения, в котором Россия пребывала на протяжении войны, успешная деятельность Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам по санитарно-медицинскому обеспечению нужд армии, семьям призванных, явилась прологом к активному участию либеральной общественности в жизни страны.

Список литературы

1. ГАПК. Ф. 515. Оп. 1. Д. 3. Л. 51.
2. ГАПК. Ф. 515. Оп. 1. Д. 9. Л. 52. Л. Об.
3. Пермская земская неделя. 1915. №5. С. 23.
4. Пермская земская неделя. 1915. №5. С. 24.
5. Пермская земская неделя. 1915. №5. С. 24.
6. Пермская земская неделя. 1915. №6. С. 29.
7. Пермская земская неделя. 1915. №7. С. 22.
8. Подробный отчет о них помещен в «Пермской земской неделе». 1915. №2.
9. Судацков Н.Д. Земское и городское самоуправление России в годы Первой мировой войны. М.-Ставрополь, 2001; Он же. Земство в годы Первой мировой войны // Земское самоуправление в России, 1864-1918: в 2 кн. М.: Наука, 2005. Кн. 2: 1905-1918. С. 237-316. – 2005; Шевырин В.М. Земский и городской союзы (1914-1917). М., 2000; Он же. Власть и общественные организации в России (1914-1917). М., 2003; Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914-1917). Рязань, 2004; Туманова А.С. Самодержавие и общественные организации в России. 1905-1917 годы: Монография. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2002; Шубин Н.А. Общественные организации и государственные структуры в Первую мировую войну: опыт сотрудничества в снабжении фронта // Армагеддон. Актуальные проблемы истории, философии, культурологии. Кн. 3. М., 1999. С. 78-93; Богатырева Л.В. Кадеты и общественные организации в 1905-феврале 1917 гг.: Автореф. дис. ... канд.ист.наук. М., 2000; Асташов А.Б. Всероссийский союз городов в 1914-1918 гг. Автореф. дис. ... канд.ист.наук. М., 1994; Он же. Союзы земств и городов и помощь раненым в Первую мировую войну // Отечественная история. 1992. №6. С. 169-172; Он же. Организационное устройство и социально-политический состав Всероссийского Союза Городов // Постигая историю России: Сб. статей. М., 1997. С. 20-30; Цовян Д.Г. Деятельность государственных органов и общественных организаций по оказанию помощи беженцам в годы Первой мировой войны. 1914-1917 гг.: Автореф. дис. ... канд.ист.наук. М., 2005; Юрий М.Ф. Буржуазные общественные организации в период Первой мировой войны. 1914-1918 гг.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Черновцы, 1990.

Таблица 1

Оборудование и содержание лазаретов.

	Оханский	Нытвенский
Оборудование	4062,95 р.	714,12 р.
Содержание	1469,19 р.	386 р.
Медикаменты и перевязочные средства	237,87 р.	122 р.
Всего	5770,01 р.	1222,12 р.
Оборудование каждой койки (в среднем)	31,25 р.	32,46 р.
Ежемесячное содержание каждой койки (в среднем)	12,39 р.	12,27 р.

Составлено и подсчитано по: Пермская земская неделя. 1915. №6. С. 29.

Ф.Б. Бондаренко
ФГО СПО Екатеринбургский колледж
транспортного строительства, г. Екатеринбург

ЯРМАРКА – КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН В ОБЩЕСТВЕННОМ БЫТУ ГОРОЖАН ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ (КОНЕЦ XVIII - ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX В.)

Ярмарка, помимо своей основной экономической функции – развития торговых товарно-денежных связей – служила в этот период также концентрированным отражением господствующих культурных и общественных отношений участников товарообмена. Нарастающее влияние города на эти экономические явления обуславливало то, что основные торжища на территории Пермской губернии происходили в городах Ирбите и Шадринске. Однако глубинную основу ярмарочной деятельности в крае определяло крестьянское мировосприятие. Самые активные и деятельные ее участники – купеческие и мещанские сословия – в своей культурной среде сохраняли традиционные крестьянские стереотипы. Даже сроки проведения ярмарок в своей основе представляли симбиоз православного и традиционного сельскохозяйственного календаря, а процесс торговли превращался в яркий праздник, имевший определенную сакральную характеристику.

Данную связь отмечал В. Ильин: «Почти все ярмарки и торжки образовались в дни приходских церковных праздников и в эти сроки утверждены впоследствии правительством. Окрестные жители обыкновенно собирались к приходскому празднику в какое-либо село или слободу, обычай этот год от года укоренялся более и более, при большом сборище народа обыкновенно производилась торговля сначала съестными припасами и лакомствами, а потом, расширяясь, мало-помалу переходила в торжок, который в свою очередь, увеличиваясь год от года, образовывал ярмарку, иногда, довольно значительную» (2, 24). Также считает и более поздний исследователь Р.М. Кабо: «Почти все ярмарки происходили в один из церковных праздников» (3, 126).

Немаловажную деталь сущностной связи ярмарочной культуры с крестьянской средой отмечает исследователь М.Ф. Ершов: «Ярмарки и торжки, помимо генетических связей с предшествующими им крестьянскими праздниками, оказывались также близки им своим отрицанием повседневности, игровыми ситуациями, субъективными проявлениями. Рискованные торговые сделки, совершаемые одними, закупка товаров для длительного личного потребления другими, извлечение выгоды от обслуживания третьими – все это создавало атмосферу взвинченности, убыстрения ритма жизни» (2, 24).

Подробное описание особенностей ярмарки в городах Урала приводит в своей монографии А.И. Куприянов: «Ярмарочное веселье нарастало постепенно. Обычно в день открытия ярмарки утром в городском соборе служили молебен, на котором обязательно присутствовали городские власти и «лучшие прихожане». После окончания службы верующие совершали крестный ход на ярмарочную площадь, где духовенство служило еще один молебен. Иногда торжественная часть торжественного ярмарочного дня включала и некоторые дополнительные мероприятия, рассчитанные на то, чтобы подчеркнуть важное значение этого события» (5, 139). Следует также отметить, что по мере роста экономического значения проводимых ярмарочных торжищ религиозная со-

ставляющая уменьшалась. Хотя традиция торжественных молебнов при открытии, освящения торговых рядов продолжалась и в дальнейшем.

Все описанное выше полностью характеризует процесс ярмарочных торгов и сопутствующих им событий, происходивших на известной в тот период Ивановской (Крестовской) ярмарке в пригороде Шадринска. Однако наиболее яркой и объемной по масштабу была все же известная в те же годы Ирбитская ярмарка, слава которой дошла до наших дней.

Рост оборотов ярмарочной торговли Ирбита в первой половине XIX в. был неоспорим несмотря на неблагоприятные внешнеполитические факторы. Так, «в 1809 г. сумма привоза товаров составляла 3,5 млн рублей ассигнациями, к 1824 г. увеличилась до 7 млн, а в 1829 г. равнялась уже 10,8 млн рублей» (5, 13). Обильно сдобренное сибирским золотом торжище во второй четверти XIX в. получило огромный прирост товарооборота. Если «в 1839 г. привоз реализуемых в Ирбите товаров укладывался 11,9 млн рублей серебром, в 1845 г. он вырос до 22,25 млн рублей, а в 1850 г. – до 35,8 млн рублей. В целом за истекшее двенадцатилетие обороты торжища почти утроились» (5, 13).

Столь резкий рост оборота капиталов позволил ирбитским обывателям без оглядки на коронную администрацию преобразовывать архитектурный облик города. «В 1844 г. центр Ирбита украсил надстроенный Гостинный двор, в 1850 г., устав ждать ассигнований из имперского бюджета, горожане за свой счет построили здание биржи. Уловив мажорные веяния, богатеи вкладывали сбережения в недвижимость, так называемые доходные дома с амбарами и конюшнями для постоя торговцев» (5, 13).

Большой проблемой в первой половине XIX в. для успешного функционирования ярмарки стала нехватка оборотных капиталов. Из-за отсутствия банковских структур пышно расцветало ростовничество. «Капиталистские лица, – свидетельствовал очевидец, – беззастенчиво эксплуатировали торговый класс» (5, 18). Средства выделялись под высочайший процент и короткие сроки погашения, что для огромных просторов при отсутствии стабильно функционирующих торговых путей в Сибири зачастую приводило к банкротству негодяев. Невзирая на все меры административно-полицейского аппарата переломить ситуацию в кредитной сфере не удавалось. Выход был найден в создании банковской структуры. Несмотря на противодействия со стороны Министра финансов П.Ф. Брока по просьбе железнозаводчиков Урала и протекции некой «персоны царствующего дома» в 1846 г. был учрежден филиал Коммерческого банка в Екатеринбурге. Основной его функцией была выдача ссуд под залог металлов, складываемых на пристани Чусовой до начала навигации. Таким удобным случаем не преминуло воспользоваться ярмарочное общество Ирбита. С февраля 1848 г. в городе начало функционировать подразделение Екатеринбургской конторы, которой поручалось выполнять «важные операции: прием вкладов для трансферта и выдача ссуд под учитываемые (т.е. оплачиваемые банком за известный процент) векселя, переводимые для расчетов по ним в Москву, Санкт-Петербург и другие ярмарочные центры» (5, 18).

Изменению ассортимента товаров на ярмарке способствовала отмена с 1801 г. запрета экспорта металлов в страны Востока. Хотя по-прежнему большая часть этого сегмента рынка доставалась государству, на Ирбитской ярмарке отмечался заметный рост продаж. «Отсюда разномарочное железо и сложные «цеховые фабрики» металлоизделий сплавлялись весной до Томска. Инструмент же, легковесную кухонную утварь развозили

санным путем или караванами, возвращавшимися в Хиву и Бухару. Примечательно, что набор среднеазиатских купцов, не забывавших о подносах, зеркалах, пуговичках, иголках-нитках, обязательно включал медь, из которой в Бухаре и Самарканде наряду с приготовлением посуды чеканилась монета. Приноравливались к бытовому укладу, религиозным верованиям «азиатов», ковали и отливали для них тагильские, невьянские, кыштымские, суксунские умельцы топоры, котлы, кувшины, тазы. Россиянам же предназначались медные и латунные самовары, кастрюли, затейливая фурнитура: дверные и оконные ручки, шпингалеты, замки. На емкость Ирбитского металлорынка указывает тот факт, что в 40-50-х гг. XIX в. ею, помимо уральских, обслуживали и Алтайские медеплавильные заводы» (5, 22).

На этот период пришлось начало культивирования в южных губерниях России сахарной свеклы, что привело к замене импортного тростникового сахара на отечественный – белоснежный, малороссийский сахар. Все это привело к заметным изменениям в широко распространившейся по стране культуре чаепития. На равных с медом широкими слоями населения стал потребляться сахар. «Крупнейшие его партии, десятками, а то и сотнями бочек, закупали в Ирбите оптовые фирмы сибиряков. Остатки «склевывались» местными пронырами, безбожно взвинчивавшими розничные цены» (5, 23). Все чаще застолья, которыми завершались удачные торговые сделки, сопровождалось потреблением горячительных напитков, а не только чая. Исключение не составляли среди торговцев и приверженцы старообрядческой и исламской веры. Застолья сопровождалось горячительными напитками и среди них: «Зазывно пестрели яркими этикетками бутылки «хереса», «мадеры», «кликло» и не менее прославленных вин. Хмельной арсенал имел по преимуществу отнюдь не заморское происхождение. Хитрюги лавочники вытворяли чудеса с... кизлярским чихирем. Кое-кого, правда, угощать суррогатами остерегались, личностям именитым, мундирным предлагали вина натуральные, импортные или отечественные: донские, грузинские, крымские. А уж шкаликов водки на морозце, с устатку да при встречах-расставаниях опрокидывалось бесцельно. Умеренно облагавшаяся налогами виноторговля была архиприбыльной, вот и холили-нянчили ее приверженцы раскола, сами в рот не бравшие «богопротивного» зелья» (5, 26-27).

Все эти многодневные загулы православного купеческого сословия, несомненно, свидетельствовали о сохранении рудиментарных черт древнего крестьянского праздника. Так, А. Серафимов, описывая Крестовскую ярмарку, отмечал ее негативные стороны с «отвратительными сценами, действующими лицами которых бывают пьяные, придающиеся по случаю удачной торговли грубым чувственным удовольствиям купцы и развратные женщины» (2, 25).

Помимо алкоголя, застолья православных все чаще сопровождалось курением табака. «Гаванской сигарой, роскошно инкрустированной трубкой в зубах подчеркивали хлыщеватые выскочки «благородство» наследственности и манер. Форсунов не смущало, что колониальный табачок нередко подменялся «ароматизированным» доморощенным. Как-то на ярмарке 1846 г. инспектор Пермской губернской палаты обнаружил подделку у комиссионеров известного московского фабриканта, которые выдавали дурные сигары за первоклассные. Следствие с допросами подозреваемых, живших в отдаленных городах, тянулось два с лишним года. Дознались сыскари, что подмену «неумышленно» совершили рабочие-упаковщики. Суд определил: арестованные сигары пере-

сортировать, а владельца фабрики И. Плотлера наказать за ротозейство половинным штрафом» (1, 23).

После напряженного рабочего дня торговый люд старался снять накопившуюся усталость. Набор развлечений был довольно типичным для того времени. Степенное, нестесненное финансами купечество, особенно старообрядцы, коротало время в обществе приятелей в снимаемых квартирах. За уставленными богатыми яствами столами решали финансовые проблемы, заключали торговые сделки, обсуждали узко корпоративные дела. Для торгового люда на поприще основным увеселением становился балаган. Его всеми узнаваемые персонажи, сыпавшие непристойными остротами, знакомые сюжеты и весьма демократичная плата за входной билет были залогом успеха представления у рядовых участников ярмарки. Этот феномен развлечения для простого люда описывал в своих записках немецкий ученый К.Ф. Ледобур, посетивший Ирбитскую ярмарку в 1826 г.

Заметным явлением в культурной жизни ярмарок в 40-е гг. XIX в. стали выступления профессионального театра П.А. Соколова из Екатеринбурга. При этом труппа сразу столкнулась с трудностями при формировании репертуара. У большинства участников торжища большим успехом пользовались водевили, гротесковые комедии. Более классический репертуар оказался не востребован, и представления зачастую шли с полупустыми залами. Основным конкурентом у театральной труппы в борьбе за зрителя выступил цирк. Торговый люд более охотно шел на представления, где не требовалось особых раздумий, сопереживания. Клоуны, эквилибристы, факиры – вызывали восторг у публики. «Черту подвел роковой для антрепренера Соколова 1857 г.: сборов на торжище оказалось настолько мало, что нечем было расплатиться с артистами. Блистательно дебютировавшая труппа, к огорчению истинных почитателей, распалась» (1, 25).

Присутствие на ярмарке людей, владеющих значительными капиталами, привлекало сюда и мошенников всех мастей, которые играли на порочных страстях обывателей. Одним из таких проявлений стала картежная игра: фараон, штос и другие разновидности. Огромные состояния проигрывали торговцы профессиональным командам карточных шулеров. Родовые поместья, казенные деньги – все сгорало в топке человеческих страстей. Даже указ Николая I, запрещавший азартные игры, не смог истребить этот порок. На ярмарках под видом легальных «коммерческих игр» со строгими правилами сохранились запрещенные, со всеми вытекающими пагубными последствиями.

Так, большой знаток ярмарочной жизни Н.М. Чукмалдин отмечал некоего отставного чиновника из Тюмени Кунжакова. «Карточными манипуляциями «спроворил» тюмонец богато обставленные гостеприимные хоромы. В прочем, горе преступившему бессмертную заповедь: не рой яму другому... нарвался-таки Кунжаков в Ирбите на шулера-асса, обчистившего непобедимого «маэстро» до нитки. Опозорившегося хватил удар, а кунжаковская семья разом потеряла и кров, и довольства, и луватцев благодетелей» (1, 26).

Следует согласиться с мнением А.И. Куприянова: «Ярмарки вносили значительное оживление в досуг городских жителей. Не являясь праздниками, они в силу своей внутренней структуры создавали в городе праздничную атмосферу. Ярмарки выполняли различные функции в сфере общественного досуга: удовлетворяли потребность в общении, в зрелищах и развлечениях, служили средством приобретения новых знаний и впечатлений, открывали более широкие возможности в реализации культурно-творческой активности» (4, 16).

Список литературы

1. Дмитриев А.В. Ирбитская ярмарка (1801-1917 гг.). Екатеринбург, 2004.
2. Ершов М.Ф. Культура позднефеодальной ярмарки в Зауралье // Шадринская старина. Краеведческий альманах. Шадринск, 1993.
3. Кабо Р.М. Города Западной Сибири. М., 1949.
4. Куприянов А.И. Общественный быт горожан Западной Сибири. 1800 – 1861: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1987.
5. Куприянов А.И. Русский город в первой половине XIX в.: общественный быт и культура горожан Западной Сибири. М., 1995.

З.В. Галлямова

Елабужский государственный педагогический университет, г. Елабуга

К ВОПРОСУ РЕАЛИЗАЦИИ ОСНОВНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ ГОРОДСКИХ РЕФОРМ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX-НАЧАЛА XX ВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ Г. ВЯТКИ)

Вторая половина XIX века вошла в историю России как период радикальных преобразований, подготовивший основу очередного этапа модернизации рубежа веков. Западноевропейская направленность реформ обусловила построение новых механизмов взаимодействия общества и государства, где обществу как одному из гарантов их планомерной реализации должна была отводиться особая роль. Это предполагало внесение в общественное устройство прогрессивных элементов, которые должны были способствовать его развитию в гражданско-правовом русле. Принципиальным отличием организации системы самоуправления по законодательству 1870 года от предшествующего периода стало устранение архаичных, сословных начал, что способствовало ликвидации корпоративной замкнутости общества.

Умеренный характер преобразований, исходящий из задачи сохранения прочных позиций правительственной власти, обусловил ограниченность общественного представительства, куда не получила доступ основная масса городского населения. Имущественный ценз, заложенный в основу избирательной системы, предопределил торгово-промышленный состав органов городского самоуправления с незначительным профессиональным и образовательным потенциалом.

Государство предоставило избирательные права той категории городского населения, которая изначально не была заинтересована в вопросах местной жизни. Неприемлемым для российских условий оказался и западноевропейский характер избирательной системы, которая не смогла устранить сословные приоритеты при избрании гласных.

Реформа 1892 года, получившая как в дореволюционной, так и в советской отечественной историографии, вкуче со всем правительственным курсом данного периода, характеристику реакционной, между тем, внесла в избирательную систему свои коррективы. Значительно увеличив социальное неравенство (удельный вес избирателей в основной массе населения сократился более чем в три раза), она одновременно устранила от выборов его индифферентную часть. Если при законодательстве 1870 года число участвующих в выборах составляло в среднем одну пятую часть числа допущенных к ним, то при законодательстве 1892 года – не менее трети, а порой ближе к половине всего чис-

ла избирателей.

Уже одно это позволяет рассматривать реформу 1892 года не как контрреформу, а как преобразование в системе местного самоуправления, основанные на двадцатилетнем практическом опыте функционирования органов общественного представительства.

Одним из ключевых моментов правительственного курса в отношении города было предоставление местной администрации широких полномочий в отношении самоуправления. Кроме закрепленных в законодательстве открытой формы прав утверждения выборного производства в органы самоуправления, а также думских постановлений, была создана и скрытая форма административного контроля. Она была выражена в совмещении в одном лице должностей председателей распорядительного и исполнительного органов самоуправления, а самое главное, в предоставлении думе номинальных полномочий в отношении управы. В сложившейся ситуации местной администрации должна была отводиться ведущая роль. Таким образом, как по форме, так и по содержанию, созданная система местного самоуправления должна была войти в государственную структуру.

Тем не менее, на практике это приводило подчас к прямо противоположным результатам. Во-первых, реальный контроль губернских властей за деятельностью общественного представительства сводился к выборному производству, когда избрание главы городского управления становится предметом соперничества между думой и администрацией.

Во-вторых, номинальный характер распорядительных полномочий думы в отношении управы привел к тому, что дела города оказались в руках городской управы – небольшой группы должностных лиц, численность которой не превышала четырех человек. В этих условиях невмешательство административной власти приводило к таким негативным явлениям, как растраты в городском хозяйстве, запущенность в делопроизводстве.

Реформа 1892 года, причислив служащих городского управления к лицам, состоящим на государственной службе, обусловила привлечение в органы городского управления чиновничий элемент, что повысило квалификационный уровень органов общественного представительства. В целом, правительственная политика в отношении города, усиливая базу огосударствления самоуправления, была исторически обусловлена: в условиях активизации в пореформенный период социально-экономических процессов и, как следствие, урбанизационных, усиление административных элементов в самоуправленческой структуре должно было играть организующую роль.

Между тем, Городовое положение 1892 года еще более размежевало систему местного самоуправления с расчетом на то, что общественному фактору должна будет отводиться крайне незначительная роль. Тем не менее, вопреки правительственному курсу, в системе городского представительства началась реализация распорядительных функций, обусловленная ростом самосознания представителей выборного управления. Таким образом, законотворческая политика правительства не могла иметь гарантий реализации на местах. Определяющим фактором здесь выступали отдаленность от центра, особенности социально-экономического развития, общественно-политическая ситуация в стране.

Рассматривая взаимодействие распорядительных и исполнительных органов в системе самоуправления, можно выделить следующую закономерность. Активизация с конца XIX века контролирующих функций думы над управой обуславливала непосредственное участие гласных в ведении всех отраслей городского хозяйства, вклю-

чая его делопроизводственную часть. В результате происходило бюрократичивание всей структуры городского управления. Противоречивость создавшейся ситуации – в усилении в городском управлении демократических элементов, с одной стороны, и администрирование на этой основе, – с другой, была закономерным следствием усложняющейся на муниципальной базе городской инфраструктуры.

Не менее важным является вопрос функциональной эволюции городского самоуправления. Городовым положением 1870 года была произведена так называемая децентрализация, т.е. передача в сферу ведения самоуправления вопросов местной жизни. Между тем, государство прежде всего вменило ему в обязанность решение административных задач на местном уровне. В нормативно-правовой форме это было причисление содержания государственных структур к категории обязательных расходов. На практике слабая финансовая база города оказалась не готова к осуществлению функций в том масштабе, которое определяло законодательство. В результате это привело к тому, что во второй половине XIX века деятельность самоуправления была сведена, в основном, к работе в административной сфере. Таким образом, на данный период в полной мере была реализована государственная теория, обеспечивающая статус самоуправления как низового звена бюрократической системы.

Модернизационные процессы рубежа веков делали неизбежным усложнение и увеличение административных функций города, что должно было способствовать все большему его вращению в административную структуру.

Но одновременно промышленный подъем сдвинул с мертвой точки и городское хозяйство, расширив возможности для формирования бюджета. Создание на муниципальной основе городской инфраструктуры означало принципиально новый поворот в истории городского самоуправления. Оно стало развиваться в качественно новом русле, основу которого составляла капитализация городского хозяйства, предполагающая создание на рыночной основе конкурентоспособных предприятий.

Самоуправление превращается в капиталистического собственника, способного сосредоточить в своих руках сеть разнопланово специализированных предприятий. Таким образом, одним из результатов промышленного подъема стала модернизация самоуправленческой системы, вследствие чего ее функции из административно-общественных трансформировались в хозяйственно-рыночные. Апробация новых, прогрессивных методов ведения городского хозяйства, подкрепленная активной займовой политикой, создавала новые перспективы развития самоуправления, где последнее должно было играть ведущую роль в городской жизни.

Городовые положения не смогли определить основные этапы эволюции муниципалитета. Специфика местных условий жизни внесла свои хронологические коррективы в правительственный курс. В целом, говоря о факторах, влияющих на развитие городского самоуправления, можно признать их классификацию из 3 составляющих: законодательство; социально-экономические условия; общественное самосознание. При этом необходимо учитывать, что они никогда не были представлены в равной мере и в разное время их соотношение значительно менялось.

Так, во второй половине XIX века стагнация городского хозяйства обусловила отождествление развития самоуправления с развитием законотворческой политики в отношении города. Активизация социально-экономических, общественно-политических процессов рубежа веков создали принципиально новую основу, где самоуп-

равление стало выступать как неотъемлемый элемент гражданско-правового общества. При сохранении значительного удельного веса обязательных расходов, которые вписались и в займовую политику города, начинается увеличение расходов, касающихся непосредственно городского хозяйства. Если при законодательстве 1870 года самоуправление лишь теоретически разграничивало сферы городской и государственной жизни, то в последующем, уже на базе интенсификации городского хозяйства, планы, учитывающие местные интересы, начинают претворяться в жизнь.

Затрагивая вопрос о содержании общественной теории, необходимо отметить ее неоднозначность. Условно ее суть можно классифицировать на две категории: интересы всего города и интересы городского населения. В этом смысле приоритетными выступали интересы органов общественного представительства. Решение вопросов местной жизни было косвенным результатом развития городской инфраструктуры на муниципальной основе. Материальная база самоуправления находилась в стадии наращивания капитала и еще не была готова к осуществлению разноплановых функций.

Коммунальная база городского хозяйства выступала основной конструктивной основой взаимодействия города и его представительства, где самоуправление в лице городского населения находило постоянных потребителей.

При всей совокупности факторов, оказывающих влияние на развитие городского самоуправления, необходимо отметить гибкость и жизнеспособность общественной природы самоуправления, которая смогла адаптироваться к самым различным историческим условиям и сохранилась в условиях кардинальной трансформации городского самоуправления в начале XX века.

Анализ исторического опыта демократических органов власти позволяет сделать следующие выводы. Эффективность работы самоуправления может быть обеспечена только в условиях четкого разграничения интересов местной и государственной жизни. Такой подход может быть реализован через следующие ключевые аспекты:

1) создание дифференцированного законодательства в отношении местного самоуправления, предполагающего учет региональных особенностей;

2) ограничение функций самоуправления рамками местной жизни, не предусматривающее каких-либо обязательств самоуправления в отношении государства;

3) введение образовательного и профессионального цензов при формировании органов городского самоуправления, обеспечивающих их высокий квалифицированный уровень;

4) создание местного самоуправления на основе принципа разделения властей, где распорядительному органу должны быть предоставлены действенные механизмы контроля;

5) создание на основе четкого разграничения компетенций самоуправления и администрации механизмов их конструктивного взаимодействия;

6) предоставление самоуправлению реальных финансовых возможностей в виде кредитной системы и системы налогообложения.

Только сведение функций самоуправления к вопросам местной жизни при надежном финансовом обеспечении может гарантировать претворение в жизнь действительных задач общественного управления.

П.Г. Данилов

Тобольский государственный историко-архитектурный музей - заповедник, г.Тобольск

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ УСАДЬБЫ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII В. В ТОБОЛЬСКЕ

Время освоения русскими Сибири можно с уверенностью назвать периодом интенсивного жилищного строительства, когда в полной мере проявились многовековые традиции деревообработки и возведения жилых и хозяйственных построек. Эти процессы описаны достаточно подробно в этнографической литературе: в работах В.А. Липинской, А.В. Сафьяновой (8), А.Ю. Майничевой (9), И.А. Никифоровой и Д.В. Сорокоумова (10). Пожалуй, главный их недостаток то, что в лучшем случае материалы относятся к концу XVIII – XIX в., а сибирское домостроение XVII – начала XVIII в. изучалось только на основе письменных источников. Восполнить этот пробел помогает археология. В настоящее время мы уже имеем огромный массив информации по истории домостроения XVII – XVIII в. из раскопок Мангазеи (2) на севере Западной Сибири, Бергамакского острога в Среднем Прииртышье (15), Алазейского и Стадухинского острогов в Якутии (1).

В последние годы ведется изучение кремля и посада Тобольска, длительное время бывшего столицей Сибири. Летом 2005 г. при проведении аварийных раскопок на проспекте Ремезова под полотном дороги была выявлена часть городской усадьбы, датированная концом XVII – первой половиной XVIII в., выходящая своей западной стороной на городскую улицу. Усадьба представляет собой жилую постройку с сенями, возможно крыльцом, вошедшую в границы раскопа частично, и часть западной ограды усадьбы, ориентированной по линии север – юг с небольшим отклонением на юго-запад. С западной стороны от усадьбы исследована часть городской улицы.

Сруб дома сохранился на один венец, сложен из сосновых бревен диаметром 31 – 33 см в комле и 22 – 30 см ближе к вершине. Торцы бревен сруба рублены топором, следов пилы нет. Дом срублен «в обло», продольный паз выбран с нижней стороны верхнего бревна. Такой способ рубки паза появился в XVII в. в Поморье (13, 204), откуда распространился по Сибири. Размеры выявленной части дома составляют: длина 590 см, ширина 380 см. Сруб ориентирован параллельно городской улице, находящейся западнее на расстоянии 320 см от дома. Под северо-западным и юго-западным углами сруба выявлены подкладки, лежавшие параллельно западной стене сруба. Такой конструктивный прием отмечен в материалах поселения Изюк (16, 413), Новгорода (4, 265), Орешка (5, 85). Пол настлан перпендикулярно по отношению к западной стене сруба, сохранилось 7 плах в северной половине дома. Половая лага была врублена в северную стену нижнего венца сруба, в котором сохранился паз, рубленный в «ласточкин хвост». Способ крепления пола у западной стены дома выяснить не удалось, он либо вставлялся в паз между венцами, либо в специально выбранный паз в бревне второго венца сруба. Поскольку признаков дверного проема не было зафиксировано, следует предположить, что пол был настелен «по ходу», что также хорошо фиксируется в Мангазее (3, 21), Новгороде (4, 269), Ладоге (6, 14), в Прикамье (14, 123). В северо-западном углу сруба была выявлена печь, представлявшая собой линзу синей глины с мелким битым кирпичом и древесной золой. С западной и южной сторон границей печи служила деревянная конструкция,

представляющая собой сруб, сложенный из половинок бревен в обло, диаметром 10 см. Сохранились два бревна. Предположительные размеры печи 160 x 170 см. Печь располагалась над половой балкой, служившей ей опорой, кроме того, рядом с восточным краем южного бревна этой конструкции выявлен столб, служивший опорой для юго-восточного угла печи. Выявленная конструкция, видимо, является опечком, над которым была сооружена глинобитная печь. После расчистки, зарисовки и фиксации опечка, он был разобран, и под ним была расчищена кирпичная конструкция прямоугольной формы размерами 132 x 170 см, состоящая из двух рядов кладки. Верхний ряд кладки выложен по внешнему краю конструкции с отступом на 14 – 16 см, образуя внутреннее пространство размерами 78 x 114 см. Размеры кирпича 29 x 14,5 – 15,5 x 6 – 7,5 см. Выявленная кирпичная конструкция является, видимо, подом кирпичной печи, существовавшей ранее более поздней, глинобитной. Кирпичная печь была поставлена на деревянный пол. Погреб под печью не был выявлен. С западной стороны дома вдоль всей стены выявлена пристройка, являвшаяся, видимо, сенями. Ее размеры 408 x 270 см. Частично сохранился нижний венец пристройки, образующий северо-западный угол, рубленный в обло. По-видимому, только нижняя часть пристройки имела срубную конструкцию, поскольку в одном из бревен имеется паз для вертикально стоящей опоры, а сама пристройка была, возможно, дощатой. Пристройка вплотную примыкает к частоколу, с запада являвшимся границей усадьбы.

Ограда сооружена в виде частокола, причем на разных участках он имеет отличия в своем устройстве. С южной стороны от сруба дома он поставлен в один ряд, жерди вплотную друг к другу, нижний конец заострен. Вдоль заостренных концов жердей, как с наружной стороны частокола, так и с внутренней, выявлены обрезки жердей, уложенные для выравнивания частокола и удержания его в вертикальном положении. Вдоль дома и его пристройки найдено три разновременных ряда частокола. Восточный ряд закончился на 3 горизонте. Концы кольев затесаны под конус, вдоль пристройки к срубам поставлены на продольную лагу – жердь. К северу от пристройки частокол установлен на землю. Западный ряд частокола установлен на землю, вдоль него с обеих сторон проложены жерди, с внешней стороны в один ряд, с внутренней стороны в 4 ряда. Нижняя жердь своим концом уходит под сруб пристройки. Этот частокол является продолжением выявленного к югу от дома. Средний частокол установлен на внутренний ряд продольных жердей крайнего западного частокола, является более поздним сооружением. Устройство частоколов на протяжении X – XVII вв. не претерпело особых изменений. Исследования в Москве (12, 37), Новгороде (4, 297), Пскове (11, 128), Верхотурье (7, 147) зафиксировали тыновые частоколы той же конструкции.

В раскопе исследована часть городской улицы, ориентированной по линии север – юг с небольшим отклонением к юго-западу. Улица начиналась от Кремля и имела направление в сторону каменной Спасской церкви, построенной в начале XVIII века. Ширина улицы в раскопанной ее части 5 м. От уличной мостовой сохранились три доски, лежащие вдоль улицы по одной линии. Видимо, улица имела деревянное покрытие, однако судить о его устройстве на основании имеющихся данных не представляется возможным.

В результате проведенных археологических исследований был получен новый материал по истории сибирского домостроения первой половины XVIII в. в городе Тобольске, позволяющий создать представление о технике и способах строительства сибиряков в условиях гос-

подства деревянной жилой застройки, основу которой составляла усадьба.

Список литературы

1. Алексеев А.Н. Первые русские поселения XVII – XVIII вв. на северо-востоке Якутии. Новосибирск, 1996.
2. Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф. Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI – XVII вв. Ч. II. М., 1981.
3. Визгалов Г.П. Русское посадское домостроение на севере Западной Сибири в XVII веке (по материалам новых исследований Мангазеи) // Русские. Материалы VII-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск, 2004. С. 19 – 25.
4. Засурцев П.И. Постройки древнего Новгорода // МИА. 1959. № 65. С. 262 – 298.
5. Кильдюшевский В. И. Постройки XV в. из раскопок Орешка // КСИА. 1972. Вып. 129. С. 84 – 89.
6. Кирпичников А.Н. Раннесредневековая Ладога (итоги археологических исследований) // Средневековая Ладога. Л., 1985. С. 3 – 26.
7. Корчагин П.А. Археологическое изучение усадьбы конца XVII века в г. Верхотурье // Интеграция археологических и этнографических исследований: Сборник научных трудов. М.; Омск, 1999. С. 146 – 149.
8. Липинская В.А., Сафьянова А.В. Жилище русского населения южной части Тюменской области (середина XIX – начало XX в.) // Проблемы изучения материальной культуры русского населения Сибири. М., 1974. С. 170 – 201.
9. Майничева А. Ю. Развитие традиционного жилища русских крестьян Западной Сибири // Народы Сибири: история и культура. - Новосибирск, 1997. - С. 120 – 127.
10. Никифорова И.А., Сорокоумов Д.В. Технология домостроительства у русских Среднего Прииртышья конца XVIII – начала XX вв. (по материалам археологии и этнографии) // Русские. Материалы VII-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». - Тобольск, 2004. С. 396 – 400.
11. Овсянников О.В., Царькова Л.А. Охранные работы на территории Застенья и Окольного города в 1973 и 1974 гг. / Археологическое изучение Пскова. М., 1983. С. 119 – 136.
12. Рабинович М.Г. Раскопки 1946 – 1947 гг. в Москве на устье Яузы // МИА. 1949. № 12.
13. Русский Север: этническая история и народная культура. XII – XX века. М., 2004.
14. Соколова Н.Г. Городские усадебные постройки Прикамья XVII – XVIII вв. // Интеграция археологических и этнографических исследований: Сборник научных трудов. Нальчик; Омск, 2001. С. 122 – 125.
15. Татаурова Л.В. Археология о культуре русских Омского Прииртышья // Русские старожилы. Материалы III-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск, 2000. С. 421 – 423.
16. Татаурова Л.В. Домостроительство и техника деревообработки у русских Среднего Прииртышья в XVIII веке (по данным археологии) // Русские. Материалы VII-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск, 2004. С. 412 – 415.

Ю.В. Закожурникова
Шадринский краеведческий музей
им. В.П. Бирюкова, г. Шадринск

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ БЛАГОУСТРОЙСТВА Г. ШАДРИНСКА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX-НАЧАЛЕ XX В.

Облик зауральских городов, в том числе и Шадринска, во второй половине XIX – начале XX в., с одной стороны, отражал общие черты, присущие русским провинциальным городам этого периода, с другой стороны, сохранял и местное своеобразие, обусловленное особенностями географического положения, спецификой социальными – экономического развития. Город Шадринск был од-

ним из крупнейших центров рыночных отношений в Южном Зауралье. Торговый облик города наложил отпечаток на жилую застройку. Основную массу городских построек составляли жилые здания, в большинстве своем деревянные, в один – два этажа. Кроме этого, для купеческого сословия г. Шадринска был характерен усадебный комплекс, в состав которого входили жилой дом, магазин, мастерские и другие постройки (8,11). Но в основном, зауральские города к середине XIX в. не отличались благоустройством. Основными моментами, на которые указывали современники в середине XIX столетия, было плохое состояние коммунального хозяйства зауральских городов, а также слабое развитие в них культурной жизни вследствие малочисленности интеллигенции и низкого общего уровня образованности горожан (2,72).

Непосредственно вопросы городского хозяйства в то время находились в ведении полиции. До середины XIX в. в большинстве городов региона благоустройство ограничивалось по большей части примитивными дренажными работами, устройством простейших мостов и переправ, укреплением берегов рек.

В 1850 – 1860-х гг. в этой сфере наметились изменения. В городе появляются новые здания присутственных мест, общественные и частные строения, совершенствуется система планировки, ведется обустройство улиц, площадей, набережных. Тем не менее, в целом город оставался неблагоустроенным.

Так, из отчета комиссии, созданной по программе улучшения общественного управления в городах, видно, что к 60-м гг. XIX в. мостовых в городе нет, и устройство их не предполагается (9,37). Ухабы и ямы засыпались песком. Поэтому весной и осенью некоторые улицы покрывались грязью, особенно в восточной части Шадринска, так как она была построена на болотах (3,8-9).

Устройство улиц в городах и содержание их в чистоте относилось к ведомству городской полиции. Возле общественных мест (рынка, городского сада, магазинов), а также у купеческих домов убирали дворники, а остальные жители и домовладельцы сами следили за чистотой: ежедневно рано утром подметали тротуар и улицу, прокапывали канавы для стока воды, которые перекрывались переездными мостками. Канавы содержались в чистоте: чистили, углубляли, чтобы обеспечить сток талых и дождевых вод. Пожары 1870 и 1873 г. отвлекли местные власти и население от поддержания функционирования канав для стока воды. В 1876 г. городской голова Яков Добрынин констатировал, что со времени пожаров уличные канавки «совершенно уничтожились и жителями города не возобновляются, отчего на улицах города, особенно во время весны и осени, до того бывает грязно, что по некоторым из них с трудом можно проезжать». Управа предписала городскому технику В. Заостровскому определить русла канав, по которым можно было бы «спускать в реку Исеть или в другое место воду». Одна из таких канав была проведена по улице Екатеринбургской (Свердлова) до Лебяжьего болота и далее до реки Канаш. На одного из членов управы возлагалась обязанность следить постоянно за ее состоянием, своевременно организовывать ремонтные работы, обеспечивать сохранность заграждений. В 1879 г. вышел циркуляр Министерства внутренних дел «о принятии мер к охранению народного здоровья», в котором говорилось о необходимости оздоровления санитарной обстановки в российских городах. В связи с этим Шадринская городская дума обязала жителей г. Шадринска до 1 октября 1879 г. восстановить сточные канавы, которые были засорены и разрушены в результате пожаров 1870 и 1873 г. (4,98-99).

Большую роль в благоустройстве города играли купцы. В конце XIX – начале XX в.в. в городах Зауралья и в

Шадринске в частности появляются бульвары. Так, например, Шадринская городская дума по просьбе А.А. Лещева разрешила ему 30 декабря 1886 г. устроить бульвар по Екатеринбургской улице на протяжении всего квартала, на котором находился его дом. В 1894 г. бульвар был почти закончен (оставалось засыпать болото, находящееся рядом). А.А. Лещев пожертвовал бульвар в пользу города под ведение садовника городского сада (1, л.115-116).

Плохое санитарное состояние города отрицательно влияло на жизнь горожан. Высокий уровень смертности среди бедных крестьян, был в связи с низким уровнем гигиены, плохого качества питьевой воды, часто вспыхивающих эпидемий тифа, скарлатины и дифтерии. На первом месте стояли кожные заболевания. За 1904 г. больных с кожными заболеваниями обращалось за помощью 18825 человек, т.е. это 24,3% всех заболеваний, из них 12% - чесотка. На втором месте стояли заболевания желудочно – кишечного тракта. Причина распространения этих болезней – плохое питание крестьян, несоблюдение норм гигиены и антисанитария. Этим же объяснялась высокая детская смертность (7,52-53). В 1897 г. переписчик, которому довелось побывать в домах шадринских бедняков, писал: «Это не жилища и даже не хлева для свиней, а нечто хуже хлевов. Грязь, угар, холод, сырость и плесень по стенам от пола до потолка, вонь невыносимая» (4,100).

В связи с этим городской управой предпринимался ряд мер для улучшения санитарного обеспечения города. В 1911 г. в Шадринске, как и в прошлые годы, санитарный надзор состоял в ведении учрежденной в 1906 г. городской санитарной комиссии. Мероприятия городской управы выражались в очистке от навоза городских площадей и улиц перед городскими зданиями, в наблюдении за свалочными местами и содержании в должном порядке и чистоте скотомогильника. Надзор за свалкой нечистот и навоза в отведенных для этого местах, велся управой через специально нанимаемых караульных санитарных сторожей, находившихся на местах свалок постоянно. Для караульных скотского кладбища и Березового Мыса были построены городом постоянные квартиры, в других местах были поставлены небольшие караульные избы. Очистка ватерклозетов и помойных ям при городских общественных зданиях: училищах, богадельнях, казармах и др. - производилась рабочими ассенизационного обоза, находящимися на содержании города и размещавшимися в общественном пожарном депо.

До 1870-х гг. существовала практика борьбы с уличной грязью и лужами путем заваливания их навозом, сверху навоз засыпался тонким слоем песка или земли. Навоз использовали также для укрепления берега реки Исеть. С конца 70-х гг. местные власти начали борьбу с такой практикой. Городская дума 13 марта 1879 г. предписала управе определить места, куда потом будут свозиться навоз и мусор. Вскоре управа объявила жителям, что для этой цели предназначены глубокие ямы за чертой города. Особо оговаривались место и порядок вывоза отходов городской скотобойни и других «смрадных» заведений. В обязанность одного из членов управы с 1879 г. входил постоянный надзор «за чистотой и дезинфекцией» городской бойни. Благодаря такому контролю в 1883 г. было выявлено, что частная скотобойня купца В. Жирякова не соответствует санитарным нормам, а отходы производства попадают прямо в р. Исеть. Городская дума предписала купцу В. Жирякову привести скотобойню в надлежащий вид, с соблюдением санитарных норм, иначе он будет подвергнут законной ответственности (5,16-17).

Насущной для г. Шадринска была и проблема водоснабжения. Воду брали из водокачек, колодцев, а зачас-

тую прямо из р. Исеть, при этом наблюдалась крайняя антисанитария. Большим спросом пользовалась ключевая вода. Именно поэтому, к концу XIX в. в Шадринске развивается водовозный промысел, который регулировался установленными думой правилами. Так, к осени 1894 г. в Шадринске данным промыслом занималось более 10 человек. Водовозы доставляли городским жителям на дом воду из реки или ключевую, за что и получали плату, при этом не платили никаких сборов в пользу города. Поэтому городская управа, в виду недостаточности городских средств постановила обложить водовозов денежным сбором в сумме 5 руб. в год с каждой бочки. После внесения суммы водовозы получали в управе особые знаки, которые прикреплялись к бочкам на видном месте. Без этого знака никто не мог заниматься данным промыслом. Кроме этого водовоз должен был быть всегда чисто одет, бочки использовать хорошего качества без шпаклевки. Для того, чтобы вода была чистой, бочки нужно было мыть не реже 2-х раз в неделю. Иногда чиновники из городской управы проводили инспекцию состояния бочек (1, л.140).

В 1878 г. сарапульский мещанин В.И. Смагин предложил местной думе подрядить его для устройства фонтана, и от него – водопровода. По словам В.И. Смагина, прожив несколько суток в городе, он от многих жителей, особенно – удаленных от реки районов, слышал жалобы на недостаток питьевой воды и на то, что им приходится платить водовозам немалые деньги за ее доставку. Городская дума на заседании 12 сентября 1878 г. обсудила предложение В.И. Смагина, но так как он не мог дать никаких гарантий, ему отказали в подряде.

Тем не менее, в 1879 г. дума приняла некоторые меры по улучшению качества речной питьевой воды. Было постановлено построить на Исети плоты, одни из которых предназначались для «черпанья воды» и выступающих дальше от берега, другие – для полоскания белья, они находились ниже по течению (4,101). Берега стали укрепляться не навозом, а тальником с соломой.

Со временем ощутимые изменения происходили и с освещением города. Первые уличные фонари появились в XVIII веке. Но до конца XIX в. число их оставалось небольшим. В начале 1913 г. количество фонарей достигло 30. Зажиганием фонарей, наблюдением за ними и ремонтом занимался заведующий освещением, в помощь которому был дан рабочий. Помимо керосинно – калильных, по окраинам города зажигались и простые фонари, которых горело около 20 штук (6,142-143).

Особенно быстро коммунальное хозяйство города развивалось накануне Первой мировой войны. Городская дума разрабатывала планы проведения электрического освещения, устройство водопровода, постройки различных зданий, улучшения планировки города и его озеленения.

Описывая бурный рост зауральских городов в начале XX в., один из современников писал, «что в деле мощения улиц, освещения, водоснабжения и удовлетворения очередных школьных и медицинских нужд, города Зауралья в последние годы лихорадочно соперничают друг с другом. Почти каждый город ревниво следит за ходом и успехами городского дела в других центрах» (10,344-345).

В целом во внешнем облике зауральских городов в конце XIX – начале XX вв. происходят значительные изменения, обусловленные быстрым экономическим и социокультурным развитием региона, с проведением железной дороги, ростом городов, расширением городской застройки. Изменения наглядно проявлялись в строительстве новых типов зданий, на улицах все чаще можно было увидеть фонари, столбы с телефонно-телеграфными проводами, афишные тумбы. Благодаря усилиям го-

родского самоуправления внешний облик и благоустройство г. Шадринска изменился к лучшему.

Список литературы

1. ГАШ. Ф. 473. Оп. 1. Д. 1051. Доклады городской управы и другие бумаги, доложенные городской думе в 1894 г.
2. Гончаров Ю.М. Очерки истории городского быта дореволюционной Сибири. Новосибирск, 2004.
3. Иовлева В.Н. Шадринск и его обитатели. Шадринск, 2006.
4. Миненко Н.А., Федоров С.В. Город на Исети: страницы шадринской летописи. Шадринск, 1997.
5. О санитарном состоянии предприятий Шадринска в 1880-90-е г.г. // Шадринский альманах. Шадринск, 1997. Вып.1.
6. Об устройстве городской жизни в Шадринске // Шадринская старина. Краеведческий альманах. Шадринск, 1995.
7. Парфенова С.А. Некоторые аспекты состояния здравоохранения в Шадринском уезде в начале XX века // Шадринская провинция. Шадринск, 2000.
8. Перунов В.К. Очерки истории строительства и предпринимательства в Шадринске в XVIII-XX вв. Шадринск, 2001.
9. Социально – экономическое положение Шадринска в начале 60-х г.г. XIX в. // Шадринская старина: Хрестоматия. - Шадринск, 1997.
10. Турчанинов Н.В. Города Азиатской России // Азиатская Россия: В 3 т. Т. 1.: Люди и порядки за Уралом. СПб., 1914.

О.Н. Кобяков

Курганский государственный колледж, г. Курган

РОССИЙСКО-ДАТСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В СФЕРЕ РАЗВИТИЯ МАСЛОДЕЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ В КОНЦЕ XIX-НАЧАЛЕ XX В.

Российская экономика на рубеже XIX-XX вв. пережила период бурного роста. В Южном Зауралье промышленный подъём наиболее ярко проявился в маслоделии. С первых шагов своего развития эта отрасль хозяйства была ориентирована на экспорт.

Крупнейшим импортёром курганского масла стала Дания. В эту страну масло ввозилось без уплаты таможенных пошлин, и сама транспортировка продукции обходилась дешевле, чем в Англию или Германию. Почему же Дания – крупнейший производитель и экспортёр масла, закупала его в Сибири? Продукция датских маслоделов дорого ценилась на международном рынке благодаря своему высокому качеству. Сибирское масло имело невысокую рыночную цену, однако хорошо сохранялось и обладало приятным вкусом. Дания в целях снижения конкуренции взяла на себя роль посредника в торговле между Россией и европейскими государствами. Датчане сортировали русское масло, и лучшее по качеству вместе со своей продукцией отправляли в Англию и Германию. Продукция более низкого качества реализовывалась на внутреннем рынке. Таким образом, не менее 2/3 нашего масла оставалось в Дании (2, 137).

Закономерным следствием такого сотрудничества, стало появление в Кургане первой иностранной экспортной конторы датского предпринимателя Е.Ф. Эсмана. Зарубежные партнёры имели необходимый капитал, прочные деловые связи, богатый опыт работы на европейском рынке. Всё это значительно снижало коммерческие риски в поставках курганского масла за границу. Значительное иностранное участие в маслодельском секторе было результатом политики министра финансов

России С.Ю. Витте. Он считал, что западные капиталы и новые технологии в перспективе сделают отечественную промышленность конкурентоспособной на мировом рынке (3, 383).

Датские маслоделы в начале XX века добились мирового лидерства в экспорте своей продукции. Высокая культура ведения молочного хозяйства, мощное кооперативное движение во многом служили примером для курганских производителей масла. Первые маслозаводы купца А.А. Валькова, открывшиеся в близлежащих к Кургану деревнях в конце XIX века, оснащались датским оборудованием. Так в декабре 1895 года Вальков основал маслодельню в деревне Кропани (15 вёрст от Кургана), которая была оборудована датскими сепараторами. Уже в июне 1896 года предприятие освоило выпуск экспортного «голштинского» масла. В этот сорт добавлялся натуральный краситель «анатто», поступавший из Дании (5, 83). На сибирских заводах масло упаковывали в бочки по 51,2 кг, которые изготавливались из буковой клёпки. Это способствовало лучшей сохранности масла, так как в ольховых бочках оно быстрее портилось. Буковую клёпку Россия не производила, её импортировали из Дании и других стран Европы. Тару тщательно промывали, просушивали, просушивали и заправляли пергаментом. Каждая бочка зашивалась в холщёвый или рогожный мешок. Однако по уровню капиталовложений наши заводы уступали датским, в Сибири стоимость производственного капитала в расчёте на один завод составляла от 1,5 до 2,6 тысяч рублей, в то время как в Дании от 4 до 22 тысяч рублей (2, 127).

Преодолевая многочисленные преграды, Россия к 1901 году выходит на третье место в мире по экспорту масла, уступая лишь Дании и Австралии. Доля сибирских маслоделов в экспорте продукции приблизилась к 70%. Главным импортёром нашего масла становится Англия. Несмотря на усилившуюся конкуренцию между российскими, английскими и датскими предпринимателями, российско-датское сотрудничество продолжалось. Ярким примером такого партнёрства послужило совместное отстаивание интересов против обвинений британской таможенной службы. В 1901 году британская таможня обвинила датские фирмы в том, что они поставляют фальсифицированное масло из Сибири. Благодаря совместным усилиям российского представителя А.А. Калантара и датского эксперта Х. Фабера удалось выиграть все судебные процессы против обвинений английской таможи. Безусловно, что Дания и Россия стали большими конкурентами в сфере экспорта масла. В результате некоторые российские, сибирские и английские газеты, отраслевые журналы обвиняли датские фирмы в том, что они выдают сибирское масло за датское. В конце XIX века эти обвинения были справедливы. После введения датской государственной марки «Лур» (Lur) и после того, как на сибирское масло появился большой спрос в Лондоне, эти обвинения продолжались уже по привычке – как оружие, которым пользовался русско-английский альянс в Сибири и Англии в борьбе против датских компаний (3, 382).

Курганское сельскохозяйственное общество организовало в 1901 году съезд маслоделов. Его участники заявили о стремлении расширить кооперативный сектор, как в сфере производства так и в экспорте продукции. Эту идею убедительно отстаивал председатель общества А.Н. Балакшин. Такая тенденция возникла из-за опасения перед последствиями недостаточного профессионализма и плохого качества масла на частных заводах. Ухудшение качества масла и засилье на местах иностранных фирм рассматривалось как две стороны одной и той же проблемы. Иностранцев обвиняли в том, что в погоне за

прибылью они не уделяют должного внимания качеству продукции, это в свою очередь наносит вред местной промышленности. Такой взгляд на вещи был выражением упрощённого понимания гораздо более сложной проблематики. Зарубежные компании не хотели закупать масло плохого качества, но избежать этого не могли, поскольку его было много (3, 382).

Большой вклад в развитие культуры сибирского молочного хозяйства внёс инструктор маслоделия В.Ф. Сокульский, командированный в Курган министерством земледелия. Он провёл огромную просветительскую работу среди всех участников маслодельной отрасли. При его активном содействии в Кургане открылись курсы маслоделия, на которые государство выделило мизерную сумму – 300 рублей в год (6, 201). Сокульский обучал будущих мастеров умению обращаться со специальными приборами – молокоиспытателем Виктория, определявшим качество молока, и ацидобутирометром Гербера, при помощи которого делали пробу на брожение. Это оборудование поставляли в Курган датские предприниматели. В Дании работали целые фабрики по приготовлению культур для сквашивания сливок, затем эти сливки отправлялись на маслозаводы. Благодаря этому продукция выходила высокого качества. В Сибири заводы вырабатывали закваски для сливок самостоятельно, что отрицательно сказывалось на качестве масла (4, 17). По инициативе курганского отдела московского общества сельского хозяйства проводились выставки, на которых оценивалось качество экспортного масла от различных местных производителей. С 1904 года такие выставки стали ежегодными. Принимаемые меры улучшали качество продукции, однако тяжёлые условия транспортировки часто сводили эти усилия к минимальному результату. Несмотря на ряд отрицательных факторов, спрос на сибирское масло обнаруживал тенденцию к росту. В конце XIX века в среднем за год вывозилось нашего масла в Европу на 22 миллиона рублей, то к 1911 году уже на 66 миллионов рублей (1, 318).

Датские предприниматели обратили внимание на то, что сибирское масло по своим свойствам отличалось в лучшую сторону по сравнению с продукцией, поступавшей из центральной России. Это подтверждали многочисленные отзывы в зарубежных журналах. Особые вкусовые качества были обусловлены тем, что кормовой базой животноводства служили естественные луга и степи Сибири (2, 136). В 1904 году две датские фирмы, занимавшиеся торговлей маслом, объединились и организовали «Сибирскую компанию», которая была крупнейшим экспортёром сибирского масла вплоть до начала первой мировой войны (3, 384). Российско-датское сотрудничество сыграло большую роль в развитии курганского маслоделия. Оно приносило выгоду всем участникам этого процесса: от крестьян до владельцев компаний. Сегодня наша страна теряет свою продовольственную безопасность. Поэтому так важно изучать успешный опыт предков, который доказывает, что природные условия Сибири могут и должны служить базой экономического роста в современных условиях развития сельского хозяйства.

Список литературы

1. Асалханов И.А. *Сельское хозяйство Сибири конца XIX-начала XX вв.* Новосибирск, 1975.
2. Емельянов Н.Ф., Пережогина И.Н., Семёнова О.Г. *Крестьянский социализм в Зауралье при капитализме.* Курган, 1994.
3. Larsen I.M. *Da smur var guld. Sibirisk smurproduktion og eksport 1895-1905.* Aarhus, 2007.
4. Мурашкинцева А.А. *О производстве и сбыте экспортного масла в Западной Сибири.* СПб., 1902.

5. *Отдел сельского хозяйства и кустарной промышленности (Приложение к Тобольским губернским ведомостям). Тобольск, 1896. № 15.*
6. *Прусс В.В. Развитие капитализма в Южном Зауралье в конце XIX-начале XX вв.// Учёные записки КГПИ. Курган, 1959.*

Ю.Н. Кряжев
Курганский государственный
университет, г. Курган

ОБОРОННАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ИНОСТРАННЫЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ В РОССИИ. 1861–1917 ГГ.

Проблема военной безопасности России всегда была тесно связана с ее великодержавием, внутренней безопасностью и внешней независимостью. Одним из главных условий последней являлась военная промышленность, достаточная для способности дать отпор противникам России и в то же время достаточная для продолжения борьбы за пределами империи. Вопрос о том, насколько остро стояла перед страной тема иностранной зависимости и как решалась эта проблема, применительно именно к военной индустрии, остается невыясненным и актуальным по настоящее время.

Крымская война 1853–1856 гг. стала катастрофой для самосознания руководителей России и выдвинула задачу модернизации всей экономики, и в первую очередь военной. Однако времена, подобные эпохе Петра I, уже сложно было повторить. Россия жила в новой исторической обстановке, когда капитал, труд и технологии глубоко меняли облик промышленности, а еще более – возможности и темпы военного перевооружения. Небывало изменилась роль частной промышленности, многократно возросли расходы на опытное производство, кардинально менялись технологии и системы оружия. Непрерывность промышленного переворота породила не только постоянную смену одних образцов вооружения другими, но и количественный их рост. Гонка вооружений и постоянное военное напряжение осложняли эту картину до крайнего, почти отчаянного положения. Каждое правительство теперь оберегало секреты своих оборонных достижений, а частные фирмы-производители дорого взимали за новинки своих изобретателей. Для России положение складывалось особенно тяжело, так как страна, бедная капиталами и частной инициативой, имела слишком слабую промышленность и целый груз нерешенных социальных проблем. Отмена крепостного права потребовала больших расходов для медленной перестройки всей экономики и строительства железных дорог. Привоз импортных машин, материалов, топлива вырос до головокружительных цифр. Стране грозило полукOLONIAльное будущее.

В этой обстановке военная промышленность стала центром внимания и правительства и некоторых частных лиц в России. Началась планомерная борьба военных за национальное развитие оборонной индустрии на уровне самых современных промышленных достижений и «первоклассных» требований. Однако на этом пути препятствий оказалось больше, чем всей казенной энергии. Не хватало не только опыта, инженеров, мастеров и кадровых рабочих. Не хватало капиталов и самих производителей в виде специализированных заводов. Новая Русско-турецкая война 1877–1878 гг. подтвердила этот недостаток.

Еще во время Крымской войны в чрезвычайных ус-

ловиях помощь некоторых иностранцев в деле обороны оказалась особенно полезной. Известно, как ярко зарекомендовали себя первые Нобели минной защитой Петербурга от бомбардировок английского флота. В 1856 г. англичане основали Балтийский судостроительный завод. Гораздо раньше них зазвучало имя Чарльза Берда. Иностранцы руководили долгое время и крупными казенными заводами: Ижорским заводом – англичанин Вильсон, Александровским механическим (впоследствии казенным заводом) – американцы Гаррисон, Ф. и В. Уайнесы (6, 54–55, 137). При Александре II вполне естественно преобладал взгляд, что без привлечения иностранцев к управлению крупными предприятиями, и военными в их числе, дело организации и развития промышленности не пойдет. Особенно в первые полтора десятилетия его правления, когда из-за границы ввозили так много, от паровозов и рельсов до болтов и булавок. В 1863 г. Крупп подарил и безвозмездно доставил русскому правительству 100 полевых стальных орудий «вследствие сбережения расходов по приготовлению заказанных ему стальных береговых орудий» от тех же русских. В 1877 г. Крупп взял в самые сжатые сроки перевооружить полевую артиллерию России, вторично после 1863–1865 гг. Обуховский и Пермский казенные заводы не поспевали тогда за ним. Но ждать было нельзя, шла война с Турцией, а боялись и европейской. И в 1886 г. к Круппу обратились снова, разделив заказ между ним и Обуховским заводом и на этот раз поровну (7, 161, 173). Так лишь постепенно и мучительно медленно преодолевалась зависимость, казавшаяся долгие годы неизбежной необходимостью. Немногие брались в России за риск открыть крупное механическое или литейное производство, применяя при этом дорогие технологии, утратимые в военных целях. Совсем немного было и казенных военных заводов. Частная металлопромышленность росла на казенных заказах, срочных и весьма больших в России. Петербург был первым городом, где концентрировались такие заводы. Особенно много во главе их стояло немецких инженеров и мастеров. Дружба императоров Германии и России и нескрываемые симпатии Александра II к германской армии давали явные преимущества фирме Круппа и вообще немецкой промышленности, которая поднималась в немалой степени заказами правительства и армии России (3, 143–144). До конца 1870-х гг., однако, иностранное участие не было столь заметно связано с крупным капиталом, идущим в промышленность. Широкое инвестирование в Россию начали французы и бельгийцы в 1880-е гг. Заводы Франко-Русский, Александровский сталелитейный, Общество меднопрокатного и трубного завода (бывшее - Розенкранца), все в Петербурге: и Тульский меднопрокатный, и патронный учреждались почти одновременно группами капиталистов из этих стран. Наряду с ними, свою активность усиливали и немцы, основавшие Шлиссельбургский пороховой завод в 1884 г. и Общество Русских электротехнических заводов «Сименс и Гальске» и Общество «Шуккерт и К°» в 1898–1899 гг., оба в Петербурге. Эти давно известные факты для оборонного потенциала России легко проиллюстрировать специализацией заводов. Вклад частных производителей в оборонную индустрию оказывается во много раз значительнее, чем он отражался в казенных отчетах и рапортах.

Военная техника того времени в России пестрела от наименований совсем не русских ее образцов: пулеметы системы Максим, мины Уайтхеда, судовой беспроволочный телеграф Сименс и Гальске, переносной войсковой телеграф системы Телефункен, прожекторы Соттер-Гарле, Шуккерт и К°, скорострельные пушки Норденфельдта, Шнейдера, Гочкисса, гаубицы Круппа, дальномеры

Барра и Струд, приборы управления огнем Гейслера и Эриксона и К°, прицельные панорамы и перископы подводных лодок Герца, бинокли Сушье и Цейсса (5). И это только наиболее распространенные образцы. Разнотипность вооружений и дороговизна воспроизведения их в России по иностранным чертежам, с уплатой за патент и без права торговли этими системами в других странах, ограничивали возможности ведомств для унификации оружия, отодвигали самостоятельные решения в этой области, вели к потере времени на согласования, прием иностранных инженеров и техников, закупку иностранного оборудования, чтобы наладить производство в России. Стремление Военного и Морского ведомств перевести те или иные производства по иностранным образцам на казенные или частные заводы хотя и имели успех, но не решали проблемы зависимого развития. Не менее важным было и то, что многие из частных российских предприятий возглавлялись иностранцами, были неизменно связаны со своими заграничными инвесторами и вызывали все большую подозрительность среди военных чиновников и министров. Особенно ревниво за этим положением наблюдало Главное артиллерийское управление (ГАУ). Рост национализма в стране после 1905 г., постоянные нарекания на работу казенных заводов со стороны общества, Государственной Думы и между самими ведомствами создавали определенную атмосферу. Тема иностранного засилья, продажности военных чинов, которые отдают иностранным группам предпринимателей миллионные заказы за взятки, зазвучала со всей настойчивостью. Этому сильно способствовала предвоенная международная обстановка в Европе 1908–1914 гг., когда сложилась Антанта и боснийский кризис вызвал тревогу в самой России. Снова обнаружилась неготовность казенных заводов к выполнению необходимых военных заказов. Ни по мощности, ни по состоянию оборудования, ни в технологическом отношении заводы не успевали за германскими и английскими заводами и верфями. Их усиление и расширение зависели, как и раньше, от привозных станков, прессов, молотов, их работа по-прежнему основывалась на привычном английском угле, немецких и шведских марках чугуна и стали, французском, бельгийском, американском оборудовании точными станками, приборами, инструментами. Огромную долю в этих поставках играли многочисленные германские заводы, машиностроительные, приборостроительные, химические и оптические. Поток заграничного снабжения нарастал всякий раз перед близкой войной и был слишком неизбежным явлением, чтобы исправить положение в последние годы или месяцы. Дело, однако, не ограничивалось модернизацией. Управление казенными заводами при существующем законодательстве и контроле замедляло их переустройство на целые годы. Поэтому накануне войны обсуждалось немало предложений от западных фирм и банковских групп о передаче им казенных заводов в аренду для полного переустройства и развития. Такие предложения касались Пермского пушечного, Ижорского заводов, верфи Адмиралтейского завода в Петербурге (1, 261; 4, 11). Одновременно в 1911–1914 гг. возводились частные военные верфи в Николаеве, Ревеле, Риге, Петербурге, Усть-Ижоре и началось строительство огромного артиллерийского завода в Царицыне. Только перечисление западных фирм, которые инициировали эти предприятия, скажет о положении дел: «Вулкан», «Шихау», Крезо, Виккерс, Крупп, «Блом и Фосс», техническое содействие оказывали «Джон Браун», «Шкода», «Норман», «Фиат», «Уайтхед» (2, 80–81, 84, 103–104, 128–129). Российских фирм, заметим, в этих списках нет.

Проблема национально-промышленной эмансипации, особенно в военной индустрии, для России решалась многие десятилетия. Всякий раз это делалось в условиях военного риска или близкой военной борьбы. По нашему представлению, эта зависимость сводилась к трем моментам: 1) массовые и вообще большие по стоимости закупки вооружений за границей; 2) невозможность оборудовать отечественные заводы станками и механическими средствами собственного производства; 3) вынужденное примирение с массовым участием иностранного капитала в создании и эксплуатации военных заводов, отдельных производств и целых отраслей промышленности. Национализм до 1917 г. всякий раз сталкивался с экономической несостоятельностью не столько военной отечественной индустрии, сколько с общим уровнем промышленного развития страны. Обособить военную промышленность от экономических возможностей в их целом было так же сложно, как и прекратить военно-технический обмен разных стран и гонку вооружений между ними. До 1914 г. иностранные предприниматели и капиталы составляли значительную величину в оборонной индустрии России. Они сыграли позитивную роль в ее истории, являясь в то же время участниками международного разделения труда. Однако для политического сознания правящих кругов и великодержавия России зависимость ее безопасности от иностранцев была проблемой, которая не только порождала комплекс неполноценности. Она представлялась как препятствие на пути независимого развития страны и ее экономической мощи.

Список литературы

1. Вяткин М.П. Горнозаводской Урал. 1900–1917 гг. М.; Л., 1965.
2. Григорович И.К. Воспоминания бывшего морского министра / Сост. И.Ф. Цветков. СПб., 1996.
3. Оболенская С.В. Франко-Прусская война и общественное мнение Германии и России. М., 1987.
4. Поликарпов В.В. Вступительная статья // Военная промышленность России в начале XX века. (1900–1917). М., 2004. Т. 1.
5. РГИА. Ф. 1393. Оп. 2. Д. 376. Л. 20–27.
6. Соловьева А.М. Железнодорожный транспорт России во второй половине XIX в. М., 1975.
7. Широкопад А.Б. Энциклопедия отечественной артиллерии. Минск, 2008.

А.И. Кулинич

Курганский государственный университет,
г. Курган

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ЗАУРАЛЬСКОГО ГОРОДА: АРХИТЕКТУРНЫЙ ОБЛИК Г. КУРГАНА XIX — НАЧАЛА XX В.

В современной научной литературе и публицистике, хоть в какой-то мере посвященной истории, понятие «наследие» становится одним из наиболее упоминаемых. Зачастую осуждение данного понятия характерно для проблем, посвященным городской архитектуре. В данной статье дается попытка понять – в чем ценность архитектуры провинциального города, в частности г. Кургана. Попытка ответить на следующие вопросы: каким был уклад жизни горожан и как он повлиял на строительство, в чем были особенности курганской архитектуры и что следует охранять сейчас?

В первой половине XIX в. жилые дома Зауралья и

Сибири были преимущественно деревянными и одноэтажными. Жилых каменных домов строилось немного. Города застраивались деревянными домами, под которыми изредка подводился каменный фундамент или цокольный этаж. Впрочем, это было характерно и для ряда небольших городов Центральной России, где до конца 19 в. населенные пункты также продолжали оставаться преимущественно деревянными (6, 235-250).

Еще в начале XIX в. в провинциальную архитектуру проникали новые стилистические приемы, связанные не только с чисто конструктивными, декоративными изменениями, но и с попытками создать сходство деревянного дома и каменного. Для этого здание обшивали тесом для имитации каменной кладки. С помощью такого приема деревянный дом приобретал вид городского (дом декабриста Нарышкина) (4).

Наряду с традиционным укладом жизни в провинциальный Курган XIX в. проникают новые черты, идущие от культуры столиц и крупных городов (прежде всего Екатеринбурга). Новые тенденции приходили в Зауралье со значительным опозданием — вплоть до середины 50-60 гг. XIX в. каменные здания строились в стиле классицизма или сильно тяготели к нему. Классцистические веяния выразились в стремлении к симметрии, фактурной рустовой обработке фасада, декоративных элементах: характерные замковые камни, лепнина на пилястрах и др. (5).

Свежие веяния приживались благодаря новым социально-экономическим условиям жизни и развитию города, усилению социокультурных связей с Европейской Россией. Носителем новой культуры были высшие и средние городские слои (купцы, чиновники), важную роль в формировании этой культуры сыграли декабристы (4).

Таким образом, нововведения в строительстве касались, как правило, жилищ состоятельных горожан. Беднота же жила в более примитивных домах, на окраинах города, которые иногда заболачивались и представляли собой трудно проходимые улицы. Как правило, жилище бедного горожанина состояло из небольшого дома, с таким же небольшим приусадебным хозяйством. Вид его почти ничем не изменился вплоть до начала XX века (2, 99-105).

На протяжении XIX в. большинство населения города редко украшало свои жилища различного рода резьбой. Это было связано с тем, что стоила она не дешево. Такие излишества могли позволить себе лишь купечество средней руки, зажиточные чиновники, состоятельные мещане (5).

Если до 1860-х гг. Курган был в большинстве своем деревянный, то после больших пожаров, случившихся в эти годы, город начинает отстраиваться почти заново. Деревянные постройки все чаще заменяют каменными.

Рядовой городской дом, как правило, не был профессиональным произведением: проекты разрабатывали специалисты среднего уровня (чертежники, землемеры), а иногда в проектировании принимали участие и сами хозяева. На облик каменных городских домов, безусловно, повлияла многолетняя политика строительства по образцовым проектам, хотя внутреннюю планировку хозяин всегда определял сам. Обычно выбирался некий прототип здания, в который вносились небольшие частные изменения. Как правило, эти изменения представляли собой те особенности, которые чаще встречаются в том или ином городе, регионе и т.д. Они основываются на культурных и исторических предпочтениях, зависят от климатических условий и некоторых субъективных факторов, таких, как личность хозяина и т.п.

В среде городской архитектуры этого времени особо выделяются купеческие усадьбы и иная их собствен-

ность. Особняки и магазины — кирпичные с массивными стенами или деревянные, отделанные богатой резьбой — определяли облик города, служили его украшением. Купеческий дом часто был одновременно и жильем, и лавкой, и магазином, и конторой, а также складом товаров, заводом, банком, местом проведения праздников. Такие здания отличаются рациональностью в построении объемов, декора, что во многом обуславливалось потребностями собственника и его деятельностью. Например, дом усадьбы купца Д.Ф. Колпакова представлял собой мощное кирпичное здание. На втором этаже жила семья купца — владельца скотобойни, а первый — сдавался в аренду, некоторое время в нем располагался магазин «Швейные машины «Зингера» (3, 46-47). Имелись и различные хозяйственные постройки, которые располагались за основным зданием на территории усадьбы. До наших дней дошел лишь дом Колпакова, остальные строения были утрачены в советские годы. Судя по фотографиям начала XX в., здание было выстроено из красного кирпича в стиле эклектики. Предположительно, въезд в усадьбу представлял собой ворота, вписанные непосредственно в здание, что было довольно необычно для архитектуры Кургана.

Территория городской усадьбы обязательно огораживалась. Усадьбы богатых купцов, как правило, ограждались мощными заборами из красного кирпича, которые могли достигать в высоту до 3 м (усадьба Березина) (3, 40-41). Прежде всего, такие ограды сооружали с целью охраны имущества от грабителей и пожаров.

Немалое влияние на облик усадьбы и других жилищ оказал местный климат. Низкие температуры и длинная зима предопределили такую черту хозяев, как запасливость. Сам климат прямо сказался на планировке жилых домов и усадеб. Все без исключения горожане вынуждены были делать большие запасы продуктов и топлива на период с осени по весну. Таким образом, к дому примыкал двор с амбарами, сараями, конюшней, погребями, баней. Строительство зданий с толстыми стенами (до 1-1,5 м) явилось решением проблемы большого перепада температур летом и зимой, которые сохраняли тепло и поддерживали комфортную температуру внутри здания.

Разные элементы архитектурного сооружения могли рассказать много о его хозяине. Так, например, железная крыша являлась показателем зажиточности. Большинство купеческих домов было крыто железом. Такие крыши обычно красились в красный или зеленый цвет. Остальные дома крылись тесом. Другие кровельные материалы (черепица, солома) в регионе практически не применялись.

Большое распространение в Зауралье, в частности в Кургане, получают дома с нижним каменным и верхним деревянным этажом — так называемые «полукаменные». Постановка деревянного сруба на каменном основании значительно повышала долговечность и огнестойкость постройки, позволяла одновременно использовать преимущества того и другого вида строительства. Также, такая постройка была компромиссным вариантом для консервативно настроенных горожан, желающих жить в деревянном доме, но отмечавших большую надежность каменного строения.

Еще одним популярным явлением в архитектуре зауральских городов стала особая «кирпичная кладка», что было характерно для построек конца XIX — начала XX в. Для строительства употребляли красный фигурный кирпич. Таким образом, фасады домов становились более приметными, выделялись на фоне других зданий. Часто кирпичные купеческие дома украшались ажурными металлическими решетками и парапетами (пример — дом

купца Е.Л. Кропанина. Сейчас ул. Гоголя, 21).

Купеческие строения города Кургана располагались довольно разрозненно по отношению друг к другу. Тем не менее, можно говорить о начале формирования торговых зон города, которые образовывали его общегородской центр (Верхние и Нижние торговые ряды).

Нужно отметить, что купеческая семья не обязательно проживала в одной усадьбе. Некоторые семьи имели по несколько домов и загородных дач. Это относится, например, к известной семье купцов Смолиных. Часть своих домов они сдавали в аренду и никогда в них не жили.

Большую роль в формировании внешнего облика многих городов в конце XIX - начале XX вв. сыграло строительство железных дорог. В крупных населенных пунктах, через которые проходило железнодорожное полотно, появляются здания вокзалов, водонапорных башен, станций, железнодорожные мосты, паровозные депо, ремонтные мастерские. Помимо этих вокзальных строений в Кургане появляется и новый городской район, который формировался во время и после завершения строительства железной дороги. Здесь разместился новый промышленный район города (скотобойни, склады, холодильники), а также новые жилые кварталы. Сначала основной массой жителей были строители железной дороги, а после ее постройки - рабочие станции «Курган» и тех предприятий, которые располагались поблизости (2, 145-164).

Подобные промышленные постройки становятся все более привычной картиной городского пейзажа. Но, кроме района железнодорожной линии или берега Тобола, они нередко строятся прямо на городских улицах, и не только на окраинах, но и в центре. Каменные корпуса для них сооружались по типовым формам. Промышленный подъем и состоятельность владельцев позволяли строить новые большие кирпичные корпуса своих предприятий. В Кургане особо выделялась пищевая промышленность (мукомольное дело, маслоделие, винокурение и др.). Именно для таких предприятий их владельцы (купцы Смолины, Бакиновы, Дунаевы и др.) стали выстраивать заводы, которые, несмотря на промышленный характер, были украшены специфическим «кирпичным» орнаментом.

Архитектуру рубежа XIX – начала XX в., особенно в провинциальных городах, отличало соседство ряда направлений. В Кургане продолжали строить в русско-византийском стиле, но в то же время многие постройки были эклектичны, появляется модерн.

Значительное число зданий следует отнести к так называемому «кирпичному стилю», который можно охарактеризовать как «бесстилевую архитектуру». Подобные постройки, сделанные из красного кирпича, довольно скромно декорированы (иногда вовсе без украшения экстерьера), имели разное функциональное назначение — это, как правило, здания промышленных предприятий, объектов общественного и торгового назначения.

В городах Западной Сибири меньшее отражение нашла архитектура модерна. Этот стиль не получил столь значительное распространение, как в столичных и крупных городах Европейской России. Связать это можно с тем, что подобные постройки обходились дороже заказчикам, и с тем, что сами заказчики не были способны понять изыски модерна.

Тем не менее, Курган имеет одну из самых интересных построек в формах модерна – деревянный особняк инженера Остапца. Выстроенный в начале XX века, он является уникальным для Зауралья образцом деревянного рубленого дома в стиле модерн в Кургане (3, 80). Популярность такого вида деревянных домов проявилась отчетливо в архитектуре русского севера (по побережью Белого моря) (1, 65-118).

В целом, архитектурная среда центра г. Кургана в XIX – начале XX вв., с одной стороны, отражала общие черты, присущие русским провинциальным городам этого периода, с другой – сохраняла местное своеобразие региона, обусловленное климатическими особенностями, спецификой социально-экономического развития и традициями, сложившимися в предыдущий период.

Изменения, происходившие в застройке и архитектуре городов региона во второй половине XIX – начала XX в. были тесно связаны с социально-экономическим развитием региона. Крестьяне, переселяющиеся в города, приносили сюда свой традиционный уклад жизни. Быстрый рост населения городов приводил к развитию трудобной застройки. В то же время в планировке города появляются новые тенденции, которые усилились с проведением железной дороги, способствовавшей быстрому экономическому и культурному развитию региона. Сегодня постройки XIX в. нуждаются в сохранении, так как именно они свидетельствуют о быте города, архитектурном облике, отличавшем его от других населенных пунктов.

Список литературы

1. Барашков Ю. *Ностальгия по деревянному городу. Архитектура, традиции, быт Архангельска накануне и после 1917 года. Формы и традиции городского дома. М., 1992. 208 с.*
2. Васильева А.М. *Забытый Курган. Курган, 1997.*
3. *Курган: мгновения века. Фотоальбом. Курган, 2004.*
4. *Паспорт дома декабриста М.М. Нарышкина // Архив НПЦ по охране и использованию объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) Курганской области.*
5. *Паспорт здания уездного училища // Архив НПЦ по охране и использованию объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) Курганской области.*
6. *Русские. М.: Наука, 1999. 828 с.*

Е.А. Лапина

*Курганский государственный университет,
г. Курган*

АЛЕКСАНДРОВСКАЯ ЖЕНСКАЯ ГИМНАЗИЯ (КОНЕЦ XIX-НАЧАЛО XX ВЕКА)

1. Возникновение гимназии

До конца XVIII века женских учебных заведений в России практически не существовало. Сама идея женского образования казалась противоестественной всему населению страны, мужчинам и женщинам.

Первое, и долгое время – почти единственное женское учебное заведение было открыто Екатериной II: Смольный институт благородных девиц (13). Это было заведение закрытого типа для дочерей дворян с 6 до 16 лет. Первые женские учебные заведения, ориентированные на получение, полезного образования, были открыты женой Павла I, Марией Федоровной Воспитательный дом, Мещанское училище, училище ордена Святой Екатерины. Сама Мария Федоровна вполне реалистично смотрела на будущее выпускниц, в частности, в одной из инструкций она писала: «надо стараться, чтобы воспитанницы привыкли к мысли о бедности..., многие из них будут жить в деревне, у некоторых есть Родители, не получившие хорошего воспитания, но нужно приучаться жить с людьми всякого рода». При этом все-таки значительный

упор делался на семью, на необходимость воспитания хороших матерей и хороших хозяек.

В течение XIX века изменения, происходящие в обществе, в частности промышленная революция, требовали перемен, привлечения женщин к труду за рамками семьи. Все это вынуждало создавать действенную систему женского образования. Одновременно «образ делового человека становится притягательным и для женщин, борющихся за свои права» (1, 381). Они стараются ни в чем не отставать от мужчин, несмотря на правовые ограничения.

В результате во второй половине XIX века, так или иначе, в России складывается определенная система женского образования, в целом соответствующая потребностям общества. Конечно, нельзя не отметить, что все это давалось с колоссальным трудом; сопровождалось огромным количеством конфликтов всякого рода: с одной стороны, из-за косности тогдашнего общества, особенно женской его части, с другой стороны, из-за того, что борющимися за права женщинам нередко изменяло чувство меры. Так, газета «Весть» за 1864 год, №46, видимо, не без основания, писала: «Большинство нигилисток лишены женской грации, и не имеют в ней нужды, намерено культивируют дурные манеры, безвкусно и грязно одеты» (2, 50).

30 апреля 1844 г. в городе Кургане было открыто женское приходское училище в составе одного приготовительного и одного первого класса (3, 10). Школа существовала кое-как, а временами вообще прекращала работать, так как платных учителей не было, с девочками занимались или ученики, или учителя Курганского уездного училища безвозмездно. Да и родители не видели особой надобности в образовании дочерей. В школу ходили от 9 до 16 девочек, многие из них не доучивались до конца года. Это привело к тому, что в 1856-1857 учебном году женское отделение было закрыто (4, 15). Прошел год и снова встал вопрос о женской школе. Жена городничего, Мария Михайловна Бучковская, открыла частную школу для девочек. Надо отдать должное курганскому купечеству, которое охотно поддерживало многие культурные начинания. Вот и первая женская школа, не признанная государственными органами, более десяти лет содержалась купцами. Лишь вмешательство просвещенных людей спасло ее.

Приехавший в Курган в 1857 г. инспектор народных училищ по Западно-Сибирскому округу, автор знаменитого «Конька-Горбунка» П.П. Ершов в письме к своей супруге в Тобольск сетует на плохое отношение местных властей к этой школе и сообщает, что ему удалось убедить купца Меньщикова, чтобы он за свой счет содержал учительницу в течение года, и школа опять заработала. И только в следующем году Тобольский губернатор Виктор Анатольевич Арцимович выразил соизволение официально открыть школу (5,29).

12 мая 1858 г. состоялось открытие женского училища II разряда на средства местных купцов Михаила и Ивана Меньщиковых и Федора Шишкина (14). Училище состояло из приготовительного и первого класса, причем сначала был одногодичный приготовительный класс, потом сделали старшее и младшее отделение приготовительного класса и курс обучения – два года. С нового учебного 1863-1864 года приготовительный класс был разделен на три отделения, но срок обучения в нем остался два года, и был открыт первый класс. В 1864 г. его закончили одиннадцать девочек, которым предложили учиться во втором классе, но родители сочли полученное образование достаточным, и только две девочки изъявили желание продолжить образование. Второй класс был открыт в 1868 году, тогда же вместо учителей уездно-

го училища пригласили двух учительниц – для приготовительного класса Елизавету Лагунову и для ведения уроков одновременно в первом и втором классах Любовь Федоровну Говорухину (7, 23).

В начале 1873 года был открыт третий класс, а 13 февраля 1873 года училище было преобразовано в 3-классную прогимназию. Этим дело не ограничилось. Позднее были открыты 4 и 5 классы, и к началу 20 века встал вопрос о преобразовании прогимназии в полную гимназию. 31 августа 1903 года в Кургане состоялось торжественное открытие Александровской женской гимназии. В 1903 – 1904 г. были открыты 6 и 7 классы.

С ростом города число учениц возрастало с каждым годом. Если до 1886 г. оно не превышало 10 человек, то с 1887 г. эта цифра уже не опускалась ниже 13 человек. В 1901 – 1902 учебном году было 200 учениц, в 1902 – 1903 гг. – 250 учениц, и на 1903 – 1904 учебный год подали заявление во все классы уже 302 девочки.

2. Организация и содержание учебного процесса

Ученицы занимались по 3-4 часа в день, оставалось время на занятия музыкой, чтением литературы, танцами и др. Многие девушки занимались необязательными предметами, такими, как французский и немецкий языки, педагогика (7 класс), рисование, пение.

Учебный курс был довольно обширный и имел гуманитарную направленность. В аттестате об окончании гимназии в 1904 году выставлялись отметки по следующим обязательным предметам: Закон Божий, русский язык с церковно-славянским, словесность, математика, география (всеобщая и русская), естественная история, физика, математическая и физическая география, история всеобщая и русская, чистописание. Кроме того, необязательные предметы: педагогика, французский и немецкий языки, рисование, пение. Но в целом уровень учениц был не слишком высок и заметно отставал от того, что можно было видеть в мужских гимназиях. Вполне показателен такой пример. Попечитель Западно-Сибирского учебного округа Лаврентьев предлагает «...экзамены проводить со всей осмотрительностью и осторожностью, без излишней строгости, но без вредной снисходительности». Кроме того, давали весенние репетиции по 1-4 предметам.

Однако, несмотря на все предосторожности, экзамены все-таки оказались слишком тяжелыми для многих учениц: довольно многих учениц к экзаменам не допускали, некоторые получили неудовлетворительные оценки и были исключены (8, 8).

Большое внимание уделялось трудовым навыкам. Выпускницы могли получить специальность на различных курсах. В Кургане даже было создано Общество поощрения женского профессионального образования. В гимназии была превосходная переплетная мастерская, девочек-гимназисток учили также рукоделию, кулинарному делу, ведению домашнего хозяйства, различным ремеслам, одно время даже башмачному делу (девочки изготовили подарок для императрицы Марии Александровны и отправили его в Санкт-Петербург, в ответ на это императрица прислала 12 книг духовного содержания, а через год еще 30 книг различного содержания).

В гимназии был хороший хор, большое внимание уделялось духовному пению и декламации.

После окончания 7 класса девушки получали свидетельство об окончании гимназии. Аттестата зрелости (после VIII класса) давал право на поступление в высшие учебные заведения, а учительский аттестат – возможность работать по специальности. Причем лучшие из них получали аттестат домашних учительниц-воспитательниц, а те, кто учились похуже, получали звание народных (15).

3. Источники финансирования

Интересно отметить, что до конца XIX века правительство весьма по-разному подходило к мужскому и женскому образованию. Мужское образование финансировалось из казны, хотя пожертвования всячески одобрялись.

Женские учебные заведения существовали только на пожертвования. Так 3 пункт Положения о женских гимназиях и прогимназиях Министерства народного просвещения 1870 года (1, 381) прямо определяло, что женские гимназии и прогимназии открываются в городах, где только представится возможность обеспечить их существование посредством общественных или частных пожертвований.

Нужно отметить, что Курганское купечество в целом поддерживало женское образование в городе. Купцы Березин, Шухов, Меншиков, Папулов, Незговоры, Бакиновы, Балакшины, Дунаевы и их супруги всемерно помогали гимназии. Не скупясь и как бы соревнуясь друг с другом, они вносили пожертвования - и разовые, и ежегодные из своих значительных доходов.

Благодаря пожертвованиям, благотворительным вечерам и другим источникам Попечительский Совет создал значительный фонд. За счет него оказывалась материальная помощь нуждающимся ученицам, выдавались стипендии лучшим гимназисткам из бедных семей.

Были установлены стипендии Тургенева, Пушкина, а также стипендия Алеши Меньшикова, купца Ванюкова, Дамского благотворительного общества и др. В 1916 г. стипендии получали 27 лучших гимназисток из малообеспеченных семей, многие получали бесплатные горячие завтраки, одежду, обувь, книги (6, 5).

Стипендии играли большую роль. Они платились, в частности, из стипендиальных капиталов, учреждаемых частными лицами в качестве пожертвования. В начале XX века сумма этих капиталов составляла весьма внушительную по тем временам сумму 19590 руб. Причем потомственный гражданин М.И. Меньшиков пожертвовал капитал на учреждение четырех стипендий, по 2500 рублей каждая (15).

4. Условия работы учителей

Труд преподавателей женской гимназии и прогимназии оплачивался приемлемо. Кроме основного жалования преподавателям гимназий и классным надзирательницам через 5 лет работы делались надбавки за сибирскую службу. Они зависели от уровня образования и общего трудового стажа. Сумма одного такого пособия могла быть 60, 90, 150, 200 рублей (10, 3).

Работа в учебных заведениях России называлась службой. Поэтому в соответствии с Табелью о рангах, введенной в 1722 году, руководители учебных заведений и учителя могли получить гражданские чины. В иерархии чинов учительство располагалось в основном в центре списка табели. Это были 6-12 классы. Можно отметить, что шестой чин Табели соответствовал армейскому полковнику, то есть весьма серьезному чину. Классификация учительства по чинам способствовала повышению общественного статуса учителя и его заинтересованности в работе.

Жесткий контроль и постоянный надзор везде и во всем – один из принципов руководства учительством. Учителям, уходящим в отпуск и выезжающих за пределы Курганского и Шадринского учебных округов, требовалось на то особое разрешение. Более того, желающие создать семью учителя должны были писать прошения, в которых указывали имя и социальное происхождение избранника или избранницы.

Добросовестная работа учителей отмечалась российскими орденами и медалями. Преподаватели Курганской Александровской женской гимназии Бобрыкин и

Флеммер были награждены орденами Св. Станислава 2-й степени. Золотыми и серебряными медалями «За усердие» правительство отметило преподавателей Курганской гимназии Гиганову, Григорьеву, Дмитриеву, Лукианову, классных надзирательниц Гнедаш и Грязнухину (11, 20).

Первой и единственной начальницей гимназии долгие годы была Мария Матвеевна Волкова. Она приехала в Курган в 1889 году, тогда ей было восемнадцать лет, и она только окончила Омскую женскую гимназию с серебряной медалью. В ноябре 1895 года молодая учительница назначается исправляющей должность начальницы прогимназии, а с 1 июля 1903 года – начальницей гимназии.

Ей тогда было 24 года. Вся её жизнь принадлежала гимназии – ни мужа, ни детей у неё не было. 6 мая 1910 года Мария Матвеевна была награждена золотой медалью на Анненской ленте (12).

Таким образом, в начале XX века Курганская Александровская женская гимназия была полноценным и вполне благополучным учебным заведением, способным обеспечить как приемлемый уровень образования, так и условия для обучения представительниц всех социальных групп.

Список литературы

1. Государственный архив Курганской области (ГАКО), предисловие к описи фонда И-63., ф.И-36, оп.1, д.7, л.381.
2. ГАКО, ф.И-36, оп.1, д.30, л.50.
3. ГАКО, ф.И-36, оп.1, д.37, л.10.
4. ГАКО, ф.И-36, оп.1, д.39, л.15.
5. ГАКО, ф.И-36, оп.1, д.40, л.29.
6. ГАКО, ф.И-36, оп.2, д.49, л.5.
7. ГАКО, ф.И-36, оп.1, д.56, л.23.
8. ГАКО, ф.И-36, оп.1, д.60, л.8.
9. ГАКО, ф.И-36, оп.1, д.81, л.32.
10. ГАКО, ф.И-36, оп.1, д.102, л.3.
11. ГАКО, ф.И-36, оп.1, д.112, л.20.
12. Васильева А.М. Юные начальницы// Курган и курганцы. 2003. 27 мая.
13. Пономарева В.В., Хорошилова Л.Б. Русское женское образование в 18 – начале 20 века. Приобретения и потери// <http://www.tullur.ru/~historia/archive/06-00/woman.htm>.
14. Постовалова У.И. Очерки по истории народного образования Зауралья// Зауральское педагогическое обозрение. 1995. №1-2. Приложение к журналу «Гармония и здоровье».
15. Толстякова Г.А. Опыт гимназии (к чему мы возвращаемся). Документальная информация. Курган, 1995.

Е.Ю.Лебеденко

Гуманитарный университет, г. Екатеринбург

К ВОПРОСУ О ЧИСЛЕННОСТИ МЕЩАНСТВА ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XVIII - ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Для изучения особенностей истории городов Урала в дореформенный период большое значение имеет исследование вопроса о численности и структуре городского населения. К данной проблеме на материалах Пермской губернии обращались А.С. Черкасова, С.И. Сметанин и др. (9; 433-436). Нам хотелось бы рассмотреть изменения численности одной из податных групп горожан – мещанства, составлявшего к середине XIX в. около 50% горожан Пермской губернии.

Мощным фактором для развития городов и увеличения численности горожан на Среднем и Северном Урале

стала областная реформа начала 1780-х гг., одним из результатов которой стало учреждение в 1781 г. Пермского наместничества (через 16 лет преобразовано в губернию). В предшествующий период, как указывает П.Г. Рындзюнский, для региона был характерен крайне низкий удельный вес городского гражданства (14; 95). В начале 1780-х гг. мещане числились главным образом в обществах «старых» уральских городов, таких как Кунгур (2.229 душ мужского пола /далее душ м.п. / – 1781 г.), Соликамск (1130 душ м.п. – 1782 г.), Чердынь (933 душ м.п. – 1782 г.), Верхотурье (823 душ м.п. – 1782 г.) (4; 18). Незначительная часть принадлежала к посадам Ирбита (547 душ м.п. – 1782 г.) (2; 36-37, 46), Екатеринбург (343 душ м.п. – 1781 г.) (7; 340) и Шадринска (108 душ м.п. – 1782 г.) (8; 72).

С учреждением ряда городов (Перми, Красноуфимска, Алапаевска) в гражданство новообразованных городских центров записываются выходцы из других регионов (Европейской России и Западной Сибири) и негородских сословий (главным образом крестьянского) (1; 11).

Изучение численности мещанства Пермского наместничества в период между четвертой и пятой ревизиями показывает непрерывный рост лиц, состоящих в мещанском окладе. Возрастает и удельный вес городских сословий в целом - с 1,9 до 2,1% в период между 1782 и 1795 гг. Прирост в численном выражении составил 2023 чел., или 25,7%. Любопытно, что в соседней Вятской губернии аналогичный показатель хотя и был значительно ниже в абсолютном отношении (1586 чел.), но превышал в относительном (34,7%) (10; 99, 102, 107, 110).

П.Г. Рындзюнский отмечал, что для уральского региона в конце XVIII в. характерна тенденция, при которой рост купечества опережал рост мещанства. В Европейской России в указанный период наблюдалось обратное. Исследователь объяснял данный факт тем, что и ранее удельный вес городских сословий, мещанства в частности, был на территории Приуралья крайне незначителен (14; 95).

К концу 90-х гг. XVIII столетия наибольшее количество мещан по-прежнему проживало в Кунгуре, который на тот момент являлся самым крупным городом губернии. Значительная часть мещанского населения числилась в Чердыни, Соликамске, Верхотурье. В течение 1780-90-х гг. в 4 раза вырос посад Екатеринбург. В мещанство губернского центра Перми в 1795 г. состояло 353 душ м.п. (1; 86). Ирбит и Красноуфимск насчитывали соответственно 555 (1795 г.) и 255 (1793 г.) душ м.п. Почти в два раза меньше числилось в Шадринске (в 1793 г. 137 душ м.п.). Небольшое количество мещан находилось при городах Камышлов, Алапаевск, Далматово, Оса, Оханск и Обва (всего 73 души м.п.) (2; 40-41, 43).

К началу XIX в. в мещанстве Пермской губернии состояло 9006 душ м.п. (5; 205 об.). Данные за 1808 г. свидетельствуют, что «платящих подати по мещанству» насчитывалось уже 9262 душ м.п. Окладные же книги указывают на наличие 10470 (13; 101). Согласно ведомостям казенной палаты губернии, в 1819-20 гг. в местном мещанстве числилось 10655 душ м.п. (3; 81). Его удельный вес в населении губернии в целом в первые два десятилетия сохранялся на уровне 1,9 -2% (6).

Темпы прироста мещанства в начале века – с 1800 по 1816 гг.- составили 20,7% (на 1798 чел.). Однако аналогичный показатель по соседней Вятской губернии значительно выше - 35% (на 2041 чел.). После 1816 г. в Пермской губернии прибыль мещан стала менее интенсивной. К 1824 г. их количество выросло до 10932 душ м.п., а показатель прироста снизился до 4,4% (13; 101).

Таким образом, в первой четверти XIX в. общая численность мещан губернии увеличивается. Ее рост в 1810-е гг. был вызван в первую очередь тем, что многие купцы в связи с резким повышением налогообложения в

военное время были вынуждены переписаться в мещане.

Осуществление гильдейской реформы 1824 г. обусловило отрицательную динамику численности мещанства губернии в 1824-27 гг. По данным окладных книг к 1827 г. его численность сократилась до 10613 душ м.п. (13; 101, 336). Показатель прироста снизился и стал отрицательным «-2,9%».

К 1832 г. численность мещанства оставалась на уровне 10803 душ м.п. (11; 7). В 1840-50-е гг. наступает более благоприятный период. В 1850 г. по губернии числилось уже 13245 мещан (душ м.п.) (14; 154). В 1856 г. их количество увеличилось до 14191 (душ м.п.) (13; 337). Десятая ревизия (1858 г.) зафиксировала 14627 мещан (душ м.п.) (12; 354).

Удельный вес данной группы по отношению ко всему податному населению губернии в течение второй четверти XIX в. снизился – с 2,1% в 1827 г. до 1,8% в 1856 г. Такого низкого процента мещанства не было в России, исключая северные губернии. В Европейской части страны доля мещан в 1827 г. составляла 5,8%, а в 1856 г. она увеличилась до 6,8% (12; 334, 336-337).

Процент прироста в Пермской губернии в 1827-56 гг. был также намного ниже, чем в Европейской России. Если прибыль мещанского сословия Пермской губернии в данный период составила 33,7%, то по Европейской России аналогичный показатель равнялся 56,3%. По этому показателю Пермскую губернию опережала даже соседняя Вятская (там прирост составил 57,3%).

Таким образом, специфика Пермской губернии выразилась в замедленном темпе роста мещанства и снижении его удельного веса на протяжении первой половины XIX в. Доля мещан в населении губернии была ниже общероссийских показателей и демонстрировала отрицательную динамику на протяжении 1820-50-х гг.

Исследователи объясняют данное явление значительным отставанием Пермской губернии в городском развитии во второй четверти XIX в. от России в целом. П.Г. Рындзюнский отмечает, что первостепенное значение для губернии в 1830-50-е гг. приобретает интенсивный рост заводских поселений. По мнению исследователя, последние оттягивали те людские ресурсы, которые в иных социальных условиях – при свободе труда и расселения – стали бы главным источником роста и развития городов (13; 331, 334).

Для мещанства важным представляется тот факт, что его торгово-ремесленные функции в заводских поселениях осуществляли представители других сословий, в частности крестьяне. Последние вполне успешно обслуживали нужды жителей при заводах и рудниках. Занятия же мещан были тесно связаны с их правовым статусом «податного» сословия. К тому же сама процедура перехода в мещанское сословие отнимала значительное количество средств и времени.

Список литературы

1. Андреев Н.В. История Пермского городского самоуправления последней четверти XVIII – перв. четв. XIX вв. Екатеринбург-Пермь, 2003.
2. Балбашевский И.Г. Исторический очерк гражданского устройства Пермского края // Сборник материалов для ознакомления с Пермской губернией. Пермь, 1891. Вып.3.
3. Берх В. Путешествие в города Чердынь и Соликамск для изыскания исторических древностей. СПб., 1821.
4. Горбунов А. Кунгур и кунгурский уезд в 1781 г. // Кунгурско-Красноуфимский край. № 11-12. 1925.
5. Государственный архив Пермской области (далее – ГАПО). Ф.36. Оп.1. Д.8. Л.205 об.
6. Подсчитано автором по: ГАПО. Ф.36. Оп.1. Д.8. Л.205 об.; Д.27. ЛЛ.314-315.

7. Государственный архив Свердловской области (далее – ГАСО). Ф.141. Оп.1. Д.34. Л.340.
8. История Курганской области. Досоветский период. Т.3: Города Зауралья. Курган, 1998.
9. См. например, История Урала с древнейших времен до 1861 г. / Отв.ред. А.А.Преображенский. М.: Наука, 1989.
10. Кабузан В.М. Изменения в размещении населения России в XVIII - первой половине XIX в. (по материалам ревизий). М., 1971.
11. Краткое статистическое обозрение Пермской губернии 1832 года // Сборник материалов для ознакомления с Пермской губернией. Пермь, 1891. Вып.3.
12. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба Пермской губернии. Ч.1./ Сост. Х.Мозель. СПб., 1864.
13. Рындзюнский П.Г. Городское гражданство дореформенной России. М., 1958.
14. Рындзюнский П.Г. Сословно-податная реформа 1775 г. и городское население // Общество и государство феодальной России. Сб. статей. М., 1975.
15. Сметанин С.И. Разложение сословий и формирование классовой структуры городского населения России в 1800-1861 гг. // Исторические записки. М., 1978. Т.102.

И.С. Менщиков

**Курганский государственный университет,
г. Курган**

КАЛЕНДАРНЫЕ ПРАЗДНИКИ И ОРГАНИЗАЦИЯ ВРЕМЕНИ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ

Праздник – сложное явление, особенно для изучающих традиционные культуры. Он несет множество функции, в том числе и функцию организации времени. Значительная часть праздников так или иначе привязана к системе отсчета и организации времени – календарю. Календарные системы очень разнообразны, как и темпоральные представления у разных народов. В рамках этих тезисов мы попытаемся рассмотреть лишь самые общие проблемы роли и места праздника в календарных системах. Кроме того, из-за нехватки места, ссылки будут сведены к самому необходимому минимуму.

Мы привыкли к линейному восприятию времени: прошлое, настоящее, будущее. Однако подобное понимание времени – сравнительно недавнего происхождения. Большинство авторов относят её происхождение к Блаженному Августину. По всей видимости, эта идея длительности и направленности времени смогла утвердиться лишь среди интеллектуалов. Большинство придерживалось принятой для традиционной культуры идеи цикличности времени.

Традиционная культура – явление сложное. Она попадает в поле исследования этнологов, историков и культурологов. Циклизм находил отражение и в календарных системах. Как правило, человеку традиционной культуры нет необходимости в стройной и направленной календарной системе, подобной нашей (до Рождества Христова и после). Вполне достаточно такой системы, которая охватывала век человеческой жизни. Хронология привязывалась к каким-то выдающимся событиям, радостным или отрицательно окрашенным в эмоциональном смысле. Отголоски этой ненужности «большого времени» мы находим в китайском шестидесятилетнем цикле, принятой на Востоке системы отсчета по правлению монархов или династий (эпоха Тан, например), древнегреческой эре Олимпиад.

Цикличное время, как уже отмечалось, характерно

для традиционных и бесписьменных обществ. Повторяемость можно обнаружить на нескольких уровнях. Прежде всего, продолжительность человеческой жизни – «век». Цикл, связанный с чередованием сезонов и полевых работ – год. Наконец, биологический цикл, связанный со сменой дня и ночи – сутки. Мы попытаемся более подробно остановиться на втором из перечисленных циклов – годе, его этапах и роли праздников в делении и организации этого времени.

Как известно, еще со времен Аристотеля, время есть мера движения материи. Также хорошо известно, что и сознание человека воспринимает время, но несколько по-другому: мера движения объективна и не зависит от нашего сознания, переживаемое время субъективно и существует в нем. Историческая наука имеет дело и с тем, и с другим.

Традиционная культура живет, прежде всего, в психологическом, субъективном времени. Она тесно связана с агарным циклом, физическими возможностями людей. Точное астрономическое время здесь не имеет практически никакого значения. Не случайно долгое время и на Востоке и на Западе час зависел от светового дня и не был абсолютной единицей, состоящей из шестидесяти минут. Летом он был длиннее, как и светлое время суток, зимой, соответственно короче. Это показывает, что структурирование времени на уровне суток не было очень важным, оно было задано биологическим ритмом человека. Даже в довольно развитых городских культурах сутки делились на сравнительно большие отрезки – «стражи» по 3 – 4 часа (3, 481 – 565).

Годовой цикл также определен сменой времен года и полевыми работами, однако структурирование его в большей мере зависит от сознания человека. Деление года на сезоны также весьма условно, гибко и подвижно, да и само начало года у разных народов приходится на разные дни. Кто-то подсчитал, что Новый год можно отмечать каждый день. Вместе с тем, сознание структурирует и год. Огромную роль в структурировании времени на этом уровне играет праздник. Социальная роль праздника весьма разнопланова. Праздник позволяет отдохнуть, прервать ход будней, он имеет и сакральную окраску, для него характерен порыв уйти от времени профанного во время сакрального. Последняя функция праздника хорошо разработана М.М. Бахтиным (1).

Если говорить о христианской Европе, то можно заметить, что религиозные праздники как бы накладываются на народные, аграрные, языческие, подобно тому, как христианские храмы и монастыри ставились на священных языческих местах и капищах. Поэтому произошло некоторое смещение аграрных праздников в привязке их к христианским.

Праздники играли важную роль в жизни горожан и ещё большую – в жизни крестьян. Праздники прерывали привычный ход будничной жизни и давали человеку возможность физически и психологически отдохнуть. Праздники организовывали, членили время. В эпоху, когда представления о хронологии и календаре были достаточно размытыми не только у крестьян, но и у горожан, когда основным календарём был церковный и выработанный народом месяцеслов, когда счёт был весьма затруднительным делом, основными вехами на пути времени становились праздники, как правило, церковные. Счёт времени вёлся «от Петрова до Покрова» или от Рождества до Пасхи. С праздниками были связаны многочисленные приметы и обряды. Наконец, праздники были важной составляющей духовной культуры общества.

Во время праздников происходила передача различных элементов духовной культуры (песен, сказок, примет гаданий, обрядов и т.п.). В праздничных действиях

принимали участие практически все жители деревни. Во время праздников молодёжь получала настоящее эстетическое воспитание. Поскольку народная культура и в начале XIX века носила непрофессиональный (за крайне редким исключением) характер, то в её развитии существенную роль играли семья и община.

Праздники, в зависимости от отмечаемого ими события, могут быть подразделены на общественные и семейные. Во многом такая классификация условна, так как в семейных праздниках принимала участие почти вся община, и в общинных главной ареной празднества становилась семья, дом. Однако в данном случае в принцип деления положен сам факт отмечаемого события. К общественным праздникам относятся те, которые равно отмечала вся община. Как правило, это были церковные праздники. Единственным, пожалуй, исключением являлся Новый год. К семейным относятся те, где отмечалось какое-то событие в жизни семьи: свадьба, крестины и т.п.

Существует деление праздников (прежде всего - общественных) на праздники воспоминания и праздники преобразования. В задачи первых входит регулярное обновление и подтверждение смысловых парадигм. Это дни памяти святых и поминовения усопших, большинство христианских двенадцатых праздников. Праздники второй категории выполняют задачи перевода общества и окружающего космоса из старого состояния в новое. К таким праздникам относятся сезонные увеселения карнавного типа, а также семейные обряды, связанные с рождением, браком и смертью (2; 23).

Продолжать классификации можно и далее. Однако нам бы хотелось остановиться именно на календарных праздниках и их функции в организации времени. Главная отличительная особенность календарных праздников – их жесткая привязанность к календарю. Календарь может быть любым, календарей может быть даже несколько, существующих параллельно (как, например, в христианской церкви часть праздников исчисляется по солнечному календарю, а Пасха и связанный с ней временной цикл – по лунно-солнечному). Праздник выступает в календаре как системе отсчёта времени в той же роли, что и вехи или верстовые столбы на дороге: он определяет этапы и помогает не сбиться с нужного направления. Поскольку долгое время главным хранителем времени и календаря как на западе Европы, так и на востоке, выступала христианская церковь, практически все календарные праздники здесь носили религиозный характер. Так, праздники определяли рацион питания – посты и наоборот полное отсутствие пищевых запретов. Основные праздники и посты более или менее равномерно распределяли временные циклы в году: от Рождества до масленицы (или карнавала), Великий пост, пасхальный цикл праздников до Троицы (наиболее развитый у восточных славян). Это и периоды сельскохозяйственных работ. Менее определен праздник, определявший начало осени. Это связано, прежде всего с климатическими различиями. Так в Англии таким рубежом был Михайлов день (Michaelmas, 29 сентября). Этот день был рубежом для сроков многих сделок, особенно связанных с землёй и земледелием. В России таким рубежом было Рождество Богородицы (8 сентября ст. стиль). В некоторых местах – Покров (1 октября ст. стиль).

Календарные праздники регулировали и семейные праздники, которые опосредованно были с ними связаны. Так в у русских вплоть до XX века были довольно жестко определены сроки свадеб. Почти все они происходили в три временных промежутка. Первый самый небольшой и наименее популярный – весной, неделю спустя после Пасхи. Второй – осень, до начала рождественского поста. Наконец, самый популярный временной от-

резок - от сваток до масленицы (январь-февраль).

Таким образом, у календарных праздников есть и иная, дополнительная функция – деление и организация времени. В силу разных причин некоторые праздники стали общепринятыми рубежными датами (Рождество), иные были таковыми только в отдельных местностях (Покров), а некоторые не несли почти никакой функции в смысле деления времени. Вместе с тем, каждый праздник помогал ориентироваться во времени, считать даты и определять их.

Список литературы

1. Бахтин М.М. *Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса*. М., 1990.
2. Реутин М.Ю. *Несколько соображений по поводу карнавального «хронотопа» // Одиссей: Человек в истории*. 2005. М., 2005. С.23.
3. Савельева И.М., Полетаев А.В. *История и время. В поисках утраченного*. М., 1997. С.481 – 565

А.П. Мироненко

Стерлитамакская государственная педагогическая академия им. Зайнаб Бишевой,
г. Стерлитамак

РЕКОНСТРУКЦИЯ КОСТЮМА РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ЮЖНОГО УРАЛА

Костюм является одним из значимых элементов материальной и духовной культуры общества на определенном этапе его развития. Его исследование есть неотъемлемая часть процесса реконструирования жизни, быта, и всей истории в целом. Это дает нам ценные сведения о происхождении, культурных связях и эстетических идеалах народа, являясь важным историко-культурным источником. В данном исследовании сделана попытка реконструкции костюма кочевников раннего железного века Южноуральского региона на основе археологических материалов. Эта тема очень слабо исследована в рамках интересующих нас территорий, так как природно-климатические условия Южного Урала не способствуют сохранности материалов, относящихся к костюму (остатка декора одежды в погребениях, изображений, только в некоторых случаях имеются в наличии кусочки тканей, кожи, меха и других косвенных указателей на наличие и состав одежды номадов). Цель данной работы состоит в систематизации находок, позволяющих дать характеристику костюма кочевой культуры ранне-сарматского периода Южного Урала, с привлечением сюда данных других регионов и сведение их в среднестатистический тип костюма.

Необходимо заранее определиться с назначением костюма, ведь он может нести в себе сразу несколько функций: повседневная, защиты в бою, ритуальная, погребальная и др. В нашем исследовании будет разрабатываться костюм, предназначенный для повседневной носки, и рассчитан он будет на период поздняя весна – лето - ранняя осень местного степного резко-континентального климата со ср. t - 15°C.

Источниковой базой к работе будут служить, главным образом, археологические материалы курганных могильников территории Южного Урала, с привлечением данных сопредельных территорий, серия изображений и небольшое количество беглых упоминаний о костюме у греко – римских авторов, характеризующие период IV – начало II вв. до н. э., когда активно действуют кочевники Южных Урала, Приуралья и Зауралья.

Материал одежды. В захоронениях Южного Урала

в основном отсутствуют прямые данные по материалу одежды, но необходимо учесть, что в погребениях ранних кочевников южноуральских степей чаще находят обрывки ткани из овечьей и козьей шерсти (хотя нельзя исключать и возможность использования растительных волокон – конопля и крапивы) (1, 15). Доказано, что даже пазырыкцы широко использовали шерстяные ткани местного производства для отделки рубах, пошива штанов, юбок (11, 157). Исключу наличие вязаной ткани, т.к. основным способом изготовления ткани было ткачество (распространены находки грузил в женских погребениях – тальковые «молоточки», находящиеся у погребенной, как утверждают исследователи, – возможно, и есть грузила ткацкого станка), очень часты находки пряслиц (керамических, каменных, алебастровых), а они в основном использовались для выделки животной шерсти – на основании чего мы можем предположить, что основным продуктом для изготовления одежды была плетеная ткань из шерсти овцы или козы (9, 132). Что касается использования кожи и меха, то они распространены в выделке верхней одежды (особенно мужчин) и обеспечивают большую практичность в носке и защиту в поединке, обуви, головных уборов и др. Выделкой и обработкой кожи занимались преимущественно мужчины (1, 57).

Следует отметить также использование войлока и кошмы из овечьей шерсти чаще для обуви (стельки), но и для одежды, изготовлением которых занимались женщины (11, 276).

Окраска данной ткани может быть самой разнообразной. Страбон указывал, что массагеты, живущие в горах, придают одежде «пеструю окраску, применяя не терпящие свежести краски». По данным исследователей, в дикорастущей флоре Башкортостана для получения красной краски можно использовать 17 видов растений, оранжевой – 2, желтой – 47, зеленой – 17, синей – 14, голубой – 3, фиолетовой – 4, лиловой – 20, желто-зеленой – 11, серой и бурой – 4, буро-красной – 1 (1, 38).

Плечевая одежда подразделяется на нераспашную – нательную, и распашную, в виде кафтанов. Остатков этих одежд практически не сохранилось, имеются лишь кусочки тканей и кожи, законсервированные окисью металлов, и тлен. В женских погребениях декор плечевой одежды проследить гораздо проще, благодаря косвенным на то указателям: расположению бус, которыми обшивались некоторые элементы одежды, застежек и др. (16, 140). Хорошо прослеживается покрой плечевой одежды сарматов на изображениях искусства Боспорского царства I – сер. II вв. н.э., стенной росписи в Керчи с изображением поединка боспорских и сарматских воинов (17, 157). Одежда нераспашная представлена тут рубахами до колен и ниже с треугольным вырезом у горла, возможно, она использовалась в теплое время года как единственная, без дополнительной верхней одежды. Поверх одеваются кафтаны – верхняя одежда, шилась из плотных грубых материалов – шерсти, а также кожи. Среди кафтанов распространены плащи – накидки – короткие, узкие, подпоясанные пояском (такой кожаный короткий плащ трапецевидной формы найден на убитом сарматском воине III – II вв. до н.э., похороненном в Красногорском кургане Оренбургской области; также на использование кожи нам указывают данные погребения V в. до н.э. у села Клястицкое у г. Троицк, где обнаружены фрагменты плаща виде кусочков тонкой кожи светложелтого цвета) (17, 164). Что касается рукавов, то они были не широкими, для обеспечения большей практичности в бою. Для сарматской культуры характерно использование фибул и застежек, но савроматы не носили металлических застежек на плащах, не было моды обшивать одежду металлическими бляшками, во всяком слу-

чае, это прослежено в погребениях рядового савроматского населения (4, 86). Для застегивания одежды савроматы применяли железные, бронзовые и костяные пряжки, пуговицы из крупных бусин (и, чаще всего, эти предметы располагаются с левой стороны костяка, что может свидетельствовать о манере запахивания распашной одежды справа налево). В погребениях сохраняются обрывки ремней от пояса (7, 97). Пряжки и ремни одежды, вероятно, не отличались от элементов оружейной портупеи. Что касается женского костюма, то мы имеем в наличии изображения женщин (богини, знатные особы в парадной одежде), но изображений простых сарматских, сакских, скифских женщин мы не знаем, нет описания их одежды в каких-либо источниках, за исключением Геродота, который писал, что женщины савроматов одеваются также, как и мужья их (11, 175).

Защитная панцирная одежда. Богатые кочевники носили металлические, костяные чешуйчатые панцири, аналогичные панцирям скифов (например, древнее селище у с. Тонкошуровка Саратовской области – бронзовые чешуйки, в комплексе с которыми найден бронзовый трехлопастный наконечник, характерный для Южного Приуралья V в. до н.э., обломки железного панциря К1 близ 15-го поселка в Астраханской области, 10 Филипповский курган – панцирь из бронзовых чешуек, 3, 7 Филипповские курганы – железный чешуйчатый панцирь, К 10 П 1, К 12 П центральное Переволочанского могильника, К1 Прохоровского могильника – кираса – цельнометаллический доспех). Но тяжеловооруженная конница еще не составляла основного рода вооруженных сил кочевников савроматского времени на территории Южного Урала, кочевники – обыватели, судя по преобладающему количеству погребений, не имели доспехов (2, 54).

Поясная одежда у мужчин кочевого мира представлена, главным образом, штанами (шароварами). По словам античных авторов, они были широкими и кожаными, т.к. противопоставлялись характерной для других народов одеждой из тканей. Судя по изображениям, то они чаще заправлены в обувь или же заужены по нижнему краю шнурком (17, 193). Предполагаемый крой штанов кочевников соответствовал всадническому образу жизни. Пояса, очевидно, изготавливались из кожи и подвязывались, т.к. пряжки в прохоровское время на территории Южного Урала найдены в считанном количестве (15, 184).

Головные уборы. На большинстве изображений мужчины показаны с непокрытой головой. Известны находки шлемов (на территории Поволжья г. Старый Печур, Прикубанья, Западной Сибири – около 9 шлемов – один источник происхождения – Рабинович – VI в. до н.э.), доказано, что это импорт из Кавказа. В погребения Южного Урала нет данных, характеризующих головные уборы мужчин (2, 64). Наблюдаемые в районе головы бусы (чаще среди женских погребений), свидетельствуют о наличии головных уборов. Исследователи (Смирнов, Руденко) считают, что для многих народов характерны налобные повязки, в том числе и сарматов, которые, выполняли еще и роль апотропеев (11, 184).

Обувь. Остатков в региональных погребениях обуви также не зафиксировано, но, ссылаясь на природно-климатические условия, делаем вывод, что основным материалом изготовления может служить кожа животных. Судить о внешнем виде обуви помогает анализ изображений кочевников на предметах обихода и др. вещах, но в данном случае есть минус – как правило, авторы не передают структуру пошива обуви и состав материала. Полагаться на отлично сохраненную в мерзлоте обувь богатейших Пазырыкских курганов Горного Алтая не следует ввиду того, что все они принадлежали высшему сословию и имели парадный вид (7, 184).

Будет верно ссылаться на тип сапожек из кургана № 5 у с. Булгаго (Николаевская область), которые представляют из себя подошвенную трехчастную кожаную обувь мягкого типа, швы прошиты сухожилиями. Высота сапожек – 20 см, они достаточно широкие в голенищах, чтобы было можно надеть на ногу. Голенища стягивались кожаным ремешком вокруг щиколотки (ширина ремешков 2 см, длина 50 см). Также имелась войлочная прокладка – стелька на подошве и утолщение пяточной части (5,185).

Часто в районе ступней находят частицы кожи и меха, поэтому сапожки будут изготовлены из кожи животного, а сверху голени обрاملены козым мехом. Нередки находки золотых или бронзовых бляшек, украшающих обувь.

Таким образом, все вышеизложенное в комплексе образует состав и декор мужского и женского костюмов кочевников Южного Урала времени раннежелезного века. Данный тип костюма, главным образом, носит практический характер.

Список литературы

1. Акбулатов И.М. Экономика ранних кочевников Южного Урала. Уфа: ИИ РБ, 1999. 100 с.
2. Васильев В.Н., Пшеничнюк А.Х. К вопросу о защитном вооружении ранних кочевников Южного Урала // Вооружение и военное дело древних племен Южного Урала. Уфа, 1995. С. 76.
3. Граков Б.Н. Пережитки матриархата у сарматов // Вестник древней истории. 1947. № 3. С. 100-121.
4. Ишбердин А. Р. О некоторых результатах исследования объектов органического происхождения из курганов эпохи бронзы и раннего железного века Южного Урала // УАВ.-1998. №1. С. 164-172.
5. Клочко Л.С. Скифская обувь // Советская археология. - 1992. № 1. С. 180-186.
6. Ковпаненко Г.Т. Сарматское погребение I в. н.э. на Южном Бузге. М.: Наука, 1991. 214 с.
7. Мажитов Н.А., Пшеничнюк А.Х. Курганы раннесарматской культуры в южной и юго-восточной Башкирии. Исследования по археологии Южного Урала. Уфа: БФАН СССР, 1977. 280 с.
8. Мироненко А.П. Реконструкция женского костюма ранних кочевников Южного Урала // XL международная Урало-Поволжская археологическая конференция. Материалы и тезисы докладов. Самара: Издательство СГПУ, 2008. С. 132.
9. Пшеничнюк А.Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. М.: Наука, 1983 г. 198 с.
10. Пшеничнюк А.Х., Рязяпов М.Ш. Темясовские курганы позднесарматского времени на юго-востоке Башкирии. Древности Южного Урала. Уфа: БФАН СССР, 1976. 204 с.
11. Руденко С.И. Горноалтайские находки и скифы. М.-Ленинград: Наука, 1952. 432 с.
12. Садыкова М.Х. Сарматский курганный могильник у дер. Старые Кишки. Археология и этнография Башкирии. Уфа: БФАН СССР, 1962. 198 с.
13. Скрипкин А.С. Азиатская сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов: Издательство сарат. Ун-та, 1990. 287 с.
14. Смирнов К.Ф. Производство и характер хозяйства ранних сарматов // Советская археология. 1964. № 3. С. 59-65.
15. Смирнов К.Ф. Саверматы: Ранняя история и культура сарматов М.: Наука, 1964. 376 с.
16. Хазанов А.М. Материнский род у сарматов // Вестник древней истории. 1970. №2. С. 138-148.
17. Яценко С.Я. Костюм древней Евразии. М., 2006.

Н.А. Михалев
Институт истории и археологии УрО РАН,
г. Екатеринбург

ОРГАНИЗАЦИЯ ПЕРВОЙ ВСЕОБЩЕЙ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ 1897 г. НА ЯМАЛЕ

Различные аспекты истории Ямала (Ямало-Ненецкого автономного округа) в последнее время становятся объектом все большего внимания со стороны многих отечественных исследователей (1, 3-20). Однако изучение различных аспектов демографического развития края – особенно применительно к периоду конца XIX – первой половины XX вв. – как занимало, так и продолжает занимать в историографии относительно периферийное положение.

Одним из основных источников демографической информации, а следовательно, и одним из главных источников любого историко-демографического исследования являются переписи населения. Перепись населения – это процесс сбора демографических, экономических и социальных данных, характеризующих в определенный момент времени каждого жителя страны или территории (2, 305). В большинстве случаев сведения о численности населения и его составе – есть или результат переписи населения, или исчислений на основе последних. В конце XIX в. современная территория Ямало-Ненецкого округа входила в состав Березовского уезда Тобольской губернии.

Первая и единственная всеобщая перепись населения Российской империи проводилась по состоянию на 9 февраля (28 февраля) 1897 г. Она была проведена по принципу однодневной переписи. Переписные листы заполнялись в селе за 30-20, в городах – за 10-5 дней до дня переписи, а затем в них вносились исправления по состоянию на критический момент. В российских губерниях для проведения переписи были созданы губернские, а в уездах – окружные переписные комиссии.

Березовская окружная переписная комиссия была организована на основании распоряжения Тобольской губернской переписной комиссии от 28 сентября 1896 г. – полученного в Березове «благодаря отдаленности его и распутице» лишь в начале ноября – 6 ноября того же года, на целый месяц позже остальных окружных комиссий, образованных в октябре (3). В ее состав вошли председатель – березовский окружной исправник, коллежский советник Владислав Каэтанович Кондратович, члены – за отсутствием в Березове воинского начальника и податного инспектора, включение которых в состав уездных комиссий требовало «Положение о первой всеобщей переписи населения Российской империи» – начальник березовской местной команды, капитан Иван Иванович Алексеев, окружной казначей, коллежский секретарь Дмитрий Николаевич Соколов и временно исполняющий дела березовского городского старосты Константин Герасимович Тарасов (4). На втором заседании Окружной комиссии, состоявшемся 10 ноября 1896 г., было принято решение о разделении территории уезда на четыре переписных участка. В первый был выделен непосредственно город Березов. Во второй участок – Кондинский – вошли русские Елизаровская и Кондинская волости, а также три инородческих: Котская, Казымская и Подгородная. В состав третьего участка – Сосьвинского – были включены Сосьвинская и Ляпинская инородные волости. Наконец, четвертый участок – Обдорский – охватывал

территорию трех инородных волостей: Куноватской, Обдорской Остяцкой и Обдорской самоедской (5).

Говоря о разделении уезда на переписные участки, необходимо отметить, что выделение ни одного из них не соответствовало утвержденной Министерством внутренних дел инструкции уездным и городским переписным комиссиям, которая предписывала образовывать участки «с таким расчетом, чтобы в каждый из них входило от 15000 до 30000 жителей» (6). Т.е. уезд по количеству населения, численность которого по имевшимся до переписи данным составляла около 21 тыс. чел., должен был быть разделен самое большее на два переписных участка. Однако в силу обширности территории уезда и малой плотности населения Комиссия сочла возможным разделить территорию уезда на три участка (7). Выделение же Березова в самостоятельный участок было обусловлено следующими причинами: «1) вблизи города нет населенных пунктов; 2) население, проживающее в окрестности города на довольно порядочном от него расстоянии, исключительно инородческое, составляющее иной этнографический состав, чем население города, и 3) с выделением г. Березова в особый участок не требовалось никаких лишних денежных расходов в виду намеренных бесплатных счетчиков из интеллигенции, заявивших согласие потрудиться бесплатно» (8).

Заведывание этими участками, в силу знакомства с местными условиями последних, было решено возложить на следующих лиц: участок № 1 – на помощника березовского окружного исправника Владимира Павловича Крекова, участок № 2 – на кондинского земского заседателя Ивана Семеновича Могилева, участок № 3 – на секретаря березовского окружного полицейского управления Абрама Харлампьевича Дудинова и участок № 4 – на местного земского заседателя Ивана Семеновича Нагибина (9).

Конкретный план проведения переписи на каждом из участков был принят на заседании Комиссии, состоявшемся 13 декабря 1896 г. Несколько подробнее хотелось бы остановиться на особенностях проведения переписи на четвертом участке, самом обширном по площади и количеству жителей. Кроме того, именно эти территории впоследствии войдут в состав Ямало-ненецкого округа.

Обдорский переписной участок было решено разделить на две части. Первую часть участка составляла Куноватская волость, представлявшая наименьшие трудности для переписи. Перепись сравнительно компактно проживавшего здесь оседлого автохтонного и русско-зырянского населения предполагалось произвести при помощи двух счетчиков – волостного писаря Щепеткина и вахтера хлебозапасного магазина Шахова. Личный объезд каждым из них своего счетного участка должен был занять как минимум один месяц и начаться в декабре. Остальное население, которое вело полукочевой образ жизни, предполагалось переписать в начале января при сборе ясака. Расположенное в данной волости село Мужы было решено разделить на четыре счетных участка, где перепись в установленные сроки будет осуществлена местным священником, псаломщиком, учителем и фельдшером, выразивших желание работать бесплатно (10).

Большие трудности для проведения переписи представляла собой Обдорская Остяцкая волость, значительная часть населения которой вела кочевой образ жизни. Кроме того, на территории волости находилось и село Обдорское, куда происходил огромный наплыв пришлого населения в ходе знаменитой ярмарки, время проведения которой – с 1 по 21 января – совпадало с временем переписи. В силу этих обстоятельств Комиссия решила установить различные способы переписи жителей

Обдорска и кочевого населения остальной волости. Работу по переписи последнего предполагалось возложить на волостного писаря Ускова, а саму перепись провести в январе – начале февраля во время сбора ясака. Личный же объезд чумов счетчиком – «ввиду крайней их разбросанности» – был признан невозможным. Причем, как и в случае с другими переписными участками, Комиссия изначально отмечала, что «перепись кочевого, живущего в чумах, населения этого района совершенно точно быть не может», т.к. переписи будут подвергнуты лишь те лица, которые «явятся лично для положения ясака», хотя «сколько возможно эти сведения будут пополнены распросами явившихся об отсутствующих». Что же касается Обдорска, то его предполагалось разделить на 12 счетных участков с таким же числом бесплатных счетчиков, на которых возлагалась также обязанность по переписи всего пришлого на время ярмарки населения (11).

Наконец, самые большие трудности были связаны с переписью населения Обдорской Самоедской волости, абсолютно все жители которой являлись кочевниками. Учитывая данное обстоятельство, Тобольская губернская переписная комиссия первоначально выступила с предложением о посылке нарочных в наиболее крупные торговые фактории и места зимовок для оповещения проходящих через эти пункты ненцев о необходимости ради переписи направляться в Обдорск. Но, как оказалось «по единогласным отзывам сведущих лиц», эта мера своей цели не достигнет. Во-первых, нарочные были не в состоянии известить всех кочевников, шедших через эти пункты «врассыпную». Во-вторых, последние даже при желании не могли прибыть в Обдорск, «ибо около Обдорска не хватило бы корма для стад оленей, с которыми они идут». Более того, в-третьих, эта мера могла оказаться даже вредной, «ибо плохо понятое распоряжение переписи могло быть истолковано самоедами иначе, и это оповещение вместо того, чтобы собрать самоедов в Обдорск, разогнало бы их» (12).

Поэтому, отклонив данное предложение, Комиссия решила произвести перепись уже одобренным для других переписных участков способом: осуществить учет кочевников в Обдорске, в Инородной управе, при сборе ясака, для которого обязательно должны были прибыть старшины всех вагаг и многие самостоятельные хозяева. И хотя в таком случае «более или менее точному учету будут подлежать семьи старшин и явившихся лично хозяев», а «о не прибывших же самоедах вряд ли возможно будет собрать достоверные сведения», другого способа произвести перепись Комиссия не видела. Перепись же самоедов в Обдорске предполагалось поручить тому же волостному писарю Ускову и начать ее с января, т.е. с того времени, когда кочевники начнут прибывать в село для уплаты ясака. В помощь Ускову предложено также было командировать трех писцов (13).

Описанный выше план организации и проведения переписи в Березовском уезде после утверждения Окружной комиссией был препровожден в Тобольскую губернскую переписную комиссию. Последняя на своем заседании 31 декабря 1896 г. рассмотрела и также утвердила данный проект, вынеся постановление, что «заведующие участками ... должны немедленно приступить к работе» (14).

Перепись городского населения уезда (т.е. жителей Березова) была произведена за один день. Перепись русского населения остальной территории уезда была произведена за несколько дней до 28 января, поскольку в данном случае счетные участки по количеству жителей и населенных мест не были значительными: от 10 до 1030 человек и от 4 до 80 дворов. На одного счетчика приходилось примерно 90 человек и 15 дворовых мест, что делало обход возможным самое большее за пять дней. По-

верка переписи русского населения осуществлялась путем вторичного обхода. Производство переписи оседлого инородческого населения началось, как и предусматривалось по плану, с декабря 1896 г. путем личного объезда счетчиками юрт (как назывались в то время селения «инородцев»), находившихся в пределах счетных участков последних. Ее оказалось возможным только завершить только к 28 января, а потому проверка результатов, как изначально и оговаривалось Комиссией, в силу отсутствия времени произведена не была (15).

Наибольшие затруднения были связаны с переписью кочевого населения уезда. Председатель окружной комиссии в своем рапорте на имя губернатора, от 9 марта 1897 г., отмечал, что «перепись как инородческого, так русского населения Березовского округа окончена своевременно, т.е. 28 января, за исключением северных кочевников, которых перепись продолжалась и после означенного срока, по мере прикочевки их к селу Обдорскому, так как никаких других средств к приведению в известность кочевого населения не представлялось» (16).

Итак, несмотря на неблагоприятные условия, которые были обусловлены спецификой уезда и которые значительно осложняли деятельность исполнительных переписных органов и их работников, можно констатировать, что первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. в Березовском уезде (включая и северную его часть) состоялась. Как отмечалось в журнале Окружной переписной комиссии, «результат переписи вышел удовлетворительный» (17). Во многом успешному проведению переписи способствовало и то, что само население, «как городское, так сельское и инородческое к делу переписи отнеслось без всяких нежелательных предубеждений или неправильных и несогласных с духом разъяснений Правительства о целях переписи, толкований» (18).

Список литературы

1. Камынин В.Д. Основные этапы и проблемы изучения истории Ямало-Ненецкого национального округа // *Ямал в панораме российской истории. Екатеринбург, 2004.*
2. *Народонаселение. Энциклопедический словарь. М., 1994.*
3. *Государственный архив в г. Тобольске (ГУТО ГАТ). Ф. 573. Оп.1. Д. 7. Л.1, 9.*
4. *Там же. Ф. 573. Оп.1. Д. 7. Л. 1.*
5. *Там же. Л. 1, 1об.*
6. *Там же. Ф. 477. Оп. 1. Д. 2. Л. 43.*
7. *Там же. Ф. 573. Оп.1. Д. 7. Л.1об.*
8. *Там же. Л. 6об.-7.*
9. *Там же. Л. 1об.*
10. *Там же. Ф. 477. Оп. 1. Д. 7. Л. Л. 54 об., 55, 55 об.*
11. *Там же. Л. 56-56 об.*
12. *Там же. Л. 57-57об.*
13. *Там же. Л. 57об.-58.*
14. *Там же. Ф. 573. Оп. 1. Д. 7. Л. 18.*
15. *Там же. Л. 7.*
16. *Там же. Ф. 477. Оп. 1. Д. 7. Л. 74.*
17. *Там же. Ф. 573. Оп. 1. Д. 7. Л. 5об.*
18. *Там же. Л. 7об.*

Л.Г. Насырова

Елабужский государственный педагогический университет, г. Елабуга

ВКЛАД КАЗАНСКОГО КУПЕЧЕСТВА В РАЗВИТИЕ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ НА РУБЕЖЕ XIX – XX ВЕКОВ

Купеческое сословие Казани внесло определяющий вклад в осуществление целенаправленной благотвори-

тельной деятельности, формирование специализированных организаций, занимавшихся социальным обеспечением неимущих слоев населения города и губернии. Еще в первой половине XIX века, предприниматели оказали активную поддержку Казанскому приказу общественного призрения и Попечительному о бедных комитету Императорского человеколюбивого общества. Эти учреждения содержали сиротские дома, больницы, школы, оказывали постоянную и единовременную материальную поддержку нуждающимся. Доля частного капитала в финансировании данной деятельности возрастала год от года, что свидетельствовало о возникновении эффективного партнерства государства и общества в решении наиболее острых социальных проблем.

Не случайно, что именно представители казанского купечества в первой половине XIX века стали инициаторами создания в городе нескольких богаделен и детских приютов. В 1848 году благодаря подвижничеству купца В.М.Ложкина открылся дом призрения неимущих, престарелых и увечных граждан, получивший название по имени своего основателя. Впоследствии «Ложжинская» богадельня превратилась в крупнейшее благотворительное заведение города и пользовалась постоянным вниманием и заботой местного купечества.

В этот же период в Казани возникли три детских приюта. Первый из них - Николаевский, был открыт 11 января 1844 года по инициативе купца первой гильдии Александра Леонтьевича Крупенникова (1788-1855), который еще в 1839 году внес в Казанский приказ общественного призрения 3000 рублей для того, чтобы проценты с данной суммы впоследствии были направлены на учреждение специального сиротского дома (4;1). Следует отметить, что предприниматель, происходивший из семьи крупного казанского купца и общественного деятеля, за столь щедрый взнос получил в 1841 году признательность губернатора. В это время он много сил отдавал на должности Городского головы (1839-1841) и использовал все свои возможности для создания в Казани детского приюта. Государство высоко оценило заслуги благотворителя и общественника, наградив его в 1842 году золотой медалью на Аннинской ленте с надписью «За усердие» и в 1846 золотой медалью на Владимирской ленте (5;2). Почин А.Л. Крупенникова подхватили высшее чиновничество и наиболее именитые представители делового мира. Как отмечает Л.М. Свердлова: «В 1842 году казанский военный губернатор Сергей Павлович Шипов обратился к лицам, известным милосердными делами, с просьбой поддержать начинание. На его призыв откликнулись тогдашний Городской голова купец С.Е.Александров, выделив 2 тысячи, а по 3 тысячи рублей внесли мамадышские купцы Н.И. Щербakov и Таганов. К 1843 году вместе с процентами на счету детского приюта накопилось 12 тысяч рублей» (8;145). Здание для благотворительного заведения предоставило Казанское городское общественное управление. Благодаря его помощи, приют разместился в бывшем доме городского магистрата (ныне ул. Баумана, 3). Попечителями приюта на протяжении всей его истории являлись представители дворянских и торговых фамилий Казани. В 1844 году здесь, получая бесплатное образование и полное обеспечение, находили надежный приют 80 детей-сирот. В стенах благотворительного заведения работали 6 опытных педагогов. При помощи А.Л. Крупенникова при приюте в 1845 году было создано ночлежное отделение на 30 детей. В 1890 при финансовой поддержке купца М.И. Попова отделение существенно расширили.

Менее чем через год после Николаевского в городе появилось еще одно благотворительное учреждение –

Мусульманский братьев Юнусовых детский приют. Весной 1844 года купцы первой гильдии братья Ибрагим и Исхак Губайдулловичи Юнусовы, заявив о желании учредить татарский приют для сирот и неимущих малолетних детей, который распахнул свои двери 6 декабря 1844 года. Здесь находились на полном пансионе до 30 мусульманских мальчиков сирот от 7 до 16 лет. Они получали начальное духовное образование, основы которого преподавали известные богословы и учителя.

Юнусовы вкладывали большие личные средства в развитие данного учреждения. На строительство домов для приюта купцы выделили 10 тысяч рублей, а также передали в его собственность 14 торговых лавок на Сенной площади стоимостью в 5 тысяч рублей. Доход с них в размере 1.400 рублей шел на содержание воспитанников приюта (1;1-5). В 1903 году газета «Казанский Телеграф» отмечала: «Мусульманский детский приют имени бр. Юнусовых, содержимый, как известно, исключительно на средства, получаемые от арендной платы за те 14 каменных лавок, которые были пожертвованы основателями приюта, братьями Ибрагимом и Исхаком Юнусовыми, в течение прошлого года... призрел 28 мальчиков мусульман. Израсходовано было на содержание их 3458 руб. 62 коп.» (2;2).

Третьим благотворительным детским учреждением стал Александринский приют, созданный 6 февраля 1845 года потомственным почетным гражданином – Константином Леонтьевичем Крупенниковым. Он выделил 5000 рублей в честь тезоименитства императора пожертвовать 5000 рублей на создание еще одного детского приюта в одном из кварталов, где проживало много бедных и нуждающихся горожан. Благотворитель пожелал наименовать приют Александринским в честь императрицы, которая являлась покровительницей детских сиротских заведений.

В 1882 году попечительницей приюта стала дочь купца С.Е. Александрова – выдающаяся благотворительница Ольга Сергеевна Александрова - Гейнс, которая очень много сделала для улучшения учебного и воспитательного процесса в приюте, значительно улучшила его материальное состояние. В 1890 году на средства попечительницы было выстроено новое двухэтажное каменное здание (ныне ул. Бутлерова, 30). В штате приюта числилось шесть преподавателей. Всего в 1904 году здесь призрелось 76 девочек.

Во второй половине XIX века купечество активно участвует в работе благотворительных обществ, занимавшихся социальным обеспечением нуждающихся слоев населения Казани. Одной из первых крупных благотворительных организаций города являлось «Казанское общество призрения и образования глухонемых детей». Оно открылось в 1887 году и находилось в ведомстве Министерства внутренних дел. Учреждение, основанное по инициативе второй гильдии купца Ивана Яковлевича Павловского, все свои ресурсы направляло на поддержку, содержание и обучение глухонемых детей всех сословий и званий. Благодаря неутомимой деятельности благотворителя и помощи предпринимателей В.А. Унженина, Н.Т. Трофимова, П.Д. Ларионова и других в 1886 году в Казани открылось специализированное училище, перешедшее 7 апреля 1887 года под опеку Попечительства императрицы Марии Федоровны о глухих.

В 1911 году в обществе состояло 102 члена. Его ежегодный доход, насчитывавший 15.358 рублей, складывался из членских взносов, разных пожертвований, пособий от земства, казны и городов, церковного сбора, процентов с капитала и прочих поступлений. В училище 13 учителей обучали 92 учеников. Общий капитал общества составлял 24809 рублей (3;1-46).

Велика роль купечества была и в работе «Общества

попечения о бедных и больных детях», открытого 23 марта 1889 года. Главным здесь являлась забота о беспризорных детях. В 1890 году под эгидой общества начал свою работу приют на 10 детей. Затем, благодаря поддержке городских властей, он переместился в более приспособленное здание и количество призреваемых выросло до 25 человек. В начале XX века казанское дворянство и предпринимательство стали формировать солидный финансовый и имущественный потенциал организации. В 1909 году всего в процентных бумагах и недвижимости общество имело 51825 рублей. Кроме того, его ежегодный доход составлял 49829 рублей. Общество эффективно реализовывало уставные задачи, связанные с воспитанием, обучением, содержанием и лечением сирот и больных детей из неимущих семей. Всего в 1908 году в обществе участвовали 79 пожизненных действительных членов, 309 действительных членов и 5 членов-соревнователей. В делах общества участвовали и мусульманские благотворители: врач И.М. Кутлубаев, предприниматели Х.Х. Чамаев, З.З. Усманов и др. (6;1-91).

В 1898 году в городе возникло «Общество пособия бедным мусульманам г. Казани». Важно, что с самого своего возникновения оно не предусматривало никаких профессиональных и социальных ограничений (7;37). В числе его почетных членов, наряду с выдающимися представителями татарской буржуазии и интеллигенции значились такие известные русские благотворители, как О.С. Александрова-Гейнс, промышленник Д.В. Вараксин. Кстати, именно пожертвование О.С. Александровой-Гейнс в размере 13341 рубля составило основу капитала общества, который впоследствии вырос в несколько раз. В начале XX века, совместными усилиями городского предпринимательства удалось создать целую систему филантропических учреждений в составе этой организации. Среди них следует назвать мусульманскую богадельню, амбулаторию, родовспомогательное заведение, детский приют с русско-татарскими школами. «Общество пособия бедным мусульманам г. Казани» занималось выдачей единовременных и ежемесячных пособий, помощью с трудоустройством и жильем, экстренной помощью погорельцам и голодающим. Среди наиболее активных деятелей общества необходимо упомянуть купцов Апанавых, Юнусовых, Казаковых, Галеевых, Сайдашевых и многих других.

Безусловно, филантропическая работа купечества не исчерпывается указанными организациями и учреждениями. Десятки благотворительных обществ, в составе которых доминировали предпринимательство, духовенство и интеллигенция, оказывали важную и крайне нужную помощь самым широким слоям городского населения. В памяти благодарных горожан навсегда остались имена щедрых и отзывчивых предпринимателей: В.М. Ложкина, братьев Крупенниковых, братьев Юнусовых, А.Я. Сайдашева, О.С. Александровой-Гейнс, И.Я. Павловского, Я.Ф. Шамова, А.Г. Хусаинова, М.И. Галеева и многих других, вложивших в дело призрения сирот, стариков, больных и неимущих миллионы рублей, создавших в Казани эффективную систему частной и общественной благотворительности.

Список литературы

1. Историческая записка о мусульманском «Братьев Юнусовых детском приюте города Казани». Казань, 1895.
2. Казанский телеграф. 1903. 26 июля.
3. Казанское общество призрения и образования глухонемых детей и содержимое им казанское училище глухонемых. Очерк развития за 25 лет (1887-1912). Казань, 1912.
4. НА РТ Ф.1. Оп.2. Д.335. Л.1.
5. НА РТ Ф.229. Оп.1. Д.338. Л.2.
6. Отчет Казанского общества попечения о бедных и боль-

ных детей в г. Казани. Казань, 1909.

7. Салихов Р.Р. Татарская буржуазия России и трансформация традиционной и мусульманской благотворительности во второй половине XIX – начале XX вв. // Ислам и благотворительность. Материалы всероссийского семинара «Ислам и благотворительность». Казань, 2006.
8. Свердлова Л.М. Купечество Казани: дела и люди. Казань, 1998.

Н.А. Новикова

Уральская государственная юридическая академия, г. Екатеринбург

ОБЫЧАЙ КАК ИСТОЧНИК РОССИЙСКОГО ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XVIII - ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.

Основными компонентами любой избирательной системы являются правовые и организационные нормы, регулирующие отношения, связанные с проведением выборов. Эти нормы сосредоточены в нормативно-правовых актах, которые называют источниками права.

Избирательное право Российской Империи в последней трети XVIII – первой половины XIX вв. было основано на трех типах источников: избирательное законодательство, административные источники, обычай. Естественно, что особо развитым из них являлось избирательное законодательство, которое представляло собой любое распоряжение императорской власти. Не менее популярными являлись и административные источники, которые неизменно следовали за законодательными актами. Но при этом еще одним, достаточно распространенным и в настоящее время источником избирательного права в конце XVIII – первой половине XIX вв. являлся обычай. Уникальность данного источника состояла в том, что обычай регулировал избирательные правоотношения без особого вмешательства государственной власти. Таким образом, важная сфера публичного, государственного права регулировалась не императорским повелением, а сложившимися устоями в российском правосознании.

Обычаев в Российской Империи указанного периода существовало немало, особенно в азиатской и северной частях страны, куда (в силу большой отдаленности от центра) очень медленно доходили предписания имперского законодательства. Там существовали «свои», сложившиеся на основе многовековой практики положения и узаконения, то есть обычаи, которые имели силу закона для населения той местности, где они действовали. В частности, общественная жизнь коренных народов Сибири и Урала регулировалась на основе обычаев, передававшихся устно из поколения в поколение. Эти обычаи, отражающие развитие общественных отношений, с течением времени приняли форму обычного права.

Нужно отметить, что государство официально признавало обычай в качестве правового источника. В тексте законодательства можно найти множество подтверждений данного факта. Так, например, статья 1130 Свода Устава о службе по выборам (1) говорит о том, что выбор на мирских собраниях должен производиться по местным обычаям, выбор членов городских магистратов должен был проходить «по древнему обыкновению по правам оных народов» (4), а внутреннее управление Герцогства Варшавского основывалось на «правилах, собственных наречию и обычаях жителей» (8, 282).

Особо право выборов по местным обычаям было

определено для так называемых инородцев. В частности, статья 35 Устава об управлении инородцев прямо говорит о том, что кочующие инородцы управляются «по степным законам и обычаям, каждому племени свойственным» (7). Об этом же говорят и иные нормативно-правовые акты (1).

Кроме того, государственные власти не только допускали возможность использования местных обычаев при регулировании любого рода общественных отношений, в том числе и избирательных, но и прямо указывали на необходимость их применения. Примером может служить статья 60 Наказа Императрицы Екатерины II, данного комиссии о составлении проекта нового уложения. В данном акте императрица рассуждает о том, что обычаи – это установления «всего вообще народа», и переменять их законами будет величайшей ошибкой законодателя. Характерно, что и представители местных администраций также понимали необходимость допущения местных обычаев к регулированию правовых отношений. В частности, некто коллежский советник Оболенский в своем отчете вследствие ревизии Березовского округа прямо говорит о том, что при правовом регулировании общественных отношений «необходимо учитывать коренные обычаи, могущие служить разъяснением настоящего быта инородцев» (3, 134-139).

Таким образом, обычное право было весьма развитым источником регулирования избирательных правоотношений в Российской Империи в конце XVIII – первой половине XIX вв. На основе обычного права строилось управление кочевых инородцев, где было развито родовое управление. На основе обычая проходило и регулирование выборов в сельской среде. Так, например, на Урале на все должности в общине выбор производился поочередно. Делалось это на сходах, на которые являлись все члены общины (2, 75-76). У коми-зырян на сходах соблюдалось подушное представительство. Там могло присутствовать все мужское население, исключая «увечных, стариков, детей, а также ушедших из волости на заработки или промысел» (6, 318). В исторической литературе можно найти конкретные примеры обычаев проведения выборов и голосования в той или иной местности. Вот как, например, проводилось голосование в селе Частином Оханского уезда: «По собранию сходки, выслушав какое-либо постановление своего начальства, подают свой голос в согласии или несогласии, и по числу большинства голосов составляется приговор» (2, 86).

Таким образом, в период последней трети XVIII – первой половины XIX вв. существовало множество разнообразных по уровню и содержанию источников избирательного права. Но при этом следует отметить, что, несмотря на явное преобладание законодательной формы источников избирательного права, большое значение имели и такие источники, как обычное право. То есть система источников избирательного права исследуемого периода подлежит расширительному толкованию. Она включает в себя не только традиционное законодательство, но и достаточно специфические (особенно для публичного права) источники, которыми, несомненно, являются обычаи. При этом обычаи играли существенную роль в регулировании избирательных правоотношений, так как местные жители, зачастую далекие от общеимперских повелений, намного охотнее подчинялись своим древним традициям, нежели государственными нововведениям. А это, соответственно, помогло во многих случаях сгладить противоречия и реализовать предписанные узаконения.

Список литературы

1. Именной указ Тобольскому и Иркутскому Генерал-губернатору Селифонтову об управлении вверенными ему

- территориями от 23 мая 1803 года. – Полное собрание законов Российской Империи. Т. XXVII. №20.771.
2. История местного самоуправления на Урале в XVIII – начале XX в.: город, село, деревня. / Е.Ю.Апкаримова, С.В.Голиков, Н.А.Миненко и др. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1999.
  3. Отчет коллежского советника Оболенского по ревизии Березовского округа «об инородческих обычаях и их кодификации» // Сословно-правовое положение и административное устройство коренных народов Северо-Западной Сибири (конец XVI – начало XX века): Сборник правовых актов и документов / Ред.-сост. А.Ю.Конев. Тюмень: Издательство ИПОС СО РАН, 1999.
  4. Полицейский устав Герцогства Лифляндского городам Феллину, Валмару, Лемзалию, Валкам, Вендену и Аренсбургу от 4 мая 1766 года. Полное собрание законов Российской Империи. Т. XVII. №12.636.
  5. Свод законов Российской Империи. Свод учреждений государственных и губернских. Часть 3: Уставы о службе гражданской.
  6. Сельское и городское самоуправление на Урале в XVIII – начале XX века. / Е.Ю.Апкаримова, С.В.Голикова, Н.А.Миненко и др. М.: Наука, 2003.
  7. Устав об управлении инородцев от 22 июля 1822 года. Полное собрание законов Российской Империи с 1649 года. Т. XXXVIII. №29.126
  8. Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 41. Оп. 1. Д. 1^а.

А.Н. Осин

**Курганский государственный университет,
г. Курган**

ИССЛЕДОВАНИЯ МЕЖДУРЕЧЬЯ РЕК ИСЕТЬ, ТЕЧА НА ПРЕДМЕТ СУЩЕСТВОВАНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МИКРОРАЙОНА

Выделение и изучение археологических микрорайонов (далее АМР) на территории Южного Зауралья началось в начале XXI века. Опираясь на методы выделения и изучения АМР, разработанные омскими учёными, нами были обследованы и изучены все междуречья основных магистральных рек среднего притоболья. Результатом исследований стало выделение нескольких АМР: Убаганно – Тобольский, Исеть – Синарский, Тоболо – Суерский, Тоболо – Алабугский. Мало изученными на настоящий момент оставались междуречья рек Тобол - Уй, Исеть – Теча. Осенью 2008 г. разведкой археологической лаборатории КГУ была обследована часть поймы реки Теча до устья впадения в реку Исеть у города Долматово, на предмет обнаружения новых и проверки состояния ранее открытых памятников археологии.

Осматривая берег р. Теча близ с. Ключевского Долматовского района Курганской области, мы обнаружили фрагменты керамики раннего железного века и скопления костей мелкого рогатого скота в береговом срезе, культурный слой имел глубину заполнения 0,85 м и протяженность 72 м. Также читались 3 явно выраженные жилищные впадины, находящиеся от 0,5 до 20 м от среза береговой линии на высоте до 5 м от уреза воды. Опираясь на данные археологической карты Курганской области, было установлено, что памятник ранее не зафиксирован. Дальнейшее обследование второй и третьей террас р.Теча в районе с. Ключевское привело к находкам керамики, фрагментов очага и остатков деревянной конструкции на возвышенности мыса второй террасы р.Теча у затопляемой старицы. Датировка находок определяется от бронзового века до средневековья. Сильная

задернованность почвы и высокий травяной покров не дал возможности полного обследования осматриваемой территории.

На данный момент междуречье рек Исеть, Теча пополнилось двумя вновь открытыми памятниками археологии, их количество составляет теперь 18 единиц. Само количество памятников археологии в этом междуречье не может являться определяющим фактором АМР согласно представленным методам сибирских учёных, взятая нами территория для выявления АМР руководствуясь методикой выделения АМР содержит разновременные памятники археологии, которые расположены в удобных для поселений и захоронений местах на сравнительно небольшой территории, содержащей одну экологическую нишу удобную для хозяйственной деятельности, находящейся в одном жизненном пространстве, включающую в себя весь комплекс существования АМР: место для поселений, хозяйственной деятельности, захоронений, основные путепроводы-(реки). Все методологические принципы выделения АМР прослеживаются в данном междуречье, но на настоящее время камнем преткновения, существования в этом междуречье АМР, по мнению автора, является малое количество памятников археологии. Определение выведенное В.И. Матущенко, характеризует АМР: «Археологический микрорайон – группа археологических памятников, расположенных в пределах сравнительно ограниченного пространства, характеризуемого однородной природно-географической обстановкой в пределах этого пространства, которое можно рассматривать как экологическую нишу с устойчивой природно-географической обстановкой» (2, 45). А.В. Жук даёт АМР следующую трактовку - «археологический микрорайон представляет собой разнородность открытого археологического комплекса и принадлежит к числу естественных систем, микрорайон не моделируется (как это происходит с типологическим рядом и археологической культурой), но, подобно всякому археологическому комплексу, открывается, ибо существует объективно, независимо от того, исследуется он или нет, а если исследуется, то независимо от взглядов и методов исследователя» (1, 38). А.М. Буровский трактует АМР как: «феномен, возникающий там, где человек осваивает, использует и преобразует природные реалии - географическую оболочку, природные ландшафты» (Буровский.А.М, 1998). Следующее определение АМР даёт П.А. Косинцев. «АМР - это сгущение человеческой жизни, проявляющееся в повышенной концентрации археологических памятников на ограниченной территории. Очевидно, что такое сгущение происходило на участках земной поверхности, благоприятных по ряду значимых для человеческих коллективов параметров. Основные из них: повышенная концентрация пищевых и/или сырьевых ресурсов; удобная топография для осуществления хозяйственной, обрядовой, военной, транспортной и иной деятельности» (3, 72).

Природно-географический фактор этого региона благоприятен к заселению и использованию в территориально-хозяйственных целях. Экологическая ниша привлекательна как для охоты, рыболовства, так и для разведения скота и выращивания агро культур, богат лесными ресурсами, водными источниками, удобными местоположениями для строительства жилищ, транспортными артериями коими являлись реки, а также близостью наиболее заселённых территорий, что не может не наталкивать на мысль о более заселённом и развитом положении рассматриваемой территории.

Руководствуясь ранее перечисленными методами, на данный момент мы не можем с полной уверенностью подтвердить существование АМР в междуречье рек Исеть, Теча. Автор уверен, что район ис-

следований потенциально располагает всеми критериями АМР, исследования которого продолжатся в будущем.

Список литературы

1. Жук А.В. Генезис идеи археологического микрорайона // Археологические микрорайоны западной Сибири. Омск, 1997.
2. Матюшенко В.И. Археологический микрорайон в археологических исследованиях // Археологические микрорайоны западной Сибири. Омск, 1997.
3. Косинцев П.А. Формирование АМР: процессы и модели // Археологические микрорайоны северной Евразии. Омск, 2004.

А.А. Свинкин

Педагогическое училище, г. Куртамыш

ЗНАЧЕНИЕ НАЗВАНИЙ ПОСЕЛЕНИЙ ЦАРЕВО ГОРОДИЩЕ И КУРГАН

До сих пор официальная версия названия зауральских поселений Царёво Городище связана с царской (ханской) властью. Моя цель - доказать, что это не так, тем самым добавить ещё несколько недостающих звеньев в историю освоения территории Зауралья. Исследование проведу на примере «курганского» Царёво Городище.

Современный город Курган расположен на самом значительном повороте реки Тобол на территории Курганской области. В южной части города река меняет направление своего течения с северного на почти восточное, а затем снова течёт на север. Нас в данном случае интересует первое изменение направления реки, которое за тысячелетия не могло не повлиять на здешний береговой рельеф. Как известно, резкая смена поворота реки ведёт к постепенному вымыванию берега. В результате перемещения течением обломочного материала берега и аккумуляции этих наносов на участке, где при огибании выступа берега ослабевает энергия течения, образуются наносные косы, оседки, острова, перекаты.

Такие мелководные участки рек с давних времён использовались как места переправ. Поселения (крепости), построенные у таких переправ, имели стратегическое значение, поскольку контролировали всю округу.

Значимость строительства острогов на караванных путях в местах речных переправ царские воеводы знали ещё до прихода в Зауралье. В отличие от «шайки бродяг» Ермака, «движимых грубой алчностью к корысти», воеводы первым делом в 1586 году основали на реке Тура Тюменский острог на караванном пути Бухара – р.Иргыс – р.Орь – р.Яик – р.Уй – р.Тобол – р.Тура – р.Кама – р.Волга.

Острог они основали рядом с селившимся в начале XVI века тюркским поселением Чимги Тура, что переводится как «остановка, где подтыкают подол халата за пояс», где «чим/сим» глагол «подтыкать, засучивать, поднимать», а «-ги/ки» - «одежда, платье» (1,279 2,12). «Тура», как известно, глагол «стоять, останавливаться, обитать, жить». Этим названием караванщикам указывалось, что их караван в этом месте сможет легко перейти на другой берег реки Тура.

Первоначально хотел ограничиться переводом названия только этого древнего поселения, но, ознакомившись с многочисленными этимологическими изысканиями слова «тюмень» (не буду перечислять), посчитал своим долгом отвлечься от основной темы статьи и помочь «северным соседям». Конечно же, ваш любимый город был назван от ручья Тюменка или того, что от него сейчас осталось. Первоначальное звучание названия этого ручья было «Тюменке», где «тюм» - «холодить, студить», а

«-енке» - аффикс, образующий отлагательное прилагательное (2,296; 3,150). Ручей Тюменка – «холодный». А каким ему ещё быть, если он подпитывается подземными водами и бежит по дну оврага. Как известно, величина будущего поселения не зависит от величины реки, давшей ему название, что подтверждает хотя бы значение названия города Челябинск, получивший своё имя от подобного же ручья Челябинка. Тюркское значение глагола «джел/чел» (дж/ч неразличие звуков) - «бежать», «д» (рус. «я») – является показателем настоящего времени этого глагола – получаем «бежит», а «баа» - деепричастие «исчезая» (8,176; 5,83). Полный перевод «челя баа» - «тот, что бежит, исчезая», т.е. ручей, вытекающий из небольшого болотца, в засушливое время почти пересыхает. Название «Тюмень», как территориальное образование (ханство), пришло из Средней Азии – разве могли сибиряки назвать свою страну «холодной, студёной». Хотелось бы, чтобы тюменские исследователи адекватно восприняли эту информацию и порадовались всплытию истинного значения этого слова из «бездонного колодца времени».

А мы продолжим. Тайбугиды и Кучум были тесно связаны с «Бухарой», но на время пребывания в Сибири Ермака среднеазиатские купцы отсюда ушли. Но ненадолго. Уже в 1595 году бухарцы обратились к русским властям с просьбой вернуться в Тюмень. Как водится, за разрешением послали спросить у самого царя. Тот отреагировал очень быстро. Указом от 31 августа 1596 года бухарцам выделялся торг за Турой. Указ предписывал казакам обращаться с бухарцами хорошо, в частности, не прогонять их раньше, чем они продадут свои товары. И караванный путь возобновился.

А какой смысл царю Фёдору Иоанновичу было затягивать с разрешением. Торговля была выгодна всем, в том числе и России. Наставив в скором времени на территории Юго-западной Сибири, Южного Зауралья и Урала крепостей, Россия стала, по своей сути, пропускным посредником между «пушным Севером» и «цветущим Югом», имея с этого неплохие доходы. Так, для примера, только в одной Троицкой крепости с 1738 г. по 1754 г. всевозможные сборы с приезжих торговцев выросли в 50 раз, а именно с 1375 руб. 64 коп. до 65912 руб. 54 коп. (10).

В 1640 году из Тобольска была дана отмашка «оседлать» реку Исеть на месте переправы этого караванного пути. Так через десять лет здесь возник Исетский острог. Наличие переправы подтверждает название поселения Солобоево, находящегося у этой переправы – «дорога по грудь», где тюркское слово «сол/йол» переводиться, как «дорога, проход», а слово «бой» - «стан, грудь» (8,217; 4,177). Кстати, тюркская характеристика речных переправ не только тюрками, но и русскими часто переносилась в названия поселений у этих переправ, так, например, название приисетской деревни Бакалда у города Шадринск переводится как «лишь по щиколотку», где «бакал» - «щиколотка, бабка (у животных)», а «да» выступает в значении «лишь» (4,44; 2,109).

Следующей значимой переправой южнее «Исетской» была караванная переправа через Тобол в районе теперешнего города Курган (Курганка). Не долго оставалась бесхозной и эта переправа. Построили здесь острог, предположительно в 1662 году, не на пустом месте, а на когда-то облюбованном тобольскими татарами Алгинском (перевод – «большой, высокий») яру, где на ту пору ещё оставались остатки их селившегося поселения, что и называется у русских - «городище». К сожалению, название этого тюркского поселения до сих пор неизвестно. Оно затерялось с первой четверти XVI века, после того, как Мухаммад бек изгнал Сибирских Шейбанидов в лице Аль-Джагира из их земель в Сибири, что повлияло на прекращение существования не только столичной кре-

пости Чимги Тура, но и периферийных поселений. Русские первопроходцы назвали свою новую крепость по названию этой части местности – «Царёво» Городище.

Почему же эту местность, в том числе и земляную насыпь над древним захоронением (курган) кочевники, а потом и русские, называли от слова «цар»? Древнетюркское слово «цар» переводится, как «коса» (5,140). Образовано оно от глагола «saġ» – «отделять, отстаивать», т.е. место в реке, где песок отделяется от воды (1, 218). Для начальной позиции фонетической структуры простых закрытых корневых морфем (анлаут) в тюркских языках характерно позитивное или диалектическое различие между С~Ц~Ч~Ш (6,57). Кстати, песчаная коса, отделяющая море от лимана, имеет в тюркских языках подобное же звучание.

В приложениях к «Истории Сибири» Миллера опубликована «Отписка Ильи Бакшеева верхотурскому воеводе», написанная не ранее сентября 1661 г. о пути, проделанном беглецами из татарского плена до Катайского острога: «...а Тобол де мы переехали выше Царева Городища с теми же с Кучумовыми внучатами». Написанное следует понимать так: обычно переезд осуществлялся через Царёво Городище, но на сей раз беглецы, боясь быть пойманными, переехали Тобол выше Городища.

Помимо зауральских Царёвых Городищ в Российской империи поселений на реках с первоначальным слогом «цар» в названии было достаточно много: Царёво-кокшайск (Йошкар-Ола), Царёвосанчурск (Вятская губ.), Царёв (Астраханская губ.), Царёв-Борисов (Красный Оскол), Цареконстантиновка (Екатеринбургская губ.) и т.д. Большевики, не затрудняя себя в этимологических разбирательствах по поводу названий этих поселений, переименовали их в 1917-19 годах, дабы изъять всякое упоминание о ненавистной царской власти.

Разыскивать в затобольной пойме дорогу к «царёвой» переправе караванщикам помогала недалеко расположенная высокая могильная насыпь (курган), служащая им видимым ориентиром начиная от озера Щучье (с. Кетово). В их сознании этот курган ассоциировался с переправой, что они и перенесли в его название – «царёв».

Но не пожилось русским в крепости Царёво Городище, о причинах их поселения учёные имеют разные точки зрения. Поддерживая тех, кто свою версию основывает на том, что Алгинский (высокий) яр, являясь вогнутым берегом, из-за постоянного подмыва его прижимным течением, регулярно обваливался.

Из вновь образованных невдалеке нескольких поселений Смолино, Воронова, Чаусова, Красильникова, слобода Курганская до сих пор считается правопреемником Городища. Вызвано это тем, что большинство современных жителей даже и не предполагают, что у слова «курган» – «насыпь над древним погребением», есть омоним, тюркское слово «курган» – «сухое, высыхающее», и связывают название Слободы с могильной насыпью (курган). В тюркских языках слово «кур» очень распространено в значении «сохнуть, высыхать, засыхать» (7,154). «-Ган» это окончание древнего причастия эпохи раннетюркского праязыкового состояния, не имеющего временной и залоговой дифференциации, являющееся на то время отглагольным прилагательным (3,446).

Моё утверждение, обозначенное выше, подтверждается исследованием краеведа Е.С. Селеткова, который работал в своё время в тобольском архиве с обширным материалом по XVII - XVIII вв. и считал, что «жители покинули Арбинский Яр в 1695 г. и ушли вниз по Тоболу, основав в том числе и деревню у **Сухого** озера (ныне городской рынок), где поставили приказную избу и жилье. С этого времени новое поселение стали называть Слобода Царекурганская, тож и Курган, тож и Царево

Городище» (9). Имей Евгений Семёнович в то время представление о древнетюркском языке, об истинном значении названия города Курган заговорили бы раньше.

Озёр с названием Курган на территории России и ближнего зарубежья немало, так, например: озеро Курган в Апшеронском районе республики Азербайджан, озёра Курган-коль в Карагандинской и в Павлодарской областях республики Казахстан, да и в нашей области в Шумихинском районе у села Берёзово находится целебное солёное озеро с названием Курган. Не только озёра носят имена, подобные нашему областному центру, но и реки, ручьи и даже лиманы. Для примера можно привести реку Курганкуль на Памире, ручей Курганский в городе Омске и мелководный лиман Курганский на Азовском море близ города Темрюк.

Чехарда с названием нового поселения началась с момента его основания. Кто знал истинное значение названия этого поселения, называли его «Курганская слобода», кто не знал – «Царёвокурганская» и даже по названию старого острога – «Царёво Городище». Это продолжалось без малого сотню лет, пока по указу Екатерины II от 19.01.1782 года слободе не подняли статус до уездного города с названием Курган.

Вроде бы справедливость восторжествовала, но проходит всего лишь три года, и 17.03.1785 года Матушка-императрица пожаловала всем городам Тобольской губернии муниципальные гербы, в том числе и городу Кургану с блазоном «В зеленом поле два серебряные кургана по имени сего города и в знак, что оные при самом городе находятся». Стоит только сожалеть, что нашей Императрице, уроженке Германии, никто из царедворцев не смог вовремя подсказать истинное значение названия этого города. Да и знали ли они?

Оспаривать после этого истинное значение слова «курган» мог бы либо безумец, либо «невинный младенец» (из сказки «Новое платье короля»). Таких в Кургане не нашлось.

Список литературы

1. Севортян Э.В. *Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на Л, М, Н, П, С.* М.: Наука, 1974.
2. Севортян Э.В. *Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «В», «Г» и «Д».* М.: Наука, 1980.
3. *Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков (Морфология)/ Отв. ред. Э.Р. Тенишев.* М.: Наука, 1988.
4. Севортян Э.В. *Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву Б.* М.: Наука, 1978.
5. *Древнетюркский словарь/Под ред. В.М. Наделяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак.* Ленинград: Наука, 1969.
6. Баскаков Н.А. *Историко-типологическая фонология тюркских языков.* М.: Наука, 1988.
7. *Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву «К».* Вып. 2/ Отв. ред. Г.Ф. Благова М.: Индрик, 2000.
8. *Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Ж» и «Й»/Отв. ред. Л.С. Левитская.* М.: Наука, 1989.
9. Васильева А.М. *Забытый Курган. Курган: Зауралье, 1997.*
10. Рычков П.И. *Топография Оренбургская, то есть обстоятельное описание Оренбургской губернии.* СПб., 1762. 262с.

Д.О. Скульмовский
*Нижевартовский государственный
гуманитарный университет, г. Нижневартовск*

К ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ТУРИНСКОГО ГАРНИЗОНА

В самом конце XVI в. в «Сибирском царстве» возникло еще одно укрепление – Туринский острог.

Согласно указу 1600 г., тюменскому голове Федору Янову предписывалось отправиться в Епанчин юрт «меж Верхотурья и Тюмени», основать там ям и завести государеву пашню, а для защиты ямщиков и пашенных крестьян построить острог (2, 57; 8, 283). В отряде Ф.О. Янова находились тюменские служилые люди – 15 конных казаков, 15 стрельцов и пушкарь; в Туринске должны были остаться 10 казаков, а 20 казаков и стрельцов «велено было» отпустить оттуда назад в «Тюменский город». В отряд, «ставивший» новый острог, входили тобольские, верхотурские и пелымские служилые люди. В «росписи» же служилых людей, «кому быти» в Епанчине юрте, называются 10 тюменских конных казаков и пушкарь, 20 тобольских и 10 верхотурских стрельцов, а также 10 пелымских «черкас» и стрельцов (8, 284 – 287), т.е. всего 51 служилый человек, включая пушкаря, дальнейшая судьба которого неясна. Известно, однако, что грамоту «на Верхотурье» от 29 декабря 1604 г., в которой говорится о нехватке лошадей у служилых людей Туринска и Тюмени, доставил туринский пушкарь Борис Андреев. Но уже через два с лишним года, 13 февраля 1607 г., «на Верхотурье» повез «колодников» другой пушкарь из Туринска – Иван Барсуков (4, 161 – 162, 184 – 185). Согласно грамоте от 25 мая 1607 г., т.е. через два с половиной месяца, в качестве пушкаря снова находился сын боярский Борис Андреев (5, 231).

С точки зрения П.Н. Буцинского, в Епанчин юрт прибыли 10 тюменских казаков и пушкарей, 10 пелымских черкас и 10 верхотурских стрельцов (2, 58). Для защиты Туринска от нападений «инородцев» велено было взять из Тюмени и Верхотурья 4 «затинных» пищали, к ним 500 ядер, 20 пудов «зелья», 20 пудов свинца (8, 287).

По всей видимости, первыми служилыми людьми Туринска были 10 тюменских казаков (остальных отпустили в города, к гарнизонам которых они были «приписаны»). Так, в марте 1601 г. Ф.О. Янов сообщал, что у него в распоряжении находятся только 10 тюменских конных казаков, и те «стояли все лето на отъезжих сторожах». Чтобы «проведывать нагайских людей и зырянцев», в подчинении у головы Туринска не было служилых татар, и посылать ему «для вестей было некого» (8, 291). На взгляд Н.И. Никитина, в 1605 г. в «Туринском остроге» своих служилых людей не было совсем, т.к. уже в документах 1602 – 1603 гг. упоминаются только ямские охотники и пашенные крестьяне (7, 28). Однако были случаи, когда казаки и стрельцы могли уйти в пашенные крестьяне, в ямские охотники или же, наоборот, последние «верстались» в служилые люди. Так, Богдан Бедняга, верхотурский стрелец в 1598 г. – 2 года спустя, упоминается как ямской охотник (3, 30, 77).

По сведениям В.А. Александрова и Н.Н. Покровского, некто Лукьян был отправлен за «Камень» «в пашню» из г. Лаишева еще в 1598 году, однако долго в крестьянах не задержался. Прибыв в Сибирь, он тут же подал государю челобитную, в которой сообщал о своем военном опыте и о том, что ему пашня «не в обычай». В 1603 году Лукьян получил царскую жалованную грамоту с предпи-

санием поверстать его в служилые люди по Туринску, если он найдет себе замену для обработки пашни. Замену он себе нашел – двух добровольцев из «гулящих» людей (1, 148). В.А. Александров и Н.Н. Покровский называют и одного из строителей Туринского острога – Алексея Фролова, переведенного в Сибирь из Тулы (1, 82). Сколько он прослужил в Туринске, сказать сложно. Возможно, он был отправлен в один из сибирских городов.

Из «скаски» кузнецкого десятника конных казаков Алешки Кирилова о службах его предков узнаем, что дед этого служилого человека вместе с Ермаком Сибирь «взял», а потом служил «на Верхотурье и в Туринском и на Тюмени и в Тобольском 12 лет в конной казачьей службе» (11, 27).

В.Д. Пузанов предполагает, что в первые годы после основания гарнизона Туринска состоял только из «годовальщиков». С точки зрения ученого, оставшиеся в городе с Ф. Яновым 10 тюменских конных казаков находились на «годовой службе», а некоторое время спустя и они были отозваны из Туринска (9, 100). Так, в 1603 г. во время угрозы нападения царевича Алея на Тюмень и Туринский острог голова Тюмени Алексей Безобразов отказался выслать в Туринск 10 служилых людей, сообщив, что ему некого послать, и посоветовал просить помощи в Тобольске (5, 211, 246; 10, 80). В.Д. Пузанов вслед за Н.И. Никитиным полагает, что и в 1605 г. в «Туринском остроге» служилых людей не было. По мнению Н.И. Никитина, только к 1614 г. туда перевели 50 стрельцов, а до этого Туринск не имел постоянного гарнизона, и там держали лишь «годовальщиков» (7, 28; 9, 100).

Таким образом, следует полагать, что в начале XVII в. служилых людей в туринском гарнизоне было немного (не более десяти). По роду службы это были конные казаки (по определению Н.И. Никитина, абсолютное большинство служилых людей в туринском гарнизоне в XVII в. составляли стрельцы) (6, 45).

Список литературы

1. Александров В.А., Покровский Н.Н. *Власть и общество: Сибирь в XVII в.* Новосибирск, 1991.
2. Буцинский П.Н. *К истории Сибири. Тюмень, 2003.*
3. *Верхотурские грамоты конца XVI – начала XVII в. М., 1982. Вып. 1.*
4. *Верхотурские грамоты конца XVI – начала XVII в. М., 1982. Вып. 2.*
5. Миллер Г.Ф. *История Сибири. 2-е изд., доп. М., 2000. Т.2.*
6. Никитин Н.И. *Начало казачества Сибири. М., 1996.*
7. Никитин Н.И. *Служилые люди Западной Сибири в XVII веке. Новосибирск, 1988.*
8. *Описание Сибирского царства: Соч. Г. Ф. Миллером. М., 1998. Кн. 1.*
9. Пузанов В.Д. *Военная служба годовальщиков в Сибири в XVII в. // Северный регион: наука, образование и культура. Сургут, 2005. - №1 (11).*
10. Пузанов В.Д. *Тюменский уезд в XVII веке // Северный регион: наука, образование, культура. Сургут, 2007. № 1 (15).*
11. *Русское население Сибири эпохи феодализма: Сб. док. XVII – первой половины XIX вв. Новосибирск, 2003.*

Д.И. Смирнов
*ГОУ ВПО Шадринский государственный
педагогический институт, г. Шадринск*

К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ СИБИРСКОГО СУБЭТНОСА

Освоение русскими поселенцами регионов Зауралья и Западной Сибири в XVII – XIX вв. привело к складыванию особого субэтноса (1, 120), характеризующегося

особым стереотипом поведения, чертами характера, осознанием собственного единства, выражающегося в наличии самоназвания: «чалдон», «кержак», «сибиряк».

Сложные пути этого этнического феномена шли в рамках оформления и развития великорусской нации. Складывание сибирского субэтнуса, как «необходимого компонента великорусского этноса на стадии начального строительства» (3, 34) было связано с результатами межэтнических контактов колонистов с аборигенным населением Сибири. Масштабы этих контактов подразумевают появление особенностей, которые определили основы социума, самоидентифицирующего себя с огромным географическим ареалом от Урала до Дальнего Востока.

Одним из элементов указанного процесса был факт наличия в составе русских первопоселенцев значительного числа колонистов, принадлежащих к группам с различными этномаргинальными чертами. Признание их принадлежности к собственно русскому этносу крайне условно, поскольку зиждется только на основе их православной конфессиональности и использования русского языка как средства межнационального общения.

Классическим примером для Южного Зауралья, подтверждающим вышеизложенное положение, является начало освоения Приисетья, связанное с основанием Далматовского монастыря – первого поселения русских в регионе. Уже в начале 50-х гг. XVII в. монастырь обладал землей и крестьянами (4, 116).

В известном «Описании мужского Далматовского ... монастыря ...» содержится биографический очерк «приснопамятного инока Далмата, основателя Успенского Далматовского монастыря Шадринского уезда Пермской губернии, составленный священником Е. Ландышевым». Из данного источника явствует, что Далмат, в миру Дмитрий Иванович Мокринский, происходил из рода тобольских казаков или стрельцов; родиной его отца была Малороссия; как попал он в Тобольск – автору неизвестно; ясно только, что за какие-то заслуги отец будущего первооснователя был пожалован дворянством (6, 4; 14). Чтобы правильно интерпретировать эти сведения следует начать с малороссийского происхождения отца Дмитрия Мокринского. Ономастика фамилии подтверждает эту версию. Следовательно, отец Далмата вряд ли по рождению имел имя Иван. Своим происхождением, скорее всего, он был связан с польско-литовским шляхетством, родом был из юго-восточных областей Речи Посполитой. Перемещение его в Тобольск могло быть связано только со следующими причинами: пленением русскими; невозможностью выкупа из плена, в силу финансовой несостоятельности самого Мокринского и его родственников; выполнением условия перехода из католицизма или униатства в православие (с получением новоокрещенным имени Иван) и поступлением на военную службу Московскому государю. Сам факт такой метаморфозы польско-литовского шляхтича в православные казаки или стрельцы мог быть связан с финалом Ливонской войны. Что касается перемещения бывших военнопленных в Сибирь в качестве «московской служилой рати», то данная практика носила устойчивый характер, стоит лишь вспомнить факт верстания в казаки Петром I пленных шведов. Не случайно Т.С. Мамсик, анализируя материалы Среднего Приобья, считает, что в качестве значимого социального фактора в процессе этнической интеграции в этом регионе выступали потомки пленных иноземцев XVI-XVII вв. из «сибирской служилой литвы» (3,39).

Что касается родственников по материнской линии, основатель первого русского постоянного поселения в Приисетье (без учета временных стоянок охотников за пушным зверем и рыболовов) мог щегольнуть принадлежностью к знатнейшим родам Сибирских татар, т.к.

мать Д.И. Мокринского происходила из рода Илигея Магметова и также была новообращенной (6,4; 14). По всей видимости, теще Ивана Мокринского был мусульманином, и крещение его дочери было связано с предстоящим замужеством. Именно эти родственные связи позволили Далмату выстоять в борьбе за контроль над землями вокруг Белого Городища, в которую он был втянут арендаторами исетских угодий Шипициным и Королёвым из Ирбита и Невьянска, которые «со товарищи» вели здесь рыбный и пушной промысел и занимались охотой на птиц. В конечном итоге, не чудесное видение богородицы, а родство с хозяином земельных и водных угодий Илигеем привело к безвозмездному переходу осваиваемых территорий в собственность монастыря (5, 22).

Таким образом, первый русский поселенец и основатель монастыря был плодом межэтнического брака крещеного в православие польского шляхтича – католика и новообращенной татарки.

Тем не менее, Далмат, будучи ребенком в межэтническом брачном союзе представителей столь разных по происхождению, культуре, языку, конфессиональной и расовой принадлежности, изначально признавался русским, поскольку был ревнителем и распространителем православия и свою миссионерскую проповедь нёс на русском языке.

Последующее освоение Сибири повлекло за собой процессы метисации и ассимиляции значительной части населения (7, 165-169). В поток колонистов вливались новые этнические группы, удельный вес которых мог быть довольно значительным не столько в силу их численности, сколько из-за влияния в сфере управления, экономики, культуры. Разумеется, такие слои играли заметную роль среди населения городов (2, 198-201).

Складывание нового своеобразного субэтнуса в Сибири потенциально несло в себе возможность противопоставления себя великорусской нации и кристаллизации самостоятельной национальной идеи.

Однако нивелировка этнических особенностей русскоязычного населения Сибири, связанная с имперской политикой государства, мощным наплывом новых групп населения с запада, нуждами экономики развивающихся регионов в XIX в., лишила названную тенденцию перспективы развития и реализации.

Список литературы

1. Гумилёв Л.Н. *Этногенез и биосфера Земли*. СПб, 2002.
2. Еришов М.Ф. *Этнические маргиналы в городах Зауралья конца XVII – начала XX в. // Ученые записки Шадринского государственного педагогического института. Вып. 20. Филология. История. Краеведение. Шадринск, 2006. С.188-204.*
3. Мамсик Т.С. *Этнополитический состав старожилов Среднего Приобья (По материалам сравнительного анализа массовой статистики XVII – XIX вв. // Сибирская деревня: проблемы истории / Сб. науч. трудов. Новосибирск, 2004. С. 34 – 41.*
4. Менщиков В.В. *Южное Зауралье в XVII – XVIII вв. // История Курганской области. Курган, 1995. Т.1. С. 103 – 194.*
5. Пашков А.А. *Развитие Далматовского Успенского монастыря // История Курганской области. Т.3. Курган, 1997. С. 21 – 44.*
6. Плотников Г.С. *Описание мужского Далматовского Успенского общежительного третьеклассного монастыря и бывшего приписанного к нему женского Введенского монастыря (Екатеринбургской епархии, Пермской губернии). Екатеринбург, 1906.*
7. Смирнов Д.И. *Роль и формы этнической маргинализации в ходе русской колонизации Зауралья // Этнические взаимодействия на Южном Урале / Материалы III регион. (с междунар. участием) науч. практ. конф. Челябинск, 2006. С. 165 – 169.*

А.Л.Смирных

*Шадринский краеведческий музей им. В.П. Бирюкова,
г. Шадринск*

ОБРАЗОВАНИЕ В ШАДРИНСКЕ

История школы в России ведет свое начало с конца XVIII – начала XIX веков. В это время в Российской образовательной сфере главенствовала идеология Просвещения. Она основывалась на том, что величина знаний прямо пропорциональна нравственному облику как отдельно взятой личности, так и общества в целом.

Чтобы повлиять на нравственный облик своих граждан, Екатерина II предприняла попытку ввести в стране всеобщую общеобразовательную школу. В соответствии с указом 1786 года, по всей России стали создаваться народные училища. Естественно, не каждый мог туда попасть, но были предприняты первые шаги на пути к просвещению. В уездных городах открывали двухклассные малые народные училища. В их программу обучения входило чтение, письмо, катехизис, священная история, русская грамматика, чистописание, рисование, арифметика. В народные училища должны были приниматься дети всех сословий, за исключением крепостных крестьян.

Не остался в стороне от этой реформы и провинциальный Шадринск. 12 октября 1789 года из Приказа общественного презрения Пермского наместничества в Шадринскую городскую думу приходит указание о том, что «согласно предложению Пермского и Тобольского губернатора А.А. Волкова об открытии в г. Верхотурье, Кунгуре, Соликамске, Чердыне, Ирбите, Шадринске, Екатеринбургских малых народных училищ, «Приказ общественного презрения» да благославит открыть те училища в помянутых городах 24 ноября сего года...». Далее Шадринской думе предписывалось найти все, кроме книг, необходимое для обучения детей. Смотрителем назначался Шадринский комендант премьер-майор Илиус. Все затраты по содержанию училища возлагались на городские общества. Они же должны были выплачивать жалование учителю – 150 рублей в год (2).

Учителем в Шадринское малое народное училище был назначен Павел Андроников, из класса поэзии Тобольской духовной семинарии. 17 ноября 1789 года он прибыл в Шадринск и привез с собой книги для обучения детей. Сохранился реестр этих книг: «Руководство учителям I и II классы – 1 экземпляр, «Азбучные таблицы» - 10, «Российские буквари» - 2, «Арифметика» I часть – 2, «Арифметика» II часть -2, «Прописи» - 1, «Руководство к чистописанию» -2, «Правила для учащихся» - 15, «О должности человека» - 1, «Сокращенные катехизисы» - 12 и «Священные истории» - 2 (1).

24 ноября 1789 года состоялось торжественное открытие Шадринского малого народного училища, которое следовало предписанной думой инструкции: «В этот день учителю и родителям со своими детьми собраться в школе, откуда под предводительством городского головы следовать в церковь, выслушав божественную литургию и исполнив моление, возвратиться в школу, где по собранию зрителей и по окроплению освященною водой сказать от духовенства ученикам краткое наставление, после чего учитель должен говорить приличные слова, по окончании коего учеников посадить для наук за приготовленные столы».

Так открылось училище. Его первыми учениками было всего 19 мальчиков (2). Первоначально новоучрежденное учебное заведение не выдерживало конкуренции с вошедшими в обычай у населения Зауралья домашними школами. Был период, когда целесообразность

существования народного училища стояла под вопросом. Но закрыть его Городская дума не имела права.

Однако училище не только продолжило свое существование, но и было преобразовано в четырехклассное городское. Оно дало начало развитию образования в Шадринске.

Говоря об образовании в Шадринске и Шадринском уезде, нельзя не вспомнить имени Ивана Михеевича Первушина. В стране он известен как священник и ученый-математик, однако, в Шадринске его знают и как педагога. Иван Михеевич открыл школу в уездном селе Замараево как раз в тот же 1859 год, когда впервые открылась Яснополянская школа Л.Н. Толстого. Он также разработал свою методику преподавания грамоты крестьянским детям, которая основывалась на слоговом принципе чтения, также создал новую азбуку и занимался изданием журнала, который носил название «Шадринский вестник». Первушин первым в зауральском крае осуществил женское образование в крестьянской среде (3).

Не смотря на то, что в Шадринске и Шадринском уезде (как и в целом по России) процент грамотности был очень низок, качество обучения было вполне удовлетворительным.

Но не каждый педагог мог дать своим ученикам качественно новые знания, и главным образом, оттого, что эти знания им неоткуда было черпать. Такое положение вещей требовало немедленных действий по повышению образовательного уровня учителей.

Листая «Журнал шестого очередного Шадринского уездного земского собрания» за 1874 год, мы узнаем, что «все учителя и помощники в Шадринском уезде, кроме господина Мухина, воспитанника бывших Пермских Педагогических курсов, не имели никакой педагогической подготовки. А именно или студенты семинарии, или лица, получившие свидетельства на звание учителей тотчас по окончании курса в уездных училищах, или просто не кончившие нигде курса» (4).

Таким образом, мы видим, что к концу XIX века в Шадринском уезде назрела острая необходимость в повышении квалификации учителей начальных народных училищ. Но в какой форме должно было состояться обучение учителей? Этот вопрос долго и тщательно обсуждался на земском собрании. Разумеется, курсы должны были состояться в летний период, во время незанятости большинства учителей. Решено было также, что порядок занятий должен был быть таким же, как и в учебных заведениях. Предполагалось, что это будут теоретические уроки и практические занятия. Один или несколько лиц должны были выступать в роли преподавателей, а учителя – в роли слушателей. Таким образом, сложились все предпосылки к тому, чтобы съезд народных учителей состоялся.

В «Журналах шестого очередного Шадринского уездного земского собрания» за 1874 г. мы находим такую запись: «Для того, чтобы преподаватели и преподавательницы освежались от своих постоянных и утомительных трудов, обменивались факторами и взглядами, приобретали больше познаний, обобщали и вырабатывали одинаковые и более рациональные способы преподавания, IV Шадринское земское собрание учредило ежегодные учительские съезды в городе Шадринске, в летнее время в июле и августе на 2 недели» (4).

И уже в 1874 году съезд учителей был разрешен и состоялся под председательством Штатного Смотрителя училищ Павла Ивановича Сорокина. Директор народных училищ Пермской губернии дает съезду название «краткосрочных педагогических курсов». Но состоялись они лишь единожды.

Учителями были рассмотрены вопросы, касающиеся учебной части и дисциплины школ. Помимо этого, учи-

теля давали друг другу то, что сейчас называется «открытые уроки». Наступило время анализировать ошибки. А ошибки были. Во-первых, для курсов не был выбран надлежащий руководитель. Кроме того, учителя имели недостаточное педагогическое образование и не могли самостоятельно повысить квалификацию, а преподавателей, которые могли бы дать качественно новые знания, не нашли.

Из-за этого следующий съезд учителей не состоялся. Попечитель Оренбургского Учебного Округа не счел возможным ходатайствовать перед Министром Народного Просвещения об открытии курсов в городе Шадринске. Поэтому вопрос об уровне подготовки учителей по-прежнему оставался открытым и на земском собрании 1875 года был поднят снова. Было выдвинуто предложение пригласить человека на постоянную службу земству, который будет выполнять функцию руководителя съезда учителей, приводить в порядок статистический материал, составлять Программы преподавательских съездов и наблюдать за хозяйственной частью училищ.

Из Доклада Шадринскому уездному земскому Собранию шестого очередного созыва нам известно, «что курсы эти принесли бы пользу учителям в деле обучения, но примеры предшествующие убедили, что очень трудно найти лицо соответствующее этому назначению... Поэтому комиссия желала бы отклонить до будущего времени это предложение Управы» (4).

Таким образом, проведение ежегодных учительских съездов было отложено до более благоприятных обстоятельств.

Помимо непрофессионализма учителей, всеобщее образование в Шадринске столкнулось еще с одной проблемой. Обучение было платным, а поэтому у многих не хватало на него средств. Назрела необходимость создания организации, которая помогала бы неимущим ученикам.

6 марта 1905 года в Шадринске было открыто Общество вспомоществования нуждающимся. Главной задачей этого Общества была материальная поддержка неимущих учащихся. 15 марта 1905 года Общество Вспомоществования начинает свою деятельность, которая за один год выразилась в привлечении в него большого числа лиц, формировании Правления и ревизионной комиссии, выработки порядка ведения книг и т.д. Первым председателем Правления этой организации был земский врач В.А. Любимов.

Число членов Общества за 1905 год составило 60 человек. Среди них были пожизненные почетные члены Общества В.Я. Мокеев, М.Ф. Зарубин, купцы М.И. Мишин, И.А. Андреев, ярославский купец М.Д. Вахрамеев.

Все члены Общества платили взносы. Действительные члены вносили в кассу ежегодно по 3 рубля, члены соревнователи – 1 рубль, пожизненные почетные члены – 100 рублей. Но, несмотря на это, членский взнос давал наименьший годовой доход. Так, в 1911 году по этой статье прихода числится только 42 рубля. Существенным же доходом являлись проценты на этот капитал. Кроме того, Общество устраивало лотереи, спектакли, концерты, вечера, гулянья, сборы от которых направлялись на поддержку учащихся. Из указанных источников наибольший доход получался от лотерей. Самый крупный составил 1089 рублей (1914 г.).

Открывалось Общество без всяких средств, к январю же 1915 года оно имело капитал 7969 рублей, а за время существования им было израсходовано 11477 рублей 41 копейка.

На пособия учащимся из этой суммы было употреблено 5486 рублей 86 копеек, остальное ушло на приобретение денежных бумаг, устройство лотерей и различ-

ных общественных развлечений. И незначительная сумма уходила на канцелярию.

Нуждающимся помогали деньгами не только в обучении, но и в быту. Выделялись деньги на одежду, обувь, приобретение учебников. Уделялось внимание и здоровью учеников. Так, в «Обзоре деятельности Общества вспомоществования...» тогдашний его Председатель Надежда Константиновна Лонгинова предлагала открыть бесплатную круглогодичную столовую для учащихся, т.к. ее беспокоило плохое питание местной бедноты (5).

Общество оказывало помощь учащимся низших, средних учебных заведений города Шадринска и Шадринского уезда, а также бывшим выпускникам средних учебных заведений города для продолжения учебы в других городах.

Общество вспомоществования просуществовало много лет и помогло многим учащимся. Несомненно, это был большой вклад в развитие шадринского образования, т.к. благодаря этому не одна сотня человек получила возможность учиться.

Проблема образования активно решалась и в советский период. XX век имел прогрессивный характер в плане обучения масс. Накануне Октябрьской революции в Шадринске работали следующие заведения: реальное училище с числом учащихся 218 человек; женская гимназия – 595 человек; учительская семинария, имевшая 134 ученика; наконец, 7 приходских школ с общим числом учащихся – 656. Таким образом, в городе было 11 учебных заведений, в которых обучалось 1643 человека.

Ликвидация неграмотности в стране осуществлялась по двум направлениям: 1) обучение взрослого населения; 2) введение всеобщего обязательного начального обучения для детей школьного возраста. По сути это была ликвидация не только неграмотности, но и малограмотности.

В качестве первоочередных задач в плане образования IV Округной Съезд Советов видел: принятие мер к расширению количества пунктов всеобщего начального обучения, повышение охвата детей школьного возраста с удлинением учебного года до пределов нормальной продолжительности; усиление и упорядочение работы по ликвидации неграмотности; поднятие качества обучения.

Искоренение неграмотности у взрослого населения велось за счет расширения школ крестьянской молодежи, открытия училищ, техникумов, просвещения с помощью мероприятий по радиофикации и кинофикации округа.

В итоге, за период с 1924 по 1930 годы было обучено 37328 человек. Это была настоящая победа. За хорошую организацию по ликвидации неграмотности и большой охват неграмотных учебной работой наш округ получил областное переходящее знамя.

С конца XVIII века и до нашего времени в сфере обучения сформировались определенные традиции, сформировалась устойчивая образовательная сеть. В настоящее время в Шадринске работает 14 школ, педагогический институт, техникумы, училища, библиотеки, кино-театры, музей и театр, филиалы Московского, Челябинского, Тюменского вузов, наличие которых дают возможность нам, шадринцам, получить хорошее образование.

Список литературы

1. Пашков А.Л. Из истории Шадринского малого народного училища// Шадринская старина: Альманах. Шадринск, 1998.
2. Смирных А.Л. Истоки образования в Шадринске// Исеть. 2005. 16 февраля.
3. Тимофеев В.П. священник-математик И.М. Первушин. Шадринск, 1996.
4. Шадринский краеведческий музей (ШКМ). Журналы шестого Очередного Шадринского Уездного Земского собрания с приложениями докладов Управы.
5. ШКМ. Лонгинова Н.К. Обзор деятельности Общества

вспомоществования нуждающимся учащимся Шадринского уезда за 10 лет существования 1905-1915 гг. Шадринск, 1915 г.

Я.Г. Солодкин
Нижевартовский государственный гуманитарный университет, г. Нижневартовск

ИЗ ПРЕДЫСТОРИИ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ

1. ПОЧЕМУ НЕ БЫЛ КАНОНИЗИРОВАН «СВЯТОЙ ЦАРЬ» ФЕДОР ИВАНОВИЧ?

Современники наперебой выдавали преемника Грозного за «блаженного», «праведного» государя. Еще в «Утвержденной грамоте» (далее – УГ) 1598 г. самодержец, с кончиной которого «преторжеса царьский корень» (34, 238), назван «земным ангелом». В написанной вскоре патриархом Иовом «Повести о честном житии» Федора Ивановича последний считается «святым» и «крестonosным», имевшим попечение «точию о памяти Божией». «Первосвятителю» вторит один анонимный современник «милостивого» царя и «крепкого адаманта»: тот совершил «подвиг превелик к Богу» и отличался «многим иноческим трудолюбием». О том, что Федор Иванович царствовал «в подвиге велице», упоминал и один из псковских книжников (1, 11, 19, 21, 24; 25, 107; 33, 3, 8, 16, 18; 36, 113; ср. 2, 64; 28, 252). «Повестопиसेц» «русских» статей Хронографа второй редакции оценил наследника «гордояростного» венценосца как «рай одушевленный», а по словам остающегося неизвестным автора Летописной книги о Смутном времени, Федор Иванович, «обложенный» смирением, носил «образ постничества», «благоюродлив быша от чрева матере своея» (27, 318, 362, 422; ср. 1, 369; 9, 228; 12, 190; 15, 145, 146; 19, 215; 32, 36; 33, 36, 40, 43, 45, 46, 48, 49, 129; 34, 221, 235; 37, 84, 133 – 134; 39, 103, 104, 202, 232, 233, 251, 252). (Последнее замечание, видимо, позволило некоторым историкам причислить «прекrotкого» Федора к юродивым, см. 14, 218; 20, 47). В Пискаревском летописце (далее – ПЛ) святой и блаженный государь объявляется Божиим угодником и, о чем сказано также в Новом летописце (далее – НЛ), последним светилом в Русской земле (33, 49; 34, 197, 198). Пресветлым, светом, свечой русской «всероссийского царства», даже всемирной Федора Ивановича, короновавшегося в свой день рождения, называли и другие современники (1, 21; 5, 152; 25, 107; 26, 218 об.; 33, 136). Один из новгородских летописцев, впрочем, утверждал, что государь, при котором правил Борис Годунов, был не только «благ», но и «препрост».

Пожалуй, наиболее выразительный образ преемника «яростиваго» «обдержателя» сумел нарисовать дьяк Иван Тимофеев. «Святоцарь», «святожительный», «святопомазаный», «святонаставший», «преблаженный», «от поста просиявший», «Божий угодник по святым», «святым сопричасный», – вот те эпитеты, которыми наделяет Федора Ивановича историк-мыслитель (так оценил автора «Временника» В.О. Ключевский). По утверждениям Тимофеева, «державный Феодор» «весь возложися Христови, все же житие святого и преподобнаго своего царства ... иночески в посничестве препроводив, в молитвах и мольбах с коленопреклонении день и ночь, время всея жизни своея в духовных подвизах изнузив», «внутри себе ураняя иночества дела потаено диадимом покро-

вены; купно монашество с царствием соплетено ... внутри уду не от дел иночества множителъ познавашеся, земное царство и красное мира совершенно оплевано, ... ревностию возревнова по святым», «нечто что и чуднее пристяжа в добродетелех светлости». Как думается «слогателю» «Временника», «не убо кто согрешит, аще и в молитвах того (Федора Ивановича. – Я. С.) призовет»; дьяк так и поступил, «предваря всех». Тимофеев даже уверен, что Бог этому «десподу» «в небеснем со святыми содворятися чертозе ... благоизволи». Младший сын Анастасии Романовны «яко вторый Иоасаф Индейский» всю жизнь провел «в постах и молитвах», «в духовных подвизах». В глазах Тимофеева Федор Иванович – «молитвенный рог крепости», «велик и мног иконопоклонник». Дьяк даже наделил преемника «гордояростиваго» самодержца пророческим даром, хотя и не очень явным. (По свидетельствам современников Тимофеева, Федор предрек бегство крымцев из-под Москвы в 1591 г. и то, что его наследниками станут Борис Годунов, а потом Михаил Романов). Во «Временнике» даже читаем о божественном образе Федора Ивановича, «святых» его ушах (5, 22 – 27, 34, 35, 39, 46 – 47, 57, 60, 151, 164). Хотя Тимофеев сетует на то, что царь-инок, каким изображен наследник Грозного в «сложении» дьяка (18, 210), «начало власти Борисови (Годунову. – Я.С.) попусти» (5, 151, ср. 26), мысль, будто в глазах публицистов первых десятилетий «бунташного века» преемник «яростиваго» самодержца «не печется» о своем государстве (38, 18, 21, 23), должна считаться по меньшей мере односторонней.

Почему же «собратель и облагодатель всея Руския земли» (34, 198, ср. 200, 201), которому современники придали облик блаженного на престоле, «Божьего» человека, достойного небесного царства (16, 19), не был канонизирован?

С точки зрения А.М. Панченко, второго сына Грозного собирались причислить к лику святых, но из-за Смуты сделать это не успели, хотя «изготовили» житие Федора («Повесть» Иова), потом же настали другие времена. Выдающийся ученый также писал, что для канонизации «призрачного» венценосца короткого царствования Бориса оказалось недостаточно, а затем вспыхнул «всемирный мятеж» (7, 5; 30, 491). Но ведь «Большой» Годунов (как именуется правитель, затем избранный на престол, в Сибирском летописном своде, см. 35, 140) занимал трон в течение семи лет, а «разорение русское» началось в последние месяцы «скифетродержавства» шурина того государя, со смертью которого, как читаем в ПЛ, «солнце померче и преста от течения своего, и луна не даст света своего, и звезды с небеси спадоша». Напомним также, что вдова Федора Ивановича Ирина (в иночестве Александра) умерла 26 сентября 1603 г. Оценка же «Повести» Иова как жития «освятованного» царя, восходящая еще к Н.М. Карамзину, должна считаться натяжкой (42, 35 – 36, 41).

По допущению Б.Н. Морозова, «готовилась канонизация Федора Ивановича, но в связи с быстро меняющейся политической ситуацией другие источники об этом сведений не сохранили» (25, 106). Вероятно, исследователь подобно А.М. Панченко рассматривает «Повесть» о Федоре Ивановиче как первый шаг к официальному включению царя, со смертью которого прервалась династия Рюриковичей, в сонм христианских подвижников, но отсутствие иных, хотя бы тоже косвенных, данных такого рода объяснить резкой сменой политической обстановки затруднительно. В частности, Иван Тимофеев, инкриминировавший Борису Годунову запрет на похороны царевича Дмитрия в Москве, вовсе не упрекает «рабоименного» властителя в том, что он обошелся без канонизации «святожительного» «мирообладателя». Напомним

также, что в 1600 г. состоялась канонизация Корнилия Комельского, а весной 1605 г., сразу после неожиданной смерти царя Бориса, – и Романа Угличского (6, 121, 291, ср. 152; 44, 55, 60).

Главным, даже единственным основанием причисления к лику святых являлись чудотворения у гроба и от мощей (6, 264, 266 – 271). Относительно «христоролюбивого» Федора Ивановича про такие чудотворения неизвестно, хотя в «Повести», сочиненной Иовом, и НЛ рассказывается про видение государю-праведнику уже на смертном одре одного или двух ангелов (что должно было свидетельствовать о святости мужа «всечестной» Ирины, см. 21, 180). Канонизация этого самодержца в царствование Бориса могла укрепить позиции «Никитичей» (не расставшихся с надеждами занять трон), а после избрания на престол Михаила Федоровича, при котором настойчиво подчеркивалось, что он приходился близким родственником умершему в 1598 г. «преблаженному» сыну Грозного, власти, не исключено, отказались от намерения включить Федора в круг христианских подвижников, ибо «крестоносный» «деспод» так или иначе содействовал переходу скипетра в руки «срабного» (по определению Тимофеева) шурина. Учтем также, что царь, сменивший прослывшего «мирогубителем» отца, не сделался монахом перед кончиной, да и в Московской Руси неизвестен ни один пример канонизации «державного» представителя рода Калиты.

2. ЗАГАДКА 1 АВГУСТА 1598 ГОДА (К ИСТОРИИ ВОЦАРЕНИЯ БОРИСА ГОДУНОВА)

В основном документе Земского собора 1598 г., вслед за перечнем его участников и перед их «рукоприкладствами», читаем: «уложена была и написана сия утверженная грамота» 1 августа (1, 46). Ученые по-разному отвечают на вопрос о том, что тогда произошло.

С точки зрения В.О. Ключевского, УГ, «помеченная» 1 августа 1598 г., стала результатом деятельности Земского собора, возобновившейся в июле, по окончании похода царя Бориса против крымцев (17, 321, 322, 436). На взгляд С.Ф. Платонова, в тот день утверждением избирательной грамоты закончилась продолжавшаяся полгода история этого собора, сопровождавшего даже нового государя в Серпухов. М.Н. Тихомиров не исключал, что тогда произошло новое соборное заседание. Об утверждении 1 августа 1598 г. «избирательной грамоты» писала и С.П. Мордовина (24, 135, 138; 31, 172; 43, 67; ср. 3, 243). А.П. Павлов думает, что к этому дню «относится совершение двух важных формальностей, которые неразрывно связаны между собой: скрепление» УГ царской печатью и подписью, а также передача этой грамоты в государеву казну. 1 августа 1598 г. исследователь датирует и «историческое введение» главного документа собора, находя, что подготовка данного раздела УГ завершила основной этап ее создания (29, 219, 222). По наблюдениям Р.Г. Скрынникова, «соборный приговор об избрании Бориса на трон отразил состав Боярской думы не на 1 августа 1598, а на январь 1599 г.». Стало быть, УГ и появилась в начале 1599 г., а не пятью месяцами раньше, т.е. налицо подлог «в избирательной документации» «земского» царя. Указывая на первый день августа 1598 г., создатели УГ исходили из того, что Борис Федорович короновался ровно через месяц, подобно Федору Ивановичу, венчавшемуся спустя такое время после его избрания Земским собором. Последний, как, однако, отмечает сам Р.Г. Скрынников, состоялся в 20-х числах апреля 1584 г., «праведного» Федора короновали 31 мая, а его преемника – 3 сентября 1598 г. (40, 105, 124; 41, 15, 123 – 125,

142, 144 – 145, ср. 186). В глазах А.А. Зимина к 1 августа 1598 г. изготовили второй вариант УГ (первый накануне уже был подписан), в частности (о чем, напомним, писал А.П. Павлов), ее «историческое введение», и с того времени началось «пересоставление» данного документа. Вместе с тем выдающийся историк полагал, что второй вариант УГ, подписывавшийся и в начале 1599 г., появился накануне 1 сентября предыдущего, а однажды датировал эту разновидность избирательной грамоты 1 августа 1598 г. (13, 228, 231, 232, 289, 291). А.С. Мельникова к первому дню августа того же года приурочивает окончательную редакцию главного документа Земского собора (22, 66; 23, 345). В представлении Н.Ф. Дробленковой последний тогда утвердил решение о возведении Бориса на трон; оглашенный на соборе текст УГ, датированный 1 августа, был создан в июле, после того, как шурина «святопочившего» царя одолел своих соперников в борьбе за престол (10, 96; 11, 168). По допущению А.Г. Данилова, в день, которым помечена УГ, завершил работу Земский собор (8, 83, 86).

Изложенные точки зрения не подкреплены какой-либо аргументацией и нередко гадательны. Повторим, что в самой УГ говорится лишь об ее «уложении» и «написании» 1 августа, хотя, разумеется, сделать это за один день было вряд ли возможно. Учтем также, что указанная дата предшествует подписям соборных выборных, т.е. относится не только к «историческому введению», но и к перечню данных лиц.

Развивая мысль Р.Г. Скрынникова, заметим, что 1 сентября 1598 г., иначе говоря, в «новолетие», Борис Годунов, будучи у сестры в Новодевичьем монастыре, в ответ на просьбу «всенародного множества» во главе с патриархом Иовом дал согласие короноваться (4, 182). Не исключено, что именно поэтому составители УГ второй редакции сочли возможным приурочить ее к 1 августа, когда, кстати, праздновалось изнесение честных древ животворящего креста Господня, т.е. наступил Успенский пост. До этого времени предположительно было написано не только «историческое введение», но и подготовлен перечень (с обозначениями чинов) лиц, которым надлежало скрепить подписями УГ. Позднее (до начала 1599 г.) упомянутый «реестр» могли заменить иным, дабы он в определениях сословного или иерархического статуса соответствовал «рукоприкладствам».

Список литературы

1. *Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией имп. Академии наук*. СПб., 1836. Т. 2.
2. Белокуров С. А. *Разрядные записи за Смутное время (7113 – 7121 гг.)*. СПб., 1907.
3. Бестужев-Рюмин К. Н. *Борис Федорович (Годунов)*//*Русский биографический словарь*. СПб., 1908. Т. Бетанкур – Бякстер.
4. Буганов В. И. *Сказание о смерти царя Федора Ивановича и воцарении Бориса Годунова (Записи в разрядной книге)*//*Зап. Отдела рукописей Гос. Библиотеки СССР им. В. И. Ленина (далее – ЗОР ГБЛ)*. 1957. Вып. 19.
5. *Временник Ивана Тимофеева*. М.; Л., 1951.
6. Голубинский Е. *История канонизации святых в русской церкви*. 2-е изд., испр. и доп. М., 1903.
7. Гумилев Л., Панченко А. *Чтобы свеча не погасла: Диалог*. Л., 1990.
8. Данилов А. Г. *Альтернативы в истории России: миф или реальность (XIV – XIX вв.)*. Р-н/Д., 2007.
9. Дмитриевский А. *Архиепископ Елассонский Арсений и мемуары его из русской истории*. Киев, 1899.
10. Дробленкова Н. Ф. *Борис Федорович Годунов*//*Словарь книжников и книжности Древней Руси (далее – СККДР)*. Л., 1988. Вып. 2. Ч. 1.
11. Дробленкова Н. Ф. *«Грамота Утвержденная»*//*СККДР*. Л.,

1988. Вып. 2. Ч. 1.
12. Зимин А.А. Акты Земского собора 1612 – 1613 гг.//ЗОР ГБЛ. 1957. Вып. 19.
  13. Зимин А.А. В канун грозных потрясений: Предпосылки первой Крестьянской войны в России. М., 1986.
  14. История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1966. Т. 2.
  15. Карбасова Т.Б. Историческая редакция Жития Кирилла Новоезерского//Опыты по источниковедению: Древнерусская книжность. СПб., 2001. Вып. 4.
  16. Ключевский В.О. Соч.: В 9 т. М., 1988. Т. 3.
  17. Ключевский В.О. Соч.: В 9 т. М., 1990. Т. 8.
  18. Корецкий В. И. История русского летописания второй половины XVI – начала XVII в. М., 1986.
  19. Корецкий В.И., Морозов Б.Н. Летописец с новыми известиями XVI – начала XVII в.//Летописи и хроники: 1984 г. М., 1984.
  20. Латышева Г.Г. Публицистический источник по истории опричнины (К вопросу о датировании)//Вопросы историографии и источниковедения отечественной истории. М., 1974.
  21. Майзульс М.Р. «Грех ради наших»: царская смерть и казни божьи в источниках Московской Руси середины XVII в.//Источниковедение культуры: Альманах. М., 2007. Вып. 1.
  22. Мельникова А.С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого: История русской денежной системы с 1533 по 1682 год. М., 1989.
  23. Мельникова А.С. События 1598 года и монеты Бориса Годунова//Исторические записки. М., 1983. Т. 109.
  24. Мордовина С.П. К истории Утвержденной грамоты 1598 г.//Археографический ежегодник за 1968 год. М., 1970.
  25. Морозов Б.Н. Новый памятник из библиотеки Лыткиных, ярославских купцов первой половины XVII века (отклик современника на смерть царя Федора Ивановича)//Книга в пространстве культуры. М., 2005. Вып. 1.
  26. Отдел рукописной и редкой книги Библиотеки РАН. 24. 5. 32.
  27. Памятники литературы Древней Руси (далее – ПЛДР): Конец XVI – начало XVII веков. М., 1987.
  28. ПЛДР: XVII век. М., 1989. Кн. 2.
  29. Павлов А.П. Соборная утвержденная грамота об избрании Бориса Годунова на престол//Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1978. Т. 10.
  30. Панченко А.М. Церковная реформа и культура петровской эпохи//Из истории русской культуры. М., 1996. Т. 3.
  31. Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI – XVII веков (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время). Переизд. М., 1937.
  32. Повесть о победах Московского государства: Изд. подг. Г.П. Енин. Л., 1982.
  33. Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). М., 1965. Т. 14.
  34. ПСРЛ. М., 1978. Т. 34.
  35. ПСРЛ. М., 1987. Т. 36.
  36. Псковские летописи: Пригот. к печ. А. Насонов. - М.; Л., 1941. Вып. 1.
  37. Разрядная книга 1550 – 1636 гг. М., 1976. Т. 2. Вып. 1.
  38. Семенова Г.Ю. Психология служилого сословия в России XVII в. по Повестям и Сказаниям о Смутное время//Вест. Моск. ун-та. 1993. Сер. 8: Ист. № 2.
  39. Сказание Авраамия Палицына. М.; Л., 1955.
  40. Скрынников Р.Г. Борис Годунов. М., 1978.
  41. Скрынников Р.Г. Россия накануне «смутного времени». М., 1981.
  42. Солодкин Я.Г. Повесть о царе Федоре Ивановиче: время создания и предназначение//Общественное сознание населения России по отечественным нарративным источникам XVI – XX вв. Новосибирск, 2006.
  43. Тихомиров М. Н. Российское государство XV – XVII веков. М., 1973.
  44. Ульяновский В. И. Православная церковь и Лжедмитрий I /Архив русской истории. М., 1993. Вып. 3.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ И РУССКИХ ЗЕМЕЛЬ В ПЕРИОД 60-70-Х ГГ. XIV ВЕКА

В 1359-1380 гг. Золотая Орда столкнулась со сложнейшим комплексным политическим, экологическим и экономическим кризисом, который привёл к тяжёлым последствиям в рамках кочевого общества. Одним из таких последствий становится трансформация взаимоотношений с русскими княжествами – основным данником ханов. В этой статье автором ставится задача проанализировать на основании русских летописных источников те изменения, которые происходят во взаимоотношениях кочевого и оседлого мира в период «Великой Замятни» (традиционного обозначения данного кризиса).

Наиболее важным символом власти ханов, правивших в Сарая, над русскими князьями были ярлыки – письменные разрешения-приказы на правление, в том числе и ярлык на «великое княжение». Начало «Замятни» традиционно датируется 1359 г., смертью Бердибека (Г.А. Фёдоров-Давыдов, М.Г. Сафаралиев, В.Л. Егоров, Т.И. Султанов). После убийства к власти приходит Кульпа. К Кульпе русские князья за ярлыком, по-видимому, прийти не успели, т.к. правил Кульпа недолго и был убит собственным братом Наурузом. Никоновская летопись отмечает: «Въ те же бранныя времена бысть в Орде во орде князь Андреи Константинович, внук Васильевъ, и едва упасе его Богъ отъ горкіа смерти отъ рукъ поганыхъ. Того же лета поидоша во Орду къ новому царю Наурусу вси князи Русіи, и биша челомъ царю о разделении княженей ихъ...И тако раздели ихъ коегождо вотчину его, и отпусти ихъ съ миромъ и съ честію»(5, 231). Таким образом, в самом начале «Великой Замятни» сохранялась традиционная система взаимоотношений, при которой все русские князья ходили за ярлыками к новому хану. Науруз также выделили впоследствии Дмитрию Константиновичу суздальскому великое княжение Владимирское [Там же]. В 6869 году (1361 г.), с приходом нового хана Хидыря, русские князья – Дмитрий Иванович Московский, Дмитрий Константинович Суздальский, Андрей Константинович из Нижнего Новгорода, Константин Ростовский, Михаил Ярославский снова поехали в Орду (5, 232). Новгородская летопись сообщает: «В лето 6869. Кн(я)зи русіи пошли к новому ц(а)рю Кыдарю, кн(я)зь Дмитрей Иванович да кн(я)зи 4: Андреи Костянтинович, брат его Дмитрии и Костянтин Мстиславскии, Михаило Ярославскии. При них убьен быс(ть) цар(ь) Кыдыр от своего с(ы)на Темир-хожина, и на 4 д(е)нь седее на царство» (8, 121). Судя по последующему подробному описанию событий, связанных с убийством Хидыря, отделением Мамайя и т.д., русские князья некоторое время находились в Новом Сарая, но затем спешно оттуда уехали, причем, судя по летописям, на Андрея из Нижнего Новгорода напал один из татарских князей, а ростовских князей ограбили (там же).

С распадом Золотой Орды русские князья по-прежнему ориентируются на Сарайское правительство, более того, ещё некоторое время обращаются за разрешением споров к татарам. Дмитрий Иванович Московский и Дмитрий Константинович Владимирский решили спор о княжении, «послаша кичичеевъ своихъ во Орду ко царю Амурату, и вынесоша отъ царя Амурата великое княжение

великому князю Дмитрию Ивановичу Московскому» (5, 233). Правда, при этом стоит отметить, что в череде ханов 60-х гг. XIV в. Амурат (Мюрид) был одним из наиболее влиятельных ханов, активным противником Мамая. Именно при нём оформляется деление Золотой Орды на «Мамаеву Орду» и «Мюридову Орду» (1, 32). Но затем летопись сообщает о захвате Переяславля Дмитрием Константиновичем, и изгнании оттуда его князем Дмитрием Ивановичем. Таким образом, Дмитрий Константинович не признаёт сначала власть Дмитрия Ивановича Московского, в результате последнему приходится подтвердить право на власть, помимо ярлыка, военной силой (5, 233; 8, 121). Действительно, если раньше на нарушителя ханской воли татары могли отправить карательный отряд, то в условиях внутренней борьбы ситуация в русском улусе отходила на второй план. Тем не менее, ещё некоторое время, русские князья обращались за ярлыками то к Мамаю, то к его противникам.

В 6871 году (1363 г.) Дмитрию Ивановичу привозят ярлык от «Мамаева царя» Абдулы (9, 290-291), а Дмитрий Константинович захватывает Владимир вместе с Иваном Белозерским, который возвращается из «Мюридовой Орды» с тридцатью татарами (там же). Таким образом, происходит разделение русских князей: Дмитрий Иванович (будущий «Донской») опирается на Мамаю, а его противники - на сарайского хана (очевидно, Хайр-Пулада). Однако, Дмитрий Иванович имел более мощную армию, и постепенно легитимность и авторитет ярлыка, выданного в Сарае, перестают иметь значение (особенно, если не было достаточно сил для его подтверждения). Пример тому можно найти в «Рогожском летописце»: «Тое же зимы [6872(1364) – С.Е.] прииде изъ Орды князь Василей Дмитриевичъ Суждальский отъ царя Азиза, а съ нимъ царевь посоль, а Ия ему Оурусъманды, и вынесе ярлыки на княжение на великое князю Дмитрию Костянтиновичу Суждальскому, онъ же ступися княжения великаго великому Дмитрию Иванович[ю] Московскому, а испросиль и взялъ себе у него силу къ Новгороду къ Нижнему на брата своего князя Бориса» (9, 293). Таким образом, несмотря на то, что Дмитрий Константинович Суздальский получил ярлык на великое княжение от Азиза (правителя «Мюридовой Орды» в 1364-1367 гг.), он уступает великое княжение Дмитрию Ивановичу Московскому и просит у него войска для борьбы с братом Борисом. После этого случая поездки русских князей в Сарай на некоторое время прекращаются, т.к. авторитет Дмитрия Ивановича, подкреплённого ярлыком от Мамаю и мощной армией, был непоколебим. Более того, иногда русские князья действовали вместе с Татарами, как это было в 1370 г., при походе «на Българскаго князя Осана» (9, 303-304).

Союз Мамаю и Дмитрия Ивановича был недолог. В этом же 1370 г., ярлык у Мамаю на великое княжение получает Михаил Александрович из Твери. Однако Дмитрий Иванович не принял ярлыка, и Михаил был вынужден бежать в Литву за помощью [там же]. Пережив Литовщину, Дмитрий Иванович снова идёт к Мамаю и возвращает себе великое княжение (9, 306; 8, 123). Однако борьба между Михаилом Тверским и Дмитрием Московским продолжается. Фактически в этот период ярлык превращается в формальность, т.к. великим князем становился тот, кого больше поддержат на Руси, и у кого больше войск. Победу постепенно одерживает Дмитрий Иванович, которого в походе 6883 (1375) г. поддержало большинство князей русских (8, 125). Однако до этого, по сообщению «Рогожского летописца», произошло «розмирие съ Татари и съ Мамаемъ» (9, 312-313), и начинается открытое противостояние Мамаю и Дмитрия, которое закан-

чивается лишь в 1380 г. Куликовской битвой (10, 395-397).

Таким образом, в ходе «Великой Замятни», когда ханский ярлык не подтверждался военной силой Золотой Орды, он постепенно перестаёт восприниматься как документ, обязательный для исполнения всеми князьями, и великое княжение переходит в руки Дмитрия Ивановича Московского, которого поддерживало большинство князей и, следовательно, за которым была военная сила.

Другим новым фактором во взаимоотношениях русских и татар стало появление ушкуйников – речных разбойников, занимавшихся грабежом на Камском и Балтийско-Волжских торговых путях, игравших, по мнению ряда исследователей, огромную роль в экономике Золотой Орды (1, 122-126; 2, 251; 7, 80 - 82). Первое нападение ушкуйников фиксируется уже в 1360 г., через год после начала «Великой Замятни». В 1360 г. разгромлен город Жукомен («Того же лета Новгородци и Великого Новгорода оушкоуиници разбоиници взяша градъ бесерменский на реце Каме, нарицаемый Жюкомень» (9,287)), в 1366 г. ушкуйники «избиша множество Бесермень въ Новгороде въ Нижнем», а затем сожгли город Булгар. Крупный поход состоялся в 1374 году. Вот как о нём пишет летописец: «Того же лета [6882- С.Е.] идоша на низ Вяткою оушкоуиници разбоиници, совъкупишася 90 оушкуевъ, и Вятку пограбиша и шедши взяша Българы и хотеша зажеци и взяша откупа 300 рублевъ. И отътуду разделишася на двое: 50 оушкуевъ поидоша на Волзе на низъ к Сарая, а 40 ушкоевъ поидоша вверхъ по Волзе и дошедшее Обухова, пограбиша все за-Сурие и Марквашъ, и, переехавшее за Волгу, лоды, поромы и насады и павозкы, и стругы, и проча вся ссуды посекошася, а сами поидоша къ Вятце по соху на коня и идучи много сель по Велтузе пограбиша» (9, 312 - 313). Таким образом, даже Сарай не был избавлен от нападения ушкуйников. В следующем году ушкуйники, грабя и убивая всех на своём пути, дошли до города Хаджи-Тархана (Асторокани), но были там уничтожены хитростью (6, 24). Успехи этих речных пиратов на данный момент объясняются несколькими причинами: отсутствием твёрдой власти в Орде, отсутствием фортификационных сооружений у золотоордынских городов, хорошей организацией военного дела у самих ушкуйников. Однако сам факт появления среди русских военных сил, способных к нападению на золотоордынские земли, свидетельствует о психологическом переломе, произошедшем в этот период. Правда, говорить об ушкуйниках как о «первых борцах за свободу» вряд ли уместно, т.к. громили они не только татар, но и русских, попадавших к ним на пути.

Подводя итог статье, хотелось бы отметить, что с началом «Великой Замятни» во взаимоотношениях русских княжеств и Золотой Орды наступает перелом, в ходе которого уже в 1364 г. великокняжеский ярлык переходит к Дмитрию Ивановичу фактически без разрешения хана, а крупные торговые города Золотой Орды постоянно подвергаются набегам русских речных пиратов. В конечном итоге, эти процессы приводят к исчезновению психологического страха перед кочевниками и осознанию возможности реального противостояния Золотой Орде.

Список литературы

1. Белавин А.М. Торговые фактории волжских болгар и пути возникновения городов в Поволжье и Предуралье в средние века // Средневековая Казань: возникновение и развитие. Материалы международной научной конференции. Казань, 2000.
2. Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Значение болгарского торгового пути в поступлении западноевропейского экспорта в Западную Сибирь в XII - XIII веках // Средневековая Казань: возникновение и развитие. Материалы междуна-

- родной научной конференции. Казань, 2000.
3. Григорьев А.Г. Золотоордынские ханы 60-70-х годов XIV в.: хронология правлений // «Историография и источниковедение стран Азии и Африки», вып. VII.Л., 1983 // <http://info.charm.ru/library/1983-Grigoriev.htm>
  4. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII – XIV вв. М.: Наука, 1985.
  5. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // Полное собрание русских летописей. Т.10. М.: Языки русской культуры, 2000.
  6. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // Полное собрание русских летописей. Т.11. М.: Языки русской культуры, 2000.
  7. Мельникова Е. Балтийско-Волжский путь в ранней истории Восточной Европы // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX – XII веков. Материалы международного симпозиума. Казань, 1999.
  8. Новгородская летопись по списку П.П. Дубровского // Полное собрание русских летописей. Т. XLIII. М.: Языки русской культуры, 2004.
  9. Рогожский летописец. Тверской сборник // Полное собрание русских летописей. Т.15. М.: Языки русской культуры, 2000.
  10. Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций. М.: ИИЭАН, 1996.

М.В. Стародубцев

Стерлитамакская государственная педагогическая академия им. З. Бишевой, г. Стерлитамак

КОНСКОЕ СНАРЯЖЕНИЕ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ЮЖНОГО УРАЛА ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЯ МОГИЛЬНИКА ПЕРЕВОЛОЧАН В 2007 Г.

Конское снаряжение ранних кочевников Южного Урала, как один из главнейших атрибутов кочевого мира, не обходится без внимания исследователей. Интерес к нему стали проявлять ещё его первооткрыватели в своих трудах конца XIX - начала XX века. Более детальное исследование данной проблемы наблюдается в работах конца 40-х – начала 50-х годов XX в. Исследователи М.П. Грязнов, Б.Н. Граков и другие в своих работах проводят анализ некоторых элементов конской сбруи. Одна из первых классификаций предметов конского снаряжения была создана А.А. Иессеном (2, 49), а развернутая типология савромато-сарматской узды была предложена уже К.Ф. Смирновым (9, 70 – 98). Большой вклад в разработку проблемы вносят А.И. Мелюкова, В. Подборский, А.И. Тереножкин и др. (3, 100). После выхода в свет их работ, исследователями неоднократно рассматривались вопросы, связанные с конским снаряжением. Так, например, одно из последних исследований южно-уральских комплексов с элементами конского убора проделано М.А. Очир-Горяевой (1, 129 – 132).

Весомый вклад в разработку проблемы вносят археологические изыскания последних лет. Исследованные погребальные комплексы южных районов Республики Башкортостан, Оренбургской области и северного Казахстана предоставляют обширный материал, позволяющий более детально рассмотреть указанную проблему, расширить и конкретизировать для рассматриваемой территории уже разработанную ранее типологию предметов конской упряжи и выявить специфичные для неё элементы. Наиболее информативный в этом отношении материал предоставляют элитные памятники ранних кочевников на указанной территории. В этой связи, определённый

интерес представляет анализ комплекса предметов конского убора курганного могильника Переволочан.

Летом 2007 г. в Хайбуллинском районе Республики Башкортостан экспедицией Стерлитамакской государственной педагогической академии под руководством С.В. Сиротина были исследованы курганы №11 и №12 Переволочанского могильника. В результате, был получен важный во многих отношениях материал, имеющий широкие аналогии и укладывающийся в раннепрорховский комплекс инвентаря IV в. до н.э. (7, 139). Значительное место в собранной коллекции занимает комплекс предметов конского снаряжения, требующий отдельного освещения и анализа.

Элементы конской узды происходящие из рассматриваемых курганов Переволочанского могильника насчитывают более шестидесяти экземпляров. Снаряжение представлено комплектами удил с псалиями (два полных комплекта и восемь образцов псалиев с остатками железных удил), конскими налобниками (наносниками?), распределителями ремней, различными бляшками и ворворками и т.д.

Большинство рассматриваемых предметов узды происходит из трёх погребальных комплексов курганов № 11 и №12. Так, представительным в этом отношении является погребение №1 кургана №11. Все предметы уздечного набора из этого погребения были найдены у западной стенки могильной камеры вдоль левого плеча скелета и лежали в чёткой последовательности (8, 16). Центральное погребение №5 кургана №11 было ограблено, поэтому трудно сказать о наличии здесь какой-либо системы в расположении предметов конского снаряжения, однако, большинство из них найдено около юго-восточной стенки могильной ямы (8, 25). Комплекс элементов конского снаряжения кургана №12 происходит из заполнения ограбленного погребения №5 (центрального), где предметы конского снаряжения (в силу ограбления могилы) бессистемно встречались в разных частях могильной ямы, на разной глубине (8, 53).

Все найденные образцы удил сделаны из железа и представлены звеньями из округлых в сечении стержней, концы которых загнуты в петли (рис. 1, 1, 8, 10 – 12, 23). Длина звеньев различна и варьируется от 9 до 13 см. Данный тип удил является довольно распространённым и представлен в широком круге памятников, но некоторые их образцы требуют особого внимания. Так, удила из погребения №5 кургана №11 (рис. 1, 11) состоят не из двух звеньев, как это принято, а из четырёх (в ближнем к псалию сочленении крепилось ещё одно звено). О функциональном назначении таких удил пока говорить трудно. Возможно, данный образец непосредственно связан с погребальным обрядом рассматриваемых кочевников (по аналогии со встречаемостью ассиметричных удил в синхронных погребениях с подобным инвентарём (6, 125). Также интересна система крепления одного звена от удил с псалием из этого же погребения (рис. 1, 12). Создается впечатление, что данное крепление осуществлялось путём продевания стержня удил сквозь одно из двух отверстий псалия. Возможно, это явилось результатом починки стандартной системы крепления вследствие поломки концевой петли данного звена.

В рассматриваемом комплексе конского снаряжения насчитывается 12 экземпляров псалиев. Все они двухдырчатые, с восьмёркообразным утолщением на месте отверстий.

Два псалия из погребения №1 кургана №11 (рис. 1, 1) сильно корродированы, но, не смотря на это, фиксируется слабый изгиб концов. Подобные S-видные псалии довольно широко распространены и имеют аналогии в погребальных комплексах Южного Урала (например,

псалии из кургана №2 могильника Новый Кумак (4, 232), кургана №8 могильника Пятимары (1, 79)), Поволжья (9, 148), Сибири и Северного Кавказа (9, 84 - 85).

Характерной особенностью S-видных двудырчатых псалиев из погребения №5 кургана №11 (рис. 1, 8) является то, что их верхние концы выполнены в форме клювов хищных птиц, нижние же концы – несколько утолщены и, скорее всего, являются имитацией формы лошадиного копыта.

Прямые стержневидные двудырчатые псалии из этого же погребения с резко загнутыми и раскованными в форме лопастей окончаниями (рис. 1, 9 - 12) являются разновидностью найденных в Переволочанском могильнике (курган №6 погребение №2) стержневидных псалиев у которых загибался и расковывался только один конец, второй же оставался прямым (5, 70). Прямых аналогий данным псалиям пока не найдено, но уже имеется мнение о связи подобных железных псалиев с более ранними бронзовыми, имеющими окончания в виде расположенных перпендикулярно стержню головок животных (6, 126) либо профильных фигур лошадиных копыт (1, 7). Кроме того, на территории Поволжья фиксируется традиция подобного расковывания концов железного псалия (9, 148).

Из бронзы сделан S-видный псалий из центрального погребения кургана № 12. Особенностью этого экземпляра является наличие утолщённых поясков и полусферических шишечек на концах (рис. 1, 23). Похожие псалии встречались в рассматриваемом могильнике и ранее (5, 82), по форме (но не всегда по материалу) близки к некоторым Южно-Уральским образцам, например, из могильника Новый Кумак (4, 238). Подобные псалии встречаются и в Поволжье (10, 130).

Распределители для перекрёстных ремней в указанном комплексе снаряжения представлены одиннадцатью экземплярами. У распределителей с полусферическим щитком из погребения №1 кургана №11 (рис. 1, 5) аналогии встречаются широко и характерны для наборов «скифского типа» в Скифии, на Северном Кавказе, Сибири и Средней Азии (9, 91).

Распределитель ремней в форме скульптуры лошадиной головы (фигурка выполнена довольно схематично, но чётко выделяется грива и голова лошади) (рис. 1, 20) очень близок к распределителю из Филипповского могильника (жертвенный комплекс кургана №4 (12, 103). Здесь усматривается близость данных распределителей к Южно-Уральским образцам, у которых декоративная часть изделия расположена в плоскости, перпендикулярной к плоскости самих ремней (11, табл.17, 62, 63, 68).

Бронзовые распределители с зооморфным щитком, выполненным в виде профильной фигуры верблюда (рис. 1, 15), технически являются проявлением традиции подобной техники стилизации распределителей, встречающейся в комплексах Южного Урала V – IV вв. до н.э. (11, табл.17, 27, 49). Полных аналогий данным переволочанским распределителям пока не найдено, хотя изображение верблюдов характерно для стилизации элементов конского убора в Южно-Уральских комплексах (1, 77).

Практически все бляшки, ворворки, обоймы и пронижи, происходящие из рассматриваемого комплекса, имеют формы, широко распространённые на территории евразийского пояса степи (рис. 1, 2 - 4, 16 - 19). Особый интерес представляют бляшки, выполненные в форме профильных фигур рыб (рис. 1, 6, 7), ближайшие аналогии которых встречены в Южно-Уральских комплексах. Две подобные бляшки (притом также одна больше другой) происходят из могильника у пос. Ак-Булак (11, табл. 21, 10). На тыльной стороне одной бляшки имеется петля для крепления. Крепёж второй бляшки осуществлял-

ся за счёт железной заклёпки, остатки которой фиксируются на месте глаза рыбки. Вероятно, обе бляшки украшали нащёчные ремни оголовья. Подобное назначение может иметь и найденная в заполнении погребения №5, золотая литая плоская подвеска (рис. 1, 14).

Рис. 1. Курганы 2 могильника Переволочан (курган №11 погребение №1) 1 – двудырчатый псалий, 2 – стержневидный раскованный псалий, 3 – стержневидный раскованный псалий, 4 – стержневидный раскованный псалий, 5 – распределитель для перекрёстных ремней с полусферическим щитком, 6 – бляшка в форме профильной рыбы, 7 – бляшка в форме профильной рыбы, 8 – S-видный двудырчатый псалий, 9 – прямой стержневидный двудырчатый псалий, 10 – прямой стержневидный двудырчатый псалий, 11 – прямой стержневидный двудырчатый псалий, 12 – прямой стержневидный двудырчатый псалий, 13 – прямой стержневидный двудырчатый псалий, 14 – золотая литая плоская подвеска, 15 – распределитель для перекрёстных ремней с зооморфным щитком, 16 – распределитель для перекрёстных ремней с зооморфным щитком, 17 – распределитель для перекрёстных ремней с зооморфным щитком, 18 – распределитель для перекрёстных ремней с зооморфным щитком, 19 – распределитель для перекрёстных ремней с зооморфным щитком, 20 – распределитель для перекрёстных ремней в форме скульптуры лошадиной головы, 21 – бляшка в форме профильной рыбы, 22 – бляшка в форме профильной рыбы, 23 – S-видный двудырчатый псалий.

Примечательной является находка массивного железного предмета дуговидной формы с петлями на концах (рис. 1, 21) и зубчатой кромкой на внутренней стороне изделия, которое вероятно выполняло функцию нахрапника – строгача. Находки подобных предметов весьма немногочисленны. Похожий предмет происходит из кургана № 10 рассматриваемого могильника (5, 84). Имеется образец с территории Поволжья (курган у пос. Шолоховский) (10, 136). По форме и скорее всего по назначению очень близок к вышеуказанным, бронзовый строгач из жертвенного комплекса кургана №4 Филипповского могильника (12, 104).

К разряду редких относится находка трёх железных налобников с раскованными лопастями и шишечками на загнутых концах (рис.1, 13). На сегодняшний день известно несколько аналогий подобным налобникам на Южном Урале (могильники Переволочан (5, 82), Мечет-Сай (9, 158), Шиповский (6, 123), Ак-Булакский курган (9, 160). Кроме того, отмечается их распространение западнее Волги и на Среднем Дону (6, 127). Форма же небольшого бронзового налобника (рис. 1, 22) из погребения №5 кургана №11 распространена довольно широко и характерна для конских наборов V – VI вв. до н.э.

Коллекция предметов конского снаряжения всего Переволочанского курганного могильника, несомненно, представляет большой научный интерес. Разнообразие найденных здесь предметов и наличие неповрежден-

ных полных уздечных наборов позволяют восстановить конструкцию, внешний вид и принципы функционирования изучаемого снаряжения. Так, например, удалось произвести графическую реконструкцию рассмотренного выше набора из погребения №1 кургана №11 (рис.1, 24).

Первоначальный анализ предметов конского снаряжения Переволочанского могильника, предоставленных исследованиями 2007 г., даёт возможность выделить основные черты, характерные для данного снаряжения.

Рассматриваемое снаряжение во многом соответствует комплексу, ранее открытому в данном могильнике, и имеет ряд признаков, специфичных для Южного Урала. Его образцы находят аналоги в широком круге памятников региона и здесь прослеживается тесная связь с элементами конской узды, найденных в элитных памятниках Южного Урала. Кроме того, в указанном снаряжении прослеживаются признаки, универсальные для довольно обширной территории пояса степи. В то же время во многих образцах фиксируется довольно сильное западное влияние.

Хронологически рассматриваемый комплекс соответствует общей датировке памятника (IV в. до н.э.), но здесь присутствуют признаки и более раннего времени (например, V в. до н.э.), которые, вероятно, находят своё эволюционное развитие в переволочанских древностях.

Список литературы

1. Ouir-Gorjaeva M.A. *Pferdegeschirr aus Cholъeutovo*. – Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 2005.
2. Иессен А.А. *К вопросу о памятниках VIII – VII вв. до н.э. на юге Европейской части СССР // СА. XVIII. 1953.*
3. Козенкова В.И. *Оружие, воинское и конское снаряжение племён кобанской культуры (систематизация и хронология), западный вариант – САИ. В2 – 5. Вып. 4. М., 1995.*
4. Мошкова М.Г. *Ново-Кумакский курганный могильник близ города Орска // МИА №115. М. 1962.*
5. Пшеничник А.Х. *Переволочанский могильник // Курганы кочевников Южного Урала. Уфа: Гилем, 1995.*
6. Савельев Н.С. *Происхождение гафурийского комплекса лесостепи Южного Приуралья середины – второй половины I тыс. до н.э. // Ранние кочевники Волго-Уральского региона: материалы междунар. науч. конф. «Ранние кочевники Южного Приуралья в свете новейших археологических открытий». Оренбург, 21 – 25 апреля 2008 г. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2008.*
7. Сиротин С.В. *Исследования на курганном могильнике Переволочан в Зауральской Башкирии // Ранние кочевники Волго-Уральского региона: материалы междунар. науч. конф. «Ранние кочевники Южного Приуралья в свете новейших археологических открытий». Оренбург, 21 – 25 апреля 2008 г. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2008.*
8. Сиротин С.В. *Отчёт об археологических исследованиях в Хайбуллинском районе Республики Башкортостан в 2007 г. (в 3-х тт.). Стерлитамак 2008.*
9. Смирнов К.Ф. *Вооружение савроматов. М.: Наука, 1961.*
10. Смирнов К.Ф. *Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М.: Наука, 1984.*
11. Смирнов К.Ф., Петренко В.Г. *Савроматы Поволжья и Южного Приуралья / САИ, вып. Д1 – 9. М.: Издательство АН СССР, 1963.*
12. *Сокровища сарматских вождей (Материалы раскопок Филпповских курганов). Оренбург: Печатный дом «Думур», 2008.*

К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИИ МИССИОНЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В КИТАЕ В 1850 – 1860 ГГ.

Переломным моментом в истории и деятельности Пекинской Духовной Миссии стал 1858 год – 1 июня был заключен знаменитый Тяньцзинский трактат, фактически отменявший все прежние антимиссионерские распоряжения. В статье 8-й говорилось: «Китайское правительство, признавая, что христианское учение способствует водворению порядка и согласия между людьми, обязуется не только не преследовать своих подданных за исполнение обязанностей христианской веры, но и покровительствовать наравне с теми, которые следуют другим допущенным в государстве верованиям. Считая христианских миссионеров за добрых людей, не ищущих собственных выгод, китайское правительство позволяет им распространять христианство между своими подданными и не будет препятствовать им проникать из всех открытых мест внутрь империи, для чего определенное число миссионеров будет снабжено свидетельствами от русских консулов или пограничных властей» (2, 33). Католики в своих устремлениях пошли еще дальше – они потребовали вернуть земли своих предшественников – иезуитов, францисканцев, доминиканцев.

Получение официального права проповеди, добытое оружием европейских держав потребовало от России корректировки своих установок деятельности Православной Миссии в Китае. В 1858 году, после заключения Тяньцзиньского трактата, Св. Синод подготовил дополнение к своим предыдущим инструкциям. В нем говорилось: «...деятельность Миссии может и должна быть направлена к распространению Православной веры среди самого китайского народа. Но при этом Миссия обязана, особенно в первое время, в действиях своих руководиться полною осторожностью и благоразумием. Пользуясь с ревностью всеми открывающимися случаями для приобретения новых чад Церкви... Она должна совершать это без шума и со всевозможным смирением... дабы... не привлечь на оные подозрительного и неблагосклонного внимания местного Правительства и тем не поставить преграды будущим своим... действиям».

Основные методы и принципы деятельности членов миссии по распространению православной веры в Китае определялись общей инструкцией миссионерам, которая была составлена еще в 1840 году.

В основу успешности проповеди Православия было положено знание китайского языка. Инструкция советовала обратить внимание на то, что «способ преподавать учение веры бывает различен, и по внутреннему состоянию души поучаемого, и по возрасту, и по умственным способностям». Образ миссионера трактовался так: веропроповедник должен выдавать себя за простого странника, желающего ближним истинного благополучия, постараться заслужить хорошее о себе мнение («доброе мнение заставляет уважать; а кого не уважают, того и не послушают»), «снискать доверенность и благорасположение... разсудительностию, готовностию на всякую помощь добрыми и благоразумными советами и искренностию», «в изъяснении предметов веры» говорить «обдуманно, ясно, отчетливо и сколько возможно кратко». Каждый желающий принять крещение должен был знать

закон и символ веры, а также соблюдать следующие условия: «отречься от своей прежней веры, не следовать обычаям противных христианству, согласиться исполнять все то, что потребует от них новый закон и Церковь, исповедывать грехи свои».

Высшее духовное начальство осознавало, что китайцы «еще долгое время не будут понимать того, что читается в Церкви», поэтому инструкция рекомендовала специально приглашать их на церковные службы, произнесение проповедей и молитв. Кроме того, предписывалось «никакие брачные союзы и договоры, заключенные до крещения, не считать препятствием к принятию Святого Крещения, и никаких... браков не расторгать» и «в разбирательство мирских дел не входить»; как новообращающимся, так и недавно принявшим крещение не делать подарки, «дабы сие не могло быть... приманкою или поводом к различным ухищрениям» (даже при самом крещении не давать им «ни рубашек и ни чего, кроме крестиков»); по отношению к язычникам не применять «ни принуждений, ни угроз, ни подарков, ни обещаний, ни... обольщений».

Результаты своей деятельности миссионеры должны были заносить в особые журналы, которые вместе с донесениями ежегодно представлялись в Синод и в Министерство иностранных дел.

Таким образом, если распоряжения светских властей менялись согласно с изменениями внешнеполитических задач России, то миссионерская тактика Православной Церкви оставалась прежней на протяжении двух столетий, так как ничего принципиально нового в данном дополнении к инструкциям Св. Синодом предложено не было. Однако важность значения этого документа в том, что русские власти стали после 1858 года постепенно выделять духовно-просветительскую деятельность Духовной Миссии от ее дипломатических и научных обязанностей.

После смягчения законодательства по отношению к миссионерам Пекинская Духовная Миссия стала действовать по распространению Православия уже за пределами столицы Китая. Главным действующим лицом нашей Миссии, вплоть до своей смерти в 1871 году, был отец Исаия (Поликин). Его трудами была обращена в Православие часть китайской деревни Дунь-Диньянь. Долгое время это был единственный крошечный очаг китайского Православия за пределами Пекина. Отец Исаия гордился этой деревней и крещеных дунь-диньянцев ставил даже выше албазинцев: «Вообще скажу, что нужно много слов и дела, чтобы выветрить из албазинских «дудз» (животов) старинные странные понятия. Зато в новопросвещенных много есть отрадных явлений. Но вообще они все точно почва города Пекина: нужно над ними много трудиться, срывать весь этот мусор лени, тунеядства, спеси и прочего, пока дороешься до настоящей земли, до сокровенных желаний их человеческого духа» (1, 435).

Кроме своей миссионерской работы иеромонах Исаия занимался переводами Священного Писания на китайский язык. Хотя библейские тексты на китайском языке существовали уже в конце XVII века, сделанные католиками, но эти переводы были сильно «конфуцианизированными». После каждого перевода устраивались устные чтения, где слушатели (в основном албазинцы) пересказывали понятый ими текст, а если перевод был понят неверно, то тексты корректировались.

Тем не менее, несмотря на эту деятельность, а может, и благодаря ей, четырнадцатая Духовная Миссия была первой именно духовной Миссией. Если раньше китайская православная община росла постепенно: по одному, по два человека, то начиная с деятельности этой Миссии Православие принимают уже десятки китайцев как в Пекине, так и в провинции. Наиболее ус-

пешной была проповедь среди крестьянства. Если учесть, что Миссия, крайне стесненная в средствах, не могла помочь бедным крестьянам материально, становится очевидным, что Православие принимали в глухих китайских деревнях не из-за материальных соображений. И именно этим наша Миссия резко отличалась от католической, а особенно протестантской. Увы, за недостатком средств и кадров священнослужителей наша Миссия часто упускала то, что приобретала. За долгим отсутствием батюшки некоторые из новообращенных разучались налагать на себя крестное знамение; иные вместо того, чтобы целовать крест, нюхали его, перед иконами воскурляли вместо свечей восточные благовония.

В 1864 году происходит окончательное разграничение сфер деятельности между российскими Миссиями: дипломатической и Духовной. Духовная Миссия утратила одну из своих важнейших функций – дипломатическую. Государственный Совет утвердил положение о реорганизации Пекинской Миссии, которая с этого момента стала концентрировать свое внимание на духовной деятельности, а ее сотрудники в основном занимались переводом богослужебных книг.

Инструкция от 9-16 сентября 1864 года № 20230 регламентировала деятельность Миссии в новых условиях ее существования и состояла из 45 параграфов. Согласно п. 1, Пекинская Духовная Миссия поступала в полное распоряжение Св. Синода. П. 2 определял цели Миссии: «1) совершение Богослужения в Православных церквах в Пекине и исправление треб; 2) утверждение и поддержание Православной веры в тамошнем православном обществе, состоящем из Албазинцев или потомков Русских переселенцев и из Китайцев, принявших Православную веру; 3) распространение оной, по мере возможности, между языческим населением». Инструкция советовала основательно изучить китайский книжный язык для перевода на него сочинений духовно-нравственного содержания «в пополнение и продолжение трудов предыдущих миссий» (п. 15). На членов Миссии возлагалась обязанность поддерживать мужское и женское училища для детей албазинцев и православных китайцев в Пекине (п. 23-25). Относительно же принятия в православную веру желающих креститься китайцев рекомендовалась особая осторожность (п. 17-18).

Многие параграфы инструкции повторяли положение «О преобразовании Пекинской Миссии», касавшееся штатов Миссии и ее содержания, с некоторыми дополнениями (п. 3, 9-11, 14, 19, 23-29). Так, например, начальнику Миссии разрешалось устраивать молитвенные дома, «а в случае нужды и возможности, и церкви» (п. 6). В ведение Миссии поступали также три церкви: церковь Успения Божией Матери в Северном подворье, другая – в посольском подворье – во имя Сретенья Господня и новая церковь в китайской деревне Дунь-Диньянь (п. 11). Деятельность проповедников могла теперь простираться и за пределы Пекина (п. 19).

П. 31 предлагал начальнику духовной Миссии при решении серьезных вопросов по собственному усмотрению приглашать членов Миссии, иеромонахов, на совещание и «требовать их мнения, при чем составляется записка за общую подписью». По п. 34, «все дела, подлежащие обсуждению и решению должны были вноситься в особый журнал». В конце каждого года начальник Миссии был обязан представлять отчет в Св. Синод (п. 35). П. 36 ограничивал деятельность Миссии рамками поставленных перед нею задач: «...Миссия должна устраниться от политического или дипломатического вмешательства и не начинать ничего выходящего из границ ее назначения».

Несмотря на сокращение штата и круга обязанностей во второй половине XIX века Российская Духовная Миссия в Китае продолжала оставаться важным звеном в развитии российско-китайских межцивилизационных связей в духовном и культурном аспектах.

Список литературы

1. Тихомиров Л. А. *Христианские задачи России и Дальний Восток. Апология Веры и Монархии.* М., 1999.
2. Тяньцзинский трактат между Россией и Китаем об условиях политических взаимоотношений от 1 июня 1858 года // *Русско-китайские отношения (1689 – 1916).* М., 1958.
3. Шубина С. А. *Религиозно-правовая основа деятельности Российской Духовной Миссии в Китае (XVIII – начало XX вв.) // Восточная Азия – Санкт-Петербурга – Европа: межцивилизационные контакты и перспективы экономического сотрудничества. Тезисы и доклады (2-6 октября 2000 г.).* СПб., 2000.

М.И. Хлызов

**Зауральское генеалогическое общество
им. П.А. Свищева, Зауральское Казачье общество,
г. Курган**

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ ПОРУЧИКА ПОСПЕЛОВА

В одной из моих предыдущих работ (1) отмечалась необходимость дополнительного поиска, так как в различных источниках приведены разные факты, а иных сведений нет. В целях уточнения некоторых дат и фактов проведена выборка информации из «Духовных росписей за 1778-1816 гг.» Крестовоздвиженской церкви Звериноголовской крепости. Это позволило уточнить ряд моментов из биографии А.Е. Поспелова, его семьи и семей дворовых людей.

После возвращения в 1774 г. в Звериноголовскую крепость (после Пугачевского бунта) поручик продолжил гарнизонную службу. В 1778 г. у Андрея Егоровича продолжается служба в крепости. В то время в крепости был расквартирован батальон в составе трех рот: первая, пятая и шестая инвалидская. Поручик служил в пятой роте, имел свой дом и 14 чел. дворовых людей (2).

В исповедальных списках 1778 г. (2) среди отставных рядовых находим, что в крепости проживали его отец – отставной драгун Поспелов Егор Григорьевич 70 лет от роду, жена его Агриппина Ивановна 73 лет (мать поручика) и их дочь – солдатская жена Парасковья Егоровна 32 лет (сестра поручика) с полугодовалым сыном Софроном и 6-летней дочерью Марьей. Родители поручика и их дочь, вероятно, жили отдельной семьей. Однако в 1783 г. родители записаны в «Духовных росписях» в месте с поручиком и его дворовыми людьми (3). Видимо, с возрастом они перешли жить в дом сына.

В исповедальных списках 1792 г. (4) родителей Андрея Егоровича нет, а сам поручик в возрасте 61 года числится в отставных.

Следует отметить, что родители поручика, сам Андрей Егорович и все дворовые были православными и глубоковерующими: все ходили в Крестовоздвиженскую церковь к святому причастию, на исповедь. В феврале 1805 года Андрей Егорович был у причастия и исповедовался. Необходимо отметить, что в списках от 8 февраля 1809 г. (5) все дворовые люди были на исповеди, а А.Е. Поспелов в возрасте 77 лет в церковь не ходил, отметки об исповеди нет. Видимо, стар стал, немощен – бывший бра- вый поручик.

В исповедальных списках от 16 февраля 1811 г. впи-

саны только дворовые люди поручика Поспелова, численность которых выросла до 30 чел.: люди женились, дети рождались, численность дворовых увеличилась. В метрических книгах за 1811 г. записи о смерти поручика нет (7). В сохранившейся регистрации об умерших за конец 1810 г. также нет сведений о кончине А.Е. Поспелова (7). И только обратившись к первоисточнику, находим ответ из Челябинского духовного правления дьячку Петру Милицыну и пономарю Стефану Аврамову, которые 22 мая 1810 г. донесли благочинному, что в Крестовоздвиженской церкви Звериноголовской крепости «прошедшего апреля 30-го числа после отпетия вечерни священник Петр Агишев, подошед к правому клиросу и ударил по щеке стоявшего на оном клиросе умершего отставна поручика Андрея Поспелова отпущенного тринадцатилетнего мальчика вечно на волю Василья Александрова и рошиб до крови при посторонних людях...».

В данном случае не предусматривалось никакого наказания священнику, ударившему мальчика, а отписывалось, что «в 22 статье Высочайшего Манифеста 1787 года апреля 22 дня напечатано: им в обиде да учинит обиженный сам или через поверенного; то по силе сего закона не следовало на благочинному, ни церковникам Звериноголовской крепости входить в донос по делу постороннему...» (8). Никто не понес ответственности за избиение в церкви мальчика и никто его не защитил.

Как видим, из ответа на донесение дьячка и пономаря отставной поручик А.Е. Поспелов умер до 30 апреля 1810 г.

Таким образом, Андрей Егорович, будучи сыном драгуна и не дворянского происхождения, обладал при жизни недюжинными способностями: отлично знал геометрию, план-геометрию, фортификационные работы, прекрасно чертил, выучился «музыке на скрипиче», был обучен иконостасной живописи. И не случайно этому одаренному человеку был присвоен офицерский чин. Следует отметить, что участвовавший во многих походах, имевший ранения поручик продолжал нести гарнизонную службу в крепости. И необходимо выделить его благородство: в возрасте 77 лет он дает вольную мальчику Василью Александрову (сыну Александра Гаврилова). Можно предположить, что и остальные дворовые люди были отпущены на волю.

Список литературы

1. Хлызов М.И. *Штрихи к портрету поручика Поспелова // Зырянские чтения. Материалы Всероссийской научно-практической конференции «VI Зырянские чтения» Курган, 2008.* С. 75-76
2. ГАКО, ф. 111. Оп. 1. Д.2. С. 7об,21а
3. Там же. С. 63 об
4. Там же. С. 118-118об
5. Там же. С. 452
6. Там же. С. 536
7. ГАКО, ф. 111. Оп. 1. Д. 10. С. 1-61
8. ГАКО, ф. 111. Оп. 1. Д. 6. С. 53-54

СЕКЦИЯ 4. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ РОССИИ XX ВЕКА

М.И. Вторушин

Танковий инженерный институт, г. Омск

КАЗАЧИЙ ВОПРОС В СИБИРИ В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Одной из проблем истории революции и гражданской войны в России периода 1917-1920 гг. является процесс социальной трансформации общественной структуры страны. В конце XIX – начале XX века в Российской империи начался сложный процесс перехода страны от системы традиционной цивилизации к цивилизации индустриальной капиталистического типа. Переход потребовал упрощения социальной структуры общества России, сохранявшей ряд архаичных черт, присущих феодальной формации, для более полной мобилизации ресурсов в целях модернизации страны и эффективного использования механизма рыночных отношений, построенных на получении максимальной прибыли. Важнейшим проявлением сохранения в новых экономических условиях прежней, архаичной социальной системы деления российского общества выступал сословный строй, освященный имперским законодательством и традициями. Естественно, что политические силы, принимавшие участие в развертывании процесса цивилизационной и экономической модернизации страны, и несогласные с такой постановкой вопроса государством, разрабатывали свои теоретические установки преобразования сословной структуры общества в структуру классовую, основанную не на привилегиях, а на отношениях собственности.

Одной из сторон проблемы трансформации социальной структуры российского общества выступил казачий вопрос. Казачество как военно-служилое сословие, сложившееся в ходе формирования военной структуры российского государства XVII-XVIII вв., имело ряд важных привилегий и обязанностей по отношению к государству. В период расширения Российской империи казачье сословие являлось боееспособной частью русской кавалерии и, кроме того, сыграло в качестве пограничной стражи важную роль в закреплении вновь присоединенных территорий за российским государством. Однако в конце XIX века казаки как разновидность легкой кавалерии в значительной мере утратили свое военное значение для армии вследствие прогресса в развитии средств вооруженной борьбы - пулемет и скорострельная полевая артиллерия исключали широкое применение иррегулярной конницы на поле боя. В качестве пограничной стражи казаки также стали не эффективны, поскольку их основные поселения, как правило, оказались во внутренних областях страны. Вновь образованные казачьи войска вдоль русско-китайской границы были малочисленными. Поэтому правительство стало использовать казаков в качестве полицейской силы для подавления социальных волнений в стране. Для этого самодержавие проводило политику закрепления особого сословного статуса казачества через сохранение его привилегий, превратившее его в сословие-касту, и натравливало казаков на другие слои российского общества. Все это касалось и сибирского казачества.

Однако процессы разложения военно-кастового сословия сибирских казаков, начавшиеся еще в середине XIX века в связи набиравшими ход процессами модернизации страны, в начале XX столетия усилились. Одной

из причин ускорения разложения сословия казаков на «верхи» и «низы» в общине, нарушения прежнего равенства и внутреннего демократизма являлось изменение экономической доминанты хозяйства отдельных казаков и сословия в целом. Это можно проследить на примере сибирского казачества, которое с середины XVIII века владело лучшей в Сибири землей вдоль пограничных со степью больших и малых рек, так называемой «десятиверстной полосой», площадью 4 762 тысяч десятин (8, 24). По другим данным, сибирские казаки владели в 1861 году 4 907 085 десятин земли (7, 99). В течение полутора столетий сибирские казаки использовали их исключительно с целью ведения скотоводческого хозяйства, получая от государства хлебное довольствие за счет сибирских крестьян (1, 210).

К концу XIX века резкий рост хлебного рынка вызвал стремление всего сословия сибирских казаков использовать отведенные им в 1765 году правительством Империи земли, в интересах развития зерноводства на основах предпринимательства. Тем более, что, согласно статусу военно-служилого сословия, сибирские казаки были освобождены от уплаты каких-либо податей и повинностей, не связанных с военной службой. Поэтому им не были страшны налоги на продажу хлеба и челябинский тарифный перелом, который очень сильно влиял на цену сибирского хлеба, отправляемого в европейскую часть страны. Приток бесправных крестьян-переселенцев из России давал хозяйствам казаков дешевые рабочие руки, и это позволяло им вести расширенное товарное производство.

К этому моменту наметилось внутри сословное размежевание сибирских казаков по размерам земельных наделов, которое вело к появлению чисто капиталистической социальной структуры с группировками зажиточных и обедневших групп казачьего населения. Толчком послужил новый порядок отбывания воинской службы, предоставивший казакам больше времени для ведения своего хозяйства. По закону 7 мая 1877 г., из общего фонда казачьих земель, причем лучших, выделялось 903 763 десятины в наследственное владение офицерам, насчитывавших 205 человек (2, 216). Резкий рост спроса на сибирский хлеб в 90-е годы XIX века спровоцировал офицерские семьи на противоправные действия: они, используя свой социальный статус, произвели захваты земель из фондов войсковых земель, округлив свою собственность до 1000 и более десятин (4, 9). Часть войсковых земель площадью в 1 399 823 десятины были объявлены войсковым запасом, то есть общими для всех казаков, и сдавались в субаренду состоятельным крестьянам-старожилам. Но распоряжались доходами от сдачи земли в аренду наказной атаман и управление войском, то есть чиновники, использовавшие такой порядок землепользования в свою пользу. Земельное размежевание в интересах «верхов» сибирского войска в начале XX века привело к образованию «казачьей олигархии». Данная ситуация вызывала недовольство рядовых казаков, которые не понимая механизма манипуляций с земельным фондом и доходами от их эксплуатации, чувствовали всю несправедливость положения дел. Их хозяйства, называемые юртовыми или станичными наделами, испытывали нехватку пашни. Кроме того, располагались на менее плодородных землях и подчас спорными в отношениях с крестьянами и киргизами (7, 99).

Сам процесс перехода к ведению зернового хозяйства для значительной части сибирских казаков оказался болезненным, так как им не хватало орудий труда, навыков пашенного земледелия, возможностей нанять батраков и т.д. Значительная часть доходов рядовых казачьих хозяйств уходила на обеспечение возможности

нести военную службу (13, 568). К началу первой мировой войны в сибирском казачьем войске сложилась типичная для капиталистической формации структурно-классового размежевания в аграрном секторе: «кулачество», «середняки», «беднота», и «казачья олигархия». Возник казачий вопрос в Сибири, поскольку сословно-кастовое единство казаков, основанное на их фактическом равенстве, практически прекратило свое существование де-факто, и требовалось все это оформить де-юре. Эту обязанность на себя взяли Февральская и Октябрьская революции.

Уже в апреле – мае 1917 года в Сибирской казачьей дивизии появилось движение за «расказачивание», то есть за отмену привилегий и получение общегражданских прав (13, 574). Имелось два варианта. Либеральный проект реформирования социальной структуры российского общества партии кадетов предусматривал равенство политических прав всех граждан России, неизбежность частной собственности, экономическую свободу и обязательность налогов. Это вариант предполагал реформирование казачьего сословия, то есть юридическое закрепление факта перераспределения земельного фонда сибирского казачества в пользу его олигархической «верхушки» и кулачества. Демократический проект обычно его связывают с аграрной программой партии эсеров. Это проект реформирования социальной структуры российского общества предусматривал в своих рамках упразднение казачьего сословия, а значит и перераспределение войсковых земель на уравнительных принципах как в пользу казачьей бедноты, так и в пользу других групп аграрного населения. Казаки-фронтовики были готовы принять и тот и другой вариант «расказачивания» их сословия, это видно из постановлений I войскового съезда (7, 100).

События лета-весны 1917 года привели к тому, что размежевание сибирского казачества, имевшего до этого времени в основном социально-экономическое измерение, приобрело и политический характер. Терять свои латифундии и право распоряжения войсковым запасом, и, как следствие, монопольное положение на зерновом рынке Сибири не входило в планы казачьей олигархии. «Верхи» сибирских казаков становятся носителями реакционных, реставраторских идей. Отсюда произошло уникальное политическое явление эпохи гражданской войны, более известное как «атамановщина». Демократические силы в этот период не вмешивались в казачий вопрос, предоставив его разрешение самим казакам. Осенью 1917 года казачья олигархия выступала за создание в Омске Особого войскового правительства, то есть за отказ от реформирования земельных отношений, что было проведено через решения Второго войскового круга, но при попытке реализации этих решений демократически настроенные казаки гарнизона, сторонники уравнительных начал в сибирском войске, арестовали «правительство» (7, 101).

Голосование на Третьем войсковом круге 1-го марта 1918 года дало делегатам от олигархии не «более 3-4 картофелек (шаров) “за Царя”» (5, 241). Этот же съезд сибирских казаков вынес решение о самообложении казаков ввиду сложного финансового положения сибирского казачества (7, 102). Сибирские казаки поняли специфику нового общественного порядка и восприняли его враждебно, памятуя о своем особом социально-кастовом статусе и возможности не платить налоги. Демократическое перераспределение земли внутри войска было приостановлено, хотя в ряде мест казаки-фронтовики произвели передел офицерских земель. Ситуацию обострила попытка сибирских крестьян изъять в свою пользу значительные площади войсковых земель без согласия ста-

ничных собраний самих казаков (7, 102). В этих условиях большинство казаков в той или иной форме поддержало свою олигархию (12, 248). Таким образом, попытка разрешения казачьего вопроса в Сибири силами самих казаков без вмешательства извне потерпела неудачу.

Начавшаяся интервенция и гражданская война втянули в 1918 году сибирское казачество в политическую борьбу между сторонниками Февраля и Октября. Оба лагеря одновременно оказались враждебными по отношению к казачьей олигархии и казачеству как сословию в целом, поскольку после достижения победы решение казачьего вопроса предполагало ликвидацию всей системы кастовых привилегий и реформирование порядка казачьего землевладения и землепользования. Неизбежно это вынуждало казачью олигархию лавировать внутри лагеря февралистов, который был выбран как меньшее зло в сравнении с лагерем советским, добиваясь признания своего особого статуса в будущем государстве. Казачьи «верхи» сумели мобилизовать часть сибирского войска для борьбы с Советской властью в регионе, активно подавляли антиправительственные выступления крестьян и рабочих Сибири, но на фронт для борьбы с центральной Советской властью казачья олигархия двигать отряды сибирских казаков отказалась (7, 101). Главной ее целью стало формирование своего автономного правительства, что встречалось с нескрываемой враждебностью как Временным Сибирским правительством, так и правительством Комуча. Подобная ситуация сложилась во всех казачьих войсках России от Дона до Амура - повсюду казачья олигархия всеми способами стремилась получить абсолютную автономию по всем вопросам и, в первую очередь, по проблеме сохранения внутреннего землеустройства. Активность казачьей олигархии подкреплялась историческими изысками об особом происхождении казачества, его особом характере и традициях, не имеющих ничего общего с историей русского народа и его государства.

Отсюда проистекали корни правительственного переворота 18 ноября 1918 года, осуществленного отрядами сибирских казаков В.И. Волкова и И.Н. Красильникова, свергнувших власть Директории и передавших ее военному министру А.В. Колчаку, провозглашенному затем Верховным Правителем России (6, 261). Учтивывая, что А.В. Колчак представлял консервативную часть либерального движения страны, казачья олигархия рассчитывала на положительное разрешение казачьего вопроса в свою пользу. «Верхи» сибирских казаков превратились в преторианскую гвардию режима (11, 28). А.В. Колчак понимал значение казачьей олигархии, поэтому всячески с ней заигрывал, предоставляя льготы, огромную финансовую и материальную помощь, продвижение по службе и т. д. (7, 102). Он закрывал глаза на автономистские проiski казачьих атаманов, хотя их действия разрушали как тыл белой Сибири, так и антисоветский боевой фронт. Окружение А.В. Колчака высказывало острое недовольство «атамановщиной», требуя реформировать казачье сословие по общегражданскому образцу (3, 453). Однако интересы А.В. Колчака в тот момент совпадали с интересами казачьей олигархии - либеральное разрешение казачьего вопроса было отложено до окончания гражданской войны.

Восстановление Советской власти в регионе положило начало глубокому реформированию системы сибирского казачьего войска. Оно осуществлялось на базе советского законодательства о ликвидации всех сословий в России. Были отменены как воинские повинности сибирского казачества, так и его особые привилегии. Офицерские земли были конфискованы в общегосударственный фонд, из этого фонда наделялись малоимущие

казаки, юртовые наделы переделу не подвергались (9, 18). Эти мероприятия ликвидировали собственность казачьей олигархии, социально-экономическое деление казаков на кулаков, середняков и бедноту сохранялось, хотя торговый оборот земель был отменен (10, 64).

Список литературы

1. Андреев С.М. Материальное положение офицеров в сибирском казачьем войске. Начало XIX - начало XX вв. // Катанаевские чтения: Вторая всероссийская научно-практическая конференция. Омск, 1998.
2. Андреев С.М. Численность и социальный состав владельцев офицерских земель в сибирском казачьем войске (середина XIX - начало XX вв.) // Катанаевские чтения. Вторая всероссийская научно-практическая конференция. Омск, 1998.
3. Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. М., 2008.
4. Долгих А.И. Социально-экономическое положение и классовое расслоение сибирского казачества накануне февральской революции 1917 года. Томск, 1967.
5. Малолетко А.А. Материалы съездов, конференций и совещаний о некоторых политических проблемах казачества сибирского региона в марте 1917 – августе 1918 гг. // Катанаевские чтения. Вторая всероссийская научно-практическая конференция. Омск, 1998.
6. Новиков П.А. Офицеры сибирского казачьего войска в гражданской войне // Катанаевские чтения. Вторая всероссийская научно-практическая конференция. - Омск, 1998.
7. Полудов Е.В. Сибирское казачество // Три года борьбы за диктатуру пролетариата. - Омск, 1920.
8. Огановский Н.П. Народное хозяйство Сибири. Омск, 1921.
9. Сибирская Вандея. 1919 – 1920. Документы в 2-х томах. Т. 1. М., 2000.
10. Хвостов Н.А. Государственное и партийное строительство среди сибирского казачества после разгрома Колчака // Вопросы социально-классовых отношений в социалистическом обществе. Омск, 1974.
11. Шулдяков В.А. Верховный Правитель России адмирал А.В. Колчак и сибирское казачье войско // А.В. Колчак – ученый, адмирал, Верховный Правитель России: Исторические чтения, посвященные 130-летию со дня рождения А.В. Колчака. Омск, 2005.
12. Шулдяков В.А. К вопросу об участии сибирского казачьего войска в гражданской войне на стороне белого движения (1918 – 1919 гг.) // Катанаевские чтения. Вторая всероссийская научно-практическая конференция. Омск, 1998.
13. Шулдяков В.А. Сибирское казачество в конце Империи // Азиатская Россия: люди структуры империи: Сб. научных статей. Омск, 2005.

А.Р. Гапсаламов

Елабужский государственный педагогический университет, г. Елабуга

ФОРМИРОВАНИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ПРОМЫШЛЕННЫХ КОМПЛЕКСОВ – СТРАТЕГИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СССР ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

Сегодня Россия стоит перед сложным выбором пути дальнейшего развития. Мировой экономический кризис показал слабость всей экономики, и в особенности ее реального сектора. Назрела настоятельная необходимость пересмотра содержания структуры народнохозяйственного комплекса страны, и, прежде всего, его промышленной составляющей. Данный факт обуславливает появление интереса исследователей не только к современному состоянию экономики государства, но и анализу предшествующего периода ее развития.

В своей работе мы хотим проследить особенности построения территориально-промышленных комплексов (ТПК) в СССР. Выбор не случаен – история доказала необходимость и эффективность специализации и концентрации производства, что позволяет нам использовать отдельные результаты в современной экономике.

Рассматривая производственные процессы, мы сегодня осознаем, что современное производство – это не только совокупности обособившихся предприятий – товаропроизводителей, кооперированные связи которых обеспечивают функционирование всей хозяйственной системы. Характер и формы хозяйственных звеньев, а также связи между ними значительно усложнились. В экономике формируются многоуровневые хозяйственные системы, в которых устойчивые производственно-технологические и экономические связи обеспечиваются единством целей и организационным единством.

Но так было не всегда. Современное производство, по нашему мнению, прошло два основных этапа (здесь мы согласны с Мильнером Б.З., Кочетковым А.В. Левчуком Д.Г. (1, 12-13)):

- на первом этапе оно формировалось, действовало и развивалось как производственно-техническая единица (фабрика, завод, транспортное предприятие, предприятие связи, строительное и т. п.). Предприятие здесь выступало как компактно расположенная на единой территории совокупность производственных, обслуживающих и управленческих подразделений;

- на втором этапе развития произошла определенная пространственная дезагрегация сложившегося ранее заводского производства, образовались единые производственно-хозяйственные комплексы – производственные объединения, в состав которых вошли самостоятельные предприятия, производственные единицы, филиалы. Именно производственное объединение как современная форма многозаводского предприятия стала одной из ведущих форм первичного звена.

Рассмотрим эти этапы подробно. Основным производственным звеном промышленности в 1930 – 1950-е гг. было предприятие. Во многом этот факт определялся неширокой номенклатурой выпуска технически несложной продукции, невысокими темпами научно-технического прогресса (НТП) и т.д. Каждое предприятие выпускало продукцию и имело самостоятельное народнохозяйственное значение или конечную форму. Производственные ресурсы выделялись и перераспределялись из единого центра, централизованно регулировались все внешние и главные внутренние связи, преобладали методы жесткого административного воздействия на предприятие.

Функционирование такого хозяйственного механизма в значительной мере объяснялось ограниченной ролью предприятия в воспроизводственном процессе. Предприятие влияло главным образом на процесс собственного производства. Оно получало спроектированную в специальных подразделениях отрасли конструкцию, готовило рабочую технологию, привязывая типовую технологию к своему составу оборудования, и затем организовало производственный процесс на имевшемся или централизованно выделенном оборудовании. Предприятие становилось по существу исполнителем централизованного заказа. Главной задачей предприятия в этом процессе было уложиться во все централизованно установленные параметры и показатели.

Данная структура оправдывала себя в условиях индустриализации, Великой Отечественной войны, однако в послевоенный период назрела необходимость в качественной ее перестройке. Существующая в послевоенный период система оказалась совершенно недостаточной для начавшейся во второй половине XX века эпохи

научно-технической революции. Для планомерного функционирования промышленного сектора экономики страны необходимо было создание территориально-промышленных объединений, которые охватили бы предприятия в рамках единого комплекса. Этому же способствовал и тот факт, что к концу 1960 – началу 1970-х годов изменилось само производство. Усложнение продукции, увеличение ее ассортимента, механизация и автоматизация все большего числа производственных процессов послужили материальным фундаментом не только для развития специализации и концентрации производства, но и их качественного преобразования.

Назрела необходимость в изменениях не только организационно-экономических связей в организационной структуре промышленного производства, но и во многих случаях требовалось создание хозяйственных звеньев нового типа. Образование таких звеньев должно было стать одной из важных особенностей структурной динамики.

Проекты территориально-производственных комплексов по замыслу руководства должны были представлять один из основных типов региональных систем, выделение которых было связано с развитием территориально-отраслевой структуры единого народнохозяйственного комплекса, складывающейся под влиянием процессов взаимосвязанного отраслевого и территориального разделения труда и эффективной территориально-хозяйственной кооперации, а также региональных природно-климатических, ресурсных и социально-демографических особенностей. Территориально-производственные комплексы должны были стать совокупностью взаимосвязанных производственных, социально-экономических и природно-экологических процессов и объектов.

Управление в этой системе рассматривалось как неотъемлемая часть единого народнохозяйственного планирования и управления, и его содержание включало вопросы не только отраслевого и межотраслевого управления, но и сочетания отраслевого и территориального планирования и управления, а также собственно административно-территориального управления. Как следствие, созданные в 1970-е гг. территориально-производственные комплексы на локальном уровне становились производственно-хозяйственной системой, не просто крупным предприятием или их соединением, а высокоинтегрированной системой, сочетающей преимущества крупного производства с гибкими формами его организации.

В основе выделения ТПК в качестве структурной единицы лежали следующие характеристики (1, 17): достигнутый уровень общего социально-экономического развития (высокий, средний, недостаточный), производственно-отраслевые особенности, масштаб территориально-производственного комплексирования (крупно- и среднемасштабные комплексы, промышленные узлы), уровень и формы урбанизации (городские агломерации, сельские районы и др.), ярко выраженные природно-географические условия, уровень освоения территории (районы нового освоения, сложившиеся районы), характер размещения производительных сил (однородные и поляризованные районы), масштаб и типы природных ресурсов (топливно-энергетические зоны, зоны лесозаготовок, зоны добычи цветных металлов и др.), национально-бытовые особенности образа жизни населения, прочие четко выраженные особенности.

Совокупность перечисленных факторов и ограничений в каждом комплексе определяла его тип как региональной системы и, соответственно, особенности планирования и управления. Каждое из оснований границ ТПК имело и собственные закономерности развития. За время существования территориально-промышленные

комплексы претерпевали значительные изменения в границах ресурсной (территориально-производственной) общности и устойчивости, медленнее - в границах культурно-исторической общности. Выделение ресурсной (территориально-производственной) и культурно-исторической общности при анализе ТПК как систем характеризовало их взаимоотношения с административно-территориальными единицами, которые могли как включать отдельные ТПК, так и включаться в границы крупномасштабных ТПК и даже изменяться под воздействием ТПК. Соответственно ряд ТПК рассматривались как временные территориально-отраслевые системы, образующиеся на базе ресурсной общности и становящиеся после их формирования частями постоянных региональных систем (например, административно-территориальных или экономических районов). Понятно, что ТПК как временные региональные системы могли включаться полностью или частично в постоянные региональные системы, что предполагало обязательную координацию их развития.

Сложившаяся система имела относительно автономные социально-экономическую, производственно-отраслевую и производственно-территориальную структуры. Она строилась на следующих взаимосвязанных территориально-производственных сочетаниях (комплексах): народнохозяйственного комплекса страны, комплекса экономического района, крупных ТПК и промышленных узлов (подобная точка зрения присутствует в работе Семушкина А.Т.(2, 36)). Экономический район мог включать несколько ТПК, которые в свою очередь, как правило, состояли из ряда промышленных узлов.

Пространственное размещение большинства ТПК, определяло социально-экономическую необходимость формирования комплекса как части территориально-производственной и административной системы соответствующих краев и областей. При этом территориальная удаленность большинства территориально-промышленных комплексов от центров отраслевого управления требовала высокой степени организационно-хозяйственной самостоятельности системы управления. По нашему мнению, данный факт был «первой ласточкой» будущих сбоев. Двойное подчинение мешало нормальной работе ТПК. Выделились и другие проблемы (согласимся здесь с Н.Н. Некрасовым и А.А. Адамеску (3, 19-20)), тормозившие работу территориально-промышленных комплексов – это нарушение сроков сооружения взаимосвязанных производственных объектов и в результате – несинхронность ввода их в эксплуатацию, порождающая внутрикомплексные диспропорции; недостаточная разработанность методики распределения капиталовложений между ведомствами, особенно при значительном временном разрыве в создании основных объектов, отсутствие должной ответственности министерств и ведомств за выполнение обязательств по финансированию строительства объектов инфраструктуры; отставание в развитии элементов инфраструктуры; увеличение общих затрат из-за временных сооружений; недостаточно четкий круг прав и обязанностей генерального застройщика ТПК. В совокупности с общей неэффективностью командно-административной системы данные факторы явились, пусть и незначительной, причиной ломки политического строя.

Несмотря на это, опыт, накопленный советской системой в вопросах концентрации и специализации производства, колоссален. И наша задача сегодня, в условиях кризиса экономики, по возможности полно его использовать.

Список литературы

1. Мильнер Б.З., Кочетков А.В. Левчук Д.Г. Управление тер-

- риториально-производственными комплексами и программами их создания. М., 1985.*
2. Семушкин А.Т. *Проблемы территориального управления экономикой: территориально-отраслевой принцип планирования: теория и практика. М., 1980.*
  3. *Территориальное производство комплексов СССР/ Под ред. Н.Н Некрасова, А.А Адамеску. М., 1981.*

С.В. Гусева
Шадринский государственный
педагогический институт, г. Шадринск

НЕКОТОРЫЕ ЖИЛИЩНО - БЫТОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ МОЛОДЫХ РАБОЧИХ ЮЖНОГО УРАЛА В 1950- 1960 –Е ГОДЫ

Социально-бытовым проблемам трудящихся посвящен ряд работ, которые дают довольно объективную картину повседневной жизни населения Урала. Уровень жизни подавляющего большинства населения региона в течение пяти-семи послевоенных лет был чрезвычайно низким. Основу жилищного фонда многих городов и рабочих поселков региона составляли деревянные дома без всяких удобств, а также построенные в войну жилые помещения упрощенного типа - бараки, казармы, полуземлянки. До 1950-х гг. государственное строительство жилья на Урале почти не велось, а новых, сравнительно нормальных для жизни, жилых помещений было мало. В ряде районов региона даже в 1958 г. имелись семьи, проживавшие в землянках.

Во второй половине 1950-х гг. страна переживала «жилищную революцию», когда в городах средняя жилплощадь на одного жителя увеличилась с 3-4 кв. м до 7-9 кв. м. Однако жилье в городах распределялось не всегда справедливо, что нередко вызывало социальную напряженность. Особым видом жилья уральских рабочих, особенно молодежи, являлось общежитие. По приблизительным подсчетам, количество работающей молодежи Урала, проживавшей в общежитиях, достигало к началу исследуемого периода не менее 250-300 тыс., а к 1960 г. этот показатель более чем утроился.

Жилищно-бытовые условия проживавших в общежитиях Урала были различными в разные годы исследуемого периода и зависели от многих факторов - ведомственной принадлежности предприятия и его финансовых возможностей, отношения руководства завода, фабрики, стройки к бытовым условиям молодежи, настойчивости со стороны общественных организаций, в том числе и комсомольских.

В связи с тем, что в 1950-е гг. широко применялась такая форма кадрового обеспечения индустрии и сельского хозяйства Урала как общественный призыв молодежи, проблема ее бытового устройства стояла весьма остро. На обустройство новоселов выделялись крупные финансовые и материальные ресурсы, однако их было недостаточно. Постоянную тревогу комсомола вызывали условия труда и быта, молодежи, прибывавшей по общественному призыву на строительство промышленных предприятий и железных дорог. Исходя из анализа актов осмотра общежитий, на протяжении многих лет оставались одни и те же проблемы - холод в зимнее время в комнатах, отсутствие или плохая работа душевого оборудования, антисанитария, наличие клопов и тараканов(1). Так, в общежитиях строительно-монтажного поезда № 287 (Курганская обл.), в которых в 1957 году проживало около 300 чел., не работали кухонные плиты, отсутство-

вали шкафы для посуды, чайники и графины, недоставало платяных шкафов, были перебои с водой(4).

Лидеры комсомола были озабочены тем, что во многих местах вместо типовых благоустроенных общежитий закладывались каркаснонасыпные бараки, в которых молодежь страдала от холода и сырости. Нередко подобные «временные» жилища использовались по 20-30 лет(2).

Конечно, на отдельных стройках региона проявлялась забота об организации труда и быта юношей и девушек. Среднемесячная зарплата строителей треста «Губахатяжстрой» Пермской области составляла 600-840 руб., хорошо была поставлена производственная учеба, что позволяло юношам и девушкам быстро адаптироваться на производстве, иметь приличные заработки, неплохо питаться и одеваться. Однако подобное благополучие было далеко не везде. Исследуя проблему текучести кадров в промышленности Л.Ф.Пысин называл такие причины, как плохая организация труда, бездушное отношение прорабов и мастеров к молодым рабочим, ущемление их прав в вопросах зарплаты, технической учебы(7). Так, например, со строек г. Кургана за октябрь 1956 – январь 1957 года ушли 22 человека, с СМП-121 44 чел. А всего со строек области самовольно ушли 70 чел (4,13).

Зачастую на низком уровне была и воспитательная работа среди молодежи, проживающей в общежитиях. В ней было много заорганизованности, формализма, случаев идеологического и морально-психологического прессинга. Формы и средства воспитательной работы зачастую были однообразны (лекции, доклады) (3). Заорганизованность нередко приобретала уродливые формы: культпоход в кино - все должны идти в кино, лекция в «красном уголке» - все на лекцию. Индивидуальный подход к молодежи применяли лишь немногие, наиболее опытные и талантливые воспитатели. Не существовало четкого статуса воспитателя общежитий. Его работу контролировали и давали указания многие руководящие органы и должностные лица - хозяйственные руководители предприятий, парткомы, профкомы, комитеты ВЛКСМ, начальники ЖКО, коменданты общежитий. Нередко указания «сверху» были противоречивыми и не сопровождались конкретной помощью ни коменданту, ни воспитателю. Нередко то новое, что входило в быт молодежи, вступало в противоречие со старыми взглядами, не вписывалось в устаревшие инструкции и положения, которые регламентировали жизнь молодежных общежитий. Часто забота о жильцах превращалась во вредную опеку над ними, порождала иждивенчество. В общежитиях Челябинского тракторного завода жильцы не убрали за собой в комнатах (это делали уборщицы), не могли произвести простейший ремонт мебели. За государственный счет в общежития приобреталось почти все, вплоть до шахмат. Даже газеты выписывались для жильцов за счет профсоюза(8).

Во второй половине 1950-х гг. многими промышленными предприятиями региона были построены благоустроенные общежития, где имелось все необходимое для нормальной жизни.

Таким образом, несмотря на трудности, жилищные проблемы молодых рабочих Урала постепенно решались. В стране, в том числе и на Урале, во второй половине 1950-1960 годов осуществлялось крупномасштабное жилищное строительство. Однако многие жилищно-бытовые вопросы юношей и девушек были еще далеки от полного их решения.

Список литературы

1. ГАКО. Ф.1711. Оп. 1. Д.115. Л.8,13.
2. ГАОПДКО. Ф. 1200. Оп. 1. Д. 377. Л. 1

3. Там же. Ф. 1200. Оп. 13. Д. 2. Л. 6
4. Там же. Ф. 1200. Оп. 14. Д. 1. Л. 13. Л. 85
5. Там же. Ф. 737. Оп. 1. Д. 15. Л. 174, 177
6. Галигузов И.Ф. *Партийное руководство развития промышленности Урала (1946-1961)*. - Саратов. 1983. С. 106
7. Пысин Л.Ф. *Текущая работа рабочих кадров в промышленности и пути ее преодоления: Автореф. дис. ... канд. ист. наук.* - Свердловск, 1963. С. 21.
8. Федченко М. Н. *Жилищно-бытовые условия молодежи Зауралья (1945-1960 гг.)//Земля Курганская: прошлое и настоящее: Краевед. сб. Вып. 4. Курган: Научный центр РАН, КГПИ. 1992. С. 69.*

А.В. Долгова

Пермский государственный университет, г. Пермь

ПРЕДУПРЕДИТЕЛЬНЫЕ И КАРАТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ В БОРЬБЕ С ДЕЗЕРТИРСТВОМ В КРАСНОЙ АРМИИ В 1919 – 1920-Е ГГ.

Согласно источникам, основную массу дезертиров дали принудительные мобилизации, проводимые обеими армиями среди крестьян. Крестьяне не желали воевать ни на чьей стороне, поскольку были привязаны к земле и хозяйству.

Общеизвестно, что с проблемой дезертирства столкнулись и красные, и белые. В каждой армии пытались устранить это явление как с помощью традиционной меры – расстрела, так и рядом других мер, возникших в ходе войны. Обзор архивных материалов показал, что в разных районах применялись разные меры борьбы с дезертирством.

В истории борьбы с дезертирством можно выделить предупредительные и карательные меры. К первым следует отнести: недели добровольной явки дезертиров, помощь семьям красноармейцев, агитация и пропаганда, привлечение населения к борьбе с дезертирством и другие.

Среди карательных мер известны облавы, конфискация имущества или земельного надела, расстрел и взятие в заложники членов семей дезертиров. Те и другие меры осуществлялись милицией, частями ВОХР, комиссиями по борьбе с дезертирством, ЧК.

Рассмотрим предупредительные меры. Наиболее эффективными в центральных губерниях летом 1919 г. были «недели добровольной явки». Постановлением Совета обороны от 3 июня 1919 г. дезертирам из армии и уклонившимся от мобилизаций предоставлялась возможность добровольно вернуться в ближайший военкомат в течение семи дней. В этом случае гарантировалось освобождение от суда и наказания. По истечении семидневного срока дезертиров судили и приговаривали к различным наказаниям вплоть до расстрела.

Благодаря «неделям» значительных результатов удалось достигнуть в Орловском округе, вследствие чего Центральная комиссия по борьбе с дезертирством (Центркомдезертир, образована 25 ноября 1918 г.) предложила РВСР временно отменить мобилизацию родившихся в 1901 г., пояснив при этом, что «благодаря массовой добровольной явке запасные части выполняют целиком наряды Всероглавлштаба» (1).

Необходимо отметить, что «недели добровольной явки» успешно применялись лишь в том случае, когда дезертирство не принимало организованной формы. Так, в июле 1919 г. Костромская и Владимирская губернские комиссии по борьбе с дезертирством признали нецелесообразным объявление нового срока явки, так как они уже начали напряженную борьбу, причем в Костромской

губернии она была вызвана вооруженным восстанием дезертиров (2).

Согласно архивным данным, количество вернувшихся в «недели добровольной явки» дезертиров было неодинаковым. Наиболее массовым возвращение было в центральных губерниях. На отдаленных территориях подобного не наблюдалось, а борьба с дезертирством была затяжной и малоэффективной вследствие непрерывного потока дезертиров из центра.

В июне – июле 1919 г. в Красной Армии сложилась система, благодаря которой возникла возможность в зависимости от обстоятельств назначать или отменять паек семьям военнослужащим. Постановлением Центркомдезертира от 24 июня 1919 г. семьи дезертиров лишались пайка, моментом восстановления права на паек считалось прибытие дезертира на фронт (3). В сентябрьском постановлении семьи дезертиров лишались всех видов пособий и помощи (4).

С другой стороны, служба в Красной Армии предусматривала не только обеспечение пайком, но и оказание различной помощи по хозяйству в семьях красноармейцев, как например, заготовка дров, проведение левых или строительных работ. Это ставило военнослужащих в более привилегированное положение, чем в белой армии, а значит, способствовало сокращению численности дезертирства у красных.

Летом 1919 г. в целях борьбы с дезертирством широко применялась агитация и пропаганда, как правило, на темы, связанные с проблемой дезертирства. Разъяснялся также справедливый характер Гражданской войны, велась агитация за Советскую власть, разоблачались зверства белогвардейцев, насильно мобилизованным в армию Колчака объяснялись условия перехода в Красную Армию.

Проводились митинги: «Дезертирство старой армии», «Дезертирство Красной Армии и его вред», «Что такое Советская власть, цель ее, задачи» и др. (5)

К борьбе с дезертирами власти стремились привлечь местное население. В августе 1919 г. Центральная комиссия по борьбе с дезертирством предписала установить на местах запечатанные ящики «для опускания жалоб на неправильную и несвоевременную выдачу пайка и неокказания помощи семьям красноармейцев, а также заявления об известных дезертирах» (6). Ящики периодически распечатывались комдезертир, которая принимала соответствующие меры.

Предполагалось, что подобная мера поможет властям контролировать ситуацию на местах. Однако в действительности оказалось иначе. В сентябре 1919 г. в Оханском уезде Пермской губернии Бабкинский волысполком приказал оборудовать ящики, «на вид почтовых и повесить при крупном стечении народа у исполкома и других видных мест запечатанными, коих назначение: отпускать в них жалобы местному населению об удовлетворении семей красноармейцев пособием и жалобы на проживающих дома дезертиров...», выемку должна делать волостная комиссия по борьбе с дезертирством еженедельно и всю корреспонденцию отправлять в уездкомдезертир» (7). В ящик помещали мешок и каждую субботу извлекали его содержимое. Далее составляли акт, в котором указывался месяц, число выемки, количество жалоб. Припечатывав сургучной печатью, мешок отправляли в вышестоящую комиссию. Непосредственное участие в этом деле принимали: представитель компартии, военкомата и три члена семей красноармейцев. У одного из последних хранились ключи от ящика (8). Результативность этой меры в Бабкинской волости неизвестна. Однако в другой волости – Рождественской – народ смутно представлял, с какой целью устанавливали ящики, на вид

почтовые. Вместо жалоб в ящиках местная комиссия обнаружила письма родственникам (9).

Рассмотрим теперь карательные меры. Длительное время конфискация имущества и расстрел оставались наиболее предпочтительными мерами в деле борьбы с дезертирством. Но мы рассмотрим другие, малоизвестные меры.

В целях борьбы с дезертирами применялись облавы, которые разрешалось производить посредством обходов и осмотра документов у подозрительных лиц с последующим задержанием их (10). М.Я. Лацис отмечал, что результаты облав «были блестящи; дезертиры, не находя нигде пристанища, стали являться обратно в части» (11, 74).

В июле 1919 г. Председатель Центркомдезертира С.С. Данилов приказал проводить облавы следующим образом: при участии членов партии подобрать отряд из надежных людей во главе с начальником, который заранее обдумывал план облавы. Далее, окружив населенный пункт, следовало выяснить в местном комитете сведения о мужском населении и предупредить об ответственности за укрывательство, после чего производился тщательный осмотр всех дворов и помещений, «соблюдался максимум тактичности, дабы не озлоблять население озорством и неблагоприятными действиями отдельных людей отряда». Результаты облавы подлежали широкой огласке. Дезертирам еще раз предлагалось добровольно явиться с обещанием им минимального наказания (12).

Данная мера позволяла выслеживать дезертиров в местах наибольшего скопления народа – площадях, рынках, ночлежных домах. В процессе облавы под руководством военного комиссариата участвовали милиция, комендант. Накануне закрывались все входы и выходы в район предполагаемой облавы, затем создавались два пропускных пункта, на которых присутствовали члены комиссии, пропуская оцепленных и проверяя у них документы. Всех подозрительных лиц отправляли в милицию, где решалась их дальнейшая судьба.

Одной из репрессивных мер было взятие заложников, которое применялось в сочетании с конфискацией имущества. В июне 1919 г. территория Московской губернии была охвачена восстаниями дезертиров. Московская губкомдезертир совместно с губвоенкомом и ГубЧК разработала план борьбы с восставшими. С этой целью в район восстания был послан отряд в 500 человек ГубЧК и отряд ВОХР. В результате репрессий – наложения контрибуций на волости и взятия в заложники членов семей дезертиров – восстания удалось подавить, после чего была констатирована «значительная добровольная явка дезертиров» (13).

Заметим, что в наиболее сложных условиях борьба с дезертирством проходила в отдаленных районах. Поэтому местные власти пытались самостоятельно решать проблему дезертирства, в том числе используя карательные меры. Так, в Пермской губернии в рапорте начальнику карательного отряда Красовскому военный комиссар Усть-Сылвенской волости Пермского уезда сообщал о принятых им мерах по борьбе с дезертирами и результатах: «Прибыл с отрядом в Усть-Сылвенскую волость, где был уже назначен день явки, но население категорически отказалось, поэтому назначил ... вторичный день явки, в который после некоторых убеждений часть ... явилась, но ставила условие, чтобы никто не оставался из их товарищей, подлежащих наравне с ними мобилизоваться. Явившиеся были препровождены в Пермь, а за дезертирами – отряд, но так как отряд шел днем, то никого в деревне не оказалось. Исходя из этого ... вынужден был принять другой образ действий: делать поездки ночью –

в таких поездках очень часто мы заставляли дезертиров дома, в крайнем случае, их родителей, которых и забирали в качестве заложников, после чего являлись и сами дезертиры. Таким образом, были собраны все дезертиры Усть-Сылвенской волости» (14).

Численность уклонившихся от службы возрастала на протяжении всей Гражданской войны, что, с одной стороны, свидетельствовало о постоянном поиске новых мер борьбы с дезертирством, а с другой – о недостаточной эффективности существующих.

Дезертирство было одной из первоочередных задач, которую пытались решить большевики и их противники. Для этого потребовалось создание системы управления и контроля, принятие соответствующих мер, что в условиях войны казалось невыполнимым. Произошло немало преобразований на центральном и местных уровнях власти, прежде чем большевикам удалось окончательно решить проблему дезертирства.

Список литературы

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 130. Оп. 3. Д. 198. Л. 24.
2. ГАРФ. Ф. 130. Оп. 3. Д. 198. Л. 21 об.
3. Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. Р-374. Оп. 1. Д. 70. Л. 30.
4. ГАПК. Ф. Р-100. Оп. 1. Д. 48. Л. 43.
5. ЦДНИ СО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 797. Л. 71.
6. ГАРФ. Ф. Р-130. Оп. 3. Д. 198. Л. 32.
7. ГАПК. Ф. Р-379. Оп. 1. Д. 119. Л. 27, 27 об.
8. ГАПК. Ф. Р-371. Оп. 1. Д. 199. Л. 21.
9. ГАПК. Ф. Р-371. Оп. 1. Д. 199. Л. 25.
10. Центральный архив города Москвы (ЦАГМ). Ф. 2546. Оп. 1. Д. 2. Л. 463.
11. Лацис М.Я. Два года борьбы на внутреннем фронте. Популярный обзор двухгодичной деятельности Чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности. М., 1920. 87 с.
12. ГАРФ. Ф. Р-130. Оп. 3. Д. 580. Л. 6.
13. ГАРФ. Ф. Р-130. Оп. 3. Д. 198. Л. 14.
14. Современная Пермь. 1919. 11 мая.

Е.Н. Емельянова

Коломенский государственный педагогический институт, г. Коломна

СОЦИНТЕРН И КОМИНТЕРН. К ИСТОРИИ СОТРУДНИЧЕСТВА

Завершение становления Версальско-Вашингтонской системы международных отношений, крах надежд большевиков на победу коммунистических революций в Европе заставили советское руководство в начале 20-х годов круто изменить внешнеполитический курс и попытаться интегрироваться в мировую экономическую и политическую систему. Вожди Коминтерна полагали, что значительную поддержку в этом вопросе им могут оказать лидеры правой социал-демократии Европы, уже игравшие определенную роль в правительственных кругах своих государств и в Лиге Наций. Объединение усилий Второго, Венского и Коммунистического Интернационалов, по мысли некоторых российских политиков, могло создать основу для создания в будущем Социалистических Соединенных Штатов Европы и Азии. Попытка наладить отношения между лидерами европейского и русского марксизма была предпринята на объединенном заседании Исполнительных комитетов трех Интернационалов 2-5 апреля 1922 г. в Берлине.

Несмотря на то, что под давлением В.И. Ленина IV конгресс Коминтерна принял план перехода к социализ-

му через госкапитализм и рабочее правительство, допускающее создание в Европе коалиции социалистических и буржуазных партий; уже накануне Берлинской конференции стало ясно, что полного согласия с западной социал-демократией по программным вопросам добиться не удастся. Поэтому главной темой, выдвинутой на обсуждение, была тема единства рабочего класса против наступления капитала и опасности новой империалистической войны.

К. Цеткин, выступая от имени советской делегации, предложила программу конференции, преследующую следующие цели: 1) разрушение Версальской системы, защита интересов побежденных стран и колоний; 2) предотвращение возможной интервенции в Россию; 3) признание большевистского правительства мировыми державами (1).

Многие из этих требований, отражавших интересы России, сразу же вошли в противоречие с интересами стран – победительниц и руководства II Интернационала, их представлявших. Возник спор между лидером Рабочей партии Бельгии, бывшим министром бельгийского правительства, поставившим свою подпись под Версальским договором, Вандервельде и членом Исполкома Коминтерна К. Радеком. Первый настаивал на правомерности получения репараций и контрибуций с Германии странами Антанты, второй напоминал, что такая позиция противоречит интернациональным принципам марксизма. Таким образом, уже в вопросе о Версальском мире интересы социалистов стран Западной Европы, с одной стороны, и интересы социалистов побежденных стран и коммунистов, с другой, разошлись.

Вторым пунктом разногласий в международной политике был вопрос о советизации Грузии, Украины и других окраинных государств бывшей Российской империи. И здесь II (Вандервельде, Макдональд) и II/2 (П. Фор, Ф. Адлер) Интернационалы выступили единым фронтом с требованием вывода советских войск, особенно из Грузии, и предоставления республикам права на самоопределение. Вопрос о Грузии имел очень важное значение в международной политике. Недаром Ленин в октябре 1921 г. говорил о необходимости компромисса с грузинскими меньшевиками (2).

Третий пункт разногласий – требование освобождения политических заключенных (читай меньшевиков и эсеров), а также настоятельная просьба о присутствии на процессе эсеров адвокатов от II и II/2 Интернационалов. В конечном счете, они отражали не только стремление Социинтерна защитить своих членов, но и желание правительств Антанты укрепить в России позиции поддерживаемых ими сил для восстановления в ближайшей перспективе демократического строя.

Вопрос о едином пролетарском фронте с III Интернационалом в международном плане можно было бы интерпретировать как вопрос об отношении к Советской России, поскольку Коминтерн фактически являлся выразителем ее внешнеполитических интересов. И если II/2 Интернационал, основу которого составляли социалистические партии Германии и Австрии, склонялся к единству как левых, так и правых социалистов, то во II Интернационале, объединившем социал-демократов стран-победительниц, по этому вопросу наблюдался раскол. Вандервельде, представлявший Рабочую партию Бельгии, и фактически интересы своего правительства, идущего в международных делах за Францией, не скрывал своего скептицизма в отношении тактики единого фронта. Макдональд – лидер Независимой лейбористской партии Англии, был более миролюбив. Он заявил, что намеченная международная социалистическая конференция состоится уже до конца 1922 г., если III Интернационал

выполнит все поставленные ему условия. Так национальные интересы делегатов всех трех Интернационалов встали выше принципов интернационализма и даже выше принципов классовой борьбы. Советской России нужно было международное политическое признание на Генуэзской конференции, поддержка Англии и заключение готовящегося договора с Германией. И делегация ИККИ соглашалась на все условия. Она обещала, что по отношению к сорока семи эсерам не будет допущено смертной казни, что представители II и II/2 интернационалов будут допущены в качестве адвокатов на судебный процесс, обещала представить документы по грузинскому вопросу, пошла на снятие лозунга борьбы против Версальского мира. Социал-демократы в ответ лишь сняли требование к коммунистам, по которому те должны были отказаться от создания коммунистических ячеек в профсоюзах.

Делегация ИККИ сделала все, чтобы улучшить отношения с лейбористами в преддверии Генуэзской конференции, проходившей с 10 апреля по 19 мая. И хотя Англия на ней поддержала Россию, но эта поддержка была недостаточно действенной. Россия не получила ни юридического признания, ни кредитов, на которые рассчитывала. Ей была предложена интеграция в мировую экономику на правах полуколонии. Учитывая несговорчивость Антанты, Россия заключила Рапалльский договор с Германией. Произошло то, чего Англия и Франция так боялись. Началось экономическое и военное сотрудничество двух потенциально мощных противников Версальской системы, которая когда-нибудь неизбежно должна была рухнуть. Обоих поддерживали, во всяком случае по отдельным вопросам (3), также не признавшие Версальского договора Соединенные Штаты Америки (4).

После Генуи и Гааги (5) (15 июня – 19 июля 1922 г.) отношения между коммунистами и социалистами ухудшились. Еще в мае 1922 г. II и II/2 Интернационалы договорились о созыве международного конгресса без коммунистов. В ответ на это делегация ИККИ заявила о своем выходе из «Комиссии девяти».

Таким образом, тактика единого фронта не была реализована в полном объеме, в котором первоначально задумывалась Коммунистическим Интернационалом. И главной причина в том, что, придя к власти в различных странах, социалисты встали на позицию правящих кругов своих государств. Защищая интересы трудящихся своих стран, лидеры Социинтерна не хотели ликвидации существующего мирового порядка. В свою очередь, российское правительство не шло на уступки меньшевикам и эсерам на Украине, в Грузии и Азербайджане, так как это затрагивало государственные интересы СССР. Противоречия в территориальных вопросах сыграли значительную роль в разногласиях трех Интернационалов и не дали возможности объединиться двум направлениям в марксизме, сделав невозможным «единый фронт сверху» даже в интересах сохранения мира.

Центристы, в лице II/2 Интернационала, склонявшиеся к союзу с Коминтерном и Россией в революционную эпоху, особенно во время наступления Красной Армии на Варшаву, теперь, в эпоху отступления, стремились к союзу со II Интернационалом. Во Франции в преддверии выборов Лонге предпочел блоку с коммунистами «левый блок» с радикалами. Примеру французских социалистов последовали немецкие независимцы. В 1922 они объединились с Германской социалистической партией (6), и это стало началом объединения Второго и Венского Интернационалов, что вызвало ответную реакцию со стороны Коминтерна, начавшего активную пропагандистскую кампанию против лидеров Социинтерна.

Объединить мир на основе марксистской идеоло-

гии, в ее революционном или умеренном демократическом варианте, не удалось. И среди последователей Маркса национальные интересы оказались важнее интернациональных, либеральные ценности Запада важнее коллективистских начал коммунистической модели. Не случайно западная социал-демократия эволюционировала в сторону либерализма, а коммунисты в направлении авторитаризма. Вероятно, сама суть исторического развития заключается в борьбе идей и цивилизаций. Возможно ли осуществление глобализации сегодня на основе только либерализма? Вряд ли. Однако некоторые уроки прошлого неплохо бы помнить и сегодня. Это не только необходимость союза с политическими партиями и движениями, но и опора на массы, соответствие выдвигаемых идеологических догм менталитету и интересам определенных народов, гибкая политика на Западе и Востоке. Сохранение мира возможно только в многополярной системе, учитывающей интересы всех ее участников.

Список литературы и примечания

1. См. Международная социалистическая конференция. (Объединенное заседание Исполкомов 3-х Интернационалов). Стенографический отчет. М., 1922.
2. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 367.
3. США поддерживали Россию в вопросе о вытеснении Японии из Приморья.
4. См. E. Carr. *The Bolshevik Revolution. 1917-1923, vol.3.*
5. На Гаагской конференции, ставшей продолжением Генуи, стало ясно, что ни одна из сторон уступить не собирается. И она закончилась практически без серьезных результатов.
6. См. РЦХИДНИ, ф.495, оп. 18, д. 204, л. 9-10.

И.В. Зыкин

Верхотурский государственный историко-архитектурный музей-заповедник, г. Верхотурье

БЫТОВЫЕ И КАДРОВЫЕ АСПЕКТЫ СИСТЕМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ВЕРХОТУРСКОГО И ЛОБВИНСКОГО ЛЕСОЗАВОДОВ И ПОДВЕДОМСТВЕННЫХ ИМ СПЕЦПОСЕЛЕНИЙ В 1930-Х ГГ.

Трансформация социально-экономических процессов и общественных отношений в 1920–1930-х гг. обусловила изменение пространственных форм размещения населения. Отражением кардинальной перестройки системы расселения явилось возникновение новых типов поселений.

Одним из результатов массовой репрессивной политики государства стало создание в системе расселения неосвоенных территорий спецпоселков для раскулаченных и других категорий репрессированных (8, 178). Спецпоселки имели особый административный статус, свою систему управления и были оформлены в виде сети поселений, выполнявшей специфические функции, основными из которых являлись изоляция «общественно опасных элементов» и обеспечение постоянной рабочей силой трудодефицитных отраслей хозяйства.

Поселенческая сеть, представленная спецпоселками, по своим системным характеристикам была исключительно подвижной, ориентированной на выполнение производственных задач и, как следствие, неустойчивой, а также закрытой, так как предполагала особый режим передвижения спецпоселенцев.

Из всей совокупности спецпоселений представляют

ся менее изученными населенные пункты, подведомственные лесопильно-деревообрабатывающим производствам. В силу своего размещения вблизи предприятий они имели отличительные особенности по принципам застройки, благоустройству, материальному обеспечению.

Северные территории современной Свердловской области, рассматриваемые в данной работе, представлялись разработчикам планов индустриализации Урала в качестве района промышленного строительства и интенсивной лесозаготовки. Это позволяло удовлетворить потребности импортеров и региональных потребителей в лесных ресурсах. Размещению контингента спецпереселенцев предшествовали в 1929–1932 гг. строительство новых и техническая модернизация существующих лесопильно-деревообрабатывающих производств. При них в 1931–1932 гг. было создано 4 спецпоселка.

Проанализируем формирование взаимоотношений Верхотурского лесозавода и Лобвинского лесокомбината и подведомственных им спецпоселений, расставив основные акценты на двух аспектах: создании материально-бытовой сферы поселков и участии в этом системообразующих хозорганизаций, а также характеристике населенных пунктов как источнике комплектования производственных кадров.

Спецпоселки дислоцировались непосредственно вблизи лесопильно-деревообрабатывающих предприятий. Так, строительство спецпоселка Лобвинского лесокомбината развернулось в 1,5–2 км от предприятия и рабочего поселка. По воспоминаниям М.И. Саушкина, «первые партии репрессированных высадились на голом месте, сперва соорудили кое-какие шалаши, потом принялись за землянки. Наибольший размах строительство жилья приобрело в конце лета - начале осени 1931 года. Уже через два месяца в недостроенные квартиры начали спешно вселяться заждавшиеся в шалашах и землянках семьи репрессированных мужиков. Возведено было около десяти домов, и, не дожидаясь команды начальства, люди бросились самовольно занимать жилища» (9, 355).

В целях удовлетворения первичных потребностей в жилищах планы строительства включали «избы» на две семьи. На деле, «в каждый двухквартирный дом набивали поначалу по четыре-пять семей. Это при общей полезной площади дома 44 м²» (9, 355). При нехватке жилья ссыльные вселялись в комнаты в восьми- и шестнадцатиквартирных бараках, в подсобных помещениях объектов социальной сферы. С решением жилищной проблемы предоставляемая жилая площадь рассчитывалась, исходя из числа членов в семье. В спецпоселке Верхотурского лесозавода в среднем на одного переселенца в 1931–1932 гг. приходилось 2–3 м², в 1933–1934 гг. 4–5 м².

Лесопильно-деревообрабатывающие предприятия предоставляли ссыльным некоторые пиломатериалы, благодаря чему качество возводимого жилья было выше, по сравнению с постройками спецпоселений других отраслей. Все-таки проживание в таких постройках было сопряжено со значительными трудностями. Многие спецпереселенцы устанавливали дополнительно «печь-буржуйку», делали завалинки, обшивали стены, меняли пол. Низкая температура в квартирах вынуждала жителей подтапливать печь в течение суток. Недостаток дров компенсировался отходами лесопиления со складских площадок лесозаводов.

В спецпоселке Верхотурского лесозавода в 1932 г. было построено 36 двухквартирных домов. В 1936 г. коммунальная имела в своем распоряжении 46 жилых построек, расположенных на трех улицах. Материалом для строительства служил сосновый лес. Его спиливали, пни выкорчевывали, затем разрабатывали огороды. Прежде

чем приступить к возведению дома, место тщательно осматривали, так как здесь оставались снаряды со времен гражданской войны. Были и несчастные случаи со смертельным исходом.

В одной комнате барака жили по два-три человека. Площадь помещений колебалась от 15 до 20 м² в зависимости от планировки. Некоторые квартиры (площадью до 24 м²) имели комнату и кухню. Иногда комнаты объединялись, чтобы заселить многодетную семью. Мебели практически не было. Люди спали на топчанах, расположенных вдоль стен, или на печи. Их кухонной утвари имелись деревянные столы и табуреты. Занавески на окна изготавливались из широких бинтов, на которых выделялись различные узоры. Т.А. Вишнякова рассказала следующий случай: «Однажды к нам в барак зашел директор лесозавода П.К. Телегин. Мы собирались обедать, и приготовленная еда находилась на табуретах. Как только он это увидел, то разгневался и через некоторое время выдвинул нам стол и стулья». Несмотря на всю бедность, на подоконниках каждого дома всегда стояли цветы в горшках и имелся радиоприемник (7).

Регулярным характером планировки (поквартальной разбивкой) спецпоселков при лесопильно-деревообрабатывающих предприятиях обеспечивалась возможность разработки земельного участка. Его максимальный размер к середине 1930-х гг. составлял 0,05 га⁴. Переселенцы, проживавшие в поселениях с первых лет ссылки, к середине 1930-х гг. имели хозяйство. Например, в 1936 г. у 311 семей поселка Верхотурского лесозавода имелось 96 дойных коров, 157 коз, 99 свиней, 298 кур. По сравнению с 1935 г. общее число единиц живности увеличилось на 2,7. Лобвинский завод в 1936 г. по плану «сельскохозяйственного устройства трудпоселенцев» провел землеустройство на территории 1000 га, закупил 7 голов коров (с условием возврата трудпоселенцами сумм) (4).

В области социально-бытового строительства в спецпоселениях руководство хозорганизаций преследовало цель удовлетворения в первую очередь нужд «вольных» жителей. В поселке спецпереселенцев Верхотурского лесозавода «местные» пользовались услугами школы, фельдшерского пункта, яслей и детского сада.

В 1932 г. открылась «частная» начальная школа. В ней был создан первый пионерский отряд. На собраниях женщин-спецпереселенок в поселке Верхотурского лесозавода отмечалась необходимость открытия яслей и детской площадки для «воспитания детей в как политическом, так и физическом плане». Отменой платы за пользование яслями и детской площадкой руководство предприятия добилось участия женщин в полевых работах на «сельхозкомбинате» (1). В течение 1932–1934 гг. в спецпоселке открылись школа-семилетка, детский сад-ясли, фельдшерский пункт и коммутатор. Для закрепления учителей на новом месте были специально построены два дома (6, 3). В спецпоселке Лобвинского лесокombината в одном из бараков открыли клуб, где действовал струнный оркестр, демонстрировалось кино (5, 36). В 1936 году в поселке провели электричество и поставили в квартире по лампочке мощностью 40 Вт (9, 368).

В области непрерывного комплектования кадров роль спецпоселков определялась потребностью в рабочей силе предприятий лесной промышленности в качестве конечных звеньев технологического процесса переработки древесины.

В 1931–1932 гг. размещением раскулаченных вблизи Верхотурского лесозавода и Лобвинского комбината была ликвидирована потребность предприятий в рабочей силе на 20–30%. В первые годы спецссылки отмечалось пренебрежительное отношение к рабочим из числа раскулаченных со стороны «местных» кадров и руко-

водств предприятий. В этот период переселенцы, как правило, использовались на разных вспомогательных производственных работах. Как отмечалось в отчете о хозяйственной деятельности Верхотурского лесозавода за 1933 г., «штат рабочих укомплектован более чем на 70% из числа спецпереселенцев, принудительных, колхозников и единоличников, которые совершенно не знакомы с производственными процессами и не имеют никакой специальности, в связи с чем на заводе ощущается значительный недостаток квалифицированной силы» (2).

К середине 1930-х гг. в отношении к рабочим из числа трудпоселенцев со стороны руководства предприятий и трудящихся возобладала линия на «преодоление пережитков капитализма в экономике и сознании людей, превращение всех трудящихся в сознательных и активных строителей социализма». Мужчин и женщин, имевших опыт механической обработки древесины, принимали на более «престижные» профессии. Поселенцы перешли на «стахановский метод работы», включались в программы по повышению квалификации и получению дополнительных специальностей. Как отмечали они сами, «к работе относились добросовестно, старались следовать девизу соцсоревнования «держать в ажуре работу» (7).

Такой подход к выполнению трудовых обязательств реабилитировал их в качестве инициативных и ответственных работников в глазах коллег и руководящих кадров. Так, на Верхотурском лесозаводе заработная плата в период январь 1935 г. – июль 1936 г. у рамщиков-стахановцев из числа трудпоселенцев увеличилась в среднем с 180 р. до 500 р., у грузчиков – с 230 р. до 420 р. (3).

Примером оставления на предприятиях высококвалифицированных кадров могут служить обществено-политические тенденции второй половины 1930-х гг. В результате арестов на Лобвинском лесокombинате за 9 месяцев 1938 г. органами НКВД «были изъяты рабочие-спецпереселенцы, то есть 31% мужского наличия рабочих». Однако благодаря оперативным действиям руководства предприятия высококвалифицированные спецкадры избежали арестов, указывали в воспоминаниях работники управления комбинатом (5, 39–44).

Таким образом, заинтересованность Верхотурского лесозавода и Лобвинского лесокombината в наличии необходимого числа трудящихся, служащих и инженерно-технических работников отражалась не только в активном участии хозорганизаций в благоустройстве и материальном обеспечении спецпоселков, но и сохранении кадрового резерва. Аналогичные процессы происходили в 1930-х гг. и в других районах Северного Урала, где при лесопильно-деревообрабатывающих предприятиях создавались спецпоселения. Поэтому результаты исследования могут быть распространены на поселения изучаемой производственной направленности других территорий Северо-Уральского региона.

Список литературы

1. Архивный отдел Администрации городского округа Верхотурской (АОАГОВ). Ф.56. Оп.1. Д.1. Л.1.
2. АОАГОВ. Ф.56. Оп.1. Д.3. Л.4.
3. АОАГОВ. Ф.56. Оп.1. Д.6.Л.30.
4. АОАГОВ. Ф.56. Оп.1. Д.18. Л.4.
5. Гордин А. А. Лобва. 100 лет. Лобва, 2005.
6. Дерябин К. История Верхотурского лесозавода // Новая жизнь. 1990, 4 ноября.
7. Записано в разговоре с Т. А. Вишняковой 6 февраля 2007 г.
8. Мазур, Л. Н. Край ссылки: особенности формирования и развития системы расселения на Урале в 1930–1950-е гг. // Документ. Архив. История. Современность. Вып.2. Екатеринбург, 2002.
9. Саушкин, М. И. Муки невинно обреченных: автобиограф. пов. Чапаевск, 1997.

С.В. Зяблицева

*Кемеровский государственный сельскохозяйственный институт,
г. Кемерово*

ЗДРАВООХРАНЕНИЕ КУЗБАССА В 1946-1958ГГ.

Государственная политика в области здравоохранения в современной России является приоритетной. Проблемы, с которыми данная сфера столкнулась на рубеже XX – XXI веков, требуют поиска новых, возможно, во многом «рыночных» путей в их решении, однако и не исключают использования проверенных временем и адаптированных к современной действительности подходов. В этой связи изучение опыта развития системы здравоохранения в такие тяжелые для страны периоды, как этап восстановления народного хозяйства после Великой Отечественной войны, является не только теоретически интересным, но и практически значимым.

Гражданское здравоохранение Кузбасса и до войны не отвечало потребностям постоянно возрастающего населения региона. Его «военные потери» были столь значительны, что в начале четвертой пятилетки больницы области, если следовать установленным нормам, могли принять лишь шесть человек из каждых десяти, нуждавшихся в стационарном лечении. Поскольку принимали практически всех, то в Прокопьевске в больнице, рассчитанной на 250 больных, одновременно лечились 500 человек, в Киселевске 200 больных размещались в восьмидесятиместном стационаре, а в одной из больниц областного центра, планировавшейся на 350 человек, в отдельные дни находилось 750 и даже 780 пациентов.

Негативные последствия «перенаселенности» больниц усугублялись перманентной нехваткой постельных принадлежностей, посуды, кроватей и другой мебели, а, главное – медикаментов, перевязочных материалов, лечебной и диагностической аппаратуры. К тому же многие медицинские учреждения размещались в наскоро приспособленных, плохо оборудованных помещениях. Из 22 поликлиник Кузбасса в конце войны лишь 2 располагались в типовых зданиях, остальные – в деревянных домах, требовавших реконструкции и капитального ремонта. Трудности, переживаемые в те годы кузбасским здравоохранением, к примеру, отразились вот в таком частном факте: в Осинниках в 1946г. историю болезни врачи заполняли лишь в тех случаях, когда у больных имелась своя бумага (1, 128).

В конце войны резко обострилась и без того сложная проблема медицинских кадров, что было обусловлено массовой эвакуацией медиков, прибывших в регион в 1941-1943гг. из оккупированных районов, и отчасти восполнивших пробел, образовавшийся в кузбасском здравоохранении после ухода на фронт или в госпитали местных врачей, фельдшеров и медсестер. В 1946г. в области работало на 187 врачей меньше, чем в 1943г. В Сталинске незамещенными оставались 250, в Ленинске-Кузнецком – 98 врачебных должностей (2).

Решение проблем, к окончанию войны накопившихся в здравоохранении Кузбасса, началось с объединения автономных ранее больниц и поликлиник. Это позволило в значительной мере сократить число диагностических ошибок, повысить качество хирургической помощи, оперативнее решать вопросы госпитализации больных.

Следующий этап развития кузбасской медицины, пришедший уже на 50-е годы, характеризовался расширением сети медицинских учреждений, модернизацией их материально-технической базы, укреплением кад-

рового состава. Эти годы в Кузбассе были отмечены открытием крупных медицинских учреждений, в том числе специализированных. В Прокопьевске была сдана в эксплуатацию травматологическая больница, рассчитанная на одновременное лечение 1500 человек, в Новокузнецке – стационар на 800 больных. Суммарно число мест в медицинских учреждениях Кузбасса в 1958г. по сравнению с последним довоенным годом увеличилось в 3 раза (с 7,8 тыс. до 23,5 тыс.). Для сравнения: в целом по РСФСР этот показатель составлял 2,5, в Омской, Томской, Новосибирской областях, в Алтайском и Красноярском краях он находился в пределах от 2,1 до 2,7 (7, 483, 484). Одновременно улучшилось оснащение больниц и поликлиник оборудованием и инструментами. Если в 1946г. в распоряжении кузбасских медиков было 42 рентгенаппарата, то к концу 1958г. – 297. В начале 50-х годов в области имелось 98 клиничко-диагностических и 27 санитарно-бактериологических лабораторий, 12 электрокардиографов, 70 физиотерапевтических кабинетов. Во врачебной практике стали использоваться новые лекарственные препараты и методы лечения, в частности, грудная хирургия и операции на пищевом тракте, впервые в Сибири примененные кемеровским врачом М.А. Подгорбунским (3).

В той же мере, что и расширение материально-технической базы (и, опять же, динамичнее, чем в соседних регионах и в целом по РСФСР) в Кузбассе решалась проблема увеличения численности медицинских работников. В 1958г. количество врачей в области (исключая зубных) составляло 3560 человек, а среднего медперсонала – 16000, что превышало предвоенный уровень соответственно в 3,3 и 3,2 раза. Пополнение врачебного состава шло как за счет выпускников сибирских высших учебных заведений, так и путем направления в Кемеровскую область специалистов из центральных районов страны. В рассматриваемый период в Кузбасс по распределению приехало 4 тыс. выпускников Московского, Ленинградского, Куйбышевского и других мединституты. Средний медицинский персонал преимущественно пополнялся выпускниками местных учебных учреждений. Четыре фельдшерско-акушерские училища и три школы медсестер, имевшиеся в области, за 1946-1958гг. подготовили свыше 5 тыс. специалистов. В 1956г. у средних медицинских учебных заведений области появился свой флагман – Кемеровский медицинский институт (6, 172).

Важной особенностью кузбасского здравоохранения в эти годы явилось расширение сети медико-санитарных частей, создававшихся при крупных промышленных предприятиях и представлявших собой многопрофильные здравоохранительные структуры. МСЧ КМК, к примеру, включала в себя поликлинику, ночной санаторий, две диетические столовые, 19 цеховых здравпунктов. На территории комбината располагался круглосуточно работающий травматологический пункт с хорошо оборудованной операционной. В 1955г. в Кузбассе насчитывалось 33 медсанчасти, финансировавшиеся по повышенным нормам, что позволяло им приобретать лучшие препараты и медицинское оборудование. Расположение МСЧ в непосредственной близости от предприятий давало возможность оперативно оказывать помощь больным и травмированным работникам. Госпитализация в первые сутки после обращения к врачу по МСЧ Кузбасса в начале 50-х годов превышала 92% (1, 148; 5).

Составным элементом системы медицинского обслуживания, существовавшей при крупных промышленных предприятиях, были профилактории, в которых трудящиеся могли укрепить здоровье без отрыва от производства. В 1958г. в области функционировало 24 подобных учреждения, в которых за год оздоравливалось до 13 тыс. человек (4).

Важнейшим результатом развития и функционирования системы здравоохранения Кузбасса в 1946-1958 гг. стало снижение смертности населения. Так, в Кемерове в 1957 г. она была в 4 раза ниже, чем в последнем довоенном году. Уже к 1950 г. в области удалось полностью ликвидировать сыпной тиф и малярию, до единичных случаев свести заболеваемость брюшным тифом. Достаточно длительной, если сравнивать с современными показателями, была продолжительность жизни кузбассовцев – 67 лет (1, 162, 163). Во многом это было следствием самоотверженного труда целой плеяды медиков, отличавшихся высоким профессионализмом и преданностью делу, таких как заслуженные врачи РСФСР З.Г. Гринберг, Г.И. Завадская, Е.М. Курбатова, М.С. Рапопорт, М.М. Меньшикова, З.Я. Фридман и других.

Несмотря, однако, на значительный рост сети медучреждений, общее увеличение численности персонала, самоотверженный труд медиков, здравоохранение области даже в конце 50-х годов еще не соответствовало требованиям населения. Вследствие срыва планов строительства больничных комплексов стационары, как и ранее, работали в условиях переуплотненности. Некоторым лечебным заведениям порой не хватало не только лекарств, но и средств на питание больных. Для многих медицинских учреждений была характерна неукомплектованность персоналом, высокая текучесть кадров, вызванные большой сверхнормативной нагрузкой врачей и медсестер, а также невысокой оплатой их труда.

Список литературы

1. Букин С.С. Опыт социально-бытового развития городов Сибири (конец 1940-х – 1950-е гг.). Новосибирск, 1991.
2. ГАКО, Ф.794. Оп.1. Д.4. Л. 113.
3. ГАКО, Ф.794. Оп.1. Д.21. Л.164.
4. ГАКО, Ф.794. Оп.1. Д. 147. Л. 8.
5. ГАКО, Ф.864. Оп.1. Д. 2. Л. 1.
6. Из истории рабочего класса в Кузбассе (1917-1965 гг.). – Кемерово, 1966. Вып. 2.
7. Народное хозяйство РСФСР в 1958 г.: Стат. ежегодник. М., 1959.

С.А. Иванова

*Курганский государственный университет,
г. Курган*

КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ С. ЛОПАТКИ ЛЕБЯЖЬЕВСКОГО РАЙОНА

В зимние вечера молодежь с песнями, гармошкой идет по деревне из конца в конец. Везде и всегда есть люди, которые стремятся к знанию и свету.

Лопатинский культурно-просветительный кружок был организован 3 ноября 1919 года в составе 28 человек; кружок состоял из сотрудников местного волостного исполкома, учащихся и учеников высшего начального училища. Первой его задачей было просвещение народных масс, развитие их классового самосознания; политическое воспитание и развитие сельскохозяйственной культуры. В культурно-просветительный кружок входили следующие отделы: музыкально-драматический, библиотечно-литературный, агитационный и сельскохозяйственный. По архивным документам «агитационный отдел выполнил проведение праздника 2-й Октябрьской годовщины (25 октября 1918). Ставилось два литературных вечера, на первом было: доклад о текущем моменте, о партии коммунистов, декламации и концерт; на втором: было разъяснение о целях и задачах кружка» (1).

Драматический отдел организовывал устройство

спектаклей. 1 января был устроен бесплатный вечер в празднование встречи Нового года...; 7 января был поставлен спектакль в пользу кружка - пьеса «Сыщик»; 8 января был поставлен спектакль в пользу Красной Армии - пьеса «Борьба за власть»; 27 января был поставлен спектакль в пользу кружка - пьеса «Трудовой хлеб». Что представляла собой афиша?

Лопатинский Народный дом
В Воскресенье 6-ого июля 1920 г.

Детский спектакль

«Литературно-вокальными отделениями»

Программа спектакля

I

1. Артисты – (хор)
2. На лесной поляне – (сценка)
3. С веком я хожу – (хор)
4. Декламация – (учительница Попова)
5. Птичка – (хор)
6. Ряженые – (сценка)

II

1. Папа ямщика – (сценка)
2. Праздник сельский – (хор)
3. Декламация «Сиротка»
4. Смело товарищи в ногу – (хор из приюта)
5. Приглашение в школу – (декламация)
6. Обиженный зайчик – (хор)
7. Декламация (учительница Мякинина)
8. Не брани меня родная – (поет учительница Леонтьева под скрипкой)
9. Матрена Спиридоновна – (сценка)

Начало в 6 часов вечера

Вход бесплатный

В пользу погорельцев деревни Требушиной, Лисьевской волости будет произведен сбор добровольных пожертвований.

Правление культпросвета (2).

18 июля 1920 г. был поставлен спектакль по пьесе Чехова «На большой дороге». Стоимость билетов от 10 до 25 руб., входные – 5 руб. (3). 15 августа 1920 г. – спектакль «Пролетарий», стоимость билетов от 5 до 25 руб. (4). 22 августа 1920 г. группой курсантов был поставлен спектакль комедия Островского «Бедность не порок» в 3-х действиях, стоимость билетов от 10 до 20 руб. (5).

Литературно-библиотечным отделом была открыта библиотека при с. Лопатинском. Библиотека снабжала литературой избы-читальни и население. Наиболее распространенной формой работы изб-читален в первой половине 20-х годов XX в. были громкие читки газет, журналов, книг (6).

Изба-читальня являлась основной ячейкой, которой велась постоянная политико-просветительская работа в деревне.

Задачи избы-читальни:

1. «Ликвидация средневековой оторванности деревни от жизни цивилизованного мира;
2. Для вооружения жителей деревни является газета и книга;
3. Для ознакомления населения с советской конституцией и советским строительством;
4. Для коммунистической пропаганды».

Основная работа избы-читальни заключалась в получении книг и газет, предоставлении каждому возможности читать их. Изба-читальня являлась в то же время библиотекой и клубом. Избы-читальни содержались частью на средства государства. На непосредственные нужды и содержание изб-читален крестьяне выделяли сред-

ства. Газеты и книги выдавались отделом бесплатно (7).

Открыты были избы-читальни в с. Лопатинском и других деревнях, но открытые читальни плохо снабжались литературой, газетами (8).

В документе районного отдела народного образования Курганского уезда Челябинской губернии 27 марта 1920 г. приводились сведения о том, что «в настоящий момент массового стремления народа к знанию ощущается громадный недостаток в печатном слове» (9). Не было возможности снабдить желающих книгами, а у многих граждан имелись несколько ценных книг для библиотек, которые целыми годами лежали и никем не читались. Ввиду этого Районный отдел народного образования предлагал немедленно создать комиссию из представителей, произвести у населения сбор книг, годных для библиотек. Был составлен список собранных книг для Лопатинской библиотеки (10).

Список книг

Ф.И.О.	Название книги	Число экземпляров	Стоимость книги	
М.П. Гнездилов	1. Гимназия на дому	1	пожертвование	
	2. Сельское хозяйство	1	пожертвование	
	3. Кооперативное просвещение	1	пожертвование	
О.В. Кокорекина	4. Хорошие семена	1	?	
Д.Д. Плотинов	5. Родное слово	1	?	
А.И. Худякова	6. Учебник русской истории	1	?	
	7. Устная грамматика	1	?	
	8. Родное слово	1	?	
	9. «Пустыньница»	1	?	
П.А. Удинцев	10. Среди выдающихся русских писателей. Хрестоматия	1	?	
			?	
А. Кайгородцев	11. Хорошие семена	1	?	
	12. Задачник Гольденберга	1	?	
	13. Задачник Арженникова	1	?	
	14. Курс правописания	2	?	
К. Марлов	15. Горе Горемичное	1	?	
И. Петунин	16. Обучение письму	1	5 руб.	
	17. Курс правописания	1	5 руб.	
М.К. Переберин	18. Завоевание Константинополя	1	пожертвование	
	19. Приложение к журналу «Свет»	1	пожертвование	
	20. Журнал «Детский отдых»	1	пожертвование	
	21. Сборник Русской иностранной литературы	1	пожертвование	
		2	?	
О. Лушников	22. ПСС Ч. Диккенса	2	?	
М.К. Переберин	23. История искусств	1	пожертвование	
	24. ПСС Жуковского	1	пожертвование	
	25. ПСС Ч. Диккенса	1	пожертвование	
Е.К. Карпинская	26. Былое (сборник сочинений бывший до сих пор под запрещением)	2	пожертвование	
	27. Стихотворения Надсона	1	пожертвование	
	28. Журнал «Пробуждение»	10	пожертвование	
	29. Русский народ под судом М. Горького	1	пожертвование	
	30. Русский народ под судом Всеволода Соловьева	2	пожертвование	
	31. Русский народ под судом Леонида Андреева	2	пожертвование	
	32. Немрович Данченко	2	пожертвование	
	Всего.		47	

За период 1922-1923 гг. произвели опись книжного имущества Лопатинской районной библиотеки. Детских книг собрали 206, справочных и энциклопедических книг – 39, книг по философии – 3, по социальным наукам – 62, по народному образованию – 4, по филологии – 2, по математическим и естественным наукам – 7, по прикладным наукам – 131, по истории – 35. В библиотеке не было книг по географии, по биологии, по литературе, по религии (11).

Во второй половине 20-х г. XX в. о многогранности работы Лопатинской избы-читальни свидетельствовало то, что за 6 месяцев 1928 г. было проведено: 11 бесед, 18 политичток, 8 спектаклей, 13 вечеров «Красные пряжи», 1 вечер «Вопросов и ответов», прочитано 7 лекций. Этими формами работы было охвачено 2048 человек. От клубных работников требовалось понимание политической обстановки, умение организовать политическую и производственную учебу, пропаганда культуры и искусств (12).

С середины 30-х г. многие избы-читальни были преобразованы в клубы (13). В условиях Великой Отечественной войны вся массовая, культурно-просветительская

работа подчинена лозунгу: «Все для фронта, все для победы!» Для раненых бойцов давали концерты, ставили спектакли, показывали кинофильмы, проводились читки литературы (14).

Таким образом, культурно-просветительская работа способствовала подъему и политическому просвещению населения.

Список литературы

1. Культура Зауралья: XX в. Хрестоматия. Т. 1. С. 134.
2. ГАКО, ф. 42, оп. 1, д. 79, л. 2.
3. ГАКО, ф. 42, оп. 1, д. 79, л. 22.
4. ГАКО, ф. 42, оп. 1, д. 79, л. 14.
5. ГАКО, ф. 42, оп. 1, д. 79, л. 15.
6. Культура Зауралья: прошлое и настоящее: Сборник научных трудов. Курган, 1998. 18с.
7. ГАКО, ф. 42, оп. 1, д. 103, л. 13.
8. Культура Зауралья: XX в. Хрестоматия. Т. 1. С. 135.
9. ГАКО, ф. 42, оп. 1, д. 78, л. 4.
10. ГАКО, ф. 42, оп. 1, д. 78, л. 8.
11. ГАКО, ф. 42, оп. 1, д. 293, л. 24.
12. Культура Зауралья: прошлое и настоящее: Сборник научных трудов. Курган, 1998. 45с.
13. Там же, с. 46.
14. Там же, с. 59.

Г.К. Игнатьева

Курганский государственный университет,
г.Курган

ЦЕННОСТИ И ИХ РОЛЬ В ЖИЗНИ ПОСТСОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Проходившие в прошлом году в России выборы Слово года, показали, что ключевым в 2007 году стало слово «гламур», многократно опередившее не менее популярное в том же году слово «нанотехнология» (наверное, лет тридцать назад мы сделали бы другой выбор). Этот факт можно было бы оставить без внимания, но многие мыслители прошлого - Цицерон, Ф.Петрарка, Ф.Шлейермахер, В.Дильтей и др. – отмечали тесную связь языка и культуры, подчеркивали, что речь отражает состояние внутреннего мира человека и зависит от степени его развитости, другими словами, язык является очень тонким и чутким индикатором качественного состояния культуры.

Общеизвестно, что жизнь любого общества основывается на совокупности принятых и разделяемых большинством людей ценностей. Понятие «ценность» в современном гуманитарном знании не имеет строгого и однозначного определения, но чаще всего под ценностями понимают значимые для какого-либо общества предметы, связанные, например, с его историей, или представления о чем-либо, о том, что есть Истина, Добро, Красота, каким должен быть человек, то есть «имеют в виду нечто такое, что относится к определяющим основаниям жизни, человеческого общежития..., то, во имя чего проживается жизнь, то, чего люди хотят ради него самого, а не ради чего-то другого» (1, 139).

Ценности сформировались в процессе исторического развития общества и были той духовной основой, которая объединяла людей, помогала выжить и выстоять в тяжелых жизненных испытаниях. Являясь обобщением многовекового «хождения по мукам», ценности не подвергаются сомнению и служат образцом и идеалом для всех людей. Они облагораживают жизнь человека и общества, наполняют ее смыслом.

В каждом обществе существует своя иерархия ценностей, но как правило она включает несколько уровней. Прежде всего, это трансцендентные ценности, выходя-

щие за пределы непосредственного чувственного опыта человека, представления об абсолюте, некие мировоззренческие принципы, которые объясняют устройство мира и задают систему моральных и эстетических предпочтений. К следующему уровню относятся ценности, связанные с историей и культурой конкретного общества и, наконец, ценности личной жизни, простые и естественные, но в то же время и основополагающие, такие как семья, труд, уважение к старшим, творчество и т.д. В реальной жизни все ценности взаимосвязаны и взаимодействуют друг с другом. В обществах закрытого типа ценности изначально предписаны и заданы. Они усваиваются в раннем детстве, поэтому особых сомнений в том, как следует жить, у людей нет.

Перестройка, гласность, демократические реформы привели к тому, что прежняя, построенная в основном на идеологической основе, система ценностей в новых условиях оказалась неэффективной. Она перестала быть духовной опорой и ориентиром для большинства людей, которые столкнулись с необходимостью самостоятельного поиска новых ценностей и смыслов и, как оказалось, многие из них к такому поиску были не готовы.

Процесс переосмысления прежних и формирования новых ценностных ориентиров шел сложно, хаотично, нередко путем проб и ошибок, слепого заимствования, подражания западным образцам, в частности тем, которые предлагала западная массовая культура, получившая распространение в нашей стране в последние десятилетия. Массовая культура не только помогла большинству бывших советских людей преодолеть ощущения потерянности и неуверенности, она изменила их потребности, привычки, ценности, образ жизни в целом. Характерной чертой нового образа жизни постсоветского общества и стал гламур, он же глянец. Слово вполне безобидное и в переводе с английского обозначающее всего лишь шарм, обаяние. Однако в современной России гламур – символ красивой и беззаботной жизни, которая сводится в основном к потреблению и развлечению, хотя последнее можно рассматривать как вариант первого. «Гламур, - поясняет писательница Т.Толстая, - это лучистое, эфирное, запредельное состояние бытия. В гламуре гражданин, а тем более гражданин уже не сеет, не жнет... В гламуре нет ни прыщей, ни вросших ногтей, ... ни храпа... В гламуре нет заплаканных глаз, хлюпающего носа, уныния, отчаяния, ... ответственности, тревоги за родственников, наконец, нет смерти...» (2, 233-234).

Гламур обрушился на растерянные и подготовленные к такой агрессии души зрителей читателей с телевизионных экранов и страниц глянцевого журналов, которые стали издаваться такими же тиражами, какими когда-то издавались «толстые» журналы: «Новый мир», «Знамя», «Иностранная литература» и др., с той лишь разницей, что гляцевые журналы не читают, их, пролистывая, просматривают. На это они собственно и рассчитаны. Они сделаны таким образом, чтобы доставлять читателю (чаще читательнице) прежде всего эстетическое удовольствие, а чтение – это все-таки труд.

«Красный угол» занял телевизор. В нем все было новым и неведомым: вместо двух привычных сразу несколько каналов, многочисленные шоу, игры, сериалы, неотличимые друг от друга, но большинство это устраивало. И реклама, реклама, реклама, навязчиво убеждающая: «Ты этого достойна (достоин)». Люди погрузились в какую-то вымышленную жизнь. Иллюзорная реальность стала более важной, чем настоящая.

Индустрия досуга, практически отсутствовавшая в нашей прежней жизни, быстро и незаметно вытеснила традиционные культурные ценности. И некогда самая читающая страна вынуждена была создать нацио-

нальные программы поддержки и развития чтения и защиты русского языка, так как «подошла к критическому пределу пренебрежения чтением».

Философы, начиная с Сократа, не случайно отводили морали и искусству особое место в культуре. Именно мораль делает человека человеком, изменяет его биологические способности и потребности, наполняет их собственно человеческим содержанием, учит жить в обществе по законам Добра и справедливости. Искусство помогает формированию внутреннего нравственного мира человека, показывает, каким он должен быть, чтобы быть человеком. Ныне функции морали и искусства взяли на себя массовая литература и телевидение, они определяют облик современного человека. Правда, «человеческое в человеке» сводится лишь к его внешнему облику, который подгоняется под общие стандарты. Но Красоте все равно повезло больше, хотя она и превратилась в красоту, а вот о Дobre вообще как-то забыли. А когда-то эти слова, отражающие смысл человеческого существования, были одним целым – «калокагатией» - это означало, что они не могут существовать друг без друга, а человек не мыслился без их единства.

Современный человек утратил свою целостность, внешнее у него преобладает над внутренним. Ценностная вертикаль культуры исчезла в погоне за соответствием стандартам, а вместе с ней ушло правильное отношение ко многим смысложизненным вопросам, да и к самой жизни, в которой «вместо счастья – богатство, вместо самопознания – тесты, вместо борьбы с грехом – диеты, вместо семьи – фитнес-клубы, вместо мировоззрения – сезонная мода» (3, 17), вместо творчества – потребление. Человек растворился в повседневной суете, которая закрыла для него все другие формы жизнетворчества. Чтобы жить в многоуровневом мире, человек сам должен быть многоуровневым, то есть иметь внутри себя ценностные вертикали, вокруг которых и будет строиться его жизнь. Нравственная пустота, отсутствие ценностных критериев – безусловных ценностных смыслов – делает человека открытым силам зла, пошлости, равнодушия, жестокости.

Список литературы

1. Абишева А.К. О понятии «ценность» // Вопросы философии. 2002. №3.
2. Толстая Т. День М., Эксмо, 2007.
3. Далецкая А. Vogue – это не только журнал. Это эстетика бытия // Критическая масса. 2004. №4.

Л.В. Ильина
МОУ «Гимназия № 31». г. Курган

КРАЕВЕДЕНИЕ В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ. ПРОБЛЕМЫ. ПОИСКИ РЕШЕНИЙ. (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ)

*Нельзя только призывать к патриотизму,
его нужно воспитывать – воспитывать
любовь к родным местам, воспитывать
духовную оседлость.*
Д.С. Лихачев

Я смотрю в окно...

Голую ветку тополя раскачивает холодный осенний ветер.

На душе неспокойно. Мысли возвращаются в родной класс. И снова слышу слова Саши: «Окончу школу,

институт и сразу уеду. Если не за границу, то, конечно, в большой город».

Тревожат меня эти слова. Как сделать так, чтобы школьники, начиная уже с младших классов, стали осознавать, что у каждого человека есть свой, милый сердцу уголок земли, где он увидел свет солнца, сделал первые шаги, где жили его деды, где живут и работают его родители? Это место – город или деревня – несравнимо ни с чем другим. Это наш порог жизни, малая Родина.

Вопрос об использовании краеведческого материала в средней школе не новый в методической литературе и практике работы российских, в том числе и курганских, школ. В государственных стандартах и программах по отечественной истории указывается на необходимость обязательного изучения краеведческого материала в основной и полной средней школе. Но, к сожалению, вопрос об организации краеведческой работы в начальной школе почти не освещается в методической литературе.

Автор данной статьи считает, что в начальной школе пропедевтический краеведческий курс – важнейший этап в системе краеведческого образования, так как именно в начальной школе

- закладываются основы познавательного интереса к изучению города как окружающего ребенка микромира;
- создаются условия для формирования нравственных чувств, этики поведения (что составляет базу для духовно-ценностной и практической ориентации ребенка).

Так родилась программа «Краеведение – путь к Родине», которая стала объединяющим началом учебной и воспитательной работы с учащимися.

В данной статье хочу поделиться опытом работы.

С 2000 года работаю над темой «Формирование личности младшего школьника через изучение истории родного края». Интерес к разработке этой проблемы у автора особенно возрос после серьезной, многоплановой работы над темой при подготовке дипломного исследования во время учебы на историческом факультете КГУ.

Цель: сформировать сознание связи семьи с историей рода, народа, Родины, научить бережному отношению к культурному наследию родного края.

Для осуществления этой цели наметила выполнение следующих задач:

- разработать систему мероприятий для реализации программы «Краеведение – путь к Родине»;
- провести анкетирование для выявления уровня осведомленности родителей и учащихся по данной проблеме и их отношения к ней;
- определить эффективность данной системы мероприятий, используя методы диагностирования.

При решении этих задач формируются основные знания и понятия:

Я – Семья – Родословная – Интересные люди Зауралья – Улица – Город – Край – История Отечества

Для выполнения этих задач определила формы работы:

Конкурсы	Викторины	Заочные путешествия
Спектакли	Экскурсии	Походы
Концерты	Турниры	Устные журналы

Совместной деятельности учеников и родителей придаю большое значение, т.к. это способствует их сплочению.

«От сотрудничества к сотворчеству» - девиз моей работы, которую реализую через коллективно-творческое дело.

Существует мнение, что «современные родители сужают свои обязанности до бытового обслуживания в силу сложившихся экономических условий». Настоящее материнство и отцовство – это *труд души* и только потом – рук.

Немаловажным фактором при проведении совместных мероприятий является присутствие не только мам и пап, но и бабушек, дедушек.

Такая связь поколений, на мой взгляд, является наиболее эффективным способом передачи социокультурных ценностей, так как младшее поколение на жизненном примере родителей может убедиться в незыблемости таких понятий как доброта, честность, порядочность, взаимовыручка.

Особая роль в гражданско-патриотическом воспитании учащихся младших классов, на наш взгляд, должна принадлежать военной истории, соприкасаясь с которой подрастающее поколение приобретает к трудовому и ратному подвигу народа, равняется на лучших его представителей, учится на героических примерах жизни и деятельности наших великих предков, дедов и отцов беззаветному служению Отечеству.

В начальных классах мы с ребятами проводим работу по сбору материала о своей семье, о дедушках, бабушках - участниках Великой Отечественной войны и тружениках тыла.

Дети с гордостью рассказывают о своих родственниках, принимавших участие в боевых действиях и ковавших победу в тылу. Рассказы детей - это маленькие окошки, через которые мы заглядываем в историю, знакомимся с людьми и событиями того времени.

События Великой Отечественной для нынешних младших школьников - это далекая история. Поэтому в нашем классе стало традицией приглашать ветеранов войны. История оживает, становится доступнее и понятнее. Встречи с участниками Великой Отечественной войны имеют для ребят большое воспитательное значение.

Свое отношение к войне, впечатления от встреч с участниками Великой Отечественной дети выражают в сочинениях, посвященных этой тематике. В них звучит боль ребят за горе и страдания, которые пришлось пережить нашей Родине в годы войны, возмущение зверствами фашистов, восхищение мужеством и стойкостью солдат, в том числе своих родственников.

Приведу пример сочинения:

«Командир пулеметного взвода.

Моим прадедушке и прабабушке посчастливилось вернуться с фронта живыми.

Прадед Зотин Иван Фёдорович в 18 лет ушёл в армию. Вскоре началась Великая Отечественная война. В начале войны прадед окончил офицерские курсы, получив звание младшего лейтенанта, стал командовать пулемётным взводом. В конце лета 1941 года часть, в которой служил Иван Фёдорович, попала в окружение. Погибли почти все солдаты, прадедушка был ранен. Несмотря на серьёзное ранение, он из последних сил взорвал все пулеметы, чтобы орудие не доставалось врагу. Немцы захватили лейтенанта в плен, пытали. За молчание враги разрезали ему язык на две части и на ночь привязали за руки к потолку сарая. Ночью наша разведка возвращалась к своим войскам и случайно наткнулась на немецких солдат, охранявших сарай. В коротком бою разведчики уничтожили немцев, освободив командира.

После госпиталя прадедушка участвовал еще во многих сражениях.

Во время очередного боя, в глухих Белорусских лесах, его часть снова оказалась в окружении. С поля боя вывозили только командиров на двухместных самолётах У-2 «кукурузниках», спасали как могли. Прадедушку, как и других командиров, привязали к крылу самолёта. Так он, глядя в небо, благополучно добрался до госпиталя.

Выздоровев, Иван Фёдорович воевал до победного дня. Он дошёл до Германии, участвовал во взятии Берлина. А когда вернулся домой, то встретил девушку, которая

ТАБЛИЦА 2

Выборка данных диагностики отношения к истории по уровню интереса и желанию изучать ее дополнительно в 4-х классах

КЛАССЫ	4А		4Б		4В		4Г	
ОБСЛЕДОВАНО	20 чел		22 чел		23 чел		25 чел	
КРИТЕРИИ	%	чел	%	чел	%	чел	%	чел
Считаю предмет интересным	30	6	14	3	61	14	32	8
Хочу изучать его дополнительно	30	6	5	1	48	11	20	5

Из представленных данных видно, что отношение обучающихся в 4-х классах к учебному предмету (истории) – изменилось: ребята привыкли к требованиям, предъявляемым для изучения этого предмета. В 4В классе интерес к изучению истории вырос с 28% (7 чел. – в 3 кв.) до 61% (14 чел – в 4 кл.), и желающих изучать дополнительно этот предмет стало значительно больше. Отметим, что диагностирование учеников проводилось с помощью методики «Рейтинг предметов», в которой требовалось все учебные предметы проранжировать, присвоив им места таким образом, чтобы на первом месте стоял самый интересный ученикам предмет. Учитывая, что в выборке использовались данные только первых мест, можно сказать, что результаты 4В класса значительно выше по параллели.

На основании лонгитюдного исследования, проводимого в течение пяти лет, можно сделать вывод о том, что краеведческая работа в классе обеспечивает значительное повышение уровня знаний истории своей семьи, истории своего края, стимулирует познавательную деятельность учащихся, благоприятно влияет на условия для развития личности учащегося с первых лет обучения в школе. Заинтересованность учащихся в поисковой самостоятельной и совместной с семьей деятельности способствует сплочению детско - родительских отношений. Совместная работа в классе укрепляет коллектив, улучшает взаимопонимание между учащимися.

Уверена: данная система работы способствует воспитанию гражданской позиции, бережного отношения к памятникам истории, культуры края, поможет сохранить традиции родного Зауралья.

Мы с ребятами в содружестве с родителями наметаем новые перспективы, строим планы, ибо **«воспитание не только должно развить ум человека и дать ему известный объем сведений», но должно помочь каждому стать настоящим Гражданином своей страны.**

А.С. Казакова
Курганский государственный университет,
г. Курган

ЭКОНОМИКА РОССИИ В 90-Е ГОДЫ XX ВЕКА

В 90-е годы XX века Россия переживала переход от социалистической модели экономики к капиталистической. В это время в стране наблюдался острый социально-экономический кризис.

Дело в том, что государство значительно сократило свои расходы на образование, науку, культуру, медицину, здравоохранение.

Только в начале 1993 года количество занятых в области науки сократилось на 27%. В стране появилось

тоже вернулась с фронта. Она была зенитчицей и подбила 13 немецких самолётов. Это моя прабабушка.

О героях Великой Отечественной войны написано много книг и рассказов. Я горжусь тем, что мои отважные родственники защищали нашу Родину, и мне выпал счастливый случай написать о них маленький рассказ» (Овечкин Олег).

Необходимость и воспитательная ценность такой работы не вызывает сомнений. В этом еще раз можно убедиться, прочитав отзывы родителей и учителей о проделанной работе:

1) «... Особенно запомнился всем нам праздник, посвященный 60-й годовщине победы нашего народа в Великой Отечественной войне.

Помню, как готовился мой ребенок к проведению праздника, и не только он..., а вся семья. Мы, взрослые, сами узнали много нового для себя о воинах-земляках, которые отстаивали землю своих отцов, свое Отечество.

Необходимость такой работы не вызывает сомнений. Через воспитание интереса к истории своей страны мы не на словах, а на деле учим своих детей справедливости, помогаем по-новому взглянуть на окружающий мир, любить свою большую и малую родину, свою семью...» (Федорова Наталья Павловна)

2) «... Реакция детей превосходит все ожидания, весь класс тронут ощущением праздника “со слезами на глазах”. До каждого детского сердца дошла печаль от колоссальных потерь и радость долгожданной победы. И снова дает о себе знать серьезное увлечение историей Родного края...» (Смирнова Галина Михайловна, учитель истории высшей квалификационной категории, Заслуженный учитель Российской Федерации).

Эта творческая, многогранная работа дает свои положительные результаты. В моих классах не было ни одного случая проявления жестокости, отклонений от норм правового поведения. Дети и родители являются активными участниками и организаторами всех классных и школьных праздников, турниров, фестивалей, конкурсов. Мои ученики - честные, обаятельные и неугомонные ребята, патриоты своего края.

В третьем классе появился новый предмет «Мое Отечество», который способствовал более глубокому изучению истории родного края.

Перед его изучением была проведена диагностика отношения учащихся к истории по уровню интереса и желанию изучать ее дополнительно.

ТАБЛИЦА 1

Выборка данных диагностики отношения к истории по уровню интереса и желанию изучать ее дополнительно в 3-х классах

КЛАССЫ	3А		3Б		3В		3Г		3Д	
ОБСЛЕДОВАНО	25 чел.		26 чел.		25 чел.		27 чел.		25 чел.	
КРИТЕРИИ	%	чел	%	чел	%	чел	%	чел	%	чел
Считаю предмет интересным	4	1	8	2	28	7	4	1	8	2
Хочу изучать его дополнительно	8	2	0	0	20	5	4	1	4	1

Как видно по данным таблицы, интерес к истории в 3-х классах незначителен. Ребятам больше интересуют другие учебные предметы, а по данным анкетирования история для учеников этой параллели непонятна и сложна. Результаты диагностирования 3В класса позволяют сделать вывод о том, что в этом классе учащиеся увлечены историей больше чем в других, т.к. с первого класса ребята изучают историю Зауралья в краеведческом кружке, поэтому ученики достаточно комфортно чувствуют себя на уроках и легче воспринимают этот предмет.

такое социальное явление, как «утечка мозгов», когда наиболее одаренные, талантливые учёные эмигрировали за рубеж в силу экономических обстоятельств, сложившихся в стране.

Из-за недостаточного финансирования здравоохранения в 1990-е годы в стране произошла вспышка таких заболеваний, которые в XX веке, в принципе, характерны были только для стран третьего мира – вспышка дифтерии, холеры, туберкулёза, сыпного и брюшного тифа (6,53).

В стране ухудшилась демографическая ситуация. Если с 1914 года количество населения на территории, занимаемой Российской Федерацией, неизменно увеличивалось (за исключением периода Великой Отечественной Войны 1941-1945 гг.), то с 1990 года количество населения начинает стремительно сокращаться (1,21). В период с 1992 года по 1998 года страна от чрезмерной смертности потеряла 2 миллиона человек. Для сравнения, во время Гражданской войны страна потеряла 1,7 млн человек. То есть, уровень смертности в 1990-е годы был так же высок, как и в периоды голода, катастроф, войн (6,56).

Значительно сократился уровень жизни населения. В 1999 году уровень заработной платы по отношению к 1992 году составлял 35%. Население стало хуже питаться, в рационе питания людей сократилось количество пищи, содержащей живой белок, то есть сократилось потребление мяса, молока, яиц (1,60).

До своего распада СССР мог бы вполне претендовать на ведущую роль в «восьмёрке», наряду с США и Японией. Ныне Россия стоит в ряду этих государств на предпоследнем месте, превосходя только Канаду. Если отбросить составную часть ВВП (%) стран, входивших в СССР, то и при таких условиях доля России в мировом ВВП составила бы не менее 4,5% (4,355).

Доля стран – членов «большой восьмёрки» в мировом ВВП (в %)

	1989 г.	1998 г.
США	21,5	21,9
Япония	8,3	7,7
Германия	4,9	4,3
Великобритания	3,5	3,3
Франция	3,8	3,4
Италия	3,4	3,0
Канада	2,0	1,8
Россия (в 1989 г. – СССР)	8,3	2,0
Итого 8 стран	55,7	47,4

Неужели Россия в силу трансформационных процессов была обречена на вышеописанную катастрофу, либо всё же существовала альтернатива принятия решения в процессе реформирования экономики, может, присутствовали факторы, негативным образом, повлиявшие на социальную – экономическую ситуацию в стране в 1990-е годы?

Ответу на этот вопрос посвящена работа.

Первой мерой реформирования денежно-кредитной системы явилась либерализация цен января 1992 года, которая призвана была обеспечить переход к рыночной системе ценообразования. По замыслам реформаторов, цены должны были возрасти на 200%, в действительности же они увеличились в 10-12 раз.

В стране разразилась высокая инфляция, кризис неплатежей и кризис нехватки оборотных средств в производстве. Дело в том, что инфляция обесценила не только банковские вклады населения, но и производственные фонды предприятий, то есть все те накопления, которые

были осуществлены предприятиями к январю 1992 года.

В результате инфляции цены увеличились впоследствии в 26 раз, количество же денежной массы осталось практически на том же уровне, отсюда происходил кризис нехватки оборотных средств в производстве.

Перед государством встали две проблемы – это борьба с разразившейся гиперинфляцией и проблема неплатежей и нехватки оборотных средств в производстве. Выражением антиинфляционных мер явились Указы Президента РФ, например от 3 июня 1993 года №842 «О некоторых мерах по сдерживанию инфляции». Один из пунктов этого указа гласил: «1. Признать необходимым с 1 июля 1993 года и до конца текущего года не принимать федеральными органами государственной власти и управления Российской Федерации решений, приводящих к увеличению расходов бюджетов всех уровней и государственных внебюджетных фондов».

Постановление правительства от 18 января 1993 года №33 «О дальнейших мерах по государственному регулированию инфляционных процессов» предписывало Министерству финансов РФ, центральным органам федеральной власти ужесточить финансовую и денежно-кредитную политику. Суть ужесточения денежно-кредитной политики сводилась к удерживанию темпов кредитования. Министерству финансов РФ предписывалось разработать положение о принципах и критериях предоставления предприятиям льгот, субсидий и кредитов, имея в виду ограничение помощи предприятиям, завышающим цены.

Действительно, с принятием этих мер уровень инфляции снизился с 38,3 % (февраль 1992 года; уровень инфляции в % к предыдущему месяцу) до 3,2% (декабрь 1995 года). Но снижение уровня инфляции сопровождалось снижением объёма промышленного производства. Эти объёмы снизились с 89,8% (июль 1992 года; в % к уровню декабря 1991 года) до 55,5% (ноябрь 1995 года) (5,21).

Дело в том, что при реформировании экономики использовалась монетарная концепция экономической программы, основоположником которой являлся американский экономист Милтон Фридман. Цель программы: достижение макроэкономической стабилизации (достижение низкого уровня инфляции, профицит федерального бюджета). Реализуется через сжатие денежной массы в обращении, посредством ужесточения денежно-кредитной политики, сокращения государственных расходов. Здесь сам собою напрашивается вывод: применение на практике монетарной концепции экономической программы обостряло кризис неплатежей и нехватки оборотных средств в производстве, ведь реализуется программа через сокращение денежной массы в обращении.

В 1994 году ни один выпуск «Российской газеты» не обходился без сообщений о банкротстве, закрытии предприятий, о сокращении производства. Директора, комментируя складывающуюся ситуацию, объясняли свои действия по сокращению производства именно кризисом неплатежей и нехваткой оборотных средств.

Исходя из монетарной концепции экономической программы экономический рост наступает по достижении цели финансовой стабилизации. «К 1997 году цели макроэкономической стабилизации были достигнуты (уровень инфляции составил 11%), однако инвестиции в производство не только не увеличились, но наоборот ещё сократились на 5%» (2,223).

Так кратким образом характеризуется экономическая политика государства, выводы следующие. Монетарная концепция экономической программы оказывала непосредственное влияние на обострение производ-

ственного кризиса в стране. Существовала ли альтернатива принятия решений? Да, как показывают факты, альтернатива существовала. В феврале 1994 года представители 10 научных институтов сделали Президенту РФ доклад о корректировке экономического курса. Цель доклада: достижение экономического роста. Экономический рост невозможен без инвестиций. По докладу предполагалось направить денежно-финансовые потоки в производство. Но каждые дополнительные финансовые вливания неизменно ведут к увеличению уровня инфляции. Это предусматривалось в докладе, тогда предлагалось ввести контроль над ценами естественных монополий.

Как показал дальнейший ход развития событий, подобные пожелания не были применены на практике.

Затягивало возможность выхода из кризиса то, что в отечественную промышленность инвестировать средства было невыгодно.

Так, например, на протяжении 1990-х годов в стране сохранялся высокий уровень некоммерческого инвестиционного риска - криминальный. В первые пять лет реформ криминальная активность граждан увеличилась вдвое. Особое распространение получили преступные образования бандитской и рэкетирской направленности. Наиболее крупные преступные группировки России захватывали контроль над предприятиями. Наиболее яркий пример - это ситуация, сложившаяся в городе Тольятти на крупнейшем заводе по производству автомобилей «АвтоВАЗ». В 1990-е годы здесь прошли четыре криминальные войны. Первая из них началась ещё в конце 1980-х годов, когда преступные группировки захватили контроль над конвейером завода. Завод терпел убытки, так как все прибыли уходили в карман бандитам. Естественно, в такой ситуации невыгодно было вкладывать деньги в производство. Новый же Уголовный кодекс был принят только в 1997 году. В нем появилась статья 210 «Организация преступного сообщества», то есть до 1997 года даже не существовало рычагов по борьбе с организованной преступностью (3,219).

Следующая причина, по которой было невыгодно вкладывать в производство. С 1995 года 48% дефицита федерального бюджета стало финансироваться за счёт государственных ценных бумаг - ГКО (Государственные краткосрочные облигации), которые имели высокую доходность - 162% годовых в 1995 году. Естественно, в таких условиях банкам выгоднее было вкладывать свои средства в ГКО, чем кредитовать промышленность, что, собственно, и происходило.

В общем, как показывает анализ проблемы, альтернатива принятия решений существовала, присутствовали также факторы, негативным образом повлиявшие на социально - экономическую ситуацию в стране.

Список литературы

1. Белая книга. Экономические реформы в России 1991-2001 г. М.: Алгоритм, 2002.
2. Глазьев С.Ю. Геноцид. М.: ТЕРРА, 1998.
3. Криминология / Под ред. Кудрявцева В.Н. М.: ЮРИСТ, 2005.
4. Меньшиков С.М. Анатомия российского капитализма. - М.: Международные отношения, 2004.
5. Улюкаев А. Российские реформы и предпосылки экономического роста // Вопросы экономики. 1996. №2.
6. Хлебников П. Крёстный отец Кремля Борис Березовский, или История разграбления России. М.: Детектив Пресс, 2001.

ГОРОДСКАЯ БИБЛИОТЕКА И ЧИТАТЕЛЬ НА УРАЛЕ В ГОДЫ НЭП

В начале XX века для многих жителей Урала чтение было важным видом досуга, чему способствовало развитие сети общедоступных библиотек и читален, а также качественное улучшение школьного образования. Существовали частные книжные собрания, действовали библиотеки целого ряда обществ. Книга становилась традиционным спутником горожанина даже во время празднования памятных дат, где исполнялись произведения классиков (13,359).

Революция и гражданская война сыграли свою отрицательную роль в развитии библиотечного дела на Урале. Если в 1913 г. на территории Урала имела 891 библиотека, а к 1917 г. их количество увеличилось почти вдвое (1687), то после Октябрьской революции большинство старых библиотек подверглось реквизиции, было уничтожено или вывезено с Урала. С 1920 г. народные библиотеки и читальни были преобразованы в массовые библиотеки, относящиеся к единой библиотечной сети, которая в 1924 -1925 гг. состояла из 1061 библиотеки (14, 87). По данным Уралстатбюро, на 15.12. 1927 г. на территории Уральской области имелось 2135 библиотек основной и вспомогательной сети, из них в городе 68 библиотек, в районных центрах Урала - 171 библиотека (2,71).

В середине 1920-х гг. примерно на 8 тыс. жителей Уральской области приходилась 1 библиотека, а в городе - 1 библиотека на 1900 человек. Материальная база их была недостаточной. Даже городские библиотеки не всегда имели специальное здание. В январе 1926 г. в ходе изучения условий труда челябинских библиотечарей был сделан вывод, что помещения библиотек не приспособлены для массовой работы. Типичной была названа Челябинская центральная библиотека, гардероб в которой располагался на первом этаже, а выдача книг производилась этажом выше. При большом наплыве читателей, тесноте, очередь за книгами располагалась на лестнице. Условия труда библиотечарей были признаны неудовлетворительными. «Две небольшие комнаты перегородены книжными полками на тесные клетушки, в которых по 7-10 часов работает сотрудник Коллектора. Книги, покрытые вековой пылью, окружают библиотекаря на протяжении всей его работы. В библиотеках все лестницы давно нуждаются в ремонте, поэтому нередки случаи, когда библиотечари "летают" с расшатанных лестниц»(18,74).

Такая ситуация характерна для многих уральских городов. Содержание книжного фонда даже в крупных библиотеках могло оцениваться как «беспорядочный и случайный набор книг» (4,15). Новая литература почти не поступала, а расхищение книг приобрело невиданные размеры. Профсоюзные и вузовские библиотеки обслуживали узкий круг читателей, что приводило к плохой обрабатываемости книг. Слабо справлялся с работой библиотечный коллектор, распределение книг по городским и уездным библиотекам не соответствовало запланированному количеству. Кроме того, по требованию Екатеринбургского политпросвета, безусловному исключению подлежали «книги контрреволюционного характера, а также лубочная, религиозно-нравственная литература, устаревшие учебники по истории, законоведению, беллетристика явно порнографического характера, периодические журналы консервативного направления» (5,35).

Что же могли предложить читателям городские библиотеки? В 1925 г. в библиотеках Челябинска 23% книжного фонда занимали книги из раздела «социальные науки», беллетристика составляла 18%, литература по прикладным наукам – 12%. Но больше всего была востребована беллетристика, которую спрашивали в каждом третьем случае (30%), затем шла детская литература – 15%, научно-популярные издания, газеты и журналы (11,44).

На Урале развивалось печатное дело, во многих городах были восстановлены издательства, снова появились свои газеты: «Народная газета», «Рабоче – Крестьянская правда» (Шадринск); «Тагильский рабочий» (Нижний Тагил), «Звезда» (Пермь), «Курганский еженедельник». В 1923 г. в Екатеринбурге выпускались ежедневная газета «Уральский рабочий», еженедельно – «Известия Губисполкома», журналы «Товарищ Терентий», «Юный пролетарий Урала». Всего наименований периодических изданий, вышедших в 1923 г в Уральской области, – 63. Первым городом по количеству наименований периодических изданий был Екатеринбург (33 наименования), ему уступали Пермь, Тюмень и Златоуст. В этот период в Усолье, Ирбите, Шадринске, Кунгуре, Кургане, Троицке, Челябинске издавалось по одной газете (17,99-100) .

К середине 20-х гг. круг периодических изданий на Урале значительно расширился. Появились профессиональные издания: «Студент – пролетарий», «Уральский медицинский журнал», «Уральское медицинское обозрение», «Уральский учитель», «Просвещение на Урале»; издания информирующие и развлекающие: «Веселая кузница», «Наш опыт», «14 дней», «У себя дома» (приложения к газете «Уральский рабочий»), «Эхо театра», живая театрализованная газета (Пермь). Издание «У себя дома» предназначалось больше для женщин. Здесь можно было найти советы по хозяйству, воспитанию детей, уходу за больными. Обсуждались такие темы, как «Женщина и алкоголь», «Лекарства домашней аптечки», «Женская консультация», «Новинки литературы», «Умение одеваться».

Библиотеки исследовали уровень культурных запросов своих читателей. Пермская железнодорожная библиотека выявила, что рабочие интересуют произведения Л.Синклера (например «Король-Уголь»), а произведения Б.Пильняка в этой среде непопулярны. В Кунгурском округе, в Перми путем применения метода учета письменного отзыва о прочитанной книге было замечено, что рабочие любят социальную беллетристику и научные книги, между тем «собрания сочинений Ленина, Плеханова и Шекспира лежат в шкафах неразрезанными». Как и в дореволюционное время, востребована была «лубочная литература» (15,317). Вопросы физического воспитания и взаимоотношения полов интересовали комсомольцев. Красноармейцы проявляли большой интерес к антирелигиозной литературе и социальным наукам. Несмотря на востребованность антирелигиозной литературы, ее количество в уральских библиотеках составляло в 1924/25 гг. не более 1% .

Домохозяйки читали в основном беллетристику (1,42-43). Популярными были бульварные и уголовные романы («Нат Пинкертон», «Ник Картер», «Пещера Лейтвейс»), сочинения А.Аверченко, «Через 100 лет» Э.Беллами, романы Н.Лескова, произведения Вербицкой. Среди научных книг наибольшим спросом пользовалась политическая литература (11%), а именно та, где описывалась история революционного движения, общественно – политическая современность. Для детей чаще спрашивали русские народные сказки, сочинения Л.Чарской, детские журналы «Задуманное слово», лубочные книжки. Подписчики в Курганской детской библиотеке, в основном учащиеся I и II ступени, просили литературу, реко-

мендованную в школе. Востребованными были: Д.Дефо «Робинзон Крузо», Г.Бичер–Стоу «Хижина дяди Тома», Р.Джованьоли «Спартак», «Красные дьяволята» (1,39).

Пермская комиссия по изучению студенческого быта сделала вывод, что у студенчества наиболее популярны газеты и журналы, революционно – политическая литература. (В исследованиях студенческих бюджетов отмечалось, что обязательной статьей расходов является не только покупка карандашей, бумаги и туши, но журналов и газет (3% расходов). Оказалось, что менее востребованными в студенческой среде были книги, относящиеся к литературе специального характера (9,4%), классической (12,5%), научной (7,5%). Составители соцопроса отметили также, что студенты педагогического факультета Пермского университета оказались наименее активными читателями (8,69). Функцию привлечения юношей и девушек к самообразованию, книгам взял на себя комсомол. Комсомолец, не пользовавшийся библиотекой, считался «несознательным элементом». (12,129). В молодежных журналах публиковался перечень изданий различной проблематики, с краткой характеристикой содержания книги.

Библиотечные отчеты середины 20-х гг. позволяют сделать вывод о том, что работа библиотек не могла считаться массовой. Самыми частыми их посетителями были учащиеся и служащие, берущие книги по необходимости, для работы и учебы. Например, в 1924 г. в Челябинских библиотеках 14331 посещения было сделано учащимися, и только 1502 – рабочими (10,69). Рабочие и крестьяне как контингент читателей составляли не более 20% (16,94).

Изучение быта коммунистов Пермского уезда (из них 80% рабочих) показало, что менее 1/3 из них (31%) посещали библиотеки, только 27, 2% постоянно читали книги и газеты (15,316). Регулярно обращались к чтению прессы коммунисты, занимавшие ответственные посты (31% руководителей губернского и уездного уровней и 22% руководителей низшего звена). Более половины (56%) грамотных коммунистов читали газеты от случая к случаю, у большинства из них отсутствовала потребность в регулярном чтении газетной, журнальной, книжной продукции (3,22).

Перед библиотеками была поставлена задача продвижения книг социально ценному читателю. Городские библиотеки планировали и вели политико-просветительную работу, которая разворачивалась в трех направлениях: пропаганда книги, организация читательского актива, руководство чтением «в духе материалистического миропонимания и в соответствии с политическими задачами». Детские библиотеки создавали кружки друзей библиотеки. Дети помогали в ремонте книг, сборе просроченной литературы, устройстве книжных выставок. Детские стенгазеты, позволявшие «поработать» редакторами, художниками, корреспондентами, ощутить себя творческим людьми, привлекали маленьких посетителей библиотеки. Летом детские читальни работали на улице, в скверах, недалеко от библиотечного здания. Библиотекари выезжали в детдома, устраивали вместе с детьми экскурсии в лес, после чего в библиотеках устраивались выставки экспонатов.

Проводились «десятидневники» книги, которым предшествовала масштабная подготовительная работа. Между библиотекарями города распределялись задания, включавшие в себя проведение вечеров книги, выпуск стенгазет, плакатов, листовок, продажу книг. В выходной день устраивались «шестивия книг», в которых принимали участие сотни людей (члены профсоюзов, красноармейцы, пионеры, учащиеся). Изготавливались книги – «коробки», на которые были скопированы обложки по-

пулярных или новых изданий. Они прикреплялись к шестам, и во время шествия возвышались над толпой, рекламируя книгу (7,2). В 1924/25 гг. особенно удачно такие кампании были проведены в Челябинске, Перми, Кургане, Свердловске, Тобольске.

Появилось такое понятие, как «книгоношество» – метод пропаганды книги для начинающего пассивного читателя. Библиотекари составляли план работы, выявляя предприятия, находящиеся далеко от стационарных библиотек. По разрешению администрации, библиотекари приходили во время отдыха рабочих, предлагая взять литературу на абонемент. Они изучали читательские запросы своих «подопечных», стремясь удовлетворить их просьбы. Комплекты книг выдавались целым коллективам. Библиотекари отмечали эффективность такой работы, так как количество читателей быстро увеличивалось. Если сначала приход библиотекаря вызывал смех, то по прошествии месяца – двух его приход был ожидаем рабочими (9,122-123). Устраивались выставки, громкие чтения, вечера рецензий книг. Усилия библиотекарей не прошли даром. Количество «рабочих» читателей стало возрастать. Свердловским библиотекам, например, удалось привлечь до 80% сезонников (6,20). Подписчики прочитывали в год от 14 до 18 книг (нормой считалась цифра 12).

Тем не менее, процент читающего населения на Урале оставался невысоким. Это объясняется не только культурными предпочтениями уральцев, но и уровнем их грамотности. В 1927-28 гг. среди мужского населения Уральской области насчитывалось 19,9% неграмотных, среди женщин – более половины (52,3%). 70% батрачек Уральской области были неграмотными, причем хозяйки неохотно отпускали их на курсы ликбеза, считая, что учеба отнимает много времени.

За время нэпа на Урале ликвидировали свою неграмотность около 500 тыс. человек. Но посещало уральские библиотеки не более 450 тыс. человек (2,71). Многие из этих людей были обречены на рецидив неграмотности, так как книга не стала для них способом времяпрепровождения.

Таким образом, состояние библиотечного дела на Урале во второй половине 20-х гг. можно оценить как неудовлетворительное, а книга в досуге горожанина еще не играла значительной роли.

Список литературы

1. *Абрамов И. Состояние изучения читательских интересов на Урале// Уральский учитель. 1927. № 5-6.*
2. *Ваганов В. В поход за библиотеку// Просвещение на Урале. 1929. № 9.*
3. *Воробьев С.В. Социальный портрет коммунистов Урала начала 1920-х гг.: источниковедческое исследование материалов всероссийской переписи членов РКП (б) 1922 г. - Екатеринбург, 2004.*
4. *ГАСО. Ф. р-717. Оп.1. Д.176.*
5. *ГАСО. Ф р-17. Оп.1. Д.804.*
6. *Гомельская С.З. Из истории Свердловской областной универсальной научной библиотеки имени В.Г.Белинского (1917-1931 гг.). Екатеринбург, 1999.*
7. *Десятидневник книги в Челябинске// Красный библиотекарь. 1925. № 2-3.*
8. *Духовный лик студенчества// Студент – пролетарий. – 1924. № 6-7.*
9. *Из работы книгонош на Челябинском транспорте// Челябинский красный библиотекарь. 1925. №. 1-2.*
10. *Как читается книга// Челябинский красный библиотекарь. 1925. № 2-3.*
11. *Котельников А. Год работы городских библиотек// Уральский учитель. 1926. № 1.*
12. *Лебина Н.Б. Рабочая молодежь Ленинграда: труд и социальный облик. 1921-1925 гг. Л.: Наука, 1982.*

13. *Миненко Н.А., Апкаримова Е.Ю., Голикова С.В. Повседневная жизнь уральского города в XVIII- начале XX века. М.: Наука, 2006.*
14. *На Урале// Красный библиотекарь. 1925. № 11.*
15. *Постников С.П. Фельдман М.А. Социокультурный облик промышленных рабочих Урала (1900-1941 гг.). Екатеринбург, 2006.*
16. *Рябухина В.И. Коль читальня заведется, темноте придет конец// Первые Чупинские чтения. Екатеринбург, 2000.*
17. *Уральский статистический ежегодник. 1923-1924 гг. Серия I. Т. II.*
18. *Уральский учитель. 1925. № 9-10.*

Л.А. Комогорова
Курганский государственный университет,
г. Курган

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РАБОТНИКОВ И РАБОТОДАТЕЛЕЙ В ПЕРИОД НЭПА (НА ПРИМЕРЕ ЗАУРАЛЬЯ)

В настоящее время проблема взаимоотношений работников и работодателей становится очень острой. Каждый день в средствах массовой информации сообщается о нарушениях трудового законодательства. Более того, с развитием рыночных отношений актуальным остается вопрос о характере отношений наемного работника и нанимателя. Аналогию с современностью можно проследить, обратившись к периоду новой экономической политики.

Трудовые отношения в первые годы НЭПа были слабо контролируемы и проводились в жизнь в ответ на кризисные ситуации, которые возникали в это противоречивое время. Проблема и основное их противоречие состояло в том, что капитализм только допускался на определенных условиях революционным правительством. Практика ставила перед ним одни задачи, а идеология диктовала совсем другие.

Самый яркий пример – отношения кулака и батрака. Документы второй половины 1920-х годов свидетельствуют, что не вся беднота призывала власть усилить нажим на кулака, напротив, считала это ударом по батраку. Объясняется это тем, что работать было выгоднее у кулака, чем в коммуне, или заняться предпринимательством. О том, что нэпманы были поставлены в жесткие рамки закона, не говорилось ни слова. Кулаки, в связи с политикой государства, вынуждены были увольнять батраков, и те оставались без средств к существованию. По данным А.К. Соколова, большинство сибирских предпринимателей при желании можно было подвести под 133 статью Уголовного Кодекса РСФСР о нарушениях трудового законодательства, которая в отдельных случаях предусматривала лишение свободы сроком на один год или штраф в 10.000 рублей. Власти периодически устраивали показательные суды над эксплуататорами (1). Нарушения закона были вынужденные, т.к. после всех выплат предприниматель оставался без прибыли или вообще в убытке. Зачастую в погоне за прибылью предприниматели переходили рамки дозволенного.

Например, граждане обратились к инспектору охраны труда с просьбой рассмотреть условия проживания и работы двенадцатилетней сироты. По их данным девочка выполняла непосильную работу (чистила уборную, помойную яму) и испытывала побои. За работу получала всего два рубля (средняя зарплата домработниц – 5 руб.) в месяц, без спецодежды, нянчила детей в ночное

время. Еще одна жалоба на владельца кондитерской мастерской Койфмана. Он заставлял учеников работать сверхурочно и не платил им. Койфман объяснил это тем, что «в течение дня работа происходит с большими перерывами и дети большую часть дня «балуются», а не работают, как, например, у Пономарева или у инвалидов». Из-за невыплаты сверхурочных была жалоба и на владельца колбасной мастерской Григорьева (2).

Инспектора докладывают, что «часто владельцы мастерских при осмотре прячут рабочих и выявить случаи неоплаты сверхурочных очень трудно». В постановлении старшего инспектора труда о привлечении к уголовной ответственности лиц, нарушивших трудовое законодательство, указаны следующие основные виды преступлений:

- 1) найм батрака без трудового договора, расчетной книжки;
- 2) задержка выплаты зарплаты, а при увольнении вообще отказ в выплате; уровень зарплаты ниже установленного;
- 3) работа сверх положенного времени;
- 4) грубое и плохое обращение (побои);
- 5) открытие мастерской без санкции Инспекции труда и органов Санитарно-промышленного надзора;
- 6) невыплата взносов в кассу социального страхования;
- 7) нанимает малолетних без разрешения инспекции труда (3).

Но все же, в большинстве случаев условия работы на частных предприятиях были лучше, чем на государственных (высокий уровень зарплаты и продолжительный отпуск), но и требования предъявлялись соответствующие. В связи с этим труд на частных предприятиях был замотивирован, и работники ответственно выполняли свои обязанности. Тем не менее, из анализа документов следует, что санитарно-техническое состояние заведений частной промышленности значительно отставало от уровня государственной: неотапливаемые, неосвещенные помещения; отсутствие горячей воды, мыла, спецодежды и т.п. Хотя эти жалобы раздавались в 1922-1924 гг., позднее эти недостатки были ликвидированы (4).

Предприниматели радели за свое дело. Поэтому они сами работали много и не давали ослаблений подчиненным. Работали столько, сколько этого требовали интересы дела. Например, комиссия охраны обследовала кондитерскую фабрику частного предпринимателя Пономарева Александра Дмитриевича и привлекла владельца к уголовной ответственности за нарушение кодекса законов о труде: рабочие трудятся 9 ч., а сверхурочные не выплачиваются. Пономарев в объяснительном заявлении написал, что «объем карамели рассчитать нельзя и рабочие, чтобы сырье не пропало, доделали работу до конца и задержались на 20 минут» (5).

На селе понятие «рабочий день» вообще отсутствовал, т.к. погодные условия, сроки посадки и уборки урожая были ограничены. Надо было за короткий промежуток времени успеть сделать очень многое. В связи с этим, составлять договор, принимать на постоянную работу было невыгодно для крестьян. Наиболее распространеными формами найма и отпуска рабочей силы на селе являлись поденная, сроковая и сдельная. Причем наибольшее значение поденная форма найма имела в середняцко-бедняцких группах хозяйств, а сроковая - зажиточных. Хотя в последней группе большой удельный вес имеют и поденный и сдельный наем рабочей силы, которые по своим размерам во многих хозяйствах превосходят сроковый наем (6).

Первая группа идущих работать по найму в чужих хозяйствах делает это с целью поднять на ноги свое захи-

решнее хозяйство, не имеющее живого и мертвого инвентаря. Типичный договор: «Симичев Иван Гаврилович 29 лет, крестьянин деревни Поповой. Нанялся к крестьянину той же деревни на срок с 1-го мая по 1-е декабря. За семимесячную работу хозяин должен ему заплатить 1 десятину пшеницы с любого края, вывезти ее и измолоть. Симичев обрабатывает свою пашню хозяйским инвентарем и скотом, две десятины. Семена хозяйские на 1/5 десятины пшеницей и 1/2 дес. овса вывозить и измолоть за счет хозяев. Хозяин обязан Симичеву сшить сапоги, стоимостью не менее 8-9 руб. и жене Симичева сшить две ситцевые юбки и 2 кофты. Харчи за время работы хозяйские» (7).

Вторая группа батраков - совсем не имеющие своего хозяйства. У таких работников договора менее сложные. Например, «39-летний бобыль Окунев Ефим, крестьянин с. Бродсколмак с своего хозяина Панкова за каждый месяц берет по 15 пуд. пшеницы, на хозяйских харчах» (8).

Третья группа, самая незащищенная, - это подростки и малолетние дети. С ними заключается самое большее количество незаконных договоров при посредничестве Союза. Батрачком заключал эти договора с общей санкцией райкома РКП, который допустил их с целью дать возможность детям деревенской бедноты найти себе кусок хлеба, т.к. у многих положение было весьма затруднительное. Насколько же дети эксплуатировались, не всегда удавалось знать наверняка. Но то, что они работали «от утренних до вечерних петухов по хозяйству» без договора, без установленной платы - это подтверждают многочисленные документы. Более того, работа у кулаков для детей-подростков, а особенно сирот, была единственным средством спасения от голодной смерти и нищеты. Чаще всего, подростки работали за следующую плату: «Карпинов за шестимесячный срок с своего хозяина крестьянина с. Бродсколмак получает: ежемесячно по 6 пуд. пшеницы, сшитых две ситцевые рубахи и двое холщевых кальсон; харчи хозяйские» (9).

Нарушение Кодекса законов о труде являлось заключение договоров на подростков обоего пола, не достигших шестнадцатилетнего возраста. Вот образцы договоров на малолеток: «Усольцев Николай 14 лет за срок с 1-27 ноября - хозяин обязан посеять на землю Усольцева осьменник пшеницы (обработка и семена хозяйские), выжать, вывезти и измолотить 1/2 десятины ржи имеющейся у Усольцева и помочь достройке избы: подвести лес и покрыть крышу дерном, сшить сапоги, верхнюю рубашку и штаны»; «Старикова Татьяна 12 лет, нянька, нанялась на срок с 1-го мая по первое декабря за 3 пуда пшеницы, одну юбку верхнюю ситцевую и одну кофту такую же»; «Власова Екатерина 9 лет за срок с 14 июня по 27 октября получит ситцевую юбку» (10).

Таким образом, самый крупный недостаток работы батрачка - составление договоров, за малым исключением, кабального характера, особенно незаконных договоров на подростков до 14 лет, которые через Союз легализовались, хотя малолетние по закону не могли допускаться к работе по найму. Согласно закону, кустарь получал льготы, если примет на работу подростка. Трудовая инспекция часто заставляла принимать на работу подростков-беспризорников. Безусловно, власть искала способы прокормить сирот. Реальность же была такова, что кустарям не выгодно было нанимать на работу малолетних. Из доклада инспектора Охраны труда и представителя Окрфо на совещании кустарей следует, что «... для них очень трудно содержать двух подростков, т.к. таковые 6 месяцев никакой пользы для кустаря не приносят, а так же подростки работают по 6 часов, а кустарь - 8, т.ч. ему приходится работать одному. ... работа для подростка 15-16 лет тяжела» (11). Кулаки вообще старались

выдать малолетних работников за своих родственников, чтобы избежать повышенного внимания властей и уплаты налогов.

Также наблюдался плохой учет и отсутствие среди батраков политпросветительной работы. Это приводило к тому, что организация батрачества в профсоюзы и договорная компания с работодателями проводилась неумело и бестолково. Инструктора сами не знали, как правильно надо инструктировать наемных работников и нанимателей. После первых собраний батраков наниматели начали их увольнять. Кулаки боялись, что Союз установит регламентированный рабочий день и назначит за их труд очень высокую плату. После того, как хозяевам разъяснили значение заключения договоров, они взяли обратно уволенных и поняли, что Союз уже для них не так страшен, как полагали (12).

Однако, нэпманы, за редким исключением, не были теми бездушными эксплуататорами, какими их стремилась представить советская пропаганда. Забота о рабочих считалась одним из условий успешной предпринимательской деятельности. Документы подтверждают, что некоторые сознательно работали в убыток, чтобы сохранить рабочие места и не дать умереть с голоду рабочим. В письме крестьянина Скрипова М.А. сказано, что «одну десятину отдал батраку и сорок соток ему же прибавил к жалованью за его старание по хозяйству». Подобное поведение было не такой уж редкостью и выгодно прежде всего самим же нанимателям, т.к. повышалась производительность труда и ответственность (13).

Таким образом, взаимоотношения нанимателей и работников носили двойственный характер. С одной стороны наблюдается сильная эксплуатация, с другой же — забота и ответственность за подчиненного. Документы подтверждают, что в основной своей массе отношения были бесконфликтные, хотя нэпманы и нарушали Трудовой кодекс. После анализа документов становится ясно, что рабочие предпочитали трудиться на частных предприятиях или работать у кулака, т.к. было больше порядка, выше зарплата и лучшие условия работы. Инспекция Охраны труда и батрачкомы тщательно следили за тем, чтобы участники трудовых отношений добросовестно выполняли свои обязанности и не нарушали закон.

Список литературы

1. Соколов А.К. Советская политика в области мотивации и стимулирования труда (1917-середина 1930-х годов) // *Экономическая история. Обзорение / Под ред. Л.И. Бродкина. Вып. 4. М., 2000.*
2. ГАКО. ф.р-460, оп. 1, д.150, л.10-11.
3. ГАКО. ф.р-460, оп. 2, д.2, л.18.
4. ГАКО. ф.р-456, оп. 1, д.17, л.23.
5. ГАКО. ф.р-460, оп. 1, д.112, л.6-7.
6. ГАКО, ф.р-13, оп.1, д.36, лл. 125-146.
7. ОГАЧО, ф.р-75, оп.1, д.57, л.68.
8. ОГАЧО, ф.р-75, оп.1, д.57, л.69.
9. ОГАЧО, ф.р-75, оп.1, д.57, л.69.
10. ОГАЧО, ф.р-75, оп.1, д.57, л.70.
11. ГАКО, ф.р-460, оп.1, д.142, л.5.
12. ОГАЧО, ф.р-75, оп.1, д.57, л.71; ф.р-75, оп.1, д.46, л.109.
13. ОГАЧО, ф.р-75, оп.1, д.57; ф.р-98, оп.1, д.1286, л.15.

ПРОБЛЕМА БЕСПРИЗОРНОСТИ КАК СОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ В 20 – 40-Е ГГ. (НА ПРИМЕРЕ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Наличие массовой детской беспризорности в России — один из ярких показателей системного кризиса, охватившего страну, не способную достойно позаботиться о своем будущем. В настоящее время в стране наблюдается рост детской беспризорности и безнадзорности, различных проявлений жестокости со стороны взрослых по отношению к детям, их экономическая и сексуальная эксплуатация. Идет активный процесс вовлечения детей в криминальный бизнес и преступную деятельность.

Распространение беспризорности содержит в себе очевидную угрозу нормальному развитию государства, поскольку способствует росту преступности, наркомании, увеличению количества заболеваний, снижает производительность труда, подрывает нравственные устои общества. Беспризорность и безнадзорность детей является угрозой будущему России, так как перспективы развития государства непосредственно зависят от физического здоровья, нравственного воспитания и образования подрастающего поколения.

Сегодня в России ни одно ведомство не имеет точных данных о количестве беспризорных. Характерно, что на сегодняшний день не ведется государственной статистики о количестве беспризорных детей. По разным подсчетам, количество беспризорников составляет от 2 до 5 млн человек (7,3). На современном этапе приходится констатировать отсутствие со стороны государства эффективных мер для решения проблем беспризорности. В двух тысячах государственных детских домов и ста пятидесяти школах-интернатах находятся 94 000 детей (8,57). Однако даже в отношении этих детей Россия не способна обеспечить реализацию ими конституционных прав на жизнь, охрану здоровья, образование, вырастить их полноценными и полноправными гражданами общества.

Сопоставимые проблемы СССР имел в годы Гражданской и Великой Отечественной войн, когда значительное количество детей стали беспризорными. В тот период государство приложило необходимые усилия для успешного решения этой проблемы путем создания системы детских домов, из которых выходили социально зрелые воспитанники, способные к социально полезной и активной жизни, к созданию полноценной семьи. Сегодня опыт периода войны по решению проблем беспризорности силами детских домов актуален как никогда. Поэтому создание продуктивной системы работы с беспризорниками невозможно без учета уникального исторического опыта ликвидации детской беспризорности в 1920 – 40-е гг.

Число беспризорных детей резко увеличилось после Первой мировой и Гражданской войн. По одним данным, в 1921 году в России насчитывалось 4,5 млн беспризорников, по другим — в 1922 году было 7 млн беспризорников (6,289).

Революция, гражданская война, голод и эпидемии оставили на улице тысячи сирот, чьи родители погибли или пропали в необъятной стране.

С началом и продолжением прихода Советской власти список сирот дополнялся детьми раскулаченных, экспроприированных и расстрелянных при этом крестьян,

жертв восстаний в Тамбовской губернии и в казачьих станицах. Затем годы засух и неурожаев привели к страшному голоду в Сибири и Поволжье, и тысячи детей кинулись искать спасения в городах или в более хлебных губерниях.

Со временем среди беспризорников становилось все больше тех, кто ушел из дома сам, потому что в семье, потерявшей кормильца, или в семье безработного нечего было есть. Уходили старшие, давая возможность выжить младшим, или на поиски заработков. Также бежали от плохого обращения, побоев, пьянства и т.д. Так к круглым сиротам добавились тысячи наполовину беспризорных детей.

Проблема беспризорности не осталась без внимания правительства, решение ее было объявлено политической задачей. Уже в 1919 году был образован Государственный совет защиты детей, через 2 года была создана Комиссия по улучшению жизни детей - «Деткомиссия ВЦИК». Решением проблемы занимались и другие организации - Народный комиссариат просвещения РСФСР, социальные инспекции на местах, «Фонд имени В. И. Ленина для оказания помощи беспризорным детям». В 1926 году приняты Положение о мероприятиях по борьбе с детской беспризорностью в РСФСР и Постановление ЦИК и СНК СССР «О мероприятиях по борьбе с детской беспризорностью». Содействие оказывали профсоюзы, комсомол, партийные организации. Милиция, ГПУ и уголовный розыск вели учёт беспризорников. При местных органах образования были созданы отделы социально-правовой охраны несовершеннолетних (СПОН) (9,134).

Параллельно организовывались различные реабилитационно-воспитательные учреждения для детей, оставшихся без попечения родителей. К ним относились: детские дома (дошкольные, школьные, подростковые), детские городки, общежития, приемники, изоляторы, ночлежки. Ежегодно количество детских домов увеличивалось, так, например, на Урале в 1920-1921 гг. насчитывалось 325 детских домов, где содержалось 11676 детей, в 1921-1922 гг. их было уже 584 (рост составил 60%) с 30429 детьми (160%) (10,18). К середине 1920-х гг., благодаря усилиям, предпринятым на местах, ликвидации последствий голода, некоторому улучшению общей экономической ситуации, сеть детских домов начинает постепенно уменьшаться, в 1922-1923 гг. на 14% (число детей на 11%), а в 1923-1924 гг. уже на 33% (число детей на 26%), по сравнению с 1921-1922 гг. В Уральской области количество детских домов и детей в них с 1925 г. по 1928 г. сократилось на 26 % (10,20).

В результате всех вышеперечисленных мероприятий число уличных беспризорных значительно снизилось, по 14 округам Уральской области в 1924-1925 гг. уличных детей было около 10 тыс. (2,794), в 1926-1927 гг. примерно 2250, в 1927-1928 гг. - 1186 человек, а к 1928-1929 гг. их оставалось - 3276. Таким образом, число беспризорных (уличных) детей сократилось в 30 раз (4,156).

Беспризорность 1930-х гг. - это вторая волна, порожденная новым строем, результат социально-экономических и политических преобразований конца 1920 - 1930-х годов. Анализ архивных документов позволяет выделить главные причины этого социального явления. В первых, это процессы коллективизации и индустриализации, сопровождавшиеся насильственными переселениями, раскулачиванием крестьянства; во-вторых, это массовые политические репрессии, охвативший сельские территории Урала; в-третьих, это голод 1932 - 1933, 1936 - 1937 гг. (5,8). В итоге огромная масса детей оказалась на улице. В нищете советской жизни, в многотысячных масштабах социальной беспризорности они стали общественным бедствием, они боролись за жизнь един-

ственным способом - воровством. Беспризорность стала настоящим бичом советского общества в 1930-е гг., она закладывала питательную среду для роста детской, а в перспективе - взрослой преступности.

С начала 1930-х гг. акценты государственной политики в отношении детей, детства, детских правонарушений начинают изменяться. Если в первое десятилетие советской власти причины детской преступности связывались с беспризорностью, то уже в 1930-е гг. в качестве основной причины, определявшей правонарушения несовершеннолетних, провозглашалась безнадзорность. Первая реакция властей состояла в принятии 29 января 1933 г. постановления СНК РСФСР «О мерах борьбы с детской безнадзорностью и ликвидации уличной беспризорности детей», одним из решений которого была организация в ряде мест специальных детских учреждений, а также постановления ВЦИК и СНК РСФСР 10 ноября 1934 г. «О порядке устройства детей улиц, находящихся под стражей или отбывающих исправительно-трудовые работы», по которому несовершеннолетние дети должны помещаться в детские учреждения или устанавливаться над ними опека. За это время число воспитанников детских домов резко возросло, достаточно отметить, что на территории Свердловской области (в административных границах 1934 г.) число детских домов только за 1932 - 1933 годы увеличилось с 116 до 150 (рост на 29,3%), а количество детей в них выросло с 13,2 тыс. до 24,6 тыс. (рост на 86,7%). То есть за два года произошло резкое увеличение количества детских домов для беспризорных детей (5,13).

Итак, к концу 1934 г. на территории вновь образованной Свердловской области насчитывалось 15,8 тыс. детей спецпереселенцев. Из них в детских домах были лишь 9 тыс. человек (3,38).

Анализ отчетов о работе детской комнаты по борьбе с беспризорностью и безнадзорностью по городу Свердловску за 1936 г. показывает, что за год с улиц областного центра было изъято 4116 человек, из них 28,1% были переправлены родителям, а 71,9% - направлены в детские дома и приемник НКВД. С 1 августа 1937 г. по 1 мая 1938 г. через детские комнаты по г. Свердловску прошло 3781, из них беспризорных 1829 (48,9%) и безнадзорных 1862 (51,6%) ребенка. За 8 месяцев 1939 г. в городе было изъято с улиц 825 детей, из них беспризорники составляли 31,3% (5,34). Таким образом, во второй половине 1930-х годов беспризорность на Урале продолжала оставаться нерешенной проблемой.

С началом Великой Отечественной войны вновь начался рост количества безнадзорных и беспризорных детей, выросла детская преступность. Были приняты постановления СНК СССР «Об устройстве детей, оставшихся без родителей» от 23 января 1942 года и «Об усилении мер борьбы с детской беспризорностью, безнадзорностью и хулиганством» от 15 июня 1943 года. Постановления регламентировали меры по решению проблемы беспризорности. На органы НКВД возлагались обязанности по открытию детских колоний для содержания в них несовершеннолетних преступников (в возрасте от 11 до 16 лет). К концу 1943 года число подростков в этих колониях достигло 50 тыс. человек. С 1940 по 1944 годы число детских домов в Свердловской области увеличилось с 22 до 57, а количество детей выросло с 5676 до 9858. Но уже в 1945 году детских домов становится меньше - 38, уменьшается и число детей - 3758 (1, л. 1,2,16,62).

Таким образом, хроника борьбы с беспризорностью в 20 - 40-е годы показывает, что Россию волновала проблема беспризорности детей. Создавались различные общества, которые занимались организацией ночлежек, приютов, рабочих мастерских, летних лагерей отдыха и

детских площадок для беспризорников. Органы СПОН – социально-правовой охраны несовершеннолетних - занималась профилактикой новой беспризорности, проводилась кампания по усыновлению детей, разгрузка детских домов и т. д. Всё это способствовало снижению беспризорности детей.

Опираясь на опыт исследуемого периода, можно сделать вывод, что для повышения действенности учреждений социальной защиты детей в современной России необходимы принятие и реализация государственных мер по правовой охране несовершеннолетних, разработка четких профилактических мероприятий, необходимы комплексные усилия общества и государства.

Список литературы

1. ГАСО. Ф. р-233. Оп. 1. Д. 514. Л. 1, 2, 16, 62.
2. ГАСО. Ф. Р-233. Оп. 1. Д. 127. Л. 794
3. ГАСО. Ф. р-321. Оп. 1. Д. 23. Л. 38.
4. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 401. Л. 156.
5. *Беспризорность на Урале в 1929 – 1941 гг.: Сборник документов и материалов / Составители Г.Е. Корнилов, И.А. Лаврова. Екатеринбург, 2009 (в печати).*
6. *Криминология / Под ред. В. П. Гуляева М., 1997.*
7. Лиханов А. Требуется Дзержинский // *Российская Федерация сегодня. 2001. № 7.*
8. Нечаева А.М. *Детская беспризорность - опасное социальное явление // Государство и право. № 6. 2001.*
9. Рожков А. Ю. *Борьба с беспризорностью в первое советское десятилетие // Вопросы истории, 2000. № 11.*
10. Сажина Н.С. *Деятельность государства и общественных организаций по ликвидации детской беспризорности в 1921-1928 гг. (на материалах Урала): Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Екатеринбург, 2003.*

О.В. Кузнецова

Оренбургская государственная медицинская академия, г. Оренбург

РОЛЬ ДОСУГА В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ЦЕЛИННИКОВ (1954-1965 ГГ.)

Досуг в системе повседневной истории нередко выделяют в отдельное направление изучения. Под досугом мы понимаем, «время, которое остается у человека после выполнения всех необходимых для него как члена общества, производственного коллектива, семьи функций и которое он тратит всецело по своему выбору и усмотрению» (16,6). Внутри досуга выделяют организованные и неорганизованные виды. Особенность целинного досуга – это приоритет стихийности над организованностью.

Организаторами культурно-массовых мероприятий на целине становились клубы и библиотеки. В градации общественных учреждений клуб относится к разряду культурно-просветительных учреждений, в задачи которого входила организация различных видов творческой деятельности и стимуляция их развития у населения в воспитательных целях. (10,19).

Клуб становится центром досуга на целине не сразу. Часто под клубы отдавались большие помещения, например, зерносклад, где была возможность многолюдного собрания. Клубу как культурно-просветительному учреждению для организации творческой деятельности требовалось создание коллектива художественной самодеятельности. В целом такая задача по пяти основным целинным районам уже к концу 1955 года была выполнена. Из докладной начальнику главного управления культурно-просветительных учреждений министерства культуры РСФСР от 1.09.1955 г.: «В колхозах и совхозах

работают 256 кружков художественной самодеятельности, в которых участвуют 3 тысячи человек. Создано 93 новых хоровых кружков, в которых объединено 1,5 тысячи участников, 96 драмколлективов, в которых активно работают 1000 человек; 27 музыкальных, объединяющих 285 музыкантов, и 37 хореографических кружков, в которых объединено более 300 танцоров» (4,76). Но ситуация организации клубов в целинных совхозах сложилась несколько иная. Представленная картина в основном отражает положение в колхозах, осваивавших целину и обслуживающих новоселов МТС, в то время как в целинных совхозах строительство клубов в приспособленных помещениях только начиналось. Так, в Адамовском районе клубы построили только в 60% совхозов. В Домбаровском, Кваркенском и Тепловском районах наблюдается тенденция перекрытия числа совхозов количеством клубов примерно на 13%, что свидетельствует о создании клубов не только на центральных усадьбах, но и на отделениях. Это объяснялось тем, что в Адамовском районе все совхозы создавались вновь. В других районах многие из совхозов, которым предстояло осваивать целину, были созданы раньше и соответственно уже имели сеть культпросветучреждений (4,129).

В уже созданных и давно действующих совхозах при наличии сети клубов появилась другая проблема: обветшание и узкий выбор наглядной агитации, плохая организация культурно-массовой работы. Так, нередко вся работа сельского клуба в первые годы сводилась к демонстрации кинофильма и организации танцевальных вечеров (2; 59). Остро стояла проблема затягивания строительства клубов, плохого содержания уже построенных. Из писем в редакцию районных газет видно, что, например, «в совхозе им. Кирова есть клуб, но он совершенно не подготовлен к зиме, помещение его имеет неприглядный вид, не побелено, во многих местах штукатурка обвалилась, окна и двери не утеплены... в клубе неуютно и холодно, и молодежь предпочитает проводить свободное время где угодно, только не в своем «очаге культуры» (14).

К 1960 г. происходит некоторое расширение сети клубных учреждений по новым целинным совхозам. Теперь в каждом совхозе был свой клуб, но по-прежнему только на центральной усадьбе. А значит, на отделениях досуг целинников крайне беден и остается на уровне стихийной самоорганизации. 2 клуба было только в совхозе «Комсомольском» Адамовского района - единственный пример из 11 исследованных совхозов. Количество мест в клубах колеблется между 120 и 200. В 36% случаев количество мест составляет 120-138, в 45% - 150-184 места, и только в совхозах «Таналыкском» и «Комсомольском» клубы вмещали в себя 200-250 мест. Отметим, что такое количество мест в клубах не могло вполне обеспечить потребности новоселов, так как рабочих в совхозах было в 2-3 раза больше без учета детей и стариков. В более чем 50% клубов - не более 3 кружков художественной самодеятельности, число участников которых менялось в зависимости от активности самих целинников и составляло на исследуемый год в среднем на один кружок по 13-14 человек (1,13).

Но основная проблема большинства совхозных клубов - отсутствие оркестров народных или духовых инструментов, недостаток хоровых и танцевальных кружков, нехватка инвентаря (стульев, музыкальных инструментов, настольных игр) (3,17). Такой дефицит нередко вынуждал даже имеющиеся клубы не использовать по назначению, например, их засыпали зерном или использовали под склад (9).

Названная ситуация остается актуальной и к 1965 году, когда, по свидетельству инструкторов райкомов и

обкома, продолжают сохраняться недостатки в содержании работы учреждений культуры: «мало проводится интересных тематических вечеров, читательских конференций, устных журналов, встреч передовиков производства, слабо развита художественная самодеятельность». Сохраняется проблема в совхозах, где на многих отделениях нет клубов и библиотек, а имеющиеся содержатся в «ветхих деревянных или саманных зданиях» (2, 59-60).

Но такая ситуация складывается не во всех целинных совхозах. Так, к 1965 г. клуб совхоза «Новоорский» Ново-Орского района вместе со школьниками проводит регулярные туристические походы, стало обычным проведение тематических вечеров в клубах «Домбаровского» совхоза Домбаровского района и «Мансуровского» совхоза Тепловского района (17; 1, 88). Передовыми в организации и проведении концертов художественной самодеятельности были клубы «Комсомольского», «Тобольского», «Озерного», «Каинды-Кумакского», «Адамовского» совхозов Адамовского района, им. Кирова Кваркенского района, «Караванного» Чкаловского района, которые обслуживали не только центральную усадьбу, но полевые станы во время полевых работ (17, 3).

При факте увеличения численных показателей культурной организации досуга качество оставалось прежним. Так, из справки от 17 ноября 1960 г. инструктора управления культуры Оренбургского облисполкома видно, что работа с населением стала более разнообразна. Все больше проводится читательских конференций, устных журналов, вечеров вопросов и ответов, громких читок и др. Но сама культурно-просветительная работа не всегда связывается с жизнью. Например, «в совхозе "Восточный" Адамовского района читают лекцию "Воспитание культурных привычек и навыков", а в столовой грязь и паутина, нет мусоросборника» (4, 129).

Многие рабочие сами старались выйти из положения в условиях плохо организованного досуга. По свидетельству целинников, танцы устраивали прямо на полевых станах в первый год освоения, на пыльных площадках целинной земли под обычную гармошку (8).

Часто, при полном отсутствии организации досуга просто пели песни. Песня - одна из самых важных составляющих досуга на целине. Песни можно было услышать везде: вечерами из палаток новоселов (11, 99), в перерывах между работой, в том числе и в кругу мужчин, для поднятия настроения. Один из первоцелинников приводит такой пример: «Иногда случалось, что целыми днями шли дожди, в такие дни и продукты не всегда удавалось подвезти, и с горячим были перебои, ну и понятно – настроение не из веселых. Сидят ребята злые, голодные, да ещё кто-нибудь затянет грустную песню. В моде тогда были «Журавли», завез их кто-то на целину, и пошли гулять они из совхоза в совхоз... Но стоило появиться Федору, (местный заводила), как все менялось...» И уже слышались не заунывные «Журавли», а веселая целинная песня, так часто распеваемая новоселами: «Вьется дорога длинная, здравствуй земля целинная! Здравствуй простор широкий, весну и молодость встречай свою...» (15, 130).

Свободное время старались проводить в кругу друзей. Так, целинница Е. Орлова свидетельствует: «Было у нас 20 молодых семей, мы и дружили. Эх, как расстелем, бывало, клеенку на траву, закуску немудреную натащим, и давай песни петь и плясать. Спиртного тогда не было, мы умели веселиться оттого, что были молоды, что дело в руках спорилось» (12; 95).

Даже высокая концентрация работы не давала молодежи забывать о дружеских розыгрышах и шутках. Об одной из таких вспоминает первоцелинница Р.Д. Смолый: «Однажды я поздно-поздно легла спать, было комсомольское собрание, потом надо было на завтрак все

приготовить, и свалилась на раскладушке прямо под открытым небом. Крепко уснула. Ребята перенесли меня на раскладушке на озеро и поставили на маленький островок. Утречком, пораньше, будят меня: «Рая, вставай, пора завтрак готовить!» Я, не раскрывая глаз, села, ноги опустила, а там вода. Как закричу. Я обиделась, но ребята дали мне слово, что больше не будут так шутить.

Вечером после ужина собралась бригада возле кухни, Володя Оприн, гармонист, растянул меха хромки, и пели мы песни чуть не до самого утра» (13, 221).

Из вышесказанного следует, что единственной полноценной возможностью провести свободное время новилась встреча с друзьями: «Собирались, пели песни и плясали. Играли в игры: домино, карты, лото, но не на деньги... Мужчины занимались рыбалкой, охотой» (8).

К 1965 году стало возможным проводить коллективный организованный отдых. Вот, как, например, проходил воскресный день в одном из лучших целинных совхозов «Комсомольский» летом 1965 года: «Многие рабочие посвятили выходной день работе во фруктовом саду совхоза, 12 человек художественной самодеятельности клуба совхоза готовятся к концертам на полевых станах, репетируя все воскресенье. На стадионе «Комсомольского» был устроен футбольный матч и волейбольные соревнования» (7).

Совершенно другая ситуация на тот же год сложилась в с. Ореховка Каинды-Кумакского совхоза Адамовского района. Районная газета по этому поводу пишет: «Здесь кроме отчетно-выборных собраний никаких мероприятий не проводится. Бездействуют в Ореховке комсомольцы. Не думают они о том, чем молодежь занимается после работы... Когда-то в Ореховке был кружок художественной самодеятельности. Участвовали в нем и молодые, и старые, и русские и казахи, теперь здесь культурная жизнь заглохла. Даже в общегититии нет ни шашек, ни радиоприемников» (6).

Таким образом, подводя итоги, отметим, что одну из важнейших составляющих в повседневности целинников играл досуг. Успешность его организации влияла на трудоспособность и качество исполнения работы самими первоцелинниками. Отсутствие стабильного организованных форм досуга заставляло переориентироваться самих первоцелинников и находить выход в неорганизованных стихийных вариантах совместного и индивидуального отдыха, приоритет за которыми сохранялся вплоть до первой половины 1960-х гг.

Список литературы

1. ГАОО. Ф. Р-846. Оп.3. Д.1422.
2. ГАОО. Ф. Р-1003. Оп. 16. Д. 43.
3. ГАОО. Ф. Р-1165. Оп. 16. Д. 93.
4. ГАОО. Ф. Р-2568. Оп.1. Д. 55.
5. ГАОО. Ф. Р-2568. Оп.1. Д. 167.
6. Гайфуллин К. *Побольше чуткости // Ленинское знамя. 1965. - 30 июля.*
7. Голубкина В. *Воскресенье в совхозе «Комсомольском» // Ленинское знамя. 1965. 6 августа.*
8. *Из беседы с Д. М. Фаттаховым от 26.04.2006. Из личного архива автора.*
9. *Красная степь. 1954. 30 сентября.*
10. *Культурно-просветительные учреждения и свободное время трудящихся. Обзорная информация. М., 1978.*
11. *Митрофанова А. На мотоцикле по полям // Планета-целина: сб.ст. / Под ред. В. И. Дубровкиной. Оренбург, 2004.*
12. *Орлова Е. Где же ты, мой сад // Планета-целина: сб. ст. / Под ред. В. И. Дубровкиной. Оренбург, 2004.*
13. *Степная Т. «Дикие гуси закрыли солнце...» // Планета целина: сб. ст. // Под ред. В. И. Дубровкиной. Оренбург, 2004.*
14. *Таранов И. Зима пришла, а клуб не готов // Урал. 1956. 28 ноября.*
15. *Харитонов В. Родная наша земля // Планета-целина:*

сб.ст. / Под ред. В. И. Дубровкиной. Оренбург, 2004.

16. Харчев А. Г. *Быт и семья в социалистическом обществе*. Л., 1968.

17. ЦДНДОО. Ф. 8038. Оп. 1. Д. 1661.

В.Э. Лебедев

Уральский государственный технический университет – УПИ имени первого Президента России Б.Н.Ельцина, г. Екатеринбург

ФЕНОМЕН РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ XX ВЕКА

Историческая динамика России в XX в. определялась действием двух феноменов – революции и социальной модернизации. Ведущей тенденцией российской истории в прошедшем столетии была социальная модернизация, связанная с переходом от традиционного аграрного к современному, индустриальному обществу. Революции являлись причиной или сопутствующими событиями этого перехода. Феномен российской революции обладал рядом характеристик:

1. В отличие от большинства стран мира, и прежде всего европейских, Россия до XX в. не знала революций, но, начавшись, они не прекращались на протяжении всего столетия. Данный период российской истории представлял собой состояние непрерывной, затянувшейся революции (1,24).

К политическим революциям первого и второго десятилетий (1905-1907 гг., февральской и октябрьской 1917 г.) вплотную примыкала гражданская война 1918-1922 гг. как наиболее острая форма социального противостояния в государстве. Эта война, вызванные ею эпидемии и голод унесли, по подсчетам историков, 13-17 млн человек.

Революционной по содержанию была смена форм собственности в конце 1920-х – 1930-е гг., когда экономика и прежде всего ее аграрный сектор перестраивались на коллективистских началах. Коллективизация сельского хозяйства стоила жизни около 10 млн человек.

Продолжением революции был политический террор периода личной власти Сталина, жертвами которого стало более 20 млн человек. В 1960-1970-е гг. массовый террор ушел в прошлое, но преследования по политическим мотивам не прекратились, а приобрели более изощренные формы. В 1967 г. в КГБ СССР было создано пятое управление для борьбы с явным и скрытым инакомыслием. С этого времени психиатрия активно использовалась в качестве одного из методов борьбы с лицами, оппозиционно настроенными по отношению к существовавшему политическому режиму. Инакомыслящие, как правило, получали клеймо «невменяемых». В 1970-е гг. в психоневрологических учреждениях только на официальном учете находилось до 5 тыс. человек, большинству из которых был «поставлен» диагноз «вялотекущая шизофрения без очевидных признаков психических отклонений». Однако, согласно мнению специалистов-медиков, не бывает состояния человека, адекватного такому диагнозу. Тот, кому выносился подобный диагноз, не могли не только выехать за рубеж, даже в братскую, «социалистическую» страну, но и получить возможность пройти санаторно-курортное лечение в пределах СССР. Два раза в год (к 1 мая и 7 ноября) руководители психоневрологических учреждений получали «негласную» установку – принять «превентивные меры», которые на деле оборачивались преследованием инакомыслящих посредством использования методов из области психотерапии.

Революционной по содержанию была и смена форм

собственности в 1990-е гг., когда в ходе приватизации и либеральных реформ резко снизился материальный уровень населения, вследствие чего стала сокращаться рождаемость и расти смертность населения. В 1992 г. были зафиксированы сверхвысокие темпы смертности среди мужского, причем дееспособного населения, что было следствием той стрессовой ситуации, в которой они оказались в связи с социальными пертурбациями. В результате естественной убыли населения, осложнения демографической ситуации Россия за 1991-2002 гг. потеряла около 20 млн человек, из них только Свердловская область – более 300 тыс. человек.

Перманентность российской революции (как писал поэт, «есть у революции начало, нет у революции конца») явилась причиной затратного социально-политического механизма развития страны. В общей численности населения страны за XX в. не досчиталось около 100 млн человек.

2. Во главе российской революции оказались большевики, которые как течение политической мысли и политическое движение возникли в 1903 г. на II съезде РСДРП. Большевики восприняли самую радикальную традицию в российском освободительном движении. Эта традиция восходила к деятельности организаций типа «Народная расправа» 1869 г. во главе с С.Нечаевым, считавшим, что во имя достижения целей революции возможны все средства вплоть до убийства человека, и типа «Народная воля» 1879-1881 гг., настаивавшая на терроре как основном средстве политической борьбы.

Большевизм – неоднозначное явление. Историческая заслуга большевиков заключалась в том, что они вели последовательную борьбу с феодальными пережитками, с господством мелкотоварного производства в мелкоукладной экономике России, которые тормозили модернизационный переход. Их историческая ошибка состояла в борьбе с нарождавшимися буржуазными отношениями и прежде всего в том, что они приняли побочное противоречие эпохи (классовую борьбу) за основное (переход от традиционного к современному обществу) (2, 277).

Одной из особенностей большевизма являлось наличие в нем института вождизма, в котором переплетались элементы восточной и западной исторических культур. Традиция классического Востока нашла отражение в большевистской практике беспрекословного авторитета первого лица в партии и государстве, а Запад практически всегда выступал для вождей большевиков ориентиром развития собственной страны. В итоге большевизм представлял собой форму отторжения не только русского, но и всего российского.

3. Большевики рассматривали национальную революцию в качестве «искры» для разжигания пожара мировой революции.

Идея мировой революции находилась на активном вооружении у большевиков в период между Первой и Второй мировыми войнами. Согласно этой идее, предполагалось создание единого социалистического общества на всей Земле. Подход к ее осуществлению постоянно менялся. В первой половине 1920-х гг. идея мировой революции сводилась к отрицанию идеи государственности и реальных государств, а в механизме ее реализации имелись два звена:

а) большевики делали ставку на концепцию интернационализма, под которым понималась солидарность рабочего класса всех стран в борьбе за общие цели («Пролетарии всех стран, соединяйтесь»). Этому содействовало изменение в расстановке политических сил в мире после Первой мировой войны и, в частности, усиление влияния леворадикального фланга политической жизни

и образование коммунистических партий в странах Европы и Азии. Для объединения всех социалистических сил, идущих за компартиями, по инициативе большевиков были созданы в 1919 г. Коммунистический Интернационал – генеральный штаб мировой революции, Коммунистический Интернационал молодежи, в 1921 г. – Красный Интернационал профсоюзов и другие подобного типа организации. Проявлением действенного интернационализма в эти годы стала реализация большевиками линии на советизацию соседних стран и красную интервенцию. Успешному ее проведению способствовало то, что после Первой мировой войны в странах Запада наблюдался рост революционного и демократического движения (произошли буржуазные революции в Германии и Австрии в 1918 г., была провозглашена советская власть в Венгрии в марте 1919 г. и в Баварии в апреле 1919 г.), а в ряде стран Востока к власти пришли националистически настроенные силы, взявшие курс на сотрудничество с коммунистами в борьбе с великими державами;

б) большевики делали ставку на созданный в 1922 г. Союз Советских Социалистических Республик, который по своему названию не был привязан к какому-нибудь географическому понятию, континенту. СССР не рассматривался ни как евроазиатский, ни как российский (3,21), а воспринимался в качестве плацдарма мировой революции.

Однако с середины 1920-х гг. этот механизм реализации идеи мировой революции стал давать сбои. Прежде всего потому, что буржуазные государства интернационализму большевиков противопоставили концепцию национализма, который неоднозначен. Его негативный аспект состоит в пропаганде превосходства одной нации над другой, а позитивный – в признании справедливости борьбы народов за самоопределение, особенно тех, которые не имеют собственных государств и в борьбе за них обращаются к своим национальным традициям и культуре. Именно этот аспект национализма поставили во главу угла своей геополитики представители мировой буржуазии и достигли при ее осуществлении определенных позитивных результатов, т.к. после Первой мировой войны распались Австро-Венгерская, Османская, Германская империи. Президент США Вудро Вильсон выдвинул знаменитые 14 пунктов, смысл которых заключался в том, чтобы на развалинах крупных империй создать маленькие государства – так называемый план «балканизации» – и использовать национализм как противовес интернационализму. К тому же, с середины 1920-х гг. произошел спад революционного и демократического движения в европейских странах, а национально-освободительное движение в странах Востока было слабым и малоуправляемым.

В результате сторонники мировой революции оказались в тупике. В этих условиях среди большевиков развернулись дискуссии о путях дальнейшего развития собственной страны, в ходе которой обозначились две основные точки зрения по данному вопросу. Председатель Реввоенсовета Республики Троцкий настаивал на том, что СССР – это инструмент для реализации идеи мирового коммунизма. Генеральный секретарь ЦК РКП (б) Сталин проводил линию на то, что идея мирового коммунизма должна быть подчинена решению задачи по укреплению одной страны – СССР (4, 238-239). Его позиция одержала победу и была проведена в жизнь крайне авторитарными методами («большой террор»), однако она отвечала национальным интересам. Смысл позиции Сталина состоял в том, что не стоит рассчитывать на мировую революцию, необходимо строить социализм в одной стране, опираясь на собственные силы, используя весь исторический потенциал, все, что было позитивного в

истории, в частности, русский патриотизм. В итоге с середины 1930-х гг. имела место мутация большевизма (западничества) в национал-большевизм (марксизм, деформированный русским духом), то есть коммунистическая идея слилась с национальной (5, 464). До 1934 г. большевистское руководство не принимало буржуазных делегаций, только рабочие. Лишь в сентябре 1934 г. СССР вступил в Лигу наций, а прежде не признавал ее, определяя как буржуазное образование. Именно с 1934 г. стали восстанавливать исторические факультеты, заниматься гражданской историей, чтобы изучать внутренние потенции русского народа. Окончательно это проявляется в начале Великой Отечественной войны (6, 164-165). В годы Второй мировой войны идеология противостояния уступила место военно-политическому сотрудничеству, что сыграло важную роль в деле борьбы с фашизмом. Идея мировой революции угасала (в 1943 г. был распущен Коммунистический Интернационал).

Идея мирового коммунизма была реанимирована после Второй мировой войны, когда изменилось международное положение СССР, который в связи с ее победоносным окончанием стал играть роль одного из признанных лидеров мирового сообщества и в ряде стран Европы и Азии были установлены коммунистические режимы. Реакцией буржуазных правительств Запада на это стало их обращение к идее «холодной войны», обращенной на сдерживание социализма и отбрасывание его к довоенным границам. В рамках реализации данной идеи уже в 1982 г. при президенте США Р. Рейгане директором ЦРУ У.Кейси была разработана программа развала СССР, принятая на вооружение американской администрацией. Ее цель заключалась в навязывании Советскому Союзу высоких темпов гонки вооружений для срыва его экономических программ и, в конечном итоге, для инициирования недовольства советского народа социально-политическим режимом в стране. Как в результате реализации данной программы, так и в силу других причин СССР в 1991 г. прекратил свое существование. Распад СССР означал конец «холодной войны», а значит, и крах идеи мировой революции.

Таким образом, обращение к феномену российской революции XX в. показывает, что революции только представляются точками на оси истории. На деле историческое время между началом и концом революций необычайно по интенсивности и неопределенно по длительности. Причина перманентного характера российской революции была связана с мировым модернизационным переходом. Завершение этого перехода остается актуальной задачей и для современной России, ибо почти столетняя российская революция не решила до конца всех проблем модернизационного перехода.

Список литературы

1. Эткин А. *Столетняя революция: юбилей начала или начало конца // Отечественные записки. 2004. № 5.*
2. Алексеев В.В. *Общественный потенциал истории. Екатеринбург, 2004.*
3. Сироткин В. *Революция в сознании // Век XX и мир. 1988. № 7.*
4. Нарочницкая Н. А. *Россия и русские в мировой истории. М., 2003.*
5. Назаров Н. *Смысл истории // Шубарт В. Европа и душа Востока. М., 2003.*
6. Шафаревич И. П. *Русский народ в битве цивилизаций. М., 2003.*

Н.В. Лидер
Танковый инженерный институт, г. Омск

ПОВЫШЕНИЕ УРОВНЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ПО ВОПРОСАМ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ КУРСАНТОВ В ВОЕННО-УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (1967-1985 ГГ.)

Подготовка военного специалиста – многогранный процесс, который включает в себя наряду с общенаучной, специальной, инженерной и общевойсковой подготовкой формирование качеств офицера-патриота, принимающего на себя личную ответственность за выполнение поставленных задач. Патриотическое воспитание курсантов осуществляется в ходе всей жизни и деятельности военно-учебных заведений (на учебных занятиях, в процессе службы, а также путем проведения ряда специальных мероприятий во внеучебное время).

Но во многом эффективность, результативность патриотического, военно-патриотического воспитания обучаемых зависит от личности преподавателя, от его профессиональной подготовленности. То есть, чтобы пробудить в курсантах истинный патриотизм, любовь к своей профессии он сам должен быть не только убежденным и искренним патриотом, но и профессионалом своего дела, чтобы убедительно показывать будущим офицерам истинные достоинства Родины.

В советский период понятие «патриотизм» было сильно идеологизировано. Из нравственной категории патриотизм был искусственно переведен в категорию политическую, классовую и даже экономическую. Это придавало особую значимость процессу патриотического воспитания будущих офицеров. К педагогу военно-учебного заведения предъявлялись следующие требования: «Высокий долг военного преподавателя – глубоко разъяснять слушателям и курсантам политику нашей партии, формировать у них коммунистическое мировоззрение, умение отстаивать принципы советского патриотизма и пролетарского интернационализма, последовательно и аргументировано разоблачать буржуазную идеологию и агрессивную сущность империализма, воспитывать постоянную бдительность и готовность к защите Родины» (3, 427).

В военно-учебных заведениях проводилась серьезная работа по повышению квалификации преподавателей как субъектов патриотического воспитания будущих офицеров. Эта работа принимала различные формы. Ведущая роль принадлежала кафедрам общественных наук.

Вопросы патриотического воспитания курсантов постоянно обсуждались на методических совещаниях, семинарах кафедр. Так, в Кемеровском высшем военном командном училище связи (КВВКУС) за период с 1967 по 1969 г. на кафедре марксизма-ленинизма (12, л.9) обсуждались такие вопросы как:

- «Задачи преподавателей по подготовке к 50-летию Советских Вооруженных Сил»;
- «Военно-патриотическое воспитание курсантов в процессе преподавания социально-экономических дисциплин»;
- «Воспитание ненависти к американским империалистам в процессе преподавания социально-экономических дисциплин»;

- «Использование технических средств пропаганды в преподавании общественных наук»;

- «Воспитание курсантов в духе советского патриотизма и пролетарского интернационализма в процессе преподавания общественных дисциплин» и др.

Преподаватели подготовили и обсудили на этих заседаниях рефераты на темы: «Революция в военном деле и ее социально-политические последствия», «Советская военная доктрина и ее требования к руководству войсками», «Борьба КПСС за единство и сплоченность революционных сил современности» и т.п. (13, л.10)

Еще более разнообразной и интересной была тематика методических заседаний на кафедрах общественных наук в Новосибирском высшем военно-политическом общевойсковом училище (НВВПОУ). Например, на кафедре истории КПСС обсуждались вопросы:

- «О задачах преподавателей кафедры по повышению партийности преподавания и эффективности воспитательной работы с курсантами»;
- «О коммунистическом воспитании курсантов в процессе преподавания истории КПСС»;
- «О работе преподавателей кафедры истории КПСС по воспитанию у курсантов активной жизненной позиции» и т.д. (8, 15)

На заседаниях кафедры марксистско-ленинской философии обсуждались вопросы:

- «О воспитании высоких партийных качеств у курсантов в процессе преподавания марксистско-ленинской философии»;
- «О содержании, формах и методах работы по разоблачению буржуазной и ревизионистской идеологии и воспитанию у курсантов коммунистической идейности и ненависти к врагам коммунизма»;
- «Использование материалов Конституции СССР и юбилейных документов, посвященных 60-летию Великого Октября, в процессе преподавания философских дисциплин» и т.д. (8, 19-20)

В училище также было проведено совместное заседание кафедр общественных наук по вопросу: «XXV съезд КПСС о нравственном воспитании советского народа и воинов Советских Вооруженных Сил. Задачи, средства и формы нравственного, патриотического и интернационального воспитания курсантов в процессе изучения общественных наук». Материалы этого заседания были изданы (8, 5).

Вопросы повышения качества патриотического, морально-психологического, политического воспитания курсантов находили свое отражение и в научно-исследовательской работе преподавательского состава военных училищ. В Барнаульском высшем военном авиационном училище летчиков (БВВАУЛ) в 1974/75 учебном году преподаватели исследовали проблему: «Партийность обучения и ее влияние на идейно-политическое воспитание курсантов», в 1976/77 учебном году «Сотрудничество гражданских и военных партийных организаций по воспитанию советской молодежи (по материалам Западной Сибири)» (15, л.68-69). В Новосибирском ВВПОУ в 1974 г. кафедры истории КПСС и научного коммунизма совместно вели работу по исследованию проблемы: «Эффективность военно-патриотического воспитания курсантов в процессе преподавания общественных наук», а в апреле 1975 г. была проведена научно-практическая конференция с участием представителей отдела социологических исследований Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота, ЦК ВЛКСМ, Истории, философии и филологии Сибирского отделения АН СССР, Новосибирского обкома КПСС и вузов Западной Сибири (9, л.9-10).

Ежегодно в масштабах училища проходили теорети-

ческие и научно-практические конференции для преподавателей и офицеров, где вопросы военно-патриотического воспитания обсуждались постоянно. Так, в Барнаульском ВВАУЛ в 1975/76 учебном году из 6 конференций, проведенных в училище, 4 были посвящены вопросам воспитания курсантов (16, л.63-64). В 1977/78 учебном году из 8 конференций 3 имели непосредственное отношение к военно-патриотическому воспитанию будущих офицеров. Тематика конференций была следующая: «О 60-летию Советских Вооруженных Сил», «Ленинская теория социалистической революции и современность», «Советская авиация за 60 лет советской власти» (17, л.61-62).

А вот тематика теоретических конференций, которые проходили в Омском высшем танковом инженерном училище (ОВТИУ) за исследуемый период:

- «XXIV съезд КПСС о коммунистическом воспитании советского народа, воинов армии и флота»;
- «Актуальные вопросы воинского воспитания»;
- «Образование и развитие СССР – торжество ленинской национальной политики»;
- «Роль союза братских республик в укреплении обороноспособности страны»;
- «В.И. Ленин, КПСС о воспитании молодежи в духе коммунистической нравственности и непримиримости к буржуазной морали» и многие другие (4, л.51об, 53об, 57об, 61).

Ежегодно в военно-учебных заведениях проблемам патриотического воспитания курсантов были посвящены научно-исследовательские работы училища.

Активное участие преподаватели военно-учебных заведений принимали в различных городских, областных, окружных научных, научно-практических конференциях. Например, Новосибирское ВВПОУ совместно с учеными института Истории, философии и филологии Сибирского отделения АН СССР подготовили и провели: научно-теоретическую конференцию, посвященную 50-летию со дня образования СССР «Образование СССР – торжество ленинской национальной политики» (10, л.318), научно-практическую конференцию, посвященную 30-летию Победы «Сибирь в Великой Отечественной войне и воспитание молодежи на героических традициях» (11, л.27).

А вот в Омском высшем общевойсковом командном училище (ОВОКУ) в марте 1984 г. был проведен семинар заведующих кафедрами общественных наук вузов города по теме: «Военно-патриотическое воспитание советской молодежи на героических традициях КПСС и Советских Вооруженных Сил» (1, 179).

6-8 мая 1971 г. в Омске по предложению института Истории, философии и филологии Сибирского отделения АН СССР была проведена научная конференция по проблемам Великой Отечественной войны «Сибиряки – фронту». В работе конференции, наряду с научными работниками вузов, активное участие приняли преподаватели военно-учебных заведений Западной Сибири, ветераны Великой Отечественной войны (18, л.1).

Результаты военно-научной работы преподавателей по военно-патриотическому воспитанию курсантов оформлялись в сборники научных трудов (2, 5, 6), учебные и учебно-методические пособия (14, л.79-80; 7;8).

Таким образом, большую работу по повышению уровня профессиональной подготовки всего преподавательского, офицерского состава училища по вопросам патриотического воспитания будущих офицеров проводили кафедры общественных наук, особенно в военных училищах технической направленности. Эта работа, хотя и имела ряд недостатков (сильная идеологизированность, заорганизованность и т.д.), проводилась систематически и имела положительные результаты. В современных условиях воспитания будущих офицеров, когда проблема во-

енно-патриотического воспитания является одной из самых острых, данный опыт необходимо учитывать и уделять больше внимания повышению уровня профессиональной подготовки преподавателей по вопросам патриотического воспитания курсантов.

Список литературы

1. В Сибири рожденное. Омск, 1987.
2. Военно-патриотическое воспитание молодежи в современных условиях: Сб. науч. трудов. Новосибирск, 1975.
3. Вопросы обучения и воспитания в военно-учебных заведениях / Под ред. И.Н. Шкадова. М., 1976.
4. Исторический формуляр Омского танкового инженерного института.
5. КПСС и защита социалистического Отечества: Мат. науч. конф., посвященной 100-летию со дня рождения В.И. Ленина. Томск, 1970.
6. Патриотическое воспитание молодежи на героических традициях партии и народа: Сб. статей. Омск, 1984.
7. Пискунов А.А. Сибиряки в Сталинградской битве. Новосибирск, 1974.
8. Птенцов П.Г. Патриотическое воспитание в высшей военной школе. Новосибирск, 1978.
9. ФЦАМО, ф.10204, ОП.012249, Д.4.
10. ФЦАМО, ф.10204, ОП.010510, Д.9.
11. ФЦАМО, ф.10204, ОП.010510, Д.13.
12. ФЦАМО, ф.10206, ОП.012422, Д.6.
13. ФЦАМО, ф.10206, ОП.012422, Д.6.
14. ФЦАМО, ф.10206, ОП.012422, Д.8.
15. ФЦАМО, ф.10209, ОП.012906, Д.9.
16. ФЦАМО, ф.10209, ОП.012906, Д.10.
17. ФЦАМО, ф.10209, ОП.012906, Д.12.
18. ЦДНИОО, ф.17, ОП 1А, Д.1224.

А.А. Михайлов

ГУ «Государственный архив Курганской области»,
г. Курган

КУРГАНСКАЯ ЕПАРХИЯ 1922-1935 ГГ. (ЦЕРКОВНЫЙ ОБНОВЛЕНЧЕСКИЙ РАСКОЛ В ЗАУРАЛЬЕ)

Одним из тяжелейших испытаний, которые пережила Русская Православная Церковь в 1-й пол. XX в., является обновленческий раскол. Одной из основных причин его исследователи считают наличие еще до революции внутри церкви групп и течений «прогрессивного» духовенства, призывавших к всестороннему обновлению церковной жизни. Сыграла свою роль и заинтересованность атеистического государства в подрыве церковной организации изнутри (1,118). Целью властей было стремление «использовать происходящую церковную смуту в целях широкой антирелигиозной пропаганды, чтобы начавшийся раскол среди духовенства явился разложением самой церкви» (1,122). В годы Гражданской войны в среде духовенства активизировались модернистские группировки, подхватившие идейное наследие «прогрессивных» священников, а также образованного в Петрограде при Временном правительстве «Всероссийского союза демократического духовенства и мирян», выступавшего с нападениями на традиционные формы обрядового благочестия и канонический строй церковного управления. Обновленцы нашли себе опору и в лице епископата, вставшего в оппозицию избранному на Поместном соборе 1917-1918 гг. Патриарху Тихону (2,382-383). Воспользовавшись его арестом, в мае 1922 г. церковную власть в Москве захватило обновленческое Высшее церковное управление (ВЦУ). В это же время группа московских об-

новленцев объявила об образовании «Живой церкви», целью которой было освобождение духовенства от «мертвящего гнета монашества» и получение в свои руки органов церковного управления, в том числе доступ к епископскому сану. В августе 1922 г. живоцерковники созвали в Москве «Всероссийский съезд белого духовенства» для подготовки обновленческого Собора. Постановление съезда ходатайствовать перед Собором о введении белого епископата и о разрешении второбрачия священников вызвало раскол в среде обновленцев. В результате были образованы группировки «Церковное возрождение» и «Союз общин древлеапостольской церкви» (2,390-398).

В 1921 г. в г. Челябинске был создан «Кружок прогрессивного духовенства», вскоре вставший на платформу «Живой церкви» и образовавший соответствующий губернский комитет. В июне 1922 г. в местной печати публикуется открытое письмо к духовенству и мирянам губернии пяти «прогрессивных» челябинских священников, содержащее призыв к обсуждению на объединенных заседаниях приходских советов в Челябинске и уездных городах вопросов, касающихся обновления церковной жизни и налаживания связи с ВЦУ (3,18). На эти призывы откликнулась и часть духовенства Курганского уезда, который с 1919 г. в административном отношении входил в Челябинскую губернию. В июле 1922 г. в уезде проходят съезды духовенства и мирян благочиннических округов, на которых организуются окружные комитеты «Живая церковь», подчиняющиеся губернскому комитету. Все это поставило курганское духовенство в оппозицию к прежнему тихоновскому церковному центру – Тобольской епархии, которая в лице архиепископа Николая еще 1 ноября 1921 г. извещала о решении Патриарха открыть в Кургане викариатство для уездов Курганского и Ялуторовского. Таким викарием был назначен омский протоиерей Иоанн Титорский. Духовенство уезда не подчинилось этому решению, а протоиерей Титорский отказался принять епископство (4,1-2). С укреплением организационных связей с челябинскими обновленцами у курганского духовенства зарождается мысль о создании самостоятельной епархии. 24-25 июля 1922 г. в Курганской Троицкой церкви прошел уездный съезд духовенства и мирян, на котором были приняты решения: подчиниться ВЦУ, Курганскую кафедру считать самостоятельной, прекратить всякое общение с Тобольским тихоновским центром. На епископскую кафедру съездом единогласно был избран Иоанн Титорский, который выехал в августе в Москву для хиротонии, но его кандидатура не была утверждена. ВЦУ своим постановлением от 13 сентября 1922 г., признав Курганскую епархию самостоятельной, предложило на кафедру 50-летнего кандидата богословия челябинского протоиерея Константина Прокопьевича Прокопьева, одного из авторов июньского открытого письма (4,10).

25 октября 1922 г. в Курганском Богородице-Рождественском соборе состоялось собрание духовенства и мирян города под председательством протоиерея И. Редькина с участием прибывшего в качестве кандидата в епископы Константина Прокопьева. Собрание согласилось с его назначением на кафедру, а для заведования делами епархии было образовано Курганское епархиальное управление (КЕУ) из пяти членов: двух от духовенства и двух от мирян под председательством епископа. 10 ноября Тобольскому епархиальному управлению сообщается о том, что Курган больше не считает себя в подчинении Тобольску. Константин Прокопьев рукоположен в епископы в Москве 26 ноября 1922 г., а 30 ноября указом ВЦУ он назначен на Курганскую кафедру, куда прибыл 21 декабря (4,22-23). На прошедшем 12-15 февраля 1923 г. в Курганской Александро-Невской церкви 1-м епархиальном собрании духовенства и мирян выно-

сится постановление о принятии программы «Живой церкви» и устава союза «Церковное возрождение» с некоторыми дополнениями и изменениями. Большинство депутатов принимают основные обновленческие принципы: возможность выбора на епископские кафедры представителей белого духовенства и вдовых, женатых и холостых мирян, возможность второбрачия для священников, перевод церковного календаря на новый стиль, допустимость браков в более близких степенях родства и т.д. В состав епархии вошло 109 приходов, т.е. почти все, числившиеся в это время в Курганском уезде (5,68).

В территориальном отношении Курганская епархия первоначально охватывала одноименный уезд Челябинской губернии, однако впоследствии возникли проблемы согласования церковного районирования с гражданским. Челябинская губерния с момента своего создания в 1919 г. состояла в административном подчинении Сибирскому ревкому. На этом основании еще в 1923 г. обновленческий Сибирский областной церковный совет (СОЦС) во главе с митрополитом Сибирским Петром Блиновым предпринял попытку устранить прямое подчинение Курганской епархии обновленческому Священному Синоду, принявшему на себя функции ВЦУ в конце 1923 г. Предполагалось превратить ее в викариатство и подчинить сибирскому церковному центру. В июле 1923 г. Челябинский епархиальный совет известил КЕУ о том, что епархия закрывается как самостоятельная и присоединяется к Челябинской архиепископии на правах викариатства. КЕУ отказалось признать эти распоряжения СОЦС и просило Синод оставить епархию в своем ведении (3,4). Однако окончательное решение вопроса затянулось до конца 1924 г. 6 ноября 1924 г. СОЦС назначает на Курганскую кафедру Павлодарского архиепископа Михаила. В ответ епархиальное собрание духовенства и мирян 9-11 декабря ультимативно заявляет, что если курганские обновленцы не найдут защиты у Синода, то епархия объявит себя автокефальной. Ультиматум дал ожидаемые результаты: епархия была не только оставлена самостоятельной, но расширила свои границы и перешла из ведения Сибири в ведение Урала, что было связано с районированием и одновременным образованием в конце 1923 г. в составе Уральской области Курганского округа (3,7). Расширение происходило за счет присоединения к территории бывшего Курганского уезда некоторых волостей Челябинского и Ялуторовского, а в начале 1924 г. и Шадринского уездов. В соответствии с гражданским административным делением в апреле 1925 г. было создано Уральское областное митрополитанское церковное управление (ОМЦУ) с включением в эту митрополию Курганской епархии. С образованием в 1934 г. Челябинской области епархия была подчинена Челябинскому ОМЦУ.

Первоначально сельские общины, попавшие согласно административному делению в состав Курганской епархии, сравнительно легко подчинились обновленцам, церковный принцип послушания сыграл здесь свою негативную роль. Многие настоятели приходов признавали власть обновленцев по незнанию сути этого явления. И все же создавшееся положение было поддержано далеко не всем духовенством Курганского уезда. Уже в декабре 1922 г. некоторые священники отказываются подчиняться ВЦУ, и открыто встают на сторону Патриарха Тихона, т.е. по характеристике КЕУ «позволяют себе контрреволюционные выступления политического характера с явным выпадом против советской власти», о чем доводится до сведения Курганского уисполкома (5,30). По уезду прокатывается волна арестов лишенных КЕУ сана тихоновских священнослужителей, которые на этом основании обвиняются властями в неблагонадежности. Однако

не все представители духовенства находят в себе силы открыто выступить против обновленческого руководства епархии и, не имея к тому же полной ясности в создавшейся ситуации, надолго формально остаются в ведении КЕУ.

В июне 1923 г. Патриарх Тихон смог вернуться к управлению своих обязанностей, а уже 15 июля в своем обращении к пастве дезавуировал все действия ВЦУ. Духовенство Курганской епархии, а с ним и миряне, начинают переходить в ряды тихоновцев. Для широких масс верующих такие нововведения обновленцев, как белый епископат, второбрачие священников, переход на григорианский календарь и т.п. являлись отступлением от чистоты православия и воспринимались крайне негативно (7,6). Борьбу с обновленчеством в епархии возглавил священник кафедрального собора Константин Зотов, установивший непосредственные связи с Патриархом, за что был запрещен в служении епископом Константином. Однако и сам Константин, возведенный в 1924 г. в сан архиепископа, колеблется и не исключает возможности молитвенного и церковного общения с Тихоном. Этот вопрос обсуждается на епархиальном съезде в Кургане в декабре 1924 г. В ходе дебатов один из бывших членов челябинского «Кружка прогрессивного духовенства» и член Курганского епархиального совета от сельского духовенства священник Константин Парфенов (будущий глава курганских тихоновцев) заявляет о переходе приходов своего благочиния в ряды сторонников Патриарха. Колеблются и другие делегаты, а порвавший впоследствии с обновленцами протоиерей И. Редькин предлагает даже выйти из подчинения Синода. И все же съезд выносит постановление остаться в ведении последнего и настаивать на созыве Поместного собора с участием тихоновцев (3,11). На фоне колебаний руководства Курганской епархии и раскола в соборной общине в начале 1925 г. ее тихоновская часть окончательно порывает с обновленчеством и переходит в подчинение православного Ялуторовского епископа Серафима. Вскоре начинается массовое присоединение сельских приходов к соседним тихоновским епархиям. В результате число общин, верных обновлению, сократилось до 69. Третируемый соборным приходским советом архиепископ Константин пишет 17 июля 1925 г. прошение об увольнении на покой. Синодом командирован из Пензы архиепископ Аристарх, который прибыл в Курган 19 октября 1925 г. Встретив резкое неприятие тихоновской части прихожан собора, Аристарх 8 января 1926 г. покинул город. Состоявшийся в июле 1926 г. епархиальный съезд, на котором присутствовал митрополит Уральский Корнилий, избирает командированного Синодом архиепископа Василия Бехтерева. Съезд представлен депутатами уже от 57 приходов, что свидетельствует о дальнейшем ослаблении позиций обновленцев. Однако благодаря активной деятельности архиепископа Василия общины вновь начинают возвращаться в ведение Курганской епархии и к началу 1927 г. их число возрастает до 76 (3,13).

Период с 1926 по 1929 г. характеризуется внутренними междоусобицами в КЕУ, склоками в среде духовенства. Правящие епископы или становятся мишенью внутренних неурядиц, или сами втягиваются в борьбу, усугубляя положение и роняя авторитет среди прихожан. Архиепископ Василий, будучи не в состоянии остановить эту борьбу, 29 августа 1927 г. уходит на покой. 10 октября на кафедру прибыл командированный Синодом епископ Николай. Бывший юрист по бракоразводным делам, имеющий детей не монашествующий епископ, самими обновленцами характеризующийся как «авантюрист хлестаковского пошиба», через месяц покидает епархию (3,14). В декабре на епархиальном съезде с участием митрополита Уральского Сергея на Курганскую кафедру

избирается архиепископ Могилевский Лоллий. До его прибытия с Украины для временного управления епархией указом Синода от 19 января 1928 г. был командирован из Троицка архиепископ Александр Смирнов. С получением в июне 1928 г. извещения об отказе архиепископа Лоллия от Курганской епархии Александр, «не выдерживая пресвитерской диктатуры», покинул город (3,15). 9 января 1929 г. Уральское ОМЦУ командирует епископа Сергея Волкова, который прибыл в Курган 12 января. Во время его управления Курганской епархией обнаруживаются многочисленные финансовые злоупотребления в КЕУ, продолжаются дрязги в среде духовенства. Число обновленческих приходов сокращается до 70 (8,6). Руководство Уральской митрополии при этом пытается осуществить роль судьи и даже подчинить себе КЕУ, чем только усугубляет создавшееся положение. В этой ситуации КЕУ решает подчиниться непосредственно Синоду и одновременно ходатайствует о возведении Сергея Волкова в сан архиепископа с титулом Курганского и Куртамышского, а вскоре даже берет курс на автокефалию. В сентябре 1929 г. Уральское ОМЦУ командирует в Курган в качестве своего представителя для умиротворения приходов епархии протоиерея Сергея Баженова, который в октябре на епархиальном съезде избирается в епископы. Хиротония была совершена 27 октября 1929 г. в Курганском кафедральном соборе митрополитом Уральским Сергием. Уставшие от неразберихи в руководстве епархией духовенство и миряне сельских приходов покорно принимают кандидатуру Сергея Баженова. Положение обновленческих общин стабилизируется, число их увеличивается (3,16).

В 1929 г. в стране началась кампания по широкому применению административных и репрессивных мер в борьбе с религией, которая не обошла стороной и Курганский округ. С начала 1930 г. наблюдаются травля и массовые аресты священников, закрытие обложенных непомерными налогами храмов, в том числе и обновленческих (8,100). Теперь властям не нужны были ни тихоновцы, ни обновленцы – пришло время «безбожных пятилеток». Уже к маю 1930 г. количество приходов епархии сокращается до 60, в дальнейшем число их неуклонно уменьшается (8,111). Да и многие номинально числившиеся в составе епархии приходы из-за отсутствия священников были вакантны. К середине 1930-х гг. вся церковная жизнь Курганской епархии по существу сосредоточилась вокруг кафедрального Богородице-Рождественского собора, при котором и находилось КЕУ. В сентябре 1934 г. согласно распоряжению Челябинского ОМЦУ архиепископ Сергей Баженов был уволен за штат. На Курганскую кафедру Синодом был назначен архиепископ Серапион Сперанцев. Под его председательством 3 апреля 1935 г. состоялось последнее заседание КЕУ, на котором, среди прочего, было решено внести в Курганский горсовет и райисполкомы предложение о снятии и передаче на нужды государственного строительства колоколов во всех храмах епархии, как «не имеющих обязательного ритуального значения» (9,23). Так курганские обновленцы пытались приспособиться к новым условиям и напомнить о своей лояльности советской власти. Но такие уверения в преданности уже не помогли: начались массовые аресты священников. Решением Президиума Челябинского облисполкома от 17 апреля 1936 г. здание Курганского Богородице-Рождественского собора было передано музыкальной мастерской. К этому времени собор уже какое-то время был закрыт и засыпан зерном, из чего можно сделать вывод, что обновленческая Курганская епархия прекратила свое существование (10,53).

Архиепископ Константин Прокопьев. 1920-е гг.
фото из личного архива Б.Н. Карсонова

Список литературы

1. Протоиерей Виталий Бочкарев. История обновленческого церковного раскола в Западной Сибири // Культурный, образовательный и духовный потенциал Сибири (сер. XIX – XX вв.): Сборник научных трудов. Новосибирск, 1997.
2. Протоиерей Владислав Цыпин. История Русской Православной Церкви. Синодальный период. Новейший период. М., 2004.
3. ГАКО. Ф. Р-1743. Оп.1. Д.11.
4. Там же. Д.4.
5. Там же. Д.7.
6. Там же. Д.5.
7. Там же. Д.18.
8. Там же. Д.31.
9. Там же. Д.46.
10. Там же. Ф. Р-567. Оп.1. Д.350.

Ю.Ю. Пажит

**Уральский государственный горный университет,
г. Екатеринбург**

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ СИСТЕМА В 1941-1945 ГГ. К ВОПРОСУ О РЕЖИМЕ СОДЕРЖАНИЯ ЗАКЛЮЧЕННЫХ

Одно из необходимых условий эффективного функционирования пенитенциарной системы – это соблюдение режима содержания заключенных. Поскольку в годы войны заключенные составляли существенную часть трудовых ресурсов страны и, в частности, Уральского регио-

на, закономерен интерес исследователей к определению их роли в экономическом и социальном развитии страны. Вопрос об эффективности трудового использования спецконтингента НКВД является одним из приоритетных в исследованиях истории пенитенциарной системы. Между тем, он тесно связан с изучением условий режима содержания и быта заключенных, оказывавших значительное, а нередко и определяющее влияние на происходившие в сфере исполнения наказаний процессы.

Великая Отечественная война внесла кардинальные изменения в работу пенитенциарной системы. С ее началом возникла необходимость перестройки системы тюрем и лагерей в соответствии с требованиями военного времени. Помимо изоляции заключенных и их трудового использования перед ведомством была поставлена новая задача – усиление режима содержания и охраны заключенных с целью предотвращения возможных диверсионных актов. Особенно это касалось тыловых районов, куда были эвакуированы предприятия различных отраслей промышленности.

На территории Среднего Урала первые крупные лагерные системы появились в 1937-1938-х гг. Это Ивдельлаг и Севураллаг. Приказом НКВД от 16 августа 1937 г. было положено начало созданию Ивдельского ИТЛ. Среднесписочный состав лагеря на начало 1938 г. составлял 13500 чел., а к началу 1939 г. численность заключенных возросла до 20939 чел.¹ Несколько позже, 5 февраля 1938 г., начал создаваться Сувураллаг, который был образован на месте не справившегося с планом треста «Севураллес» и расположился на территории двенадцати районов Свердловской области. Через два месяца после создания в нем содержалось уже 18 571 чел.²

Великая Отечественная война форсировала появление на территории Среднего Урала новых мест лишения свободы – Богословлага, Востокураллага, Лобвинлага, Тавдинлага, Тагиллага, а также Черноисточинского исправительно-трудового лагеря для больных заключенных. Резко возросла и численность контингента – с 61 тыс. чел в 1941 г. до 120 тыс. чел. - к концу 1942 г.

Согласно нормативным документам ГУЛАГа НКВД СССР, основным звеном исправительно-трудовых лагерей, осуществлявших изоляцию и трудовое использование заключенных, являлся отдельный лагерьный пункт (ОЛП). ОЛП создавались при наличии заключенных не менее 300 чел. и дислоцировались максимально близко к месту работ. При определении границ лагерьного пункта (участка, колонны, командировки) зона ограждения обычно имела форму прямоугольника или квадрата, что обеспечивало лучший просмотр. Территория обносилась специальным ограждением в виде деревянного забора высотой три метра. По всему внешнему периметру основной зоны создавалась предупредительная зона шириной пять метров, которая посыпалась песком для облегчения поиска с собаками в случае побега. Для наблюдения оборудовались специальные вышки для часовых и будки для караульных собак. Вход и выход заключенных на территорию с территории лагерьного пункта осуществлялся под конвоем.

Тем не менее, режим содержания и охраны заключенных постоянно нарушался. Например, в Богословлаге, Севураллаге и Тавдинлаге огражденные зоны лагерьных пунктов освещались недостаточно. В отдельных участках зон имелись свободные проходы через проволочные заграждения. Пропускная система в большинстве лагерей не была должным образом налажена. В связи с этим на

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9414. Оп. 1. Д. 853. Л. 43.

² Там же. Д. 68. Л. 57.

площадки, где работали заключенные, могли проходить посторонние лица. Как правило, дисциплина среди стрелков ВОХРа оставляла желать лучшего. Частично это объяснялось самим составом охраны. Только в охране Богословского лагеря было задействовано 28 чел., ранее привлекавшихся за кражи и хулиганство³.

Нередко стрелки ВОХРа «несли службу», сидя целыми днями у костров вместе с заключенными. Результатом несоблюдения режима охраны заключенных стало значительное число побегов. Так, например, из Сувораллага бежало 427 заключенных, из Ивдельлага за восемь месяцев после начала войны - 260 чел., по Богословлагу и Тавдинлагу их число равнялось соответственно 175 и 55 чел.⁴

Неоднократные указания НКВД СССР об усилении режима содержания заключенных руководством лагерей грубо нарушались. В результате проведенного в 1942 г. в Севураллаге оперативными работниками УНКВД расследования было установлено, что администрация лагеря и стрелки ВОХРа в целях улучшения производительности труда заключенных, а то и без всяких причин избивали заключенных палками и прикладами винтовок. Тех, кто отказывался выходить на работу, связывали и волоком тащили по лесу 1-2 км. Отдельных заключенных в виде наказания зарывали в снег, в результате чего обморожения в лагере приобрели массовый характер⁵.

Своеобразным «стимулом» к труду являлся штрафной изолятор. В него помещали заключенных, не выполнявших норму выработки. Эта мера применялась в массовом масштабе. Так, только за январь и февраль 1942 г. в штрафном изоляторе Севураллага побывало 72% списочного состава⁶. В результате люди быстро истощались, становились нетрудоспособными и умирали. Во многих ИТЛ имели место случаи, когда в штрафные изоляторы заключенные помещались без всяких оснований и предварительного расследования. Например, по лагпункту №1 Тавдинлага по состоянию на февраль 1942 г. в штрафном изоляторе содержались 13 чел. без всякого оформления⁷.

О правилах внутреннего распорядка говорить не приходилось. При этом нарушавшие режим заключенные содержались в общих бараках с другими отбывавшими наказание. Во всех без исключения лагерях Свердловской области необходимой составляющей быта были картежные игры, драки, избиения, сожительство с заключенными-женщинами и прочие нарушения режима. Так, в первом лагпункте Тавдинского ИТЛ заключенные мужчины и женщины содержались в одном бараке⁸.

Не соблюдались и предусмотренные нормативными документами нормы жилплощади. Как правило, на каждого заключенного приходилось менее 2 кв.м. Баракы не были отремонтированы, крыши протекали, зимние рамы отсутствовали, печи были неисправны. Например, в Черноисточинском лагере для ослабленных и больных заключенных температура воздуха в бараке для тяжелобольных едва достигала 12 градусов, а в морозные дни опускалась до 0 градусов. Проведенной органами УНКВД проверкой в лагерях Свердловской области было обнаружено, что около 70% всех заключенных спали вповалку на голых нарах, у большинства не было постельных принадлежностей.

Остро стояла проблема с обеспечением людей

одеждой. Как правило, заключенные были одеты в собственную износившуюся одежду. Те, кому нечего было носить, хранили воротники от рубах. Согласно докладной записке начальника УНКВД по Свердловской области Борщова, заключенные объясняли это тем, что в случае утери воротников их будут считать промотчиками и привлекут к ответственности. Однако по бухгалтерским документам эти воротники числились как полноценные нательные рубахи. Таким образом, в лагерях сложилась парадоксальная ситуация: по учетным данным на заключенных числилось одно количество одежды, фактически же ее было гораздо меньше.

Не активировалась и не списывалась одежда только потому, что нечего было выдать взамен. Более того, в результате этого могло увеличиться количество заключенных, не работавших по причине отсутствия необходимой одежды и обуви. Это, в свою очередь, отразилось бы на производственных показателях лагерей, чего их администрация допустить не могла. Например, в Севураллаге таких заключенных на середину первого квартала 1942 г. насчитывалось 976 чел., однако, в случае списания рваной одежды их набиралось до 5 тыс. чел. В Богословлаге невыход на работу по причине отсутствия одежды составлял 15%⁹.

Неудовлетворительная ситуация сложилась с продовольствием. Питание заключенных в годы Великой Отечественной войны регулировалось Положением о питании в исправительно-трудовых лагерях и колониях НКВД СССР. В соответствие с ним вводилось шесть норм довольствия в зависимости от выполнения производственных заданий. Но и заявленные нормы выполнялись далеко не всегда. Это объяснялось как объективными, так и субъективными причинами. К первым относилась плохая работа централизованных фондов. Например, только для потребления, без учета необходимого остатка, Богословлагу было недодано в четвертом квартале 1941 г. 40% мяса и рыбы, 31% муки; аналогично по Севураллагу – не поступило 51% крупы и 100% жиров. Следует отметить, что 1941 и 1942 гг. были самыми тяжелыми в обеспечении людей продовольствием.

Ухудшению обстановки способствовали постоянные растраты и хищения. Товары из магазинов и складов лагерей отпускались работникам госбанка, поселкового совета, почты и т.д. В Богословлаге продавцы магазинов отпускали товар по запискам бывшего начальника торгового отдела Р., который, чтобы скрыть свои действия, эти записки из магазинов брал и уничтожал. В результате только за 1941 г. материальный ущерб от растрат и хищений составил в лагере 56 тыс. руб.¹⁰

Однако вместо борьбы с хищениями администрация десятого лагпункта Севураллага совместно с отдельными стрелками ВОХРа и заключенными проводили следующие действия. По указанию начальника ОЛП Н. определенной группе заключенных выдавалось со склада лагерное имущество (белье, простыни, рукавицы) для продажи его работавшим в лагере на вывозке леса колхозникам¹¹. В момент покупки стрелки вместе с Н. задерживали колхозников, отводили их в зону лагпункта и отбирали вещи, а заключенным оставляли полученные за них продукты. В свою очередь, на колхозников оформляли уголовные дела и передавали их в суд.

Закономерным следствием неустроенности быта, плохого питания, сурового климата и тяжелых условий работы стала высокая заболеваемость и смертность заключенных. Положение усугублялось плохим медицинским обслуживанием. Так, в Азанковском отделении Се-

³ Архив Управления ФСБ РФ по Свердловской области (АУФСБСО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 105. Л. 30.

⁴ Там же. Л. 28.

⁵ Там же. Д. 128. Л. 261(об.).

⁶ Там же.

⁷ Там же. Д. 105. Л. 31.

⁸ Там же. Д. 105. Л. 31.

⁹ Там же. Л. 18.

¹⁰ Там же. Л. 23.

¹¹ Там же. Д. 128. Л. 263.

веро-Уральского ИТЛ допускались грубейшие нарушения и реальной помощи людям не оказывалось. Заключение этого отделения К. и Б. с диагнозом крайнего истощения были отправлены в санитарный городок, откуда были возвращены в еще худшем состоянии. После этого их зачислили в слабосильную команду, но начальник санчасти К. выразила протест, предложив использовать этих заключенных на обычных работах. Поскольку К. и Б. не могли справиться с нормами выработки, их перевели на штрафной паек – 250 гр. хлеба. Вскоре оба заключенных умерли¹².

Таким образом, архивные данные со всей очевидностью подтверждают тот факт, что режим содержания заключенных в ИТЛ явно не соответствовал декларируемым нормам. Этому способствовало отсутствие достаточных материальных ресурсов, огромный бюрократический аппарат ГУЛАГа и крайне низкий профессиональный уровень его сотрудников. Территориальная удаленность лагерей во многом объясняла произвол на местах. С другой стороны, на страницах источников запечатлена та сложная палитра человеческих взаимоотношений, когда повседневный опыт общения формировался не только в условиях колоссального напряжения и тяжелейших испытаний, но и под влиянием жесткого идеологического контроля, маркировавшего любые социальные нормы и практики.

Ф.В. Потанин

*Курганский государственный университет,
г. Курган*

РОЛЬ ПАТРИАРХА ТИХОНА В СОХРАНЕНИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

*Грубым дается радость.
Нежным дается печаль.
С. Есенин*

Я не случайно начал свою статью именно с высказывания Сергея Есенина, великого сына своего Отечества. Если посмотреть на фотографии Патриарха Тихона, на его пронзительный и печальный взгляд, то увидим взгляд, в котором кроется тайна вечности, боль и страдание за людей, за свою многострадальную Родину, за нашу Россию. Патриарх Тихон отдал самое ценное, что есть на этом свете, - свою жизнь за Веру и Отечество. Наградой ему стала вечность в миллионах сердцах верующих людей, вечность в нашей истории.

Патриарх Тихон встал на свой нелегкий путь в один из самых смутных и кровавых периодов нашей истории. Личность патриарха вызывает большой интерес со стороны деятелей науки, обычных граждан нашей страны и конечно, священнослужителей Русской Православной Церкви. Среди множества научных и публицистических работ хочется выделить несколько авторов, это прежде всего: книга из серии «Жизнь замечательных людей. Патриарх Тихон» М. Вострышева (1), Одинцов М.И. «Русские патриархи XX века: Судьбы Отечества и Церкви на страницах архивных документов» (3), серия книг и публикаций протоиерея Владислава Цыпина и многие другие.

Временной период 1917-1925 г. стал поистине очень интересным и актуальным для исследования в после-

дние десятилетия после рассекречивания архивов силовых структур и смены политики государства по отношению к церкви. Это обуславливается особой ролью Русской Православной Церкви в общественной жизни и становления взаимоотношений советского государства по отношению к ней. Мне хотелось остановиться на роли Патриарха Тихона в сохранении Русской Православной Церкви в начале XX века как социального института в новом государственном устройстве страны. Считаю, необходимо рассмотреть личность Патриарха через призму взаимоотношений Русской Православной Церкви и Советского государства, проанализировать причины ослабления Российской Православной Церкви в начале XX века до восстановления патриаршества и политику патриарха в деле сохранения церкви и попыток прекращения гражданской войны.

Следует выделить несколько причин ослабления церкви в жизни общества и государства в данный период:

1) синодальный период православной церкви. Причина кроется в том, что церковь не была отделена от государства, на протяжении длительного времени РПЦ была сращена с органами государственной власти. Император был главой Церкви. Все неудачи, нестабильная государственная политика в определенных сферах напрямую отражались на положении церкви. Произошло изменение религиозного сознания практически во всех слоях общества. Попросту народ потихоньку охладевал к церкви;

2) церковная ограниченность, отсутствие грамотности, появление расколичества и веяние новых религиозных вероучений, которые были чужды народу до появления Указа от 17 апреля 1905г. «Об укреплении начал веротерпимости»;

3) в течение длительного времени еще со времен Петра I в России проходил процесс ее европеизации, что не могло положительно сказаться на положении церкви в обществе.

Эти причины, другие социальные факторы и политические явления послужили ослаблению церкви. Разумеется, стоит упомянуть I мировую войну и две революции 1917 г. Запомнятся надолго слова Патриарха Тихона, которые он сказал почти сразу после своего избрания: «...И Господь как бы говорит мне так: иди, разыщи тех, ради коих еще стоит и держится Русская Земля. Но не оставляй и заблудших овец, обреченных на погибель, на заклятие, - овец поистине жалких. Паси их, и для сего возьми жезл сей, жезл благоволения. С ним овцу потерявшуюся отыщи, угнетенную возврати, пораженную – перевяжи, больную укрепи, разжиревшую и буйную - истреби, паси их по правде». В очень непростой, даже катастрофической ситуации оказался новоизбранный патриарх, именно от его политики во многом зависело положение церкви в это время. Попробуем последовательно проследить его действия и первые шаги в отношении государства и церкви.

1) Обличение народных комиссаров и предавание их анафеме за их действия - запрещение приступать к Тайнам Христовым. Что можно сказать об этом? Это первый и очень серьезный шаг патриарха: именно он и сама структура церкви уже даже не подчиняется государству, а ставит себя в один уровень с ним, осуждая кровавую политику и гонения на церковь, показывая свою стойкость, решительность и твердую политику по отношению к нему. Патриарх показал, что ответственность за его послание и возможные репрессии он берет лично на себя.

2) Кампания по изъятию церковных ценностей. Здесь складывается очень непростая ситуация. Прикрываясь голодом и нехваткой продовольствия в стране,

¹² Там же. Д.105. Л.20.

Совет Народных Комиссаров издает декрет, из которого следует, что для нужд народа изымаются все накопленные богатства церкви, все то, что принадлежало ей по праву. Патриарх незамедлительно призывает противодействовать данному декрету, в очередной раз беря ответственность на себя. Патриарх Тихон понимал, что изъятие ценностей - это один из шагов к полному устранению церкви как института. При этом им лично проводилась политика помощи голодающим и не только укрепления духа молитвой, но и сбором средств, для этого он обратился к Восточным патриархам и даже к папе и архиепископу Кентерберийскому.

3) Раскол церкви и обновленчество. Патриарх занял очень серьезную и неуступчивую позицию, даже находясь под арестом. Он осуждал раскольников, пытаясь вернуть их в лоно церкви, тем самым показывая, что церковь является целым, неделимым институтом, а патриарх - сильным руководителем, которого нельзя нейтрализовать даже в тюремном заключении. От патриарха не отвернулся народ даже после заявления о прекращении борьбы с советской властью под большим давлением. Многие из обновленческого епископата вновь вернулись в церковь.

4) Роль патриарха Тихона нельзя переоценить в деле предотвращения полного распада страны и гражданской войны. Обращаю внимание не только на его мудрые решения как руководителя, но и на его человеческие качества. Он не дал своего благословения ни «красным», ни «белым», для него в этой кровавой бойне не было правых, страдала вся страна и он вместе с ней. «Великая Россия, удивлявшая весь мир своими подвигами, теперь лежит беспомощная и терпит унижения. И, конечно, не может не испытывать скорби всякий русский верующий человек. Однако скорбь наша не может быть безмерной. Как апостолы, расставшись с Учителем своим, выступили на проповедь с радостью, так и мы не должны унывать, не должны падать духом, не должны отчаиваться. В том самом обстоятельстве, что верующие люди повсеместно объединились около своих храмов и не дают в обиду, как это было и у вас, в этом залог великого будущего нашей Церкви Православной и всего нашего народа... Главное - это возрождение души нашей, об этом надо позаботиться прежде всего...» (2).

Сделаем выводы из вышесказанного:

1) восстановление патриаршества являлось эффективным способом и практически единственным для сохранения церкви в начале XX века как исторического явления, так как государство не только отделило ее, но и препятствовало нормальному существованию. Теперь «новой власти» стало противостоять Церковное единичное начало (патриарх), а не учреждение, как раньше;

2) благодаря личности Патриарха Тихона авторитет РПЦ восстанавливался, произошел идеологический толчок, после чего люди в сложное время находили спасение в церкви.

Список литературы

1. Вострышев М. И. Патриарх Тихон. М.: Мол. гвардия, 2004.
2. Мысли Русских Патриархов от начала до наших дней. М.: Сретенский монастырь, «Новая книга», «Ковчег», 1999.
3. Одинцов М.И. Русские патриархи XX века: Судьбы Отечества и Церкви на страницах архивных документов. Ч. I: «Дело» патриарха Тихона; Крестный путь патриарха Сергия. М.: Изд-во РАГС, 1999.

С.С. Смирнов

Челябинский институт (филиал) Уральской академии государственной службы, г. Челябинск

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТВОРЧЕСКОЙ ГРУППЫ ПО ИССЛЕДОВАНИЮ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ ПРИ ЧГИК (1982-1993)

Научное изучение памятников истории и культуры (систематическое, на единой методологической основе и с конкретной практической целью) в Челябинской области началось с 1982 г. Предшествовало этому принятие ряда государственных нормативных актов, направленных на усиление мер по охране и пропаганде культурного наследия. В октябре 1976 г. был принят закон СССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры», в том же году создано Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры. В 1978 г. принят закон об охране и использовании памятников в РСФСР.

Еще ранее, 2 октября 1967 г., Коллегией Министерства культуры СССР и Президиумом АН СССР было принято совместное постановление «О подготовке "Свода памятников истории и культуры СССР"». Свод должен был стать научно-справочным изданием, наиболее полно отражающим историко-культурное наследие страны, а работа над ним - научным исследованием, призванным привлечь внимание ученых, краеведов и широких кругов населения к изучению и пропаганде памятников. Своду предполагалось дать статус официального государственного документа, на основании которого наиболее значимые объекты ставились бы под государственную охрану. К сожалению, создание Свода, как и реализация многих других программ второй половины 80-х годов в связи с известными политическими событиями так и не было доведено до конца. Однако с начала 1980-х гг. в ходе подготовки Свода была проделана огромная работа по составлению и публикации предварительных материалов. Такие издания были подготовлены во многих областях РСФСР, включая и Челябинскую.

В 1989 г. СССР ратифицировал Конвенцию ЮНЕСКО «Об охране всемирного культурного и природного наследия», согласно которой памятники мирового значения ставились под защиту ООН. Подготовка к подписанию конвенции включала в себя и сбор сведений о памятниках, что также активизировало исследовательскую и публикационную деятельность.

Таковы были основные нормативные и организационные предпосылки масштабной работы по выявлению, изучению и постановке памятников на учет и охрану.

В начале 1980-х при Челябинском облисполкоме уже действовала небольшая производственная группа по охране и эксплуатации памятников в составе начальника группы П.А. Лысова и старшего инженера Л.А. Юдиной. Наряду с организацией реставрационных работ группа занималась постановкой на учет и паспортизацией памятников, заключая с этой целью договоры с исследователями на финансирование их деятельности.

Первое время исследовательская деятельность протекала вяло. На учет ставились в основном уже хорошо известные объекты Челябинска. За пределами областного центра практически никаких исследований не велось.

Ситуация изменилась с осени 2003 г., когда при научно-исследовательском секторе Челябинского государственного института культуры была сформирована творческая группа по исследованию памятников истории и культуры Челябинской области, действовавшая на хозяй-

договорных началах. Группа состояла в основном из преподавателей кафедры истории СССР, занимавшихся исследованием и паспортизацией в свободное от занятий время, что, естественно, тормозило работу, связанную с постоянными командировками. Возглавляла группу заведующая кафедрой доцент М. А. Чулкина.

В задачу творческой группы входило выявление, обследование и паспортизация памятников. В основном речь шла о недвижимых объектах, связанных с деятельностью выдающихся людей (здания, в которых они жили или работали, места захоронений, а также памятные места, например места боёв). Обязательным условием при этом был посмертный характер мемориала. (Объекты, связанные с именами людей живущих, в качестве памятников не рассматривались). Объекты монументального искусства, архитектурные сооружения, археологические комплексы в круг научных интересов группы не входили, если только они не были непосредственно связаны с историческими именами. Так, в Чебаркуле мною были выявлены и обследованы два дома, предположительно, ровесники одноименной крепости, видимые следы которой исчезли еще в начале XIX в. Однако в качестве исторических памятников они не были зарегистрированы, поскольку формально являлись лишь памятниками архитектуры. Впрочем, бывали и исключения, когда на первый план выступала архитектурная ценность, однако и в этих случаях памятник старались «привязать» к какому-либо историческому событию или исторической личности. Впрочем, на территории Челябинской области было выявлено множество археологических памятников и они, естественно, не оставались без внимания. Однако археологические исследования занимались другие коллективы, с нашей группой непосредственно не контактировавшие.

Несмотря на историко-культурную направленность документации, памятник обследовался разносторонне: писалась историческая справка, составлялись планы прилегающей территории и самого сооружения (если это было многоэтажное здание, то поэтажные планы) с указанием архитектурного стиля и особенностей декора, размеров, строительного материала, техники создания и всех позднейших переделок и перестроек, проводилась фотофиксация всего объекта и наиболее характерных его элементов и т.п.

На основании собранных материалов составлялись учетная карточка и научный паспорт, которые затем отправлялись на рецензирование в Министерство культуры РСФСР. После утверждения в Министерстве паспорт становился официальным документом, дававшим основание для постановки памятника на учет или под охрану. Последнее, естественно, случалось далеко не всегда.

Работа группы заметно активизировалась в связи с приездом в Челябинск в сентябре 1983 г. старшего научного сотрудника НИИ культуры, кандидата исторических наук Л.С. Рафиенко, занимавшейся организацией подготовки материалов в Свод памятников истории культуры РСФСР. В короткое время был создан авторский коллектив, собрана первичная документация. Ядром авторского коллектива стала творческая группа при ЧГИКе. В этот период в группу был включен и я в качестве старшего научного сотрудника НИСа, единственный тогда сотрудник, занимавший штатную должность. Естественно, что основной объем полевой и организационной работы теперь был возложен на меня. Позднее в составе группы появилась и вторая штатная должность научного сотрудника. Несколько лет ее занимал А.И. Тапилин.

Результатом десятилетней работы группы стало выявление, исследование и составление паспортов и карточек на более тысячи различных объектов, расположен-

ных преимущественно на территории районов области (Челябинском группа почти не занималась). Около 100 из них на основании договоров подготовленной нами документации были взяты под государственную охрану.

К сожалению, результаты работы публиковались мало: собранная на основании договора информация являлась собственностью заказчика и не могла издаваться без его согласия.

Наиболее значительной публикацией стал сборник научных трудов «Материалы Свода памятников истории и культуры РСФСР. Челябинская область», изданный НИИ культуры в 1987 г. под ред. Л.С. Рафиенко, к сожалению, весьма скромным по тем временам тиражом в 1 тыс. экземпляров. Сейчас эта книга – библиографическая редкость. В ней собраны статьи Л.С. Рафиенко, М.А. Чулкиной, С.С. Смирнова, В.С. Колпаковой, А.А. Шмакова, О.А. Кудзоева, С.И. Загребина, Е.П. Ковиной, В.С. Поскребышева, В.И. Титова и других авторов. Всего 16 человек. В издание вошли материалы о 73 памятниках культуры, из них 29 расположены в Челябинске, 16 в Магнитогорске, 9 в Троицке, по 5 в Златоусте, Миассе и Каслях, 2 в Кусе и 1 в Чебаркульском районе и связаны главным образом с именами деятелей науки и культуры.

До публикации «Материалов» на государственной охране в области состоял лишь один подобный памятник и 12 были отмечены мемориальными досками. После публикации эта деятельность заметно активизировалась. В последующие годы творческая группа продолжала активно исследовать территорию области. Итогом (далеко не полным) стала публикация в 1990 г. в Южно-Уральском книжном издательстве справочника «Памятники истории Челябинской области» под общей редакцией М.А. Чулкиной. В него вошли материалы о 253 памятниках революционной, трудовой и военной тематики. Справочник издан тиражом в 10 тыс. Однако и он разошелся очень быстро.

Больше результаты исследований не публиковались, а огромный накопленный материал остался практически невостребованным.

С начала 90-х годов работы стали сворачиваться, а затем и вовсе прекратились. Начались организационные перестройки органов государственного управления, а затем и пресловутая приватизация. Тут уж было не до памятников. Деятельность творческой группы перестала финансироваться. Последние её исследования были связаны с выявлением исторических зданий Челябинска (выполнялись по заказу Челябинского центра историко-культурного наследия) и обследованием архитектурных сооружений Озёрска, связанных с жизнью и деятельностью И.В. Курчатова и ряда других выдающихся ученых, принимавших участие в создании ПО химкомбинат «Маяк». (В то время в Озерске намечалось строительство многоэтажных домов, нарушавших, по мнению местных архитекторов, исторически сложившийся комплекс застройки города. Наше исследование было призвано помочь сохранению этого комплекса).

Времена тогда были смутные. В 1993 г. группа фактически распалась, а 26 ноября 1994 г. вышел Указ Президента РФ «О приватизации в РФ недвижимых памятников истории и культуры местного значения», заложивший правовую основу разрушения десятилетиями создававшейся государственной системы изучения, охраны и восстановления памятников. Большинство мемориальных зданий на основании этого закона были распроданы, судьба их как памятников оказалась печальной.

Конечно, краеведческая работа полностью не свернулась и после этого. Тягу к познанию своей малой родины невозможно запретить никакими указами. Всегда находятся люди, готовые делать это по собственной иници-

циативе. Кое-что даже публиковалось. Например, в энциклопедию «Челябинск» (изд-во «Каменный пояс», 2001) вошли две статьи: «Памятники и монументы, посвященные Великой Отечественной войне» и «Памятные места, связанные с жизнью и деятельностью писателей» (автор В.Ф. Самсонов). Отдельные статьи, посвященные памятникам, содержатся и в многотомной энциклопедии «Челябинская область». Тем не менее, официальная научная и организационная деятельность по выявлению и сохранению памятников истории и культуры на областном уровне была прекращена полностью. Судьба собранных и переданных в производственную группу материалов до конца не известна. Большинство паспортов, надо полагать, пылятся где-нибудь в архиве учреждения.

И всё-таки десятилетний труд не пропал даром. Больше всего пользы от этой работы получили, думается, сами исследователи, для которых участие в творческой группе стало хорошей научной школой. Некоторые её участники (С.С. Смирнов, Л.С. Юдина, В.С. Толстикова, Н.П. Парфентьев) впоследствии стали докторами наук, профессорами, авторами серьезных научных трудов. А.И. Тапилин даже попытался написать на базе собранных материалов кандидатскую диссертацию. К сожалению, житейские проблемы не позволили ему закончить это начинание.

Мне лично полевая работа позволила познакомиться со многими историками, литераторами, архивистами, музейными работниками и, конечно, краеведами - людьми совершенно разных профессий, но объединенными одной общей страстью к познанию прошлого родного края. Именно встречи с ними я считаю наиболее ценными и поучительными. Эти люди помогли мне совершенно по-новому взглянуть на историю, наполнить ее живыми персонажами, материализовать её в реальных объектах. Многих из тех, кто увлеченно и бескорыстно по крупицам собирал сведения о минувшем, уже нет в живых. Думаю, что все они заслуживают отдельной книги о краеведах Южного Урала: и те, чьи имена хорошо известны специалистам, и те, кто оказались забытыми.

Е.Н. Суслова

*Курганский государственный университет,
г. Курган*

ДОБРОВОЛЬНЫЕ НАРОДНЫЕ ДРУЖИНЫ Г. КУРГАНА (1959 – 1960 ГГ.)

Привлечение общественности к борьбе с преступностью – характерная особенность советского государства, которое могло успешно осуществлять свои функции только при массовой, широкой поддержке народа. Одной из форм участия общественности в правоохранительной деятельности явились добровольные народные дружины. В конце 1950-х – начале 1960-х годов правящей коммунистической партией был взят курс на построение коммунизма в недалекой перспективе. Одной из задач коммунистического строительства являлось совершенствование общественных отношений. Составляющей этого процесса являлось широкое вовлечение общественности в управление государством, в том числе и в правоохранительной сфере. В тот период в советском обществе проблемы пьянства, хулиганства, девиантного поведения людей еще стояли весьма остро. Строительство коммунистического общества предполагало ликвидацию подобных антиобщественных явлений.

ЦК КПСС и Совет Министров СССР, учитывая боль-

шое общенародное и государственное значение привлечения трудящихся к охране общественного порядка и обобщив положительный опыт в этом деле, приняли многочисленные предложения трудящихся о создании на предприятиях, стройках, транспорте, в учреждениях, совхозах, колхозах, учебных заведениях и домоуправлениях добровольных народных дружин. Так, 2 марта 1959 года ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «Об участии трудящихся в охране общественного порядка в стране»(1).

Этот документ вызвал единодушное одобрение трудящихся Курганской области, ибо он как нельзя лучше отвечал требованиям времени, являлся практическим преломлением теоретических положений, разработанных XXI съездом КПСС, о всемерном развитии демократии, о вовлечении самых широких слоев населения в управление всеми делами страны, в руководство хозяйственным и культурным строительством. Большинство выступающих на собраниях трудовых и учебных коллективов писали заявления с просьбой принять их в народные дружины. Так, например, на Курганском машиностроительном заводе первыми подали заявления о вступлении в народную дружину партийные, профсоюзные и комсомольские активисты цехов и отделов. В строительном тресте № 74 все члены бригады Титова, борющейся за звание коллектива коммунистического труда, вступили в народную дружину(2).

Поддержала и одобрила постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о создании добровольных народных дружин по охране общественного порядка молодежь г. Кургана. На собрании комсомольского актива города 11 марта 1959 года бригадир комсомольско-молодежной бригады Мошаров призвал комсомольских активистов первыми записываться в народную дружину, так как борьба с пьянством и хулиганством, говорил он, является неотъемлемой частью работы комсомола(3).

Обсудив на заседании комитета ВЛКСМ партийно-правительственное постановление, комсомольцы Курганского сельскохозяйственного института поддержали создание многочисленной и боеспособной добровольной народной дружины в своем вузе. В Курганский горком комсомола каждый день поступали все новые заявления с просьбой принять в дружину. Комсомольцы писали о своем горячем желании вступить в добровольную народную дружину. Они считали, что охрана общественного порядка – это дело комсомольской чести. Вот заявление студентки Курганского сельскохозяйственного института Александры Сизовой: «Я люблю жизнь, люблю людей и охранять их покой считаю своим долгом»(4).

На 10 марта 1959 года в г. Кургане было создано 8 народных дружин, которые насчитывали в своем составе 87 человек: в том числе 23 коммуниста, 37 комсомольцев, 27 беспартийных. На 15 апреля 1959 г. в городе было создано 63 дружины, в которых состояло 5800 дружинников. Дружины на крупных предприятиях создавались, как правило, по цехам и отделам, и каждая из них насчитывала десятки человек. В небольших организациях, на участках и в сменах создавались отряды и звенья. Первый массовый выход на патрулирование по городу был организован в субботу 5 апреля 1959 г.(5).

Хорошо организовывали патрулирование на закрепленных участках города, дружинники заводов Уралсельмаш, Кургансельмаш, машиностроительного, мясокомбината, железнодорожного узла и др. Можно привести много примеров добросовестного отношения членов дружины к своим обязанностям. Например, народные дружинники строительного треста № 74 задержали на месте преступления Чеченцева, который с группой своих соучастников сломал забор киоска и пытался совершить кражу(6).

Дружинники организовывали дежурство около магазинов, предприятий общественного питания, а также в клубах, кинотеатрах, парках, садах и других местах отдыха горожан. Они призывали к порядку нарушителей, следили за соблюдением пешеходами и водителями транспорта правил уличного движения, принимали меры к лицам, которые в нетрезвом состоянии заводили в общественных местах скандалы и драки. Дружинники оказывали помощь работникам милиции при задержании нарушителей общественного порядка и преступников. Так, народные дружинники мясокомбината Харлов, Дудич и Лыжнев во время патрулирования по городу оказали помощь работнику милиции в задержании гражданина Окунева, который взломал замок и пытался совершить кражу в складе столовой № 16(7).

Прежде всего, хочется отметить, что в 1959 году в Кургане значительно снизилось количество всевозможных преступлений, особенно случаев мелкого хулиганства, появления лиц в нетрезвом состоянии в общественных местах и на улицах, ибо за охраной общественного порядка стали следить не только административные органы, но и само население. Если в марте в Кургане было привлечено к ответственности за мелкое хулиганство 156 человек, то за 20 дней апреля только 50(8).

По данным Государственного архива общественно-политической документации Курганской области, общее количество преступлений, совершенных в 1959 г. по сравнению с 1958 г. сократилось на 1178 случаев, или на 30,9%. Сократились такие особо опасные преступления как разбойные нападения – на 23%, изнасилования – на 19,1%, хищения государственного и общественного имущества – на 19,5% и кражи личной собственности – на 35,3%. В 1959 г. количество лиц, арестованных за мелкое хулиганство, сократилось по сравнению с 1958 г. на 33%. Учреждения внутренних дел, прокуратуры и суды, используя помощь общественности, стали больше предупреждать преступные проявления и раскрывать преступления. Если в 1958 г. было раскрыто 88,8% совершенных преступлений, то в 1959 г. – 95,6%. Раскрываемость особо опасных преступлений повысилась с 77,3% в 1958 г. до 91% в 1959 г.(9)

В 1960 г. в Кургане насчитывалось 114 добровольных дружин, в которых состояло 11600 дружинников: в том числе членов КПСС – 1870, комсомольцев – 2675, беспартийных – 7055, мужчин – 5386, женщин – 6214(10). Для патрулирования по городу ежедневно выходило 130-150 человек. Народная дружина Курганского машиностроительного завода выпускала фотовитрину «Не ваши ли это знакомые?», свою стенную газету. Дружинники продольного водопровода, кроме патрулирования на улицах города, каждое воскресенье дежурили на городском рынке. В 1960 г. ими было задержано 10 спекулянтов(11).

В Домах культуры города народные дружинники совместно с работниками прокуратуры и судов проводили беседы по разъяснению советского законодательства, вечера вопросов и ответов на юридические темы. Местное радиовещание в своих передачах, используя материалы народных дружин, рассказывало о случаях недостойного поведения отдельных лиц в общественных местах, семье. В воспитательной работе среди населения широко использовались различные сатирические издания, особенно фотовитрины и стенды, выпускаемые молодежными организациями. В 1960 г. были выпущены обзор о работе народных дружин и плакат «Дружинники Кургана на страже общественного порядка» тиражом в 1500 экземпляров(12).

В целях борьбы за здоровый быт в городе было создано 6 дружин при домоуправлениях. Эти дружины активно участвовали в поддержании общественного поряд-

ка в домах общего пользования. Было организовано 50 групп по борьбе с хищениями на предприятиях, стройках, в совхозах и колхозах(13).

В 1960 г. дружинниками города было пресечено 62 уголовных преступления – хулиганств, разведение пьяных лиц, поджогов. В районные штабы дружин было доставлено 1850 нарушителей общественного порядка. На них было составлено 1052 административных протоколов. В городской медицинской вытрезвитель было доставлено 574 человека. На 1176 нарушителей были направлены сообщения по месту их работы. Свыше 10000 горожан, допустивших нарушения общественного порядка на улицах, стадионах, в садах, скверах и кинотеатрах, были дружинниками предупреждены(14).

Таким образом, добровольные народные дружины – это самостоятельные организации трудящихся, которые были призваны решать сложные и ответственные задачи по охране общественного порядка, действуя в контакте с государственными правоохранительными органами. Основными методами деятельности народных дружин являлись убеждение и предупреждение. Их главная задача состояла не только в том, чтобы задержать нарушителя и передать его в руки властей или самим наказать его построго, но и в том, чтобы разъяснить человеку неправомерность его поведения, принять меры, исключающие возможность повторения правонарушений. Ответственность города Кургана приняла самое активное участие в создании и работе добровольных народных дружин по охране общественного порядка. Это способствовало существенному сокращению преступности и случаев девиантного поведения людей.

Список литературы

1. ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 18. Д. 70. Л. 60.
2. Там же. Д. 79. Л. 55.
3. Красный Курган. 1959. 14 марта.
4. Красный Курган. 1959. 31 марта.
5. ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 18. Д. 92. Л. 52.
6. Там же. Ф. 10. Оп. 76. Д. 81. Л. 3.
7. Там же. Ф. 166. Оп. 18. Д. 79. Л. 56.
8. Там же.
9. Там же. Оп. 19. Д. 92. Л. 39.
10. Там же. Ф. 10. Оп. 76. Д. 81. Л. 1.
11. Михайлов А. На страже общественного порядка// Блокнот агитатора. 1960. № 10. С. 11-14.
12. ГАОПДКО. Ф. 10. Оп. 76. Д. 81. Л. 2.
13. Там же. Л. 15.
14. Там же. Л. 13.

А. В. Сушко
Омский государственный технический университет, г. Омск

К ВОПРОСУ О СОЗДАНИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЯКУТСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО КОМИТЕТА

26 сентября 1917 г. лидеры якутской интеллигенции В. В. Никифоров, Г. В. Ксенофонтов, И. Г. Корнилов, К. О. Гаврилов, М. И. Шадрин организовались в Якутский национальный комитет, проведя его первое заседание. Историки сходятся во мнении, что комитет создавался для руководства всеми национальными организациями как орган, который в будущем возглавит национально-государственную автономию якутов. Их взгляды приведены в работе А. И. Гоголева, который считает, что «национальный комитет создавался для объединения и управления деятельностью всех национальных организаций:

общества «Саха Аймах», земских управ, Союза федералистов. На тот момент, по мнению А. Н. Дьячковой, комитет являлся организацией, стоящей во главе национально-освободительного движения в Якутии. «Нацком был основой будущего государственного органа, - пишет А. Малькова, - которому надлежало возглавить после провозглашения национально-государственную автономию» (2, 158). Традиционную для якутской историографии точку зрения на причину, побудившую националистов создать Национальный комитет, поддерживал и новосибирский историк В. А. Демидов: «Если Якутский союз федералистов представлял собой буржуазно-националистическую партию, имевшую программу и устав, то Якутский национальный комитет являлся своеобразным учреждением, которому предназначалось стать полноправным государственным органом, в тот момент, когда, как замыслили его организаторы, возникнут подходящие условия для провозглашения "национально-территориальной" автономии якутов» (3, 88).

На наш взгляд, маловероятно, что Якутский национальный комитет являлся своеобразным учреждением, которому в подходящий момент предназначалось стать полноправным государственным органом. Приведенные взгляды историков на деятельность Якутского национального комитета отражают стратегическую задачу якутской националистически ориентированной интеллигенции, стремившейся к власти в регионе. Однако осенью 1917 г. якутские националисты еще не заходили в своих планах так далеко и не думали создавать орган, который бы после его провозглашения возглавил национально-государственную автономию якутов. Кроме того, создатели комитета находились у руля всех перечисленных Гоголевым национальных организаций, практически все они были членами ЦК федералистов, партии, созданной местной якутской интеллигенцией, и им не было необходимости для руководства национальными организациями создавать еще один орган, дублирующий по составу ЦК партии якутских федералистов. Цель данной работы – раскрыть мотивы создания Якутского национального комитета.

Думается, что создание национального комитета в первую очередь объясняется необходимостью более определенно выступить с идеями защиты национальных якутских интересов. Федералисты, согласно их партийной программе, являлись сибирскими областниками – националистами гражданскими, но для них как этнических якутов в мировоззрении был важен узкоэтнический якутский национализм. О националистическом характере комитета свидетельствует его цель, выработанная на первом заседании при обсуждении устава организации. Учредители комитета приняли решение: «Не входя в детальную разработку устава, определить задачу и устав комитета следующим образом: Национальный комитет имеет целью *защитить правовые, экономические, культурные и др. интересы якутской нации* – (выделено мною. – А.С.)» (4, 1). Мотивом к созданию комитета, на наш взгляд, послужило желание якутских националистов не затеряться за социалистическими и областническими лозунгами, которые для них были важны, но второстепенны, и в первую очередь решать свои национальные задачи путем суверенизации якутского народа.

Желание националистов обособиться от прочих политических организаций и органов ярко проявилось на заседании Национального комитета, проходившем 26 ноября 1917 г. На нем обсуждалась телеграмма председателя областного комитета В. С. Кругликова о делегировании члена якутского национального комитета в краевой комитет. Обсудив это предложение, Национальный комитет вынес решение: «Делегирование члена в Крае-

вой Комитет от Якутской Национальной организации является нежелательным для якутской нации, добывающейся полной автономии и децентрализации власти, поэтому оставить без последствий предложение Краевого комитета» (4, 2).

Вопрос об участии Национального комитета в создании сибирской государственной власти первый раз обсуждался 29 ноября 1917 г. в связи с телеграммой, полученной из Красноярска от известного областника Г. Б. Патушинского, в которой он предлагал комитету «уполномочить его представлять интересы якутского народа» на Чрезвычайном декабрьском областном съезде в Томске, так как, по его мнению, «за дальностью расстояния и краткостью остающегося времени Якутский Национальный Комитет не может прислать своего делегата» (4, 4). На первом заседании якутские националисты не приняли решения, отложив решение вопроса до следующего заседания. 2 декабря 1917 г. якутский национальный комитет второй раз обсуждал этот вопрос и принял решения вежливо отказать Патушинскому, выразив ему благодарность за предложение, и просить его в ответной телеграмме в дальнейшем «оказывать содействие отстаиванию интересов якутского народа» (4, 3). Националисты, придавая важное значение своему участию в процессе создания сибирской государственной власти, решили отправить в Томск собственных представителей. 3 декабря организаторы съезда в Томске получили телеграмму национального комитета, отправленную из Якутска 2 декабря. В ней говорилось: «Якутский национальный комитет делегирует на съезд шестого декабря Семена Онуфриевича Новгородова, Гавриила Васильевича Ксенофонтова уполномочивает отстаивать: 1) необходимость немедленной организации Сибирского Временного правительства, если правомочное Всероссийское Учредительное Собрание не будет нормально функционировать 2) организацию Совета при Сибирском Временном правительстве на принципе представительства национальности области 3) скорейший созыв Сибирского Учредительного Собрания 3) упразднение краевых комиссаров 5) Комитет уполномочивает Новгородова и Ксенофонтова представлять о решении других вопросов, возникающих на съезде» (1, 33).

Якутские деятели для того, чтобы чувствовать себя увереннее, планировали участвовать не только в процессе суверенизации Сибири, но и добиваться согласования действий элит сибирских народов путем «общеинородческой интеграции». Деятели Якутского Национального комитета была высказана мысль о необходимости съезда инородцев Сибири. К осени 1917 г., несмотря на громкие заявления о том, что слово «инородец» заменено словом «гражданин», активисты-националисты в своем сознании еще не стали полноправными гражданами Российской республики и выражали потребность к совместной работе с представителями других сибирских народностей. Якутский национальный комитет на первом же своем заседании постановил послать телеграмму в Иркутск, в Бурятский национальный комитет, запрашивая, «когда назначить общий инородческий съезд» (4, 1).

Таким образом, главная причина создания Якутского национального комитета заключается в том, что его создатели, считая, что программа партии Якутского трудового союза федералистов идеологически не является узко якутской, озаботились созданием организации с якутскими национальными задачами, члены которой в будущем действительно могли бы возглавить национальную автономию якутского народа.

Список литературы

1. Государственный архив Томской области. ГАТО. Ф. Р-578. Оп. 1. Д. 3.
2. Гоголев А. И. История Якутии. Якутск, 2006. С. 158.
3. Демидов В. А. Октябрь и национальный вопрос в Сибири. Новосибирск, 1983.
4. Национальный архив Республики Саха (Якутия). НАРС(Я). Ф. Р-400. Оп. 1. Д. 1.

И.В. Табуркина

Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, г. Нижний Тагил

«УПРАВЛЕНИЕ АКТИВНОСТЬЮ»: ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ И МОТИВАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ РЕКРУТИРОВАНИЯ В ПОЛИТИКУ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ УРАЛА НА РУБЕЖЕ 1920-1930-Х ГГ.

Одним из принципов функционирования советского общества рубежа 1920-1930-х гг. стало стремление к мобилизационному вовлечению населения в своеобразные формы квази-участия, а именно в массовые ритуальные действия поддержки правящего режима. В данный период существовало несколько подобных форм как мобильного, так и имобильного «включения» в политическое пространство: вступление в Коммунистическую партию; работа в профсоюзных, комсомольских и общественных организациях; деятельность в составе городских Советов депутатов и депутатских групп на предприятиях, советских групп содействия; выдвижение и самовыдвижение на административные должности. В рамках любой из этих форм политическое участие выполняло преимущественную роль инструмента индоктринации и контроля над политическим сознанием и поведением населения со стороны властных органов.

Понимания невозможность реализовать программу форсированной индустриализации только при пассивном соучастии населения, партийно-государственное руководство осознавало необходимость повышения эффективности работы, направленной на изменение форм участия населения в общественной и политической жизни. Прежде всего, необходимо было вовлечь человека в политическое пространство, сделать его сопричастным процессу реализации государственной политики, и, тем самым, повысить моральную ответственность за выполнение задач первой пятилетки. В процессе конструирования положительного образа власти и лояльного отношения к ней населения особое значение приобретало формирование политической идентичности, которое должно было способствовать появлению устойчивых образцов политического поведения. Одним из основных способов политизации населения являлся прием «вовлечения во взаимодействие», который сводился к тому, чтобы подтолкнуть человека к конкретному незначительному действию и на его основе расширить зону совместного участия в решении проблемы. В этом случае решающую роль играл психологический фактор взаимных обязательств, когда человек чувствовал ответственность за совершенный поступок и склонялся к последовательности в своих действиях и в необходимости согласия с властью.

Реализация поставленных задач политизации общества осуществлялась партийно-государственным аппаратом посредством организации массовых кампаний, трак-

туемых нами как систематические действия руководства страны по тотальному вовлечению населения в процесс форсированных преобразований с целью получения определенного политического или экономического результата, а также для изменения массового обыденного сознания.

Манипулируя общественными настроениями в ходе формирования массовой политической культуры, власть активно использовала определенные «мобилизационные» структуры языка и формы поведения, идеологически ретушировала эмоции, представления, чувства населения, провоцировала желание и готовность граждан проявлять политический и трудовой активизм. Так, для формирования политической активности привлекались все традиционные институты социализации. Символическим действием, способствовавшим приобщению к официальному «Я-образу», являлось ношение атрибутики новой идентичности: значков, галстуков, нарукавных нашивок. Особо подчеркивалась необходимость освоения официального языка власти посредством разучивания речевок, гимнов, слоганов мобилизационных кампаний.

В целях массовой политизации взрослого населения, воспитания «политически активного гражданина» власть активно использовала новые диалоговые формы взаимодействия с обществом. Такими символично-ритуальными мероприятиями являлись партийные, комсомольские, профсоюзные собрания, производственные совещания, ежедневные политинформации, индивидуальные и коллективные «читки» газет, радиопередачи, обучение в системе партийного просвещения, усвоение официального языка, торжественные заседания и демонстрации, «инициированное» вступление в ВКП(б), символизирующее «передачу - переход» лучших рабочих в ряды партии.

Одним из основных условий успешного проведения кампаний по политизации населения было создание целостного информационного поля, не допускающего вакуума в производственной, общественной, личной жизни граждан. Стержневой основой агитационной политики становились индивидуальные и коллективные «про-работки» нормативно-правовых и распорядительных документов партийных и советских органов (директив, постановлений, циркуляров, распоряжений). Руководители властных структур, осознавая рост негативных реакций населения на отдельные мероприятия, стремились пропагандировать образцы политического поведения, активно привлекая к освещению массовых политических акций местные средства информации. Учитывая психологическую особенность традиционного общественного сознания, ориентированного на усвоение чужого мнения, и недостаточный для обоснования собственной точки зрения уровень культуры и политической грамотности основной массы населения, власть со страниц средств массовой информации «предлагала верить» успешности проводимого курса. Материалы печати преподносились как «школьная шпаргалка», необходимая для усвоения «нового материала».

Активно использовался и фактор революционной преемственности, артикулируемый в ходе агитационной работы в связи с годовщинами революционных событий (2, 248).

Далее, рассматривая процесс политизации населения, необходимо разграничить два показателя – политическая активность и политическая лояльность. Парадоксальность ситуации, сложившейся в 1920-1930-е гг., заключалась в том, что формируемая посредством привлечения всех институтов социализации политическая активность в чистом виде так и не была сформирована, поскольку в восприятии и в поведении населения про-

изошло слияние смысловых категорий «активность» и «лояльность», что в дальнейшем привело к постепенному вытеснению первого значения с ментального уровня восприятия. Население было вынуждено проявлять не столько активность, понимаемую в «деятельностном» ключе, сколько именно лояльность, поскольку игнорирование этого компонента политического поведения означало нарушение правил политической игры и грозило «провинившемуся» репрессиями и потерей определенных прав и привилегий. При этом необходимо отметить, что у гражданина оставалось право внутренней политической пассивности и возможности ее проявления в другом контексте. Начиная с рубежа 1920–1930-х гг., при характеристике массового сознания уральцев мы можем констатировать формирование нового типа гражданина, видимая активность которого не соответствовала внутренней политической пассивности, что известно в науке как парадокс ла Пьера (несоответствие мнения (внутреннего, не выраженного суждения) и внешнего поведения) (1,97).

Итак, на городское население одновременно действовали несколько факторов, диктующих соответствующие модели поведения в условиях проводимых властью мобилизационных кампаний.

Значительный уровень политической активности (то есть лояльности) населения был обусловлен рядом обстоятельств: страхом лишиться того минимума прав и социальных гарантий, которые обеспечивала политическая лояльность; формированием психологии «наемника», зависимого от государства; ростом уровня организации политических кампаний, усилением идеологического давления на избирателя.

В то же время сохраняется и существенная доля общественной пассивности, оценивая причины которой, стоит отметить сохранение у населения части городов и особенно заводских поселков связи с землей, элементов психологии горнозаводских рабочих: не только традиционного представления о характере участия в политической жизни, но и «инстинкта невмешательства» в государственное управление, «зацикленность» на индивидуальных повседневных проблемах. На степень политической поддержки и участия населения в массовых избирательных кампаниях существенно повлияло сохранение специфики «горнозаводской» модели управления, во многом формирующей представление о декоративной (фасадной) роли представительных органов власти.

Одним из дискуссионных вопросов в обсуждении проблемы политизации советского общества является мотивация рядовых граждан для вступления в Коммунистическую партию и работы в профсоюзных, общественных и советских организациях, а также выдвижения и самовыдвижения на административные должности и в городские Советы. Спорность данного аспекта вполне объяснима, поскольку субъективность и идеологическая «зашоренность» большинства источников личного происхождения затрудняют рассмотрение вопроса об индивидуальной мотивации участия городских жителей в политической и общественной деятельности.

Традиционные классификации «советских активистов», разработанные с учетом возрастного, профессионального или гендерного принципа, не позволяют выявить реальные причины участия уральцев в политических кампаниях и в работе органов власти, раскрытие которых возможно лишь при тщательном анализе источников личного происхождения, критическом прочтении воспоминаний и писем городских жителей рубежа 1920–1930-х гг., изучении протоколов заводских и городских отчетно-выборных собраний, позволяющих условно выделить различные социальные психотипы людей, участвовавших в кампаниях по «призыва во власть». Необходи-

мо оговорить, что выявленные мотивационные модели участия (группы) являются «чистыми типами», используемыми нами как методологический инструментальный анализ индивидуального поведения, и в реальной политической практике, реконструируемой по различным источникам, в ряде случаев происходило совмещение моделей с доминированием того или иного мотива.

Первая группа «активистов» рассматривала собственную деятельность как стратегию социального взаимодействия, обусловленную сугубо меркантильными мотивами: желанием улучшить материально-бытовое положение, решить жилищный вопрос, получить предлагаемый минимум социальных привилегий.

Вторая группа, представляющая собой активную часть населения с «запятнанным прошлым», использовала «политический активизм» как механизм социальной реабилитации, осознавая, что при «ежедневном надзоре за биографией» активная жизненная позиция является одним из действенных способов повышения и закрепления достигнутого социального статуса, вариантом приближения к социальному идеалу, реабилитацией «социального прошлого» за счет участия в общественной жизни.

Мотивация поведения третьей группы политически активных людей была обусловлена сохранением влияния в обществе преобразовательного импульса революционных событий. Осознание несовершенства системы, сопровождаемое «эффектом обманутых надежд», обуславливало стремление части городского населения изменить существующее положение посредством активной советской работы. Основную часть данной группы составляли коммунисты с дореволюционным партийным стажем. Их политическое влияние, особенно на молодежь и новые рабочие кадры, значительно отличалось от авторитета следующей группы, представленной членами партии с незначительным стажем ответственной работы.

Мотивы активности этой группы можно охарактеризовать как традиционно-инертные. Выдвигаемые производственными коллективами, без явной личной мотивации, они не стремились проявлять активность, внутренне не актуализируемую, и, следовательно, не являющуюся основой личностного поведения.

Мотивы обретения власти над другими людьми, служили побудительными аргументами для проявления «политического активизма» четвертой группы населения. Этот тип достаточно трудно выделить, поскольку, не отдавая порой отчета об истинных мотивах своего поведения, они не могли гласно о них заявлять из этических соображений.

Активность пятой группы «активистов» была обусловлена «компенсаторной» функцией. Стремясь ликвидировать отсталость в политическом образовании, становившаяся причиной внутренних комплексов, они воспринимали работу в органах власти как экспериментальную площадку для повышения политической культуры. Дополнительным аргументом проявления активности становилось стремление достигнуть преимущества перед другими людьми, тем самым устраняя внутренние барьеры.

В целом, осознавая собственные мотивы и соотнося их с реальной политической практикой, население вовлекалось в многоуровневую систему рекрутирования граждан в политику, в рамках которой при реально минимальной или просто номинальной возможности политического участия создавалась иллюзия всеобщей политизации общества.

Список литературы

1. Винниченко О.Ю. *Советы Урала в механизме тоталитарного государства. 1929–1941. Курган, 2001.*

2. Гимпельсон Б.Г. Становление и эволюция советского государственного аппарата управления. 1917–1930. М., 2003.

С.Н. Филимончик

*Петрозаводский государственный университет,
г. Петрозаводск*

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В КАРЕЛИИ В 1920-1930-Е ГОДЫ

Российская революция привела к смене мировоззренческих доминант. Большевики подвергли репрессиям церковь, стремились оттеснить религию на периферию культуры и провозгласили всестороннюю поддержку науки. Опережающее развитие науки в 1920-1930-е гг. напрямую определяло успехи в модернизации промышленности, транспорта, связи, в укреплении обороноспособности страны, развитии современной системы образования. С другой стороны, сталинский режим проявлял фанатичную нетерпимость к инакомыслию, широко применял административно-политические и репрессивные меры воздействия к интеллигенции, что нанесло тяжелый урон российской науке.

В 1920-е гг. известные ученые Москвы и Ленинграда провели огромную работу по изучению этнологии, истории и культуры Европейского Севера. Академия наук организовала Карельскую этнографическую экспедицию под руководством ленинградского исследователя Д. А. Золотарева. Участники экспедиции собирали антропологические данные и вели изучение языка, построек, костюмов, хозяйственного быта семей северных карелов. Ленинградский институт истории искусств провел экспедицию в Заонежье, где велись записи былин, песен, частушек, загадок, изучались церкви, избы, предметы домашнего обихода местных жителей. В Петрозаводске руководителя этой экспедиции Константина Романова попросили провести экспертизу памятников Петру I и Александру II, которые после того, как их в 1918 г. демонтировали, валялись на задворках ЦИКа. В своем заключении опытный реставратор и знаток архитектуры К. К. Романов подчеркнул, что памятник Петру I заслуживает сохранения ввиду его особой художественной ценности. В отличие от памятника Александру II этот монумент избежал переплавки. Памятник передали на хранение в Карельский музей, а в конце 1930-х гг. вновь установили в центре Петрозаводска.

Летом 1926 г. научная экспедиция Наркомпроса РСФСР под руководством И. Э. Грабаря обследовала памятники деревянного зодчества Карелии. «Памятники совсем особенные - застывшие сказки», - писал И. Грабарь, прибыв на остров Кижы (1, 252). Здесь ученые провели оценку степени сохранности храмов, разработали программу первоочередных реставрационных мероприятий, впервые описали и атрибутировали кижские иконы. При финансовой поддержке карельского правительства за полтора месяца были проведены ремонтные работы в Преображенской церкви, продлившие жизнь храма на десятилетия.

В 1920-е гг. были сделаны первые шаги для создания в Карелии собственных научных учреждений. В годы революции на озере Селигер в Новгородской губернии была законсервирована деятельность биологической станции, основанной академиком И.П.Бородиным. Ее второе рождение состоялось в 1927 г. в Карелии. Научную работу станции курировало Ленинградское общество естествоиспытателей, а материальные заботы взяло на

себя правительство Карелии. Директором станции был назначен гидробиолог профессор Б.В.Перфильев. С работой на станции связана лучшая пора его творческой жизни. В конце 1920-х гг. Б.В.Перфильев выдвинул микроразональную теорию илообразования, о которой впервые рассказал в 1927 г. на IV лимнологическом конгрессе в Риме. Этот доклад был отмечен высшей наградой конгресса - премией и медалью.

В сентябре 1930 г. Совнарком КАССР принял постановление «Об организации Карельского научно-исследовательского (комплексного) института – КНИИ». Карельский НИИ должен был стать центром разработки научных основ развития экономики, рационального использования природных ресурсов, изучения культуры края. Первым директором КНИИ стал глава правительства Карелии Э. А. Гюллинг, а его заместителем вепс по национальности, выпускник Ленинградского университета С. А. Макарьев. В состав президиума КНИИ вошли крупные ученые СССР. Сотрудничество с ними было взаимовыгодным. Известные ученые находили в Карелии богатейший материал для своих исследований, учеников и последователей, финансовую поддержку. В свою очередь, специалисты высочайшей квалификации становились начальниками экспедиций и полевых отрядов, научными наставниками молодежи, являлись авторами фундаментальных научных работ о Карелии.

В 1931 г. возглавил организацию Карельской научно-исследовательской рыбохозяйственной станции и стал ее первым директором известный ученый-ихтиолог профессор И.Ф. Правдин. Его путь в науку не был простым: выпускник духовной семинарии, он смог сдать экстерном экзамены за университетский курс только в советское время, будучи 40-летним человеком. В 1920-е гг. И.Ф.Правдин работал в Государственном институте опытной агрономии, являясь соратником Н.И.Вавилова, Л.С. Берга. Коллеги характеризовали его как человека исключительной цельности, которому были чужды карьеризм, пустозвонство, хвастливость. В 1930-е гг. И.Ф. Правдин организовал широкое и разностороннее изучение крупнейших озер Карелии. Под его руководством были составлены научно-промысловые карты озер, начаты опытные работы по разведению сиговых, лососевых и других ценных рыб. Уже в 1932 г. вышел из печати сборник «Рыбное хозяйство Карелии», стали издаваться «Труды Карельского отделения ВНИОРХ»(3, 78).

В гуманитарной области главным направлением деятельности института стало собирание памятников устного народного творчества. В Карелии была выявлена целая группа одаренных сказителей. В Петрозаводске ленинградский фольклорист Н. В. Новиков записал 106 сказок от бывшего рабочего Александровского завода Филиппа Господарева. На одном из рыбацких становищ на Белом море в 1933 г. ленинградский фольклорист А. Н. Нечаев познакомился с крестьянином села Кереть Матвеем Коргуевым, от которого записал 93 самобытных, высокохудожественных произведения устного народного творчества. Издание сказок М. М. Коргуева, Ф. Господарева стало крупным явлением отечественной фольклористики. В 1935 г. в Карелии торжественно отмечалось 100-летие первого издания карело-финского народного эпоса «Калевала». Юбилей способствовал знакомству с эпосом широких слоев населения Карелии и всей страны, активизировал научные исследования «Калевалы» и всего устного художественного творчества карельского народа.

Ученые смогли добиться заметных успехов в изучении различных диалектов карельского и вепсского языков. Д.В. Бубрих подготовил программу по сбору материала для диалектического атласа карельского языка, которая включала до двух тысяч вопросов по фонетике,

морфологии и лексике карельского языка. Сотрудники Карельского института культуры, преподаватели Карельского педагогического института, учителя сельских школ, студенты обследовали по этой программе 150 населенных пунктов. На основе собранного материала ученые составили более 200 диалектологических карт, определили территорию диалектов и характерные особенности каждого из них. Д. В. Бубрих начал уникальный в практике языкового строительства эксперимент, когда в основу письменного литературного языка был положен не один диалект, а в единую систему сводились ведущие черты всех диалектов (2,31).

В 1926 г. А. М. Линевский открыл первое скопление петроглифов на скалах р. Выг, недалеко от побережья Белого моря. Молодой историк назвал их Бесовыми следками по ассоциации с уже известными науке наскальными рисунками в районе Бесова Носа на восточном берегу Онежского озера. А. М. Линевский вел активную исследовательскую работу по изучению наскальных изображений. Он удачно ввел петроглифы в художественную литературу, создав научно-фантастическую повесть «Листы каменной книги». В середине 1930-х гг. изучение петроглифов начал В. И. Равдоникас, обнаруживший немало новых фигур и скоплений. Сенсационным стало открытие большого, необычайно выразительного скопления на Залавруге, всего в 1,5 км от Бесовых следков. Все изображения были скопированы и опубликованы, тем самым впервые петроглифы Карелии были так основательно введены в научный оборот.

Фольклором и археологией Севера увлекся сосланный в 1926 г. из Костромы на Соловки Н.Н. Виноградов, этнограф, фольклорист, член Императорского Географического общества, страстный коллекционер. Во второй половине 1920-х гг. он заведовал Соловецким музеем, активно работал в Соловецком обществе краеведения. В 1932-1937 гг., являясь научным сотрудником КНИИ, Н.Н. Виноградов занимался изучением политической ссылки в Олонецкий край (6, 258).

В историко-революционной секции Карельского НИИ активно работали участники Финляндской революции 1918 г. Э. А. Хаапалайнен (в 1918 г. - главнокомандующий Красной гвардии и уполномоченный по внутренним делам в рабочем правительстве Финляндии) и Л. М. Летонмяки (член революционного правительства, нарком юстиции в том же правительстве). Они организовали сбор документов и воспоминаний по истории революции и гражданской войны в Финляндии и Карелии, собрали более 600 биографий активных участников этих событий. В 1932 г. вышел в свет на русском и финском языках сборник воспоминаний и очерков «В боях за Советскую Карелию». В него вошли статья Т. Антикайна, материалы конференции красных партизан, воспоминания о боевых действиях под Петрозаводском, Олонцом, в Заонежье.

В июне 1935 г. на бюро Карельского обкома ВКП(б) деятельность Карельского НИИ, прежде находившая поддержку властей, впервые подверглась резкой критике, за которой последовали увольнения с работы и травля ученых. В январе 1937 г. комплексный институт был реорганизован в НИИ культуры, за которым сохранялось только гуманитарное направление. Подразделения естественнонаучного и технико-экономического профиля передавались соответствующим наркоматам и ведомствам. В 1937-38 гг. были расстреляны бывший директор КНИИ Э. Гюллинг, его заместитель С. А. Макарьев, ведущие специалисты КНИИ Э. А. Хаапалайнен, Н. Н. Виноградов, Н. В. Хрисанфов, заведующая институтской библиотекой Е. П. Ошевенская. Арестам и тюремному наказанию подверглись также ряд служащих КНИИ. Неза-

вершенными остались многолетние труды ученых, нереализованными - творческие планы (4,35).

В конце 1930-х гг. на работу в Карельский НИИ культуры были приглашены исследователи из Москвы и Ленинграда. Ими были подготовлены первые монографические исследования, посвященные Карелии. Несмотря на то, что многие московские коллеги считали бесперспективным археологическое изучение Севера, А. Я. Брюсов организовал ряд научных экспедиций на Север. Его публикации внесли большой вклад в освещение древнейшего периода истории края. Изучение истории средневековой Карелии активно вели ленинградские исследователи С. С. Гадзяцкий, С. М. Левинова.

С 1938 г. являлась сотрудником Карельского НИИ Р. Б. Мюллер. Выпускница Бестужевских курсов, а в советское время - Петроградского университета, она несколько лет проработала в Постоянной историко-археологической комиссии. Там под руководством выдающегося источниковеда А. И. Андреева Р. Б. Мюллер занималась разбором и описанием монастырских документов XVI в. и получила основательную подготовку как археограф, хотя после «академического дела» вынуждена была оставить эту работу. В предвоенные годы Р.Б. Мюллер подготовила сборник документов о Карелии XVII века, в который вошли документы, выявленные в ленинградских архивах. Судьба этой книги оказалась трагической: в блокаду Ленинграда уцелели лишь несколько экземпляров. К 1948 г. Р. Б. Мюллер заново подготовила к изданию этот сборник (5, 295).

Революция много сделала для преодоления культурной отсталости общества. Государство не жалело средств на финансирование материальной базы науки, стремилось активно использовать научные достижения в целях индустриализации. Становлению новых научных центров неоценимую помощь оказали ученые Ленинграда и Москвы. Однако репрессии по отношению к наиболее образованным слоям общества тяжело сказались на развитии науки. Идеологический диктат душил свободную мысль, был на руку бездарности. В этих тяжелых условиях, как не раз бывало в России, усилиями подвижников удалось спасти преемственность великой культуры.

Список литературы

1. Грабарь И. О древнерусском искусстве. М., 1966.
2. Клементьев Е.И. Карелы. Историко-этнографический очерк. Петрозаводск, 2008.
3. Покровский В., Шабунин В. Жизнь, отданная науке. Петрозаводск, 1971.
4. Савватеев Ю. А. Степан Андреевич Макарьев. Жизнь и деятельность // Вепсы: История, культура и межэтнические контакты. Петрозаводск, 1999.
5. Сербина К. Н., Шаскольский И. П. Р. Б. Мюллер (1896-1989 гг.) // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XXIV. СПб., 1993.
6. Ученые Карельского научного центра РАН. Петрозаводск, 1999.

О.Б. Фоминых
Курганский государственный университет,
г. Курган

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОБРАЗ В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ (С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ РАБОТ ЗАУРАЛЬСКИХ ХУДОЖНИКОВ)

Художественный образ как форма отражения в искусстве представляет собой сложное образование. С

одной стороны, мы рассматриваем его как определенную целостность, но вместе с тем он предстает для нас как сложнейшая многоуровневая система, несущая в себе различные функции. В рамках художественного образа выделяются онтологический, гносеологический, аксиологический, семиотический, коммуникативный и др. уровни, на каждом из которых концентрируется определенного рода информация. При этом она различается по количественным, качественным и некоторым иным характеристикам, оказывается тесно связанной с различными уровнями развития психики и интеллекта. С древнейших времен художественный образ несет информацию об объекте (*прообразе или прообразах*). И поскольку исходный материал и способы структурирования художественного образа могут быть разными, то и сами образы оказываются качественно различными (образ-аналог, образ-фантазия и др.). Это порождает проблему достоверности, степени адекватности знания, его истинности. На уровне искусства эта проблема трансформируется в проблему художественной правды.

Следует отметить, что воспринимающий субъект всегда четко фиксирует то, что художественный образ – это особого рода реальность, *художественная реальность*, она не тождественна его собственному бытию, представляет собой бытие *иного* рода (вещное или процессуальное). Происходит включение в *эстетическую* ситуацию, содержащую «игровое» начало, ориентированное не на «пользовательский» продукт, а на обретение специфического эмоционального состояния. Игровое начало порождает *амбивалентное* отношение к воспринимаемому, включающее как вымысел, так и определенное ощущение реальности. В изобразительном искусстве мы практически всегда сталкиваемся с тем, что объективная реальность, составляющая основу художественного творчества, трансформируется в нечто иное, отличающееся от исходного. Формой отражения мира в изобразительных искусствах является *изображение*. Специфика её заключается в том, что она всегда несет в себе определенную степень сходства с реальными объектами, однако не совпадает с ними. Наиболее близкое сходство имеют реалистические формы искусства, экспрессионистские и абстрактные работы зачастую на первый взгляд не имеют ничего общего с объективной реальностью, однако при тщательном изучении мы вполне можем это сходство обнаружить. Рассмотрим некоторые примеры. Подавляющее большинство зауральских художников тяготеет к реализму, создавая яркие, выразительные образы действительности. Любимым многими жанром является пейзаж, отражающий часто картины зауральской природы. Художники часто выезжают на пленэр, стремясь максимально точно передавать свои наблюдения. Поэтому внимательный зритель способен буквально узнавать конкретные места, которые воссозданы мастерами. Однако ни одна работа не копирует слепо пространство «от сих до сих», художники перерабатывают увиденное, создавая достоверную картину действительности. И, кстати сказать, если несколько художников будут писать одно и то же место, мы получим несколько совершенно разных работ. Это ярко проявляется в работах Г. Травникова, И. Щетинина, В. Пшеничникова, В. Коршунова, А. Абрамова и многих других. Однако в работах экспрессионистско-абстрактного плана мы зачастую встречаемся с совершенно иным способом отражения действительности. Здесь художник часто отталкивается то какого-то фрагмента действительности, но пытается показать нам то, что у нас буквально перед глазами, но мы в силу тех или иных обстоятельств этого просто не видим, не замечаем, не способны увидеть... Все мы много раз видели перед собой чашечку только что налитого

кофе, но нам никогда не пришло бы в голову эту поверхность кофе увеличить, «растянуть» на всю поверхность большого листа и показать, а что же *она есть сама по себе*? А вот в работах Н. Щетининой мы можем встретиться с подобными образами, однако в названии работы мы этого не увидим и будем ломать себе голову над тем, откуда у художницы взялся тот или иной образ. Иногда же в сознании художника возникает почти фантастический образ, навеянный мифами, грёзами, прослушанным музыкальным произведением (например, известная работа Н. Щетининой «Гаруда»).

Художественный образ всегда связан с *эмоционально-психическим состоянием* субъекта (как творца, так и реципиента), преломляется через него, выявляет сложные зависимости. Как-то во время творческой встречи в мастерской художника В. Наконечного у студентов спонтанно возник вопрос: «А почему практически все показанные художником картины (их, кстати, было несколько десятков) ... *грустные?*» Надо было видеть изумление художника, который просто не задумывался над этим!... В ходе дальнейшего общения выяснилось, что в конечном итоге это результат эмоционального состояния мастера. Другая близкая по смыслу ситуация сложилась во время учебных занятий по специфике искусства в залах художественного музея в одной из студенческих групп, когда студентка просто не увидела картину, будучи погруженной в собственные переживания; однако неделю спустя она же пришла в восторг от незамеченной ею картины и пыталась обратить на неё внимание всех однокурсников, чем вызвала смех, поскольку на предыдущем занятии мы эту работу анализировали минут двадцать, рассматривая в различных аспектах.

Художественный образ не просто фиксирует в себе информацию, а передает её *ценностный смысл, системы ценностных ориентаций* как отдельного человека, так и общества в целом. Определенная *значимость* объектов, явлений, отношений – вот то, что закрепляется в образе. Художественный образ несет в себе информацию о *пространстве* художественного объекта, что позволяет формировать у реципиента ощущение *границ* художественного произведения.

Художественный образ передает также информацию и о *творящем субъекте*. В явной или неявной форме он присутствует в пространстве художественного произведения. Каждый художник передает в художественном произведении не только мироощущение эпохи, времени, но прежде всего свое собственное мировидение, миропонимание. Это касается как осмысления тех или иных поворотных событий времени, эпохи, так и размышлений над тем, что составляет наше повседневное бытие, простые и незатейливые события нашей жизни. Достаточно ярко мы можем это проследить на творчестве известного курганского художника Г. Иванчина. Достаточно сравнить такие его монументальные работы, как мозаика на торце Зауральского торгового дома, росписи на историческую тему в зале Дома престарелых и ветеранов в Лесниково, росписи Троицкого Собора, в которых он обращается к известным событиям истории, и его же очень теплые и камерные работы «Портрет Любаши», «Портрет девочки» и многие другие.

Художественный образ представляет собой сложную *смысловую систему*. Даже самый реалистический образ может заключать в себе ряд смысловых пластов, для открытия которых зачастую приходится прилагать массу усилий. В качестве примера можно привести ряд графических работ интересного и разностороннего курганского художника В. Левина (в частности, его работы в области концептуального искусства), интересные графические серии Ю. Прожого (например, его «Коты»).

Художественный образ несет информацию, адресованную *бессознательным* уровням психики, т.е. чувствам. Это, например, информация, касающаяся выразительности средств образного воплощения. Можно также указать и на информацию об эстетической значимости форм, запечатленных в художественном произведении, о смысле их регуляции. Эта информация настраивает чувства, психику на определенный характер ценностного восприятия. Воспринимающий субъект ищет смысл всей *целостности* воспринимаемого художественного произведения, пытается вскрыть его *обобщающий смысл*. Таким образом, художественный образ несет в себе разнородную информацию, возникающую в результате художественного освоения мира.

А. В. Чащин
Институт истории и археологии УрО РАН,
г. Екатеринбург

СМЕРТНОСТЬ И ЕЁ ПРИЧИНЫ В СВЕРДЛОВСКЕ В 1927-1939 ГГ.

Одним из наиболее ярких моментов в истории г. Свердловска стал период политики форсированной индустриализации, и как следствие этого, небывалого до этого роста городского населения за столь короткий период. Если перепись 1926 г. зафиксировала в городе 136421 чел. (1, 101), то перепись 1939 г. - 425533 чел., т.е. коэффициент прироста населения за более чем 12 лет составил 211,9% (2, 288). В этот период в городе появляются крупнейшие промышленные предприятия общесоюзного значения, такие как Уральский завод тяжёлого машиностроения, Уралэлектротяжмаш, Уральский турбинный завод и т. д. (3, 90-91). Активное промышленное строительство требовало огромное количество рабочей силы, что привело к резкому увеличению миграции населения в город. Данные процессы не могли не повлиять на воспроизводство населения: рождаемость и смертность. Свердловск, также как и многие города СССР, прошёл через демографическую катастрофу, когда в начале 1930-х гг. естественный прирост приобрёл отрицательное значение. Характеристика смертности, а также её причин, необходима для объяснения особенностей урбанизации на территории Урала.

Исходя из особенностей воспроизводства населения в Свердловске в 1927-1939 гг., можно выделить три периода. Первый период 1927 по 1930 гг. характеризуется положительным естественным приростом. Период 1930-1933 гг. – время демографической катастрофы, когда смертность в городе превысила рождаемость. Третий период с 1934 по 1939 гг. - естественный прирост вновь приобрёл положительное значение. Более подробно это можно рассмотреть по графику (см. рис. 1) (4).

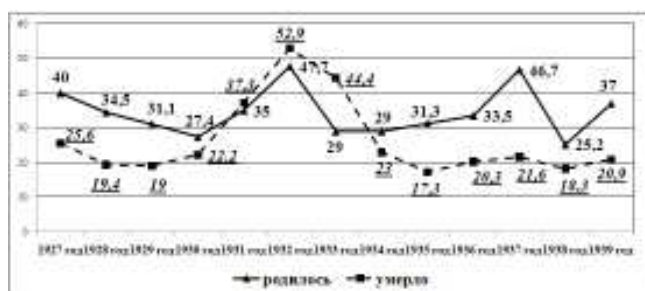

Рис.1. Общие коэффициенты рождаемости и смертности в Свердловске в 1927-1939 гг., %

Как видно из рис. 1, в первый период с 1927 по 1930 гг. общий коэффициент рождаемости снизился с очень высокого уровня до уровня выше среднего. Общий коэффициент смертности с уровня весьма высокого снижался до среднего уровня в 1929 г. Во второй период общий коэффициент смертности находился на чрезвычайно высоком уровне, при этом общий коэффициент рождаемости растёт до очень высокого в 1932 г., после чего в 1933 г. резко падает до уровня выше среднего. Такой резкий подъём рождаемости до 1932 г. можно связать с резко возросшей миграцией населения в город. Например, коэффициент миграционного прироста населения в 1930-1932 г. достигал максимальных значений за данный период (соответственно, 198,5%, 228,1%, 162,1%) (5).

Наибольшая убыль населения приходится на 1933 г. В 1934 г. можно фиксировать превышение рождаемости над смертностью на 6%. В период с 1935 г. по 1939 г. идёт достаточно резкий подъём рождаемости до высокого уровня и снижение смертности до среднего или высокого уровня. Резкий подъём общего коэффициента рождаемости в 1937 г. можно связать с компенсирующей рождаемостью после демографической катастрофы в городе 1931-1933 гг.

Как видно из табл. 1, коэффициент младенческой смертности в целом повторяет колебание коэффициента общей смертности: с 1927 по 1929 гг. наблюдается снижение младенческой смертности. С началом политики форсированной индустриализации наблюдается резкое повышение детской смертности, которая достигает в 1931-1933 гг. максимальных значений. В 1934 и 1935 гг. наблюдается достаточно быстрое снижение детской смертности. С 1936 по 1938 гг. вновь наблюдается тенденция к повышению детской смертности.

Одним из главных источников в выяснении особенностей смертности городского населения являются таблицы об умерших по возрастам и причинам смерти. На основании данного источника причины смерти можно разделить на отдельные классы, так как это принято сегодня в международной статистике, за исключением нескольких групп, которые в то время ещё не выделялись (6, 159). Для удобства анализа, возьмём из первого периода 1929 г., из третьего периода - 1936 г. как годы с самым низким общим коэффициентом смертности, второй период, характеризующийся демографической катастрофой, рассмотрим полностью.

Таблица 1
Коэффициент младенческой смертности в Свердловске в 1927 – 1939 гг., %

годы	коэффициент детской смертности	годы	коэффициент детской смертности
1927	237,6	1934	190,7
1928	175,5	1935	185,5
1929	205,1	1936	223,2
1930	220,4	1937	219
1931	321,6	1938	242,6
1932	355,5	1939	102,2
1933	276,3		

Наибольший процент смертей (около 1/3) от общего числа умерших приходился на инфекционные и паразитические заболевания. При этом в период демографического кризиса их доля в целом снижается (с 30 % в 1929 г. от общего числа причин смерти до 26% в 1933 г.). В 1936 г. их доля увеличивается до 38,6%. На втором месте стоят болезни органов дыхания, чья доля, наоборот, увеличивается с 16,3% в 1929 г. до

22,8% в 1932 г. В 1936 г. доля болезней органов дыхания вновь опускается до 16,4% от общего числа случаев смертей. На третьем месте по числу причин смерти стоят болезни органов пищеварения, доля которых в период кризиса немного снижается: с 15,2% в 1929 г. до 12,3% в 1933 г. В 1936 г. их доля увеличивается до 14,1%. Примечательно, что доля смертей от заболеваний системы кровообращения резко увеличивается: с 5,6% до 9%. Особо стоит указать на класс причин смертей, обозначенный как «симптомы, признаки и неточно обозначенные состояния», чья доля неожиданно увеличивается в период 1931-1933 гг.: с 6,1% в 1929 г. (тогда как ещё в 1927 г. она составляла 3%, в 1928 г. 2,6%) до 10,1% в 1931 г. 9,9% в 1932 г. и 8,9% в 1933 г. В 1936 г. доля данного класса причин смерти снижается до 4%, а к 1939 г. до 3,2%, т. е. возвращается к уровню 1927 г.

При рассмотрении причин смертей на 1000 человек можно выявить следующие тенденции (см. табл. 2) (7). В этом случае в 1931-1933 гг. количество смертей от инфекционных и паразитических заболеваний по сравнению с 1929 г. возрастает практически втрое. Резкое увеличение можно зафиксировать в классе причин смертей от болезней органов дыхания - практически в 4 раза, органов пищеварения - в 2,5 раза, отдельных состояний, возникающих в перинатальный период - в 2,3 раза, от симптомов, признаков и неточно обозначенных состояний примерно в 3 раза, несчастных случаев, отравлений и травм - в 4,7 раз, старческой дряхлости - в 6,5 раз. Как видно из табл. 1, показатели 1936 г. в целом возвращаются к уровню 1929 г.

Таблица 2

Распределение умерших по причинам смерти в Свердловске в 1929, 1931-1933, 1936 гг. (на 1000 чел., %)

классификация причин смерти	1929	1931	1932	1933	1936
Инфекционные и паразитические заболевания	5,2	11,2	14,2	11,4	4,8
Новообразования	0,6	0,7	0,6	0,6	0,6
Болезни эндокринной системы, расстройство питания, нарушения обмена веществ и иммунитета	0,015	0,1	0,37	0,9	0,04
Болезни крови и кровообращения	0,12	0,02	0,23	0,08	0,008
Болезни нервной системы и органов чувств	1,3	1,3	1,9	1,2	0,85
Болезни системы кровообращения	1	1,6	2,9	4	0,9
Болезни органов дыхания	3,1	7,3	12,1	8,7	3,3
Болезни органов пищеварения	2,9	5,9	7,2	5,4	2,8
Болезни мочеполовой системы	0,2	0,3	0,67	0,6	0,15
Осложнения беременности, родов и послеродового периода	0,06	0,1	0,12	0,07	0,08
Болезни кожи и подкожной клетчатки	0,1	0,04	0,05	0,08	0,005
Болезни костно-мышечной системы и соединительной ткани	0,02	0,02	0,02	0,03	-
Отдельные состояния, возникающие в перинатальный период	1	1,7	2,3	1,3	1,2
Симптомы, признаки и неточно обозначенные состояния	1,1	3,8	5,2	3,9	0,9
Несчастные случаи, отравления и травмы	1,1	3,8	5,2	3,9	0,9
Насильственная смерть	0,6	0,8	0,8	0,9	0,4
Старческая дряхлость	0,4	0,5	1,9	2,6	0,3
прочие	0,16	0,14	0,6	0,26	0,06

Рассмотрим теперь, какие именно болезни являлись наиболее часто встречаемыми в качестве причин смерти (см. табл. 3). На первом месте в качестве причины смерти, а также роста в период демографического кризиса стоят бронхит и пневмония. Количество умерших на 1000 человек от этих заболеваний возросло с 1929 г.

по 1932 г. в 4,4 раза. На втором месте стоит указать туберкулёз, чья доля увеличилась с 1929 г. по 1932 г. практически в 2 раза. Рост смертей от болезней сердца увеличивается с 1929 г. по 1933 г. в 4,8 раз. Происходит и рост такого социального заболевания как тиф: в 5 раз увеличилось количество смертей на 1000 человек с 1929 по 1933 г. При этом в последующий период количество смертей от тифа падает до 0,06% в 1936 г. и до 0,04% в 1939 г. В период с 1931-1933 гг. регистрируется такая страшная болезнь, как оспа. Остальные болезни, которые в массе своей приходились на детское население, также повлияли на увеличение смертности населения (скарлатина, корь, дифтерия и т. д.). Любопытно отметить, что с 1931 г. в таблицах отдельно выделяется графа «болезни от неполноценного питания (включая рахит)». Доля умерших от данных заболеваний составляла в 1931 г. 0,04%, в 1932 г. уже 0,3%, в 1933 г. 0,9%. По мнению В.А. Исупова, статистика регистрировала не все случаи смерти от голода, что делалось умышленно(8,96). В этой связи можно указать на резкий рост смертей с неустановленной причиной. Тем не менее, факт роста случаев смерти от голода очевиден.

Таким образом, период с 1927 по 1939 гг. оказался достаточно сложным и противоречивым в демографической истории Свердловска. С 1931 по 1933 г. в городе фиксируется естественная убыль населения. Основными причинами смерти в это время выступили болезни органов дыхания (бронхит, пневмония), инфекционные и паразитические заболевания (туберкулёз, тиф), а также болезни органов кровообращения. Большая доля смертей приходилась на детей, среди которых основными заболеваниями были как инфекционные (корь, скарлатина, дифтерия, грипп), так и болезни органов пищеварения, особенно у детей до 2-летнего возраста (энтерит, диарея). На первом месте остаются болезни экзогенного характера, что говорит о сохранении причин смертности, характерных для традиционного общества. Преобладание именно этих видов заболеваний, как у взрослого, так и у детского населения можно связать с активным промышленным строительством города и активной миграцией населения, а также демографической катастрофой, которая была в СССР в 1932-1933 г.

Таблица 3

Распределение умерших по причинам смерти от отдельных видов заболеваний в Свердловске в 1929, 1931-1933, 1936 гг. (на 1000 чел., %)

болезни	1929	1931	1932	1933	1936
врождённая слабость и преждевременные рождения	0,94	1,6	2,2	1,3	1
тиф	0,3	1,6	1,4	1,5	0,06
оспа	-	0,2	0,5	0,04	-
корь	0,6	2,5	3	2	1,8
скарлатина	0,6	1	0,4	0,1	0,4
дифтерия	0,2	0,7	1	0,4	0,2
грипп	0,3	0,3	0,6	0,5	0,3
туберкулёз	2,4	2,8	4,1	4,5	2,8
болезни сердца	0,8	1,4	2,9	3,9	0,9
бронхит, пневмония	2,8	7,3	12,4	7	3,5
энтерит, диарея	2,3	5,2	6,1	6,4	2,5

Список литературы

1. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т.4. Уральская область. Отдельный оттиск. Отдел I. М., 1928. С. 101.
2. Всесоюзная перепись населения СССР 1939 г. Уральский регион: сборник материалов / Сост. В. П. Мотревич. Екатеринбург, 2002. С. 288.
3. Екатеринбург: листовая страничка столетий (1723-2008). 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург, 2008. С. 90-91.
4. Составлено по: Государственный архив Российской Фе-

- дерации (ГАРФ) Ф. А-374. Оп. 23. Д. 26. Л. 3; Д. 70. Л. 54; Д. 86. Л. 83; Д. 134. Л. 61; Российский государственный архив экономики (РГАЭ) ф. 1562. Оп. 329. Д. 18. Л. 60; Д. 53. Л. 3; Государственный архив Свердловской области (ГАСО) Ф. р-1812. оп. 2. Д. 33. Л. 41; Д. 170. Л. 5; Д. 171. Л. 4; ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 1. Д. 98. Л. 3; Д. 99. Л. 4; Д. 100. Л. 5; Д. 101. Л. 3, 25; Уральское хозяйство в цифрах. Свердловск, 1927. С. 30-31; Уральское хозяйство в цифрах. Вып. 1. Социальная статистика. Свердловск. 1930. С. 54.
5. Расчитано по: ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 23. Д. 261. Л. 2.; ГАСО. Ф. 1813. Оп. 1. Д. 98. Л. 10-12, Д. 99. Л. 10-12, Д. 100. Л. 23-24, Д. 101. Л. 16-17, Д. 773. Л. 1-1 об.
  6. Население России за 100 лет. М., 1998. С. 159.
  7. Составлено по: ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 23. Д. 126. л. 21 об. – 22 об.; Д. 166. Л. 71-71 об.; Д. 203. Л. 78-78 об.; Д. 218. Л. 19-19 об.; ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 1. д. 99. Л. 30-30 об.
  8. Исупов В. А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине 20 в. Новосибирск, 2000. С. 96.

СЕКЦИЯ 5. ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Л.В. Алексеева
Нижевартовский государственный
гуманитарный университет, г. Нижневартовск

МОБИЛИЗАЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА ЮГРЫ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: КРАТКИЙ ОБЗОР ДОКУМЕНТОВ ФОНДА ХАНТЫ- МАНСЬСКОГО ОКРИСПОЛКОМА

Предыдущие исследования, выполненные в том числе и автором (1), по истории Севера Западной Сибири, позволили сделать вывод, что в предвоенные годы население округа оказалось втянутым в водоворот социалистической модернизации, которая повлекла за собой глубокие изменения во всех сферах жизни общества.

Очевидно, что форсирование модернизационных процессов привело к нарушению отношений, веками существовавших здесь, что было весьма болезненно, если не трагично, в первую очередь для аборигенов. Одни из них быстрее втягивались в модернизацию (юганские и сургутские ханты), другие медленнее (ваховские и казымские ханты, лесные ненцы). В развитии модернизационных процессов региона очевидно и другое: без ссылки крестьян и тысяч представителей депортированных сюда народов, думается, что Север Западной Сибири еще долго сохранял бы традиционный уклад. Население округа: аборигены и старожильческое население, трудпоселенцы и спецпереселенцы невероятными усилиями заложили основы будущего экономического развития округа, ставшего экономической опорой России на долгие годы.

Логическим продолжением исследования является период Великой Отечественной войны. Стратегия дальнейшего научного поиска в рамках темы позволяет обратиться к изучению формирования мобилизационной экономики в ХМАО в 1941-1945 гг. Научная проблема состоит в исследовании системы формирования мобилизационной экономики в регионе. Логика развития экономической теории убеждает в том, что выявление особенностей трансформации системы управления в определенный исторический период возможно на основе институционального подхода, учитывающего совокупность правовых, социальных, экономических и культурных факторов. Использование данного подхода позволит (хочется надеяться) выявить специфику функционирования хозяйственного механизма промышленного и аграрного производства в период войны (1941–1945 гг.), являвшихся движущей силой мобилизационной экономики.

В этой связи нами принято решение о выделении данного научного направления в качестве приоритетного на ближайшие годы. Начато изучение источниковой базы периода и в данной публикации представлен краткий обзор источников важнейшего фонда Государственного архива Ханты-Мансийского автономного округа – Ф. 1. – «Ханты-Мансийский окрисполком», где содержатся документы с момента образования округа.

Большой комплекс документов сосредоточен в Д. 191 «Документы о подготовке 10-летнего юбилея округа». Здесь хранятся источники различных видов, в интегрированной форме дающие важнейшую информацию о результатах социально-экономического, культурного развития округа за предыдущее десятилетие, позволяющие

получить сведения о динамике развития производственной и непроизводственной сфер в 1930-е гг. и накануне Великой Отечественной войны.

Д. 205 «Списки номенклатурных работников окрисполкома. 1941 г.» содержит документы с подробной информацией о структуре окрисполкома, руководящих работниках, количестве сотрудников в отделах, краткие биографические данные на председателя окрсовета и руководителей отделов, а также председателей райисполкомов. Эти документы позволяют получить точные сведения о тех, кто управлял округом накануне Великой Отечественной войны, каков был их карьерный рост на советской работе, партийную принадлежность.

В фонде содержатся Указы и Постановления Президиума Верховного Совета СССР, РФ, СНК, а также документы Омского облисполкома (1942-1944 гг.): постановления, решения, графики производственных заданий и Тюменского облисполкома (1945 г.) (решения облисполкома); партийных органов (Омского обкома и Ханты-Мансийского окружкома ВКП(б)): постановления и решения по различным вопросам.

Наибольший интерес для исследователя представляют протоколы Исполкома Ханты-Мансийского окрсовета (1942-1945 гг.). Они содержат разнообразную информацию о положении в округе в годы войны, его проблемах и принимаемых решениях. В поле зрения окрсовета входили вопросы, касающиеся работы учреждений соцкультбыта (здравоохранение, школы, всеобуч и культбазы), производственной сферы (рыбное хозяйство, производственная деятельность колхозов, местная промышленность), жилищно-коммунального хозяйства, обустройства эвакуированных граждан, ответы на многочисленные запросы родственников пропавших (потерявшихся) в ходе эвакуации людей, шефство над госпиталями г. Тюмени.

Наряду с указанными направлениями работы, окрсовет занимался территориально-административными вопросами. В годы войны шел дальнейший процесс разукрупнения Березовского, Сургутского, Кондинского, Самаровского районов. В связи с изменением административных границ актуальными становились вопросы землеустройства. В фонде содержатся документы по распределению угодий между советами в районах округа, лесном и сельском хозяйстве и т.д. Документы свидетельствуют, что окрисполком осуществлял работу по подготовке кадров, актуальность этого вопроса не снижалась на протяжении всего военного периода.

Обширную информацию содержат документы фонда, отражающие содержание работы окружного совета в материалах его сессий, таким образом дополняя представления о жизни округа в годы Великой Отечественной войны. Конкретизируют положение в районах округа в годы войны документы о работе советов.

Изученные документы указанного фонда позволяют представить общую картину формирования мобилизационной экономики в округе, вкладе его жителей в общую победу в войне. Дальнейших поисков требуют источники, сосредоточенные в областных архивах Тюмени и Омска, для конкретизации отдельных положений и выводов, а также обнаружения новых фактических данных.

Список литературы

1. См.: Алексеева Л.В. *Северо-Западная Сибирь в 1917-1941 гг.: Национально-государственное строительство и население. Нижневартовск, 2002. 264 с.; Алексеева Л.В. Социокультурная политика советской власти на Обь-Иртышском Севере (1920-1941 гг.): Приоритеты, формы осуществления и результаты. Екатеринбург, 2003. 252 с.; Алексеева Л.В. Экономическое развитие Обь-Иртышского Севера в 1917-1941 гг.: Трансформация хозяйственного уклада. Екатеринбург, 2003. 385 с.; Алексеева*

Л.В. Северо-Западная Сибирь в 1917-1941 гг.: политическая, экономическая и культурная трансформация. Нижневартовск: Изд-во НГГУ, 2006. 390 с.; Алексеева Л.В. Начало коллективизации и колхозное хозяйство (на материалах Северо-Западной Сибири) // Философия, наука, образование: Национально-региональный компонент в исследовании и преподавании: Коллективная монография, Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2003. Ч. 1. 175 с. С. 52-65. и др.

2. ГАХМАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 191, Д. 205, 208, 224, 225, 226, 227, 228, 234, 237, 238, 241, 242, 247, 248, 250, 255, 256, 257.

А.В. Беспokoйный

**МУ «Шадринский краеведческий музей
им. В.П. Бирюкова», г.Шадринск**

ЖУРНАЛ «СЕВЕРНАЯ АЗИЯ» КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ШАМАНИЗМА НАРОДОВ СИБИРИ И ДАЛЬНОГО ВОСТОКА

«Северная Азия – это три крупнейших области: Урал, Сибирь и Дальний Восток; это крупнейшее пространство, в общей сложности в 13 милл. кв. верст, заключенное с запада Уралом и с востока Великим океаном, ограниченной с севера Ледовитым океаном и с юга границами Туркестана, Монголии и Манчжурии», – так начинается вступительную статью самого первого номера журнала «Северная Азия» В.Д. Виленский-Сибиряков (3, 7).

Журнал «Северная Азия» издавался с 1925 г. Обществом изучения Урала, Сибири и Дальнего Востока совместно с Комитетом Содействия народностям Северных окраин при Президиуме ВЦИК (Комитет Севера) и Главнаукой РСФСР. Ответственным редактором был член Комитета Севера В.Д. Виленский-Сибиряков, регулярно помещавший на страницах журнала свои публикации о задачах, которые стоят перед советским государством в деле социалистического развития народного хозяйства Северной Азии. С журналом сотрудничали многие видные отечественные ученые: М.К. Азадовский, С.В. Бахрушин, В.Г. Богораз-Тан, В.А. Городцов, Б.О. Долгих, Б.А. Куфтин, В.И. Огородников, С.А. Ольденбург, Н.В. Здобнов и др.

Журнал «Северная Азия» ставил перед собой задачу всестороннего изучения природы, населения, культуры и экономики Урала, Сибири и Дальнего Востока, т.е. всего огромного пространства, обозначенного В.Д. Виленским-Сибиряковым. Однако, учитывая особую важность развития производительных сил страны, журнал выдвигал на первый план именно проблемы народного хозяйства Северной Азии. Исходя из этого, редакция приняла решение «стремиться уделять большее внимание экономическим проблемам, поскольку это диктуется необходимостью развития производительных сил, как первоочередной задачи, стоящей перед советской страной» (10, 6). В журнале публиковались также законопроекты по административному и судебному устройству коренных народов северных окраин РСФСР, разработанные Комитетом Севера.

В 1920-х годах советским государством была начата колоссальная всесторонняя практическая работа по социалистическому преобразованию жизни народов СССР. Сложность этой работы усугублялась сохранением у этих народов различных укладов общественных и хозяйственных отношений, сущность которых можно было выяснить только научным путем. «Сейчас совершается революция всех экономических и социальных и национальных устоев, – писал Б.Ф. Адлер, – совершается перемена в старых

воззрениях народов Азии, в связи с советизацией быта Сибири. Изучение этого процесса, коренным образом меняющего жизнь народов, очень трудно, но оно необходимо. Его важно не пропустить и вовремя отметить. Процесс этот наряду с администратором, политиком должен изучать и этнограф» (1, 59).

По мнению Б.О. Долгих, этнографа в подобных исследованиях, главным образом, могло интересовать прошлое народов Севера, рассказы старых шаманов о былых религиозных представлениях и красивый национальный костюм (5, 64). Таким образом, шаманизм занимал, по мнению этого известного ученого, видное место в изучении коренных народов Севера.

Действительно, в сборе сведений о коренных народах Севера, которым занимались советские этнографы 1920-х годов, их религиозные традиции занимали немалое место. «Специально в области изучения примитивных верований и религиозных систем Азия представляет колыбель главных религий земли», – писал упомянутый выше этнограф Б.Ф. Адлер (1, 58). В связи с «советизацией» быта народов Севера, считалось, что их «архаические» религиозные традиции должны в скором времени исчезнуть. Поэтому то же шаманство, которое, по мнению Б.Ф. Адлера, «наиболее примитивная и древняя форма религиозных верований человечества» и находилось «в процессе изживания», необходимо было как можно быстрее зафиксировать, «собирая еще не успевший исчезнуть материал» (1, 59).

Вопросы, связанные, так или иначе, с изучением «исчезающего» шаманизма, получали свое отражение на страницах журнала «Северная Азия» в работах ряда ведущих отечественных ученых и общественных деятелей.

Изучение прошлого северных народов нашло свое отражение на страницах журнала «Северная Азия» в публикациях выдающегося отечественного историка С.В. Бахрушина. Народы Севера не оставили нам письменных источников, позволяющих восстановить их историю. Поэтому ученому пришлось доказывать возможность раскрытия истории коренных народов Сибири в XVII в. путем глубокого изучения сохранившихся архивных документальных материалов, в частности Сибирских приказных книг и столбцов (2, 85-94). В данной работе Бахрушин пользовался также и свидетельствами иностранных путешественников. Так, при анализе родовых культов ненцев он использовал описание камлания самоедского шамана, которое составил в середине XVI в. Ричард Джонс (2, 92). В частности, английский путешественник упомянул детали шаманского костюма, а также «обычные фокусы» пронзания тела мечом, отрезания головы и руки.

Однако страницы журнала «Северная Азия» содержали, прежде всего, не столько описание чудес шаманов, сколько рецепты борьбы с их «дурным» воздействием на аборигенов Севера. Так, например, С.А. Груздев, отмечая, что «северные народности более склонны не к рассудочному усвоению преподаваемых знаний, а, как племена почти первобытной формации, к непосредственному (чувственному) восприятию запечатлевающих в их сознании явлений», предлагал свой методологический подход к борьбе с шаманством в системе образования народностей Севера: «Кинематограф в тундре имел бы немаловажное психологическое значение, низводя, так сказать, чудодейственное, кажущееся “дикарям” сферой шаманов, в мир человеческих достижений» (4, 103).

Для того, чтобы туземцы не обращались к шаманам, нужно, по словам П.Е. Островских, улучшение медицинского обслуживания и образования населения, знакомство детей уже со школы «с первой помощью в несчастных случаях, с уходом за больными животными и людьми» (9, 134).

Идущие изменения в стране, построение социалистического общества и усиление в связи с этим атеистического воспитания повлекли за собой антирелигиозную кампанию в прессе страны. Как видим журнал «Северная Азия» в освещении вопросов, так или иначе связанных с шаманизмом, не избежал общей антирелигиозной направленности. Даже в работе Б.О. Долгих мы видим бытовавшую в то время установку отражать все связанное с религией только при обязательном условии показа борьбы с нею (8, 352). Поэтому Б.О. Долгих не преминул отнести всех долганских шаманов к мошенникам, «к которым обращаются лишь в случае болезни, предварительно испробовав все остальные средства» (5, 63).

Что касается других деталей североазиатского шаманизма, встречающихся в журнале «Северная Азия», то мы можем увидеть, что, например, руководитель антрополого-этнографической секции Общества изучения Урала, Сибири и Дальнего Востока Б.А. Куфтин упоминал на страницах своей статьи атрибуты тунгусских шаманов – шаманский плащ, нагрудник, шапку с железными рогами и бубен, которые, по словам ученого, «являются классическими в литературе о сибирском шаманстве» (7, 73). Интересную легенду о нравах губернской администрации г. Иркутска середины XVIII в. приводил С.Л. Урсынович (12, 79-80). Сказание о кетском шамане Дох передавал в своем изложении читателям журнала известный немецкий ученый Г. Финдейзен (13, 130-131).

Рецензии на статьи Н.Д. Миронова и С.М. Широкого-рова в «Journal of the North China branch of the R.A.S.», посвященные этимологии слова «шаман», опубликовал в «Северной Азии» Е. Титов (11, 123). Отечественные исследователи, занимавшиеся шаманизмом в середине 1920-х годов, смогли узнать, что известный русский санскритолог Н.Д. Миронов, разбирая происхождение слова «шаман», присоединился к довольно популярному среди многих ученых мнению о тесном родстве этого термина с другим, санскритским «шрамана» (shramana). Широкого-ров же давал этимологию слова «шаман» по тунгусским диалектам, попутно разбирая чрезвычайно важные вопросы этнографии тунгусов. Занесенное странствующими буддийскими монахами в XIII в. к маньчжурам слово «саман» было, по мнению С.М. Широкого-рова, заимствовано в начале XVII столетия через дауров северными тунгусами. Отметив родство многих элементов шаманизма с буддизмом, С.М. Широкого-ров делает вывод, совершенно противоположный мнению Б.Ф. Адлера о древности шаманизма, заключив, что это религиозное верование «есть сравнительно новое явление» (11, 123).

Все же, в целом, рассматривая содержащиеся в журнале «Северная Азия» материалы о шаманизме народов Сибири и Дальнего Востока, мы не можем назвать «Северную Азию» очень информативным источником по изучению этой ранней формы религии. Журнал, ставящий своей задачей освещение вопросов экономики, административного управления, очевидно, и не может выступать таким источником.

Тем не менее, для такой актуальной проблемы как изучение шаманизма отечественной этнографической наукой в 1920-е г. «Северная Азия» представляет определенную ценность. Журнал содержал самые разнообразные сведения об организации исследовательских экспедиций в Сибирь и на Дальний Восток, в ходе которых изучались и религиозные традиции коренных народов, в том числе и шаманизм. Много можно почерпнуть и об организациях, устраивающих эти экспедиции: Комитете Севера и его местных отделениях, этнографическом факультете Ленинградского географического института, этнографического факультете Ленинградского государственного университета и пр.

Журнал «Северная Азия» вполне мог бы и стать источником, представляющим больший интерес для исследователя шаманизма народов Севера, если бы не происшедшие события в головном органе, издававшем журнал. В 1930 г. Общество изучения Урала, Сибири и Дальнего Востока было переименовано в Общество изучения Советской Азии. В том же 1930 г. «Северная Азия» была переименована в «Советскую Азию», а через год и этот журнал прекратил свое существование. Председатель библиографической секции Общества Н.В. Здобнов так комментирует эти события. «Нелепость, – пишет он, – которая, к сожалению находит поддержку у некоторых членов Президиума... Это преобразование фактически для нашего общества будет самоумерщвлением. По Уралу и Сибири не смогли справиться со своими задачами, и вдруг расширять задачи до таких грандиозных размеров... Ничего путного не выйдет» (6, 101).

Таким образом, просуществовав под названием «Северная Азия» пять лет, и еще год под другим, журнал выпустил, помимо еще ряда незначительных упоминаний о шаманизме в антирелигиозном духе, только упомянутые выше статьи, где рассматривается эта ранняя форма религии. Слишком короткий период существования журнала и не позволил ему стать более информативным источником по интересующему нас шаманизму народов Сибири и Дальнего Востока.

Список литературы

1. Адлер Б.Ф. *Очередные задачи этнологии в Азии // Северная Азия. 1928. № 2. С. 53-60*
2. Бахрушин С.В. *Самоеды в XVII веке // Северная Азия. - 1925. Кн. 5 – 6. С. 85-94*
3. Виленский-Сибиряков В.Д. *Задачи изучения Северной Азии // Северная Азия. 1925. Кн. 1 – 2.*
4. Груздев С. *Кочевая школа для народностей Севера // Северная Азия. 1925. Кн. 5 – 6. С. 101-104*
5. Долгих Б. *Население полуострова Таймыра и прилегающего к нему района // Северная Азия. 1929. № 1. С. 49-76*
6. Коган Е.И. *Николай Здобнов: Жизненный путь книговеда. – М., 1997.*
7. Куфтин Б.А. *Мелкие народности Северной Азии // Северная Азия. 1925. Кн. 1 – 2. С. 63-76*
8. *О собирании современного фольклора // Северная Азия. 1930. № 5 – 6. С. 352-353*
9. *Островских П.Е. Охрана малых народностей (Реферат доклада для заседания О-ва Изучения Урала, Сибири и Дальнего Востока) // Северная Азия. 1925. Кн. 1 – 2. С. 133-135*
10. *От редакции // Северная Азия. 1925. Кн. 1 – 2.*
11. *Tumov E. Mironov N.D. Shramana – Shaman, Shirokogoroff S.M. Etymology of the word «Shaman» // Северная Азия. 1926. Кн. 3. С. 123*
12. *Урсынович С.Л. Шаманка в доме губернатора. К характеристике нравов сибирской администрации середины XVIII в. // Северная Азия. 1926. Кн. 2. С. 79-80*
13. *Финдейзен Г. Из поездки к ээто (енисейским остякам) в 1927-28 гг. // Северная Азия. 1929. № 2. С. 126-131*

А.А. Валитов

**Тобольский государственный пединститут
им.Д.И. Менделеева, Тобольская комплексная
научная станция РАН, г.Тобольск**

«ТОБОЛЬСКИЕ ЕПАРХИАЛЬНЫЕ ВЕДОМОСТИ» - ОФИЦИАЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ ТОБОЛЬСКОЙ ЕПАРХИИ

«Тобольские епархиальные ведомости» (далее ТЕВ) на рубеже XIX-XX веков были главным печатным органом Тобольской епархии. Появление «Епархиальных

ведомостей» в европейской части России относится к началу 1860-х годов. В Тобольской епархии первый номер ТЕВ увидел свет 1 января 1882 г. Инициатором, создателем и редактором на протяжении первых десяти лет был протоирей Петр Дмитриевич Головин - ректор Тобольской духовной семинарии (1, 34).

Прошение в Синод о разрешении издания ТЕВ епископ Тобольский и Сибирский Василий направил 28 апреля 1881 г. 29 июля Священный Синод рассмотрел прошение и разрешил выпуск ТЕВ с января 1882 г. «под редакцией ректора местной семинарии, протоиерея Петра Головина, по составленной и одобренной ... программе» (1, 35).

ТЕВ выходили два раза в месяц, 1 и 16 числа, цена годовой подписки с доставкой и пересылкой составляла 5 руб.

Задачи ТЕВ были следующими: «Издаваемые по желанию и в некотором отношении на средства самого духовенства, ведомости наши должны первее всего, по возможности, удовлетворять его нуждам и потребностям; и потому в духовенстве епархиальном главным образом должны мы видеть своих ценителей... Епархиальные ведомости должны быть местным духовным органом не в том только смысле, чтобы имели дело исключительно с духовенством, с его нуждами и интересами (это само по себе), но в том, чтобы в духовенстве, за ним и через него, удовлетворять и религиозно-нравственным потребностям местного общества. В этом единственном случае ведомости будут местным духовным органом, имеющим отразить в себе, по возможности, духовные интересы всей епархии»(1, 36).

ТЕВ, как и «Тобольские губернские ведомости» (ТГВ), состояли из двух частей. Первая часть – официальная, в ней перепечатывались материалы с официальной части «Церковного вестника» и дополнялась официальными сообщениями и циркулярными предписаниями и указами консисторий и епископа, сообщениями о перемещении по служебной лестнице и наличии вакантных мест в епархиальном ведомстве, протоколами епархиальных и окружных съездов, братств, попечительств, семинарий, училищ. Иногда в этом отделе печатались годовичные отчеты деятельности архипастырей и т.п. Эти сведения духовенство принимало к исполнению, руководству или к сведению. Таким образом, ТЕВ содействовали ускорению и упрощению официальной переписки(8).

Вторая часть - неофициальная. В ней были представлены хроники епархиальной жизни и статьи по наиболее важным местным вопросам, в этом отделе обнародовались архивные документы, касавшиеся церковной истории, они сопровождалась комментариями. В издании ТЕВ принимали участие многие священнослужители.

Редакция обращалась к читателям с просьбой «принять и оказать поддержку в предпринятом деле издания ТЕВ всех, кто любит литературный труд, ценит разработку церковно-археологических и исторических памятников, относящихся до местного края, кому вообще дорого религиозно-нравственное просвещение своих ближних, - редакция приглашает их потрудиться, в пределах утвержденной для ведомостей программы...»(3). Таким образом, редактору ТЕВ о. Петру Головину удалось привлечь к сотрудничеству в издании многих преподавателей Тобольской семинарии, а также и других авторов. Многие из них (И.Я. Сырцов, В.Д. Сергеев, И.П. Ксенофонтов, П.Е. Самуилов, П.В. Знаменский, А.К. Недосеков, А.И. Сулоцкий и другие) опубликовали немало статей по истории церкви Тобольской епархии, не утративших актуальное значение и в настоящее время. Сам редактор являлся одним из деятельных сотрудников издания, автором многих статей публицистического, богословского, церковно-

исторического содержания (9, 23).

Первые несколько лет ТЕВ выходили два раза в месяц единичными номерами, поэтому в них не могли печататься одновременно статьи по всем разделам программы. Кроме этого, каждый номер содержал небольшое число печатных листов (до 2 п.л.). Поэтому редакция издавала статьи, чередуя их по отделам, через один или несколько номеров. С 1885 г. стали выходить сдвоенные номера объемом от 4 до 4,5 п.л. с целью помещать в каждом из них по статье из каждого отдела программы. Чаще всего печатались статьи миссионерского и противораскольнического характера.

В 1885 г. открыли церковно-приходские школы. В связи с этим редакция начала помещать статьи дидактико-педагогического характера, и также сведения о состоянии церковных школ за каждый год. В ТЕВ помещались также статьи, затрагивающие различные местные проблемы.

Финансирование издания было определено съездом духовенства 1881 г.: «...положено было на издание Ведомостей, по числу 500 причтов, 2500 р. в год, с условием выдачи их в распоряжение из епархиального попечительства, каждогодно к ноябрю месяцу»(7). Но эти условия никогда не выполнялись.

Поэтому редактор ограничивался получаемой от 433 церковью суммой по 5 рублей. Это давало 2165 рублей. Частные лица на ТЕВ не подписывались, лишь только в 1882 году десять номеров разошлись по подписке. На получаемые средства печаталось от 48 до 53 листов в год, тираж издания доходил до 600 экземпляров. Почти все они расходились по церковным причтам, а около 20 экземпляров оставались в редакции. Их обменивали с редакциями других изданий или они шли в даровую расылку (4).

Расходы на издание ТЕВ были следующими: «...ежегодно оплачивалось 700 р. типографии за набор..., ...350 р. за бумагу, 200 р. в почтовый расход, до 400 р. вознаграждения сотрудникам, 150 р. помощнику редактора, 100 р. на служителя писца и мелкие канцелярские расходы, и затем около 300 р. отчислялись редактору...». Но денег на издание постоянно не хватало. Расходы можно было бы сократить, если перепечатывать статьи из других ТЕВ и таким образом не расходовать средства на гонорары сотрудникам. Но П.Д.Головин делал все возможное, чтобы найти деньги и вознаградить своих сотрудников даже в том случае, когда они не только не требовали гонорара за свои статьи, но и считали сотрудничество в ТЕВ бесплатным. В газете печаталось много статей местных авторов, в целом издание было делом, не приносящим прибыли.

С образованием в епархии Братства имени св. Дмитрия Солунского ТЕВ стали издаваться силами Братства.

27 ноября 1891 г. Священный Синод рассматривал и удовлетворил ходатайство Тобольского епископа Иустина ректора Тобольской духовной семинарии протоирея П. Головина уволить по его прошению с 1892 г. с должности редактора ТЕВ, а на его место был назначен помощник смотрителя Тобольского духовного училища кандидата богословия Николай Городков. Этим же приказом было разрешено расширить программу ТЕВ ежемесячным приложением собрания лучших проповедей священников Тобольской епархии. В 1892 г. ТЕВ состояли из следующих отделов:

«1) отдел религиозно-назидательный: из статей обширных догматического и нравственного содержания для потребностей местного общества. Сюда войдут поучения проповедников Тобольской епархии;

2) отдел церковно-богослужебный (статьи, имеющие в виду правильное отправление христианского пра-

вославного богослужения и разумное понимание его) В частности - разъяснения церковного устава, объяснение малопонятных слов и выражений церковно-богослужебного языка и т.п.;

3) отдел церковно-исторический. В нем помещались статьи по истории просвещения в Сибирской и Тобольской епархий, а также история епархиального управления. Эта история семинарии, церковно-историческое описание монастырей, соборов, церквей и приходов Тобольской епархии и т.д.;

4) отдел миссионерский: история раскола в Сибири и Тобольской епархии с начала его появления до последнего времени с указанием мер по ослаблению его и способствовать ведению успешной борьбы с ним. Здесь помещались статьи об успехах миссионерства среди инородцев Тобольской епархии;

5) отдел разные известия. В этом отделе помещались краткие корреспонденции, епархиальная хроника, простые медицинские советы объявления и прочее. Будет и приложение лучших проповедей священников Тобольской епархии» Такова была программа издания неофициальной части «Ведомостей». Официальный отдел сохранялся и имел прежнее содержание(7).

Тобольский епархиальный училищный совет с благословения епископа Антония решил с начала 1901 г. издавать при ТЕВ приложение, посвященное вопросам церковных школ - «Школьный листок» (далее ШЛ). ШЛ начал выходить в 1 января 1901 г. сдвоенными номерами. «Школьный листок» предназначался для учителей церковных школ. В этом издании были сведения о состоянии школьного дела в Тобольской епархии, указания о новых способах преподавания (12).

Программа «Школьного листка» была следующей: «Сообщения об открытии новых школ, о назначении, увольнении и перемещении учащихся и пересменах заведующих школами, о постройке новых школьных зданий и тому подобных важных событиях в жизни отдельных школ; объявления о вакантных местах учащихся в школах и сообщения о лицах, ищущих таких мест; воззвания и сообщения от комитета по сбору пожертвований на церковные школы Тобольской епархии; извлечение из отчетов училищного совета, уездных отделений, епархиального и уездных наблюдателей; распоряжение Училищного Совета при Святейшем Синоде, Тобольского епархиального начальства и училищного совета по школьному делу; сообщения об особых мероприятиях уездных отделений, о которых полезно опубликовать для общего сведения; замечания епархиального и уездных наблюдателей относительно недостатков в преподавании и вообще - в ведении школьного дела и указание средств к их устранению; методические, дидактические и педагогические указания, разъяснения и сообщения, на основании опыта и указаний педагогической литературы; сведения о состоянии церковных школ в других епархиях» (12).

«Школьный листок» высылался в церкви и вместе с «Епархиальными ведомостями» или отдельно в каждую школу за 50 копеек в год. Размер приложения в начале был не более восьми страниц, в дальнейшем был немало увеличен. Издание его продолжалось вплоть до революционных событий 1917 года.

Николай Александрович Городков был редактором ТЕВ до 1 июня 1902 г., позже его перевели смотрителем Курганского духовного училища. Указом Св. Синода редактором был назначен смотритель Тобольского духовного училища статский советник Алексей Городков. А. Городкова в 1915 г. сменил секретарь Тобольской Духовной Консистории Яков Афанасьев. В это время ТЕВ стали выходить чаще. В 1918 г. ТЕВ стали журналом. 22 июля 1919 г. вышел №21, он, как и прежде, состоял из офици-

альной и неофициальной частей, но затем сразу вышел №22-28 небольшого размера, объемом 3 листка (только официальная часть). Это было вызвано эвакуацией из Тобольска редактора ТЕВ протоирея И. Фокина и «ведомости выходят только в составе одного официального отдела под редакцией И. Пермякова» (10). В этот же год газета прекратила свой выход в связи с гражданской войной и установлением советской власти в Сибири (5).

ТЕВ первые два года печатались в частной типографии Калининой. В ней платили 14 р. за набор одного листа. Позже издание ТЕВ перенесли в типографию губернского правления. Здесь оплата за набор составляла от 12 р. до 12 р. 25 к. Цена газетной бумаги колебалась от 5 р. 25 к. до 4 р. 50 к., но с открытием Щербаковым бумажной фабрики под Тюменью понизилась до 4 р., а с 1894 г. ТЕВ стали печатать в типографии епархиального Братства.

«Тобольские епархиальные ведомости» являлись одним из крупных печатных органов Тобольской епархии и были своего рода литературно-исторической летописью религиозной жизни губернии, а значит, и России в целом.

Список литературы

1. Головин П. Первое десятилетие издания «Тобольских епархиальных ведомостей». // Тобольские епархиальные ведомости. 1891. № 23-24.
2. Городков Н. Типография Тобольского епархиального братства // Тобольские епархиальные ведомости. 1895. № 5-6.
3. Государственной учреждение Тюменской области Государственный архив г. Тобольске (далее ГУТО ГА в г. Тобольске) Ф. 152, Оп. 27. Д. 147. Л. 1-2.
4. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф - 152, оп. 14, д. 75, л. 1.
5. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф - 152, оп. 27, д. 139, л. 10.
6. Тобольские епархиальные ведомости (далее ТЕВ) 1882.-№1.
7. ТЕВ 1892. № 1-2.
8. ТЕВ 1901. № 12.
9. Тобольские епархиальные ведомости. 1915. № 8.
10. Тобольский стрелок. 1919. №6.
11. Тобольские епархиальные ведомости. 1913, № 11
12. Школьный листок. 1901. № 1-2.

О.А. Догадова

Нижевартовский государственный гуманитарный университет, г. Нижневартовск

А.М. КУРБСКИЙ ОБ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ РОЖДЕНИЯ ИВАНА IV

Сочиняя свои обличительные произведения, осуждающие Ивана IV в убийстве «неповинных» и «сильных во Израили», уничтожении целых княжеских родов, нравственном и физическом развращении, А. М. Курбский указывал на обстоятельства рождения Ивана как на главный источник всех бед, случившихся на Руси после введения Грозным опричнины.

Иван IV, помимо того, что являлся продолжателем «издавна кровопивственного рода», о чем говорит Курбский во второй епистолии царю (1, 92), появился на свет как незаконнорожденный, «выблядок». В начале своей «Истории» князь замечает, что отец Грозного, великий князь Василий, прожив со своей женой Соломонией 26 лет, насильно постриг ее в монашество, заточив в обитель, находящуюся в Каргопольской земле - от Москвы более чем в 200 милях. Так избавился Василий от «Богом данной, святой и неповинной» жены, чтобы жениться на другой – Елене Глинской (1, 218).

По свидетельству Курбского, подобный поступок был

расценен в обществе не иначе как «беззаконие», против которого выступили и духовные, и мирские сановники. В частности, неодобрение поступка Василия выразил пустынник Вассиан Патрикеев, заслуживший уважение Курбского и являвшийся для него авторитетной фигурой уже вследствие того, что, «оставя мирскую славу, в пустыню вселился, и так жестоко и свято житие препровожал во мнишестве, подобий великому и славному древнему Антонию».

Среди мирских сановников, упрекавших Василия в «беззаконии», был Семен Курбский, о святой жизни которого, на что обращает внимание читатель Курбский, было известно не только на Руси, но и за ее пределами. В частности, о нем упоминалось в «Хронике» С. Герберштейна – посла императора Карла в Москве (1, 220).

Но гордый и жестокий князь Василий подобным советам не внял, более того, дабы раз и навсегда покончить с подобными выступлениями против своей воли и своих действий, жестоко расправился с теми, кто пытался ему перечить. Так, Андрей Курбский описывает мучительную смерть Вассиана Патрикеева, которого московский князь (несмотря на близкое с ним родство по материнской линии) заточил «к подобным себе» - иосифлянам, повелев убить его «скорою смертию», что и было теми незамедлительно выполнено. Примечательно, что Курбский сравнивает Василия III с ненавистными ему иосифлянами, наделяя их самыми неблагозвучными эпитетами – «в злости презлые», «плотости его (Василия – авт.) скорые послушницы», «всех злых потаковницы» и «подражатели» (1, 220). Судьбы Вассиана Патрикеева не избежали и другие «святые мужи», пытавшиеся воспрепятствовать разводу Василия с Соломонией. Среди них был упомянутый Семен Курбский и Максим Грек.

В такой далеко не благоприятной обстановке, когда свершился незаконный развод великого князя ради жеманности на Глинской, когда были предприняты неудачные попытки помешать этому браку, когда последовали смерти «святых мужей», тогда и появился на свет Иван IV. Курбский весьма красноречиво описывает этот момент в «Истории о великом князе Московском». «Тогда зачался ныншшнй Иоанъ нашъ, и родилася в законопреступлению и во сладострастию лютость, яко рече Иоаннъ Златоустый во Слово о женѣ злой, емуже начало: «Днесъ намъ Иоанново преподобие и Иродова лютость егда възвѣщалася, смутились и внутренные, сердца вострепетали, зракъ помрачился, разумъ притупился, слухъ skutался и прочие» (1, 220).

Еще более красноречиво тайна рождения Ивана была затронута Андреем Курбским в подтексте постскриптума к его первому посланию царю. «Слышах от священных Писаний, хотящая от дьявола пущенна быти на род крестьянский прогубителя, от блуда зачатого, богоборнаго Антихриста, и видех нынъ сигклита весьмъ въдома, яко от преблужения рожденъ есть, иже днесъ шепчет во уши ложная царю и льетъ кровь крестьянскую, яко воду, и выгубил уже сильных во Израили, аки дѣлом Антихристу: не пригоже у тебя быти таковым потаковником, о царю! В закони господни в первом писано: «Моавитин, и аммонитин, и выблядок до десяти родовъ во церковь божию не входятъ и прочая» (1, 20).

В. М. Сергеев, проанализировав структуру первого послания Курбского и ответа на него Грозному, сделал вывод, что ответ на обращение Курбского в «грамоте» Грозного составляет 18%, тогда как ответ на постскриптум – 15%. Именно в этих частях сосредоточена основная масса цитат из Священного писания (47 из 96) (2, 126). Очевидно, что Курбский сильно задел царя своим высказыванием, имевшим глубокий потайной смысл.

Антихрист, согласно библейской традиции, - против-

ник Христа (1Иоан.2:18, 19, 22). В обширном смысле под этим именем разумеется всякий, кто не исповедует Иисуса Христа Сыном Божиим и отвергает Его учение. Таковы все лжеучители, каковых уже много было во времена апостолов (1Иоан.2:8, 1Иоан.4:1, 3); но в собственном и более тесном смысле под именем Антихриста разумеется особое лицо, особенно нечестивый человек, который пред вторым пришествием Господа на землю будет противодействовать Христу и стараться истребить христианство, но вместо того сам погибнет ужасным образом. Господь Иисус убьет его духом уст Своих, и истребит явлением пришествия Своего. Личные качества и действия его ясно изображены у апостола Павла во 2-м послании Солунянам (2Фес.2:8), и в Откровении у Иоанна (Отк.13:2, 10).

Как показывает А. И. Филюшкин, в середине XVI в. на Руси были достаточно сильны эсхатологические ожидания, связанные с «концом света» и вторым пришествием Христа. В этой связи в связи с разработкой концепции царства, венчанием на царство Ивана IV (1547 г.) на первый план выходит доктрина о Русском православном Царстве как вершине человеческой истории, а царе – как проводнике своего народа в Царствие Божие в преддверии Страшного Суда (3, 204). Поэтому Курбский не раз в своих сочинениях называет Русь Израилем, а живущих по заповедям Христа – «силными» и «избранными» «во Израиле». Примечательно, что идея сопоставления Руси с Израилем была не нова и становилась распространенной в русской книжности с конца XV в. (3, 216).

Тот факт, что Курбский не называет напрямую советника-Антихриста, который «шепчет во уши ложная царю и льет кровь кристьянскую, яко воду», заставил многих исследователей строить гипотезы относительно его имени. Н. Г. Устрялов и Дж. Феннел считали, что Курбский имел в виду Ф. А. Басманова, в то время как Р.Г. Скрынников относил эти слова к А. Д. Басманову, ссылаясь на то, что его отец, Данила Басманов, попал в плен к литовцам в 1514 г. и умер за границей, а сын его первое воеводское назначение получил лишь в 30-летнем возрасте, что нетипично для дворян того времени. Возможно, он родился позже или долго не мог добиться постов из-за слухов о своем рождении от другого отца. А. И. Филюшкин вслед за В. Б. Кобриним полагает, что, возможно, Курбский имел в виду А. Д. Басманова, но можно предположить, что речь идет о ком-то другом (3, 287-288).

Есть все основания считать, что Курбский, оперируя такими фразами, как «от блуда зачатого», «выблядок», в роли Антихриста представлял самого Грозного. Размышляя над словами Курбского, вспомним события описываемого им времени. Иван IV был рожден в 1530 г. во втором браке Василия III с литовкой Еленой Васильевной Глинской, заключенном в январе 1526 г. Двумя месяцами раньше он развелся и насильственно постриг в монахи свою первую жену Соломонию Сабурову. Развод великого князя, явившись беспрецедентным фактом, вызвал конфликт с православной церковью. Начались процессы, одним из которых явился упомянутый Курбским – над Максимом Греком.

А. И. Филюшкин полагает, что, называя Ивана «выблядком», Курбским тем самым подчеркивал неясность его происхождения, намекая на то, что тот являлся незаконным сыном великой княгини Елены Глинской и ее фаворита князя И. Ф. Овчины-Телепнева-Оболенского. В пользу этой версии свидетельствуют данные бывших в Москве С. Герберштейна и П. Оденборна. На это же указывает появление наследственных психических заболеваний в роду Рюриковичей начиная с Ивана Грозного и его потомства, чего раньше в роду русских великих князей не было. Возможно, наследственность была испор-

чена фаворитом Глинской, в роду которого бытовали прозвища, свидетельствующие о странностях в поведении и отклонениях в психическом развитии. По мнению А. Л. Никитина, слухи о неясности происхождения Грозного отразились в произведениях И. Пересветова, в аллегорической форме изображавшего моменты российской истории. Курбский тем самым в постскрипуме делал очень болезненный выпад для государя, который «оказывался недостойным титула православного царя и близким к Антихристу по всем статьям» (3, 291-292).

Думается, что считать Ивана IV сыном Елены Глинской и И. Ф. Овчины-Телепнева-Оболенского было бы преувеличением. Курбский, называя царя Ивана «выблядком», подчеркивал его незаконнорожденность вследствие незаконной женитьбы Василия на Е. Глинской. Иван был зачат «от блуда», так как брак его родителей не был одобрен ни церковью, ни общественностью. Уделяя большое внимание обстоятельствам рождения царя, Курбский подчеркивал, что его законопреступное появление на свет стало главным источником зла его времени, а историю царствования Ивана IV, как мыслилось князю Андрею, следует начинать писать с описания событий, предшествовавших его рождению.

Список литературы

1. Памятники литературы Древней Руси. М., 1986.
2. Сергеев В. М. Структура текста и анализ аргументации первого послания Курбского // Методы изучения источников по истории русской общественной мысли периода феодализма. М., 1989.
3. Филюшкин А. И. Андрей Михайлович Курбский: Просолографическое исследование и герменевтический комментарий к посланиям Андрея Курбского Ивану Грозному. СПб., 2007.

А.М. Друщенко
Нижевартовский государственный гуманитарный университет, г. Нижневартовск

С.П.МОРДОВИНА ОБ ИСТОРИИ ЗЕМСКОГО СОБОРА 1598 Г.

Основным источником по истории Земского собора 1598 г. является Утвержденная грамота (далее – УГ) об избрании на царство Бориса Годунова. Этот документ содержит обстоятельное изложение хода заседаний Земского собора, рассказ об истории составления самой УГ, перечень и подписи участников собора.

По поводу интерпретации УГ в литературе нет единой точки зрения. Дело в том, что до нас дошла не подлинная соборная грамота, а ее списки, между которыми имеются существенные расхождения как в самом тексте, так и в перечне и подписях участников Земского собора.

УГ составлялась в двух экземплярах: в государственной казне хранился экземпляр для царя, а в ризнице патриарха – другой. Вопрос о соотношении двух редакций УГ является дискуссионным.

С.П.Мордовина – автор специального исследования по истории Земского собора 1598 г. впервые исследовала его документацию в источниковедческом плане, что позволило сделать ряд важных наблюдений относительно характера представительства, состава и общего значения собора. Исследовательница пришла к выводу о первичности редакции, представленной списком И.А.Навроцкого. В ней по сравнению со Строгановским списком во много раз меньше первая часть – родословие русских царей; меньше славословий по адресу Бориса; говорится, что еще надлежит составить экземпляр для патриар-

ха; в перечне духовных лиц в четырех случаях отмечаются старые настоятели (2, 130).

Среди источников УГ 1598 г. необходимо отметить так называемое Соборное определение, которое сохранилось в том же сборнике, что и Строгановский список. Проведенное С.П.Мордовиной сличение списков грамоты с Соборным определением показало, что к последнему ближе других список Навроцкого. По мнению историка, это объясняется «не антигодуновской направленностью списка Навроцкого, а тем, что при составлении окончательного текста грамоты (или второй редакции) была проведена значительная историко-политическая и литературная работа».

Сравнение списков Навроцкого и Строгановского УГ, выполненное С.П.Мордовиной, обнаружило, что экземпляр Навроцкого был первоначальным вариантом грамоты (эту точку зрения поддержали Р.Г.Скрынников и А.П. Павлов (6, 222; 8, 124)). 17 февраля, согласно ему, патриарх Иов выдвинул кандидатуру Бориса от имени духовных лиц на заседании Освященного собора, бояр и «христолюбивого воинства». По Строгановскому списку, Иов действовал от имени всех чинов «вселенского собора», где присутствовали также гости и «православные крестьяне» из всех городов Российского государства.

Чтобы понять роль Земского собора 1598 г. в политической структуре Русского государства, необходимо выяснить состав собора и характер представительства различных сословных групп. Перечень участников Земского собора 1598 г., помещенной в УГ, и подписи в конце списков, хотя и не дают адекватного представления о составе лиц, принимавших участие в соборных заседаниях, тем не менее очертили примерный состав лиц, которые, по мнению строителей собора, должны были санкционировать избрание Бориса на царство.

С.П.Мордовина впервые использовала боярский список 1598-1599 гг., который является важным источником для изучения последнего Земского собора XVI в., так как этот документ близок по структуре и времени к перечню участников собора в УГ об избрании на царство Б.Годунова и фиксирует чины государева двора. Данный боярский список в оценке С.П.Мордовиной и А.Л.Станиславского показывает, что служившие в столице выборные дворяне регулярно чередовались, однако в основе чередования лежал не городской принцип (4, 36). С.П.Мордовина провела сравнительный анализ двух документов и пришла к выводу, что источником перечня послужил боярский список, составленный незадолго до собора. Она составила таблицу перемещений по службе участников собора за 1597-1599 гг. с тем чтобы выяснить, когда лица, упомянутые в списках УГ, могли присутствовать на соборных заседаниях в Москве. По наблюдениям исследовательницы, перечни участников появились до составления УГ, чтобы обеспечить порядок подписания, а подписи ставились и после утверждения. Поэтому считать всех подписавших грамоту чинами собора можно лишь условно, как условна и общая численность участников собора по перечням и подписям. Не сомневаясь в достоверности имевшейся в грамоте даты - 1 августа, С.П.Мордовина считает, что подписи под текстом грамоты были поставлены скорее всего в конце 1598 г.

Всего С.П.Мордовина насчитала около 600 участников собора, оговорившись, что в действительности он был гораздо шире, так как его состав быстро менялся (2, 134). Это мнение поддержал и А.П.Павлов (7,223).

В отечественную историографию вошел тезис о выборном характере представительства на Земском соборе 1598 г.(1,59-62; 5,85; 9,67-68). Однако, как установила С.П.Мордовина, «нет оснований полагать, что в рубрику “из городов выбор” внесены служилые люди разных чи-

нов со значением выборных представителей провинциального дворянства», не надо «отождествлять термин “выбор” с выборностью и видеть в выборных дворянах делегатов, избранных на собор с мест» (3, 57).

Используя боярский список 1598-1599 гг., исследовательница точнее определила удельный вес служилых людей – участников собора. Она считает, что «на Земском соборе 1598 г. было не менее половины, а может быть, и большая часть всех московских дворян. Необходимо принять во внимание, что из всех столичных чинов именно на дворян падали основные тяготы воеводской службы, и многие воеводы присутствовать на соборе не могли».

С.П.Мордовиной выяснено, что «принцип поголовной мобилизации на собор даже в большей степени, чем на дворян, распространялся на стольников, стряпчих и приказных дьяков...Боярская дума, московские дворяне, стольники, стряпчие, бараши, стрелецкие головы и дьяки (по перечню – 248) решительно преобладали среди массы служилых (по перечню – 337) на Земском соборе 1598 г.».

По подсчетам историка, городское дворянство, служившее по «выбору», представлено 45 лицами, что «составляет приблизительно 5% от общего числа выбора этого времени» (3, 58).

В УГ 1598 г. нет указаний на города, по которым служили упомянутые в ней выборные дворяне. Определив их территориальную принадлежность по боярским спискам, С.П.Мордовина пришла к выводу, что они представляли всего 21 город, а это «означает, что на земском соборе было представлено менее половины городов, в которых в конце XVI – начале XVII в. существовал институт “выбора”...явное несоответствие между группами выборных дворян на местах и их представительством на соборе исключает, по существу, возможность каких-либо регламентированных выборов на Земском соборе “делегатов” от местных дворянских обществ».

Сопоставление групп выборных дворян на Земском соборе, служивших в Москве и по другим городам, показывает, что на соборе присутствовал только «московский» выбор.

Анализ перечня и подписей УГ привел С.П.Мордовину к общему выводу об отсутствии выборного начала в соборной практике 1598 г., что «не меняет представлений о нем как о сословном учреждении, в работе которого принимали участие светские и духовные феодалы, а также верхушка третьего сословия». И все же, на взгляд С.П.Мордовиной, состав Земского собора 1598 г. отраженный в УГ, «не дает достаточных оснований считать его наиболее развитым сословно-представительным учреждением XVI века» (3, 61).

Список литературы

1. Гальперин Г.Б. *Форма правления Русского централизованного государства XV-XVI вв.* Л., 1964.
2. Мордовина С.П. *К истории Утвержденной грамоты 1598 г.*// *Археографический ежегодник за 1968 год.* М., 1970.
3. Мордовина С.П. *Характер дворянского представительства на Земском соборе 1598 г.*// *Вопросы истории (далее – ВИ).* 1971. №2.
4. Мордовина С.П., Станиславский А.Л. *Вступительная статья*// *Боярские списки последней четверти XVI-начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г.* М., 1979. Ч. 1.
5. Павленко Н.И. *К истории земских соборов XVI в.* // *ВИ.* 1968. №5.
6. Павлов А.П. *Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584-1605 г.).* СПб., 1992.
7. Павлов А.П. *Соборная Утвержденная грамота об избрании Бориса Годунова на престол* // *Вспомогательные исторические дисциплины.* Л., 1978. Т. 10.
8. Скрынников Р.Г. *Борис Годунов.* М., 1983.

Т.В.Козельчук
Курганский государственный университет,
г.Курган

РЕФЛЕКСИЯ РОССИЙСКОГО ЧИНОВНИКА (ПО МЕМУАРНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА)

История российского чиновничества, отечественной государственной службы, управления и власти всегда занимала и занимает внимание исследователей, однако сказать, что эта тема хорошо изучена, конечно, нельзя. Вернее говорить о сложившихся стереотипах во взглядах на нашу бюрократию, в чем-то верных, а в чем-то ошибочных. Особенно это касается дореволюционного чиновника, образ которого сформирован не без помощи небезызвестных художественных образов, мешающих подчас даже трезвому исследовательскому взгляду. О чиновнике говорят другие, и историк, как правило, им доверяет. На наш взгляд, вполне справедливо предоставить слово самому герою, обратившись к мемуарам чиновников.

В ряду документов личного происхождения мемуарная литература наиболее доступна для исследователя уже потому, что разнообразные записки и воспоминания госслужащих печатались в XIX веке в таких отечественных журналах, как «Исторический вестник», «Русская старина» и других. Многие из подобных публикаций не введены в научный оборот, хотя содержат весьма интересные сведения о служебной повседневности и отдыхе чиновников, коллегах-сослуживцах и отношении населения к администрации, начальстве и карьере, семейной жизни и устройстве быта, проблемах и радостях, страхах и надеждах. Важно то, что описывая те или иные ситуации, авторы как бы заново все переживали, выражая свое отношение к произошедшему в их жизни, расставляя акценты и давая оценки. Именно это отношение, а если точнее оценка себя и своей деятельности, мысли по поводу собственного служебного предназначения и смысла жизни, определение в целом места и задач чиновничества в обществе и т.п., представляет интерес, исходя из заявленной проблемы.

Условно произведения чиновников в зависимости от содержания можно разделить на записки-размышления и записки-описания, при этом, как правило, наличие одного компонента не исключает наличие другого. И все-таки мемуары, в которых автор больше рассуждает, чем описывает (перечисляет частные факты, различные события и имена), встречаются значительно реже, что в нашем случае можно расценить скорее как недостаток. Конечно, за нарративом скрывается и самонаблюдение, ведь вынести себя за скобки, согласно жанру, они не могли в принципе. Но чаще создатели мемуарных текстов, стремясь описать других, уходили в фактологию, лишая исследователя возможности напрямую прочесть свои мысли и, в конечном итоге, составить представление о мировоззрении российского чиновничества. Поэтому любые высказывания чиновников или, другими словами, verbально выраженные эмоции о себе представляют несомненную познавательную ценность. Вопрос о достоверности этих эмоций не корректен: автор, безусловно, мог ошибиться при обозначении конкретных фактов – имен или дат, но не в отношении собственных впечатлений. Одним словом, субъективность – это достоинство мемуарной литературы.

Авторы, независимо от места службы, должности и чина, дают самим себе более или менее похожие характеристики, где похожесть проявляется в отсутствии критического отношения к собственному служебному поведению и в присвоении таких качеств, как самоотверженность, трудолюбие, справедливость. Например: «Я был молод тогда и делу своему отдавался с такой любовью, какая может быть у человека, который отдается ему с истинным призванием и работает, как говорится, до забвения других жизненных интересов, не жалея ни труда, ни собственных сил и здоровья» (1, 129). Выражения типа «я с большим рвением принялся за свои обязанности», «я боролся со злом, как и чем мог и умел, полагая на это свою душу», «по долгу чести и присяги, не щадя живота... – Свой мундир я ничем не запятнал», «я всегда служил верою-правдою... Уважение к законности и польза обществу – вот мой девиз...», можно встретить почти в каждом мемуарном произведении.

На фоне нелестных отзывов об окружающей служебной среде и чиновничестве в целом подобные заявления придают текстам смысловую противоречивость, выраженную в формуле: «я – хороший, все – плохие», создавая впечатление, что мемуаристы стремились, образно выражаясь, хорошо выглядеть, по меньшей мере, в собственных глазах. «Доброе семейное воспитание и твердо укоренившиеся во мне университетские идеалы вызвали во мне протест против этой среды. Я упорно боролся с притеснением чиновничьего начальства... Сравнивая свой труд с трудами сослуживцев и жаждою их к наживе, я непомерно возвышался в своем собственном мнении... Пошлость и позор окружающего становились мне все противнее» (4, 820, 821, 823); «чиновничество стало первым сословием, надменное, решительное, самодержавное...» (7, 63).

Действительно критическое переосмысление себя в прошлом, признание ошибок и просчетов и т.п. в мемуарах чиновников явление исключительное: «Стыдно вспомнить, как, с комичною гордостью, я отвергал скромные приношения посетителей, говоря им, что взятки не беру. Но в то же время заботился только о соблюдении форм, а не о защите пригнетенных, ко мне прибежавших... Занятия мои ограничивались только делопроизводством... Жизнь моя, которую я обрабатывал пером, оставалась для меня мертвою буквою, значения которой я даже не подозревал» (4, 821).

Мемуаристы с большей активностью, эмоциональностью и смелостью суждений писали об общественных нравах и порядках вообще. К примеру, о России начала XX века: «Какой хаос! Гуманность при суде над убийцами и бесчеловечное управление областями...; свобода печати и лживые доклады...; ропот против Оттоманской Порты за неравноправность христиан и истязание католиков у себя; ...гласность суда и бесстыдство суда; капитальство и революционные стремления; ...дворцы в столице и кабаки да тройки по всем улицам; усиление полиции и дневные грабежи безнаказанные» (7, 427). Или просто о нравах: «Таковы уж у нас нравы... Украсть чужую собаку, зачитать чужую книгу, занять денег без отдачи, проехать по железной дороге без билета или с чужим билетом – самое обыкновенное дело и никого это не удивляет» (2, 58).

Тем не менее, вдумчивое чтение позволяет уловить разочарование от служебной деятельности, трагичность чиновничьих судеб и крушение иллюзий: «На мою долю выпало самое непосредственное прикосновение к действительности, которая до того времени была мне знакома только по названиям, бумагам и законам... По мере того, как я допытывался до истины, несогласия жизни с официальной бумагой становились для меня все яснее

и поразительнее» (4, 823); «По моим наблюдениям и самочувствию был тогда такой антагонизм между обществом и полицией, выносить который было тяжело...» (3, 916); «Добился ли я до каких-нибудь прочных результатов в течение более чем четырех лет? Думаю, что нет. Все это было временное, скоропреходящее, подлежащее исчезновению вслед за мною. ...Я не понимал тогда, что сражаюсь с порождениями режима, издавна введенного, имеющего действовать и после меня с одинаковою силою. Я не сознавал тогда, что в осуществлении своих стремлений я был стеснен и связан тем режимом, против плодов которого я сражался, как Дон-Кихот против мельниц. Еще смешнее должно представляться мои действия, если принять в соображение, что они вызывались одними только моими личными убеждениями и потребностями» (4, 827); «Лишь бы в донесениях и в переписке по бумагам все обстояло благополучно. Только тот и считался хорошим председателем или прокурором, кто умел ладить с губернатором, а если и выходило, что немножко не по закону, то это не важно...» (2, 456); «Вообще трудно и бесполезно было бы описывать все тягостные ощущения, разочарования, горечь, иногда доводившие до отчаяния, которые мне пришлось испытать в этом омуте» (4, 851).

Резюмировать вышеприведенные цитаты можно словами одного из мемуаристов: «В самом деле, для всякого чиновника, в силу того, что он чиновник, чрезвычайно редки такие минуты, когда он может с некоторой долей уверенности сказать, что он сделал то или иное путное дело полезное для населения и главное, что полезность его действительно сознается населением... На службу за совесть надо махнуть рукой и служить только за один "страх"» (5, 115).

Однако нельзя переоценивать информационную значимость мнений такой направленности и на их основании делать обобщающие выводы, ведь другие авторы высказывали совершенно противоположные мнения: «И такое сознание своей полезности окрыляло меня и придавало энергии, среди трудной, ох трудной, полицейской обстановки!» (3, 200); «Какое же нравственное удовольствие получал я, когда странствуя дней по пяти и даже по десяти по своему участку и переезжая для этого из села в село, я видел и сознавал, что моя служба действительно полезна обществу!» (2, 49). Как правило, такие чувства чиновники испытывали лишь в первые служебные годы, к концу карьеры все менялось. Вспоминая свои первоначальные надежды и искренние порывы быть полезными обществу, мемуаристы вынуждены были признаваться в собственной наивности: «Сколько воспоминаний! Воспоминания, наводящие на грустные мысли... Я кажусь себе глупым и униженным» (7, 435).

Для изучения мировоззрения российского чиновничества пригодится тот факт, что некоторые авторы в своих записках предлагали варианты реформирования системы, основанные на собственном опыте: «Грубой силой и сухими циркулярами ничего нельзя достигнуть. Силой нравственного превосходства, духовной силой личности, силой справедливости и гуманности можно творить чудеса, но все это нужно сначала в себе выработать: иначе все старания будут бесплодны» (6, 133); «И сколько требуется качеств от полицейского чиновника! Необходимо образование и чем выше, тем лучше, чтобы был психологом, понимал бы жизнь не понаслышке только, не из книг, с каковыми познаниями поступил я, а в действительности, чтобы обладал даром слова, имел бы благообразную внешность, чтобы был наделен хорошим воспитанием, крепким здоровьем и вообще производил бы впечатление вполне порядочного человека, а при всем том не был бы корыстолюбив, имел бы мягкое сердце и непрек-

лонную волю и усвоил бы себе девиз, что скромная и нравственная жизнь украшает полицая, как цветы украшают сад... И не перечислить мне всех перлов, присущих человеку, избравшему полицейскую службу, по сознанию той великой пользы, какую он должен приносить обществу, если только это сознание руководит его действиями, - в противном случае получается субъект ... апатичный и возбуждающий к себе именно ту брезгливость, какою и дарит полицая общество. Между тем добрые отношения общества к полиции чрезвычайно важны во всех отношениях, в особенности, когда в обществе происходят всякие движения. Мне думается, что если бы в обществе было больше доверия и симпатии к правящим вообще и к полиции в частности, то многие катастрофы конца 1870-х годов не могли бы иметь места у нас». (3, 491). В таких «суждениях между прочим» наиболее полно и всесторонне открывается не только сама российская действительность, но и такое ее явление как чиновничество, которое «оживляется» и через это становится нам более близким, значит, более понятным. Поэтому тексты документов личного происхождения требуют к себе очень серьезного отношения со стороны исследователя, что должно проявляться в критическом «по всем правилам» анализе, грамотной интерпретации и учете всех обстоятельств их происхождения.

Авторы-чиновники воспринимали свое мемуарное творчество как почти единственную возможность высказаться, оправдаться, прояснить для себя, почему они действовали и чувствовали именно так, а не по-другому. Этим мы можем объяснить преимущественно неутешительные результаты рефлексии чиновников. Нельзя также забывать, что вспоминаются все-таки наиболее яркие и неоднозначные факты. Как совершенно справедливо заметил один из мемуаристов: «... Не следует думать, что воспоминания тенденциозно переполняются фактами... лишь отрицательного характера. Просто смешные и оригинальные случаи легче вспоминаются» (8, 130). Поэтому мемуары, отражая рефлексии чиновников, несколько односторонне характеризуют служебную действительность. Читателю только кажется, что в мемуарах он видит «путь служебный скользкий до последней крайности», на самом деле он видит чиновника – создателя воспоминаний. Это, как не парадоксально, повышает информационный потенциал мемуаров, так как без эго-документов наше представление о любых явлениях прошлого не будет полноценным.

Список литературы

1. Власов К. Голод в Сибири и князь Голицын (воспоминания бывшего волостного писаря) // Исторический вестник. 1913. Апрель.
2. Волжин В.А. Из мемуаров // Исторический вестник. 1912. Т.129. № 7-8.
3. Дубисс-Крчак Ф.Ф. Из записок петербургского полицмейстера // Исторический вестник. 1903. № 2. С. 491; № 3. С.916; № 4. С.200.
4. Казначеев А.Г. Между строками одного формулярного списка: 1821-1881 // Русская старина. 1881. № 12.
5. Комаров А.И. Правда о переселенческом деле. СПб., 1913.
6. На Северо-Западной окраине (Из записок русского чиновника) // Исторический вестник. 1908. №10.
7. Фишер К.И. Записки сенатора // Исторический вестник. 1908. №10. С.63; №11. С.427, 435.
8. Чулицкий М. Из воспоминаний бывшего судебного деятеля // Исторический вестник. 1915. №10.

*Н.А. Колесников
Курганский государственный университет,
г. Курган*

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ РОЛИ РОССИИ В РАБОТАХ Х.Д. МАККИНДЕРА И П.Н. САВИЦКОГО

В первые постсоветские годы масс-медиа широко пытались распространить среди бывших граждан Советского Союза идею о том, что имперское сознание – это рудимент «проклятого прошлого» и для того, чтобы быстрее превратиться в нормальную, благополучную страну, нашим соотечественникам необходимо от него избавиться. В последнее время эти разговоры поутихли, и на официальных теле- и радиоканалах всё больше звучит патриотическая риторика и призывы к возрождению государственности. Очередная «переоценка ценностей», вызванная политконъюнктурными моментами, временами вновь возвращает рядового россиянина в обстановку «холодной войны» и «враждебного окружения», что оказывает на него не столько пугающее, сколько успокаивающее воздействие, поскольку он в этом видит явные признаки возврата к тем самым «проклятым», но не выкинутым из своей жизни временам. В этих условиях изучение феномена имперского сознания в нашей стране становится весьма актуальной и даже злободневной задачей.

В настоящей статье автор, сознательно оппозиционирующий себя как правым, так и левым идеологиям, предлагает абстрагироваться от всех современных политконъюнктурных подходов и обратиться к творческому наследию классиков геополитики начала XX века, для того, чтобы попытаться понять место и роль российского государства в системе международных отношений и судьбе стран и народов Евразии. Из всего, довольно обширного, круга имён и названий работ, мы возьмем лишь две работы (больше не позволяет объём статьи), принадлежащие перу английского географа, одного из основоположников геополитики на Западе, Хэлфорда Джорджа Маккиндера и русского географа Петра Николаевича Савицкого – одного из организаторов знаменитого, но, к сожалению, мало изученного у нас, движения «евразийцев». Несмотря на тот факт, что обычно их относят к представителям различных интеллектуальных традиций и считают основателями противоположных по своей сути геополитических школ, в их подходе к анализу закономерностей исторического развития народов Старого Света есть много общего, что объясняется стремлением обоих авторов к творческому синтезу географической и исторической наук. Поэтому, несмотря на различие во взглядах, им удалось выработать весьма оригинальную историко-географическую концепцию, отличающуюся от устоявшихся в академических кругах тех лет научных представлений.

В центре внимания обоих учёных был вопрос о влиянии природно-географических условий (ландшафта, климата, растительных зон, наличия или отсутствия водных ресурсов и т.д.) на историческое развитие кочевых и оседлых цивилизаций Старого Света и опосредованное этим влиянием взаимодействие кочевников Великой Евразийской степи с оседлыми народами Европы, Ближнего Востока, Индостана и Дальнего Востока. Исходя из постулата об относительной стабильности природно-географических параметров в течение последних двух тысяч лет, оба исследователя попытались определить наиболее общие принципы организации географических пространств евразийского континента, которые во многом

определяли историческую судьбу и значение различных историко-культурных регионов в общей картине этно-политических изменений, начиная с раннего Средневековья (хотя у обоих авторов есть отсылки и к более ранним временам) и заканчивая рубежом XIX–XX вв. В наиболее полном виде это удалось сделать Маккиндеру в своём знаменитом докладе Королевскому географическому обществу 25 января 1904 г. «Географическая основа истории». Поставив перед собой задачу «попытаться установить, с известной долей завершённости, связь между широкими географическими и историческими обобщениями», автор доклада пришёл к выводу об определяющем влиянии на историческое развитие европейских народов, наряду с другими земледельческими народами евразийского континента, кочевых народов Великой евразийской степи, волны завоеваний которых постоянно испытывали на прочность земледельческие цивилизации «приокеанических окраин» Евразии. Отталкиваясь от частных случаев исторической конкретики раннесредневековой Европы (разгром гуннов в битве при Шалоне, войны Карла Великого с аварами и т.д.), Маккиндер делает вывод о позитивном влиянии кочевых набегов из Великой степи, т.к. они «стимулировали здоровую и мощную реакцию» народов Западной Европы и способствовали их этническому, духовному и политическому сплочению. Разрушительный заряд нашествий кочевников ограничивался тем, что их мобильность «была обусловлена степью и исчезала в окружении гор и лесов Европы». Для того чтобы представить картину взаимодействия кочевых и оседлых народов Евразии в более полном виде, Маккиндер предлагал: «сменить наш “европейский” угол зрения с тем, чтобы мы могли представить Старый Свет во всей его целостности». Эта мысль английского исследователя буквально рефреном звучит во многих работах русского географа Савицкого, который также предпринял попытку рассмотреть исторические судьбы народов Евразии исходя из «географической природы Старого Света именно как целостного единства». Наиболее полно эта попытка была представлена в его работе «Географические и геополитические основы евразийства», опубликованной в 1933 г.

Для того чтобы более явно подчеркнуть сходство образа мысли двух авторов и показать их общую логику, мы вынуждены будем прибегнуть к цитированию наиболее схожих по содержанию мест.

Рассматривая географическую структуру евразийского континента, оба автора прежде всего выделяют его центральную часть, резко отличающуюся своими физико-географическими параметрами от пояса «приокеанических окраин», на которых сконцентрирована большая часть оседлого населения. Маккиндер объясняет такое неравномерное распределение населения прежде всего климатическими условиями: «Поскольку количество осадков зависит от моря, середина величайших земных массивов в климатическом отношении достаточно суха. Вот почему не стоит удивляться, что две трети мирового населения сосредоточены в относительно небольших районах, расположенных по краям великих континентов в Европе, около Атлантического океана, у Индийского и Тихого океанов в Индии и Китае». Давая географическое описание центральной, засушливой зоны Старого Света, Маккиндер характеризует её как «в целом степную местность, представляющую, хотя зачастую и скудные, но обширные пастбища, где не так уж мало питаемых речками оазисов». Обращая внимание на удалённость от морей и океанов, автор указывает на специфическую особенность рек, протекающих в этом регионе: «На большей части севера и центра эти реки были практически бесполезны для целей человеческого общения с внешним

миром. Волга, Окс, Яксарт текут в соленые озера; Обь, Енисей и Лена в холодный северный океан». Рассматривая эту территорию как географическую противоположность окраинным приморским землям Евразии, Маккиндер как представитель талласократической (океанической) школы геополитики придаёт большое значение принципиальной недоступности её для военной мощи морских государств, в свою очередь, жители этих обширных равнинных пространств, благодаря использованию лошадей и верблюдов, долгое время превосходили в военном отношении оседлые народы континента. В более развёрнутом виде нам даёт описание географической структуры Старого Света Савицкий, говоря о противоположении «окраинно-приморских» областей с одной стороны и «срединного мира» с другой. «В зональном строении материка Старого Света можно заметить черты своеобразной восточно-западной симметрии, сказывающейся в том, что обстояние явлений на восточной его окраине аналогично такому же обстоянию на западной окраине и отличается от характера явлений в срединной части материка. И восточная, и западная окраины материка (и Дальний Восток, и Европа) в широтах между 35 и 60 град. северной широты в естественном состоянии являются областями лесными. Здесь бореальные леса непосредственно соприкасаются и постепенно переходят в леса южных флор. Ничего подобного мы не наблюдаем в срединном мире. В нем леса южных флор имеются только в областях его горного окаймления (Крым, Кавказ, Туркестан). И они нигде не соприкасаются с лесами северных флор или бореальными, будучи отделены от них сплошной степно-пустынной полосой. Срединный мир Старого Света можно определить, таким образом, как область степной и пустынной полосы, простирающейся непрерывно линией от Карпат до Хингана, взятой вместе с горным ее обрамлением (на юге) и районами, лежащими к северу от нее (лесная и тундровые зоны). Этот мир евразийцы и называют Евразией в точном смысле этого слова (*Eurasia sensu stricto*). Ее нужно отличать от старой "Евразии" А. фон Гумбольдта, охватывающей весь Старый материк (*Eurasia sensu latiore*)». Аналогичный приём выделения природных границ центральной части евразийского континента как «царства кочевых народов» применяет и Маккиндер: «На севере их царство ограничено широкой полосой субарктических лесов и болот, где климат слишком суров, за исключением западных и восточных оконечностей, для развития сельскохозяйственных поселений. На востоке леса идут на юг до тихоокеанского побережья вдоль Амура в Манчжурию. То же и на Западе; в доисторической Европе леса занимали основную территорию. Ограниченные, таким образом, на северо-востоке, севере и северо-западе, степи идут, не прерываясь, на протяжении 4 000 миль от венгерской пушты до Малой Гоби в Манчжурии, и, за исключением самой западной оконечности, их не пересекают реки, текущие в доступный им океан,...». Маккиндер не определил чётко лишь южные, юго-западные и юго-восточные рубежи этой зоны, но схематично обозначил пограничные с ней географические регионы, акцентировав внимание не только на природно-климатических, но и на культурно-цивилизационных отличиях этих районов от описываемой им «осевой зоны». «На запад, на юг и на восток от этой зоны находятся пограничные регионы, составляющие широкий полумесяц и доступные для мореплавания. В соответствии с физическим устройством число этих районов равняется четырем, причем отнюдь не маловажно то, что в принципе они совпадают, соответственно, со сферами распространения четырех великих религий - буддизма, брахманизма, ислама и христианства. Первые две лежат в зоне муссонов, причем одна из

них обращена к Тихому океану, другая к Индийскому. Четвертая, Европа, орошается дождями, идущими с Запада, из Атлантики. Эти три региона, насчитывающие в совокупности менее семи миллионов кв. миль, населяет более миллиарда человек, иначе говоря, две трети населения земного шара. Третья сфера, совпадающая с зоной пяти морей или, как ее чаще называют, район Ближнего Востока, в еще большей степени страдает от недостатка влажности благодаря своей приближенности к Африке и, за исключением оазисов, заселена, соответственно, негусто. В некоторой степени она совмещает черты как пограничной зоны, так и центрального района Евро-Азии». Более чёткое географическое описание «срединного мира» даёт Савицкий, прямо ассоциируя его в геополитическом плане с русским миром: «Он состоит в первую очередь из трех равнин (беломорско-кавказской, западносибирской и туркестанской), а затем из областей, лежащих к востоку от них (в том числе из невысоких горных стран к востоку от р. Енисей). В направлении с юга на север здесь сменяют друг друга пустыня, степь, лес и тундра. Каждая из этих зон образует сплошную широтную полосу. Общее широтное членение русского мира подчеркивается еще и преимущественно широтным простиранием горных хребтов, окаймляющих названные равнины с юга: Крымский хребет, Кавказский, Копетдаг, Парапамиз, Гиндукуш, основные хребты Тянь-Шаня, хребты на северной окраине Тибета, Ин-Шань, в области Великой китайской стены. Последние из названных нами хребтов, располагаясь в той же линии, что и предыдущие, окаймляют с юга возвышенную равнину, занятую пустыней Гоби. Она связывается с туркестанской равниной через посредство Джунгарских ворот». Точно так же, опираясь на выявление «естественных границ», Савицкий попытался обозначить и западные рубежи искомого им Русского мира или России-Евразии: «Западная граница Евразии проходит по черноморско-балтийской перемычке, т.е. в области, где материк суживается (между Балтийским и Черным морями). По этой перемычке, в общем направлении с северо-запада на юго-восток, проходит ряд показательных ботанико-географических границ, например, восточная граница тиса, бука и плюща. Каждая из них, начинаясь на берегах Балтийского моря, выходит затем к берегам моря Черного. К западу от названных границ, т.е. там, где произрастают еще упомянутые породы, простирание лесной зоны на всем протяжении с севера на юг имеет непрерывный характер. К востоку от них начинается членение на лесную зону на севере и степную на юге. Этот рубеж и можно считать западной границей Евразии,...». Это место его работы в общих чертах совпадает с тем местом у Маккиндера, где он также пытался обозначить западные границы «осевой зоны», ссылаясь на особенности климатического режима и пролегания растительных зон на территории Восточно-Европейской равнины. Примечательно, что Маккиндер, в отличие от Савицкого, проводит её рубежи по границе лесов и степей между северной оконечностью Карпат и южной оконечностью Уральских гор, а наиболее западный район Великой степи он ассоциирует с Венгерской равниной, которую рассматривает как природный степной плацдарм, который веками использовали номады для вторжений в Европу. Как мы видим, точное очертание западных границ России-Евразии у Савицкого и «осевой зоны» у Маккиндера не совпадает (это можно объяснить стремлением первого более чётко привязать границу искомого к реальной политической границе России), но нас, в данном случае, интересует сам подход, который выбрали оба автора для их обозначения. Следующая линия сравнения работ этих исследователей касается той исторической роли, которую они отводили кочевому на-

селению «срединного» степного мира, в судьбе народов, населявших береговые окраины евразийского материка. Оба автора утверждали, что с глубокой древности кочевники Великой степи, пользуясь своим преимуществом в мобильности, подвергали оседлые цивилизации речных долин и морских побережий опустошительным нашествиям. Эти вторжения играли в их развитии не столько негативную, сколько стимулирующую роль, заставляя отдельные племена и народы покидать свои изолированные мирки и объединяться перед лицом общей опасности. Наиболее обоснованно она высказана в работе Маккиндера, который находил в наличии постоянной «угрозы с Востока» истоки национальной консолидации стран Западной Европы. «На протяжении десяти веков несколько волн кочевников-всадников выходило из Азии через широкий проход между Уралом и Каспийским морем, пересекая открытые пространства Юга России и, обретая постоянное местожительство в Венгрии, попадали в самое сердце Европы, внося таким образом в историю соседних с ними народов момент неперемогимого противостояния: так было в отношении русских, германцев, французов, итальянцев и византийских греков». В другом месте он делает предположение о том, что практика кочевых вторжений в Европу имеет более раннюю историю: «Похоже, что даже нашествие гуннов было отнюдь не первым в этой «азиатской» серии. Скифы из рассказов Гомера и Геродота, питавшиеся молоком кобылиц, скорее всего, вели такой же образ жизни и относились, вероятно, к той же самой расе, что и позднейшие обитатели степи». Следы аналогичного влияния Маккиндера находят и в истории неевропейских стран и народов: «Подобно Европе, записи о более ранних вторжениях сохранились и на других пограничных землях Евро-Азии. Неоднократно подчинялся завоевателям с севера Китай, а Индия - завоевателям с северо-запада». В качестве наиболее яркой иллюстрации своих геополитических представлений Маккиндер использовал сведения о завоевательных походах монголов в 13-14 веках, говоря о том, что «в этом известном и хорошо описанном случае все населённые края Старого Света, раньше или позже, ощутили на себе экспансивную мощь мобильной державы, зародившейся на степных просторах». Образ «потрясателя Вселенной» используется Маккиндером для обозначения скрытой исторической силы, «вызывающей отвращение персоны», которая всё же «выполняет важную общественную функцию в объединении своих врагов», способствуя тем самым историческому прогрессу оседлых народов и цивилизаций Старого Света. Поэтому, он объяснял начало военно-морской и экономической экспансии стран Западной Европы в 15-18 веках необходимостью ответа на более ранние и неоднократные «вызовы» со стороны кочевого мира Азии. Совершенно другую роль и значение приписывает кочевым сообществам срединного мира Савицкий. Обосновывая тезис о предельной «прозрачности» географической структуры срединного степного мира, он утверждал, что «природа евразийского мира минимально благоприятна для разного рода «сепаратизмов», будь то политических, культурных, или экономических». Сопоставляя географическое строение срединных земель с пространствами «приокеанических окраин», Савицкий приходит к выводу, что «мозаически-дробное» строение последних создаёт «материальные предпосылки для существования малых государств, особых для каждого города и провинции культурных укладов, экономических областей, обладающих большим хозяйственным разнообразием на узком пространстве». «Срединный мир» Евразии, наоборот, создаёт предпосылки для политической, экономической и культурной интеграции в широких масштабах т.к. «бесконеч-

ные равнины приучают к широте горизонта, к размаху геополитических комбинаций». Отсюда автор выводит изначальную предрасположенность народов Великой евразийской степи к интеграции: «Природа Евразии в гораздо большей степени подсказывает людям необходимость политического, культурного и экономического объединения, чем мы наблюдаем то в Европе и Азии. Недаром именно в рамках евразийских степей и пустынь существовал такой «унифицированный» во многих отношениях уклад, как быт кочевников на всём пространстве его бытования: от Венгрии до Манчжурии и на всём протяжении истории от скифов до современных монголов. Недаром в просторах Евразии рождались такие великие политические объединительные попытки, как скифская, гуннская, монгольская и др. Эти попытки охватывали не только степь и пустыню, но и лежащую к северу от них лесную зону и более южную область «горного окаймления» Евразии». Говоря о влиянии кочевого мира Евразии на историю земледельческих народов и культур, Савицкий, в противовес концепции Маккиндера, делает акцент не на завоеваниях, а на его интегрирующей роли, способствовавшей усилению культурных и экономических контактов между странами Запада и Востока. «Этот мир, лежащий к востоку от границ Европы и к северу от «классической» Азии, есть то звено, которое спаивает в единство их все. ...Связующая и объединяющая роль «срединного мира» сказывалась и в истории. В течении ряда тысячелетий политическое преобладание в евразийском мире принадлежало кочевникам. Заняв всё пространство от пределов Европы до пределов Китая, соприкасаясь одновременно с Передней Азией, Ираном и Индией кочевники служили посредниками между разрозненными, в своём исходном состоянии, мирами оседлых культур». Таким образом, одни и те же племена и народы, населяющие равнинные пространства «срединных земель», разделялись этими авторами совершенно разной исторической ролью. Но, при этом, оба исследователя в одинаковой мере определили центральное геополитическое положение и ключевое значение описываемых ими территорий. Ещё один пункт совпадений взглядов обоих учёных состоит в том, что они указывали только на Россию как современное им государство, способное охватить своими политическими границами и актуализировать геополитическое значение «срединного мира», т.е. играть ту же ключевую роль, которую раньше играли кочевые империи. Это обстоятельство Маккиндер осознавал в первую очередь как очередную потенциальную угрозу для всех стран, составляющих «материковые окраины» евразийского континента или «мирового острова». Особенно территориальный рост России имел значение для «морских держав» Западной Европы: «Эпоха Тюдоров, увидевшая экспансию Западной Европы на морских просторах, лицезрела и то, как Русское государство продвигалось от Москвы в сторону Сибири. Бросок всадников через всю Азию на восток был событием, в той же мере чреватый политическими последствиями, как и преодоление мыса Доброй Надежды, хотя оба эти события долгое время не соотносились друг с другом». Обозначив, таким образом, Россию как основного соперника стран Западной Европы в борьбе за расширение экспансии на пространствах Азии, Маккиндер был явно склонен отдать именно ей пальму первенства в этом процессе. Особенно, по мнению автора, шансы России повышались после перехода её к широкому строительству железных дорог, геополитическое значение которых этот географ приравнивал к значению мировых морских коммуникаций. «Ещё поколение назад казалось, что пароход и Суэцкий канал увеличили мобильность морских держав в сравнении с сухопутными. Железные дороги играли, главным обра-

зом, роль придатка океанской торговли. Но теперь трансконтинентальные железные дороги изменяют состояние сухопутных держав, и нигде они не работают с большей эффективностью, как в закрытых центральных районах Евро-Азии ...» Говоря о перспективах развития железнодорожного транспорта в России, Маккиндер отмечал: «Русские железные дороги бегут на протяжении 6000 миль от Вербаллена на западе до Владивостока на востоке. Русская армия в Манчжурии являет собой замечательное свидетельство мобильной сухопутной мощи, подобно тому, как Британия являет в Южной Африке пример морской державы. Конечно, Транссибирская магистраль по-прежнему остаётся единственной и далеко не безопасной линией связи, однако не закончится ещё это столетие, как вся Азия покроется сетью железных дорог». Глядя в отдалённое будущее «срединного мира», Маккиндер высказал предположение о его большой не только геополитической, но и самостоятельной геэкономической роли: «Пространства на территории Российской империи и Монголии столь велики, а их потенциал в плане населения, зерна, хлопка, топлива и металлов столь высок, что здесь, несомненно, разовьётся свой, пусть и несколько отдалённый, огромный экономический мир, недостижимый для океанической торговли». Эти слова английского географа начала XX века выглядят прямым пророчеством, предвещающим создание единого экономического пространства, отгороженного «железным занавесом» от мирового капиталистического рыночного хозяйства. Свою попытку обоснования геополитической роли России – Евразии в будущем Савицкий связывает также с развитием трансконтинентальных путей сообщения: «Уже с конца XIX века прямой путь из Европы в Китай и Японию лежит через Россию (Великая Сибирская железная дорога). География указывает с полной несомненностью, что не иначе должны пролегать дороги из Европы (во всяком случае, северной) в Персию, Индию и Индокитай. Эти возможности к настоящему времени не реализованы. Нет связи между железными дорогами русского Туркестана и Индии. Нет ориентации русской железнодорожной сети на транзитное европейско-индийское движение. Но рано или поздно такое движение станет фактом, будь то в форме ж.д. путей, автомобильских линий или воздушных сообщений». Наибольшие надежды Пётр Николаевич связывает с развитием воздушных видов транспорта, рассматривая его как средство усиления геополитического влияния России. «Чем больший вес будут приобретать воздушные сообщения со свойственным этому роду сношений стремлением летать по прямой тем ясней будет становиться роль России-Евразии как «срединного мира». Установление трансполярных линий может еще больше усилить эту роль. На дальнем севере Россия на огромном пространстве является соседом Америки. С открытием путей через полюс или вернее над полюсом она станет соединительным звеном между Азией и Северной Америкой». В этих строках русского мыслителя чувствуется не только «масштаб геополитических комбинаций», но и уверенность в огромных созидательных возможностях народов, населяющих «срединный мир». Этот оптимистический пафос Савицкого, как ни странно, подкрепляется геополитическими выводами Маккиндера о том, что Российская империя превратилась в крупнейшее сухопутное государство мира, контролирующее всё пространство «осевой зоны» и имеющее, вследствие этого, выход в любой геополитический регион «мирового острова». «Россия заменяет Монгольскую империю. Ее давление на Финляндию, Скандинавию, Польшу, Турцию, Персию, Индию и Китай заменило собой исходившие из одного центра набеги степняков. В этом мире она занимает централь-

ное стратегическое положение, которое в Европе принадлежит Германии. Она может наносить и одновременно получать удары со всех направлений, за исключением севера. Окончательное развитие ее мобильности, связанное с железными дорогами, является лишь вопросом времени. Да и никакая социальная революция не изменит ее отношения к великим географическим границам ее существования». Думается, что эти слова, высказанные ещё в 1904 году, на заре XX века, вполне можно использовать как краткий комментарий к пониманию особенностей и перипетий политической истории нашей страны вплоть до 1991 года. С потерей современной Россией геополитического наследства своих исторических предшественников, её шансы стать нормальной среднестатистической страной, тем не менее, не возросли, не только из-за пресловутых размеров, расстояний, дорог и дураков, но и из-за нежелания наших западных «врагов» и «друзей» видеть в нас себе подобных. Судя по материалам СМИ, выстраивание новых «санитарных кордонов», развёртывание «позиционных районов» и организация «цветных революций», равно как и многочисленные «асимметричные ответы» российского руководства, опять возвращают нас к логике геополитической борьбы за пространство и ресурсы «срединных земель», а, следовательно, рано списывать работы классиков геополитического «жанра» в архивы истории.

Список литературы

1. Маккиндер Х. Д. Географическая ось истории// Классика геополитики. XX век. М., 2003. С. 7-30.
2. Савицкий П. Н. Географические и геополитические основы евразийства// Русский мир. Геополитические заметки по русской истории. М.-СПб., 2003. С. 799-809.

С.С. Коновалов
Курганский государственный университет,
г. Курган

ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ РЕФОРМЫ 19 ФЕВРАЛЯ 1861 Г. НА УРАЛЕ В РАБОТАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИСТОРИКОВ: ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА

Традиции изучения аграрной политики самодержавия на Урале, направленной на решение крестьянского вопроса в 60-е годы XIX в., прочно вошли не только в советскую, но и в современную отечественную историографию. В настоящее время историческая наука располагает внушительным количеством исторических исследований по истории аграрных отношений пореформенного Урала. Среди общего спектра проблем емкого понятия «аграрные отношения» рельефно выделяется два направления (исследования комплексного характера и посвященные частным вопросам), отражающие содержание, характер и социальную направленность аграрной политики самодержавия по крестьянскому вопросу на Урале до и после 1861г., неадекватность отношения самих крестьян к этой политике.

Основное внимание в работах современных исследователей уделяется рассмотрению наиболее важных факторов процесса отмены крепостного права, заключающихся в экономической политике правительства и конкретных региональных условиях его деятельности (2;5;7;8;10;16;17;19). Историки определили соотношение

«вертикальной» и «горизонтальной» специализации уральских заводов, предложили критерии отраслевой спецификации горнозаводского хозяйства, определили основные этапы капиталистической перестройки казенных заводов и крестьянских хозяйств, в пределах пореформенного периода (9). Уральский материал позволил исследователям на региональном уровне отразить процесс реформационных начинаний. Урал при этом рассматривается историками в границах существовавших на момент осуществления преобразований 1861 г. четырех губерний: Вятской, Оренбургской, Пермской и Уфимской (с 1865 г.) – до Уральского экономического региона в составе Курганской, Оренбургской, Пермской, Свердловской, Челябинской областей и республик Башкортостан и Удмуртия (3). Достаточно подробно и обстоятельно учёные рассмотрели сельскую поземельную общину, которая, несмотря на декларируемое реформаторами стремление превратить бывших крепостных в крестьян-собственников, осталась фактическим собственником наделной земли (6,23). Историками делается вывод, что сложившийся в России во второй половине XIX в. специфический аграрный строй представлял собой двухполюсную модель. На одном полюсе были сосредоточены крупные земельные владения со слабой степенью интенсификации производства и сохранением полуфеодалных форм эксплуатации, на другом – масса малоземельных крестьянских хозяйств, владельцы которых и после отмены крепостного права были ограничены в свободе передвижения, выбора рода занятий и купли-продажи земли (3,18-20).

Значительный интерес представляют исследования В.Г. Савельева по истории проведения крестьянской реформы 1861 г. на территории Южного Зауралья (23). До него никто специально данной проблемой не занимался. Историк проанализировал законодательную деятельность правительства, определявшую правовые условия поземельного и административного устройства крестьян Южного Зауралья во второй половине XIX в. В контексте экономического развития Симского горного округа в 1861-1917 гг. проблемы отмены крепостного права затрагиваются Е.А. Малышевым (19). Он показал кризисное состояние уральских горнозаводских хозяйств в пореформенные годы и сохранение на почве горнозаводской промышленности многих пережитков крепостнических отношений в значительной мере отразившееся на Симском округе, его производственной, экономической и финансовой сферах.

Особую роль среди новейших изысканий по истории реформы 1861 г. на Урале имеют работы Д.В. Гаврилова (7). Основная часть из них затрагивает самые разнообразные вопросы горной промышленности XVIII – начала XX вв. Отмена крепостного права рассматривается историком в контексте решающих сдвигов в осуществлении промышленной революции на Урале.

Важное место в новых работах уделяется истории социальной психологии уральского крестьянства в период реализации реформы 1861 года (14;20;25). Среди работ уральских историков в области земельной политики царского правительства в крае во второй половине XIX в. большой интерес представляют как исследования комплексного характера, так и посвященные частным вопросам. Так, например, Н.А. Миненко рассмотрела начальный период реализации реформы 1861 г. в Ирбитском уезде (20). А.П. Прусс предпринял попытку историографического исследования крестьянского движения (1861-1895 гг.) в пореформенной России (22). О.Н. Ишутова органично вписала проведение крестьянской реформы 1861 г. на Урале в контекст административных реформ 60-70-х годов XIX в. в горном ведомстве России (13). С.В. Любичанковский выявил роль Е.И. Барановского в

подготовке крестьянской реформы 1861 года в Оренбургской губернии (18). Основные вехи в реализации реформы 1861 г. на территории Оренбуржья и Пермского края проследили Ю.С. Зобов и А.М. Белавин (4;11). Проведение крестьянской реформы на территории Осинского уезда рассмотрел Е.Н. Шумилов (27). В контексте экономического развития чёрной металлургии Урала XVIII – XX вв. проблемы отмены крепостного права затрагивает В.В. Запарий (10). Различные аспекты частного характера отмены крепостного права на Урале были рассмотрены в работах Т.К. Гуськовой, С.Я. Бугаевой, О.В. Линник, И.В. Лаптевской, Г.Н. Плотниковой, С.Г. Шустова, ОН. Бурдиной (8;5;16;17;21;26).

Таким образом, постсоветская историография за небольшой период сделала существенный вклад в развитие проблем отмены крепостного права на Урале. Но, несмотря на большое количество исследований и публикаций тема не исчерпана. Об этом свидетельствует заметно расширяющаяся источниковая база, и соответственно большое количество статей и тезисов на конференциях об истории уральского крестьянства. Соответственно успехи уральской историографии в полной мере отражены в современных региональных энциклопедиях и библиографических справочниках (12;15;28). Кроме того, наблюдается более детальная локализация вопросов, связанных с отменой крепостного права. Помимо социально-экономических вопросов, историков интересуют аспекты исторической психологии уральского крестьянства, его массового сознания, коллективных представлений, образа мира, мироощущения. Всё это делает реформу 1861 г. по-прежнему притягательной и актуальной в глазах уральских историков.

Как показывают исследования последних лет, помимо отмены крепостного права на горнозаводском Урале, историки активно разрабатывают проблемы отмены крепостного права в негорнозаводских областях края. На современном этапе развития исторической науки наблюдается следующая тенденция: уменьшается количество публикаций по горнозаводскому Уралу и увеличивается число исследований по не горнозаводским районам края. В дореволюционное и советское время в центре внимания ученых находилась горнозаводская промышленность Урала и весь комплекс вопросов, с нею связанный. Историография постсоветского времени вносит свои коррективы в круг поставленных проблем и обращает внимание на вопросы, которые ранее не поднимались.

Список литературы

1. Акманов А.И. *Земельная политика царского правительства в Башкирии (вторая половина XVI – начало XX в.)*. Уфа, 2000. С.137-159.
2. Алеврас Н.Н. *Горнозаводское население Урала: традиции свободного землепользования (1861-начало XX века) // Социально-политические институты провинциальной России (XVI-начало XX веков)*. Челябинск, 1993. С.55-76. Алеврас Н.Н. *Аграрный курс правительства на горнозаводском Урале: общероссийская тенденция и региональная специфика (конец XIX-начало XX века) // Вестник Челябинского университета Сер.1. История*. 2001. №1. С.5-14.
3. Берсенёв В.Л. *Исторические особенности реформирования аграрных отношений в России*. Екатеринбург, 1995.
4. Белавин А.М. *Отмена крепостного права в Пермской губернии // Страницы истории земли Пермской. Ч.2. Прикамье в XVIII – XX вв.* Пермь, 1997. С.101-109.
5. Бугаева С.Я. *Проблемы социально-экономического развития Урала в XIX – XX вв.* Екатеринбург, 2004.
6. Бурдина О.Н. *Крестьяне–дарственники в России 1861-1907 гг.* М., 1996. С. 41, 190.
7. Гаврилов Д.В. *Горная промышленность Урала в XVIII – начале XX вв.: Избранные труды*. Екатеринбург, 2005. Гаврилов Д.В. *Промышленный переворот на Урале: неудачная попытка переосмысления // Отечественная исто-*

- рия. 2007. № 1 С.143-159. Гаврилов Д.В. Социально-экономическая политика правительства по аграрному вопросу на горнозаводском Урале во второй половине XIX – начале XX вв. // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Материалы VIII Всерос. научн. конф. 27-28 апреля 2007 г. Т.1. Екатеринбург, 2007. С. 122-136.
8. Гуськова Т.К. Горнозаводская промышленность в исторической судьбе Невьянска (к проблеме убогения на Урале) // Первые Невьянские Демидовские чтения. 7-8 декабря 1999 г. г. Невьянск. Екатеринбург, 2000. С.10-17. Гуськова Т.К. Нижнетагильские заводы во второй половине XIX – начале XX в. // Тагильский край в панораме веков. Вып.2. Нижний Тагил, 2001. С.143-152.
  9. Железкин В.Г. Развитие казенной горнозаводской промышленности Урала в пореформенный период (1861-1900 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1992.
  10. Запарий В.В. Чёрная металлургия Урала XVIII – XX вв. Екатеринбург, 2001.
  11. Зобов Ю.С. Накануне и в период отмены крепостничества // История Оренбуржья: учеб пособие / под ред. Л.И. Футорьянского. Оренбург, 1996.
  12. Историки Урала XVIII – XX вв. Екатеринбург, 2003.
  13. Ишутова О.Н. Административные реформы 60-70-х годов XIX в. в горном ведомстве России и их реализация на Южном Урале: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 1999.
  14. Коробков Ю.Д. Социокультурный облик рабочих горнозаводского Урала (вторая половина XIX – начало XX века). М., 2003.
  15. Краеведы и краеведческие организации Перми: Библиогр. справочник. Пермь, 2000.
  16. Лаптевская И.В. Социально-экономическое развитие казенной горнозаводской промышленности Южного Урала периода капитализма (1861-1917 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курган, 1995.
  17. Линник О.В. Социально-экономическое развитие Кыштымского горного округа 1745-1900 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курган, 2000.
  18. Любичанковский С.В. Роль Е.И. Барановского в подготовке крестьянской реформы 1861 года в Оренбургской губернии // История аграрных отношений в России: Материалы межвуз. научн. практ. конф. Оренбург, 1998. - С. 311-315.
  19. Малышев Е.А. Социально-экономическое развитие уральской горнозаводской промышленности в 1759-1917 гг. (по материалам Симского горного округа): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 1999.
  20. Миненко Н.А. «Великий князь» Данило Петров сын Тяжелков: феномен самозванчества и социальная психология уральского крестьянства в начале реализации реформы 1861 года // Социально-политические институты провинциальной России (XVI – начало XX веков). Челябинск, 1993. С. 94-112; Миненко Н.А. Призрак мужицкой воли // Родина. 1994. – № 10. – С. 34-36.
  21. Плотникова Г.Н. Миграционные процессы крестьянского населения Пермской губернии в пореформенный период (1861-1904 гг.) // Исследования по истории Урала. Пермь, 2005. С.101-103.
  22. Прусс А.П. Крестьянское движение в пореформенной России (опыт историографического исследования) // История аграрных отношений в России: Материалы межвуз. научн. практ. конф. Оренбург, 1998. С. 151-170.
  23. Савельев В.Г. Буржуазные реформы второй половины XIX века и их проведение в Южном Зауралье: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курган, 1996. Савельев В.Г. Крестьянские реформы // История Курганской области (1861-1917 гг.). Т.2. Курган, 1996. С. 245-263.
  24. Самородов Д.П. Русское крестьянское переселение в Башкирию в пореформенный период – 60-90-е гг. XIX в. – Стерлитамак, 1996.
  25. Сафонов Д.А. Социально-политические воззрения крестьянства Южного Урала в середине XIX века. Оренбург, 1993. Сафонов Д.А. Крестьянство и власть в эпоху реформ и революций 1855-1922 гг. (на материалах Южного Урала). М., 1999.
  26. Шустов С.Г. Землевание и землепользование горнозаводского населения Билимбаевской волости Екатеринбургского Уезда в пореформенный период // Исследования по истории Урала. Пермь, 2005. С.160-179.
  27. Шумилов Е.Н. Русская колонизация башкирских земель осинского Прикамья в XVII – XIX вв. Уфа, 2002. С.52-61.
  28. Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 2000.

Г.С. Криницкая

Томский государственный университет, г. Томск

АГРАРНЫЙ ВОПРОС В ИСТОРИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ Б.Н. ЧИЧЕРИНА

Как отмечают все исследователи аграрного вопроса в России, среди немалого числа спорных проблем русской истории, пожалуй, нельзя найти более спорного, чем вопрос о сельской общине, Предметом острой полемики он остается и сегодня, поскольку принятый в 2001 году новый земельный кодекс и закон об обороте земель сельскохозяйственного назначения далеко не разрешил всех противоречий, связанных с собственностью крестьян на землю: бывшие колхозники – «советские общинники», получив права на землю, встречаются со множеством сложностей законодательного порядка при их реализации.

В этой связи особый интерес приобретает точка зрения Чичерина на аграрный вопрос в России. Громадная заслуга Чичерина как раз и состоит в том, что он был одним из тех ученых, кто этот вопрос поставил верно, положив тем самым основание к дальнейшему его исследованию. То, что именно Чичерин поставил его «в правильной форме», отметил в свое время П.С. Архангельский (2, 323).

Обращение Чичерина к глубокому изучению русской общины помимо чисто научного интереса было продиктовано также и социально-экономической ситуацией, сложившейся в России в 50-х годах XIX века: в это время в стране развернулась крупномасштабная подготовка к реформе, предусматривающей отмену крепостного права. Предстоящая её отмена предельно актуализировала в обществе и в науке тему характера собственности крестьян на землю. В ходе широко развернувшейся дискуссии в отечественной литературе почти сразу наметились две линии, или позиции: историко-публицистическая, представленная, главным образом, славянофилами (историками и публицистами), и философско-правовая, представленная исторической школой права.

Камнем преткновения между спорящими сторонами в этой полемике стал вопрос о специфике русской общины. Как известно, славянофилы, пытаясь обосновать идею особого пути развития России, настаивали на специфике нашей сельской общины как патриархальной (мирская, товарищеская), не претерпевшей существенных изменений с древнейших времен, что, якобы, составляет характеристическую черту славянских племен (1, 11; 3, 19; 4, 198; 6, 287 – 289). Вступив в полемику, свой оригинальный взгляд на историю русской общины высказал Чичерин, главным образом, в «Опытах по истории русского права», куда вошло несколько его специальных исследований, а также в известном смысле совместно с В. Герье работе «Русский дилетантизм и общинное землевладение».

Свою главную задачу Чичерин видел в том, чтобы доказать, что для справедливого освобождения крестьян важнейшее значение имеет не просто политическое и этическое выяснение основ крестьянского общинного владения, но и выяснение исторического права крестьян на землю, что с неизбежностью выводило его на исследование правовой системы русской общины ранних столетий. Считая славянофильскую доктрину «фальши-

вой», Чичерин также поставил задачу доказать параллельность развития русской общины с развитием общеправовой и государственной структур в России. Это не означает, что он отрицал пережитки патриархального быта в сельской общине XIX века. Однако вся его система доказательств призвана была показать, что 1) характер её коренным образом изменился вместе с изменением характера частного права и развитием государственных учреждений России; 2) что это не зародыши общественного развития, а результат прошедшей истории народа, образовавшего из себя великое государство, в котором государственные отношения «проникли до самых низших слоев»; 3) что именно правительственными мерами и распоряжениями определялись и поземельные отношения общин, и гражданский, и хозяйственный их быт, и внутреннее управление.

Сразу заметим: важнейшее значение для понимания учения Чичерина о русской общине имеет периодизация истории её развития, согласно которой она прошла три стадии: 1. Родовая, или патриархальная община; 2. Община владельческая 3. Община государственная.

У начала истории русской общины, по его теории, стояла община родовая, которая представляла собою форму раннеисторического бытия всех народов и вместе с тем предшествовала началу специфически русско-славянской правовой истории. Для патриархальной общины характерной являлась совместная собственность рода на землю, преобладание сознания общности ее членов, при этом личность не выступала «на историческом поприще, сливаясь в безразличную массу». Патриархальная община, как видим, вовсе не составляет, по Чичерину, исключительную принадлежность славянских племён: «В целом, — пишет он, — все народы прошли эту стадию родового бытия; так было и в патриархальном Риме, где земля считалась полем священным или государственным; то же самое было и в Греции, в особенности в Спарте, так было и у Евреев, у которых в юбилейный год участки земли возвращались в род» (5, 5).

Но патриархальная община может удержаться в истории только при однородности жизненных элементов общества, то есть тогда, когда в её быт не вторгаются новые, разлагающие родственные отношения стихии. А именно такой стихией Чичерин считает появление в русской жизни западных дружин, преимущественно варягов, принесших с собою право частной собственности на землю. В результате, с вторжением варягов, считает он, уже в IX веке вместо прежней родового бытия на землю на Руси появилась собственность князя и его дружины как исконное право, приобретенное завоеванием, и общинной земли в княжеских владениях не осталось. На рубеже X-XI вв. появилась и церковная собственность на землю при верховном праве на нее князя. Эти изменения в формах собственности привели соответственно к изменениям и характера общины. Потеряв собственность, община из родового (патриархальной) превращается во владельческую: «В самом деле, — пишет Чичерин, — со времени варяжского завоевания общины ... собственной земли не имели, а жили всегда на земле частного владельца, князя или другого лица, на основании договора о владении» (5, 92). Только в Новгороде и в Пскове сохранилась зольная община, но и она со временем изменила свой характер, превратившись в договорную.

Как всегда, все изменения, связанные с переходом общины в новое состояние, Чичерин связывает с возникновением частного (частного) права на Руси, а поскольку частное право включает в себе две формы (личная собственность и договор), постольку и общины он делит на **владельческие** и **договорные**.

Традиционным для исторической науки XIX века яв-

ляется деление их земель на «белые», «черные» и «дворцовые». Нетрадиционным является деление общин на владельческие и договорные. Так, белые дворцовые земли князя, на которых располагались общины, он называет общинами владельческими. Черные же земли, которые также являлись собственностью князя, но остались в полном владении свободных поселенцев, составили общины договорные. Это были свободные общины, поселенные на чужой земле, за что они обязаны платить тягло (тяглые люди).

Переход общины из родовой во владельческую мало что изменил в личной свободе общинников. Черные люди, как и служилые, остались вольными лицами, переходящими от одного князя к другому. Здесь гораздо важнее, считает Чичерин, изменение, произошедшее в самой функции общины. А она изменилась в связи со следующим положением: при свободном переходе крестьян тяглые люди менялись беспрестанно, что означало, что труд не мог быть постоянным и неизменным источником дохода князя, только земля являлась таковой, то есть источником тягла. Следовательно, платеж тягла с земли становится самой существенной чертой средневековой общины, ибо только тягло давало источник дохода землевладельцу, без чего она распалась бы на отдельные, ничем не связанные между собою лица, поскольку прежняя родовая связь исчезла, и община была уже не союзом лиц, объединенным естественным происхождением, и связывалась она только тяглом поселенных на одной земле крестьян из разных волостей. Исходя из этого Чичерин и определяет русскую средневековую общину как чисто поземельную, а её назначение — как чисто финансовое, хозяйственное.

Этот вывод Чичерина вызвал особо резкую критику со стороны славянофилов. Так, И.Д. Беляев, выражая общее мнение славянофилов, утверждает, что тягло не только не объединяло общину, но, напротив, расстраивало ее сущность, а причина, соединяющая русскую общину, лежит в самом духе народа, в складе русского ума, который не любит и не понимает жизни вне общины и не хочет признавать другого образа жизни (3, 12). Но, на наш взгляд, доводы Чичерина звучат несравненно более резонно. Опровергая Беляева, он пишет: «...неужели бояре и слуги, которые не жили общинами, перестали от этого быть русскими и принадлежать к русскому народу? Неужели крестьянин, который поступал в холопы к барину, делался через это немцем? На каком основании можем мы полагать, что общинный дух более вытекает из русского духа, нежели из французского, немецкого, английского?» (5, 117). Это тем более неубедительно, по его мнению, что «в Англии общинные союзы были до такой степени крепки и самостоятельны, что государственное управление до сих пор почти не проникает в них, тогда как у нас ... все историческое движение с самого XV века представляет не что иное, как большее и большее развитие государственных учреждений» (5, 117).

Настаивая на поземельном значении русской средневековой общины, Чичерин усматривает в этом и причину «безразличия сельской и городской общин. Действительно, в городах, также как и в селах, в этот период существовали черные и белые земли, а сами города, за исключением Новгорода и Пскова, превратились во владельческие и ничем не отличались от сел: «Когда община имела характер поземельной, — пишет он, — когда все дело состояло в уплате тягла с земли ... тогда разумеется, не могло быть и разделения их на городские и сельские ... Одним словом, характер и устройство тех и других были одинаковы, и это обуславливалось поземельным и владельческим значением общин» (5, 28).

«Одинаковость» в характере городских и сельских

общин он видит в том, что, во-первых, несмотря на разнообразие отношений общинников с землевладельцами, земля нигде не была «совокупным» владением общины, а разделялась на отдельные участки («жребья»); во-вторых, в организации управления общинами: эти функции в общине были возложены на выборных общинных сотских и старост, судопроизводство находилось в руках наместников и волостелей, то есть посторонних в общине княжеских слуг, а участие общины в поземельных владениях ограничивалось только раздачей пустых или запустелых участков вновь приходящим крестьянам и раскладкой и сбором податей в пользу князя.

Но совершенно иное значение, характер, устройство и управление общины получили, согласно Чичерину, с образованием на Руси государства и возникновением публичного (государственного) права. С развитием государственного права и соответствующих учреждений прежний владельческий и частный характер отношений постепенно исчезает, а вместе с этим община приобретает **государственное** значение. Причину, в силу которой изменяется значение общины, Чичерин усматривает в политике московских государей. Создавая единое государство, они искали опоры в тех элементах, которые казались им наиболее к этому способными, и хотя община удовлетворяла далеко не всем потребностям государства (слишком разрознена, удалена от центра), но надо было «сначала довольствоваться тем, что находится под руками, а потом уже помышлять о дальнейшем устройстве администрации» (5, 31).

Несомненным свидетельством трансформации владельческой общины в государственную он считает то факт, что все права и новое устройство ей были даны центральной властью на основании государственных соображений. К такого рода соображениям он относит сознание государством необходимости постоянного и стабильного источника доходов для своего развития, что породило новый взгляд на сословия и, прежде всего, на крестьян: «Для того, чтобы иметь возможность развить свои начала и устроить свой организм, – пишет Чичерин, – ему необходимо было потребовать от всех сословий усиленной службы, необходимо было положить на них постоянные обязанности, а это могло оно сделать не иначе как по прекращении беспрерывного кочевания. При совершенном недостатке административных средств можно было принудить к исполнению обязанностей только человека, который сидел на своем месте и которого всегда можно было отыскать» (5, 191). Именно с этой целью московское правительство запрещает переходы крестьян и посадских людей, а также отъезды бояр слуг, то есть вводит всеобщую оседлость. Наряду со всеобщей оседлостью населения на служилое сословие были наложены обязанности постоянной службы, а на тягловое – обязанность отчасти служебная, отчасти финансовая. «Вообще, – утверждает он, – с образованием государства возникла мысль, что каждый подданный должен нести на своем месте наложенное на него государственное тягло, мысль, которая лежит в основании укрепления крестьян. Сначала ... она явилась как мера временная и частная; но нужно было только обобщить ее; сделать из нее государственную систему, и прямым последствием должно было сделаться всеобщее укрепление сословий» (5, 217).

Однако частное право, господствовавшее на средневековой Руси, нелегко поддавалось государственным потребностям, поэтому для окончательного закрепощения сословий, верно замечает он, во-первых, нужно было «сильнейшее вмешательство власти», во-вторых, необходимо было **время**, чтобы искоренить «отжившие свой век и противные новым условиям обычаи и установления». Чичерин подробно исследует многочисленные акты

великих русских князей (договоры и жалованные грамоты), а также Судебники 1497, 1550 годов и указы 1552, 1593, 1598, 1601 и 1606 годов, которые раскрывает правовой механизм и политико-экономические аспекты постепенного «водворения» на Руси крепостного права. Окончательное укрепление крестьян он относит к началу XVII века, после выхода Указа В.И. Шуйского от 9 марта 1607 года, то есть после того, как бояре и слуги были уже укреплены, лишившись права отъезда.

В определении политической стороны факта введения в России крепостного права Чичерин, указывая, что оно произошло без всякого переворота, не расходится со славянофилами, в том числе, и с Беляевым, хотя они по-разному смотрят на последствия этого укрепления и не сходятся в вопросе о времени окончания.

Будучи «устроенной правительством», сельская община XIX века имела свои особенности, «вытекающие» из собственно русской истории и не имеющие никакого сходства с историей западных славян: она развивалась по тем же началам, по которым развивался весь общественный и государственный быт страны и также не имеет ничего сходного со средневековой русской общиной; из родовой она сделалась владельческой, из владельческой – государственной. Но, если это так, подытоживает Чичерин, то все утверждения славянофилов о том, что русская община XIX - века не государственная, а товарищеская, мирская, принадлежат не к области науки и заслуживают название «вымыслов»

Список литературы

1. Аксаков К.С. П.С.С. Т.1. М., 1899.
2. Архангельский П.С. К вопросу о происхождении русской общины: Сборник статей в честь Д.А. Корсанова. М., 1913.
3. Беляев И.Д. Крестьяне на Руси... М., 1879.
4. Самарин Ю.Ф. П.С.С. Т.1. М., 1900.
5. Чичерин Б.Н. Опыты по истории русского права. М., 1858.
6. Хомяков А.С. полн. собр. соч. Т. III. М., 1900.

А.В. Лесевецкий
Пермский государственный педагогический университет, г.Пермь

ПРОБЛЕМА ТЕОРИИ ЛИБЕРАЛИЗМА В ИСТОРИОСОФСКИХ ТРУДАХ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Ф.М. Достоевский является, пожалуй, одним из самых противоречивых писателей в отечественной литературе. Как утверждают многие исследователи, на одной странице мыслитель с жаром и аргументами отстаивает какой-либо тезис, а несколько ниже может с таким же напором опровергать высказанные ранее мысли.

Эту важную двойственность позиции писателя по многим вопросам очень хорошо уловил В.Ф. Переверзев: «Сердце Достоевского не принадлежит, безусловно, ни своеволию, ни смирению, ни Западу, ни России, он публицист - двойник: одновременно западник и славянофил, весь сотканный из противоречий» (10, 342). Противоречивым и двойственным является и его отношение к либерализму, течению, которое в современной постиндустриальной цивилизации претендует на мировое господство и мировоззренческий абсолютизм.

У русского мыслителя было двойственное отношение ко всем «теориям свободы». С одной стороны, Достоевский в своем романе «Братья Карамазовы» критикует любые попытки со стороны государства и какой-либо личности ограничить свободу человека, но с другой - в своем публицистическом журнале писатель высказыва-

ет абсолютно противоположные идеи. Нам важно понять, на чьей стороне Достоевский? На стороне К.П. Победоносцева или П.Н. Милюкова.

Известный политолог К.С. Гаджиев дает следующее определение либерализма: «Либерализм ассоциируется с такими ставшими привычными для современного общественно-политического лексикона понятиями и категориями, как идеи самодостаточности индивида и его ответственности за свои действия; частной собственности как необходимого условия индивидуальной свободы; свободы рынка, конкуренции и предпринимательства, равенства возможностей и. т. д.; разделения властей, сдержек и противовесов; правового государства с принципами равенства всех граждан перед законом, терпимости и защиты прав меньшинств; гарантии основных прав и свобод личности; всеобщего избирательного права» (4, 262).

Достоевский не приемлет либерализм не как политическую доктрину, а как фундаментальное мировоззрение, как философскую систему.

Во-первых, писателю не нравилось то, что русские либералы были не способны на построение собственной политической идеологии. Все их мысли были заимствованы из книг Ж. Ж. Руссо, Ш. Монтескье, Дж. Локка, А. Смита и других. Это лакейство мысли и собственное интеллектуальное бессилие раздражало Достоевского. Более того, какого либерального мыслителя или политика мы бы не взяли от П.Я. Чаадаева до Б.Е. Немцова, можно выделить одно общее - презрение к родной стране и ее народу. В рассуждениях либералов Русь предстает как континент варварства, многовековой отсталости, религиозного мракобесия, вечного тоталитаризма, разврата и пьянства. В проектах русских либералов высказывалась мысль насильственной европеизации России, эти люди с жаром критиковали идею особого пути России, ее цивилизационной инаковости от Запада. Раздражало писателя и неверие либералов в русский народ и страну. Вот что писал по этому поводу Достоевский: «Наш либерал дошел до того, что отрицает саму Россию, то есть ненавидит и бьет свою мать. Каждый несчастный и неудачный русский факт возбуждает в нем смех и восторг. Он ненавидит народные обычаи, русскую историю, все. Если и есть для него оправдание, так разве в том, что он не понимает, что делает» (5, 145). В русском либерализме происходит не только разрыв с цивилизационной матрицей России, ее историческими ценностями, но и с ее народом. Либералы были далеки от народа и плохо знали его. Достоевский очень ярко выразил этот отрыв от народа либеральной интеллигенции. Изучая биографию Достоевского, мы наткнулись на интересную переписку его с нашим апостолом либеральной мысли, историком и будущим лидером кадетской партии П.Н. Милюковым. Этот человек создал своеобразный кружок либерализма в гимназии, где он изучал различные науки. И этот будущий кадет, а тогда безусый юноша 17 лет организовал либеральное шествие студентов. Однако эту группу либеральной интеллигенции побили мясники из Охотского Ряда. Стали разбираться: почему народ не понимает либерализм? Решили написать письмо Достоевскому, поручив создать текст наиболее талантливому гимназисту - П. Н. Милюкову. И этот 17-летний юноша пишет 58-летнему Достоевскому письмо: «Чем мы виноваты в случившемся?» На что Достоевский ответил: «Вы не виноваты, виновато общество, к которому вы принадлежите. Разрывая с ложью этого общества, вы обращаетесь не к русскому народу, в котором все наше спасение, а к Европе» (5, 389). Вся неудача дальнейшей политической деятельности господина П.Н. Милюкова свидетельствует о чудовищном отрыве от народа всей нашей либеральной интеллигенции. Точно об этом скажет Н.А. Бердяев: «Очень важно отме-

тить, что либеральные идеи были всегда слабы в России и у нас никогда не было либеральных идеологий, которые получили бы моральный авторитет и вдохновляли» (1, 30).

Во-вторых, вернемся к определению либерализма, которое дает К.С. Гаджиев, говоря о том, что частная собственность является необходимым условием индивидуальной свободы. Достоевский высказывает абсолютно противоположные мысли. По мнению писателя, именно капитализм с его опорой на частную собственность является не гарантом индивидуальной свободы, а напротив, ведет к духовному и материальному рабству человека. Формируется класс капиталистов (собственников), которые обладают средствами производства, и класс наемного труда. Вторые полностью зависят от первых, эту рабскую зависимость очень ярко выразил К. Маркс: «Наряду с духовным и физическим принижением его до роли машины, с превращением человека в абстрактную деятельность и в желудок, он попадает все в большую зависимость от всех колебаний рыночной цены, от применения капиталов и прихоти богачей» (8, 50). Человек не лишается прямо, путем физического насилия, свободы совести, свободы мысли, свободы суждения, но он поставлен в материально зависимое положение, находится под угрозой голодной смерти и этим лишен свободы. Деньги дают независимость, отсутствие денег ставит в зависимость. В теории либерализма отрицается социалистический путь развития цивилизации и, следовательно, поддерживается своеобразное капиталистическое рабство. В своей критике либерализма Достоевский сближается с К. Марксом. О какой свободе может быть речь, когда часть работников наемного труда находятся на грани голодной смерти или безработицы, они являются своеобразными рабами капитала. Как иронично заметил Достоевский русским либералам: «Дает ли ваша свобода каждому по миллиону? Нет. А что такое человек без миллиона? Человек без миллиона есть не тот, кто делает все что захочет, а тот, с кем делают все что угодно» (5, 68).

В-третьих, достоевским ярко сформулирована наша цивилизационная инаковость от Запада. Русские мало общего имеют с европейцами, мы другой народ. Россия есть символ другой цивилизационной парадигмы развития. Не случайно Ф.М. Достоевского связывала большая дружба с Н.Я. Данилевским. Вторая супруга писателя вспоминает: «Помню, в эту зиму приезжал в Петербург, постоянно живший в Крыму Н.Я. Данилевский, и Федор Михайлович, знавший его еще в юности ярким последователем учения Фурье и очень ценивший его книгу «Россия и Европа», захотел возобновить старое знакомство» (6, 240). Концепция книги Н.Я. Данилевского всецело одобрена в личных беседах с Федором Михайловичем. Главный враг России по мнению мыслителей - Запад (Европа). В проектах русских либералов высказывались идеи механического переноса всех ценностей Западной цивилизации на российскую землю. По мнению либеральной части интеллигенции, должно быть демонтировано то, что называется культурным ядром общества. В традиционном обществе в это ядро входит множество норм, выраженных на языке традиций, передаваемых от поколения к поколению, а не через формальное образование и воспитание индивидуумов. Нарушение всех иерархических отношений и уничтожение традиций обосновывается либералами как необходимость воспринять нормы «правильной» цивилизации Запада. Но Достоевский предупреждает, что попытка скопировать привлекательные черты иной цивилизации и перенести их на свою почву обычно кончается хаосом и разрушением собственных структур. Ибо даже в самом лучшем случае на свою почву переносятся верхушечные, видимые плоды имитируемой цивилизации, которые нежизнеспособны без той культурной, философс-

кой и даже религиозной основы, на которой они выросли. Писатель предупреждает, что преступно стирать национальные особенности русской культуры, обрекая русскую нацию на безликость и утрату своеобразия.

В-четвертых, снова вернемся к определению либерализма, которое дает К.С. Гаджиев, памятуя об идее самоценности индивида. Происходит абсолютное расхождение идей Ф.М. Достоевского и теории либерализма. Когда средневековая Европа превращалась в современный Запад, произошло освобождение человека от связывающих его солидарных, общинных человеческих связей. Либерализму был нужен человек, свободно передвигающийся и вступающий в отношения купли-продажи на рынке рабочей силы. Поэтому община была главным врагом либерального общества и его культуры.

Достоевский противопоставляет либеральному индивидуализму идеал соборности, солидарности всех людей. «Я приношу и жертвую всего себя для всех, ну, вот и надобно, чтобы жертвовал себя совсем, окончательно, без мысли о выгоде, отнюдь не думая, что вот я пожертвую обществу всего себя и за это, само общество отдаст мне всего себя» (5, 32). В этом суждении Достоевский гораздо ближе к идеалам социализма, чем либерализма. У К. Маркса подобный антииндивидуализм выразился в более радикальном высказывании: «Если хочешь быть скотом, можно, конечно, повернуться спиной к мукам человечества и заботиться о своей собственной шкуре» (8, 57).

В-пятых, либерализм есть атеистическая концепция, о чем, например, говорит один из главных современных идеологов этого течения Л. Мизес: «Победа, одержанная либерализмом в этом конфликте, была столь решительной, что Церковь вынуждена была раз и навсегда отказаться от тех требований, на которых энергично настаивала в течение тысячелетий» (9, 287). Происходит не прямое насилие над Церковью, как, например, в большевизме, а дискредитация религиозных взглядов, высмеивание их, что не противоречит свободе. Цивилизация, порожденная либерализмом, становится обезбоженной, антирелигиозной. В какой же свободе нуждался капитализм? В свободе от природы, от человека и от Бога. Освобождение от человека, разрыв общинных связей - появление индивидуума вместо личности - было возможно именно вследствие отказа от Евангелия, от идеи коллективного спасения души. Капитализм возник как общество глубоко антихристианское, несмотря на внешнюю набожность. Н.А. Бердяев точно уловил бездуховность либерально - капиталистического общества: «Это буржуа распяли Христа. «...» Буржуазный дух противоположен духу Абсолютного, он истребитель вечности» (3, 269).

У Достоевского проблема обезбоженности либерального общества ставится с огромной остротой. Религиозное сознание есть часть правосознания, оно регулирует поведение человека. Либерализм с проповедью своей свободы постепенно стирает из человеческого сознания идею Бога. Религия способна обуздать темные, деструктивные стороны личности. В «Братьях Карамазовых» звучит глубоко философская фраза: «Если Бога нет, то все дозволено». Именно религия может определять тот радиус свободы, выход за пределы которого, является разрушительным для личности и человечества. Либерализм, стирая из общественного сознания идею Бога, разорвал все цепи, которыми сковывали человека, но появилась свобода греха и аморализма. Исследователь творчества писателя С.А. Левицкий отметил: «Бессмертные образы соблазнов сверхчеловеческой свободы представлены у Достоевского, где в лице Кириллова, Раскольникова, Ивана Карамазова показано, как беспредельно понятая свобода приводит к идее «права на преступление» и к духовному и физическому убийству и самоубий-

ству» (7, 264). В либеральном обществе происходит подмена религиозной части правосознания юридической нормой. Именно закон есть регулятор поведения. Возможно все, что не противоречит закону. Подобный либерализм привел к тому, что в четырех странах современной цивилизации официально (законно) разрешены однополые браки (некоторые штаты США, Испания, Италия, Голландия). В Голландии, например, легализована профессиональная проституция и легкие наркотики. Это ли не удар по религии? Пользоваться свободой надо во благо человека, а не нанося человеку урон, писатель говорит об обуздании темных сторон личности человека: «Нынешний либерализм предполагает свободу в разнуданности, тогда как настоящая свобода в одолении себя, чтобы в любой момент быть себе хозяином» (5, 18). Свобода, лишенная оков иррациональной этики или Бога, превращается в свободу «бесов». Н.А. Бердяев точно опишет этот процесс: «Но свобода переходит в рабство, свобода губит человека, когда человек в буйстве своей свободы не хочет знать ничего высшего, чем человек. Если нет ничего выше самого человека, то нет и человека. Если нет у свободы содержания, предмета, нет связи человеческой свободы со свободой божественной, то нет и свободы» (2, 426).

Идеология либерализма поставила белую (европеоидную) расу на грань выживания. Политкорректное общество не только терпимо относится к однополым бракам, профессиональной проституции, легализации наркотиков, но и пропагандирует эти взгляды. Либеральная идеология, уничтожая традиционные ценности общества, поставила западный мир на грань демографической катастрофы.

Достоевский не был врагом свободы, несмотря на консервативную окраску своих идеологических построений. Он был против анархического элемента свободы, использования ее не во благо человека. В своем творчестве писатель выступает как своеобразный религиозный либерал, а в публицистике - как махровый консерватор. Критика Достоевским основ либеральной идеологии актуальна и в наше время. Она заставляет нас понимать относительность и мнимое величие всех политических идеологий. Спасение гибнувшего человечества лежит не только в плоскости идеологии и экономики, но и в области этики и эстетики. Это очень ярко выразил Достоевский.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М, 1990.
2. Бердяев Н. А. Смысл творчества. М, 2002.
3. Бердяев Н. А. О духовной буржуазности // Путь. Орган русской религиозной мысли. М, 1992.
4. Гаджиев К. С. Политическая наука. М, 1995.
5. Достоевский Ф. М. Дневник писателя. М, 1999.
6. Достоевская А. Г. Воспоминания. М, 1987.
7. Левицкий С. А. Трагедия свободы. М, 1995.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений в 45 томах. Т. 19. М, 1961.
9. Мизес Л. Либерализм в классической традиции. М, 1993.
10. Перевезев В. Ф. Гоголь. Достоевский. Исследования. М, 1982.

Д.Н. Маслюженко, Е.А. Рябинина
Курганский государственный университет,
г.Курган

СИТУАЦИЯ В СИБИРИ И ТЮМЕНИ В КОНЦЕ XV – НАЧАЛЕ XVI ВЕКА ПО ДАННЫМ ИНОСТРАННЫХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ

В 1482 году произошел Тайбугидский переворот на территории Тюменского ханства, в ходе которого легитимный правитель хан Ибрахим был убит. Однако это не означает принципиального перехода всей территории ханства под власть беков из династии Тайбугидов. Напротив, претендентами на власть могли быть как преемники Ибака - его братья Мамук и Агалак, которые на протяжении первой четверти XVI века оставили Сибирский улус, так и поддерживавшие их предводители Ногайской Орды (8, 288-296). Данные о самом перевороте и дальнейших действиях сибирских беков, как правило, извлекаются только из различных редакций «Сибирских летописей» и сохранившихся материалов русско-сибирской переписки середины 1550-х годов. Целью этой статьи является анализ ситуации в Сибири и Тюмени по данным иностранных путешественников, посетивших Москву с дипломатическими и торговыми целями на протяжении первой половины XVI века. При этом отметим, что оба используемых нами обозначения (Сибирь и Тюмень) для того периода являлись не столько географическими названиями, сколько этнополитическими обозначениями определенных объединений, а соответственно их границы могли сдвигаться под влиянием внутренних или внешних факторов (2, 20-21).

Основная проблема при изучении этой темы, на наш взгляд, может заключаться в двух факторах. Прежде всего, сведения, доступные иностранцам, были в большинстве случаев ограничены или, если угодно, дозированы русскими информаторами, которые преподносили ситуацию в этих отдаленных землях с позиции русской идеологии, а к тому же сами не всегда имели действительно оперативную информацию. Кроме того, часть ее была засекречена для того, чтобы избежать конкуренции с европейскими державами в торговле пушниной, как это характерно и для более позднего времени (1, XLVI; 4, 240).

По сути, первые изыскания о Сибири предпринял Матвей Меховский в «Трактате о двух Сарматиях», изданном в 1518 году. Автор в равной степени оспаривал сведения Птолемея о Рифейских горах и отчасти следовал схеме Энея Сальвия, уделяя внимание Кореле, Югре и Перми. Информацию об этих территориях Меховский получил от русских, попавших в польский плен и имевших сведения о новгородских и московских походах за Урал. В целом он отмечает, что севернее всех татар расположены земли ногаев (9, 69-92). Книга Матвея Меховского оказала значительное влияние на зарубежную историографию о Сибири, хотя и продолжила традицию соотношения всех упомянутых народов со «скифами».

«Проверку на месте» ряда известных фактов предпринял венецианец Франческо да Колло, посол императора Максимилиана I, пребывавший в Москве в 1518-1519 годах. Колло указывает, что Москва получает значительную пушную дань с северных подчиненных областей, среди которых также упоминаются «Княжество Югорское, Область Сибирь». Если относительно первого информация в целом соответствует действительности, то подчинение области Сибирь на тот момент не было реально обосновано и представляет любопытный исторический

казус (7, 61-64).

Более подробная информация стала доступна Альберту Кампензе, который в письме от 1523 года к папе Клименту VII со слов своих отца и брата, долго живших в Москве, указывает: «За Печоранами и Вогуличами, по берегу Северного Океана, живут другие Скифские племена, как то: Югры, Карелы, Башкиры и Черемисы. Все они находятся под властью Московитян, но доселе еще коснеют в идолопоклонстве» (6, 27). Автор указывает, что эти племена были подчинены при Иване III, причем печор и вогуличей одновременно крестили, но «варвары схватили этого Епископа, содрали с него кожу и потом умертвили в жесточайших мучениях» (6, 27). Очевидно, что в данном случае автор описывает ситуацию, которая сложилась после похода 1499 года, при этом присоединение башкир явно отражает не исторические реалии, а скорее пожелание русских информаторов.

Практически в то же время (около 1525 г.) информацию о Москве получил еще один представитель папы – Павел Иовий, который составил отчет о посольстве Василия II в Рим. Часть его данных позднее были скомпилированы Марко Фоскарино (1557 г.). Иовий пишет: «Далее на Север от Казани живут Шибанские Татары (Sciabani), сильные по своему многолюдству и обширным стадам», но среди русских данников указывают только югру и вогулов (5, 28-31; 12, 6). Эта информация качественно отличается от предыдущей, поскольку указание в качестве одного из этнонимов «шибанских татар» может косвенно свидетельствовать в пользу сохранения в Сибири отдельных ханских улусов. Кроме того, автор уточняет список тех народов (Пермь (Permii), Печера (Pescerri), Югры (Inugri), Вогуличи (Ugulici), Пенязане (Pinnagi)), которые реально были данниками русского царя, но при этом далее на север его информация не распространяется, и упоминания Сибирского княжества отсутствуют. По всей видимости, информатор Иовия (возможно, русский посол Дмитрий Герасимов) описывал реальную ситуацию расклада сил в регионе.

Однако наиболее полная информация на этот счет содержится у дипломата на службе Габсбургов Сигизмунда Герберштейна, посетившего Россию дважды, в 1517 и 1526 гг. С одной стороны, две поездки позволили ему собрать более объективную информацию, хотя и полученную в основном из рук русских администраторов. Обратим внимание, что С. Герберштейн отделяет Тюмень от Сибири. Любопытно, что у Герберштейна также публикуется текст русского дорожника, который фиксирует явно более раннюю ситуацию XIV века, возможно связанную со знаменитым сочинением «О человецех незнаемых на Восточной стране и языцех розных». В результате в отношении интересующей нас территории необходимо дифференцировать информацию трех периодов, что не всегда возможно.

Относительно Тюмени он пишет: «... Тюмень, которой владеют князья угорские, платящие, как говорят, дань великому князю» (3, 157). Однако в то же время он делает замечание, что государь царства Тюмень татарин и «...он не так давно причинил большой ущерб Московиту, то весьма вероятно, что эти племена, будучи ему соседями, скорее ему и подчиняются» (3, 161). Возможно, под последней информацией следует понимать отголоски приуральского набега Кутлук-хана 1505-1506 гг., поскольку сомнительно, что спустя столь продолжительный промежуток времени могли вспоминать «казанские дела» Шибанидов. Столь противоречивые точки зрения могут трактоваться двояко: либо следует допустить, что информаторы Герберштейна сами не владели достоверной информацией, либо Тюмень на протяжении некоторого времени переходила из рук в руки. В последнем случае первое сообщение, скорее всего, связано с приездом

Герберштейна в Россию в 1526 году. В пользу этого свидетельствует сообщение, пришедшее в Москву в 1536 г., о том, что ногайский мирза Шейх-Мамай «детей отпускает к Асай-мырзе, да Кан-мурзу Туру воевать» (10, 155). Таким образом, между 1517 и 1526 годом происходит уход последнего хана из династии Шибанидов Кутлука с территории Сибири к ногаям.

Далее Герберштейн уточняет: «Область Сибирь ... не знаю достоверно, есть ли там какие-либо крепости и города. В ней начинается река Яик... Говорят, что эта страна пустынна вследствие близости татар, а если где и обитаема, то там правит татарин Ших-Мамай» (3, 164). При этом территория Ногайской Орды была разделена между тремя братьями, из них Шидак (Саид-Ахмед) владел городом Сарайчиком и страной, прилегающей к реке Яик, а Ших-Мамай, третий брат, частью Сибирской области и всей окрест лежащей землей (3, 179). Сибирь была населена тюменскими, шейбанскими и кайсацкими татарами, первые жили в лесах и не составляли более десяти тысяч (3, 181). Можно предположить, что в период 1520-х гг. власть над Сибирью в ее средневековом понимании переходит к ногаям в лице одного из лидеров Орды Шейх-Мамай, при этом Тюмень была утеряна, хотя в лесостепи сохранилось значительное количество лояльных к ханской власти людей («шибанских татар» Павла Иовия). Скорее всего, последним ханом там был Кутлук. Отметим, что утеря Шибанидами власти в этих местах была связана как с уходом большинства лидеров в более перспективную в этом отношении Среднюю Азию, так и, видимо, с отсутствием должных талантов у потомков Ибак-хана. Нельзя при этом забывать того, что ногайский бек Шейх-Мамай в некотором отношении является родственником тюменской правящей династии по женской линии, поскольку был сыном дочери Ибака от ногайского бия Мусы (11, 145). При отсутствии иных сильных наследников подобное родство могло рассматриваться как основа для прав на территорию юрта, с чем связаны попытки вернуть Чимги-Туру.

Список литературы

1. Алексеев М.П. Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей. Т.1. XIII-XVII в. Иркутск, 1932.
2. Анучин Д.Н. К истории ознакомления с Сибирью до Ермака. М., 1890.
3. Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1998.
4. Джинчарадзе В.З. Борьба с иностранным шпионажем в России в XVII веке // Исторические записки. Т.39. М., 1952.
5. Иовий П. Посольство от Василия Иоанновича, великого князя Московского, к папе Клименту VII // Библиотека иностранных писателей о России. Т 1. СПб. 1836.
6. Кампензе А. Письмо к Его Святейшеству Папе Клименту VII о делах Московии // Библиотека иностранных писателей о России. Т 1. СПб. 1836.
7. да Колло Ф. Донесение о Московии. М., 1996.
8. Маслюженко Д.Н. Сибирские Шибаниды в конце XV – первой половине XVI в. // Формирование и взаимодействие уральских народов в изменяющейся этнокультурной среде Евразии: проблемы изучения и историографии. Чтения памяти К.В.Сальникова. Уфа, 2007.
9. Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. М.-Л., 1936.
10. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489-1549 гг. Махачкала, 1995.
11. Трепаевлов В.В. История Ногайской Орды. М., 2002.
12. Фоскарини М. Донесение о Московии второй половине 16 века. М., 1913.

К ВОПРОСУ ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИОГРАФИИ РОЛИ ТЫЛА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В истории мировой цивилизации вторая мировая война и ее составная часть - Великая Отечественная война 1941- 1945 гг. с фашистской Германией - по-прежнему занимает особое место. Крупнейшее в мировой истории военное противостояние, закончившееся победой антифашистского блока, по сей день вызывает острые дискуссии, привлекает внимание исследователей. В настоящее время историческая наука располагает обширным и разноплановым кругом историографических, монографических работ, статей, в которых на общероссийском и региональном уровнях получили освещение разнообразные проблемы минувшей войны, в том числе, роль тыла в достижении Победы над фашизмом¹. Опубликовано большое количество книг, брошюр, статей, диссертаций, в которых анализируются экономические, социально-политические и другие аспекты войны, в том числе героизм людей на фронте и в тылу, работа промышленности, транспорта, сельского хозяйства и многое другое. К середине 70-х гг. по истории Великой Отечественной войны в нашей стране было издано более 9 тысяч исследовательских работ, а к концу 80-х годов их количество составило почти 20 тысяч².

По подсчетам С.Д. Половецкого; начиная с 1941 г., вплоть до середины 90-х гг. непосредственно по проблемам Великой Отечественной войны опубликовано свыше 250 монографий, более 800 статей, защищено 100 докторских и кандидатских диссертаций, издано около 60 сборников³. Бесспорно, многие исторические труды, созданные в советский период, в условиях отсутствия плюрализма мнений и позиций, несут в своем содержании влияние моноидеологизированных партократических догм. Однако, по нашему мнению, полностью отрицать этот огромный, пополняемый десятилетиями объем научных знаний нельзя, многие работы, написанные в этот период, имеют определенную научную ценность. Поскольку содержат в себе большое количество фактического материала, вводят в научный оборот архивные источники, рассматривают деятельность партийно-государственных структур, общественных оборонных организаций страны в интересах снабжения Красной Армии вооружением, обмундированием, продуктами питания, военно-обученными резервами, приема эвакуированных, размещения эвакуированных, решения социально значимых задач в тылу и многое другое.

Общепризнанна роль Урала как опорного края, «старого хребта» в годы войны. Этому способствовали наличие в регионе огромного экономического потенциала, концентрации ведущих научных и творческих сил. Урал превратился в мощный центр подготовки резервов фронту. Анализ содержания монографий, статей подтверждает значимость Урала в укреплении единства фронта и тыла.

¹ См., напр.: Советский тыл в Великой Отечественной войне. Кн.1. М., 1974. С. 190-222; Очерки советской военной историографии. М., 1974. С. 224-323; Агарышев П.Г., Молодцова М.Ф. Вклад Урала в Победу над фашизмом. (Историографический обзор литературы 70-х гг.) // Историография Великой Отечественной войны. Сборник статей. М., 1980. с. 240-246; Историография советского тыла периода Великой Отечественной войны. М., 1980 и др.

² Советский тыл в Великой Отечественной войне. Общие проблемы. Кн.1. М., 1974. С. 90. Папин В.С. Организационно-партийная работа в годы Великой Отечественной войны. М., 1990. С. 3.

Например, на уральских заводах изготавливались различные вооружение, боевая техника, боеприпасы, мины и многое другое вплоть до тары для авиабомб⁴.

Чугун, сталь, прокат давали стране Магнитогорский металлургический комбинат, заводы Златоуста, Ирбита, Чебаркуля, Богославский алюминиевый, Уральский автомобильный, Южноуральский трубопрокатный, Березниковский магниевый комбинат и многие другие⁵.

В частности на Урал было перебазировано 667 промышленных объектов, которые выпускали продукцию для фронта⁶. Многие исследователи роли тыла в годы войны приводят в качестве примера сведения из монографии «Урал - фронту», опубликованной в середине 80-х годов прошлого века, в которой говорится о том, что на долю Урала приходилось до 40% всей продукции военной промышленности, черных и цветных металлов – до 60%, средних танков – 60%, тяжелых танков – 100%⁷. Факт достаточно известный, но о многом свидетельствующий.

Научные сведения о роли Урала в укреплении единства фронта и тыла, армии и народа в годы войны достаточно обширны и многообразны. В этой связи на настоящее время в исторической науке идет дискуссия по вопросу периодизации историографии войны, выясняются научные ценности достигнутых исторических результатов на том или ином этапе развития общества, высказываются взгляды, формируются новые подходы. В исторической науке, особенно это было характерно для первых после войны исследований, обосновывалось деление историографии по десятилетиям⁸.

Затем в научной литературе доминировало деление историографии истории войны на три периода. Так, к первому периоду относились годы войны, ко второму – первое послевоенное десятилетие. Начало третьего периода исследователи относили к 1956 году, то есть здесь просматривалась связь с решениями XX съезда КПСС.

Подобный подход сохранился для большинства научных работ вплоть до 90-х годов XX века. Исследователи обосновывали 4-х и даже 5-звенные варианты периодизации, связывая свои позиции не с реальными общественными процессами, а с этапами руководства страной коммунистической партии. Например, В.В. Черепанов в своем исследовании обосновал четыре периода в развитии историографии Великой Отечественной войны: I период - 1941- середина 50-х гг.; II период- середина 50-х гг. - середина 60-х гг.; III период - середина 60-х гг. – начало 90-х гг.; IV период - с начала 90-х гг.⁹. Уральский историк Б.П. Дементьев предложил пятиэтапное деление: I период – 1941-1945 гг.; II период – послевоенное десятилетие; III период - середина 50-х гг. - середина 60-х гг.; IV период - середина 60-х гг. – середина 80-х гг.; V период, по его мнению, берет начало с 1985 года¹⁰.

³Половецкий С.Д. *Армия и советское общество 1918 – 1991 г.г. Историографическое исследование.* М., 1994. С. 77.

⁴См.: Южноуральцы на фронте и в тылу. Челябинск, 1993. С. 169-171

⁵См.: *Очерки истории коммунистических организаций Урала.* Свердловск, 1974. С. 205 – 252.

⁶См.: *Урал ковал Победу.* Челябинск, 1993, *Урал – фронту.* М., Экономика, 1987; *История Урала, Т 1.* М., 1989 и др.

⁷См.: *Урал – фронту.* М., 1985.

⁸Васильев А. Ф. *Обеспечение партийей экономических предпосылок для победы Советского Союза в Отечественной войне: к историографии вопроса // Вопросы истории КПСС.* 19667. № 7. С. 93; Козыбаев М.К. *Казахстан – арсенал фронта.* Алма – Ата, 1970. С. 8; Анисков В.Т. *Союз рабочего класса и колхозного крестьянства Урала в годы Великой Отечественной войны в исторической литературе // Вклад Урала в победу над фашистской Германией.* Свердловск, 1986. С. 32-33.

⁹Черепанов В.В. *Помощь советского народа фронту в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. (Историографическое исследование).* М., 1994. С. 4.

¹⁰Дементьев Б.П. *Исторический опыт идеологической работы коммунистов в годы Великой Отечественной войны (на материалах Урала): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук.* Л., 1990. С. 4-6.

В конечном счете исследователи в своем большинстве проявили единодушие в идее выделения качественного нового этапа в осмыслении истории войны, начавшегося с 1985 года. Историографию войны все больше стали делить на два больших периода: I – с 1941 года до середины 80-х гг.; II – со второй половины 80-х годов. В 90-е годы такая периодизация нашла отражение в диссертационных исследованиях Н.П. Палецких, А.В. Сперанского, М.Н. Потемкиной¹¹. Несомненно, подобный подход периодизации имеет свои достоинства и недостатки. Вместе с тем, какую бы периодизацию не обосновывали исследователи, по мнению доктора исторических наук, профессора М.Н. Евлановой (г. Челябинск), историки всегда должны учитывать весь комплекс вопросов, характеризующих ступени в изучении тех или иных проблем: исторические условия развития страны, масштабы, формы и методы организации научной работы, наличие квалифицированных кадров и научных центров, состояние источниковой базы, расширение проблематики, уровень исследовательских обобщений, степень разработки общеметодологических проблем и т. д.¹²

Таким образом, сказанное свидетельствует о складывающемся в историографии войны плюрализме научных взглядов. На современном этапе историографии исследователи решают нелегкую задачу выявления реальных исторических тенденций и подбора документальных источников, которые бы отражали истинное положение дел.

А.А. Носков

Башкирский государственный педагогический университет, г. Уфа

КОНЦЕПТУАЛЬНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ РАННЕЙ ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО КАЗАЧЕСТВА

Проблема ранней истории казачества - одна из самых дискуссионных и ключевых в истории изучения казачества. На сегодняшний момент существует свыше двух десятков теорий о происхождении казачества (сюда входят как научные концепции, так и гипотезы, а также мифотворчество). Их условно можно разделить на «миграционные» и «автохтонные» концепции происхождения казачества. Многие исследователи, пытаясь ответить на вопрос об исторических предках казаков, пытаются либо утверждать, что это тюркские племена (их остатки), которые проживали на Диком поле, другие же полагают, что это славянские племена, перебравшиеся сюда, чуть ли не во время Великого переселения народов. При этом красной полосой по всей истории изучения казачества проходит проблема «продления» казачьей истории. Это связано с различными моментами: и со слабой теоретико-методологической базой некоторых исследователей-«удревнителей», и с различного рода политико-конъюн-

¹¹Потемкина М.Н. *Проблемы эвакуации и эвакуированного населения в годы Великой Отечественной войны. 1941 – 1945.* Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 1994. С.4; Палецких Н.П. *Социальная политика Советского государства на Урале в период Великой Отечественной войны.* Дис. ... д-ра ист. наук. Челябинск, 1996. С. 14; Сперанский А.В. *Культура Урала в годы Великой Отечественной войны.* Автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. Екатеринбург, 1997. С.14-15. Палецких Н.П. *Указ. соч.* С. 14-15.

¹²Евланова М.Н. *Некоторые вопросы историографии советского тыла периода Великой Отечественной войны // Вклад Урала в победу над фашистской Германией.* Свердловск, 1986. С. 42 и др.; Савушкин Л.М. *Идеология советского тыла: проблемы и противоречия. 1941 – 1945 г.г.* Воронеж, 1990. С. 16-17.

ктурными предпосылками. Хотелось бы остановиться на наиболее популярных теориях происхождения казачества и их аргументации.

На современном этапе развития истории изучения казачества господствующими в общественном сознании и в научной литературе являются две полярные теории происхождения казачества. «Государственная» (или «бегло-холопская») теория происхождения казачества возводит казачество к вольнице беглецов из русских земель в Дикое Поле. Бежавшие от феодальной эксплуатации в степь «искатели воли» (в основном крестьяне и холопы) и создали по мнению авторов этой теории (С.М. Соловьёв, В.О. Ключевский, С.Ф. Платонов, М.К. Любавский) к середине XVI в. особую организацию – «казачество», постоянно подпитываемую новыми потоками переселенцев из Центральной и Западной России (см. подробнее: 14). Данная точка зрения окончательно сформировалась в советское время (см. подробнее: 16, 12-26), а также (12) доминирует в представлениях большинства неказачьего населения. Безусловно, данная точка зрения является наиболее проработанной и опирается на большую историко-лингвистическую базу, хотя и подвергается критике со стороны «радетелей правильной истории казачества». К примеру, как пишет В.П. Громов: «не принимается во внимание тот факт, что в русских летописях казачество упоминается гораздо раньше, чем в стране возникли феодальные и крепостнические отношения» (5). Между тем сам В.П. Громов явно слабо представляет себе разницу между единично употребляемыми упоминаниями о деятельности «казаков» в русских летописях и крупным историческим процессом, происходившим на окраине Русского государства в XVI-XVII веках. Другой «исследователь» казачества В.Ф. Никитин буквально «рубит» ненаучные построения, как ему кажется, официальных историков своими вопросами и утверждениями. Приведём ряд примеров и рассмотрим их. В.Ф. Никитин о бегло-холопском происхождении казачества: «Серьёзные историки резко отвергают вульгарно-социологические объяснения. Казаки, по их определению, - народность, которая образовалась в начале новой эры как результат генетических связей между туранскими племенами скифского народа кос-сака и приазовскими славянами метео-кайсарами, с некоторой примесью аланов» (11, 12). Интересно, что автор называет «серьёзными историками» исследователей, которые не утруждают себя работой с источниками, это, как правило, люди, выполняющие социальный заказ (решения казачьих кругов и издательств). Здесь мы можем выделить «популяризаторов» - писателей-историков, взявших за основу произведения одного из самых тенденциозных исследователей казачества начала XX века А.А. Гордеева и добавивших к ним то, что смогли «содрать» из чужих работ, это В.Е. Шамбаров, А.В. Шишов, А.Б. Широкопад (20), А.А. Плеханов (15) и многие другие, а также идеологов дореволюционной и эмигрантской казачьей историографии Е.П. Савельева и Ис. Быкадорова.

Примыкает к официальной точке зрения взгляд на происхождение казаков С.Г. Сватикова (особенно подробно на перипетиях взаимоотношения С.Г. Сватикова с эмигрантскими историками останавливается С.М. Маркелов (см. подробнее: 9)) и Н.А. Мининкова (10) (в постсоветское время), объясняющих появление казачества как следствие политики «собираания уделов» Московским государством. Под формирующимися казачьими сообществами автор подразумевал выходцев из различных социумов. Также близка к этим точкам зрения позиция Р.Г. Скрынникова: «Казачество возникло из слияния многочисленных русских переселенцев с населением татарских станиц в степях» (19).

Приверженцами второй теории являются, в первую очередь, некоторые представители «казачьей науки» и некоторые исследователи, не придерживающиеся первой точки зрения. При этом их можно разделить на научные гипотезы и на мифотворчество и близкие с ним. Образчиком ненаучности является, к примеру, «интеллектуальные потуги» В.П. Громова, который стремление «удревнить» казачью историю («этрасская» теория происхождения казачества Е.П. Савельева (18)) объясняет любовью к казачеству и гордостью за него. Уходит сам недалеко, всего на тысячу лет, и бездоказательно, то есть не ссылаясь ни на какие источники, утверждает: «Сегодня, несомненно одно, что казачество сформировалось на славянской, православной основе в IV - V веках нашей эры во время так называемого переселения народов - процесс, в который были вовлечены германские, тюркские и славянские племена... Где-то к VII веку относится принятие христианства казаками, задолго до официального крещения Руси» (5). Подобной позиции придерживаются большая часть современных историков-писателей, к примеру, А.А. Плеханов, который пишет: «Название казаки хорошо известно ещё до появления монголов. В X веке это были бродники... Начиная с XI века территория границы Русского государства стала заселяться племенами черкес и касогов, тюркские племена торков и берендеев, среди них одно из племён называлось казаки. После XIII столетия все эти племена назывались уже казачьими» (15, 10).

Подводя итог моих рассуждений о том, является ли данная позиция научно обоснованной, я прихожу к выводу, что здесь чётко прослеживается влияние политических установок, а не исторических фактов, при этом идёт достаточно жёсткое попираение исторической истины такими «горе-исследователями» (см. подробнее: 14).

Теперь упомянем несколько теорий о происхождении казачества, которые могут с некоторой долей условности рассматриваться как историографические факты в истории изучения казачества. Так, к примеру «Бродничья» теория происхождения казаков (В.В. Голубовский, В.В. Мавродин, Н.М. Волынкин (3), В.Е. Шамбаров), «новгородская» версия происхождения казачества (А.А. Широкопад) (20), тюркско-татарская (Г. Штёкль) (22), черкесская версии происхождения казачества (В.Н. Татищев), мещанская (Н.И. Костомаров); «Казаки - Мосхи» (П.П. Сахаров), гипотеза «казаки - отдельный восточнославянский народ» (И.Ф. Быкадоров) (2), «половецкая» версия М. Аджиева (1), близки к этой позиции Л.Н. Гумилёв (6) и И. Яковенко, так; Л.Н. Гумилев неоднократно подчеркивал происхождение терских казаков от хазар-христиан, а в целом возводит казачество к крестившимся половцам, а И. Яковенко убежден в том, что казачество возникло в результате половецко-русского смешения при явном доминировании половецкого субстрата (21).

Одна из самых «ходовых» точек зрения (судя по тиражам) - это точка зрения А.А. Гордеева. Он возводит происхождение казачества к взимавшей Золотой Ордой с покоренной Руси «дани кровью» - «тамги». Забираемые в Орду русские юноши использовались для охраны степных границ и несения ямской службы, воспринимая уже готовые формы военной и общественной организации степняков (монголов и половцев) (4).

Рассматривая различные точки зрения на происхождение казачества, невольно приходишь к выводу, что все они подчеркивают своеобразие казачества, которое предполагает влияние различных полиэтнических групп на формирование казачества, что обусловило его специфику в культурно-бытовом укладе (13).

Рассмотрев множество различных теорий о происхождении казачества и те факты, на которые они опира-

ются, приходишь к выводу, что большая часть данных теорий страдает слабой научной и историкоэтнографической базой. Отвечая на вопрос о пращурах (предках) казаков, я придерживаюсь следующей позиции. Безусловно, на этой территории до заселения её беглыми крестьянами проживали тюркские племена. Но многие из них уже пережили пик своего расцвета, и к концу XV века они пребывали в очень тяжёлом положении, что позволило постепенно достаточно легко ассимилироваться на этой территории и создавать кратковременные «бандитские шайки» (ватаги), а в последствии объединялись в станицы, юрты и войска. При этом учитывался тот факт, что большинство обитавших на Диком поле людей были изгоями в своих сообществах, которые находились на различном социально-экономическом уровне, а также разного этнического происхождения. И они использовали те социально-политические институты, которые им были известны, вне зависимости от уровня своих социумов, а именно те, которые примыкали к общинно-первобытному строю. Многие авторы по-разному объясняют данный феномен. Так, Н.И. Никитин считал казачество симбиозом структур дофеодальной эпохи, устройство казачьих сообществ он связывал с принципами военной демократии, представляя атаманов в качестве военных вождей, а казачьи отряды – их боевыми дружинами (12, 175). Н.А. Мининков полагает, что в поисках истоков демократических форм внутреннего устройства казачьих сообществ не обязательно ходить далеко во времени: яркий пример демократического строя даёт, скажем, современный казак Новгород. Он же указал на схожесть причин сохранения демократического строя на Дону и на Русском Севере: наличие этнически неоднородной массы, суровые условия существования (10, 231). В последнее время стало очень популярным заводить вопрос о несформировавшейся окончательно казачьей государственности и называть казачьи сообщества «потестарными структурами», на мой взгляд эта позиция достаточно продуктивна и должна лечь в основу новых исследований ранней истории казачества (см. подробнее: 7, 107-110; 17, гл. 5).

Список литературы

1. Аджиев М. *Полынь половецкого поля*. Любое издание.
2. Быкадоров И.Ф. *История казачества*. Прага, 1930. Т.1.
3. Волынкин Н.М. *Предшественники казачества - бродники // Вестник ЛГУ*. 1949. № 8.
4. Гордеев А.А. *История казаков*. М., 2006 или любое издание.
5. Громов В.П. *Казачество в истории России: формирование, расцвет, культурно-этнические процессы // krasnodarkrai.ru*
6. Гумилёв Л.Н. *От Руси к России*. Любое издание.
7. Дворниченко А.Ю. *О ранних казачьих сообществах // Исторический опыт русского народа и современность: Мауродинские чтения*. СПб., 1994.
8. Дубман Э.Л. *Казачья волга // Казачий вестник (Самара)*. 1993. № 3.
9. Маркедонов С.М. С.Г. *Святиков – историк и общественный деятель*. Ростов-на-Дону, 1999.
10. Мининков Н.А. *Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.)*. Ростов-на-Дону: РГУ, 1998.
11. Никитин В.Ф. *Казачество: Нация или сословие? М: Яуза; Эксмо, 2007.*
12. Никитин Н.И. *О происхождении, структуре и социальной природе сообществ русских казаков XVI- середина XVII века // История СССР*. 1986. № 4.
13. Носков А.А. *Влияние полиэтничности и поликонфессиональности на повседневную жизнь казачества // Изучение повседневности в отечественной и зарубежной исторической науке*. Уфа: БГПУ, 2007. С. 75-80.
14. Носков А.А. *Мифы и реальность наукообразности в изучении истории казачества // Вестник БГПУ. Уфа, 2007. № 1. С. 68-74.*

15. Плеханов А.А., Плеханов А.М. *Казачество на рубежах Отечества*. М.: Кучково поле, 2007.
16. Пронштейн П.А., Мининков Н.А. *Крестьянские войны в России XVII – XVIII веков и донское казачество*. Ростов-на-Дону: РГУ, 1983.
17. Рыблова М.А. *Донское братство*. Волгоград: ВолГУ, 2006.
18. Савельев Е.П. *Древняя история казачества*. М.: Вече, 2007.
19. Скрынников Р.Г. *История Российского государства IX – XVII. СПб.: СПбГУ; Наука, 2007.*
20. Широкопад А.А. *Казачество в Великой Смуте*. М.: Яуза; Эксмо, 2007
21. Яковенко И. *Подвижен, отчаян и храбр // Родина*. 1995. № 10.
22. Stokl G. *Die Entstehung des Kosakentums*. Munchen, 1953.

Д.В. Плюйко
Сибирский государственный университет
физической культуры и спорта, г. Омск

«КРАСНЫЙ ТЕРРОР» В СИБИРИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ: СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

Одной из ключевых проблем в современной российской историографии Гражданской войны продолжает оставаться террор. В исследованиях советских историков проблема террора рассматривалась не самостоятельно, а в общем ряду других событий и довольно фрагментарно, ввиду чего многие аспекты этого явления остались неизученными. У современных российских историков подходы к изучению проблемы изменились.

Сформировавшийся за 1990-е и первую половину 2000-х годов комплекс литературы по истории «красного террора» на территории Сибири, несомненно, нуждается в историографическом обобщении. Задачей нашей работы является анализ одной части этого комплекса – литературы о терроре и политических репрессиях, осуществлявшихся большевиками. Обращение к концептуальным построениям и проблематике исследований о «красном терроре» в Сибири позволяет не только получить представление об итогах изучения данной темы, но и обозначить некоторые перспективы дальнейших научных изысканий.

В годы Гражданской войны террор в Сибири становится одним из главных методов управления обществом и инструментом политической борьбы. В связи с этим современные российские историки обращаются к исследованию различных сторон этого явления.

Необходимо отметить, что большую часть современных исследований, посвященных изучению «красного террора», по хронологическому принципу можно разделить на две большие группы. Первая группа – это работы, в которых террор большевиков рассматривается с установлением советской власти в ноябре 1917 г. до ее свержения войсками чехословацкого корпуса в июне 1918 г., а вторая группа исследований затрагивает факты «красного террора» с восстановления власти Советов в Сибири осенью 1919 г. вплоть до окончательной ликвидации советскими карательными органами крестьянских выступлений в январе 1922 г.

В первую очередь интерес представляют работы, авторы которых предприняли попытку выявить формы террора в ходе установления власти Советов в Сибири в октябре – ноябре 1917 г. Одним из важных исследований по этой тематике является работа М.В. Шиловского. В

своей монографии «Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов» он раскрыл сущность процесса становления советской власти в Сибири. По его мнению, большевики в конце 1917 – начале 1918 гг., опираясь лишь на рабочих и беднейшее крестьянство, «вступили в конфликт с большинством населения региона, его основными социальными группами» (4, 198). Сильное недовольство своей продовольственной политикой большевики вызвали у зажиточного крестьянства, которое под нажимом продовольственных отрядов было вынуждено или продавать за бесценок, а иногда просто отдавать весь свой хлеб. Результатом этой продовольственной политики были многочисленные восстания, которые прокатились почти по всей Западной Сибири зимой – весной 1918 г. В ходе восстаний зажиточное крестьянство арестовывало членов местных Советов, сотрудников милиции, красногвардейцев и объявляло советскую власть низложенной. По мнению М.В. Шиловского, большевики, применяя вооруженный нажим, проводили национализацию предприятий. В ходе национализации у различных предпринимателей Сибири были изъяты большие денежные суммы. Таким образом, большевики, применяя различные методы террора, заставляли население поступать определенным образом.

Монография Н.С. Ларькова «Начало гражданской войны в Сибири. Армия и борьба за власть» поднимает проблему ответственности отрядов Красной гвардии за применение карательных мер в ходе ликвидации органов власти Временного правительства. Как считает Н.С. Ларьков, зачастую отряды красногвардейцев действовали без всякой санкции вышестоящих органов т.к. «не имели единого командования, централизованного снабжения и внутренней организации» (1, 103). Главная роль отрядов Красной гвардии заключалась в их огромной разрушительной и репрессивной силе, а ее «действия фактически были проявлениями красного террора» – этот террор имел место при массовых арестах и насильственном роспуске учреждений Временного правительства (1, 103). Историк отмечает, что у большевиков было огромное желание бороться с такими проявлениями противоправных действий красногвардейцев, но, к сожалению, это было лишь желанием, так как в первой половине 1918 г. власть Советов была еще крайне слаба и не имела возможности квалифицированно следить за соблюдением законности. Говоря о роли, которую сыграли отряды Красной гвардии в становлении советского государства историк верно отмечает: «Наряду с героизмом и самопожертвованием раскрытыми советской историографией были террор, трусость и предательство» (1, 104).

В исследовании В.А. Шулдякова был затронут вопрос о карательных мерах, которые применяли большевики к священнослужителям в Омске. Как известно, вопрос о реквизиции имущества Православной церкви был решен соответствующим декретом СНК РСФСР. На защиту этих материальных и духовных ценностей встало большое количество населения города. Была организована внушительная демонстрация верующих граждан, которая заставила большевиков изменить свою тактику. Они производят арест архиепископа Сильвестра, в ходе произведения ареста красногвардейцы убивают помощника архиепископа и звонаря одного из Омских кафедральных соборов. Не пожелавшие расходиться демонстранты, узнав об аресте Сильвестра, принялись скандировать антисоветские лозунги. В результате Омский совет отдает красногвардейцам приказ разогнать толпу силовым путем. Верующих разгоняют при помощи ударов прикладами винтовок.

Отмечая исследования по изучению террора большевиков после восстановления советской власти в Сиби-

ри осенью 1919 г., необходимо остановиться на работе В.И. Шишкина «Красный бандитизм в Советской Сибири». Свое внимание В.И. Шишкин останавливает на таком явлении гражданской войны в Сибири как красный бандитизм. По мнению В.И. Шишкина, красный бандитизм, или внесудебные расправы, которые совершали бывшие участники партизанских отрядов, был обусловлен психологической атмосферой, сложившейся в Сибири после жестокостей колчаковского режима. Все население было пронизано «жаждой мести и непосредственной расправы со своими политическими противниками» (3, 9). Причиной, вызывавшей пополнение рядов красных бандитов, были солдаты Красной Армии, которые, выполняя задания по подавлению восстаний, занимались мародерством. В.И. Шишкин приводит пример самосуда красноармейцев в отношении главаря одной из банд, его жены и четверых детей. Реакция партийного и советского руководства на эти внесудебные действия военнослужащих была различной, но в целом ревтрибуналы, расследующие данные уголовные дела, старались смягчить вину, говоря, что «подсудимые действовали в состоянии аффекта, вызванного зверскими расправами над коммунистами со стороны бандитов» (3, 16). Надо согласиться с выводом В.И. Шишкина, что красный бандитизм просуществовал в Сибири все 1920-е гг. и выполнял важную социальную функцию. С помощью красного бандитизма диктатура пролетариата удерживала активность своих оппонентов. Цена, которую население Сибири заплатило явлению красного бандитизма, очень высока: «речь должна идти о сотнях загубленных человеческих жизней. Видимо, в несколько раз необходимо увеличить количество пострадавших, перенесших незаконные аресты, ограбленных, испытывавших унижение» (3, 75).

Работа С.С. Балмасова затронула важнейшие черты присущие советской карательной политике в начале 1920-х гг. По его мнению, большевистский террор изначально был укоренен в самой системе советской власти. Коммунисты рассматривали его как одну из важнейших институциональных форм управления обществом (1, 35). Приводимые ученым документы, классифицированные по регионам Востока России (Пермская губерния, Тургайская область, Забайкалье, Приморье), позволяют оценить масштабность проводимых красными мероприятий. Одновременно С.С. Балмасов соблюдает и историческую канву повествования. В начале монографии приводятся материалы из расследований «красного террора» правительством Колчака (отметим, что аналогичная комиссия была создана на юге России генералом Деникиным), затем рассматриваются документы по преступлениям большевиков в Сибири, не вошедшие в материалы расследований, и, наконец, документы по террору, после ухода белых. Они охватывают события, последовавшие после неудачных крестьянских восстаний 1920–1921 годов (так называемое «Сибирское беловодье», Зелеевское, Верхоленинское, Великое Сибирское восстания). Как считает С.С. Балмасов, белые правительства, в отличие от большевиков, отрицали возможность государственного террора. Террор и насилие, инспирируемые некоторой частью белых генералов, всегда находили противодействие.

Как верно отмечал историк В.Г. Бортневский: «Споры о красном и белом терроре часто напоминают обмен ударами: яркими фактами зверств и истязаний... И этот бой может длиться бесконечно, поскольку защитники как красного, так и белого террора всегда в запасе будут иметь новые «аргументы» (5, 165). Поэтому вполне естественным выглядит обстоятельство того, что советская историография гражданской войны была посвящена в основном террору белогвардейцев и различных сил контрре-

волюции, тогда как современная историография затрагивает исключительно репрессивную политику большевиков. По оценкам большей части современных историков карательная политика красных после освобождения Сибири от войск Колчака имела следующие отличительные особенности: 1. Большевики использовали карательные меры против населения, чтобы провести мобилизацию и продразверстку, которая позволила бы установить контроль над экономикой; 2. Выбить из среды крестьянства своих политических оппонентов – эсеров и меньшевиков.

Надо отметить, что любая война неизбежно допускает террор: ожесточение противоборствующих сторон, нечистоплотность ее участников, наконец, тактические просчеты становятся его становым хребтом. Большинство современных историков гражданской войны в Сибири считают, что только большевизм дал террору и репрессиям институциональное и легитимное разрешение. Может быть, если бы на «красный террор» белые ответили пусть ограниченными, но адекватными мерами, то и смогли добиться успехов.

Список литературы

1. Балмасов С.С. *Красный террор на Востоке России*. М., 2006.
2. Ларьков Н.С. *Начало гражданской войны в Сибири: армия и борьба за власть // Гуманитарные науки в Сибири. Серия отечественная история*. 1996. № 2.
3. Шишкин В.И. *Красный бандитизм в Советской Сибири // Советская история: проблемы и уроки*. Новосибирск., 1992.
4. Шиловский М.В. *Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917 – 1920 гг.* Новосибирск., 2003.
5. Цит. по: Голдин В.И. *Россия в гражданской войне. Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х – 90-е гг.)*. Архангельск., 2000.

И.А. Попп

Уральский государственный педагогический университет, г. Екатеринбург

СУДЕБНО-МИРОВЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ¹

Деятельности судебно-мировых учреждений в России большое внимание уделяли многие отечественные исследователи. Вся проанализированная литература подразделяется на дореволюционную, советскую и современную. Авторы каждого из этих периодов внесли свой определенный вклад в разработку темы. При этом закономерно проявлялись различные методические и теоретико-методологические подходы, уровни объема и проработанности привлеченного исторического материала, объективности в изучении.

В дореволюционной общественно-политической мысли мировая юстиция как одно из новых явлений в жизни российского общества имела большую популярность. Это подтверждает большое количество выявленных газетных, журнальных и книжных публикаций, которые в основном апологетично или, напротив, негативно относились к новым судебным учреждениям.

В. Фукс следовал в русле консервативной мысли,

поэтому с негодованием писал о мировом суде, называл его «местным самосудом». Несмотря на предвзятое отношение, он раскрыл многие проблемы мировых судебных учреждений, о которых не говорили либеральные исследователи: «неудовлетворительность личного состава мирового института», «о ничтожном умственном цензе» для кандидатов в мировые судьи, о проникновении в мировую юстицию необразованных людей, отмечал «медленность, беспорядочность в делопроизводстве» (29).

Н. Корф, К. Арсеньев и М. Брун уделяли особое внимание доступности мирового судопроизводства для провинциального населения, описали некоторые примеры из судебной практики провинциальных мировых судей. Исследователи считали, что уголовные и гражданские дела волостных и духовных судов необходимо передать мировым судьям, которые могли бы воспитывать население, внушать уважение к судебной системе. В целом, авторы только обозначили проблемы, которые явно требовали более тщательной разработки (2, 3, 16).

В. Иванов обратил внимание на неэффективность примирения тяжущихся мировыми судьями, которые приравнивали предложение о примирении сторон к простой формальности. При этом автор выделил причины, приводившие к негативным результатам в деятельности мировых судебных учреждений (11). Н. Окунев рассматривал уровень образованности назначаемых и избираемых участковых мировых судей. Автор признал, что назначавшиеся Сенатом судьи в целом были более образованными, чем мировые, избравшиеся местными земскими собраниями (21). Серьезные проблемы в мировой юстиции обозначил Я. Городынский: отсутствие образовательного и завышенный имущественный цензы для кандидатов в мировые судьи, почти полное бездействие института почетных мировых судей. Исследователь полагал, что необходимо учесть эти недостатки, а не ликвидировать выборные судебно-мировые учреждения (6).

В работах Г. Джаншиева превозносились все новые судебные институты, в том числе мировая юстиция. Исследователь пытался отстоять право на существование выборных мировых судей, представлял их только с положительной стороны (8, 9). В русле общего судоустройства мировой суд рассматривал И.В. Гессен. Исследователь обратился только к общим принципам организации мирового судопроизводства, не уделяя внимания основным проблемам мировой юстиции (5). Известный юрист А.Ф. Кони описал биографии знаменитых мировых судей, отметил не только их положительные, но и некоторые отрицательные качества (12).

Итоговыми монографиями дореволюционного периода можно считать труды Н. Полянского и С. Мокринского. Опираясь на источники, авторы сравнили российские мировые суды с западноевропейскими аналогами, рассмотрели становление и развитие, достижения и проблемы российской мировой юстиции, ее взаимодействие с администрацией. Несмотря на обращение исследователей к провинциальным материалам, работы недостаточно глубоко анализируют организацию мирового суда на местах (19, 24).

Таким образом, большинство дореволюционных публикаций было основано на сводных данных со всей страны или материалах столичных мировых учреждений. Многие статьи периодической печати отражали поверхностные и субъективные процессы существования мировых судов. К тому же данная проблематика была современна для авторов, что отрицательно сказалось в научно-критическом подходе к рассматриваемой теме: в этот период исследователям не удалось создать серьезных трудов о деятельности мировых судебных институтов в Российской империи.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Становление судебно-мировых учреждений в Пермской губернии Российской империи в 1873–1893 гг.», проект № 09-01-83102а/У

Советская историко-правовая школа не уделяла должного внимания судебной реформе 1864 г., которая в это время «по сравнению с другими обстоятельно изученными реформами 1860–1870-х гг. не получила должного освещения» (33). Не стала популярной и проблема изучения дореволюционных мировых судов. Ученые придерживались мнения классиков марксизма: мировые судьи были «пристрастны к себе подобным и являлись кровными врагами бедных» (4,167).

Уральский исследователь А. Ушаков одним из первых обратился к итогам судебной реформы 1864 г. Следуя в русле ленинского подхода к дореволюционному суду, автор называл судоустройство Российской империи «гнусной пародией на правосудие» и отмечал только его негативные стороны. При этом проявлением реакции он считал упразднение выборных мировых судей (28).

Первым значительным исследованием судебной реформы Александра II в советский период стала монография Б.В. Виленского. Автор с классовых позиций проанализировал основные институты, созданные в результате проведенной реформы (4).

Только во второй половине 1980-х гг. появляются работы, где подчеркивались явные достоинства пореформенного судопроизводства, рассматривались причины растянутого перехода к новым судебным учреждениям. Так, М.Г. Коротких попытался обратить внимание на судебно-мировые институты Российской империи. Исследователь затронул период разработки проектов судебно-мировых установлений (15). Это не позволяет говорить о новых достижениях в изучении мировой юстиции.

В постсоветское время, прежде всего в связи с возрождением мировых учреждений в России, активизировался интерес исследователей к истории этого института. Но большинство работ представлено небольшими публикациями в периодической печати. При этом авторы затрагивают в основном общеизвестные факты, что, конечно, не может поднять изучение мировой юстиции на более высокий уровень.

И.Г. Шаркова попыталась рассмотреть процесс избрания мировых судей и их деятельность. Публикация написана в повествовательном ключе, без обращения к проблемам судебно-мировых учреждений (32). Историю российской мировой юстиции удалась проследить Л.С. Чернухиной, но она не удержалась от восхваления мировых судов, чем явно продолжила традиции дореволюционной либеральной печати (31). Собственную периодизацию от зарождения до ликвидации судебно-мировых учреждений в России предложил А.В. Михеев, который выделил ряд проблем, мешавших мировым судьям осуществлять «скорый и правый суд». Но эти выводы требуют более широкого исследования (18). С. Пашин, обращаясь к опыту дореволюционных и западных мировых судей, объяснил необходимость мировой юстиции в современной России. В статье прослеживается явно субъективный взгляд на этот судебный институт (23). Взаимоотношения уездных земских собраний с судебно-мировыми учреждениями рассмотрела С.В. Лонская. Особое внимание она уделила изучению роли земств при формировании кадрового состава местного суда и его финансирования (17).

М.В. Немытина проследила развитие судебной реформы 1864 г. в Российской империи. Институт мировых судей автор назвала «демократическим» и «приближенным к населению». Однако Немытина не обращалась в работе к источникам провинциального происхождения, что делает ее выводы не всегда достаточно обоснованными (20).

Положительной тенденцией является пробуждающийся интерес исследователей к проблемам мировой

юстиции в отдельных губерниях Российской империи (1,7,26,30). Это позволит более основательно взглянуть на развитие конкретных судебно-мировых институтов и рассмотреть новейшие, ранее неизученные факты в деятельности дореволюционных мировых судов. В последнее десятилетие появился ряд диссертационных исследований, в которых рассмотрен региональный аспект становления судебно-мировых учреждений в отдельных губерниях, но работы посвящены центральным областям Российской империи (10, 27).

В некоторых исследованиях о генезисе провинциальных судебно-мировых институтов содержатся грубые неточности, которые могут ввести читателей в заблуждение. Так, Л. Павлова, рассматривая мировые судебные учреждения в Екатеринбургском уезде, допустила серьезные неточности в вопросах распределения Екатеринбургского округа на мировые участки и привела неправильную дату замены участковых мировых судей земскими начальниками (22). Серьезно надо относиться к современным субъективным выпадам некоторых ученых. Эти авторы пытаются на основании однобоко преподнесенного исторического опыта апологетично отстоять мысль о необходимости всемерного укрепления и расширения мирового судебного учреждения в современной России (13,14,25).

Таким образом, постсоветская историография сделала значительный шаг в изучении дореволюционной мировой юстиции. Однако большинство исследователей обращаются к достижениям своих предшественников. В работах использовано мало новых источников. Сегодня требуется обобщающая монография с широким привлечением материалов из разных провинций Российской империи.

В целом, в отечественной историографии накоплен значительный материал по ряду аспектов развития судебно-мировых учреждений в Российской империи. В настоящий момент мало исследована деятельность мировых судей в российской провинции. К тому же, большинство выявленных публикаций относится к научно-популярному жанру или материалам периодической печати, что повлияло на громадное различие оценок этого института. Целый ряд выводов, в том числе сомнительных, был сделан на основе весьма ограниченной источниковой базы, predetermined идеологическими воззрениями их авторов. Это указывает на необходимость существенного расширения и объективного анализа источников (в том числе и неопубликованных) будущих исследований мирового суда в Российской империи.

Список литературы

1. Авдеева О.А. Реализация в Сибири судебной реформы 1864 г. // *История государства и права*. 2007. № 20. С. 12–14.
2. Арсеньев К. Итоги судебной реформы // *Вестник Европы*. 1871. № 5. С. 357–385.
3. Брун М. Мировой суд по судебным уставам Императора Александра II // *Выборный мировой суд*. СПб., 1898. С. 13–19.
4. Виленский Б.Н. Судебная реформа и контрреформа в России. Саратов, 1969.
5. Гессен И.В. Судебная реформа. СПб., 1905.
6. Городынский Я. Причины недостатков нашего выборного мирового института // *Право*. 1899. № 45. С. 2118–2134.
7. Деревскова В.М. Создание мировой юстиции в ходе проведения судебной реформы в Восточной Сибири в 1896 г. // *История государства и права*. 2007. № 5. С. 18–19.
8. Джанишев Гр. Основы судебной реформы (к 25-летию нового суда): историко-юридические этюды. М., 1891. С. 311–333.
9. Джанишев Гр. Эпоха великих реформ. СПб., 1907. Гл. XII. - С. 461–465.
10. Дунаев И.И. Институт мировых судей Нижегородской

- губернии во второй половине XIX – начале XX века: По материалам Нижегородской губернии: Дис. ... канд. юр. наук. Н.Новгород, 2004.
11. Иванов В. Наша мировая юстиция // Отечественные записки. 1878. № 6. С. 153–171.
  12. Кони А.Ф. Отцы и дети судебной реформы. СПб., 1914. С. 192–215.
  13. Кононенко В. Мировой суд в России // Адвокат. 1998. № 3. С. 102–106.
  14. Кононенко В. Мировой суд как зеркало судебно-правовой реформы // Российская юстиция. 1998. № 11. С. 5–6.
  15. Коротких М. Г. Самодержавие и судебная реформа 1864 года в России. Воронеж, 1989.
  16. Корф Н.А. Мировой суд в провинции // Вестник Европы. 1869. № 10. С. 913–923.
  17. Лонская С.В. Мировая юстиция и местное управление в дореволюционной России: аспекты взаимоотношений // Правоведение. 2003. № 4. С. 191–197.
  18. Михеев А.В. Институт мировых судей в уголовном судопроизводстве дореволюционной России // История государства и права. 2007. №7. С. 31–32.
  19. Мокринский С. Выборный мировой суд // Судебные уставы 20 ноября 1864 г. за 50 лет. Т. 2. Пг., 1914. С. 1–64.
  20. Немытина М.В. Суд в России вторая по-ловина XIX - начало XX вв. Саратов, 1999. С. 108–119.
  21. Окунев Н. К вопросу об образовательном цензе и продолжительность службы мировых судей // Журнал министерства юстиции. 1896. № 2. С. 207–212.
  22. Павлова Л. Творить суд по закону и чистой совести... Из истории судебной власти на Среднем Урале 1722–2004 гг. в документах, материалах и комментариях. Екатеринбург, 2004.
  23. Пашин С. Мировой судья возвращается // Человек и закон. 1999. № 6. С. 39–44.
  24. Полянский Н. Мировой суд // Судебная реформа. М., 1915. С. 172–291.
  25. Радченко В. Доступное правосудие // Человек и закон. 1999. № 4. С. 29–32.
  26. Тараканова Н.Г. Исторический опыт института мировых судей в Российской провинции // Регионоведение. 2006. № 2. С. 208–218.
  27. Трофимова Н.Н. Мировая юстиция Центрально-промышленного района России в 1864–1889 гг.: генезис, региональные особенности судостроительства и деятельности: Дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2004.
  28. Ушаков А. Как управлялся Пермский край раньше и как управляется теперь. Пермь, 1958. С. 41–43.
  29. Фукс В. Мировой суд // Русский вестник. 1885. № 8. С. 654–702.
  30. Черкашина Н.В. Мировая юстиция во Владимирской губернии в период судебной реформы 1864 года // Аспирант и соискатель. 2006. № 2. С. 61–63.
  31. Чернухина Л.С. Мировые суды и государственная власть в условиях дореволюционной России // Журнал российского права. 2004. № 5. С. 130–142.
  32. Шаркова И.Г. Мировой судья в дореволюционной России // Государство и право. 1998. №9. С. 79–85.
  33. Шувалова В.А. К вопросу о судебной реформе 1864 г. // Вопросы истории. 1965. №2. С. 210.

О.В. Рыжкова

Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, г. Нижний Тагил

ГАЗЕТА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ

В современном мире СМИ, в частности периодическая печать, являются массовыми источниками, в которых отражаются все сферы жизни общества, в том числе и история образования. Мы решили проанализировать, как периодическая печать отражала процесс развития

школьного образования в условиях социокультурных и экономических трансформаций конца XX в. в одном из промышленных центров Урала, г. Нижний Тагил, и каковы ее информационные возможности как источника изучения истории образования. Для анализа мы выбрали городскую газету «Тагильский рабочий». Это ежедневная общественно-политическая газета, основанная в 1906 году, выходит 5 раз в неделю, тиражом от 6 и более тысяч экземпляров, её учредителями являются администрация г. Нижний Тагил и редакция газеты.

Нами были просмотрены номера газеты за 1990–1999 гг. В среднем 267 экземпляров в год. Выявлено 160 статей. Тематически их можно сгруппировать в шесть блоков (табл. 1).

Статьи первого блока информируют об открытии в городе образовательных учреждений нового типа: гимназий, лицей (11 статей), специализированных классов (2), мнении тагильчан о реформе образования вообще и новых типах ОУ в частности (8). Так, В. Кинелев и Е. Ямбург достаточно резко замечают: «У нашей экономики нет ресурсов на реформу образования: школа не может бежать впереди паровоза. Мне кажется, что сейчас нужна не реформа, а грамотная стратегия сохранения того, что достигнуто...» (4).

О развитии материально-технической базы школ города сообщают 12 статей. Наибольшее количество статей (7) информирует о состоянии МТБ школ. Проблему нехватки учебников поднимает одна статья, недостаточного финансирования школ – две, школьного питания – две статьи. Инспектор школьного питания В. Малекина с грустью констатирует: «Вот уже десять лет я работаю инспектором школьного питания. ... Изю дня в день убеждаюсь в том, что этим ... никто всерьез не занимается. В результате накопилось масса проблем, еще более усложняющих обслуживание. ... В самых скверных условиях функционируют столовые при школах № 58, 6, 66. А в 72 – раздача всего лишь на 32 посадочных места – это на 520 учащихся. В школах № 3 и 12 пищеблоки расположены в подвальных помещениях. ... Самое удивительное, что даже новые столовые для учащихся выглядят довольно плохо и имеют мало удобств...» (5).

Самый многочисленный третий блок статей посвящен педагогическим кадрам (59 статей). Его тематика разнообразна (табл. 2). 44 статьи (74,6 % от общего количества статей этого блока) рассказывают о забастовках, голодовках, требованиях учителей повысить им заработную плату. Впервые о забастовках городская газета сообщила в 1992 г.: «В понедельник восемь школ города начали забастовку ... Тайным голосованием принято решение об объявлении трехдневной предупредительной забастовки в связи с невыполнением требований ... о доплате к заработной плате ... в сумме 100–200 рублей. ... на предупредительную забастовку вышло 35 подколлективов...» (10). Всплеск забастовочного движения приходится на 1997–1998 гг. (27 статей). Город посетила съемочная группа СГТРК для подготовки телепередачи о критическом положении тагильских учителей (2). Без волнения нельзя читать сводки о голодающих учителях: «Участники совещания городского забастовочного комитета поблагодарили за мужество голодающего преподавателя ОБЖ А. Н. Целева из школы № 10 и передали ему просьбу прекратить голодовку. Он согласился. Чуть раньше «вышла из голодовки» Н. А. Маслакова, психолог школы № 36...» (11).

Но даже в эти кризисные годы газета не забывала сообщать о светлых, праздничных событиях в жизни учителей. Так, из статьи А. Андреева можно узнать о результатах конкурса «Учитель года-97»: «...Места распределились следующим образом. Первые: среди молодых

специалистов – Замураева Н. (ОУ № 61), среди стажистов – Рулев М. А. (физматлицей). Второе: среди молодых специалистов – Ковальчук М. Е. (ОУ № 61), среди стажистов – Сибирякова Г. В. (ОУ № 61). Третьи места: у молодых специалистов – Журавлева О. В. (физматлицей), у стажистов – Дударева О. Е. (ОУ № 10)... Призерам весь год будет начисляться к зарплате пятидесятипроцентная надбавка...» (1).

Об учащихся газета сообщает редко (всего 12 статей, 7,5 % от общего количества). В этих статьях затрагиваются следующие темы: участие школьников в олимпиадах (3 статьи), летнее трудоустройство (3), посещаемость занятий (2), выпускные экзамены (2), школьная форма (1), появление новых дневников (1). О. Романова и М. Горкова сообщили о том, что два городских предприятия «Тагилшвейбыт» и «Тагилтрикотажбыт» на подиуме Дома мод представляли созданные специально для тагильских школьников костюмы (8).

Большое внимание газета уделяет учебно-воспитательному процессу, прежде всего новым формам и методам работы, деятельности специализированных классов, УПТ (табл. 3). О победах учащихся экономического класса школы № 44 в сматрах и конкурсах на лучшее знание основ экономики рассказала Н. Михайлова (6). 17 статей (77 % от общего количества статей этого блока) посвящены школьным праздникам, юбилеям. Пришлась по душе тагильским школьникам европейская традиция отмечать День св. Валентина, о чем свидетельствует статья В. Викторовича (3). Встречам тагильских учителей с зарубежными коллегами посвящено 5 статей. Подробно газета информирует о визите Фредерико Майора, председателя ЮНЕСКО, в гимназию первой категории, являющуюся ассоциированной школой ЮНЕСКО (7).

Жанровый анализ газетных материалов свидетельствует о том, что более предпочтительным для корреспондентов является жанр заметки. Значительно реже встречаются репортажи, эссе, интервью с руководителями школ, учителями, учениками и их родителями. Однако следует отметить, что информация о школах в газете представлена не только «чисто школьными» заметками, но и рекламными объявлениями, сюжетами в статьях, посвященных общим проблемам развития культуры и образования в городе (но эти материалы в общую статистику включены не были).

Проанализировав материалы газеты «Тагильский рабочий» о школах города, мы пришли к следующим выводам.

1. Журналисты газеты на протяжении всех 1990-х гг. информировали городское сообщество о развитии системы школьного образования. К некоторым темам они возвращались периодически. Например, подробное освещение получили забастовки учителей в 1997–1998 гг., визит в город Ф. Майора, председателя ЮНЕСКО, и др.

2. Динамика статей, как по количеству, так и по тематике, нестабильная. Количество статей возрастает в наиболее кризисные с экономической точки зрения годы (1997–1999 гг.). Основной темой, обсуждаемой на страницах газеты, становится кадровая проблема, прежде всего материальное положение учителей. В разной степени, но регулярно журналисты обращают внимание на два основных субъекта процесса школьного образования – учителей и учащихся. Однако вне поля их внимания остается еще один важный участник этого процесса – родители.

3. Журналисты недостаточно используют жанровое разнообразие при раскрытии школьной тематики.

4. Многие статьи, посвященные реформе образования, носят полемический характер. Газета критически освещает «болевые» проблемы развития школьного образования: состояние МТБ школ, школьное питание и т.д.

5. Основные тенденции, выявленные в развитии городской системы школьного образования по архивным документам (9), прослеживаются и по материалам «Тагильского рабочего», что свидетельствует о высоких информационных возможностях и достоверности газеты как источника по истории образования. Важным является и то, что материалы прессы позволяют воссоздать атмосферу эпохи, в которой происходило развитие образования, приоритеты общественного мнения по вопросам его реформирования, самую первую оценку тех или иных событий.

Таблица 1

Динамика количества статей о школьном образовании г. Нижний Тагил в городской газете «Тагильский рабочий» в 1990-1999 гг.

год	всего статей	о сети учреждений школьного образования	о материально-технической базе школы	о педагогических кадрах	об учащихся	об учебно-воспитательном процессе
1990	14	2	2	2	2	6
1991	8	4	1	2	-	1
1992	14	3	-	2	-	9
1993	9	3	-	1	-	5
1994	6	1	1	1	1	2
1995	11	-	1	7	-	3
1996	19	2	2	3	2	10
1997	36	2	1	3	2	11
1998	18	-	2	12	2	2
1999	25	3	2	9	3	8
Всего за 1990-е гг.	160	20	12	59	12	57

Таблица 2

Динамика количества статей о педагогических кадрах школ г. Нижний Тагил в городской газете «Тагильский рабочий» в 1990-1999 гг.

год / тематика статей	реформа школы	о пед. коллективе	опыт учителей	молодые специалисты	рос.-эм. семинар	концертная деятельность педагогов	«Учитель года»	«День учителя»	забастовки	голодовки	зарплата учителей
1990	1	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-
1991	-	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-
1992	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	1
1993	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-
1994	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-
1995	-	-	-	-	-	-	1	-	6	-	-
1996	-	-	-	1	-	-	-	-	2	-	-
1997	-	-	1	-	-	-	2	-	17	-	-
1998	-	-	-	-	-	1	-	1	8	2	-
1999	-	-	-	-	-	-	-	-	6	1	2
Итого	1	1	3	2	1	1	3	1	38	3	3

Таблица 3

Количество статей об учебно-воспитательном процессе в школах г. Нижний Тагил в городской газете «Тагильский рабочий» в 1990-1999 гг.

год	новые формы, методы обучения	специализированные профили УПК	участие в междушкольных конкурсах	конкурсы среди школ	юбилей школ	школьные праздники	встречи учителей	поступление в школу
1990	2	1	-	-	1	1	-	-
1991	-	-	-	-	-	1	-	1
1992	6	-	1	-	-	1	-	-
1993	4	1	-	-	-	-	1	-
1994	-	-	-	-	-	-	1	-
1995	1	-	-	-	-	2	-	-
1996	2	2	-	2	1	3	-	-
1997	4	1	-	-	-	-	3	2
1998	-	-	-	-	-	-	1	1
1999	3	1	-	-	-	-	2	1
итого	22	6	1	2	2	8	9	5

Список литературы

1. Андреев А. Тагильских учителей увидят по всей области //

- Тагильский рабочий. 1997. 19 марта.
2. Андреев А. Были учителя, а стали «Учителя года» // Тагильский рабочий. 1997. 17 мая.
  3. Викторovich В. Любовь с первого взгляда // Тагильский рабочий. 1999. 12 февраля.
  4. Кинелев В., Ямбург Е. Образованию угрожает очередная реформа // Тагильский рабочий. 1997. 17 сентября.
  5. Малекина В. Школьная столовая: лозунги и реальность // Тагильский рабочий. 1990. 9 января.
  6. Михайлова Н. «Аскоша» побывала в кармане России // Тагильский рабочий. 1996. 19 апреля.
  7. Погодина Л. Визит Ф. Майора позади. Что дальше? // Тагильский рабочий. 1997. 21 февраля.
  8. Романова О., Горкова М. Одежда для школьников должна быть яркой // Тагильский рабочий. 1996. 20 июня.
  9. Рыжкова О. В. Основные тенденции развития школьного образования в Нижнем Тагиле в 1990-гг. // В печати.
  10. Хлопотова О. Бастует 35 школа // Тагильский рабочий. 1992. 23 января.
  11. Чернянская В. Гальянский эксперимент // Тагильский рабочий. 1997. 20 мая.

В.Н. Солдатов

Российский государственный профессионально-педагогический университет, г. Екатеринбург

К ВОПРОСУ О ФИЛОСОФСКИХ ОСНОВАНИЯХ ИСТОРИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ И.Я. ФРОЯНОВА В 1990-Е ГГ.

Отечественная историческая наука, подвергшись в конце XX в. своеобразному «испытанию на прочность», вступила в новое тысячелетие с серьезными изменениями – как в плоскости конкретных исследований, так и в плане теоретико-методологических основ научных изысканий. Исследователями этот этап развития истории в России характеризуется как интенсивный поиск новых методов исторического исследования и объяснения схем исторического процесса (2, 3).

Подобная тенденция изменения теоретических основ исследований вполне может быть прослежена в отношении развития исторической концепции И.Я. Фроянова. Ученый, сформулировавший в 1970-1980-е гг. собственное видение исторических процессов древнерусского общества, оставался при этом в рамках марксистско-ленинской парадигмы советской исторической науки. В 1990-е гг. из-под его пера вышли работы, посвященные ключевым проблемам истории России XX в. – «Октябрь семнадцатого (глядя из настоящего)» и «Погружение в бездну: Россия на исходе XX века». Издание этих, во многом дискуссионных трудов (а также недавно выпущенной фундаментальной монографии, посвященной истокам причиныны) позволяет говорить о становлении концепции И.Я. Фроянова, охватывающей периоды средневековья, нового и новейшего времени. Это, в свою очередь, делает важным определение теоретико-философских оснований его взглядов, сложившихся в последнее время.

Следует отметить, что работы И.Я. Фроянова об Октябрьской революции и перестройке, являясь реакцией ученого на кризисные процессы в обществе конца 1980 – начала 1990-х гг., несут ярко выраженную эмоциональную окраску, акцентирующую общественную позицию автора. Однако, это не исключает научного подхода автора к анализу поставленных проблем.

Затрагивая вопрос о соотношении внешнего и внут-

реннего фактора в ходе революции 1917 г., И.Я. Фроянов ссылается на идеи философа И.А.Ильина о попытках внешних сил овладеть русским народом посредством привлечения к западным ценностям терпимости, республиканского строя, федерализма и др. (5, 8) Он упоминает также о точке зрения Н.А. Бердяева на истоки революции, которые последний видит в церковном расколе XVII в., приведшем к крупнейшему социально-психологическому расколу российского общества. Углубило этот раскол правление Петра I и его потомков, явившееся той почвой, на которой выросли ростки революций XX в. (5, 9, 15).

В характеристике сущности революции 1917 г. И.Я. Фроянов развивает построения В.В. Кожина о революции, протекающей в двух плоскостях – как «революции для России (т.е. освобождения сил народа от политических и экономических пут, русской и народной революции)». Историк добавляет к ним третий элемент, имеющий антироссийскую направленность в Октябрьской революции – как «игра внешних сил, враждебных России» или «Революция против России» (5, 48, 68). Создание СССР определяется историком как своеобразная «национализация» Октябрьской революции, сугубо российский вариант общественного строя, возможный только в России, которая (здесь И.Я. Фроянов соглашается с Н.Я.-Данилевским) представляет особую славяно-русскую цивилизацию. При этом подчеркивается, что на подобный вариант общественного устройства повлияли национальные традиции русского народа, вековые традиции патерналистской функции государства в России, поиски справедливости как ментальные особенности русского народа, влияние марксистских идей и т.д. (5, 123) Соответственно, перестройка и последующие демократические реформы – второе издание Октябрьской революции в рамках ее решения как «революции против России» (5, 143).

И.Я. Фроянов также применяет некоторые положения теории Н.Я. Данилевского, касающиеся последующей роли России (СССР) в мировом сообществе: «... Сталину удалось сделать то, о чем в свое время мечтал Данилевский. Данилевский, как известно, мечтал о создании всеславянского союза во главе с Россией. Он полагал, что создание такого союза сделает Россию непобедимой. Сталин создал этот союз в своеобразной форме стран социалистического содружества. Это сразу резко изменило геополитическое положение России, СССР и сделало Россию более неуязвимой, если говорить о внешней опасности» (1, 1).

Кроме того, рассуждения ученого о значении России в евразийском пространстве дополняются некоторыми замечаниями Ф. Энгельса: «Россия действительно играет цивилизаторскую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар; ... Россия умеет русифицировать немцев и евреев» и др. (4, 589)

Нужно отметить, что в 1990-е гг. И.Я. Фроянов параллельно разрабатывает вопросы русской государственности, ставшие важным элементом в фундаменте его исторической концепции. Характеризуя монархический строй в России XV-XVI вв., ученый подкрепляет свои положения ссылками на теоретика монархической государственности Л.А.Тихомирова, историков А.Е. Преснякова, С.Ф. Платонова, а также И.Л.Солоневича. В частности, утверждает, что русская монархия была создана как верховенство национального нравственного идеала, и не только посредством нравственного влияния, но и прямым участием, т.е. поддержкой монархической формы верховного властвования (6, 930). При этом историком не исключается марксистский подход к проблемам генезиса государства, перехода от доклассового к классовому обществу и т.д. (3, 718)

Таким образом, историческая концепция И.Я. Фроянова, обретя в 1990-е гг. определенную концептуальную стройность и полноту, обогатилась и новыми теоретико-философскими основаниями. Обращение к наследию русской философии, а также творческое использование трудов Ф. Энгельса и К. Маркса, с одной стороны рельефно показывает оригинальность мысли И.Я. Фроянова и развитие его взглядов на исторический процесс России, а с другой – является показательной иллюстрацией общей историографической ситуации в стране конца XX – начала XXI в.

Список литературы

1. Интервью И.Я. Фроянова сетевому журналу «Полярная звезда». 21 декабря 2004 [Электрон. ресурс] // <http://www.mubiu.ru/ogd/istoria/17/liter/Froyanov.htm>.
2. Каким быть журналу? Доклад А.Н. Медушевского «Аналитическая история: журнал и приоритетные направления его развития» // *Отечественная история*. 2008. №5.
3. Фроянов И.Я. К истории зарождения Русского государства // *Начала русской истории. Избранное*. М., 2001.
4. Фроянов И. Я. Погружение в бездну: Россия на исходе XX века. СПб., 1999.
5. Фроянов И.Я. Октябрь семнадцатого (глядя из настоящего). СПб., 1997.
6. Фроянов И.Я. Романовы и традиционные основы русской государственности // *Начала русской истории. Избранное*. М., 2001.

А. Л. Устинов
Уральский государственный университет
им. А. М. Горького, г. Екатеринбург

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ИЗУЧЕНИИ СОЦИАЛЬНОГО АСПЕКТА ИСТОРИИ ЧАСТНОЙ МЕТАЛЛУРГИИ УРАЛА XVIII ВЕКА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

Социальный аспект исследования исторического процесса в России в период становления капитализма приобретает сегодня особую актуальность. И связано это, в первую очередь, с переходным периодом в современной российской истории. Страна, оказавшаяся в состоянии складывания буржуазно-рыночных отношений, и вследствие этого столкнувшаяся с рядом социальных проблем, характерных для стран раннего капитализма (вспомним, как по Марксу, конфликт труда и капитала), вынуждена обращаться к социальному опыту прошлого, и, в первую очередь, опыту взаимодействия различных социальных сил, представлявших разные интересы.

Одной из форм такого взаимодействия является система отношений между заводоладельцами и мастерами рабочими на уральских заводах в XVIII веке – главных островках капитализма в России, которые без преувеличения можно назвать детищем Петра Великого. Поэтому изучение проблем эволюции системы управления уральскими заводами представляется сегодня достаточно актуальным и перспективным направлением исследования.

А потому на первый план встают такие вопросы, как:

1. Социально-производственный (принцип комплектования рабочих кадров, подготовка квалифицированных кадров, система, форма оплаты труда и размер заработной платы);
2. Социальный (насколько на заводах была раз-

вита и существовала ли вообще система социальной поддержки – выплата пенсий, поддержка вдов, социальное и медицинское обслуживание, льготное обеспечение продовольствием);

3. Управленческий (деятельность и структура заводских контор, корпус приказчиков и служителей, их происхождение, оплата).

В исторической науке, безусловно, много работ по различным проблемам промышленного развития Урала в XVIII веке. В том числе много диссертаций было написано в последние годы. Так, общие проблемы промышленного развития Южного Урала накануне реформ середины XIX века, давших мощный импульс развитию капитализма в России, изучал Р. З. Мударисов (7, 49). И. А. Новиков рассматривал проблемы формирования и развития системы управления горнозаводской промышленностью Урала (9, 31). Е. А. Малышев разрабатывал тему социально-экономического развития посессионной горнозаводской промышленности (4, 19). Собственно металлургическими заводами Урала занимался из современных историков только Е. А. Курлаев (3, 18). Наконец, уральский историк А. Н. Торопов изучал хозяйство Яковлевых на Урале (11, 263), а Д. А. Редин поднял проблему взаимоотношений и взаимодействия между различными социальными силами на частных заводах Урала (10, 376).

На данном этапе исследования наша задача состоит в том, чтобы определить наиболее актуальные вопросы исследования истории частной металлургии Урала в XVIII веке на современном этапе развития отечественной исторической науки, тот круг вопросов, который стоит перед исторической наукой сегодня в изучении данной темы, делая акцент на социальном, а точнее социально-управленческом аспекте.

В последние годы (после кризиса первой половины 1990-х гг.) в исторической науке наметился новый поворот в исследовании промышленного развития Урала. Данная тема стала особо перспективной в связи с изменением общей концепции отечественной истории, отказом от классового подхода в интерпретации отдельных событий и процессов прошлого и переходом от оценки прошлого с позиции чисто формационного подхода к различным принципам исторического анализа.

Отечественные, и в первую очередь уральские историки рубежа XX – XXI вв. поднимали самые разные аспекты истории уральской промышленности XVIII века. Поднимались и проблемы источниковедческого плана. Так, Е.С. Тулисов отмечал, что «процессы обеспечения управления тесно связаны с организацией соответствующих коммуникативных схем, осуществляемых через организационно-распорядительные документы, возникающие в ходе функционирования административной системы, и сложившихся схем документооборота» (12, 83). Таким образом, архивные пласты делопроизводственных документов, собственно, и позволяют нам изучать эволюцию системы заводоуправления частным металлургическим производством, и вырабатывать определенные методологические принципы и подходы в таком изучении.

Проследившая эволюцию горного управления на Урале в XVIII веке, Н.С. Корепанов обратил внимание, что, во-первых, в 1720-е гг. в связи с учреждением Уральского горного управления темпы промышленного развития в разы возросли. Во-вторых, отмечает исследователь, сложившийся в рамках традиционных административных структур (воеводского управления и Сибирского приказа) новый орган – разновидность распорядительного автономного органа, который «с самого своего основания обладал властными полномочиями и субординативно приравнивался губернской канцелярии, а его руководитель – губернатору» (2, 203 – 204).

Исследователь также указывает на следующие особенности эволюции социального климата на промышленном Урале в XVIII веке:

1. Формирование массового слоя приписных крестьян, что знаменует появление в России уникальной категории населения, единственной, законодательно включенной в общественное производство, с очевидной к середине века трансформацией их общины из территориальной в территориально-производственную, характерной особенностью которой является не бунт, челобитье или бегство, а вхождение в законодательную структуру, прямой расчет на сотрудничество с другими сословиями и поддержку власти (что особо проявилось в Уложенной комиссии 1767 г.);

2. Появление нового типа личности, особенно в среде горных офицеров и мастеровых, осознанно работающего на государство (не воюющего или служащего, а именно работающего – интеллектуально и физически) ради должностного продвижения, что связано также с привнесением в производство элементов протестантской трудовой этики («новый человек» – не аскет, но трудолюбив) (2; 204 – 205).

Уральский историк Н. А. Миненко отмечала, что «зарождение и развитие на Урале горнозаводской промышленности сопровождалось существенными изменениями в структуре местного русского населения» (5; 28). Основным источником формирования постоянных заводских кадров она считала крестьянство (1, 23).

Е. Г. Неклюдов также отмечал (с чем трудно не согласиться), что на рубеже XVIII – XIX вв., «юридически оформив отношения собственности, установив четкий правовой статус для заводчиков и заводского населения, ... создав оперативно действующий механизм контроля, государство предоставило заводчикам право самостоятельно регулировать общественные отношения в масштабе своих владений» (8, 54). Таким образом, автор особо отмечает роль государства и в эволюции управления промышленностью Урала, и в эволюции отношений между заводчиками и заводским населением, отмечая вместе с тем, что роль государства постепенно в течение столетия снижается.

Подведем некоторые итоги. При всем многообразии методологических концепций и подходов к изучению проблем промышленного развития Урала в период вызревания капитализма практически все исследователи сходятся в одном – социально-политическая ситуация на Урале, при всем ее сходстве (кажущемся) с общероссийской, существенным образом от нее отличалась.

Первое отличие – это особая социально-классовая структура населения, не имеющая аналогов в России. Притом, что юридический статус уральского заводского населения был общим с другими регионами – крепостные – их фактическое социальное положение существенно отличалось. Прежде всего, это иной род занятий, иной общественный уклад – уклад нарождающегося пролетариата, рабочего класса (к коему даже многие приписные крестьяне оказались весьма близки). На несоответствие юридического статуса и социального положения заводского населения указывал еще современный российский историк Б. Н. Миронов (6, 367 – 368).

Второе отличие – полиэтничность. Урал – средоточие целого ряда отличных друг от друга и по социально-политическому строю, и хозяйственно-культурному укладу, и религиозным верованиям народов и этносов. Это порождало серьезные социально-этнические противоречия, которые не могли не влиять на формирование и развитие заводской промышленности и заводоуправления на Урале.

Два эти отличия, безусловно, определили особенность

складывания промышленного хозяйства на Урале, которая особо характерна оказалась для частной металлургии. И горные власти, и заводская администрация не могли не учитывать социально-этнические особенности региона.

Таким образом, видно, что спектр проблем, поднимаемых в современной исторической науке по вопросу промышленного развития Урала XVIII века, довольно широк. Существенным изменениям подверглась и методологическая база исследований. Однако даже в рамках принятой на сегодня парадигмы исследований проблем промышленного развития России и Урала периода становления капитализма, скорее, больше вопросов, чем ответов. И главный вопрос – как менялась, как развивалась система управления на частных металлургических заводах на протяжении XVIII – начала XIX в. – на наш взгляд, так и остался без ответов. А значит, на него предстоит дать ответ...

Список литературы

1. Голикова С. В., Миненко Н. А., Побережников И. В. Горнозаводские центры и аграрная среда в России: Взаимодействия и противоречия: XVIII – первая половина XIX века. – М.: Наука, 2000. 264 с.
2. Корепанов Н. С. Территориальная модель модернизации (горнозаводской Урал в 20 – 30-е гг. XVIII в.) // Уральский исторический вестник: № 5 – 6: Модернизация: Факторы, модели развития, последствия изменений / Гл. ред. В. В. Алексеев. – Екатеринбург: Академкнига, 2000. С. 203 – 208.
3. Курлаев Е. А. Металлургические заводы Урала XVII – начала XVIII вв. (организационные и технологические аспекты): Автореф. дис.... канд. ист. наук: 07.00.02. Екатеринбург: Институт истории и археологии УрО РАН, 1998. 18 с.
4. Малышев Е. А. Социально-экономическое развитие уральской горнозаводской помещионной промышленности в 1759 – 1917 гг. (по материалам Симского горного округа): Автореф. дис.... канд. ист. наук: 07.00.02. Челябинск: Изд-во ЧГУ, 1999. 19 с.
5. Миненко Н. А. Традиционная русская культура в условиях Горнозаводского Урала XVIII – XIX вв. // Уральский исторический Вестник: № 2: Культура провинциальной России / гл. ред. В. В. Алексеев. Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 1995. С. 27 – 39.
6. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII-начало XX в.в.): Генезис личности, демократической семьи и правового государства: В II т. Т. I. СПб., 2000. 550 с.
7. Мударисов Р. З. Промышленность Южного Урала в первой половине XIX века (1801 – 1861 гг.): Автореф. дис.... докт. ист. наук: 07.00.02. Уфа, 2003. 49 с.
8. Неклюдов Е. Г. Государство, заводчики и горнозаводское население Урала в XIII – первой половине XIX вв. // Власть и общество (Проблемы всеобщей и отечественной истории): Сб. науч. статей преподавателей кафедр всеобщей и отечественной истории исторического факультета НТГПИ / отв. ред. В. М. Кириллов. Нижний Тагил: Изд-во НТГПИ, 1996. С. 45 – 55.
9. Новиков И. А. История формирования и развития системы управления горнозаводской промышленностью Урала в XVIII – первой половине XIX века: Автореф. дис.... канд. ист. наук: 07.00.02. Курган: Изд-во КГУ, 1999. 31 с.
10. Редин Д. А. Власть, заводовладельцы, рабочие: Проблема взаимоотношений во второй половине XVIII века (на примере Уральской частной металлургии): Дис.... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1995. 376 с.
11. Торопов А. Н. Заводское хозяйство Яковлевых на Урале во второй половине XVIII – начале XIX вв.: Дис.... канд. ист. наук: 07.00.02. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2004. 263 с.
12. Тулисов Е. С. Архивные источники по истории Уральского горного управления и организации делопроизводства горнозаводской администрации (конец XVIII – начало XIX вв.) // Уральский исторический Вестник: № 9: Проблемы экономической истории России: Региональное измерение / Гл. ред. В. В. Алексеев. Екатеринбург: Академкнига, 2003. С. 83 – 90.

*В.А. Федоров,
г. Курган*

РУССКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР

В современном обществоведении стало практически общепризнанным утверждение, что каждая нация (как и вообще любой этнос) имеет свой характер. Национальный характер можно определить как совокупность устойчивых психологических черт представителей той или иной нации, задающих основные особенности восприятия ею окружающего мира и форм реакции на него. Национальный характер является одним из важнейших компонентов нации, частью её культуры, её души; в нём переплетаются элементы психологии и идеологии – национальной, классовой, социально-групповой. В основе характера нации лежит, прежде всего, характер её трудового народа. Национальный характер историчен, в нём в концентрированном виде запечатлён опыт исторического развития нации, способы её самосохранения. Каждая нация, имея свою историю, соответственно имеет и свой характер, своё специфическое понимание и проявление, например, добра, долга, чести, совести, стыда и т.п. В свою очередь национальный характер оказывает обратное воздействие на все стороны жизни нации, её историю. Если, как говорится, судьба – это характер, то можно сказать, что и каждая нация, имея свой характер, имеет и свою судьбу, свою историю.

Считается, что особенности национального характера тех или иных конкретных наций относительно. Они выражаются не столько в каких-то неповторимых его чертах, сколько в своеобразном их наборе, сочетании, степени выраженности, формах, оттенках, стиле их проявления. Так, трудолюбие присуще, пожалуй, всем нациям, но трудолюбие японцев – это кропотливость, терпеливость, ловкость, прилежание, упорство; немцев – это аккуратность, основательность, пунктуальность, точность, дисциплинированность; американцев – это размах, напористость, деловой азарт, склонность к риску, инициативность, рационализм (1,136). То есть представители каждой нации – хорошие работники по-своему: в своем деле, в своих видах труда, в своих условиях работы и т.д. Полагают также, что общие черты национальных характеров народов в целом преобладают над их особенностями, различия в них зачастую меньше, чем эти же различия внутри нации – между классами, социальными слоями, профессиональными группами. К тому же, у каждого человека присутствует и национально, и социально, и лично особенное. И порой не каждый человек той или иной национальности может считаться обладателем её типичного национального характера.

У представителей каждой нации складывается свой образ относительно собственного национального характера, хотя многие черты его они как бы не замечают, считая их само собой разумеющимися. Но их замечают представители других наций, формирующие свой образ относительно их характеров. При этом, тот и другой образы являются стереотипными, лишь частично похожими на оригинал. Во многом они складываются под влиянием приводящих факторов, отчего к ним не следует подходить однозначно. Национальный характер лучше виден в групповых действиях, особенно межэтнических: однажды накануне старта российской ракеты с американским спутником, американцы, строго охраняя свои секреты, провели разделительную черту, по одну сторону которой российские специалисты готовили свою ракету, а по другую – они свой спутник; но вот из одного из блоков неожиданно начал вытекать жидкий кислород, и американцы, побросав все свои секреты, разбежались, вернувшись

лишь тогда, когда российские специалисты исправили неполадку (2).

Всякий национальный характер противоречив, как и история нации, под влиянием которой он складывается. У каждого народа выделяют свои положительные (сильные) и отрицательные (слабые) черты характера, его достоинства и недостатки. Проявление тех и других сторон национального характера зависит от конкретных условий: в определённых обстоятельствах одни и те же стороны его выступают то как положительные, то как отрицательные; то в помощь, то во вред. Национальный характер не наследуется генетически, а приобретается индивидом в процессе его социализации в данной национальной среде. Он, как и другие культурные особенности нации, обладает значительной устойчивостью и меняется лишь под влиянием меняющихся условий её жизнедеятельности, как правило, постепенно и с некоторым запаздыванием. Национальный характер – важный общественный ресурс. Исходя из этого, определённые общественные силы те или иные черты его стараются или использовать непосредственно, или изменять их ради осуществления своих целей. И хотя делать это трудно, но возможно, особенно в современную эпоху при быстро меняющихся условиях жизнедеятельности людей и наличии мощных средств воздействия на отдельные личности, социальные группы и целые нации.

На формирование русского национального характера, русской души влияние оказали следующие основные факторы: 1) суровость и ненадёжность природы, её климата, большие лесные массивы, рискованность земледелия, скудость плодородия земли, природное однообразие и т.п.; 2) преимущественно аграрный характер страны, трудоёмкий подсечно-огневой характер земледелия, постоянная напряжённость сельскохозяйственных работ, борьба с негативными природными стихиями; 3) расположение России между Востоком и Западом с их особым влиянием на русскую культуру; частые оборонительные войны в неблагоприятных условиях равнины, открытой для нашествий со всех сторон; огромность территории с её большими расстояниями, практическим отсутствием границ и пределов; сравнительно редкое население; 4) полиэтничность, совместная жизнь на одной территории со многими народами; 5) авторитарный характер власти; крепостничество; бесправие народа; изъятие значительной части продуктов труда у работника государством, церковью, помещиком, общиной; резкий, непримиримый раскол общества на верхи и низы, элиту и народ; частые внутренние смуты; 6) особенности исповедуемой религии в форме православия, декларировавшего приоритет духовного над материальным, спасение в труде, соборность и т.п.; 7) преимущественно крестьянское население страны, в котором, собственно, и находятся истоки русского характера, русского духа.

Необходимость постоянной мобилизации ресурсов для развития страны в неблагоприятных природных условиях, освоения её огромной территории, поддержания мира в социально и этнически разнородной среде, защиты от внешней опасности способствовала становлению сильного централизованного русского государства с его исключительно активной ролью в жизни страны, общества. Отсюда привычка представителей русской нации жить в таком государстве, смотреть на него как на главный источник организации их жизни и порядка, подателя благ и справедливости, воспринимать его действия как общенародное дело, а себя ощущать частью государства и полностью отдавать себя ему. В результате у русских сформировались такие черты характера, отмечаемые авторами, как патернализм, доверие к власти, принятие государственного бремени как чего-то неизбежного и необ-

ходимо; убежденность в необходимости власти служить общему делу, общему благу, частое наделение её носителем харизматическими чертами; безусловное, активное и безграничное служение государству, Отечеству, власти, общему делу до самоотречения, самоотвержения; подчинение власти, а не закону; доминирование государственного и общественного интереса над личным, высокая гражданская ответственность, высокое чувство долга, верноподданничество, патриотизм до обостренного национального сознания и национальной гордости; стремление к подвигу, подвижничеству во имя Родины, общества, людей, общего дела; отвага в защите Отечества, героизм до массового, храбрость без картинности; миролюбие. Отсюда также: способность к сверхнапряжению сил для решения общих задач, неприязнительность к условиям жизни, неприхотливость, разумный аскетизм, быстрое привыкание к уровню требований со стороны окружающих, относительно легкий переезд в другие края, перенесение разлуки с родными, близкими, альтруизм, жертвенность до самопожертвования, отсутствие претензий на особую благодарность за выполнение долга («любой на моём месте поступил точно так же»), сдержанность в проявлении эмоций, терпеливость, медлительность, «осторожность в обращении с судьбой» (Л. Леонов), жизнестойкость, выносливость, мужество в преодолении невзгод («ничего, переживём»). В отношении последнего рассказывают, как немецкий кайзер Вильгельм, путешествуя по России, угодил в безнадежный снежный буран, а возница повторял одно и то же непонятное русское слово «ничего», и они, в конце концов, благополучно добрались до станции, и после, когда кайзеру докладывали о какой-либо трудной, безнадежной ситуации, он произносил по-русски «ничего!», видимо, предполагая в этом слове магический выход из безвыходного положения (3, 498). В этом же ряду черт русского национального характера находятся: неуважение к тем, кто уходит от выполнения общих обязанностей, презрение к предателям, сутяжничеству, властолюбию, ненависть к насилию.

В суровых природных и социальных условиях русский крестьянин искал и находил защиту у общины, сознательно отказываясь при этом от части своей самостоятельности, индивидуальности в пользу коллектива. Благодаря этому у русских сформировались такие черты национального характера, как коллективизм, товарищество, взаимопомощь, демократизм, свободолюбие до вольнолюбия, свободомыслие, свобода духа, широта души, человечность, милосердие, «милость к падшим» (А. Пушкин), справедливость, ответственность, альтруизм, вера в добро, чувство защищённости коллективом, уверенность в завтрашнем дне, оптимизм, самоуважение, самкритичность, порядочность, честность, скромность до застенчивости, совестливость до стыдливости, отсутствие желаний и умения показать себя, быть на виду. В общении с другими отмечается потребность в близких, неформальных отношениях и понимании с их стороны, дружелюбие, простота, уважительность, доброжелательность, общительность, искренность, мягкость, сердечность, душевность, открытость до исповедальности, радушие, участливость, готовность прийти на помощь, отзывчивость, готовность понять и принять, терпимость к снисходительности к слабостям других, чуткость к чужим душевным состояниям, сострадательность, великодушие, уступчивость, покладистость, доверчивость, надёжность в дружеских и соседских отношениях, почитание родственных связей, уважение старших, уживчивость. В то же время характерно неприятие кичливости, спесивости, чванства, позёрства, показухи, злопамятства, мстительности, ябедничества, гордыни.

На особенности русского национального характера влияли и особенности труда русского крестьянина: суровость его природно-климатических условий, их ритмики; постоянная напряжённость сельскохозяйственных работ, страды (страдания); необходимость значительных трудовых затрат; аритмия труда, смена в нём периодов напряжённости и относительной разрядки; необходимость обладать и постоянно использовать большое количество навыков; надежда на милость природы, на урожай, на «что Бог подаст»; влияние крепостничества. Это способствовало формированию отношения к труду как нравственному деянию, форме подвижничества, спасения, мерилу богоугодности человека: труд должен быть праведным, справедливым, обязательным и равным для всех (равенство в труде); важен смысл труда – для кого и для чего; в труде важен не столько результат, сколько сам процесс; труд в коллективе должен распределяться по возможностям – способностям, состоянию здоровья и т.д., быть добросовестным, от души, не за плату или страх, а за совесть. В самом труде у русских отмечается проявление таких черт, как осмотрительность, выжидательность, несуетливость, трудолюбие до культа труда, тяга к покорению пространств, навыки упорного, напряжённого труда, особенно в экстремальных ситуациях, полная самоотдача в труде для высокой цели – на Родину, на коллектив, ради собственной души, ради «надо», трудовой героизм, взаимопомощь, старательность, профессиональная ответственность, предприимчивость, изобретательность, творчество. В то же время проявляется неуважение к лодырям, неумехам, неприятие тунеядства, паразитизма, лени.

Ведение сельского хозяйства в зоне рискованного земледелия с его низкими доходами, значительной частью которых, к тому же, приходилось делиться с государством, церковью, помещиком, общиной, не способствовало складыванию у них частнособственнической психологии. Они полагали, что деньги, собственность, богатство не угодны Богу, деформируют личность человека, убивают его духовную свободу, что материальное ниже духовного, что земля – Божья, общинная, общая, она не может быть ничьей собственностью, а право на пользование ею имеет только тот, кто её обрабатывает и, что собственность вообще должна быть праведной, справедливой, трудовой («каждому по труду»). Отсюда берут начало такие черты характера русских, как чувство меры в заработке, накоплениях, потреблении («человеку необходим достаток, а не богатство»); бескорыстие, неприязнительность, принятие имеющегося («жить как все»); отсутствие как неуместного желания, так и сноровки к обогащению; готовность прийти на помощь нуждающимся, поделиться с ними последним, гостеприимство, хлебосольство, щедрость, а также осуждение культа денег, богатства («в деньгах и богатстве – неправда»); отрицание абсолютного, «священного» характера частной собственности, тем более приобретённой на халяву; неприятие стяжательства, скопидомства, потребительства, завистливости, покушения на чужую собственность; жалость и презрение к тем, кто сосредоточен на земных благах.

Совместная жизнь с другими народами в границах одного государства, общинность и т.п. породили у русских черты характера, которые, несмотря на жестокие испытания частых войн и конфликтов, несут в себе добрые начала в отношении представителей других наций. Среди них многие авторы отмечают: любознательность и равнодушие к другим народам; открытость им; отношение к ним как равным себе; ощущение всечеловечности, всеединства, человеческого родства с другими народами; всемирная отзывчивость и мессианство; уважительное, терпимое отношение к иным социокультурным цен-

ностям, отсутствие склонности к их подавлению; восприимчивость к достижениям других; «умение понимать и принимать другие народы» (Ф.М.Достоевский), жить с ними; способность интегрироваться в жизнь других народов, относительно лёгкое смешивание с ними; дружелюбие, доброжелательность, интернационализм, готовность прийти на помощь, готовность к самопожертвованию ради других; надёжность в отношениях; отсутствие национальной заносчивости; отторжение национализма, который «у нас всегда производит впечатление чего-то нерусского, наносного, какой-то неметчины» (Н.А.Бердяев).

В русском национальном характере четко видна ориентация на духовные ценности, социально-нравственные идеалы, мечта о них и вера в них, что отражало осознанное и неосознанное стремление народа хоть как-то вырваться за пределы тяжёлой и порочной обыденности, вынести её. В определённом смысле эту народную «мечту страданья пробудили» (К. Бальмонт). Русские любят ставить вопросы о Боге, вечной жизни, смысле жизни, зле и добре, красоте, осуществлении царства Божьего на земле; верят в лучшее в человеке, в некий жизненный идеал, в уникальность своей исторической миссии, абсолютное добро, истину, в справедливость, что духовно-нравственное выше материального; выражают стремление к некоему абсолютному добру, духовному и нравственному совершенству, поиску чего-то за пределами себя, некоего земного рая, социальной и нравственной правды, вообще понять непонятное и объять необъятное; выделяют в человеке ценности ума, даровитости, духовности, правдивости; проявляют большой интерес к окружающему миру, богатое воображение, склонность к размышлениям, мечтательность, романтичность, страстность, свободу духа, «бытовую свободу» (Н.А.Бердяев), а также чувство некоего греха, вины перед собой, миром и т.д.

Русскому национальному характеру, как и всякому другому, свойственны противоречивость, неровность, слабость некоторых его сторон. В значительной мере они являются отражением его положительных качеств, когда те перерастают меру. Среди них называют: доверие к власти до неумеренного верноподданничества и идолопоклонства; ожидание от власти общего блага до упования на «чудо» с её стороны; терпение в преодолении трудностей до смирения с ними; осмотрительность, осторожность до неоправданной выжидательности, нерешительности, упования на «авось», на «всё образуется само собой» («утро вечера мудренее»); широта характера, доходящая до удали, бесшабашности, безалаберности; здоровое чувство риска до рисковости, склонности пытаться счастье на удачу («была не была»); страстность до максимализма; скромность до излишней застенчивости; бесхитрость до наивности; открытость до излишней исповедальности и болтливости; доверие до доверчивости; щедрость до расточительства; вера в благо, добро до благодушия; романтизация отдельных сторон жизни до абсолютизации их и последующих разочарований; самокритичность до самоуменьшения – личного, национального, государственного; снисходительность, терпимость к слабостям в представителях других наций до потворства им; уважение к национально чужому до его идеализации, преклонения перед ним, «чужебесия» (Ю.Крижанич); интернациональность до «сверхнациональности» (Н.А.Бердяев), т.е. по сути космополитизма. По поводу последнего в записях Ф.М.Достоевского есть такое место: русско-турецкая война 1877-1878 гг., по нашим улицам ведут пленных турецких солдат; на балконах наши светские дамы приветствуют их восторженными возгласами, забрасывают цветами; а в это время наших пленных солдат в Турции на кол сажают... (4). Среди других

противоречий характера русских отмечают такие, как: послушание власти при неуважении её; покорность власти при стремлении избавиться от неё; беспрекословное подчинение власти и презрение к властолюбию; ненависть к насилию и смирение перед ним; безграничная свобода духа и безграничное терпение; «раскачка» и «аврал» в делах («долго запрягают, но быстро ездят»); подозрительность к западному и пренебрежительное отношение к отечественному; патриотизм и национальный нигилизм и т.д. Многие авторы среди слабостей русского национального характера называют также: отношение к власти, закону как к чему-то навязанному, властный и правовой нигилизм; недостаточная самостоятельность, низкая степень самоорганизации; недостаточное осмысление избранных целей и путей их достижения, неадекватность; стихийность, спонтанность, действие «наобум»; замедленная реакция на жизненные явления, прерывающаяся затем не всегда адекватными ситуациями действиями; недостаточное стремление и умение выгодно проявить и реализовать свои способности, развить достигнутое, использовать победы, доводить начатое до конца; склонность при неудачах (особенно при отсутствии высокой цели, мечты) опускаться, «опускать руки»; некоторая размытость национального самосознания, относительно легкая ассимиляция среди других народов в отрыве от русского окружения. И далее: неровность в труде, привычка работать «на рывок», авральные ритмы деятельности, непрактичность, несобранность, недостаточная хозяйственность, небрежность в делах, поверхностное отношение к ним, иждивенчество, пассивность, инертность, инфантильность, прожектёрство, беспечность, частая неуверенность в себе.

В целом русский народный характер, несмотря на многие его противоречия и слабости, отвечал условиям жизнедеятельности народа. Он был коллективистским, духовным, не буржуазным. «Душа России – не буржуазная душа» (Н.А.Бердяев). Именно по этой причине в конце XIX- начале XX в. он подвергся серьезным испытаниям в связи с капитализацией России, становлением в ней буржуазного общества. Лишь в жестокой борьбе русскому народу удалось в основном отстоять самобытный путь своего развития и свой национальный характер. Пришедший на смену капитализма социализм нашёл в России реальную почву благодаря соответствию его многих глубинных качеств культурно-историческому типу русского народа, в т.ч. и природе его национального характера. Благодаря этому, ценности советского характера органически включали в себя лучшие ценности русского характера, основывались на них, обогащали их. Расширились его экономические, социальные и культурные основания. Если прежде русский национальный характер опирался в основном на крестьянскую общину, то советский характер формировался, поддерживался и развивался всей советской системой. Смыслом советской жизни были: коллективизм, товарищество, приоритет общественных интересов, равенство, свобода, обязательность труда, распределение по труду, истинный деятельный гуманизм, приоритет духовности, правда, патриотизм, интернационализм и т.п. Поэтому неотъемлемой частью жизни людей стали уверенность в завтрашнем дне, оптимизм, чувство безопасности, свобода от заботы о хлебе насущном, ощущение себя равными с другими, сознание прочности своих достижений, обретение высокого смысла жизни, целей и идеалов, чувство хозяина предприятия, страны, чувство собственного достоинства, стремление быть полезным людям, стране, жажда познания, творчества, дух подвижничества, свободная и сознательная дисциплина и т.д. Советские люди были несравненно здоровее душой людей буржуазного обще-

ства. В то же время, в связи с урбанизацией и глобализацией в мире, изменением типа жизни людей, сближением и унификацией народов, идейно-психологической войной общественно-экономических систем и цивилизаций, а также относительно спокойной, безмятежной, тепличной и излишне заорганизованной жизнью советских людей последних десятилетий происходило некоторое размывание лучших и актуализация слабых черт их характера. В них все более давали о себе знать также индивидуализм, частнособственническая психология, ослабление веры в советское начало и т.п. В итоге советский строй был свергнут и в силу некоторых сторон народного (русского) характера: излишнего доверия к власти, иждивенчества по отношению к ней; недостаточной самостоятельности и способности к самоорганизации, инфантильности; неготовности к идеологическим внушениям, манипуляциям, отсутствия иммунитета к ним; политической наивности, благодушия до безответственности; притупления чувства опасности, уверенности в незыблемости настоящей жизни и дальнейших её успехах; отказа чувства меры в осуждении своего, советского, и принятии чужого, буржуазного; недостаточной воли к сопротивлению и т.д.

В нынешней России (РФ) вновь, как и сто лет назад, началось утверждение капитализма. И вновь русский национальный характер в силу своей антибуржуазности оказался ему поперёк дороги. Поэтому делается всё возможное, чтобы изменить его, сделать приемлемым для новой системы. С этой целью применяются новейшие технологии, в т.ч. и самые грязные. Так, негодное русское зачастую разрушается под видом отвергаемого советского. Например, русских пытаются подать в образе некоего «совка» - немудрящего и неуклюжего человека, не умеющего жить в современном мире. Этим и другими способами подавляются «неправильные» стороны русского характера: отвергаются его коллективизм, общинность; извращаются и подвергаются ополнению содержащиеся в нём идеи социального равенства, социальной справедливости, патриотизма; явно или неявно подвергаются осмеянию и издевательству чувства долга, чести, совести, стыда; приписываются русским (советским) всевозможные грехи – национализма, шовинизма, ксенофобии, фашизма, деспотизма, тоталитаризма; навязывается определённое понимание и проявление свободы, независимости, инициативности и т.д. и т.п. В то же время, даётся простор для формирования и раскрытия «правильных» качеств характера, например, низменных чувств людей, а всякое естественное стремление их сохранить свою самобытность воспринимается агрессивно.

В результате такого воздействия русский национальный характер заметно эволюционирует в сторону приспособления к реалиям нашей рыночной, буржуазной жизни; в людях все больше становится качеств, прежде чуждых им. В отношении к государству, власти - это гражданское равнодушие, аполитичность, смирение до холопства, продажность, предательство, властолюбие, правовой нигилизм, сутяжничество; в отношении к труду – делячество, расчётливость, честолюбие, карьеризм, неразборчивость в средствах достижения поставленных целей, презрение к «низменному» труду; в отношении к собственности – культ денег, богатства, материального преуспеяния, наживы, корыстолюбие, алчность, хищничество, ловкость в обогащении, желание разбогатеть на халяву, зависть, потребительство; в отношениях к людям - душевная холодность, «толерантность» (терпимость без доброжелательности), чёрствость, равнодушие, хитрость, лицемерие, грубость, агрессивность, жестокость; в отношении представителей других национальностей – национализм, ксенофобия, русофобия, космополитизм, пресмыкательство перед Западом, комплекс неполноцен-

ности («у нас и в нас все хуже»); в характеристиках индивидов – индивидуализм, эгоизм, себялюбие, аморализм, пошлость, цинизм, расчётливость, равнодушие к судьбе других людей («никто никому ничего не должен»), пессимизм, чувство одиночества, закрытость, обособленность, сосредоточенность на личных проблемах, заземлённость жизненных целей, настроенность на личное благополучие («съел – и порядок!»), меркантилизм, культ насилия. Меняются представления о добре, справедливости, чести, совести, человеческом достоинстве и т.п. Происходит обесмысливание национальной жизни, ослабление инстинкта национального самосохранения. Некоторые социологические исследования, например, показывают, что каждый пятый «россиянин» не придает значения своей национальной принадлежности, как бы считая себя «гражданином мира», 14% хотели бы жить в других странах (в основном это молодые люди, отдающие предпочтение Западу) (5, 118). Таким образом, мы являемся свидетелями (а кое-кто и участниками) обуржуазивания русского национального характера. В то же время, по тем негативным процессам, которые идут в современной России, можно сделать вывод о том, что буржуазный дух не соответствует русскому духу, русскому характеру. Поэтому, только опираясь на свои традиционные, не буржуазные, ценности, на положительные качества русского национального характера, который пока ещё изменился не принципиально, мы должны остановить негативные явления, мешающие развитию страны.

Список литературы

1. Крысько В.Г. *Этнопсихология и межнациональные отношения*. М.: Экзамен, 2002.
2. *Завтра*. 2005. №1.
3. Чуев Ф.И. *Солдаты империи*. М.: Ковчег, 1998.
4. *Советская Россия*. 2006. 27 апреля.
5. Кукушин В.С., Столяренко Л.Д. *Этнопедagogика и этнопсихология*. Ростов-на-Дону: Феникс, 2000.

О.А. Филиппова

Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, г. Нижний Тагил

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ XX ВЕКА: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Военная проблематика на протяжении второй половины XX века и по настоящее время остается одной из самых исследуемых и актуальных для отечественных историков. В условиях современности не ослабевает потребность в рассмотрении моделей организации общества в кризисные периоды. Российская история XX века – яркий пример социальных, экономических, идеологических, культурных «перестроек», периодов высочайшего напряжения и концентрации человеческих сил в условиях общегосударственной опасности, к которым, вне всякого сомнения, можно отнести войны XX столетия.

Внимание к военной проблематике само по себе является достаточно интересным вопросом. В XX веке в политическом и общественном сознании утвердилась концепция государства-крепости, окруженного врагами. Милитаризация государственной и частной жизни рельефно проявилась в диспропорциональном развитии экономической сферы, привела к перераспределению общественных обязанностей мужчин и женщин, сделала советское общество замкнутым.

Целью автора стала экспертиза статуса темы Великой Отечественной войны на фоне военной истории XX века.

Задачами для автора выступили определение наиболее изученных сюжетов, прогнозирование исследовательских приоритетов, выделение региональной специфики.

В настоящее время одной из наиболее интересных и наименее изученных в историографическом плане групп источников являются кандидатские и докторские диссертации. Особенностью данных работ является всестороннее, комплексное освещение вопросов методологии, источниковедения, методики исторического исследования, глубокая проработка фактологии. Источником послужили «Летописи авторефератов диссертаций» с 1990 по 2008 г. Географические рамки выделенных нами исследований – территория бывшего СССР.

Необходимо отметить, что период с 1990 года выделен нами условно. В современной историографии проблема периодизации остается одним из приоритетных исследовательских направлений. В частности, в рамках рассматриваемой нами историографии Великой Отечественной войны отсутствует единая концепция периодизации.

Нами были выделены 342 диссертации на соискание ученой степени кандидата и доктора исторических наук по специальностям отечественная история, историография и источниковедение. При выявлении работ нами не было введено ограничений, касающихся территориальных рамок. При определении хронологических рамок мы руководствовались отбором работ, посвященных именно военному времени, послевоенный период нами специально рассмотрен не был.

Первоначальный количественный анализ дает представление о приоритетах в военной истории, так, проблематике русско-японской войны посвящены 4 работы (1,169%); Первой мировой войне – 42 (12,28%); гражданской войне – 51 (14,91%); советско-финской – 1 (0,29%); Великой Отечественной войне – 241 (70,47%); афганской – 1 (0,29%); кавказской – 2 (0,58%).

Очевидно, что среди выделенных работ абсолютно доминирует тема Великой Отечественной войны. Данное явление находит стройное объяснение при обращении к хроникам постсоветской России.

Россия двух последних десятилетий – сложная саморазвивающаяся система, отвечающая всем признакам переходного состояния. На этом фоне одним из основных вопросов для страны на протяжении более чем 10 лет остается необходимость поиска национальной идеи. Отсутствие четко заданной системы координат породило поиск положительного идеала в прошлом. В конце 90-х гг. победа, одержанная народом в Великой Отечественной войне, прочно вошла в круг исторических приоритетов, заняла в сознании общества место среди событий, которые вызывают чувство гордости за Россию. На протяжении последних 20 лет обращение к теме Великой Отечественной войны было актуализировано не только поиском научной истины, но и пристальным вниманием общественности и властных структур к раскрытию и позиционированию в русле патриотизма уроков военной истории.

Одной из поставленных нами задач является анализ территориальных рамок диссертационных исследований. Количественный анализ в данной области позволил выявить ряд особенностей, требующих детального изучения. Наибольшая часть выделенных нами работ посвящена изучению локальных тем, раскрываемых в рамках небольшой в масштабах страны, выделенной автором территории.

Доля региональных исследований в рамках заявленных тематик следующая: русско-японская война – 3 (75%); Первая мировая война – 23 (56,1%); гражданская война – 38 (73,1%); советско-финская – 1 (100%); Великая Отечественная война – 160 (65,04%); афганская – 0; кавказ-

ская – 1 (50%).

Анализируя территориальные рамки исследований, необходимо отметить все нарастающий интерес к узким темам, раскрываемым на примере конкретного региона. Современная Россия декларировала и законодательно закрепила идею культурного, политического, экономического разнообразия субъектов Российской Федерации, что, безусловно, положительным образом отразилось на развитии региональных исторических школ.

Общей тенденцией постсоветской историографии является безусловное доминирование работ, посвященных региональной проблематике. Для советской историографии было характерно преобладание работ общесоюзного масштаба, что продиктовано идеей безусловного единства территории Советского Союза.

Отвечая на вопрос о последствиях переориентации исследовательских интересов на микроуровень истории, мы не можем дать однозначного ответа о пользе либо вреде данной ситуации для исторической науки в целом. С одной стороны, для исследователя становится возможным обращение к локальным темам, значение которых было недостаточно значимым для советских историков. Но, в то же время, исследования, посвященные узким темам, не всегда представляют репрезентативные выводы, не решают значимых задач исторической науки, носят поверхностный, описательный характер.

Обращает на себя внимание достаточно низкая активность в исследовании военной истории бывших советских республик. Объясняется данный факт распадом Советского Союза, формированием национальных исследовательских школ в ныне соседних государствах, и, как следствие, приоритетном исследовании отечественными историками регионов России. Данное обстоятельство в значительной степени сужает возможности исследователей по всестороннему изучению сюжетов военной истории.

Еще одной задачей, решаемой в рамках данного исследования, стал анализ тематик исследований по военной истории.

Количественные показатели демонстрируют приоритет следующих исследовательских направлений: социальная история – 85 работ (24,9%); экономическая история – 65 (19%); история военных действий – 31 (9%); история государственных учреждений – 29 (8,5%); политическая история – 29 (8,5%); история культуры – 20 (5,8%); от общего количества работ.

Приоритет направления социальной истории оправдывает себя при анализе работ, посвященных изучению выделенных нами военных конфликтов (исключение составляют советско-финская, афганская и кавказская войны, количество работ по которым сравнительно невелико). Удельный вес данных работ составляет: 50 % от числа исследований, посвященных русско-японской войне; 28,6 % от исследований по Первой мировой войне; 32,3 % - по гражданской войне; 21,6 % - по Великой Отечественной войне. Анализируя акцентуацию исследовательского интереса к данным темам, мы наблюдаем тенденции, присущие современной исторической науке в целом. Так наиболее востребованным является направление социальной истории. С начала 90-х годов ярко выражена тенденция к гуманизации исторического знания, интерпретация исторических событий сквозь призму «человеческого измерения».

Авторами были раскрыты различные аспекты военной социальной истории: общественное сознание и патриотизм, участие женщин, молодежи, детство, история быта и повседневности, проблема человека в условиях войны, проблемам различных социальных слоев: казачества, крестьянства, городского населения.

Следует отметить, что указанные более узкие темы раскрываются в одинаковой степени далеко не для истории каждой из выделенных нами войн.

Так, достаточно интересные аспекты участия молодежи, проблемы детства на уровне диссертационных исследований специально не изучались применительно к истории Первой мировой и гражданской войн.

История экономики также является достаточно востребованной. Тематика диссертационных исследований, направленная на изучение экономической структуры общества и модели организации экономической и социальной сферы в кризисные периоды, в настоящее время объективно актуализировалась. Системный кризис капиталистической системы, который сейчас переживают страны мира, заставляет искать пути решения, обращаться к имеющемуся опыту. Современная российская экономика за последние два десятилетия не смогла решить насущных проблем, сложность протекания подобных процессов в нашем государстве усиливается тем, что Россия активно включена в глобальную систему распределения промышленных, энергетических и информационных ресурсов на мировом рынке.

Удельный вес работ данного направления в истории войн XX века достаточно велик: Первая мировая война – 29,3 %; Великая Отечественная война – 21,6 %.

Мы выделили ряд более узких тем, вошедших в данное исследовательское направление: промышленность, сельское хозяйство, мобилизация материальных ресурсов, экономическая политика.

Отметим относительную неразработанность экономической тематики в рамках истории гражданской войны – 7,7 %. Изученность данной темы в советский период, хотя и дает богатый фактический материал, тем не менее, не лишена пристрастности. Период гражданской войны является примером затяжного кризисного состояния в хозяйственной сфере. Изучение опыта выхода из упадка и моделей улучшения экономического климата является одним из направлений, не потерявших свою актуальность.

Анализ разработанности направления истории экономики показывает неравномерность проработанности более узких тем. Так, большинство работ посвящено изучению экономики в целом. Традиционное доминирование в экономической сфере тяжелой промышленности предопределило акцентуацию исследовательского интереса именно к данной отрасли. Небольшое внимание уделяется вопросам химической, деревообрабатывающей, легкой промышленности.

Отмеченная тенденция также актуальна для экономической истории Урала. В рамках экономической истории уральского региона защищен ряд кандидатских и докторских диссертаций, раскрывающих следующие вопросы: аграрная история, развитие промышленности, строительства.

В начале 90-х годов в обстановке демократизации политической сферы и гласности наиболее актуальными стали те проблемы, которые замалчивались ранее. К кругу таких сюжетов можно отнести историю военных действий.

Доля данных работ является достаточно весомой – 9%. Историками были отмечены следующие направления: ход военных операций, проблемы армии, история воздушного и военно-морского флота.

Сейчас как никогда актуальным стал вопрос цены победы. В данной области отечественная история видела множество спекуляций. Этим объясняется достаточно пристальное внимание к военной истории среди историков Великой Отечественной войны.

В течение последнего десятилетия в стране полным ходом идет административная реформа. Одним из ее

направлений является оптимизация численности управленческого аппарата, реформирование ныне существующих структур, создание новых. В этом ключе все большее значение приобретает изучение опыта предшествующих поколений.

Нами было выявлено, что история государственных учреждений и органов власти является одним из основных исследовательских направлений. С начала 90-х годов мы наблюдаем активное развитие политической сферы. В современной России не изжиты стереотипы политической культуры имперского и советского периодов. В настоящее время, учитывая необходимость построения демократических институтов и возможность исследователей работать вне идеологического давления, политическая тематика открыта для активной разработки.

Военными историкам затронуты различные аспекты политической истории: взаимоотношения власти и общества, противоборство и деятельность политических партий. Наибольшее развитие данные тематики получили в исследовании истории гражданской войны – 32,7 % от общего количества работ. Политическая история других войн недостаточно изучена.

Отметим необходимость дальнейшей разработки вопросов культуры военного периода. Выделим следующие направления: культурная жизнь, Русская Православная церковь, роль художественной интеллигенции. Каждая из данных тем нашла отражение в диссертационных исследованиях, но и в настоящее время существует проблема дальнейшей разработки региональной проблематики военной культуры.

Военная история XX века по-прежнему открывает для исследователей новые горизонты. В начале 90-х годов были впервые затронуты такие проблемы как советский коллаборационизм, Российская освободительная армия, другие военные формирования, воевавшие на стороне противника. Однако их изучение только начато, и главный вопрос - в какой степени эти движения можно рассматривать в качестве сознательных борцов со сталинским режимом - не имеет пока ответа.

Долго замалчивались факты ликвидации национальных автономий и переселения в восточные районы интернированных народов, масштаб репрессий, эвакуации, направления национальной политики государства и т.д.

Важным достижением современной России является постепенная ломка стереотипов в системе «свой – чужой». Современные политологи активно дискутируют на тему необходимости построения пятой империи или отказа от претензий на геополитическое господство. Надеемся, что опыт исследования величайших военных противостояний XX столетия поможет расставить правильные акценты.

З.Ф. Хасанова

*Институт этнологических исследований
Уфимский научный центр РАН, г. Уфа*

ИЗУЧЕНИЕ РУССКО-БАШКИРСКОГО МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ЮЖНОГО УРАЛА В ТРУДАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Республика Башкортостан на сегодняшний день является одним из самых многонациональных регионов Российской Федерации. Последняя перепись 2002 г. показала, что первое и второе место по численности насе-

ления занимают представители русского и башкирского этносов. История их культурного и хозяйственного взаимодействия насчитывает свыше 450 лет. Несмотря на различие этнического происхождения, разную конфессиональную и языковую принадлежность, они на протяжении длительного периода совместного проживания на одной территории смогли выработать механизмы этнокультурного сосуществования.

Однако на сегодняшний день проблема взаимодействия русско-башкирского населения изучена недостаточно полно. Первые сведения о южных башкирах и ранних русских переселенцах встречаются в отечественной историографии с XVIII в. (В.Н. Татищев, П.И. Рычков, П.С. Паллас, И.И. Лепехин и др.) (23; 20; 17; 11). Отдельные сведения можно почерпнуть у исследователей XIX в. – В.М. Черемшанского, Д.П. Никольского и др. (24; 14).

В трудах историков Н.Ф. Дубровина, А.И. Дмитриева-Мамонтова и других авторов XIX в. главное внимание было уделено событиям Крестьянской войны 1773–1775 гг., в них содержится значительный материал об участии заводских крестьян в этом общенародном движении, о положении русских крестьян, о башкирском населении края (5; 4, 147, 182).

В начале XX в. вышла книга Новикова В.А. «Очерки колонизации Башкирского края», в своей работе автор видит положительные стороны колонизации т.е. строительство городов, усиление производительности края, обработка земель.

В первые годы после революции в условиях господства в исторической науке так называемой «школы М.Н. Покровского» в Уфе публикуются работы П.И. Ищеринова «Очерки из истории колонизации Башкирии» (Уфа, 1933) и Ш.И. Типеева «Очерки по истории Башкирии» (Уфа, 1930). В них дана в целом негативная оценка последствия колонизации региона Россией.

В 1996 г. был опубликован фундаментальный труд академика М. К. Любавского «Обзор истории русской колонизации», написанный им в 1930-е гг. в уфимской ссылке. Изложенные в нем материалы позволяют представить процесс заселения русскими Башкирии в контексте глобальной миграции восточных славян на восток (9).

В середине 1980-х гг. вышла монография Ю. М. Тарасова, посвященная русской колонизации Южного Урала, который отождествляется автором с территорией Оренбургской губернии (22). В книге вводился в научный оборот большой статистический материал, впервые позволивший показать характер демографических процессов (преимущественно миграционных) в среде русского населения региона. С большой тщательностью исследователь воссоздал историю заселения региона, строительство на его территории населенных пунктов различных типов, выяснил численность проживавшего в них населения. Исследуя процесс взаимодействия русских с башкирским населением, автор сосредоточился лишь на показе положительного (культуртрегерского) влияния русской колонизации на жизнь башкирского населения. Какие-либо иные формы взаимодействия (в частности, влияние башкир на русских) Ю. М. Тарасов не рассматривает.

В 1990-е гг. был опубликован ряд работ, в которых в той или иной мере затрагиваются некоторые аспекты интересующие нас проблемы. В частности, в монографии Р. Г. Букановой на основе обширного корпуса источников показано расселение русских в многочисленных крепостях, основанных в тот период по всей территории Южного Урала (3). Наиболее ценным, на наш взгляд, выводом исследователя является трактовка данных укрепленных пунктов как своеобразных городов. Это позволяет использовать собранные автором упомянутой монографии ма-

териалы для разработки единой схемы развития городской культуры в Башкирии и выработки типологии поселений городского типа в регионе.

Б.А. Азнабаев в своей монографии затронул комплекс вопросов, связанных с интеграцией Башкирии в состав России на раннем этапе межэтнического взаимодействия. Извлеченные из архивов и литературы сведения позволяют оценить специфику размещения русских на исследуемой территории до начала массового заселения региона восточными славянами, политику правительства по созданию необходимых предпосылок для крупных изменений этнического состава Южного Урала в XVII–XVIII вв. (1).

В работе Н. В. Бикбулатова затронуты некоторые проблемы русско-башкирского культурного взаимодействия (2). Автор пишет о тенденции роста национально-русских смешанных браков. Н. В. Бикбулатов обратил внимание на еще одну, пока малоизученную сторону этнических процессов в республике – влиянии народов Башкортостана на русское население. Он пришел к выводу, что оно в принципе идет по тем же направлениям, как и русско-национальное, но отличается меньшими масштабами. В первую очередь «русские перенимают, прежде всего, те элементы культуры, общественные традиции, которые, претерпев определенную трансформацию и утратив в значительной степени национальную специфику, обрели характер региональных, межнациональных явлений» – праздники сабантуя и джиен, традиционные блюда башкирской и татарской кухни баурсак, чак-чак, кулама, бишбармак, кумыс, курут, катык и др. Делая выводы, Н.В. Бикбулатов отметил в этническом развитии русских Башкортостана две тенденции: объективную, выражающуюся в ведущей роли русского народа в стране и высокой степени национальной консолидации русских, и субъективную, восходящую к периоду культа личности и застоя, выражающуюся в элементах великодержавности (отсюда низкий процент русских, владеющих языками взаимодействующих народов и т.д.).

В последнее время опубликована монография М.В. Мурзабулатова, посвященная демографическому анализу семьи в Башкортостане (12), подведшая итог его многолетним исследованиям в этой области, где материал ограничен лишь самыми общими показателями, затрагивающими преимущественно расселение русских на территории республики (13).

В XX в. этнологические исследования в Башкортостане в основном сосредотачивались вокруг изучения башкирского населения республики. Крупным событием в научной жизни Урало-Поволжского региона стал выход фундаментальной монографии Р. Г. Кузеева по этнической истории населения этой территории (6). В этой работе автор проанализировал большой материал по демографии, взаимодействию русских с другими народами, показал основные этапы этнической истории русских на рассматриваемой территории, предложил схему локальных подразделений русской этнической группы.

Одна из первых обобщающих работ, посвященных этнокультурной характеристике русских в Башкортостане, появилась в постсоветское время (18). Это статья В.В. Пименова и А. Й. Элез, которые впервые попытались дать определение понятию «русские в Башкирии», поставили вопрос о формировании локального самосознания русского населения региона, авторами было установлено, что на протяжении длительного времени основные демографические показатели русских Башкирии сохраняют определенную стабильность.

Наконец, в подготовленной этнологами республики под руководством Р. Г. Кузеева коллективной монографии «Народы Башкортостана» (2002) фактически впер-

вые со времени выхода книги В.М. Черемшанского было дано описание традиционной культуры русского населения региона. Ценность этой работы, написанной этносоциологом С.А. Ковязиным и ведущим исследователем башкирской этнографии С.Н. Шитовой, состоит во введении в научный оборот крайне недостаточно изученного материала, который во многом уже утрачен для исследователей. Авторы кратко затрагивают проблему русско-башкирского взаимодействия в сфере традиционной культуры, признавая, что эта тема еще малоизученна.

Крупным вкладом в отечественную историографию стала публикация многотомного сборника документов «Национально-государственное устройство Башкортостана», подготовленного Б.Х. Юлдашбаевым. В нем содержится огромное количество сведений о непростых, а порой и остроконфликтных формах взаимоотношений русского и башкирского населения в период революции и гражданской войны. Осмысление этих материалов с точки зрения истории, этнополитологии и этнологии еще предстоит.

В последние годы взаимодействие русского населения с башкирами исследовал И.В. Кучумов (часть его работ опубликована в соавторстве с Л.Ф. Сахибгареевой). Им предложена типология и периодизация этого процесса, показана его сложность и неоднозначность, намечен отход от принятой в историографии однолинейной трактовки (7; 8; 9).

Отдельные проблемы истории русского населения региона преимущественно в аспекте истории башкиро-русских отношений затрагивались и в зарубежной историографии. Определенную ценность для понимания истории и этнополитических процессов на исследуемой территории, роли в них русского населения имеют работы норвежского исследователя И. Нойманна, его американского коллеги Ч. Стейнведела, французского историка К. Ле Торривеллека (15; 21; 10;). Есть работы, которые показывают исторические и этнополитологические аспекты региона. Укажем на книги французского историка Р. Портала, публикации «уральских» фрагментов книги русского эмигранта Б.Э. Нольде и ряд др. (19; 16).

В целом, как уже говорилось выше, проблема малоизучена. Требуется проведение специальных этнологических, социологических исследований, преодоление господствующих в науке представлений о всегдашней «мирности» и положительности такого рода взаимодействия, глубокое изучение механизмов взаимоотношений двух этносов на протяжении длительного времени в сравнении с аналогичными ситуациями на других территориях.

Список литературы

1. Азнабаев Б. А. Интеграция Башкирии в административную структуру Российского государства (вторая половина XVI – первая треть XVIII вв.). Уфа, 2005.
2. Бикбулатов Н. В. Новая этнодемографическая ситуация в Башкортостане // Открытая книга Башкортостана. Уфа, 1995.
3. Буканова Р.Г. Города крепости юго-востока России в XVIII веке. История становления городов на территории Башкирии. Уфа, 1997.
4. Дмитриев-Мамонов А.И. Пугачевский бунт в Сибири. Исторический очерк по официальным документам. СПб., 1907.
5. Дубровин Н.Ф. Пугачев и его сообщники. СПб., 1884. Т. I; Т. II.; Т. III.
6. Кузеев Р. Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: этногенетический взгляд на историю. М., 1992.
7. Кучумов И. В., Сахибгареева Л. Ф. Взаимоотношения русских и башкир в оценках зарубежной историографии // Историческая демография русских Башкортостана: доклады научно-практической конференции 28–29 ноября 2002 г. Уфа, 2002.
8. Кучумов И. В. Русское население в системе межэтнического взаимодействия в Башкортостане (к постановке вопроса) // Современные этнополитические и этносоциальные процессы в России: модель Республики Башкортостан: материалы межрегиональной научно-практической конференции: Уфа, 3 декабря 2004 г. Уфа, 2004.
9. Кучумов И. В., Сахибгареева Л. Ф. Финал русской дореволюционной историографии истории Башкортостана: М. К. Любавский и Б. Э. Нольде // Археография Южного Урала: материалы IV Межрегиональной научно-практической конференции 16 сентября 2004 г. Уфа, 2004.
10. Ле Торривеллек К. Пространство, время и идентичности Башкортостана // Башкортостан в политическом пространстве России: зарубежная политология о тенденциях современного развития республики. Уфа, 2004.
11. Лепехин И.И. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российской империи. Ч. II. СПб., 1802.
12. Мурзабулатов М. В. Семья и брак в Башкортостане. Уфа, 1999.
13. Мурзабулатов М. В. Этнодемографические процессы у русских Башкортостана // Этности и культуры на стыке Азии и Европы: сборник статей к 50-летию научной деятельности члена-корреспондента РАН Р.Г.Кузеева. Уфа, 2000.
14. Никольский Д. П. Башкиры. СПб., 1899.
15. Нойманн И. Использование «Другого»: образы Востока в формировании европейских идентичностей / Пер. с англ. М., 2003. С. 239-266.
16. Нольде Б. Э. Усмирение Башкирии // Ватандаш. 2000. № 2; Порталь Р. Урал в XVIII веке: очерки социально-экономической истории. Уфа, 2004.
17. Паллас П.С. Путешествия по разным провинциям Российской империи. Кн. I, ч. 2. СПб 1786.,
18. Пименов В. В., Элез А. И. Русские в Башкортостане (Башкирии): аналитический обзор // Российский этнограф. 1993. № 2.
19. Порталь Р. Исследования по истории, историографии и источниковедению регионов России. Уфа, 2005.
20. Рычков П.И. Топография Оренбургская. Ч. 2. СПб. 1762.
21. Стейнведел Ч. Племя, сословие или национальность? Изменения в характере башкирской обособленности в контексте российской империи // Новая имперская история постсоветского пространства. Казань, 2004.
22. Тарасов Ю. М. Русская крестьянская колонизация Южного Урала: вторая половина XVIII – первая половина XIX в. М., 1984.
23. Татищев В.И. Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской // Избранные произведения. М., 1979.
24. Черемшанский В.М. Описание Оренбургской губернии. Уфа, 1859.
25. Щербальский П.К. Начало и характер пугачевщины // Русский вестник. М., 1865. Т.1.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. **Алексеева Любовь Васильевна** – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Нижневартовского государственного гуманитарного университета, г. Нижневартовск
2. **Андреева Наталья Викторовна** - аспирант кафедры новейшей истории России Оренбургского государственного педагогического университета, г. Оренбург
3. **Андреева Юлия Александровна** - преподаватель кафедры философии и истории Курганской государственной сельскохозяйственной академии им. Т.С.Мальцева, г. Курган
4. **Ахатов Альберт Тагирович** – младший научный сотрудник Института этнологических исследований Уфимского научного центра РАН (ИЭИ УНЦ РАН), г. Уфа
5. **Бабушкина Ольга Юрьевна** - кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарного образования ИПКиПРО Курганской области, г. Курган
6. **Баженова Кристина Евгеньевна** - аспирант Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии, г. Нижний Тагил
7. **Беспокойный Александр Викторович** – соискатель кафедры археологии, этнологии и вспомогательных исторических дисциплин Уральского государственного университета им. А.М. Горького, научный сотрудник отдела экспозиционно-выставочных проектов муниципального учреждения «Шадринский краеведческий музей им. В.П. Бирюкова», г. Шадринск
8. **Бондаренко Федор Викторович** - соискатель Института истории и археологии УРО РАН, заместитель директора Екатеринбургского колледжа транспортного строительства, г. Екатеринбург
9. **Валитов Александр Александрович** – кандидат исторических наук, доцент кафедры права и МПО Тобольского государственного педагогического института им. Д.И. Менделеева, научный сотрудник лаборатории истории освоения Сибири, и.о. заместителя по науке Тобольской научной комплексной станции РАН, г. Тобольск
10. **Вторушин Михаил Иванович** - кандидат исторических наук, преподаватель Омского танкового инженерного института, г. Омск
11. **Гагарин Алексей Александрович** - аспирант Института истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург
12. **Галлямова Земфира Виленовна** - кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, экономики и права Елабужского государственного педагогического университета, г. Елабуга
13. **Гапсаламов Алмаз Рафисович** - Кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой истории, экономики и права Елабужского государственного педагогического университета, заведующий кафедрой, доцент, г. Елабуга
14. **Гусева Светлана Валерьевна** – ассистент кафедры отечественной и всемирной истории Шадринского государственного педагогического института, г. Шадринск
15. **Данилов Петр Григорьевич** – научный сотрудник Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника, г. Тобольск
16. **Дианов Сергей Александрович** – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры новой и новейшей истории России Пермского государственного педагогического университета, г. Пермь
17. **Дианова Елена Васильевна** - кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Петро-заводского государственного университета, г. Петро-заводск
18. **Догадова Олеся Алексеевна** - аспирант Нижневартовского государственного гуманитарного университета, г. Нижневартовск
19. **Долгова Анжела Валерьевна** - ассистент, соискатель кафедры общей отечественной истории Пермского государственного университета, г. Пермь
20. **Друщенко Аида Миргазияновна** – аспирант кафедры истории России Нижневартовского государственного гуманитарного университета, г. Нижневартовск
21. **Емельянова Елена Николаевна** – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории и экономической теории Коломенского государственного педагогического института, г. Коломна
22. **Закожурникова Юлия Владимировна** – научный сотрудник Шадринского краеведческого музея им. В.П. Бирюкова, г. Шадринск
23. **Зыкин Иван Валерьевич** – сотрудник областного государственного учреждения культуры «Верхотурский государственный историко-архитектурный музей-заповедник» (ОГУК «ВГИАМЗ»), г. Верхотурье
24. **Зяблицева Светлана Владимировна** – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и педагогики Кемеровского государственного сельскохозяйственного института, г. Кемерово
25. **Иванова Светлана Анатольевна** – аспирант кафедры отечественной истории и документоведения Курганского государственного университета, г. Курган
26. **Игнатьева Галина Кирилловна** - кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии Курганского государственного университета, г. Курган
27. **Ильина Лариса Васильевна** – учитель МОУ «Гимназия № 31», г. Курган
28. **Исаев Виктор Викторович** – кандидат исторических наук, доцент Алтайского государственного технического университета, г. Барнаул
29. **Кадиков Эльдар Рашитович** - кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры дореволюционной отечественной истории и документоведения Омского государственного университета, г. Омск
30. **Казакова Анастасия Сергеевна** – студентка Курганского государственного университета, г. Курган
31. **Казанцева Юлия Владиславовна** - преподаватель Каменск-Уральского филиала Института международных связей, г. Каменск-Уральский
32. **Карпук Сергей Васильевич** – соискатель Курганского государственного университета, г. Курган
33. **Кислицын Василий Александрович** – кандидат исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории и документоведения Курганского государственного университета, г. Курган
34. **Кобяков Олег Николаевич** – соискатель Курганского государственного университета, г. Курган
35. **Козельчук Татьяна Валентиновна** – кандидат исторических наук, доцент кафедры ИМТИ Курганского государственного университета
36. **Колесников Николай Александрович** - старший преподаватель кафедры всеобщей истории Курганского государственного университета
37. **Комогорова Людмила Александровна** – аспирант Курганского государственного университета
38. **Коновалов Сергей Сергеевич** – кандидат исторических наук, доцент кафедры ИМТИ Курганского государственного университета, г. Курган
39. **Копылов Виктор Петрович** – соискатель Курганского государственного университета, г. Курган

40. **Коурова Ирина Геннадьевна** – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории и документоведения Курганского государственного университета
41. **Кошкарров Денис Александрович** – кандидат исторических наук, заведующий информационно-аналитическим сектором информационно-аналитического отдела Курганской областной думы, г. Курган
42. **Кректун Анастасия Николаевна** – преподаватель Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии, г. Нижний Тагил
43. **Криницкая Галина Степановна** - доктор исторических наук, профессор кафедры теории журналистики Томского государственного университета, г. Томск
44. **Кряжев Юрий Николаевич** – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и документоведения Курганского государственного университета, г. Курган
45. **Кузнецова Ольга Вячеславовна** – старший преподаватель кафедры философии, культурологии и политологии Оренбургской государственной медицинской академии, г. Оренбург
46. **Кулинич Александр Иванович** – аспирант кафедры отечественной истории и документоведения Курганского государственного университета, г. Курган
47. **Лапина Елена Александровна** – Курганский государственный университет, г. Курган
48. **Лебедев Виктор Эдуардович** – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Уральского государственного технического университета – УПИ имени первого Президента России Б.Н.Ельцина, г. Екатеринбург
49. **Лебеденко Елена Юрьевна** – преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин Гуманитарного университета, г. Екатеринбург
50. **Лесевцкий Алексей Владимирович** – аспирант кафедры истории философии и методологии познания Пермского государственного педагогического университета, г. Пермь
51. **Лидер Наталья Владимировна** – старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Омского танкового инженерного института, г. Омск
52. **Лушников Нелли Анатольевна** – аспирант кафедры отечественной истории и документоведения Курганского государственного университета, преподаватель кафедры философии и истории Курганской государственной сельскохозяйственной академии им. Т.С. Мальцева, г. Курган
53. **Мамяченков Владимир Николаевич** – кандидат исторических наук, доцент Института управления и предпринимательства УрГУ им. А.М.Горького, г. Екатеринбург
54. **Масалимов Ряз Ниязович** - кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории БирГ-СПА, г. Бирск
55. **Маслюженко Денис Николаевич** – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой культурологии Курганского государственного университета
56. **Менщиков Владимир Владимирович** – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Курганского государственного университета, г. Курган
57. **Меншиков Игорь Самуилович** – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой ИМТИ КГУ
58. **Мироненко Анастасия Петровна** – лаборант кабинета археологии, аспирант Стерлитамакской государственной педагогической академии им. Зайнаб Бишевой, г. Стерлитамак
59. **Михайлов Андрей Александрович** - начальник отдела использования и публикации документов ГУ «Государственный архив Курганской области», г. Курган
60. **Михалев Николай Анатольевич** - кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора экономической истории Института истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург
61. **Могутнов Андрей Владимирович** – аспирант кафедры истории Челябинского государственного агроинженерного университета
62. **Мотревич Владимир Павлович** - доктор исторических наук, профессор Уральской государственной юридической академии, г. Екатеринбург
63. **Насырова Лилия Габделвалиевна** - старший преподаватель кафедры Отечественной и всеобщей истории Елабужского государственного педагогического университета, г. Елабуга
64. **Новикова Наталья Александровна** - кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры истории государства и права Уральской государственной юридической академии, г. Екатеринбург
65. **Носков Андрей Александрович** – аспирант Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы, Институт истории и правового образования БГПУ, преподаватель лицея № 83 при УГНТУ г. Уфы, директор музея им. Героя СССР М.С. Пинского, научный секретарь лаборатории по изучению истории и культуры казачества России и зарубежья, г. Уфа
66. **Осин Андрей Николаевич** - соискатель Курганского государственного университета, г. Курган
67. **Пажит Юлия Юрьевна** – кандидат исторических наук, Уральский государственный горный университет, г. Екатеринбург
68. **Плюйко Дмитрий Владимирович** – преподаватель Сибирского государственного университета физической культуры и спорта, г. Омск
69. **Попп Иван Александрович** – аспирант кафедры истории России Уральского государственного педагогического университета, г. Екатеринбург
70. **Потанин Федор Викторович** – аспирант Курганского государственного университета
71. **Пундани Валерий Владимирович** – доктор исторических наук, профессор Курганского государственного университета, действительный член Академии военных наук, почетный работник высшего профессионального образования, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации
72. **Пьянков Степан Александрович** – аспирант Уральского государственного педагогического университета, г. Екатеринбург
73. **Рыжкова Ольга Васильевна** – кандидат исторических наук, доцент, заместитель по научно-методической работе директора социально-гуманитарного института Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии, г. Нижний Тагил
74. **Рябинина Елена Алексеевна** – ассистент кафедры культурологии Курганского государственного университета
75. **Савельев Вадим Геннадьевич** – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории и документоведения Курганского государственного университета, г. Курган
76. **Свинкин Алексей Алексеевич** - преподаватель Куртамышского педагогического училища, г. Куртамыш
77. **Скульмовский Денис Олегович** - аспирант кафедры истории России Нижневартковского государственного гуманитарного университета, г. Нижневартовск

78. **Смирнов Дмитрий Иванович** - кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и всемирной истории «Шадринского государственного педагогического института», г. Шадринск
79. **Смирнов Сергей Сергеевич** – доктор исторических наук, профессор Южно-Уральского государственного университета, г. Челябинск
80. **Смирных Алена Львовна** – младший научный сотрудник Шадринского краеведческого музея им. В.П. Бирюкова, г. Шадринск
81. **Солдатов Вячеслав Николаевич** - аспирант кафедры истории России института социологии и права Российского государственного профессионально-педагогического университета, г. Екатеринбург
82. **Солодкин Янкель Гутманович** - доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Нижневартковского государственного гуманитарного университета, г. Нижневартовск
83. **Сорогин Евгений Игоревич** – ассистент кафедры отечественной истории и документоведения Курганского государственного университета
84. **Стародубцев Максим Валентинович** – ассистент кафедры всеобщей истории Стерлитамакской государственной педагогической академии им. Зайнаб Бишевой, аспирант, г. Стерлитамак
85. **Стэльмах Маргарита Константиновна** – аспирант Института истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург
86. **Суслова Елена Николаевна** – аспирант Курганского государственного университета
87. **Сушко Алексей Владимирович** - кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Омского государственного технического университета, г. Омск
88. **Сыченкова Анна Владимировна** - кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и связей с общественностью Казанского государственного технического университета (КГТУ) им. А.Н. Туполева, г. Казань
89. **Табуркина Ирина Викторовна** - кандидат исторических наук, доцент кафедры управления и права социально-гуманитарного института Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии, г. Нижний Тагил
90. **Тайболина Марина Николаевна** - старший преподаватель кафедры ИМТИ Курганского государственного университета, г. Курган
91. **Тетерин Алексей Дмитриевич** - старший преподаватель Пермского института железнодорожного транспорта, г. Пермь
92. **Толстых Николай Юрьевич** – библиограф Варгашинской центральной библиотеки, р.п. Варгаши
93. **Устинов Андрей Леонидович** - соискатель кафедры истории России Уральского государственного университета им. А. М. Горького, г. Екатеринбург
94. **Федоров Виктор Александрович** – краевед, г. Курган
95. **Федоров Сергей Георгиевич** - старший преподаватель кафедры всеобщей истории Курганского государственного университета
96. **Федченко Михаил Николаевич** – доктор исторических наук, профессор кафедры ИМТИ Курганского государственного университета
97. **Филимончик Светлана Николаевна** – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Петрозаводского государственного университета, г. Петрозаводск
98. **Филиппова Ольга Сергеевна** – старший преподаватель кафедры управления и права Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии, г. Нижний Тагил
99. **Фоминых Ольга Борисовна** – старший преподаватель кафедры культурологии Курганского государственного университета
100. **Хайруллина Румия Миннигалимовна** – Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург
101. **Хасанова Зифа Фаритовна** – младший научный сотрудник Института этнологических исследований УНЦ РАН, г. Уфа
102. **Хлызов Михаил Иванович** – краевед, член Зауральского генеалогического общества им. П.А. Свищева, г. Курган
103. **Щагин Алексей Владимирович** - аспирант Института истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург
104. **Черная Оксана Валентиновна** – соискатель кафедры отечественной истории и документоведения Курганского государственного университета
105. **Шевельков Анатолий Иванович** – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной истории и экономической теории Коломенского государственного педагогического института, г. Коломна

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Пундани В.В. (г. Курган) ПРЕПОДАВАТЕЛИ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА КГУ НА НИВЕ КЛИО	4
Менщиков В.В. (г. Курган) НАЧАЛО РУССКОГО ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОГО ОСВОЕНИЯ ЗАУРАЛЬЯ	7
Кислицын В.А. (г. Курган) ПРИЧИНЫ СОВРЕМЕННОГО ФИНАНСОВОГО И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА: ПОПЫТКА СИСТЕМНОГО АНАЛИЗА	10

СЕКЦИЯ I. АГРАРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ИСТОРИИ РОССИИ

Андреева Н.В. (г. Оренбург) ВЛИЯНИЕ КРЕСТЬЯН-ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ В XVIII – XIX ВЕКАХ.	12
Дианова Е.В. (г. Петрозаводск) АГРАРНЫЙ ВОПРОС, КООПЕРАТИВЫ И КОММУНЫ В ТРУДАХ В.И. ЛЕНИНА И «СТАРЫХ» КООПЕРАТОРОВ.	13
Исаев В.В. (г. Барнаул) СОСТОЯНИЕ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ НА БИЙСКОЙ КАЗАЧЬЕЙ ЛИНИИ ПО МАТЕРИАЛАМ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПЕРЕПИСИ 1917 Г.	15
Копылов В.П. (г. Курган) МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ БАЗА И НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ КАДРЫ КУРГАНСКОГО СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ИНСТИТУТА (1951-1953 гг.)	17
Коурова И.Г. (г. Курган) ЦЕЛИНА: ГОД ПЕРВЫЙ	18
Лушникова Н.А. (г. Курган) ШЕФСКАЯ ПОМОЩЬ СЕЛУ ПРОМЫШЛЕННЫМИ ПРЕДПРИЯТИЯМИ, СТРОИТЕЛЬНЫМИ И ТРАНСПОРТНЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ В 1966-1975 ГГ.	20
Мамяченко В.Н. (г. Екатеринбург) СОСТОЯНИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ В НАЧАЛЕ 1950-Х ГОДОВ.	22
Мотревич В.П. (г. Екатеринбург) К ВОПРОСУ О РЕЗУЛЬТАТАХ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА НА УРАЛЕ В 1950-Е ГГ.	24
Пьянков С. А. (г. Екатеринбург) РАЗВИТИЕ ПЧЕЛОВОДСТВА В ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА.	27
Савельев В.Г. (г. Курган) ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КРЕСТЬЯНСКИХ ХОЗЯЙСТВ КУРГАНСКОГО ОКРУГА В 1924 – 1927 ГГ.	29
Стэльмах М. К. (г. Екатеринбург) СПЕЦИФИКА ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВВ. (НА ПРИМЕРЕ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ)	30
Тайболина М.Н. (г. Курган) ЗАУРАЛЬСКИЕ КРЕСТЬЯНЕ-ЛИШЕНЦЫ 1920-Х ГГ.: СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС И ЕГО ВОСПРИЯТИЕ	31
Федоров С. Г. (г. Курган) ВЕЛИКИЕ РЕФОРМЫ 60-Х ГОДОВ XIX ВЕКА И ЮЖНОЗАУРАЛЬСКАЯ ОБЩИНА	33
Федченко М.Н. (г. Курган) ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ ПРОБЛЕМА В СССР В ГОДЫ «ПЕРЕСТРОЙКИ» (1985 – 1991).	34
Хайруллина Р. М. (г. Оренбург) СТРОИТЕЛЬСТВО КУЛЬТУРНО-БЫТОВЫХ ОБЪЕКТОВ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ НА ТЕРРИТОРИИ ОРЕНБУРГСКОЙ (ЧКАЛОВСКОЙ) ОБЛАСТИ В 1853-1964 гг.	37
Черная О.В. (г. Курган) К ВОПРОСУ ОБ ИЕРАРХИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ КРЕСТЬЯНСКИХ ДОМОХОЗЯЙСТВ В ЮЖНОМ ЗАУРАЛЬЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.	39
Шевельков А.И. (г. Коломна) СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО РСФСР В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ «НОВОЙ АГРАРНОЙ ПОЛИТИКИ» ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА.	40

СЕКЦИЯ 2. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ РОССИИ В XX ВЕКЕ

Андреева Ю.А. (г. Курган) НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ РОССИИ.	42
Гагарин А. А. (г. Екатеринбург) НЕСБЫВШИЕСЯ ОЖИДАНИЯ: ВЕРБОВКА В ПАРТИЮ СРЕДИ РАБОЧИХ ВЕРХ-ИСЕТСКОГО ЗАВОДА В 1920-1930-Е ГГ.	43
Дианов С.А. (Пермь) ЦЕНЗОРЫ УРАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ И БОЛЬШЕВИСТСКАЯ БДИТЕЛЬНОСТЬ: ПРОБЛЕМА ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ЦЕНЗУРЫ В ПРОВИНЦИИ.	44
Кадиков Э.Р. (г. Омск) Т.И. БЕЗВЕРХОВА – ЧЛЕН ОМСКОГО КОМИТЕТА ПАРТИИ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ.	47

Карпук С.В. (г. Курган) В.В. ЖЕЛЯБУЖСКИЙ	49
Кошкарров Д.А. (г. Курган) К.М.ПЕТРОВ – ПОЛИТИК, ДЕПУТАТ, РЕВОЛЮЦИОНЕР.	51
Масалимов Р.Н. (г. Бирск) НАЦИОНАЛЬНЫЕ СОЮЗЫ МОЛОДЕЖИ В РОССИИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА.	52
Сыченкова А.В. (г. Казань) ЗАРУБЕЖНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ПАРТИИ ЛЕВЫХ ЭСЕРОВ.	55
Толстых Н. Ю. (п. Варгаши) КУРГАНСКОЕ РЕВОЛЮЦИОННОЕ ПОДПОЛЬЕ В 1907 – 1908 ГОДАХ (К ВОПРОСУ О ЛЕВОМ БЛОКЕ).	57

СЕКЦИЯ 3. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ИСТОРИИ РОССИИ

Ахатов А.Т. (г. Уфа) ИСЛАМ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ ОБРАЗОВАНИЯ СРЕДИ ТЮРКОЯЗЫЧНОГО НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ В ТРЕТЬЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX В. (НА ПРИМЕРЕ СОВРЕМЕННОЙ ТЕРРИТОРИИ КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ).	59
Бабушкина О.Ю. (г. Курган) СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ ПРАВОСЛАВНОГО ПРИХОДСКОГО ДУХОВЕНСТВА В XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.	61
Баженова К.Е. (г. Нижний Тагил) ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОХАНСКОГО УЕЗДНОГО КОМИТЕТА ВСЕРОССИЙСКОГО ЗЕМСКОГО СОЮЗА ПОМОЩИ БОЛЬНЫМ И РАНЕНЫМ ВОИНАМ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.	62
Бондаренко Ф.В. (г. Екатеринбург) ЯРМАРКА – КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН В ОБЩЕСТВЕННОМ БЫТУ ГОРОЖАН ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ (КОНЕЦ ХУШ – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX В.).	64
Галлямова З.В. (г. Елабуга) К ВОПРОСУ РЕАЛИЗАЦИИ ОСНОВНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ ГОРОДСКИХ РЕФОРМ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ Г. ВЯТКИ).	66
Данилов П. Г. (г. Тобольск) АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ УСАДЬБЫ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII В. В ТОБОЛЬСКЕ.	
Закожурникова Ю.В. (г. Шадринск) НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ БЛАГОУСТРОЙСТВА Г. ШАДРИНСКА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.	69
Кобяков О.Н. (г. Курган) РОССИЙСКО-ДАТСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В СФЕРЕ МАСЛОДЕЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ В КОНЦЕ XIX-НАЧАЛЕ XX ВВ.	71
Кряжев Ю.Н. (г. Курган) ОБОРОННАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ИНОСТРАННЫЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ В РОССИИ. 1861–1917 ГГ.	73
Кулинич А.И. (г. Курган) КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ЗАУРАЛЬСКОГО ГОРОДА: АРХИТЕКТУРНЫЙ ОБЛИК Г. КУРГАНА XIX – НАЧАЛА XX В.	74
Лапина Е.А. (г. Курган) АЛЕКСАНДРОВСКАЯ ЖЕНСКАЯ ГИМНАЗИЯ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)	76
Лебеденко Е.Ю. (г. Екатеринбург) К ВОПРОСУ О ЧИСЛЕННОСТИ МЕЩАНСТВА ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.	78
Менщиков И.С. (г. Курган) КАЛЕНДАРНЫЕ ПРАЗДНИКИ И ОРГАНИЗАЦИЯ ВРЕМЕНИ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ.	80
Мироненко А.П. (г. Стерлитамак) РЕКОНСТРУКЦИЯ КОСТЮМА РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ЮЖНОГО УРАЛА.	81
Михалев Н.А. (г. Екатеринбург) ОРГАНИЗАЦИЯ ПЕРВОЙ ВСЕОБЩЕЙ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ 1897 Г. НА ЯМАЛЕ.	83
Насырова Л.Г. (г. Елабуга) ВКЛАД КАЗАНСКОГО КУПЕЧЕСТВА В РАЗВИТИЕ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ НА РУБЕЖЕ XIX – XX ВЕКОВ.	85
Новикова Н. А. (г. Екатеринбург) ОБЫЧАЙ КАК ИСТОЧНИК РОССИЙСКОГО ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XVIII -ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.	87
Осин А.Н. (г. Курган) ИССЛЕДОВАНИЯ МЕЖДУРЕЧЬЯ РЕК ИСЕТЬ, ТЕЧА НА ПРЕДМЕТ СУЩЕСТВОВАНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МИКРОРАЙОНА	88
Свинкин А. А. (г. Куртамыш) ЗНАЧЕНИЕ НАЗВАНИЙ ПОСЕЛЕНИЙ ЦАРЕВО ГОРОДИЩЕ И КУРГАН	89
Скульмовский Д.О. (г. Нижневартовск) К ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ТУРИНСКОГО ГАРНИЗОНА	91
Смирнов Д. И. (г. Шадринск) К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ СИБИРСКОГО СУБЭТНОСА	91
Смирных А.Л. (г. Шадринск) ОБРАЗОВАНИЕ В ШАДРИНСКЕ	93
Солодкин Я.Г. (г. Нижневартовск) ИЗ ПРЕДЫСТОРИИ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ	95

Сорогин Е.И. (Курган) ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ И РУССКИХ ЗЕМЕЛЬ В ПЕРИОД 60-70-Х ГГ. XIV ВЕКА.	97
Стародубцев М. В. (г. Стерлитамак) КОСКОЕ СНАРЯЖЕНИЕ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ЮЖНОГО УРАЛА ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЯ МОГИЛЬНИКА ПЕРЕВОЛОЧАН В 2007 Г.	99
Тетерин А. Д. (г. Пермь) К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИИ МИССИОНЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В КИТАЕ В 1850 – 1860 ГГ.	101
Хлызов М.И. (Курган) ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ ПОРУЧИКА ПОСПЕЛОВА.	103

СЕКЦИЯ 4. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ РОССИИ XX ВЕКА

Вторушин М.И. (г. Омск) КАЗАЧИЙ ВОПРОС В СИБИРИ В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ.	104
Гапсаламов А. Р. (г. Елабуга) ФОРМИРОВАНИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ПРОМЫШЛЕННЫХ КОМПЛЕКСОВ – СТРАТЕГИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СССР ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА.	106
Гусева С.В. (г. Шадринск) НЕКОТОРЫЕ ЖИЛИЩНО-БЫТОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ МОЛОДЫХ РАБОЧИХ ЮЖНОГО УРАЛА В 1950-1960-Х ГОДАХ.	108
Долгова А.В. (г. Пермь) ПРЕДУПРЕДИТЕЛЬНЫЕ И КАРАТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ В БОРЬБЕ С ДЕЗЕРТИРСТВОМ В КРАСНОЙ АРМИИ В 1919-1920-Е ГГ.	109
Емельянова Е.Н. (г. Коломна) СОЦИНТЕРН И КОМИНТЕРН. К ИСТОРИИ СОТРУДНИЧЕСТВА.	110
Зыкин И.В. (г. Верхотурье) БЫТОВЫЕ И КАДРОВЫЕ АСПЕКТЫ СИСТЕМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ВЕРХОТУРСКОГО И ЛОБВИНСКОГО ЛЕСОЗАВОДОВ И ПОДВЕДОМСТВЕННЫХ ИМ СПЕЦПОСЕЛЕНИЙ В 1930-Х ГГ.	112
Зяблицева С.В. (г. Кемерово) ЗДРАВООХРАНЕНИЕ КУЗБАССА В 1946-1958 ГГ.	114
Иванова С.А. (г. Курган) КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ С. ЛОПАТКИ ЛЕБЯЖЬЕВСКОГО РАЙОНА.	115
Игнатьева Г.К. (г. Курган) ЦЕННОСТИ И ИХ РОЛЬ В ЖИЗНИ ПОСТСОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА.	116
Ильина Л.В. (г. Курган) КРАЕВЕДЕНИЕ В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ. ПРОБЛЕМЫ. ПОИСКИ РЕШЕНИЙ (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ).	117
Казакова А.С. (г. Курган) ЭКОНОМИКА РОССИИ В 90-Е ГОДЫ XX ВЕКА.	119
Казанцева Ю.В. (г. Каменск-Уральский) ГОРОДСКАЯ БИБЛИОТЕКА И ЧИТАТЕЛЬ НА УРАЛЕ В ГОДЫ НЭПА.	121
Комогорова Л.А. (г. Курган) ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РАБОТНИКОВ И РАБОТОДАТЕЛЕЙ В ПЕРИОД НЭПА (НА ПРИМЕРЕ ЗАУРАЛЬЯ)	123
Кректун А.Н. (г. Нижний Тагил) ПРОБЛЕМА БЕСПРИЗОРНОСТИ КАК СОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ В 20-40-е ГГ. (НА ПРИМЕРЕ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ).	125
Кузнецова О.В. (г. Оренбург) РОЛЬ ДОСУГА В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ЦЕЛИННИКОВ (1954-1965 ГГ.).	127
Лебедев В.Э. (г. Екатеринбург) ФЕНОМЕН РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ XX ВЕКА.	129
Лидер Н. В. (г. Омск) ПОВЫШЕНИЕ УРОВНЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ПО ВОПРОСАМ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ КУРСАНТОВ В ВОЕННО-УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (1967-1985 гг.)	131
Михайлов А.А. (г. Курган) КУРГАНСКАЯ ЕПАРХИЯ 1922-1935 ГГ. (ЦЕРКОВНЫЙ ОБНОВЛЕНЧЕСКИЙ РАСКОЛ В ЗАУРАЛЬЕ)	133
Пажит Ю.Ю. (г. Екатеринбург) ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ СИСТЕМА В 1941-1945 ГГ. К ВОПРОСУ О РЕЖИМЕ СОДЕРЖАНИЯ ЗАКЛЮЧЕННЫХ.	135
Потанин Ф.В. (г. Курган) РОЛЬ ПАТРИАРХА ТИХОНА В СОХРАНЕНИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА.	137
Смирнов С.С. (г. Челябинск) ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТВОРЧЕСКОЙ ГРУППЫ ПО ИССЛЕДОВАНИЮ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ ПРИ ЧГИК (1982-1993)	138
Суслова Е.Н. (г. Курган) ДОБРОВОЛЬНЫЕ НАРОДНЫЕ ДРУЖИНЫ Г.КУРГАНА (1959 – 1960 ГГ.)	140
Сушко А. В. (г. Омск) К ВОПРОСУ О СОЗДАНИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЯКУТСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО КОМИТЕТА.	142
Табуркина И.В. (г. Н.Тагил) «УПРАВЛЕНИЕ АКТИВНОСТЬЮ»: ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ И МОТИВАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ РЕКРУТИРОВАНИЯ В ПОЛИТИКУ ГОРОДСКОГО НАСЛЕНИЯ УРАЛА НА РУБЕЖЕ 1920-1930-Х ГГ.	143

Филимончик С.Н. (г. Петрозаводск) НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В КАРЕЛИИ В 1920-1930-е ГОДЫ	145
Фоминых О.Б. (г. Курган) ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОБРАЗ В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ (с использованием работ зауральских художников)	147
Чащин А. В. (г. Екатеринбург) СМЕРТНОСТЬ И ЕЕ ПРИЧИНЫ В СВЕРДЛОВСКЕ В 1927-1939 ГГ.	148

СЕКЦИЯ 5. ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Алексеева Л.В. (г. Нижневартовск) МОБИЛИЗАЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА ЮГРЫ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: КРАТКИЙ ОБЗОР ДОКУМЕНТОВ ФОНДА ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО ОКРИСПОЛКОМА	150
Беспокойный А.В. (г. Шадринск) ЖУРНАЛ «СЕВЕРНАЯ АЗИЯ» КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ШАМАНИЗМА НАРОДОВ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА	151
Валитов А.А. (г. Тобольск) «ТОБОЛЬСКИЕ ЕПАРХИАЛЬНЫЕ ВЕДОМОСТИ» - ОФИЦИАЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ ТОБОЛЬСКОЙ ЕПАРХИИ	153
Догадова О.А. (г. Нижневартовск) А.М.КУРБСКИЙ ОБ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ РОЖДЕНИЯ ИВАНА IV.	155
Друщенко А.М. (г. Нижневартовск) С.П.МОРДВИНОВА ОБ ИСТОРИИ ЗЕМСКОГО СОБОРА 1598 Г.	156
Козельчук Т.В. (г. Курган) РЕФЛЕКСИЯ РОССИЙСКОГО ЧИНОВНИКА (ПО МЕМУАРНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА)	158
Колесников Н.А. (г. Курган) ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ РОЛИ РОССИИ В РАБОТАХ Х.Д.МАККИНДЕРА И П.Н. САВИЦКОГО	160
Коновалов С.С. (г. Курган) ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ РЕФОРМЫ 19 ФЕВРАЛЯ 1861 Г. НА УРАЛЕ В РАБОТАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИСТОРИКОВ: ОБЗОР ЛИТЕРАТУРА КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВВ.	163
Креницкая Г.С. (г. Томск) АГРАРНЫЙ ВОПРОС В ИСТОРИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ Б.Н. ЧИЧЕРИНА	165
Лесевицкий А.В. (г. Пермь) ПРОБЛЕМА ТЕОРИИ ЛИБЕРАЛИЗМА В ИСТОРИОСОФСКИХ ТРУДАХ Ф.М.ДОСТОЕВСКОГО	167
Маслюженко Д.Н., Рябнина Е.А. (г. Курган) СИТУАЦИЯ В СИБИРИ И ТЮМЕНИ В КОНЦЕ XV – НАЧАЛЕ XVI ВЕКА ПО ДАННЫМ ИНОСТРАННЫХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ	170
Могутнов А.В. (г. Челябинск) К ВОПРОСУ ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИОГРАФИИ РОЛИ ТЫЛА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ ..	171
Носков А.А. (г. Уфа) КОНЦЕПТУАЛЬНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ РАННЕЙ ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО КАЗАЧЕСТВА	172
Плюйко Д.В. (г. Омск) «КРАСНЫЙ» ТЕРРОР В СИБИРИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ: СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ	174
Попп И.А. (г. Екатеринбург) СУДЕБНО-МИРОВЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ	176
Рыжкова О.В. (г. Нижний Тагил) ГАЗЕТА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ	178
Солдатов В.Н. (г. Екатеринбург) К ВОПРОСУ О ФИЛОСОФСКИХ ОСНОВАНИЯХ ИСТОРИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ И.Я. ФРОЯНОВА В 1990-Е ГГ.	180
Устинов А. Л. (г. Екатеринбург) АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ИЗУЧЕНИИ СОЦИАЛЬНОГО АСПЕКТА ИСТОРИИ ЧАСТНОЙ МЕТАЛЛУРГИИ УРАЛА XVIII ВЕКА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ	181
Федоров В.А. (г. Курган) РУССКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР	183
Филиппова О.С. (г. Нижний Тагил) ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ XX ВЕКА: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР	186
Хасанова З.Ф. (г. Уфа) ИЗУЧЕНИЕ РУССКО-БАШКИРСКОГО МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ЮЖНОГО УРАЛА В ТРУДАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ	188
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	191
СОДЕРЖАНИЕ	194

Научное издание

ЕМЕЛЬЯНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «IV ЕМЕЛЬЯНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ» КУРГАН, 24-25 апреля 2009 г.

Редакторы: Н.А. Леготина, Н.Л. Попова, Н.М. Устюгова

Подписано в печать
Печать трафаретная
Заказ

Формат 60x90 1/8
Усл. печ. л. 24,5
Тираж

Бумага тип. №1
Уч.-изд. л.24,5
Цена свободная

Редакционно-издательский центр КГУ.
640669, г. Курган, ул. Гоголя, 25.
Курганский государственный университет.